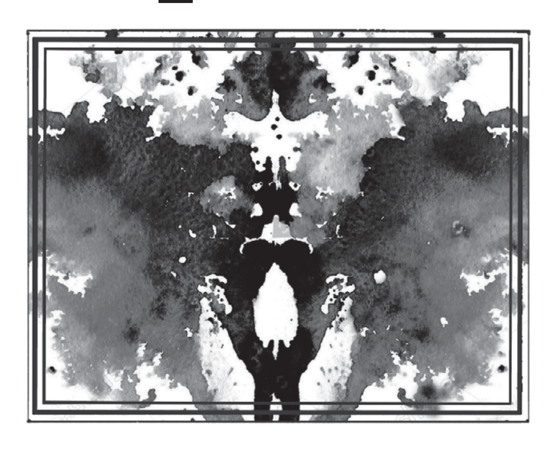
ДЭМИОН СИРЛЗ

ДЭМИОН СИРЛЗ

ТЕСТ Роршаха

Герман Роршах, его тест и сила видения

Издательство АСТ
Москва

УДК 159.99
ББК 88.3
С40

Перевод оригинального издания:

Damion Searls
THE INKBLOTS: HERMANN RORSCHACH, HIS ICONIC TEST, AND THE POWER OF SEEING

Печатается с разрешения автора и литературных агентств McCormick Literary и Prava I Prevodi International Literary Agency.

Сирлз, Дэмион.

С40 Тест Роршаха. Герман Роршах, его тест и сила видения. / Д. Сирлз; пер. с английского А. Вильготского. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 464 с. (илл.) — (Психология и психика).

ISBN 978-5-17-982527-2

В 1917 году, когда Герман Роршах работал в лечебнице в тихом швейцарском городке, он выдумал эксперимент, чтобы испытать человеческий ум: набор карточек с чернильными пятнами тщательно продуманной формы. Много лет он боролся с теориями Фрейда и Юнга, одновременно впитывая эстетические веяния эпохи — футуризм и дадаизм. Будучи наделенным даром художника, Роршах пришел к выводу, что наша суть — это в меньшей степени то, что мы говорим, как думал Фрейд, а в большей — то, что мы видим.

Увы, Роршах скоропостижно скончался, и вскоре после его смерти его тест пришел в Америку, где получил развитие и новую жизнь. Он оказался на службе у военных после Перл-Харбора, с его помощью пытались заглянуть в души подсудимых на Нюрнбергском процессе и в ходе войны во Вьетнаме. Он вошел в инструментарий рекламщиков, голливудских продюсеров и журналистов, послужил вдохновением для Энди Уорхола и даже Jay Z. Тест также проходили военнослужащие, соискатели, родители — участники судебных разбирательств, люди с душевными болезнями и те, кто хотел разобраться в себе. И его все еще используют сегодня.

Это первая и единственная биография Германа Роршаха и культурная биография его теста. Автор, Дэмион Сирлз, опирается на ранее не публиковавшиеся письма и дневники, а также до того неизвестные интервью с членами семьи, друзьями и коллегами швейцарского психиатра. Он сумел рассказать историю создания теста, противоречивую историю его возрождения — о стойкости психиатрической и культурной концепции.

Эта оригинальная и изящная по структуре книга проливает свет на самый выдающийся пример синтеза науки и искусства XX века.

УДК 159.99
ББК 88.3

Поразительно, как мало нужно душе разума, чтобы вернуть себе все, чего она ждет, мобилизовать все свои силы и стать наконец собой... Достаточно нескольких капель чернил и листа бумаги в качестве материала, позволяющего накапливать и координировать мгновения и действия.

Поль Валери, «Дега. Танец. Рисунок»

В вечности все является видением.

Уильям Блейк

ОТ АВТОРА

В тесте Роршаха используются десять — и только десять — напечатанных на картонных карточках чернильных пятен, дизайн которых был изначально разработан Германом Роршахом. Чем бы еще они ни были, эти узоры являются, вероятно, десятью наиболее часто интерпретируемыми и анализируемыми изображениями двадцатого столетия. Миллионы людей видели настоящие карточки Роршаха. Большинство остальных знакомы с ними благодаря рекламе, моде и различным произведениям искусства. Эти пятна повсюду, но в то же время таят в себе тщательно оберегаемый секрет...

Этический кодекс Американской психиатрической ассоциации требует, чтобы психологи сохраняли материалы этого теста в тайне. Многие специалисты, которые используют методику Роршаха, считают, что публичная демонстрация этих изображений разрушает эффективность теста и даже вредит большинству людей, обесценивая в их глазах эту полезную диагностическую технику. Большинство пятен Роршаха, которые мы видим в своей повседневной жизни, являются имитациями или искаженными версиями оригиналов — так психологическое сообщество защищает свои секреты. Даже те изображения, которые можно видеть в академических статьях или на музейных выставках, обычно бывают размытыми или видоизмененными либо воспроизведены лишь в общих чертах, так, чтобы зрителю стало кое-что понятно об этих образах, — но не всё.

Нам с издателем этой книги пришлось решать, публиковать или нет настоящие чернильные пятна Роршаха, какой вариант был бы наиболее уважительным по отношению как к клиническим психологам, так и к читателям. Среди исследователей наследия Роршаха нет единого мнения насчет многих вещей, связанных с этим тестом, однако в наиболее современном из используемых пособий по его применению сказано, что «простая ознакомительная демонстрация чернильных пятен не

влияет негативным образом на их ценность». В любом случае этот вопрос очень спорный, поскольку эти изображения не являются объектом авторского права и могут быть легко обнаружены в Интернете. Они уже доступны, но многие психологи, выступающие против их публикации, кажется, попросту игнорируют этот факт. В конце концов, мы решили включить в эту книгу некоторые из пятен Роршаха, но не все.

Однако посмотреть изображения в Интернете или на страницах данной книги — не значит пройти настоящий тест. Имеют значение размер карточек (примерно 9,5 × 6,5 дюймов), их горизонтальный формат, а также тот факт, что вы можете взять их в руки и повертеть. Важна и ситуация: понимание того, что от результатов теста зависят некие важные вещи в вашей жизни и необходимость отчетливо вслух произносить ответы, адресованные человеку, которому вы доверяете или не доверяете. Кроме того, тест имеет много тонких нюансов и требует особой техники применения, так что оперировать им без предварительного углубленного обучения попросту не получится. Не существует набора «Сделай сам» для теста Роршаха, и вы не сможете опробовать его на своем друге, даже если оставить в стороне этическую проблему, связанную с тем, что в процессе ваш знакомый может открыть ту сторону своей личности, которую он, возможно, открывать совсем не хотел.

Для многих людей было искушением использовать чернильные пятна в качестве салонной игры, как мы играем в фанты или карты. Но каждый эксперт, работающий с этим тестом, начиная с самого Роршаха, настаивает, что так делать нельзя. И эксперты правы. Обратное тоже верно: салонные игры — реальные или компьютерные — не являются объективными психологическими тестами. Вы можете самостоятельно рассматривать чернильные пятна и делать для себя какие-то трактовки, но вы не сможете самостоятельно разобраться в том, как это работает.

ВВЕДЕНИЕ

ГАДАНИЕ НА ЧАЙНОЙ ГУЩЕ

Виктор Норрис покончил почти со всеми формальностями, необходимыми, чтобы устроиться на работу, связанную с маленькими детьми, но, поскольку дело было в Америке XXI века, ему предстояло пройти еще обследование у психолога. В течение двух долгих ноябрьских вечеров он провел восемь часов в кабинете Кэролайн Хилл, специалиста по психологическим собеседованиям из Чикаго.

Во время интервью Норрис произвел впечатление идеального кандидата: очаровательный и дружелюбный, с достойным резюме и безупречными рекомендациями. Он понравился Кэролайн. Во время самого распространенного в Америке личностного теста, состоящего из 567 вопросов, на которые нужно ответить «да» или «нет» (Миннесотский многоаспектный личностный опросник; англ. *Minnesota Multiphasic Personality Inventory*), он охотно взаимодействовал с психологом и пребывал в хорошем настроении. Результаты теста также были удовлетворительными.

Когда Хилл показала ему серию рисунков без подписей и попросила рассказать историю о том, что происходит на каждой картинке (еще одна из стандартных в таких случаях процедур, именуемая тематическим апперцептивным тестом), ответы Норриса были хоть и слегка очевидными, но всё же весьма нейтральными. Его истории были добрыми, не содержали неприемлемых мыслей, а в процессе их изложения мужчина не проявлял раздражения или каких-либо негативных эмоций.

Когда, под конец их второй встречи, за окном начали сгущаться ранние чикагские сумерки, Хилл попросила Норриса встать из-за стола и сесть на стул рядом со стоявшей в ее офисе кушеткой. Свой стул она поставила напротив, достала желтый блокнот и тонкую папку и протянула собеседнику одну

за другой десять картонных карточек. На каждой была изображена симметричная клякса. Подавая Виктору каждую карточку, Хилл спрашивала: «Что это, по-вашему, может быть?» или «Что вы видите?».

Пять из десяти карточек были черно-белыми, две включали элементы красного цвета, а еще три были разноцветными. В процессе этого теста Норрис должен был не рассказать историю или описать свои ощущения, а просто сказать, что он видит. Не было ни ограничения по времени, ни каких-либо инструкций насчет того, сколько ответов он должен дать. Хилл старалась быть как можно незаметнее, позволяя Норрису раскрыть не только то, что он увидел в пятнах, но и то, как он воспринимает задание. Он мог взять каждую из карточек, повернуть ее в любом направлении, держать на расстоянии вытянутой руки или поднести поближе. На вопросы, которые он задавал, Хилл отвечала нейтрально.

— Могу я повернуть карточку?

— *Как вам будет угодно.*

— Я должен постараться использовать их все?

— *Как хотите. Разные люди видят разные вещи.*

— Это правильный ответ?

— *Принимаются любые ответы.*

На развороте: тест Роршаха, карточки I и II

После того как он рассказал о своем понимании каждой из карточек, Хилл перешла ко второй стадии: «Теперь я буду читать вслух то, что вы сказали, а вы должны будете показать мне, где именно вы это увидели».

Ответы Норриса были шокирующими: красочные и полные насилия сексуальные сцены с участием детей, в части узоров он разглядел избиение и убийство женщин. Хилл вежливо проводила Виктора из офиса, — уходя, он крепко пожал ей руку, с улыбкой глядя прямо в глаза, — после чего вернулась к лежавшему на столе обложкой вверх блокноту, в котором были записаны ответы. Она систематически присваивала ответам Норриса различные коды стандартного метода и, используя длинные списки из методички, разбивала их по категориям на типичные и необычные. Затем Кэролайн занялась выведением формул, которые извлекали из всех этих подсчетов психологические суждения: доминирующий стиль личности, индекс эгоцентризма, индекс гибкости мышления и еще один, с оригинальным названием «суицидальное созвездие». Как Хилл и ожидала, ее вычисления показали, что результаты Норриса столь же экстремальны, как и его ответы.

Как ничто другое, тест Роршаха показал Норрису ту сторону его личности, которую он не раскрывал при прочих обстоятельствах. Он прекрасно понимал, что подвергается проверке, от результатов которой зависит, сможет ли он получить желанную работу. Он знал, как нужно показывать себя на собеседованиях и какого рода мягкие ответы нужно давать на вопросы предыдущих тестов. На Роршахе, однако, он «сломался». Решающим фактором стало даже не то, что Норрис увидел в чернильных разводах очень специфические вещи, а то, что он чувствовал себя достаточно расслабленно, чтобы говорить о них вслух.

Именно поэтому Хилл использовала тест Роршаха. Это непривычное задание с открытым финалом: вы не знаете, что должны значить эти пятна и каких ответов по поводу них от вас ждут. Что самое главное — это визуальный опыт, так что он тесно связан с вашими механизмами психологической защиты и осознанными стратегиями самопрезентации. Вы можете контролировать то, что хотите сказать, но не можете контролировать то, что хотите увидеть. Что касается Виктора Норриса, то он не смог контролировать даже то, что хотел сказать о том, что видел. И это обычное дело для таких случаев. Еще в аспирантуре Хилл выучила эмпирическое правило, которое впоследствии не раз подтвердилось и в ее практике: проблемный человек часто обладает достаточным самоконтролем, чтобы успешно пройти тест на интеллект и многоаспектный опросник, показать хорошие результаты в тесте на апперцепцию, но срежется, когда ему придется столкнуться с чернильными пятнами. Когда кто-то притворяется здоровым или больным либо пытается, осознанно или неосознанно, подавить некие стороны своей натуры, тест Роршаха может оказаться единственным средством определить угрозу.

Хилл не стала писать в своем отчете, что она считает Норриса реальным или потенциальным растлителем малолетних, — не существует психологического теста, который позволил бы со стопроцентной уверенностью утверждать такое. Она пришла к выводу, что его «связь с реальностью была чрезвычайно хрупкой». Кэролайн не могла рекомендовать такого человека для работы, связанной с детьми, и посоветовала работодателям не нанимать его. Они прислушались к ее совету.

Результаты освидетельствования Норриса остались храниться у Хилл; она не могла забыть резкий контраст между его блестящими манерами и скрытой темной стороной. Через одиннадцать лет после того теста ей позвонил терапевт, работавший

с пациентом Виктором Норрисом, и сказал, что хотел бы задать несколько вопросов. Ему не пришлось называть имя пациента дважды. Хилл не была уполномочена разглашать детали результатов Норриса, однако она изложила коллеге свои основные умозаключения. Терапевт изумленно выдохнул: «Вы получили эти данные благодаря тесту Роршаха? Мне понадобилось два года сеансов, чтобы докопаться до этих вещей! Я думал, что пятна Роршаха — это что-то вроде гадания на чайной гуще!»

Невзирая на большой разброс мнений и десятилетиями не прекращающиеся дискуссии, тест Роршаха сегодня применяется в судах, активно используется компаниями медицинского страхования и рекомендуется во многих странах мира при приеме на работу, разбирательствах, связанных с опекунством, и в работе психиатрических клиник. Для сторонников методики эти десять чернильных пятен являются необыкновенно чувствительным и точным инструментом, позволяющим продемонстрировать, как работает человеческий разум, и распознать широкий спектр душевных состояний, включая скрытые проблемы, которые другие тесты или прямое наблюдение выявить не могут. Критики же теста — как внутри, так и вне психологического сообщества, — считают тот факт, что его продолжают использовать, позором и возмутительным пережитком псевдонауки, который, по их мнению, давным-давно должен был быть вымаран из истории наряду с «сывороткой правды» и крикотерапией. Они утверждают, что волшебная сила теста состоит в его способности «промывать мозги» здравомыслящим во всем остальном людям таким образом, чтобы они в него верили.

Отчасти по причине отсутствия профессионального консенсуса, но в большей степени из-за общего недоверия к психологическим тестам широкая публика в большинстве настроена по отношению к тесту Роршаха скептически. Кристиан Аспелин, натурализованный швед из США, подозревавшийся в жестоком обращении с ребенком, приведшем к его смерти, и признанный в итоге невиновным, по итогам теста Роршаха получил характеристики «порочный» и «вспыльчивый». «Я смотрел на картинки с каким-то абстрактным искусством и должен был говорить, что я вижу. И вот, я вижу... бабочку? Это значит, что я агрессивный и склонный к насилию? Это безумие». Кристиан утверждает, что в то время как он настроился иметь дело с наукой, которая, по его убеждению, рассматривает мир «преимущественно с мужской точки зрения», работавшие

с ним сотрудницы социальной службы рассматривали происходящее главным образом «сквозь призму женского мировоззрения», которое «ставит на первый план чувства и отношения». Тест Роршаха на самом деле не является ни чем-то преимущественно женским, ни упражнением в интерпретации искусства, но подобное отношение к нему для общества вполне типично. Он не дает сухих и точных результатов, как тест на интеллект или проба крови. Но, с другой стороны, ни одна методика, при помощи которой люди пытаются исследовать собственный разум, не может дать единственно верного решения.

Претензии на абсолютизм защитников теста являются одной из причин, по которым эти черные пятна столь широко известны за пределами врачебных кабинетов и залов судебных заседаний. По мнению новостного агентства *Bloomberg*, американская Служба социального обеспечения является «тестом Роршаха», сайт *Sports Blog Nation* называет так расписание игр футбольного клуба «Бульдоги Джорджии», а на страницах *Wall Street Journal* с ним сравнивают доходность испанских облигаций: «Это нечто вроде теста Роршаха для финансового рынка, где каждый аналитик видит то, что у него на уме в текущий момент». Последнее решение Верховного суда, очередной массовый расстрел и даже безвкусный наряд какой-нибудь кинозвезды — что угодно. «Скандальный импичмент президента Парагвая Фернандо Луго быстро превратился во что-то вроде теста Роршаха для мира латиноамериканской политики», в котором «реакция на событие говорит больше, чем само событие», — пишут в интернет-блоге *New York Times*. Один кинокритик, нетерпимый к претензиям создателей арт-хаусных фильмов на элитарность, назвал картину «Сексуальные хроники французской семьи» тестом Роршаха, который он провалил.

Эта последняя шутка спекулирует на том, как пятна Роршаха выглядят в общественном сознании. На самом деле этот тест нельзя «провалить». В нем нет правильных или неправильных ответов. Вы можете увидеть в пятнах что угодно. Именно это, начиная с 60-х годов прошлого века, сделало тест превосходной метафорой для культуры, где не в почете авторитарные решения и принято уважать любые точки зрения. Зачем новостному изданию утверждать, что импичмент или проект бюджета являются чем-то однозначно хорошим или плохим? Так можно и половину своих читателей (или зрителей) отпугнуть. Так что давайте просто назовем это «тестом Роршаха».

Между строк в таких статьях всегда написано одно и то же: безотносительно истинного положения дел вы вольны принять собственное решение, будь оно выражено в «лайке», голосе, отданном за того или иного кандидата, или покупке товара. Эта метафора, символизирующая свободу выбора, словно существует в некой «параллельной вселенной», границы которой отделяют ее от истинного теста, предлагаемого настоящими психологами настоящим пациентам, подсудимым и соискателям. Ведь в реальных жизненных ситуациях почти всегда существует весьма конкретный правильный либо неправильный выбор.

Тест Роршаха является удобной метафорой, но чернильные пятна к тому же просто хорошо выглядят. Они считаются стильным элементом декора по причинам, не имеющим ничего общего с психологией или журналистикой. Возможно, это уникальный шестидесятилетний модный цикл, продолжающийся с тех пор, как «роршахомания» захлестнула подиумы в пятидесятых. А может, дело просто в том, что люди любят убедительные черно-белые цветовые схемы, которые так хорошо сочетаются с мебелью в стиле модерн середины XX века. Несколько лет назад магазин модной одежды и аксессуаров *Bergdorf Goodman* украсил витрины своего главного здания на Пятой авеню изображениями пятен Роршаха, а в *Saks* недавно продавались футболки с этими символами, всего-то по 98 долларов за штуку. В большой статье, опубликованной в журнале *InStyle*, было написано следующее: «В этом сезоне меня стали сильно привлекать одежда и аксессуары, в которых ощущается симметрия. Больше всего меня вдохновляют пятна Роршаха, они завораживают». Пятнами Роршаха были оформлены титры многосерийного фильма ужасов «Хемлок Гроув», научно-фантастического триллера «Темное дитя» и реалити-шоу «Команда черных чернил», о расположенной в Гарлеме тату-студии. Видеоклип на песню группы *Gnarls Barkley* «*Crazy*», ставшей главным хитом 2000-х по версии журнала *Rolling Stone* и первым синглом, который попал в топ музыкальных чартов благодаря интернет-продажам, представлял собой гипнотическую анимацию, состоящую из череды видоизменяющихся черных и белых пятен. Повсюду можно видеть оформленные в стиле Роршаха кружки и тарелки, кухонные фартуки и игры для вечеринок.

Большинство используемых в популярной культуре пятен являются не более чем имитацией, но десять изначальных, которые скоро отметят свой столетний юбилей, выдержали про-

верку временем. Они обладают тем, что Герман Роршах называл «пространственным ритмом», необходимым для того, чтобы придать изображениям «живописное качество». Корни этих символов, созданных в колыбели современного абстрактного искусства, растут из плодородной культурной почвы XIX века, породившей как современную психологию, так и абстрактное направление, а влияние их простирается на всю последующую историю искусства и дизайна XX и XXI веков.

Таким образом, история теста Роршаха сплетается воедино из трех отдельных разрозненных историй.

Первая — восход, падение и возрождение практики психологического тестирования, со всеми ее плюсами и минусами. Эксперты из самых разных областей — антропологии, образования, бизнеса, права и военного дела — тоже пытались добиться успеха в исследовании непознанных тайн человеческого разума. Пятна Роршаха — не просто психологический тест. В течение нескольких десятилетий они являли собой универсальный абсолют — символ профессии психиатра, такой же, каким был стетоскоп для медицины в целом. Использование психологами теста Роршаха на протяжении всей его истории было воплощением того, что общество ожидало от психологии как института.

Вторая — искусство и дизайн, от картин художников-сюрреалистов до упомянутой песни «*Crazy*» и рэппера Джей-Зи, который поместил на обложку своих мемуаров картину Энди Уорхола, представляющую собой золоченую кляксу и озаглавленную «Роршах». На первый взгляд, эта визуальная история не кажется связанной с миром медицинских диагнозов — не так уж много психологии в тех футболках из *Saks*, — но эти знаковые символы все равно неотделимы от реального теста. Агентство, которое предложило основанную на пятнах Роршаха идею для клипа «*Crazy*», получило этот заказ потому, что вокалист Си Ло Грин вспоминал, что проходил этот тест, будучи «трудным ребенком». Сплетни, роящиеся вокруг теста Роршаха, вызваны лишь его известностью. Мы не можем провести непреодолимую черту между психологической проверкой и местом, которое чернильные пятна занимают в массовой культуре.

И наконец, существует культурная история, которая привела ко всем этим «тестам Роршаха» в новостях: подъем индивидуалистской культуры личности в начале XX века; резко возросшее недоверие к власти, начавшееся в шестидесятых; непреодолимый разброс мнений в наши дни, когда даже значение железных фак-

тов кажется зависящим от точки зрения отдельно взятого индивидуума. От Нюрнбергского процесса до джунглей Вьетнама, от Голливуда до Гугла, от общинного устройства жизни в XIX веке до жаждущего информации и общения разрозненного общества XXI века, — десять пятен Роршаха присутствуют, прямо или косвенно, в большей части нашей истории. Когда очередной журналист называет что-либо «тестом Роршаха», это может быть просто избитым клише, точно так же, как вполне естественно для художников и дизайнеров обращаться к броским симметричным черно-белым узорам. Ни один из примеров появления пятен Роршаха в повседневной жизни не требует какого бы ни было пояснения. Однако их продолжительное присутствие в нашем общественном сознании в таком пояснении все же нуждается.

На протяжении многих лет этот тест позиционировался как рентгеновский снимок человеческой души. На деле он таковым не является и не был так задуман изначально, но это в любом случае уникальный способ — подобный окну, из которого льется свет, — познать те средства, при помощи которых мы постигаем окружающий мир.

Все эти нити — психология, искусство и культурная история — ведут к создателю чернильных пятен. «Образ действия и личность создателя теста неотрывно вплетены в его канву», — писал редактор в предисловии вышедшей в 1921 году книги «Психодиагностика», в которой чернильные пятна были впервые представлены миру. Этим человеком был молодой швейцарский психиатр и художник-любитель, возившийся с детскими играми и предпочитавший работать в одиночку. Ему удалось создать не только невероятно влиятельную систему психологического тестирования, но также визуальный и культурный краеугольный камень последующей истории.

Герман Роршах, родившийся в 1884 году, был «высоким и худощавым блондином с быстрыми движениями, жестами и речью, а также выразительной и яркой физиогномикой». (Взгляните на включенные в книгу фотографии). Если вам покажется, что Роршах похож на Брэда Питта с некоторыми чертами, позаимствованными у Роберта Редфорда, то вы не первый, кто так думает. Многие пациенты сильно привязывались к нему. Он был чистосердечным и сострадательным, талантливым, но скромным, внушающим уважение и приятным с виду в своем белом докторском халате. Его короткая жизнь была наполнена трагедиями, страстью и открытиями.

Вокруг него била ключом современная жизнь: шла Первая мировая война в Европе, а в России вершилась революция. В голове Роршаха роились весьма современные идеи. Тем временем в одной только Швейцарии Альберт Эйнштейн, пока жил там, изобрел современную физику, а Владимир Ленин, работавший с профсоюзными деятелями на швейцарских часовых заводах, вывел формулу современного коммунизма. Ближайшими соседями Ленина в Цюрихе были художники-дадаисты, и они придумали современное искусство. Ле Корбюзье изобрел современную архитектуру, а Рудольф фон Лабан — современный танец. Райнер Мария Рильке закончил писать свои «Дуинские элегии», Рудольф Штайнер создал Вальдорфские школы, а художник Иоганнес Иттен изобрел сезонную теорию цветотипов («Весна вы или зима?»). В области психиатрии тем временем Карл Юнг и его коллеги создали современный психологический тест. Разработки Юнга и Зигмунда Фрейда в области бессознательного сражались друг с другом за пальму первенства, как среди богатой клиентуры, страдающей неврозами, так и в переполненных больницах по всей Швейцарии.

Эти маленькие революции в различных областях тесно переплелись в жизни и карьере Германа Роршаха, но, хоть и существуют тысячи задокументированных исследований созданного им теста, полномасштабная биография самого Роршаха до сих пор не была написана. Историк психиатрии Генри Элленбергер опубликовал в 1954 году биографическую статью о Роршахе, которая лишь в общих чертах давала представление о важных этапах его жизни, но стала тем не менее основой для почти всех последующих исследований биографии психиатра. Его называли гением-первопроходцем и выскочкой-дилетантом, одержимым манией величия провидцем и ответственным ученым, наделяли множеством эпитетов, находящихся между различными крайностями. Спекуляции вокруг жизни Роршаха не прекращались десятилетиями. Люди видели в его биографии то, что они хотели видеть. Истинная история заслуживает того, чтобы быть рассказанной. Не в последнюю очередь потому, что она помогает понять, как, несмотря на все окружающие его сомнения, тест остается актуальным по сей день. Большую часть этих сомнений Роршах предвидел заранее. Эта двойная история — самого доктора и его чернильных пятен — начинается в Швейцарии, но охватывает весь мир и проникает в самую суть того, что происходит внутри нас, когда мы смотрим и видим…

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВСЁ НАЧИНАЕТ ДВИГАТЬСЯ И ЖИТЬ

Декабрьским утром 1910 года двадцатишестилетний Герман Роршах проснулся очень рано. Он побродил по холодной комнате и отдернул занавеску спальни, впуская внутрь бледный белый свет, предшествующий позднему северному рассвету, — недостаточный, чтобы разбудить его спящую жену, но способный выхватить из темноты ее лицо и струящиеся из-под стеганого ватного одеяла волосы. Ночью, как и предполагал Роршах, прошел снег. Боденское озеро уже несколько недель было серым. Голубизна воды осталась в прошлом, но мир был прекрасен и таким: ни одной живой души на берегу или на тропе, ведущей к их аккуратным двухкомнатным апартаментам. Картинка была не только лишена человеческого присутствия — из нее будто кто-то высосал все цвета, превратив в дешевую открытку с изображением черно-белого ландшафта.

Роршах закурил первую утреннюю сигарету, сварил кофе, оделся и тихо ушел, пока Ольга еще спала. Эта неделя в клинике выдалась тяжелее обычного, ведь приближалось Рождество. Всего три доктора присматривали за четырьмя сотнями пациентов, так что он и его коллеги несли ответственность за все: планерки, обходы пациентов два раза в день, организация специальных мероприятий. Все же Роршах позволил себе не думать о предстоящих заботах и насладиться утренним одиночеством, неспешно бредя по территории больницы. В кармане пальто лежала записная книжка, которую он всегда носил с собой. Было холодно, но этот холод не шел ни в какое сравнение с тем, что свирепствовал в Рождество, которое они с Ольгой провели в Москве четыре года назад.

В этом году Роршах ждал праздника с особенным нетерпением. Они с Ольгой наконец-то воссоединились и должны были

впервые нарядить елку, будучи мужем и женой. В клинике празднование было намечено на двадцать третье число, а двадцать четвертого врачи собирались пронести украшенную свечами рождественскую елку от одного больничного здания к другому, для пациентов, неспособных присоединиться к общей церемонии. Двадцать пятого же у Роршахов был свободный день, чтобы отправиться в дом детства Германа и навестить его мачеху.

В рождественский сезон в лечебнице три раза в неделю проводились групповые песнопения. Работал танцевальный класс, организованный одним из фельдшеров, который мог одновременно играть на гитаре и губной гармошке, а ногой еще и на перкуссионном треугольнике подыгрывать. Роршах танцевать не любил, но, чтобы порадовать Ольгу, заставил себя взять несколько уроков. Рождественской обязанностью, которой он по-настоящему наслаждался, была постановка праздничных пьес. В этом году коллектив поставил три спектакля, в одном из которых использовались проекции: проектор транслировал на задник сцены изображения различных ландшафтов, а также людей из клиники. Каким сюрпризом это станет для пациентов — внезапно увидеть на экране знакомые лица. Это будет грандиозно.

Многие пациенты были слишком больны, чтобы поблагодарить своих родственников за рождественские подарки, так что Роршах делал небольшие пометки насчет них, порой по пятнадцать в день. Однако его пациенты любили праздники, настолько, насколько позволяли им их психические проблемы. Наставник Роршаха любил рассказывать историю об одной пациентке, которая была так опасна и неуправляема, что ее годами держали в камере. Ее враждебность было невозможно понять в ограниченной и недружелюбной атмосфере клиники, но, когда эту женщину привели на рождественское торжество, она вела себя идеально и даже вспомнила стихи, которые выучила специально к празднуемому в Швейцарии 2 января Дню святого Бертольда. Через две недели ее выписали.

Роршах пытался применять советы своего учителя на практике. Он фотографировал своих пациентов, не только для историй болезней и собственного архива, но еще и потому, что они любили позировать перед камерой. Он давал им материалы для творчества: карандаши и бумагу, папье-маше, пластилин.

Под ногами Роршаха скрипел покрывавший двор больницы снег, а мысли его крутились вокруг новых возможных

способов сделать пациентам что-то приятное. Он начал размышлять о праздниках собственного детства и об играх, в которые играл тогда: гонки на санях, осада снежного замка, «зайцы и гончие», прятки, а также игра, где нужно было капнуть на бумагу немного чернил, сложить лист пополам и посмотреть, на что будет похож получившийся отпечаток.

Герман Роршах родился в ноябре 1884 года, «светоносного» года в истории. Статуя Свободы (официальное название которой — «Свобода, освещающая мир») была подарена американскому послу в Париже в День независимости США. Темешвар в Австро-Венгрии (ныне Тимишоара, Румыния) стал первым городом в континентальной Европе, где появилось электрическое уличное освещение, спустя совсем немного времени, после того как то же самое произошло в британском Ньюкасле и американском Вабаше в штате Индиана. Джордж Истмен запатентовал первый функциональный рулон фотопленки — изобретение, которое вскоре позволило любому желающему рисовать картины «карандашом Природы», ловя в линзы аппарата лучи света.

Те годы ранних фотографий и примитивных фильмов сегодня являются, вероятно, наиболее трудной эпохой в истории для *рассмотрения*: наш внутренний взор видит все тогдашнее черно-белым, застывшим и лишенным внутренней силы. Однако Цюрих, где родился Роршах, был городом современным, динамичным и крупнейшим в Швейцарии. Его железнодорожный вокзал ведет свою историю с 1871 года, знаменитая главная торговая улица — с 1867 года, а набережные вдоль реки Лиммат — с середины XIX века. Ноябрь же в Цюрихе — это буйство оранжевых и желтых красок под серым небом: листья дубов и вязов, огненно-рыжие клены, пылающие на ветру. Как и сегодня, люди тогдашнего Цюриха жили под бледно-голубым небом, величаво возвышавшимся над яркими альпийскими лугами, усеянными темно-синими горечавками и эдельвейсами.

Однако Роршах родился не там, где история его семейства на столетия уходила вглубь веков. Это был городок Арбон, стоявший на берегу Боденского озера в пятидесяти милях от Цюриха. В четырех милях ниже на побережье был расположен еще один маленький город, называвшийся Роршах, — именно оттуда, вероятно, происходила эта фамилия. Семье Германа Роршаха удалось восстановить свою родословную в Арбоне до 1437 года, а общая история проживавших в этом городе Рор-

шахов прослеживалась еще на тысячу лет назад, до 496 года. В этом не было ничего необычного для края, где люди поколениями оставались на насиженных местах, и где каждый, наряду с гражданством страны в целом, являлся также гражданином своего кантона. Некоторые предки доктора, впрочем, иногда выбирались за пределы обжитых границ. Его двоюродный прапрадед, Ганс Якоб Роршах (1764–1837), известный как «Лиссабонец», добрался аж до Португалии, где работал дизайнером и, возможно, создал какие-то из гипнотизирующих повторяющихся черепичных узоров, что покрывают крыши столицы страны мореходов. Но лишь родители Германа покончили с многовековой традицией предков решительно и бесповоротно.

Его отец Ульрих, художник, родился 11 апреля 1853 года, через двенадцать дней после еще одного будущего художника, Винсента Ван Гога. Сын ткачихи Ульрих покинул дом в возрасте пятнадцати лет, чтобы обучаться искусствам в Германии. Побывал он и в Нидерландах, потом вернулся в родной Арбон и открыл там художественную мастерскую, а в 1882 году женился на женщине Филиппине Виденкеллер (рожденной 9 февраля 1854 года), из рода плотников и лодочников. Представители семейств Роршах и Виденкеллер и раньше часто роднились между собой, обмениваясь женихами и невестами.

Первой родилась дочь Клара — в 1883 году, но она умерла в возрасте шести недель. Еще через четыре месяца скончалась сестра-близнец Филиппины. После этих тяжелых ударов судьбы пара продала студию и переехала в Цюрих, где осенью 1884 года Ульрих открыл школу прикладных искусств. Переезд в большой город при отсутствии стабильного дохода был нетипичным поступком для швейцарца Ульриха, ведь жизнь в Швейцарии очень размеренна и не терпит потрясений. Но, должно быть, он и Филиппина хотели, чтобы их следующий ребенок появился на свет в более благоприятной обстановке. Герман родился 8 ноября в 10 часов утра, в доме № 278 по улице Хальденштрассе, в цюрихском районе Видикон. Дела в школе искусств Ульриха шли прекрасно, старший Роршах нашел хорошую работу, став учителем рисования в средней школе города Шаффхаузен, расположенного в трех милях к северу от Цюриха. В этом городе и рос маленький Герман.

Шаффхаузен — небольшой город со зданиями и фонтанами в стиле эпохи Возрождения. Он стоит на берегу Рейна — реки, образующей северную границу Швейцарии. «На берегах

Рейна луга перемежаются лесами, деревья которых отражаются, как призрачные тени, в темно-зеленой воде», — говорится в путеводителе того времени. Нумерация домов в Шаффхаузене еще не применялась, так что у каждого здания было имя — Пальмовая Ветвь, Дом Рыцаря, Фонтан — и узнаваемые детали: каменные львы, расписные фасады, выступающие окна, распахивавшиеся наружу, словно гигантские часы с кукушкой, горгульи и купидоны.

Но город вовсе не выглядел застрявшим в прошлом. Мунот — внушительная круглая башня на покрытом виноградниками холме, окруженная рвом и являющая восхитительный вид со своих стен, — была построена в XVI веке и отреставрирована в XIX, став достопримечательностью для туристов. Была построена железная дорога, а новая электростанция вовсю эксплуатировала энергетический потенциал бурных потоков реки. В месте, где Рейн вытекает из Боденского озера, расположен Рейнский водопад, низкий, но достаточно широкий, чтобы считаться крупнейшим водопадом в Европе. Знаменитый британский художник Уильям Тёрнер рисовал эти водопады в течение сорока лет. На его картинах водный массив представал, скорее, как горный хребет, а сами горы растворялись в наслоениях цвета и света. Воспоминания о посещении водопада можно найти в заметках автора «Франкенштейна», Мэри Шелли: «Водяная пена обильно падала на нас... посмотрев вверх, мы увидели гребень водопада, скалу и облако — и чистое небо, просвечивавшее сквозь сверкающую, находящуюся в непрерывном движении водяную вуаль. Это было новое для меня зрелище, превосходившее все, что я когда-либо видела прежде». Как говорится в путеводителе: «Тяжелая водяная глыба надвигается на вас, как неумолимый темный рок. Она обрушивается, и все, что казалось прежде прочным, начинает двигаться и жить».

После того как 10 августа 1888 года в Шаффхаузене родилась сестра Германа Анна, семья арендовала новый дом на расположенном в двадцати минутах ходьбы к западу от города крутом нагорье Гайсберг. Там 10 декабря 1891 года появился на свет младший брат Германа, Пауль. Их новый дом, стоявший в окружении лесов и полей, был более вместительным, чем старый. С большими окнами и крышей мансардного типа, он больше походил на французское шато, нежели на швейцарское шале. Герман быстро сдружился с детьми арендодателя. Вдохновленные историями Джеймса Фенимора Купера о приклю-

чениях Зверобоя, они играли в американских первопроходцев и индейцев. Герман и его друзья шныряли меж деревьев вокруг расположенного поблизости гравийного карьера и разыгрывали похищение Анны, которая была в их компании единственной «белой женщиной».

Такова была почва, на которой сформировались его счастливейшие детские воспоминания. Герман любил слушать шум океана, которого он никогда не видел, прикладывая ухо к морской раковине, привезенной из дальних странствий родственником арендодателя, странствующим миссионером. Он возводил игрушечные деревянные лабиринты и запускал туда своих питомцев — белых мышей. Когда, в возрасте восьми или девяти лет, он слег с корью, отец вырезал из папиросной бумаги очаровательных кукол, и Герман играл с ними, устраивая кукольные танцы в коробке со стеклянной крышкой. Во время прогулок Ульрих посвящал своих детей в историю прекрасных старых зданий города и объяснял им значение зашифрованных в архитектуре символов. Он читал детям книги, ловил вместе с ними бабочек, учил их названиям деревьев и цветов. Пауль рос активным пухлым карапузом, в то время как Герман, по воспоминаниям его кузины, «мог подолгу смотреть в одну точку, погруженный в раздумья. Он был воспитанным ребенком, всегда сохранял спокойствие, как и его отец». Эта же кузина рассказывала девятилетнему Герману сказки: «Гензель и Гретель», «Рапунцель», «Румпельштильцхен», «которые он очень любил, поскольку имел мечтательную натуру».

Филиппина Роршах, добродушная и энергичная женщина, любила развлекать своих детей старинными народными песнями и превосходно готовила. Любимым блюдом у ребят был фруктовый пудинг с кремом, а каждый год она отправляла всем коллегам своего мужа по жареному поросенку. Собственные родители Ульриха сильно не ладили между собой, и однажды он понял, что они на самом деле никогда не любили друг друга. Так что для него было очень важным создать для своих детей атмосферу домашнего уюта, любви и заботы, которой он был лишен сам. С помощью Филиппины ему это удалось. Над ней можно было подшутить — зажечь бенгальский огонь под ее широкими юбками, что, по воспоминаниям кузины Германа, однажды и случилось, — и она нисколько не обиделась бы, а принялась смеяться вместе со всеми.

Ульрих, в свою очередь, был уважаем и любим своими коллегами и учениками. По воспоминаниям современников, у него был небольшой дефект речи (неизвестно доподлинно, какой именно, но, скорее всего, легкая шепелявость), который «он мог, однако, побороть, когда старался». Это делало его необычайно замкнутым, но он был доброжелательно настроен по отношению к ученикам во время экзаменов, всегда тепло их приветствовал и шептал слова одобрения. «Я все еще могу ясно представить этого всегда готового помочь человека перед собой. Он встает перед моими глазами спустя больше чем полвека», — вспоминал один из студентов. Ульрих мог полчаса исправлять ошибку в ученическом рисунке, терпеливо проводя линию за линией и стирая ошибки студента, «до тех пор, пока перед глазами не появлялась правильная картинка, нисколько не отличавшаяся от образца. Его способность запоминать формы была потрясающей, его линии были абсолютно точными и правильными».

Несмотря на то что швейцарские художники в то время не учились в университетах и не получали гуманитарного образования, Ульрих был человеком высокой культуры и широкой эрудиции. Когда ему было за тридцать, он стал издателем небольшого сборника поэзии «Дикие цветы: стихи для сердца и ума». Многие из вошедших в книгу стихотворений он написал сам. Его дочь Анна утверждала, что он знал санскрит. Действительно ли он знал этот древний язык или говорил на поддельном санскрите, чтобы разыграть детей и развлечь себя?

В свободное от работы время он написал стостраничный «Очерк по теории формы, составленный Ульрихом Роршахом, учителем рисования». Это был не просто сборник школьных лекций или упражнений, а серьезный трактат, открывавшийся такими главами, как «Пространство и пропорциональное распределение в нем» и «Время и временные отрезки». От рассуждений о свете и цвете Ульрих двигался к описанию «основных форм, создаваемых при помощи концентрации, вращения и кристаллизации», а затем настраивал читателя на «ознакомительную прогулку по Царству Формы»: тридцать страниц своеобразной энциклопедии визуального мира. Вторая часть освещала «Законы Формы» — ритм, направление и пропорцию, которые Ульрих находил повсюду: в музыке, древесных листьях и человеческом теле, греческой скульптуре, современных турбинах и армейской эстетике. «Ну кто из нас, — раз-

мышлял Ульрих, — не обращал свой взор и воображение, часто и с удовольствием, на постоянно видоизменяющиеся формы и движение облаков или тумана?» Произведение заканчивалось рассуждениями на тему человеческой психологии: наше сознание, писал Ульрих, управляется базовыми законами формы. Это была глубокая и продуманная работа, однако не получившая широкого практического применения.

После трех или четырех лет, прожитых в доме на Гайсберге, Роршахи вернулись в город. Теперь их место жительства располагалось неподалеку от крепости Мунот, поближе к школе, в которую ходили дети. Герман был активным, хорошо катался на коньках. Одним из любимых развлечений детворы было коллективное катание на санках: дети связывали свои сани вместе в длинную линию и скатывались с горы рядом с крепостью или катались по широким улицам в городе, пока там не становилось слишком много автомобилей. Ульрих написал пьесу, которую исполняли на верхней террасе Мунота, а его дети Анна и Герман были в числе актеров. Однажды его наняли, чтобы создать новый дизайн для флага Шаффхаузенского клуба, и дети отправились исследовать окрестности в поисках диких цветов, которые нужны были ему в качестве моделей. Потом они с восторгом смотрели на флаг, расшитый по его дизайну и раскрашенный в цвета принесенных ими маков и васильков. Герман, со своей стороны, с ранних лет проявил талант в рисовании пейзажей, растений и людей. Наполненное резьбой по дереву, вырезанием из бумаги и картона, шитьем, чтением романов и пьес и уроками архитектуры, его детство было очень творческим.

Летом 1897 года, когда Герману было двенадцать, его мать Филиппина заболела диабетом. Инсулин в ту пору еще не был изобретен, и она скончалась через четыре недели, которые провела прикованной к постели, страдая от мучительной неутолимой жажды. Семья была опустошена. Одну за другой Ульрих нанял нескольких домработниц, чтобы вести хозяйство и присматривать за детьми, но ни одна из них не подошла. С презрением дети отнеслись к женщине, которая выставляла напоказ свою религиозность и вела с ними разговоры только на эту тему.

Однажды вечером, незадолго до Рождества 1898 года, Ульрих вошел в комнату, где играли дети, чтобы объявить: скоро у них будет новая мама. Не кто-то со стороны, а их тетя

Регина. Ульрих решил жениться на одной из младших сводных сестер Филиппины, которая была крестной матерью Германа. Герман и Анна ездили на каникулы к ней в Арбон, где у нее был маленький магазин тканей и текстиля. Ульрих сказал, что на Рождество она приедет в Шаффхаузен с визитом.

Анна начала кричать, а маленький Пауль расплакался. Четырнадцатилетний Герман остался спокоен и утешал младших. Мы должны подумать об отце, говорил он, у него ведь в буквальном смысле нет жизни, нет счастливого дома, куда он мог бы вернуться после работы. Конечно, он не хочет видеть в доме всех этих нянечек, которые пытаются превратить его отпрысков в маленьких лицемеров и ханжей. Все будет хорошо, утешал Герман.

Брак был заключен в апреле 1899 года, а общий ребенок родился меньше чем через год. Девочку назвали Регина, так же, как и ее мать, а в семье ее стали называть Регинели. Старшие дети Германа были рады появлению новой сестры, и, по словам Анны, у семьи «выдались несколько спокойных, милых, гармоничных месяцев, но, к сожалению, всего лишь несколько месяцев».

У Ульриха и раньше проскальзывали симптомы, предупреждавшие о чем-то более серьезном, чем шепелявость. Иногда в школе у него начинала трястись рука, когда он снимал шляпу, заходя в класс, настолько заметно, что некоторые ученики смеялись над этим. А вскоре после рождения Регинели он начал страдать от чрезмерной усталости и приступов головокружения. Вскоре ему был поставлен диагноз — неврологическое расстройство, возникшее в результате отравления свинцом еще в те времена, когда он был странствующим живописцем. За несколько месяцев он ослабел настолько, что вынужден был оставить работу преподавателя, и семья, уже в последний раз, сменила место жительства, переехав в дом № 5 по Сантиштрассе. В этом же здании Регина открыла магазин. Так она смогла бы обеспечивать семью, оставаясь в то же время дома, чтобы ухаживать за Ульрихом. Герман давал уроки латыни, чтобы заработать дополнительные деньги, и каждый день торопился домой из школы, чтобы помочь мачехе присматривать за отцом.

Последние годы Ульриха были наполнены тем, что в его некрологе назовут «невыразимыми страданиями»: депрессия, галлюцинации и горькое, бессмысленное самобичевание. Герман проводил с отцом много времени до самого конца, и слег с се-

рьезной легочной инфекцией, усугубленной стрессом и грузом забот. Когда в 4 часа утра 8 июня 1903 года Ульриха не стало, Герман был слишком болен, чтобы пойти на похороны.

Его отца похоронили на кладбище, расположенном между крепостью Мунот и школой Германа, совсем недалеко от их дома, практически в нескольких шагах по красивой ухоженной дорожке с кустами и деревьями по бокам. На момент смерти Ульриху было пятьдесят, Герману — восемнадцать, а его братьям и сестрам — четырнадцать, одиннадцать и три. Беспомощно наблюдая за болезнью и кончиной своего отца, Герман решил стать врачом-неврологом. Однако теперь он был сиротой, а его мачеха — вдовой, вынужденной, не имея пенсии, в одиночку растить четверых детей.

Скоро стало ясно, что страхи Анны насчет «злобной мачехи» имели вполне реальную основу. Регина была строгой, и строгость ее порой граничила с жестокостью. Кузина Германа позже описывала ее как «женщину, с головой погруженную в работу и не имеющую никаких идеалов», думающую только о том, где взять средства к существованию. Она вышла замуж поздно, в возрасте тридцати семи лет, «потому что целых тридцать лет она была “девочкой из магазина” и больше ничего не знала». Филиппина Роршах была первым ребенком своих родителей и первой женой своего мужа, а Регина воспитывалась приемной матерью, была второй женой и мачехой трем своенравным детям, склад личности которых очень отличался от ее собственного.

Она часто ругалась с Паулем и сделала несчастной жизнь любознательной и общительной Анны, которой теперь казалось, что их дом превратился в «тесную клетку, где почти нечем дышать». Анна позднее описывала Регину как «курицу с короткими крыльями, которая не умеет летать. У нее не было крыльев воображения». Под ее скупым управлением в доме царил холод, от которого детские руки иногда в буквальном смысле синели. У них не оставалось времени на игры, все свободные часы приходилось посвящать работе и домашним обязанностям.

Заканчивающий школу Герман быстро взрослел. Когда Анна вспоминала свое детство, то говорила, что Герман был ей как «отец и мать сразу». В то же время он был главной опорой для Регины, главным мужчиной в доме, который садился рядом с ней на кухне и часами разговаривал. Он понимал Регину и ее неспособность проявлять больше любви: «Боюсь, что, не

обладая достаточной гордостью, она никогда не была способна к кому-либо привязываться», — и призывал Анну и Пауля не быть слишком критичными по отношению к мачехе. Они должны были простить ей то, что можно было простить, и подумать о маленькой Регинели.

Все это оставляло Герману мало времени для собственного горя. Он позднее признавался Анне: «Я думаю об отце и матери — нашей настоящей матери — намного больше, чем прежде. Возможно, я не воспринимал раннюю смерть отца шесть лет назад так же остро, как воспринимаю ее сейчас». Это настроило его на то, чтобы как можно скорее покинуть дом. Герман начал думать «обо всех этих склоках и раздорах и бесконечном подметании полов, обо всем, что высасывает так много жизни и убивает, в огромном количестве, жизненную силу», как о «шаффхаузенском образе мыслей». Он писал Анне: «Никто из нас не должен даже думать о том, чтобы продолжать жить с мачехой хоть сколько-нибудь еще. У нее есть замечательные, хорошие черты, но, чтобы жить с ней, нужно слишком много молчать, а это — не для таких людей, как мы, которым нужна свобода, чтобы развиваться».

Все трое детей Ульриха и Филиппины в конце концов отправились искать счастья намного дальше от родных краев, чем их родители, и Герман стал первым, кто это сделал. «У нас с тобой есть талант жить, — писал он Анне. — Мы унаследовали его от отца... и главное, что мы должны сделать, так это сохранить его, мы обязаны. В Шаффхаузене талант такого рода полностью задавлен. Какое-то время он борется, бьется, пытаясь вырваться, но потом умирает. Но, Господи, для этого ведь и дан нам целый мир. Так что где-то наверняка есть место, где наши таланты могут быть раскрыты».

К тому времени, когда Герман писал эти строки, он уже сбежал из Шаффхаузена. Но годы, проведенные там, хоть они и были полны неурядиц, стали важным периодом в развитии Германа как мыслителя — и художника.

ГЛАВА ВТОРАЯ

КЛЯКСА

По стечению обстоятельств, которое выглядит слишком хорошо, чтобы быть правдой, в школе Роршаха прозвали Клексом, *Klex*, что по-немецки означает «Клякса». Неужели юный «Клякса» Роршах уже был неразрывно связан с чернилами, а его судьба предсказана?

Такие прозвища имели большое значение в немецких и швейцарско-немецких студенческих братствах, в которые студенты вступали в процессе посещения шестилетнего курса элитной академической высшей школы под названием «Гимназия». Участник братства приносил клятву дружбы и верности и оставался членом общества пожизненно. Связи, приобретенные в студенческом братстве, часто становились движущей силой последующей карьеры. В Шаффхаузене существенное влияние на общественную жизнь оказывало студенческое братство «Скафузия» (римский вариант названия Шаффхаузен). Участники «Скафузии», в числе которых был и Роршах, с гордостью носили белые и голубые цвета (основным аксессуаром были береты) — в школе, в барах и просто прогуливаясь по городу. При вступлении в братство они получали новые имена, которые призваны были отражать их новую сущность.

Посвящения в братство «Скафузия» проходили в местном баре, почти в полной темноте, лишь одинокая свеча горела, водруженная на человеческий череп. Вот посвящение проходит очередной претендент — студент четвертого года обучения, шестнадцати или семнадцати лет от роду. Таких новичков называли «лисами». Держа в каждой руке по кружке с пивом, «лис» стоит на деревянном ящике, наполненном клубными принадлежностями для фехтования. Ему предстоит ответить на ряд каверзных вопросов. Именно так выглядела швейцарская «дедовщина» тех лет. В Германии для фехтования использовали

настоящие клинки, что привело к появлению моды на «дуэльные шрамы», которые оставались на лицах представителей немецкой элиты на всю жизнь и свидетельствовали о принадлежности своего носителя к тому или иному уважаемому сообществу (например, Гейдельбергскому университету).

Когда претендент на членство в «Скафузии» прошел проверку, он должен принять «пивное крещение»: вылить содержимое кружек, которые держит в руках, себе на голову или залпом выпить. Он получал прозвище, которое шутливо обыгрывало внешность «лиса» или его наклонности. Поручителем Роршаха в братстве выступил «Дымоход» Мюллер, получивший такую кличку за то, что много курил. Поручителем самого «Дымохода» был «Баал»* — падкий на женщин сын богатых родителей.

Новое имя Германа — Клякса — означало, что он ловко обращался с ручкой и чернилами, быстро и качественно рисовал. Немецкое слово *klexen* (или *klecksen*) означает «малевать, рисовать посредственные картины». Одного из любимых художников Роршаха, Вильгельма Буша, прозвали в народе *Maler Klecksel* — что-то вроде художник Пачкун. Однако сам Роршах имел репутацию хорошего художника, никто не стал бы дразнить его подобным образом. Еще один новобранец по прозвищу «Клякса» в другом студенческом сообществе того же времени также был хорош в рисовании и стал впоследствии архитектором.

Так что прозвище Клякса, данное Роршаху в «Скафузии», не имело отношения к чернильным пятнам, которые он впоследствии изобрел. Однако оно вполне могло вспомниться ему десять лет спустя, когда Герман прогуливался по больничному двору, пытаясь придумать новые способы наладить контакт со своими пациентами-шизофрениками. В любом случае такое имя подходило Роршаху, ведь он был художником, обладавшим хорошим визуальным чутьем.

Роршах посещал шаффхаузенскую гимназию с 1898 по 1904-й, с года смерти матери по год кончины отца. Там было 170 студентов, четырнадцать в классе Роршаха, а сама школа имела репутацию лучшей в регионе, привлекая студентов из других областей Швейцарии и даже Италии, а также либерально мыслящих и демократически настроенных преподавателей

---

* Бог в семитских культурах, служение которому сопровождалось оргиями. — *Прим. изд.*

из авторитарной Германии. Учебный план был довольно требовательным: в него входили аналитическая геометрия, сферическая тригонометрия, а также углубленные курсы качественного анализа и физики. Студенты читали в оригинале произведения Софокла, Фукидида, Тацита, Горация, Катулла, Мольера, Гюго, Гёте, Лессинга, Диккенса и переводы классиков русской литературы: Тургенева, Толстого, Достоевского, Чехова.

Роршаху учеба в школе давалась без особых усилий. В своем классе он входил в число лучших учеников по всем предметам. В дополнение к родному швейцарскому диалекту и стандартному немецкому он изучал английский, французский и латынь, а позднее самостоятельно выучил итальянский и базовый русский. В социальном плане он был не слишком общителен и на школьных танцах подпирал спиной стену. Он чаще предпочитал отдать свое приглашение кому-нибудь другому, не рискуя связываться со сложными фигурами и маневрами популярного в ту пору танца «Крепость Мунот» («Правой, левой, раз, два, три!»). Он любил работать в тихой обстановке и возмущался, когда его прерывали. Лучший школьный друг Германа, будущий юрист Вальтер Им Хоф, говорил, что «чувствовал своей обязанностью хоть как-нибудь вытащить Роршаха из его защитной оболочки». Прочие соглашались, что общение и вечеринки с выпивкой в компании одноклассников идут Герману на пользу. Герман и его более общительный брат Пауль любили устраивать веселые розыгрыши, которые Герман еще долго вспоминал с восторгом. Лишь только выпадала возможность, Роршах отправлялся погулять на природу: в горы, подышать свежим воздухом, или на озеро, искупаться голышом.

Финансовые вопросы были предметом постоянной заботы. Большинство одноклассников Роршаха происходили из богатых, а в некоторых случаях и достаточно родовитых семейств. Один богатый промышленник открыл в городе филиал часовой *International Watch Company*, которая сейчас известна как *IWC Schaffhausen*. Впоследствии он стал собственником этого бизнеса, и его дочь, Эмма Раушенбах, — будущая жена Карла Густава Юнга — была одной из богатейших наследниц во всей Швейцарии. На фоне такого соседства бедность Германа Роршаха бросалась в глаза. Один из одноклассников ошибочно думал, что мачеха Роршаха была «прачкой», которой «приходилось работать от зари до зари, чтобы мальчик мог закончить школу». Мать этого одноклассника, принадлежавшая к аристократиче-

скому роду, смотрела на Роршаха и его семью сверху вниз, как на представителей низшего класса. Еще один одноклассник как-то сказал, что Роршах выглядит как деревенский болван, «но всё же умен». Герман, однако, не допускал, чтобы обстоятельства влияли на его независимость. Он был освобожден от уплаты взносов в студенческом братстве и назначен библиотекарем группы, так что мог покупать новые книги, когда это было необходимо.

В его распоряжении был как минимум один подопытный для научных экспериментов — он сам. Прочитав, что настроение может влиять на размер человеческих зрачков, заставляя их становиться больше или меньше, юный Роршах обнаружил, что может сужать и расширять свои зрачки по желанию. В темной комнате он искал выключатель, и его зрачки становились заметно меньше, а снаружи, на ярком свету, он мог сделать их больше. В другом эксперименте по контролю сознания он попытался переложить дискомфорт, который испытывал от зубной боли, на язык музыки, трансформируя пульсирующую боль в низкие ноты, а острую — в высокие. Однажды, желая выяснить, сколько можно продержаться без пищи, продолжая при этом работать, он голодал двадцать четыре часа, при этом весь день рубил и пилил дрова. Опытным путем Роршах установил, что если бы не физический труд, он смог бы сохранить больше энергии и продержаться без еды дольше. Это происходило примерно в то время, когда его отец женился во второй раз.

Нет никакой пользы от способности по желанию расширить свои зрачки, кроме знания, что ты можешь это сделать. Такие упражнения были исследованиями: Роршах прикладывал волевые усилия к самому себе, как его отец, который, при желании, мог подавить свою шепелявость или тремор. Он проверял границы доступного, исследуя, как различные «системы» — еда и работа, боль и музыка, разум и глаза — сочетаются друг с другом и могут быть взяты под осознанный контроль. Вот еще один опыт, который, по его мнению, заставляет задуматься:

«У меня довольно плохая музыкальная память, поэтому, когда я заучиваю мелодию, то могу положиться на весьма небольшое количество аудиальных мнемонических образов. В качестве способа запомнить мелодию я часто использую зрительные образы нот. Когда я был моложе и брал уроки игры на скрипке, порой случалось так, что я не мог представить себе, как должен звучать тот или иной пассаж, но все же мог извлечь

его из памяти и сыграть. Говоря другими словами, память моих рук была более эффективна, чем память на звуки. Я часто просто двигал пальцами, изображая, что играю, дабы пробудить воспоминания о нужном звучании».

Роршах был чрезвычайно заинтересован в исследовании этих трансформаций из одной разновидности опыта в другую. Ему было интересно представлять себя на месте других людей, рассматривая их опыт как свой собственный. 4 июля 1903 года, в возрасте восемнадцати лет, Роршах выступил с традиционным докладом, которые члены братства «Скафузия» должны были читать своим товарищам. Он назвал свою речь «Женская эмансипация», и это было громогласное воззвание во славу полного гендерного равенства. Женщины, утверждал он, ничуть не хуже мужчин, а женская природа ни в чем не уступает мужской: «ни физически, ни интеллектуально, ни морально», они не менее логичны и как минимум настолько же храбры. Они нужны не для того, чтобы «плодить детей», — так же, как и мужчины не являются «пенсионным фондом для оплаты женских счетов». Делая отсылки к истории женских движений последних ста лет, опираясь на законы и общественное устройство других стран (включая Соединенные Штаты), он выступал в защиту предоставления женщинам полных избирательных прав, а также доступа к высшему образованию и ряду профессий, особенно медицинских, поскольку «женщина охотнее расскажет о своих интимных болезнях другой женщине, а не врачу мужского пола». Он развивал свои аргументы с остроумием и сочувствием, отмечая, что, хоть «синие чулки» и приводят старшее поколение в ужас, тщеславный псевдоинтеллектуал мужского пола также является «кислым и отталкивающим персонажем». Что же до приписываемой женщинам привычки сплетничать и вести пустопорожние разговоры, то «еще неизвестно, где больше сплетничают — в кофейнях или в барах», в мужских компаниях или в женских. Он ставил вопрос: а может быть, «мы» такие же смешные, как и «они», пытаясь, как он часто делал, посмотреть на себя со стороны.

Разумеется, сын Ульриха создал немало художественных работ для общественного скрапбука братства «Скафузия». Страница с изображением скрипичной партии, где вместо нот по линейкам, резвясь, скакали вверх и вниз кляксообразные кошки, была своеобразным каламбуром, поскольку в немецком языке для обозначения какофонической, кричащей музыки

используется выражение «кошачья музыка». Именем «Клекс» было подписано и изображение смотрящих в разные стороны силуэтов двух людей, озаглавленное «Рисунок без слов». Среди художественных работ Роршаха, не вошедших в скрапбук «Скафузии», есть карандашный рисунок, портрет его дедушки по материнской линии, датированный 1903 годом и скопированный с небольшой фотографии. Выразительные лица и жесты интересовали его больше, чем статичные объекты и текстуры. На одном из рисунков Роршаха одежда студента и окружающая обстановка выглядят менее убедительными, чем поза юноши: дым его сигары не похож на дым, но клубится как дым.

Страница из рукописного альманаха «Скафузии», подписанная «Кляксой»: модифицированная копия «Кошачьей симфонии» австрийского композитора Морица фон Швинда. Роршах упростил изначальное изображение, убрав значительную часть символизировавших ноты кошек. Хоть некоторые кошки в его исполнении стали больше похожи на мышей, картинка в целом имеет более живое ощущение движения.

Еще одна лекция, прочитанная Роршахом в «Скафузии», называлась «Поэзия и живопись» и взывала к улучшенной проработке искусства видеть. «Людям недостает понимания визуального искусства, даже многим из тех, кто принадлежит к образованной прослойке, а корни этого недостатка лежат в нашей системе образования... Кто-то без толку пытается найти курсы по истории искусства в нашем гимназическом учебном плане, а в то же самое время ребенок может художественно мыслить не хуже некоторых взрослых».

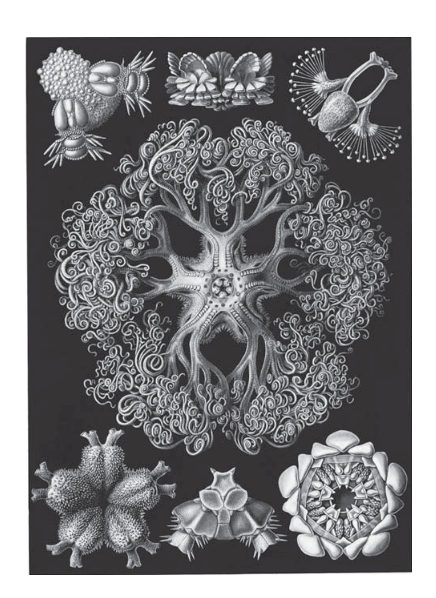
Роршах трижды выступал с лекциями о Дарвине и взаимоотношениях человека с природой. Труды Дарвина не изучали в школе, так что эти лекции были по-настоящему полезны с точки зрения образования, — и снова Роршах сделал акцент на визуальных аспектах. Поднимая вопрос о том, нужно ли преподавать дарвинизм детям, Клекс сам ответил на него, согласно стенограмме встречи, решительно положительным образом: «Только путем тщательного изучения этих тем, адаптированных для детского понимания, юный человек сможет научиться "видеть природу". Только таким образом может быть простимулирована его мотивация к наблюдению». Самым важным, по мнению Роршаха, было то, как нужно видеть окружающий мир и что видеть его нужно с радостью. Роршах закончил свою речь похвалой в адрес еще одного художника: «великого ученика Дарвина на немецкой земле, Геккеля». Иллюстрируя свою речь изображениями из книги Геккеля «Красота форм в живой природе», он старался «привлечь особое внимание к тому, как Геккель, при помощи своего метода естественного наблюдения, обрел способность хорошо различать художественные формы в окружающей природе».

Эрнст Геккель (1834–1919) был одним из самых знаменитых ученых в мире. В одной из его недавних биографий написано, что «из его многочисленных и объемных публикаций люди почерпнули больше сведений об эволюционной истории, чем из какого бы то ни было иного источника», включая даже работы самого Дарвина. За тридцать лет было продано менее сорока тысяч экземпляров книги Дарвина «Происхождение видов», в то время как научно-популярный труд Геккеля «Загадка Вселенной» разошелся тиражом более чем в шестьсот тысяч в одной только Германии, а также был переведен на множество языков, от санскрита до эсперанто. Сам Ганди хотел перевести эту книгу на индийский язык гуджарати, считая ее «научным

противоядием от смертельных религиозных войн, пожиравших Индию». Помимо популяризации теорий Дарвина список научных достижений Геккеля включает в себя открытие тысяч новых видов (3500 лишь после одной из его полярных экспедиций); точное предсказание того, где будут найдены останки особей, являющих собой «недостающее связующее звено» между человеком и обезьяной; создание концепции экологии и ранние разработки в области эмбриологии. Его теория о том, что развитие индивидуума следует по пути общего развития видов — «онтогенез является срезом филогенеза», — имела огромное влияние как в биологической науке, так и в популярной культуре.

Геккель был и художником. Начинающий пейзажист в юности, он в итоге совместил искусство и науку в своих роскошно проиллюстрированных трудах. Дарвин восхищался Геккелем и как ученым, и как художником, называя два тома его прорывной книги «самыми поразительными трудами, которые я когда-либо видел», а его же «Естественную историю творения» — «одной из самых примечательных книг нашего времени».

Книга «Красота форм в живой природе», которую Роршах использовал, чтобы проиллюстрировать свой студенческий доклад, представляла собой визуальное суммарное изложение понятий структуры и симметрии сквозь призму мира природы, описывая гармонии, связывающие друг с другом амеб, медуз, кристаллы и все разновидности высших форм. В виде единой книги она была опубликована в 1904 году, однако в период с 1899 по 1904 год выходили также альбомы, включавшие в себя сотню иллюстраций из этой книги: десять альбомов, по десять рисунков в каждом. «Красота форм» была популярна и влиятельна как в научном мире, так и в сфере искусства, став своеобразным визуальным словарем для направления ар-нуво и выводя на передний план особый взгляд на природу. Тот факт, что горизонтально симметричные формы кажутся нам «органичными», отчасти является наследием метода Геккеля видеть окружающий мир. «Красота форм в живой природе» стояла на видном месте в домах немецкоязычной Европы и за ее пределами; в семье Роршахов имелись по меньшей мере некоторые из иллюстраций. Написанный Ульрихом «Очерк по теории формы», хотя Геккель в нем и не упоминается, был фактически прозаическим аналогом книги Геккеля, несшим в себе заметное влияние его «словаря форм».

Вверху. Два рисунка из работы Геккеля «Красота форм в природе»: «Офиуры» и «Мотыльки» (гравюра Адольфа Гильча по рисункам Геккеля). *Внизу.* Фантазия Германа Роршаха

Одним из центральных моментов в репутации Геккеля был его крестовый поход против религии. Возможно, именно личная антирелигиозная активность Геккеля во многом является причиной того, что дарвинизм стал предельно атеистической наукой, находящейся в самом центре вражды между наукой и религией, хотя геология, астрономия и многие другие области знания содержат настолько же неканоничные, с библей-

ской точки зрения, факты. Этим Герман тоже восхищался. Как и его отец, он относился к религии терпимо, но отказывался видеть окружающий мир сквозь религиозные очки. В записях секретаря «Скафузии» говорится, что в одной из своих речей, посвященных Дарвину, «Клекс попытался полностью развенчать известное антидарвинистское утверждение, гласящее, что дарвинизм подрывает основы христианской морали и принижает значимость Библии».

Уже работая репетитором, Роршах подумывал о том, чтобы стать учителем, как его отец, но был обеспокоен тем, что ему, возможно, придется учить детей религии. Он предпринял необычный шаг — написал Геккелю, прося у него совета, и знаменитый богоборец ответил: «Как мне кажется, твои опасения не имеют под собой почвы... Прочитай мою “Монистическую религию” — это своеобразный компромисс с официальной церковью. Мы должны дипломатично обходиться с чужим положительным мнением о господствующей религии (*к сожалению!*)».

Этот храбрый поступок семнадцатилетнего юноши вырос впоследствии в нечто большее. По воспоминаниям нескольких человек, близко знавших Роршаха, он спросил Геккеля, стоит ли ему поехать в Мюнхен, чтобы учиться рисованию, или же начать карьеру в медицине, — и великий человек посоветовал науку. Вряд ли Роршах, планируя свое будущее, полностью положился на совет незнакомого человека, и, насколько известно, он писал Геккелю лишь один раз. Однако основополагающий миф для карьеры Роршаха был рожден. Практический вопрос, касавшийся преподавательской работы, превратился в символический выбор между искусством и наукой, а самый влиятельный художник-ученый старшего поколения передал свой жезл художнику-психологу из поколения нового.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Я ХОЧУ ЧИТАТЬ ЛЮДЕЙ

«Насколько я понимаю, этот волдырь на горном склоне может в любой момент соскользнуть в озеро, с грохотом и запахом серы, как это случилось с Содомом и Гоморрой в стародавние времена», — Роршах явно не был в восторге от расположенного во франкоговорящей западной Швейцарии городка под названием Невшатель, где он провел несколько месяцев после того, как закончил школу в марте 1904 года. Многие немецкоязычные швейцарцы перед поступлением в университет брали дополнительный семестр, чтобы улучшить свой французский. Роршах хотел давать уроки латыни и на французском тоже, чтобы посылать больше денег домой. Он был одержим идеей поехать для обучения прямо в Париж, но строгая мачеха не позволила ему сделать этого. По сравнению с Шаффхаузеном, в котором Роршах чувствовал себя «настоящим ученым», невшательская Академия казалась скучной: «Не было глупее места, в котором я мог бы оказаться, чем эта унылая помесь Германии и Франции».

Единственным плюсом Академии являлся двухмесячный языковой курс, проходить который нужно было во французском Дижоне. Там Роршах время от времени захаживал в легальные во Франции бордели, для регулярного посещения которых он был слишком беден. «30 августа, — писал он в своем тайном дневнике, ключевые моменты в котором были, для еще большей тайны, зашифрованы при помощи стенографии, — посетил “дом терпимости”: красные фонари на узенькой аллее, красивый домик... проститутки повсюду [неразборчиво]; *Tu me paye un bock*? *Tu vas coucher avec moi*? [«Купишь мне пива? Хочешь со мной переспать?»].

Именно в Дижоне произошел резкий поворот в интересах Роршаха. Вдохновленный русскими писателями, которых он

читал в Шаффхаузене, Герман начал искать общества русских людей. «Все знают, что русские очень легко учат иностранные языки», — писал он Анне, и, что было важнее для молодого человека, который жил на чужбине совсем один: «Они любят поговорить и легко обзаводятся друзьями». Особенный интерес он вскоре стал проявлять к одному конкретному человеку, политическому реформатору и «близкому другу самого Толстого». «Этот добрый господин уже поседел, — писал Роршах, — и не просто так».

Иван Михайлович Трегубов, рожденный в 1858 году, был выслан из России и, как и сам Роршах, приехал в Дижон, чтобы учиться французскому. Роршах называл его «человеком глубочайшей души» и писал, что «хочет впоследствии извлечь выгоду из знакомства с ним». Трегубов был не просто другом Льва Толстого, а находился в самом центре его «ближнего круга», будучи лидером духоборов, — предельно пацифистской секты, в деятельности которой Толстой принимал участие на протяжении десятилетий. Это было первое столкновение Роршаха с настолько традиционалистским духовным движением. В России было много подобных сект и организаций: от староверов, флагеллантов, отшельников и странников до прыгунов, молокан и скопцов. Все они были лишены гражданских прав вплоть до революции 1905 года и преследовались либо подавлялись церковью и государством. Духоборы были одним из самых почтенных таких сообществ, ведя свою историю по меньшей мере с середины XVIII века.

В 1895 году Толстой назвал духоборов «явлением чрезвычайной важности», настолько возвышенными, что они являются «людьми 25-го столетия». Он сравнил их влияние с появлением на Земле Иисуса Христа. В 1897 году, за четыре года до вручения первой Нобелевской премии мира, Толстой написал открытое письмо шведскому редактору, утверждая, что деньги Нобеля должны достаться духоборам, а сам вернулся из заявленной ранее «отставки», чтобы написать свой последний роман «Воскресение» и отдать все доходы от него секте. К тому времени Толстой был не просто автором таких популярных произведений, как «Анна Каренина» и «Война и мир», но также духовным лидером, провозгласившим «очищение души». Он вдохновлял людей по всему миру носить простые белые рубахи, становиться вегетарианцами и работать во благо мира — быть «толстовцами». То, что он представлял собой для Роршаха

и миллионов других, было не просто литературой, а моральным крестовым походом, цель которого — исцеление мира.

Трегубов открыл Роршаху глаза. «Наконец-то этот молодой швейцарец, который меньше всего в своей жизни заботился о вопросах политики, — писал он из Дижона, говоря о себе в третьем лице, — начинает понимать, что такое политика. Отдельное спасибо за это нужно сказать русским, которым приходится учиться так далеко от своего дома, чтобы найти свободу, которая им нужна». Вскоре он напишет: «Я думаю, окажется так, что мы увидим: Россия будет самой свободной страной в мире, свободнее, чем наша Швейцария». Он начал изучать русский, совершенствуя владение языком в течение двух лет, пока у него не было занятий.

Именно в таком контексте Роршах окончательно обнаружил свое призвание. У него уже возникало желание стать врачом. Анна вспоминала, как он сказал: «Хочу узнать, возможно ли помочь отцу». Но в Дижоне он понял: «Я больше не хочу читать просто книги, как я делал это в Шаффхаузене. Я хочу читать людей... Чего мне хочется — так это поработать в сумасшедшем доме. В принципе, почему бы и не освоить врачебную специальность полностью, но самая занимательная вещь в природе — это человеческая душа, а самое лучшее, что может сделать человек, — лечить эти души, больные души». Склонность к психологии была обусловлена не столько его профессиональными или интеллектуальными амбициями, сколько «толстовским» импульсом лечить души, а также близким общением с такими представителями русского народа, как Трегубов. Когда Роршах покинул «гнойник на склоне горы», он был намерен продолжить свое обучение в школе психиатрической медицины мирового класса, в городе, где проживала одна из крупнейших русских диаспор в Европе.

В конце концов Роршаху удалось наскрести достаточно денег, чтобы поступить в университет. Поскольку его отец был гражданином двух швейцарских городов, Арбона и Шаффхаузена, Герман мог рассчитывать на финансовую помощь от обеих коммун. Говоря конкретнее, это был величайший подарок, который могла ему дать склонность его родителей к перемене мест. Осенью 1904 года, за несколько недель до своего двадцатого дня рождения, он прибыл в Цюрих с ручной тележкой личных вещей и менее чем тысячей франков за душой.

Он был пяти футов ростом, худощавый и атлетически сложенный. Ходил обычно быстро и целеустремленно, с руками, сцепленными за спиной, а разговаривал тихо и спокойно. Он

был полон жизни и серьезен, его пальцы с одинаковой ловкостью делали наброски рисунков или вырезали изобилующие деталями поделки из дерева. Его глаза были светло-голубыми, почти серыми — хотя в некоторых официальных документах их цвет описан как «карий» или «серо-карий». В его военном приписном свидетельстве, маленькой книжечке, которую швейцарские мужчины хранят при себе всю жизнь, Герман был признан негодным к службе, как и многие молодые люди, оказавшиеся лишними в стране, где институт армии играл одну из основополагающих ролей. Причиной послужило плохое зрение: 20–200 в левом глазу.

Роршах родился в Цюрихе, но был увезен оттуда в слишком юном возрасте, чтобы помнить город и жизнь в нем. Позднее он приезжал туда вместе с родителями. В своем первом письме к Анне после приезда в 1904 году он написал: «Посетил вчера две художественных выставки, думая о нашем дорогом отце. Несколько дней назад я также отправился на поиски той маленькой скамейки, на которой мы с ним сидели, — и нашел ее». Но вскоре на смену воспоминаниям пришла новая жизнь.

Он планировал остановиться в гостинице, которую держал друг их семьи, помогая по хозяйству в обмен на жилье, но прислушался к совету одноклассника и выбрал более независимые жилищные условия. Некий дантист и его жена сдавали внаем две светлых и просторных недорогих комнаты на Вайнплатц, в двух шагах от протекавшей через центр города реки Лиммат. Дом стоял на месте, где во времена Римской империи, когда Цюрих носил название Турикум, располагались общественные бани. Роршах поселился там за компанию со знакомым студентом-медиком из Шаффхаузена и еще одним парнем, который обучался музыкальным искусствам. У них были общая спальня и рабочая комната, они делились книгами. По признанию Роршаха, такие условия были для него более выгодными, чем для соседей. Студент-медик, Франц Шверц вставал в четыре утра и отправлялся на занятия в анатомический класс, а в девять вечера он уже крепко спал. Музыкант отсутствовал по вечерам и по выходным. Роршах мог заниматься своими делами как по утрам, так и по вечерам. Единственным неудобством было то, что окно спальни находилось прямо под башней церкви Святого Петра, имевшей самые громкие церковные часы во всей Европе, — их удары будили его вне зависимости от его желания.

Но жить там было дешево — всего семьдесят семь франков в месяц, с учетом двухразового питания каждый будний день.

Шверц вспоминал эти трапезы как очень обильные и вкусные, а Роршах писал мачехе, что они «очень хороши, почти такие же, как твоя домашняя кулинария». (Средние расценки на проживание в Цюрихе составляли четыре франка в день, а приличный завтрак в ресторане обходился в один франк.) По воскресеньям студенты должны были обеспечить себе завтрак сами, поэтому еще в субботу они закупали подкопченные колбаски в мясной лавке на углу и жарили их в апартаментах на следующее утро, наполняя дом вкусным запахом, разжигавшим аппетит. Заняться по выходным было особо нечем, кроме как бесцельно слоняться по улицам в любую погоду, — «бедные студенты» не могли позволить себе пойти ни в бар, ни в кино, ни в театр. Часто они «возвращались домой скучающими и замерзшими, чтобы съесть вторую колбаску за день».

Любая возможность добыть лишних денег очень ценилась. Когда Роршах, игравший маленькие роли в университетских постановках, вспомнил, что студенческий союз спонсирует конкурс театральных афиш, он на скорую руку нарисовал карикатурного профессора, подписал картинку рифмованным куплетом из детской книги Вильгельма Буша о приключениях крота и отправил работу на конкурс. Через две недели ему прислали по почте столь нужные десять франков — третье место.

Несмотря на крайне жесткий график обучения в одном из лучших медицинских училищ мира — десять курсов в течение его первого зимнего сезона (с октября 1904 по апрель 1905 года) и еще двенадцать за время летнего (с апреля по август 1905 года), — Роршах не превратился в «ботаника», непрерывно грызущего гранит науки. Его лучший университетский друг, Вальтер фон Висс, вспоминал Роршаха как запойного читателя, интересующегося всем подряд. Находилось время для искусства, разговоров и изучения ассортиментов прекрасных книжных магазинов «Афин на Лиммате», как интеллектуалы называли Цюрих.

Роршах часто проводил долгие субботние вечера в «Кюнстлергютли» (нем. *Künstlergütli*), на то время единственном в Цюрихе публичном художественном музее, расположенном по другую сторону реки на небольшом холме напротив университета. Он и его друзья вдоль и поперек изучили галереи современного швейцарского (и не только) искусства: сцены крестьянской жизни кисти жанрового художника XIX века Альберта Анкера, которого называли «швейцарским Норманом

Рокуэллом», картины природы неоромантика Пола Роберта, сентиментальные работы (например, «Старый монах перед кельей») Карла Шпицвега. Коллекция включала самую известную картину мастера реализма Рудольфа Коллера, необычайно динамичную «Санкт-Готардскую почту», а также «Речную сцену» величайшего цюрихского писателя и любимого поэта Роршаха, Готфрида Келлера. Некоторые работы проложили дорогу в будущее: «Процессия гимнастов» Фердинанда Ходлера и ужасающая «Война» пионера ар-нуво и протосюрреалиста Арнольда Бёклина, которого Роршах упоминал в своей речи «Поэзия и живопись», когда учился в старших классах средней школы.

В обсуждениях, которые следовали за посещениями галерей, Роршах брал на себя роль лидера и спрашивал друзей, что они увидели на картинах. Ему нравилось сравнивать разные эффекты, которые каждое полотно произвело на отдельно взятого человека. Вот перед нами возмутительно психосексуальное полотно «Пробуждение весны» кисти Бёклина: играющий на флейте волосатый козлоногий сатир, возвышающаяся над пейзажем женщина в красной юбке и с обнаженной грудью и кровавая река между ними. Что это может значить?

Роршах начал разделять людей на категории, гордясь тем, что сам остается яркой индивидуальностью. После триумфальной сдачи предварительных экзаменов в апреле 1906 года он хвастался Анне: «Я был единственным, кто сделал это после четырех семестров. Другим понадобилось пять, шесть, семь и даже восемь, — но лучшие результаты были у меня и у двоих ребят с пятью семестрами». После этого он заслужил право посматривать на своих соучеников свысока:

«Я был особенно счастлив, потому что до и во время экзаменов многие воспринимали меня как “чужака”, несмотря на то, что я учился очень усердно. Среди студентов-медиков существует один очень распространенный тип: парень, который пьет много пива, почти никогда не читает газет, а когда он хочет сказать что-нибудь умное, то говорит лишь о болезнях и преподавателях. Он гордится собой до невозможной степени, особенно работой, которую еще только намеревается получить. Он с удовольствием загодя размышляет о том, какая у него будет богатая жена, роскошная машина и как он будет разгуливать с тростью, украшенной серебряным набалдашником. Такие личности всегда очень недовольны, когда кто-то другой действует иначе, но тем не менее успешно сдает экзамены».

В возрасте двадцати одного года такие мысли возникают у многих чувствительных натур, но Роршах не написал бы этого письма, если бы не опыт, который он получил ранее в Дижоне.

Наиболее очевидным признаком его «инаковости» было то, что он проводил много времени с проживающими в городе экзотическими иностранцами. Цюрих был полон русских, — царившая в Швейцарии политическая свобода привлекала бесчисленных анархистов и революционеров. Владимир Ленин жил здесь в ссылке между 1900 и 1917 годом, и он предпочитал Цюрих Берну по той причине, что в Цюрихе было «много революционно настроенных молодых иностранцев», не говоря уже о замечательных библиотеках «без запретных зон, с прекрасными каталогами, открытыми хранилищами и персоналом, исключительно заинтересованном привлечь читателя и помочь ему». Это была готовая модель для будущего советского общества. Поблизости от Цюрихского университета располагалась коммуна «Маленькая Россия» — с русскими пансионами, барами и ресторанами. Как подметил наш уважаемый швейцарец, дебаты в «Маленькой России» протекали горячо, а еду подавали холодной.

Во времена Роршаха половина из более чем тысячи обучавшихся в университете студентов были иностранцами, среди них было немало женщин. Две швейцарские студентки занимались изучением философии в Цюрихе в 1840-х годах, проложив дорогу к изучению медицины женщинами — уже в 1860-х. Первой в истории женщиной, получившей докторскую степень в медицине, стала в 1867 году русская, обучавшаяся в Цюрихе, Надежда Суслова. Тем временем в самой России женщин не принимали в университеты до 1914 года, в Германии — до 1908 года.

Эти иностранки, в свою очередь, составляли большинство среди цюрихских студенток, поскольку швейцарские отцы не позволяли своим чистокровным дочерям «общаться со всяким сбродом». Эмма Раушенбах, наследница из Шаффхаузена и будущая жена Карла Густава Юнга, закончила школу на родине, но не получила разрешения семьи изучать науки в университете Цюриха. «Было просто немыслимо даже предположить, что дочь Раушенбаха может стать одной из множества студентов, наполнявших университет, — написано в недавней биографии Юнга. — Кто мог предвидеть, под влияние каких идей рисковала попасть такая девушка, как Эмма, в подобном окружении? Университетское образование могло сделать ее неподходящей

партией для брака с кем-то социально равным».

Русские женщины тем не менее стекались в Цюрих, смело противостоя не только сексизму со стороны местных студентов и профессоров, но также протестам немногочисленных швейцарских студенток, которые опасались, что это «нашествие полуазиатских захватчиков» отвлекает внимание от более достойных местных жителей и превращает университет в «школу славянской культуры».

Однако русских женщин в Цюрихе не только высмеивали, называя «синими чулками» или «революционерками с распахнутыми глазами», — многие преклонялись перед их красотой. Одна черноволосая студентка из России, Браунштейн, была известна в Цюрихе как Рождественский Ангел. Прохожие оборачивались ей вслед на улицах и просили у нее фотокарточку, но она всегда отказывала. Когда какие-то студенты-химики пригласили ее на ежегодную вечеринку своего факультета, они подписали приглашение ее общеизвестным прозвищем, дописав также «MnO_2» — химическую формулу диоксида марганца, что по-немецки называется *Braunstein* («браунштейн», т. е. «бурый камень»), — и рьяные посыльные шныряли по городу, пока не разыскали девушку, — но она опять отказалась. Роршах, который хотел написать ее портрет, преуспел там, где другие потерпели поражение. Он пригласил ее с подругой к себе домой, пообещав показать рукописное письмо от Льва Толстого. Он неплохо говорил по-русски, уважал русских женщин, оказавшихся не в самом дружелюбном окружении, и, вероятно, свою роль сыграл также его презентабельный внешний вид. Тем субботним вечером Роршах не пошел, как обычно, смотреть картины в музей, а стал писать собственную, засев за мольберт в комнате на Вайнплатц, 3.

Проживавшие в Цюрихе русские не были однородной группой. Кто-то из них был молод, кто-то постарше. Кто-то был истинным революционером, как, например, одна девушка, которая была вынуждена сбежать из России в Японию, пройдя через всю Сибирь, а после длинным окружным путем вернулась в Европу на корабле, в то время как другие были «истинно буржуазными, скромными, много работали и всячески старались избегать политики». Некоторые были богаты, например пациентка, ученица, коллега и любовница Юнга, Сабина Шпильрейн, которая, как и Роршах, приехала в Цюрих в 1904 году. Другие едва сводили концы с концами. К последним принадлежала дочь казанского аптекаря Ольга Васильевна Штемпелин.

Как и Герман, Ольга была старшей из троих детей, и так же, как это случилось с ним, обстоятельства заставили ее взять на себя роль главы семьи. Она родилась у Вильгельма Карловича и Елизаветы Матвеевны Штемпелин в июне 1878 года, в городе Буинск, расположенном близ Казани, торгового узла на Волге, бывшего для Российской империи «воротами на восток». Несмотря на то что двери женских школ в России были открыты лишь для дочерей богатых родителей, ей удалось поступить в Родионовский институт благородных девиц в Казани, это стало возможным благодаря военным заслугам ее прапрадеда. В 1902 году она приехала в Берлин, где сделала перерыв в обучении, чтобы работать и помогать деньгами своей семье, а спустя три года перевелась в медицинское училище Цюриха. Люди, знавшие ее по Цюриху, запомнили Ольгу как самую умную среди соучеников в своей группе.

В начале сентября 1906 года Роршах послал Анне цветистое описание происхождения и характера Ольги:

«Мои русские друзья в массе своей разъехались по домам после летнего семестра, но одна женщина, с которой я познакомился недавно, около двух месяцев назад, уезжает только сейчас. Я часто думаю, что она из тех, с кем тебе непременно нужно познакомиться: она идет одна по своей жизненной тропе, и, стоит отметить, когда ей было двадцать, она в течение полутора лет содержала всю свою семью, занимаясь репетиторством и копированием документов, — больного отца, мать и двух младших детей. Ей скоро исполнится двадцать шесть, и она на последнем году обучения в медицинском училище, полна жизни и бодрости. Хочет после того, как получит диплом, работать доктором в крестьянской деревне, вдали от людей высшего класса, и лечить заболевших крестьян — до тех пор, пока кто-нибудь из них, возможно, не забьет ее до смерти. Ты могла хотя бы представить, что есть люди, у которых такая жизнь? Эта гордость, эта смелость — вот что отличает русских женщин».

Благородная, талантливая, артистичная — Герман срисовал характер Ольги с самого начала их знакомства. Однако кое-что настораживало, — она была на шесть лет старше Германа, т. е. на самом деле ей должно было исполниться *двадцать восемь*.

Ольга воплощала в глазах Роршаха тот образ России, который сформировался у него в Дижоне. Когда Трегубов вернулся в Россию и Роршах потерял с ним связь, молодой студент принял меры, чтобы его разыскать. «Дорогой граф Толстой, — писал

он в январе 1906 года. — Пишет вам молодой человек, который обеспокоен судьбой Вашего друга и надеется, что Вы уделите ему несколько минут вашего времени». Секретарь Толстого ответил, и связь с Трегубовым была восстановлена. Вот что еще написал Роршах Толстому, открывая великому писателю свою душу:

«Я научился любить русских людей... их мятежный дух и подлинные чувства... Я даже завидую их способности быть такими приветливыми, а также тому, что они могут позволить себе заплакать, когда им грустно... Способность видеть и преобразовывать окружающий мир, как люди Средиземноморья, способность осмысливать мир, как немцы, умение чувствовать его, как могут чувствовать только славяне, — смогут ли эти замечательные вещи когда-нибудь сплестись воедино?»

«Русскость» для Роршаха означала *чувство*: уметь испытывать сильные, неподдельные эмоции и быть способным поделиться ими. «Понимать друг друга сердцем, без формальностей, без уловок и намеков, свойственных миру интеллектуалов, — писал он Толстому, — это то, к чему стремимся мы все».

Он был далеко не единственным среди европейских интеллектуалов, кто рассматривал русских подобным образом. Русские романы и пьесы поражали воображение многих известных деятелей культуры и науки: от Вирджинии Вулф до Кнута Гамсуна и Зигмунда Фрейда. Русский балет был «хитом сезона» в Париже. Географическая необъятность России, комбинация европейской цивилизации с эпичной инаковостью, а духовной глубины — с политической отсталостью вызывали на континенте как восторг, так и озабоченность. Насколько бы точным или ошибочным ни было такое видение раздираемой страстями страны, именно оно сформировало не покидавшее Роршаха всю жизнь желание научиться, как он сам это называл, «понимать сердцем» и быть понятым на том же духовном уровне.

Цюрих сделал возможным укрепление близких культурных и личных связей Роршаха с Россией. В то же время его продолжал занимать вопрос: что же значит быть понятым. Профессора, учившие Роршаха, бились над исконными значениями таких понятий, как человеческий разум и его желания. Психиатрия освещала новые дороги в первом десятилетии XX века, и Цюрих стоял на перекрестке этих дорог.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

НЕОБЫЧАЙНЫЕ ОТКРЫТИЯ И ВОЮЮЩИЕ МИРЫ

Плотный силуэт профессора был узнаваем издалека. Он спешно прибыл из больницы, чтобы взойти на подиум, где стоял теперь, слегка склонившись вперед, пяти футов и трех дюймов ростом, сильно заросший бородой и внушительный в своей стати. Его движения были угловатыми и дергаными, а когда он говорил, лицо его становилось неестественно оживленным, превращаясь практически в гримасу. Лекция, касавшаяся вопросов клинических и лабораторных техник, была преподана с позиций опытного практика и содержала множество отсылок к статистике, но также подчеркивала, снова и снова, важность эмоционального контакта с пациентами. Знающий свое дело, профессиональный и временами слегка суетливый, этот человек был очень скромен и очевидно добр. Порой было трудно поверить, что это не кто иной, как Эйген Блейлер, один из наиболее уважаемых психиатров в мире, чьи методы изучали в учебных классах по всей Европе и обсуждались самыми активными студентами после занятий.

Еще один лектор в том же отделении выглядел как угодно, но не скромным. Высокий, безупречно одетый, с аристократическими манерами и интонациями, он был внуком знаменитого врача, который, по слухам, являлся внебрачным ребенком великого Гёте. Он представлял собой соблазнительную смесь уверенности и чувственности — даже некоторой уязвимости, — и прибыл пораньше, чтобы присесть на скамейку, к которой каждый из присутствующих в зале стремился подойти, чтобы поговорить с ним. Его лекции были открыты не только для студентов, но и для всех желающих, а высокое качество, увлекательность и широкий диапазон затрагиваемых тем сделали эти лекции настолько популярными, что их пришлось пере-

нести на более крупную площадку. Вскоре этот человек «обзавелся восторженной, бросающейся в глаза женской свитой» из числа так называемых «цюрихбергских дам в пальто» — представительниц богатейшего городского района Цюрихберг. Они «с самоуверенностью и достоинством заявлялись на каждую его лекцию и занимали лучшие места, чем провоцировали неприязнь со стороны студентов, вынужденных стоять в заднем конце зала». Потом «дамы» стали приглашать своего кумира к себе домой, чтобы он вел там частные дискуссионные клубы. Дочь одной из этих женщин нелестно отзывалась об этих поклонницах профессора как о «сексуально озабоченных фанатках или климактерических истеричках».

Вместо того чтобы обращаться к сухой статистике и инструктировать будущих практиков насчет лабораторных техник, Карл Юнг (а это был именно он) говорил о семейной динамике и рассказывал реальные истории из жизни разных людей, часто женщин, таких же, как те, что присутствовали среди его публики. Он имел в виду — и даже прямо говорил, — что их собственные «тайные истории» содержат в себе ключ к намного большему количеству истины, чем то, что врачи смогли бы обнаружить самостоятельно. Заложенное в его словах послание было волнующим. Его обезоруживающая интуиция порой казалась чем-то волшебным.

То были учителя Роршаха, сформировавшие не только его собственный жизненный путь, но и будущее психологии.

В первом десятилетии XX века Цюрих был центром существенной трансформации понимания и лечения психических заболеваний. К началу века в научном поле присутствовало глубокое разделение между уважением к субъективному внутреннему опыту и попыткой достичь научной респектабельности, фокусируясь на объективных данных и основных законах. Были ученые, известные как «психопатологи», часто французы, которые стремились изучать разум, и другие, чаще немцы, занимавшиеся так называемой «психофизикой», — эти предпочитали резать скальпелем мозг. На этот профессиональный и географический разброс позиций накладывалось, хоть и не везде, институциональное разделение между психиатрами, которые обычно были сосредоточены в больницах или клиниках, и психологами, работавшими в университетских лабораториях. Психиатры старались вылечить пациентов, психологи же изучали науки. Бывали случаи «перехода из партии в партию»,

и наиболее значительный вклад в развитие психологии часто вносили практикующие психиатры. Фрейд и Юнг, например, оба были психиатрами и докторами медицины. Но психиатры были врачами, имевшими степень в области медицины, психологи же являлись учеными-исследователями и получали степень в области философии.

Несмотря на успехи в неврологии и классификации болезней, среднестатистический психиатр XIX века не мог сделать почти ничего, чтобы по-настоящему помочь людям. Впрочем, по большому счету, то же самое можно было сказать о медицине в целом: ни антибиотиков, ни анестезии, ни инсулина. Описывая жизнь врача более ранней эпохи, Джанет Малкольм пишет: «Медицина во времена Чехова была бессильна излечить то, что она лишь недавно начала осваивать. Врачи понимали суть заболеваний, но не могли лечить. Каждый честный доктор считал свою работу крайне депрессивной». Психиатрия же находилась в еще худшем состоянии.

За пределами медицины границы между академической «твердой» наукой и гуманитарными науками были все же пересмотрены. Должна ли цель психологии заключаться в том, чтобы научным способом *определить* состояние человека, с описанием симптоматики и законов, по которым развивается заболевание, или же она состоит в том, чтобы более гуманистическими методами попытаться *понять* конкретную личность и причину ее страданий. Говоря практическими терминами, должен ли начинающий молодой психолог изучать научный метод или же философский? В прежние времена — до Фрейда и современной неврологии — психологию рассматривали главным образом как ответвление философии. Просто не существовало иного способа попытаться понять человеческое сознание. Медицинские доктрины тоже во многом совпадали с религиозными учениями о добродетели и грехе, характере и самоограничении. Психиатры пытались лечить случаи одержимости бесами, а их самой продвинутой технологией был месмеризм.

Роршах был студентом, когда все это начало меняться. Фрейд выработал теорию бессознательного разума и сексуальных мотивов, которая свела воедино психопатологию, психофизику, а также новую эффективную дисциплину — психотерапию, в то же время заново интегрируя гуманитарные науки в науку естественную и задавая новое разделение между нормальностью и болезнью. Казавшиеся раньше бессмыслен-

ными фантазии психопатических пациентов теперь расшифровывались, а их болезни лечились методами, основанными на допущениях, которые выглядели невероятными в глазах ученых-материалистов, исследовавших мозг.

Однако в то время, когда Роршах поступил в медицинское училище, все, что было у Фрейда, — это диван в его венском кабинете и узкий круг клиентов-невротиков. За первые шесть лет после выхода в печать «Толкования сновидений» было продано всего 351 экземпляр этой книги. С точки зрения научной и институциональной респектабельности, а также ресурсов и международной репутации, которые нужны были, чтобы устояться по-настоящему влиятельному движению, психоанализу был очень важен Цюрих.

Медицинское училище при Цюрихском университете было гибридным институтом, привязанным к Бургхёльцли, — лаборатории, университетской психиатрической клинике и учебной больнице, открытой в 1870 году и, ко времени описываемых событий, признанной лучшей в мире. Это было крупное учреждение, стоящее на балансе кантона Цюрих, а находились там в основном необразованные пациенты из низших слоев общества, страдавшие от шизофрении, третичного сифилиса и других болезней, имеющих психические причины или последствия. Однако руководство больницы было связано также и с недавно созданной кафедрой психиатрии университета.

В большинстве университетов авторитетные профессора психиатрии были исследователями мозга, имевшими маленькие клиники и небольшой набор практических примеров, на основе которых они могли учить студентов. Но любой профессор психиатрии в Цюрихе, как пишет историк Джон Керр, был в ответе более чем за сотню пациентов, большей частью неизлечимых. И эти пациенты были местными, они говорили на нижнегерманском наречии или же цюрихском диалекте немецкого, — профессор мог в буквальном смысле не понимать их слов. Неудивительно, что ряд директоров клиники очень быстро покинули эту должность по собственному желанию, и, в то время как университетская профессура набирала влияние и стать, район Бургхёльцли был более знаменит в окрестностях благодаря публичному дому, стоявшему на отшибе, а вовсе не больнице. Были изменения к лучшему под руководством директора Августа Фореля, но и он вскоре уволился. В 1898 году Форель передал бразды правления клиникой Эйгену Блейлеру

(годы жизни которого — 1857–1939 — практически полностью совпадали с жизнью Зигмунда Фрейда).

Блейлер происходил из Золликона, соседствующей с Бургхёльцли фермерской деревни в окрестностях Цюриха. Его отец и дед были участниками борьбы 1830-х, целью которой были равноправие для крестьян и основание Цюрихского университета. Блейлер был вторым в своей деревне человеком, закончившим университет, и первым из ее уроженцев, кто стал учиться на врача. На протяжении всей жизни он никогда не забывал о своих деревенских корнях, как и о классовой борьбе и политической сплоченности, которые сделали возможной его карьеру. Самое главное — он говорил на местном языке, а значит, мог понять, что говорят его пациенты.

Господствующее мнение гласило, что люди, находившиеся под опекой Блейлера, безнадежны. Вот что говорил об этом Эмиль Крепелин, психиатр, давший тому, что мы сегодня именуем шизофренией, название «раннее слабоумие» (*dementia praecox*): «Мы знаем теперь, что судьба наших пациентов обусловлена главным образом тем, как развивается болезнь. Нам редко удается изменить ее течение. Мы должны открыто признать, что подавляющее большинство пациентов, что свалены в кучу в наших заведениях, потеряны навсегда». И даже более жестко: «Огромная масса не вылеченных пациентов, скопившихся в наших клиниках для душевнобольных, принадлежит раннему слабоумию, клиническая картина которого описана выше как рано или поздно наступающий коллапс личности». По словам врача, они «принадлежали» болезни. Фрейд также говорил, что эти пациенты не поддаются исцелению. Блейлер, однако, работая «на передовой», смог выяснить иное. Как оказалось, граница между душевным нездоровьем и здоровьем вовсе не настолько непреодолима, как считали его университетские коллеги. А отношение к пациентам как к «огромной массе, сваленной в кучу», было на самом деле частью проблемы.

До того как стать директором Бургхёльцли, Блейлер двенадцать лет прожил при крупнейшем в Швейцарии доме умалишенных, расположенном на острове-монастыре, — больнице (изначально это была базилика XIX века), где содержалось от шестисот до восьмисот пациентов. И там, и в Бургхёльцли Блейлер глубоко погружался в мир серьезно больных людей, посещая палаты до шести раз в день и часами разговаривая с неспособными ответить больными, пребывавшими в состо-

янии кататонии. Своих помощников он загружал работой до предела, — они работали по восемьдесят часов в неделю. Еще до 8:30 утра начинались утренние обходы, а после вечерних нужно было вести истории болезней, делая записи об изменении состояния пациентов. Эта работа часто затягивалась до 10–11 часов вечера. Сотрудники жили почти в монашеской аскезе, им было запрещено употреблять алкоголь. За очень редким исключением, врачи и прочий персонал спали в общих спальнях. Но у них не было морального права жаловаться на эти жесткие условия, поскольку их начальник — Блейлер — работал больше, чем кто-либо из них.

Живя в столь близком контакте со своими пациентами, Блейлер понял, что их реакции на окружающую среду более разнообразны и в меньшей степени продиктованы душевным расстройством, чем было принято считать. Например, они вели себя по-разному с разными родственниками или с представителями противоположного пола. Их симптомы нельзя было полностью объяснить с позиции биологического детерминизма. Они вовсе не были обречены — по крайней мере не безоговорочно. Даже в самых серьезных случаях прогрессия заболеваний могла быть приостановлена или вовсе получить обратный ход, если врачи налаживали хорошие личные отношения с пациентами. Блейлер мог неожиданно выписать пациента, который казался серьезно больным, или пригласить особенно агрессивного больного на официальный ужин к себе домой. Он был первопроходцем трудотерапии и прочих «реальностно-ориентированных задач». Его пациенты рубили дрова, присматривали за товарищами по несчастью, больными тифом, и многие случаи, в течение долгого времени считавшиеся безнадежными, заканчивались выздоровлением, что казалось настоящим маленьким чудом. Когда его пациенты-шизофреники трудились в полях, Блейлер присоединялся к ним, с удовольствием занимаясь работой, знакомой ему по дням юности в Золликоне. Блейлер посвятил свою жизнь тому, чтобы наладить эмоциональную связь с каждым из находившихся на его попечении людей. Как пациенты, так и персонал часто называли его «отцом».

Именно Блейлер придумал название «шизофрения», что является самым известным его вкладом в психиатрическую науку. Он изобрел такие термины, как «аутизм», «глубинная психология» и «амбивалентность». Он сделал это потому, что

предложенное ранее Крепелином название «раннее слабоумие» означало «преждевременное начало потери разума», нечто биологически предопределенное и необратимое, в то время как «расслоение сознания» (значение понятия «шизофрения») не свидетельствует о том, что страдающий им человек потерян безвозвратно. Его сознание все еще может функционировать и обладает жизненными силами. Блейлер писал, что ему нужен был новый термин, поскольку «преждевременное слабоумие» невозможно использовать в качестве прилагательного. По его мнению, название болезни должно быть не просто медицинским объектом, отображенным в сухом латинском выражении, а одним из многих способов описать состояние конкретного бедолаги.

Его сочувствие к пациентам имело глубокие личные корни: когда Блейлеру было семнадцать, его сестра стала впадать в кататонический ступор и была госпитализирована в расположенную неподалеку от их деревни клинику Бургхёльцли. Семья возмутилась поведением тамошних «мозгоправов», которым, казалось, микроскопы интереснее, чем люди, и которые даже не могли говорить с пациенткой на одном языке. Блейлер решил — согласно некоторым версиям биографии, к этой мысли его подтолкнула мать — стать психиатром, который сможет по-настоящему понимать своих пациентов. Хотя он никогда не писал и не говорил публично о болезни своей сестры, Анны-Паулины, отрицать решающее влияние ее истории на его выбор профессии невозможно. Один из ассистентов Блейлера, работавший с ним в Бургхёльцли в 1907–1908 годах, вспоминал: «Блейлер часто говорил нам, что даже самые глубокие кататоники могут быть чувствительны к устному убеждению. Он приводил в качестве примера собственную сестру... Однажды Блейлеру нужно было вывести ее из дома в момент, когда она пребывала в состоянии крайнего возбуждения. Он решил не заставлять ее, не применять силу, а... говорил с ней в течение нескольких часов, до тех пор, пока она наконец не оделась и не пошла с ним. Блейлер использовал этот пример как доказательство того, что вербальное убеждение *возможно*».

Анна-Паулина прожила вместе с Блейлером в его квартире в Бургхёльцли почти тридцать лет — со времени смерти их родителей в 1898 году и до ее собственной смерти в 1926 году. Помощник психиатра вспоминал: «Из своей комнаты я мог ви-

деть, как она целый день монотонно слоняется по залу взад-вперед. Дети Блейлера были в то время очень маленькими, и они, казалось, не замечали присутствия своей тети. Когда они хотели куда-нибудь вскарабкаться, то просто использовали ее в качестве “подставки”, как неодушевленный предмет вроде стула. Она никак не реагировала на это, у нее не было никакой эмоциональной связи с детьми». Блейлер жил бок о бок с самыми экстремальными проявлениями шизофрении, и на протяжении всей карьеры в Бургхёльцли перед глазами у него был живой пример человечности шизофренического больного. Его первопроходческие исследования начались в его доме.

Конечно же, каждое новое поколение стремилось исправить ошибки предыдущего. Психиатры регулярно обвиняли своих предшественников в бессердечности или по крайней мере в следовании заблуждениям. На самом деле и до Блейлера психиатры — от Фореля и Крепелина до отца научной психиатрии Вильгельма Гризингера — были людьми по всем статьям приличными, заботливыми и отзывчивыми врачами. Но в Бургхёльцли дела действительно обстояли намного лучше. Вспоминает ассистент Блейлера: «То, как они смотрели на пациента, как обследовали его, было практически откровением. Они не просто подвергали пациента классификации. Они разбирали его галлюцинации, одну за другой, и пытались определить, что каждая из них значит, а также почему пациент переживает именно эти конкретные галлюцинации... Для меня все это было новым и шокирующим». Сдвиг в сторону терапии, в центре которой стоял пациент, начался не в Бургхёльцли, не там он и закончился, но Блейлер воспитал поколение психиатров, вырастив их как среди своих студентов, так и среди помощников, включая собственного сына Манфреда, Карла Юнга и Сабину Шпильрейн, двух будущих начальников Роршаха, и самого Роршаха. В наши дни попросту немыслимо, чтобы психиатр не был способен разговаривать с пациентом на одном языке, и это во многом стало возможным благодаря Эйгену Блейлеру.

Карл Юнг прибыл в Бургхёльцли в декабре 1900 года, чтобы работать ассистентом Блейлера. Он уже становился заметным персонажем в мире науки, а впоследствии стал одной из самых выдающихся фигур, человеком, который неоднократно видоизменял психологическую область в последующие десятилетия.

Начав в 1902 году, Юнг и еще один врач-ассистент из Бургхёльцли, Франц Риклин, разработали первый экспериментальный метод выявления шаблонов в бессознательном — словесный ассоциативный тест. Испытуемым давали прочитать список из ста различных слов и спрашивали, какая мысль первой приходит в голову в связи с каждым из них. Врач с секундомером в руках замерял время, потраченное ими на ответы. Потом пациенты должны были перечитать список и попытаться вспомнить свои изначальные ответы. Любые отклонения — долгие паузы, провалы в памяти во время второго раунда, на удивление непоследовательные заключения, топтание на месте и повторяющиеся ответы — могли быть объяснены только бессознательными актами подавления воспоминаний, некой спрятанной в сознании «черной дырой», втягивающей и искажающей те ответы тестируемого, что касались его потаенных желаний, или заставляющей лгать и притворяться, давая ответы, уводящие в противоположном направлении. Юнг называл эти скрытые центры «комплексами». При помощи теста удалось эмпирически установить, что большинство из них имели сексуальную подоплеку.

Благодаря этому врачи из Бургхёльцли сумели совершить «беспрецедентное и экстраординарное» открытие. Независимо от Фрейда — и делая нечто совершенно иное, чем абстрактные беседы с лежащим на диване невротиком, — им удалось обнаружить конкретное доказательство работы бессознательных процессов, которые, как оказалось, были свойственны «нормальным» людям ничуть не в меньшей степени, чем душевнобольным. Они мгновенно поняли, что результаты их работы подтверждают построения Фрейда, и вскоре словесный ассоциативный тест был включен в методику психоанализа. Врачи импровизировали со словами-стимулами, чтобы спровоцировать определенную линию мышления, или использовали выявленные на начальных этапах комплексы в качестве стартовых точек для терапии. У методики был огромный потенциал в криминологии. Юнг и Риклин создали современный психологический тест.

Вслед за этим в Бургхёльцли разразилась настоящая вакханалия сеансов тестирования: врачи замеряли реакции больных секундомером, расшифровывали их сны, подвергали психоанализу своих пациентов, жен, детей, друг друга и самих себя. Они радостно набрасывались на каждый признак бессозна-

тельного, который им удавалось обнаружить: каждую оговорку или описку, провал в памяти, рассеянно напеваемую мелодию. Блейлер писал, что психоанализ на годы стал их способом узнать и понять друг друга. Его старший ребенок, Манфред (рожденный в 1903 году), и старшая среди детей Юнга, Агата (родившаяся годом позже), вспоминали, что в детстве оба они находились под тотальным психоаналитическим наблюдением. Публикации, посвященные словесному ассоциативному тесту, включали в себя анонимные результаты Блейлера, его жены, ее матери и сестры, а также самого Юнга.

Блейлер был впечатлен открытиями Фрейда и, как только узнал о них, сразу захотел использовать эту методику для помощи глубоко психически больным, а не только страдающим от сексуальных комплексов частным пациентам, как это делал сам Фрейд. Вскоре он нашел, что результаты достаточно убедительны, чтобы можно было донести информацию об этом до создателя метода. Он сделал это в книжной рецензии 1904 года, воспользовавшись случаем, чтобы заявить громогласно, насколько мог, что «Исследования истерии» и «Толкование сновидений» Фрейда «открыли новый мир». Похвала со стороны одного из самых передовых психиатров Европы дорогого стоила. Затем он написал Фрейду лично: «Дорогой и досточтимый коллега! Мы здесь, в Бургхёльцли, являемся пылкими поклонниками фрейдистских теорий в психологии и патологии». Как часть набирающей обороты в Бургхёльцли «эпидемии» самоанализа, он даже послал Фрейду конспекты нескольких собственных сновидений, спрашивая совета относительно их толкования.

Весть о том, что Блейлер его преданный поклонник, была одним из самых трогательных посланий, которые Фрейд когда-либо получал, а также первым увиденным им знаком признания его теории в академических кругах. Возможно, именно это вдохновило его прервать продолжавшуюся несколько лет паузу в писательской деятельности и создать три великих труда, которые он опубликовал в 1905 году («Три очерка по теории сексуальности», «Остроумие и его отношение к бессознательному» и «Фрагмент анализа истерии»). Фрейд написал своим друзьям: «Абсолютно сногсшибательное признание моей точки зрения... Только вдумайтесь: официальный профессор психиатрии — и мои † † † исследования истерии и снов, которые раньше вызывали в этих кругах лишь ненависть и презрение, — вплоть до сегодняшнего дня!» (Три креста часто

рисовались на входных дверях крестьянских домов, чтобы отвадить опасность и зло, — Фрейд использовал их в своих письмах, чтобы иронически выделить пугающие, дьявольские вещи). Он писал Блейлеру: «Я уверен, что скоро мы покорим психиатрию».

За этим «мы» таилась прекрасно известная Фрейду подоплека: Блейлер, будучи важнейшей фигурой профессиональной психиатрии Цюриха, представлял для фрейдистских идей намного большую ценность, чем они для него. Сделав Бургхёльцли первой в мире университетской психиатрической клиникой, в которой для терапии применялись методы психоанализа, Блейлер и его помощники стали теми людьми, которые привели Фрейда в профессиональную медицину. Цюрих, где обучался Роршах, заменил собой Вену в качестве эпицентра фрейдистской революции.

Уже к 1906 году клиника Бургхёльцли полностью погрязла в спорах, касавшихся фрейдистских идей, — сам Фрейд назвал это «двумя беспокойным мирами» академической психиатрии и психоанализа. В то время как базировавшиеся на словесном ассоциативном тесте исследования Юнга и Риклина предоставляли почти железное доказательство верности фрейдистских теорий, антифрейдисты не оставляли попыток их развенчать. Густав Ашаффенбург, немецкий психиатр, который научил Риклина проводить ассоциативный тест, выступил с резким обличением Фрейда на психиатрической конференции, а после опубликовал текст своего выступления.

Блейлер общался с Фрейдом двумя годами ранее, в 1904 году, но с тех пор он осмелился задать тому несколько острых вопросов. Блейлер писал, что теория Фрейда кажется ему экстремальной, — неужели корни *абсолютно всего* гнездятся в сексуальности? Где доказательства, на которые были так богаты более ранние работы Фрейда? Точно ли все это не является ненаучными рассуждениями Фрейда о человеческой натуре, вытекающими из одного-единственного случая? Блейлер находил продуктивным подвергать чьи-либо взгляды вызывающей критике, но не Фрейд, который развенчал все разумные сомнения Блейлера как «сопротивление великой истине» и перенес свое внимание на его младшего коллегу.

Именно Юнг, а не Блейлер ответил Ашаффенбургу в 1906 году, в пух и прах разгромив его аргументы и существенно поспособствовав тем самым укреплению репутации

Фрейда. К тому времени Юнг уже стал, минуя Блейлера, писать Фрейду сам, упомянув в своем первом письме, что именно он «предал публичной огласке случай, который впервые привлек внимание Блейлера к существованию ваших принципов, хотя на тот момент с его стороны было заметно сильное сопротивление». Обратное было ближе к истине. В 1907 году Юнг улучил момент, чтобы впервые лично встретиться с Фрейдом. Целью этой встречи было вбить между двумя старшими коллегами еще один клин и убедить Фрейда, что он, Юнг, является его человеком в Цюрихе.

Тон писем Юнга к Фрейду широко варьировался — от заигрывающих до откровенно предательских, где он все время упирал на то, что главврач Бургхёльцли слишком педантичен, малодушен и совершенно некомпетентен в вопросах психоанализа. «Добродетели Блейлера сведены на нет его же пороками, и ничто в нем не исходит от сердца»; лекции Блейлера были, по его словам, «ужасающе поверхностны и схематичны»; «*подлинной и единственной причиной возражений Блейлера является то, что я выделяюсь из безмолвной толпы*»; «Я восхищаюсь тем, как вы отбрили Блейлера. Его лекция была весьма ужасной, вам не кажется? Вы получили его большую книгу?». Речь шла про книгу о шизофрении — труде всей жизни Блейлера. «Он написал в ней кое-что очень плохое».

Если Блейлер несправедливо забыт сегодня, то во многом потому, что Юнг вымарал его из истории, ни разу не назвав его по имени в своих мемуарах и дойдя до того, чтобы заявить, что психиатров Бургхёльцли волновали только ярлыки, а «психология душевнобольных пациентов не играла никакой роли». Это был Юнг — *говорит Юнг,* — кто стремился раскрыть индивидуальные истории своих пациентов. Почему один пациент убежден в чем-то одном, а другой — в другом, откуда происходят эти отдельные, особенные для каждого убеждения? Если один пациент считает, что он Иисус Христос, а другой заявляет: «Я нахожусь в Неаполе и должен накормить весь мир своей лапшой», то какой смысл налеплять на обоих ярлык «бредовые»? Обвинения Юнга в том, что Блейлер «предпочитал ставить диагнозы путем сравнения симптомов и сбора статистических данных» вместо того, чтобы «учить язык каждого пациента», выглядели особенно подло, учитывая, что большинство пациентов Бургхёльцли говорили на швейцарском диалекте.

То, что часто воспринимается как дуэт взаимного притяжения, отторжения и корыстных интересов между Фрейдом и Юнгом, было на самом деле треугольником: Юнг «продал душу» Фрейду, поскольку хотел занять место Блейлера. Для Фрейда, поскольку Блейлер стал менее надежным союзником, усилилась нужда в Юнге. Юнг, уставший жить в тени авторитета Блейлера, озлобился и срежиссировал борьбу за власть, устроив все так, чтобы Блейлер начал опасаться «пришествия Фрейда». Блейлер в этих дрязгах проявил себя достойнее их обоих, порой нерешительный и слишком прозаичный, но всё же с наименьшим эго и наибольшей готовностью учиться у других. Тем не менее звезда Блейлера закатилась, а Юнга — взошла.

Помимо интеллектуальных разногласий в этой ситуации имел место и извечный классовый конфликт. В то время как Блейлеры жили скромно, питались в больничной столовой и делили кров с кататонической сестрой Эйгена, Юнг в 1903 году женился на одной из богатейших женщин Швейцарии. Чета Юнг поселилась в Бургхёльцли, прямо под апартаментами Блейлера, и питалась обособленно, — еду им готовили слуги. Не отказывали себе молодожены и в посещении прекрасных цюрихских ресторанов. Юнг просил о дополнительных ресурсах для работы или о неоплачиваемых отгулах, которые тратил на собственные опыты или путешествия — теперь он мог себе это позволить, — и Блейлер предоставлял ему все. С годами он выполнял просьбы Юнга все более неохотно, поскольку необходимость управлять большой больницей отвлекала его от собственных изысканий. Возрастающее пренебрежение Юнга по отношению к трудолюбивому Блейлеру было знаком его собственного роста.

В течение нескольких лет оба они рассорились с Фрейдом, а друг с другом продолжали враждовать десятилетиями: «Двадцать лет активного противостояния, при том, что оба продолжали оставаться в Бургхёльцли, выражались то в двусмысленных едких намеках, то в откровенно враждебных перебранках, часто на глазах у изумленных врачей и перепуганных пациентов». Каждому цюрихскому психиатру приходилось, изворачиваясь, пробираться по этому минному полю «беспокойных миров», где расположение мин постоянно менялось, и даже отказ принять чью-либо сторону расценивался как предательство обеими партиями. С этой дилеммой пришлось теперь столкнуться и Блейлеру. Он считал, что чей бы то ни было непререкаемый

авторитет не может пойти на пользу научной дискуссии и прогрессу. «Девиз “Кто не с нами — тот против нас”, на мой взгляд, необходим религиозным сообществам и полезен для политических партий, но я считаю, что он вреден для науки», — прямо сказал он Фрейду. Ища сторонников, Блейлер присоединился к ряду организаций, настроенных оппозиционно по отношению к закрытому лагерю Фрейда. Фрейд не разделил его мнения о необходимости действовать единым фронтом, а большинство ученых-исследователей критиковали Блейлера за то, что тот ранее поддерживал Фрейда.

Роршах, разумеется, ничего не знал обо всех этих подковерных интригах, которые полностью раскрываются лишь в личных письмах Фрейда, Юнга и Блейлера. В начале 1906 года, пока Фрейд переносил свою лояльность с Блейлера на Юнга, Роршах был на втором году обучения в университете, сдавал предварительные экзамены и посещал лекции Карла Юнга, который позднее сказал, что никогда не общался с Роршахом лично. Но все-таки Роршах наверняка знал хоть что-то о междоусобицах этих первопроходцев и о поставленных на карту вопросах.

И будучи студентом, и в течение всей жизни Роршах уважал идеи Фрейда, но сохранял по отношению к ним и долю скептицизма. Он продолжал использовать психоанализ, но прекрасно понимал ограничения, которые накладывает этот метод. В одной из лекций, которую Роршах впоследствии читал на медицинской конференции вдали от Цюриха, он изложил авторитетные объяснения того, как работает психоанализ, а также разъяснил, что можно и что нельзя делать при помощи этой методики. Он пошутил невзначай, что «в Вене скоро уже начнут объяснять при помощи психоанализа, почему Земля вертится вокруг своей оси».

Роршах в течение нескольких лет применял словесный ассоциативный тест к своим пациентам и при расследовании преступлений, даже после того как Юнг почти перестал обращаться к этой практике. Он был вдохновлен другими работами Юнга. Вышедшая в 1912 году книга Юнга «Либидо, его метаморфозы и символы» заложила основы «цюрихской школы», которая существенно расширила границы психоаналитических исследований, сделав их культурным феноменом и включив в практику много новых элементов: от гностических мифов и легенд до искусства и того, что стали называть «коллектив-

ным бессознательным». Юнг отвергал предложенную Фрейдом буквальную трактовку сексуальных побуждений, рассматривая их с более мифологической и символической точки зрения, — как «жизненную энергию», содержащуюся в сексуальности, огне и солнце. Роршах, по словам Ольги, тоже восхищался архаической мыслью, мифами и тем, как устроена мифология. «Он пытался разыскать следы этих древних идей в своих пациентах, искал аналогии — и однажды нашел в бредовых рассказах ведущего отшельническую жизнь больного швейцарского фермера поразительные совпадения с мифами о деяниях египетских богов». Юнг метался из стороны в сторону: поняв, что причины душевных расстройств имеют определенно психологический характер, он вскоре указал, что мозг большинства его пациентов не был никоим образом поврежден, или по меньшей мере не было никаких причин связывать их психологические недуги с состоянием мозга. «По этой причине, — заявил Юнг в январе 1908 года, читая лекцию в цюрихской ратуше, — мы полностью прекращаем исследования мозга в нашей цюрихской клинике и обращаемся к психологическому способу изучения душевных болезней». Был Роршах или нет на этой конкретной лекции, заложенное в ней послание он усвоил. Он отдал должное «твердой» науке, сделав масштабное анатомическое исследование шишковидной железы головного мозга, но был согласен с тем, что будущее психиатрии заключается в поиске путей к пониманию разума, а не в том, чтобы просто резать человеческий мозг, изучая извилины.

Но Роршах был ближе по духу к третьему великому первопроходцу, который, будучи связан законами своей профессии, не мог «полностью отказаться» ни от интерпретационного, ни от анатомического подхода. Если болезнь имеет биологическую природу, утверждал Блейлер, то, возможно, ее следует лечить вне зависимости от того, каковы текущие наваждения пациента и какой может быть его «тайная история». Роршах тоже продолжал считать, что психология опирается на физиологическую базу, с его точки зрения, такова природа восприятия.

Как и Блейлер, Роршах имел скромное общественное происхождение, разделял его интерес к больным с тяжелыми душевными недугами, а также его способность, которой часто недоставало их коллегам, уважать окружающих и учиться у них, даже когда ищешь свой собственный путь. В то время как Фрейд видел в женщинах созданий с «загадочной» психологией,

сильно отличающейся от «нашей», а Юнг писал о доминирующем в жизни женщин интересе к домашнему уюту, семейственности и их склонности полагаться на эмоции в большей степени, чем на разум, Роршах, еще в школе проявивший себя рьяным борцом за права женщин, и Блейлер не разделяли ни одного из этих предрассудков и, что более важно, никогда не опирались на них в своих теориях.

Оба они без тени сомнения отвергали паранормальную психологию. Фрейд и Юнг — так же как Уильям Джеймс, Пьер Жане, Теодор Флурнуа и многие другие выдающиеся психологи того времени — часто посещали спиритические сеансы и изучали труды мистиков и медиумов. Не в качестве хобби, а потому, что таким образом они надеялись получить доступ к «подсознательному» измерению, которое вскоре станут называть «бессознательным». Роршах, как и Блейлер, был об этих практиках того же мнения, что и мы сегодня. Они с сестрой Анной разыгрывали свою бабушку, которая увлекалась спиритуализмом. В медицинском училище Герман утверждал, что «если старая женщина, находясь в расстроенных чувствах, обращается к миру духов, то это лишь потому, что люди больше не хотят ее видеть. Она пытается общаться с духами, поскольку у нее не осталось близких среди живых. Такая ситуация — настоящая глубокая трагедия, и мы не должны сердиться на людей, с которыми это случилось».

Сам Роршах никогда не работал в Бургхёльцли, но, ввиду тесной связи этой больницы с Цюрихским университетом, врач-клиницист мирового класса, Эйген Блейлер, был научным руководителем Германа. Роршах настолько пропитался блейлерианской философией жизни, что в январе 1906 года дал зарок не употреблять алкоголь и придерживался этой клятвы всю жизнь. Блейлер был исключением среди университетских психиатров своей эпохи, поскольку применял и поддерживал фрейдистские идеи. Решающим фактором была независимость Цюриха от Вены: Роршах находился в единственном месте на земле, где психоанализ воспринимали всерьез и где были готовы к его дальнейшему исследованию и усовершенствованию. Он учился бок о бок с изобретателями первого психологического теста бессознательного. Это было практически идеальное окружение.

В 1914 году, когда Роршах был практикующим психиатром, в его клинику прислали для обследования солдата велосипедно-

го батальона швейцарской армии Иоганнеса Найверта. Найверт взял десятидневную увольнительную, заплатил 2900 франков долгов, накопившихся на предприятии его отца, а во вторник 3 декабря, за два дня до того, как он должен был вернуться на службу, внезапно исчез. Шесть дней спустя сотрудники полиции нашли его в таверне — Найверт сидел за столом, перед ним стояла тарелка с едой и большая кружка пива. Он ел медленно и спокойно. Когда полицейский спросил: «Найверт, почему вы не вернулись в субботу на службу?» — солдат поднял взгляд и сказал, нерешительный и смущенный: «Мне нужно идти».

Он без возражений пошел с полицейскими и хотел сразу же вернуться в свое подразделение, — ему нравилось служить в армии. Когда его спросили, какой сейчас день, он ответил: «Вторник» и не мог поверить, что уже 9 декабря, среда следующей недели. Он выглядел крайне обескураженным. Когда его доставили в больницу, Найверт сказал, что его велосипед перевернулся в снегу, и он упал с моста неподалеку от железнодорожного вокзала. Дальше он не мог вспомнить ничего, вплоть до того, когда полицейский заговорил с ним в таверне. «Это было, как будто я вдруг очнулся ото сна. Меня обвинили в попытке дезертирства, но если бы я и впрямь собирался сбежать из армии, то сделал бы это, когда у меня в кармане лежали 2900 франков, а не после того, как я их потратил, оплатив счета».

Получив в свое распоряжение обширное описание биографии, физического здоровья и семейных обстоятельств Найверта, Роршах применил к нему словесный ассоциативный тест Юнга — Риклина, фрейдистскую методику свободных ассоциаций, а также гипноз — один из специальных инструментов Блейлера, чтобы помочь Найверту вспомнить, что же случилось. Словесный тест помог установить, что в процессе самого инцидента ничего сверхъестественного не произошло. Однако он выявил комплексы, объяснившие, *почему* приступ Найверта принял именно эту форму: враждебность по отношению к отчиму, желание, чтобы его отец был все еще жив, потому что так «все было бы как раньше». Фрейдистские свободные ассоциации вернули пациента в диссоциированное состояние, что помогло продемонстрировать, *как* он действовал: Найверт тотчас начал галлюцинировать, а впоследствии не мог вспомнить ничего, кроме первой вещи, которую увидел. Понять же, *что* случилось, как и ожидал Роршах, лучше всего помог гипноз. Герман припас это средство напоследок, чтобы можно было

сравнить результаты всех трех методик. Под гипнозом Найверт рассказал, что он оставил велосипед лежать у вокзала, посидел на скамейке в парке и пошел пешком обратно на фирму отца, но не смог найти туда дорогу. Потом с ним случилось нечто, по описанию выглядевшее как эпилептический припадок. Его повествование было четким и цельным, но солдат запомнил события так, словно все они произошли в один день.

После гипноза Роршах смог интерпретировать результаты видений, полученных в свободных ассоциациях и в ходе словесного ассоциативного теста, чтобы свести разрозненные фрагменты истории воедино. «Было особенно важным для меня, — резюмировал он, — продемонстрировать, используя материал, добытый при помощи гипноза, что *так называемые “свободные ассоциации” являются на самом деле детерминированными*, заранее обусловленными некими причинами. Они не случайны, а являются скорее продуктом “бессознательных воспоминаний” пациента». У каждой техники была важная функция. Роршах пришел к выводу, что наилучший метод — это полный анализ, который может дать дополнительные подробности, не раскрытые в процессе гипноза, и доказать, что все аспекты рассматриваемого случая, говоря словами нашего героя, «сливаются в единую картину».

Однако для полного анализа элементарно не было времени. Роршах нуждался в методе, который сработал бы уже после первого применения, в течение одного сеанса, создав «единую картину» моментально. Этот метод должен был быть структурированным и включать в себя специальные ключи, требующие ответа пациента, такие, как слова в ассоциативном тесте Юнга — Риклина. Но в то же время он должен быть и бессистемным, предполагая, что человек будет говорить о том, что первым придет ему в голову. И как гипноз, он должен быть способным справиться с психологическими защитными механизмами, не дающими человеку произнести вслух то, чего он сам о себе не знает или не хочет знать. У Роршаха имелись в распоряжении три ценных методики, позаимствованные у троих наиболее повлиявших на него ученых, но тест будущего должен был вобрать в себя их все.

ГЛАВА ПЯТАЯ

СВОЙ СОБСТВЕННЫЙ ПУТЬ

Весной 1906 года, будучи студентом-медиком, только что сдавшим предварительные экзамены и вышедшим на практику, Роршах не мог представить себе подобный синтез и тем более создать его. Он с жадностью стремился к новому опыту, но помимо бесед с пациентами, медосмотров и вскрытий ему было дозволено не так уж многое. Тем не менее, как следует из его очередного письма к Анне, Роршах был рад наконец-то заниматься практической медициной: «Настоящая работа с настоящими пациентами, проблеск моей будущей карьеры!» Он мог «в основном только смотреть. Но тут есть на что посмотреть». После первых двух недель пребывания на работе, трудясь больше чем по пятьдесят часов в неделю, он писал: «Не думаю, что я когда-нибудь забуду эти четырнадцать дней».

У него накопилось много историй. Шестнадцатилетний мальчик, провалившийся сквозь стеклянную крышу, — врачи думали, что смогут спасти его, «но через три дня его мозг лежал на анатомическом демонстрационном столе». «Нам показывали старую женщину с желтым, будто восковым лицом; она ни разу не открыла глаза, а через два дня я лично видел, как ее тело расчленяли на вскрытии. Молодой мужчина с ужасно распухшей рукой был накачан обезболивающими препаратами и прооперирован, а когда он очнулся, то увидел, со стоном, который я никогда не забуду, что у него нет больше правой руки. Привезли двадцатиоднолетнего студента — он разрезал себе запястье в том месте, где мы щупаем пульс, — он хотел убить себя. Девушке около восемнадцати лет отроду, у которой было несколько венерических заболеваний, пришлось показывать свои интимные места аудитории из 150 студентов. И так далее, каждый день, — и все из-за того, что

бедные люди не имели достаточно средств, чтобы заплатить за лечение. Это трагедия всех клиник».

Он был потрясен тем, как относились к происходящему некоторые его соученики, те самые, что пили пиво и мечтали о тросточках с серебряными рукоятками: «Подумать только, как реагируют на все студенты того типа, что я описывал раньше. Мы должны сохранять хладнокровие, глядя на эти вещи, — вот как обстоит дело. Но быть циничным и грубым, превращаться в моральных уродов, — нет, врачи так поступать не должны».

Эти впечатления, пускай и захватывающие, определенно не могли научить его «понимать от сердца». Реальность, в которой ему приходилось осматривать десятки пациентов в день, плюс бесконечные часы консультаций «заставили взглянуть на любые идеалы более объективно», писал он Анне. «К докторам относятся больше с недоверием, чем с благодарностью, в общении больше грубости, чем понимания». Той весной он положил в своей рабочей комнате в Цюрихе небольшую книгу учета, чтобы пациенты могли записывать в ней свои имена. Спустя полгода он пролистал ее и увидел там всего тридцать имен, что, конечно, было намного меньше общего числа прошедших через комнату за это время пациентов. Это сказало ему лишь об одном — нужно уезжать отсюда. Одна и та же схема повторялась в жизни Роршаха. Годы спустя, после «двух месяцев непрерывного общения с людьми», он писал своему другу, что «сыт этим по горло и страстно желает чего-то более уединенного и личного. Человек не может каждое мгновение своей жизни быть экстравертом».

«Здесь я знаю уже слишком многих людей, — писал он сестре в том же письме 1906 года, где впервые описывал Ольгу Штемпелин. — Понимаешь, что это значит? Они приходят и зовут тебя куда-то пойти, потом снова приходят и отнимают у тебя единственное время, когда ты хотел бы побыть один. Они отбрасывают тень на твою свободу». Ольга уехала в Россию, и, при всем своем интересе к людям, Роршах «был готов покинуть эти места, оставив позади тех, чье присутствие в своей жизни не считал обязательным».

Оставшееся обучение он большей частью провел заочно — выезжал из Цюриха на кратковременные подработки в разные места Швейцарии, выезжал за границу. Студенты старших курсов часто проводили семестры в других институтах, осваивая

различные специальности, а летом работали подмастерьями дипломированных врачей в частной практике, но Роршах получил в итоге намного более широкий опыт, чем большинство остальных. Отчасти из-за его личной склонности отличаться от более привилегированных соучеников, но и потому, что он нуждался в деньгах и брался за любую работу, которую мог найти.

Сперва он на семестр поехал в Берлин, и это был первый его побег из Швейцарии со времен Дижона. «Берлин, с его миллионами людей, позволит мне вести более уединенную жизнь, чем в Цюрихе», — писал он Анне. Поначалу ему удалось найти то, к чему он стремился: «Я здесь в абсолютном одиночестве... Я был совсем один первые несколько дней, и сейчас большую часть времени остаюсь один — к счастью».

Он жил в типичной берлинской комнате на четвертом этаже, с одним окном, из которого открывался вид на множество других окон. Внизу был маленький двор — «немного камней и немного травы», где росло единственное дерево, «обществом» которого Роршах по-настоящему наслаждался. Ночи он проводил дома или гуляя по улицам, которые всегда были полны людей, почти до рассвета. Он любил посещать театр, цирк, кинематограф.

Но хаос современного мегаполиса был не для него. В начале 1900-х Берлин был одним из крупнейших и быстрорастущих городов в мире. За последние шестьдесят лет его население выросло пятикратно и составляло два миллиона человек, не считая еще одного миллиона проживавших в окружавших столицу новых пригородах. Трамваи ездили по улицам до трех часов ночи, а по выходным некоторые линии работали и всю ночь. Бары были открыты до самого утра. Бесконечное строительство новых зданий лишь добавляло шума и сумятицы: всего сто шагов, пройденных по оживленной Фридрихштрассе на перекрестке столетий, представляли собой, по словам одного историка, прогулку сквозь «какофонию, в которую сливались завывавшие на шоссе клаксоны, мелодии шарманщиков, крики продавцов газет, звонки молочных фургонов фирмы “Болле”, голоса торговцев овощами и фруктами, хриплые мольбы нищих, зазывные шепоты легкодоступных женщин, низкий гул трамваев, скрип их колес на старых железных рельсах, — и миллионы шагов: шаркающих, быстрых, тяжелых. А еще — калейдоскоп красок... неоновые огни, яркое электрическое освещение офисов и заводов... фонари, висящие на запряженных

лошадьми каретах, фары автомобилей, гирлянды лампочек, дуговые фонари, карбидные лампы». Даже по сравнению с Веной, Парижем и Лондоном, Берлин казался особенно текучим, неопределенным и неустойчивым явлением, которое «все время чем-то становится, но никогда не является». Одна из крупнейших ежедневных газет, провозгласившая себя «самой быстрой газетой в мире», так написала о Потсдамер-платц: «Каждая секунда здесь рождает новую картину».

Многие приезжие обретали в Берлине свободу и широкие возможности, но сердце Германа принадлежало Швейцарии — или, возможно, уже Ольге. Его восприятие города было отчетливо неблагосклонным: «За несколько лет в Берлине станет больше жителей, чем во всей нашей Швейцарии, но ведь главную роль играет качество, а не количество, — писал он своему пятнадцатилетнему брату Паулю. — Радуйся, что ты не берлинец. Тут есть старики, которые, возможно, за всю свою жизнь никогда не видели вишневого дерева. За два месяца я ни разу не встретил корову или даже простую кошку». Он призывал Пауля: «Наслаждайся нашим прекрасным швейцарским воздухом, и, я надеюсь, ты станешь настоящим человеком, свободным и честным, с реальным жизненным опытом, а не как те, кого я каждый день вижу здесь». Он находил окружающих людей «холодными» и «скучными», общество — «подлым», а общую картину — «идиотской».

Хуже всего был конформизм немцев, которые, по мнению Роршаха, были даже менее свободны, чем русские при царе. Он оказался в Берлине как раз во время одного из самых знаменитых за всю историю Германии проявлений бездумного повиновения власти. 16 октября 1906 года, за четыре дня до приезда Роршаха, некий проходимец купил в нескольких магазинах разные части обмундирования капитана прусской гвардии, надел их на себя — и стал новым человеком. Он отдавал приказы солдатам, арестовал мэра города Кёпеник и конфисковал городскую казну, ссылаясь на приказы кайзера, — и все повиновались ему, не задавая никаких вопросов, только по той причине, что видели на нем форму. Страницы газет пестрели рассказами о «капитане из Кёпеника» и до, и после его ареста, который состоялся 26 октября. Он стал народным героем. Немцы «поклоняются униформе и кайзеру», писал Роршах Анне из Берлина, и «думают, что они лучшие люди во Вселенной, в то время как на деле они лишь лучшие бюрократы».

Россия все так же влекла Роршаха. В июле 1906 года, еще до того как начался его берлинский семестр, Анна Семенофф, еще одна русская, изучавшая медицину в Берлине и Цюрихе, пригласила Германа посетить Москву, но вмешалась политика. Россия сотрясалась от первой в XX веке революции, вызванной катастрофической войной с Японией, и Роршах решил лишний раз не рисковать, поскольку он все еще был главной финансовой опорой для своей семьи. Когда Семенофф вернулась в Берлин и вновь пригласила его, на этот раз на рождественские праздники, Роршах согласился. В декабре 1906 года он поехал из Берлина в Москву.

Это был самый волнительный месяц в его жизни. Впервые он своими глазами увидел место, которое называл «страной неограниченных возможностей». Огромный, светящийся яркими красками репортаж, который он отправил по возвращении своей сестре, был полон на удивление прочувствованных описаний Москвы: вида, открывавшегося со Спасской башни, двадцать пять тысяч извозчичьих саней, абсолютно бесшумно передвигавшихся по городу, замерзших извозчиков, «вытапливающих сосульки из своих бород» над кострами посреди улиц. Он посещал культурные мероприятия, от Московского Художественного театра, «который, как говорят, является лучшим в мире», до оперы в Большом, ходил на лекции, собрания сект, политические встречи; он снова встретился со своим старым другом Трегубовым. Русские помогли ему выйти из своего «защитного панциря». Расхожее выражение гласило, что Санкт-Петербург является головой России, а Москва — ее сердцем, и Роршах был с этим согласен: «За две недели в Москве можно увидеть и понять о русской жизни больше, чем за год в Петербурге».

Путешествие в Россию совпало по времени с тем, когда Роршах, по его собственным ощущениям, окончательно повзрослел. Он хотел сперва уехать из Берлина, чтобы «пойти по стопам отца». Как он писал в своем отчете Анне: «Но лучше поискать свой собственный путь. Если сын недостаточно смел, чтобы найти свою дорогу в жизни, он всегда может пойти по чьему-то проторенному пути позднее». С этого времени Герман лишь изредка упоминал отца в своих письмах, за исключением важных семейных годовщин и памятных событий. Свою тоску от потери отца он выразил очень продуктивно, став ради него врачом и продолжая охотиться за новыми впе-

чатлениями от путешествий и искусства — увлечений, которые он унаследовал от Ульриха.

Россия утолила его потребность к расширению горизонтов, которую Роршах, несомненно, смог бы удовлетворить другим способом, даже если бы не познакомился с Трегубовым в Дижоне. Никто не перечитывает «Войну и мир» во время изнурительной двухмесячной сессии, предшествующей выпускному экзамену в медицинском училище, а Роршах в 1909 году именно этим и занимался, просто из интереса к русской культуре. Такое свойственно людям, не желающим уподобляться своему текущему окружению и повсюду ищущим возможности для интеллектуальной и культурной жизни.

После России Западная Европа показалась ему унылым местом. Роршах уехал из Берлина в начале 1907 года, «разочарованный и пребывающий в легкой депрессии», а его следующий семестр выглядел немногим лучше. «Берн не так уж плох, — писал он Анне, — разве только слегка приземленный и линялый, а люди здесь в большинстве своем хамовитые и грубые, причем до такой степени, что даже я, не самый изысканный человек в мире, прямо скажем, ошеломлен». Остаток 1907 года и весь 1908 год он провел в Цюрихе, работая помощником врача, где только можно, но было очевидно, что студенческая жизнь и Швейцария могут предложить ему не так уж много сверх этого.

По крайней мере его сестре удалось, наконец, вслед за ним вырваться из обывательской трясины Шаффхаузена. В начале 1908 года, после того как она провела два года, работая гувернанткой во франкоговорящей семье на западе Швейцарии, Герман помог ей найти такую же работу в России, и Анна ухватилась за этот шанс, чтобы увидеть «страну неограниченных возможностей», о которой так много слышала от брата. В течение следующих нескольких месяцев его письма состояли почти из одного лишь восхищения на этот счет. Страница за страницей, он помогал Анне с русской грамматикой, маршрутами и расписанием поездов, давал ей советы насчет того, сколько багажа с собой брать и как провезти его через таможню.

Путешествие Анны стало для Роршаха заменой новой собственной поездки в Россию. Оставаясь в Швейцарии, он мог оживить в памяти картины, о которых сам рассказывал в письмах. «Когда я читал твое первое письмо, то фактически гулял по Москве вместе с тобой, воспринимая твои слова визуаль-

но». Воспоминания о собственном путешествии пригодились, когда он давал сестре советы, а также засыпал ее вопросами и предположениями: видела ли она уже русскую оперу, Большой театр, встречала ли Трегубова, Толстого, — про всех и про все. Роршах попросил ее прислать ему репродукции картин русских художников, а также посоветовал купить фотоаппарат, сказав, что это поможет лучше видеть окружающий мир: «Сделай это. Даже если камера обойдется в месячную зарплату, имея ее, ты получишь столько удовольствия, что поймешь — оно того стоило. Будет очень здорово, сидя дома на склоне лет, иметь архив изображений из мест твоей предыдущей жизни, — так все это живее сохранится в твоей памяти. Кроме того, когда у тебя есть камера, ты и на окружающее пространство смотришь по-другому, видишь его лучше». Он начал с того, что давал ей советы: «Я могу легко набросать для тебя несколько подсказок, но ты сможешь научиться фотографировать лишь после того, как сделаешь свой пятидесятый снимок», но вскоре уже сам спрашивал совета у нее: «Прилагаю одну из своих фотографий. Она получилась бурой, ей не хватает воздуха. Как, по-твоему, что с ней не так? Это недостаточная или чрезмерная экспозиция? Я слишком мало сил вложил в обработку или, напротив, переборщил?»

Побыв «отцом и матерью» для Анны после смерти их родителей, он теперь входил в роль ее старшего брата. «Я могу обратиться к нему с любым вопросом, — думала Анна. — Как студент-медик и молодой врач, он посвятил меня в секреты того, откуда происходит жизнь, и дал моей охочей до новых впечатлений душе много пищи для размышлений». Среди всевозможных советов и инструкций Герман прислал своей восемнадцатилетней сестре описание «мясного рынка» берлинских проституток: «Элегантные с головы до ног, одетые в бархат и шелк, с макияжем, напудренные, с подведенными бровями, с ресницами, накрашенными черным и красным, — вот так они разгуливают по улицам. Но еще печальнее видеть мужчин, которые бросают на них бесстыдные, насмешливые, похотливые взгляды, — все это на самом деле их вина».

Когда у Анны появился собственный сексуальный опыт, он продолжал ее поддерживать: «На удивление многие мужчины рассматривают женщин как сексуальные объекты. Не знаю, много ли ты думала о том последнем случае, но, надеюсь, ты все-таки его обдумала. Оставайся верной убеждению, что

женщина — тоже человек, который может быть независимым и который может и должен улучшать себя и быть самодостаточным. Также пойми, что должно существовать равенство между мужчинами и женщинами. Не в политической борьбе, а в домашней сфере и в первую очередь в сексуальной жизни». Он считал, что его сестра имеет полное право знать о сексе столько же, сколько знал он сам.

Большинство людей, говоря на темы секса, начинают лицемерить, но Роршах рекомендовал сестре воздерживаться от ханжеского отношения. «Вопрос про “аиста” самый деликатный в жизни ребенка, — советовал он ей, когда она работала гувернанткой. — Конечно же, ты не должна никогда ничего говорить про аиста!» Она должна была показывать ребенку оплодотворенные цветы, беременных животных, процесс рождения котят. «Это не столь уж большой шаг в сторону от стандартных отговорок, но он помогает лучше донести тему».

Анна жаждала знаний о более широком мире, чем привычный, и Герман был счастлив дать их ей, но ожидал также и от нее получить не меньше. «Возможно, ты вскоре узнаешь про обстановку в России больше, чем знаю я, – писал он. — Мужчины видят страну, только когда вокруг есть другие люди. Но нюансы общественного взаимодействия, сопутствующая ему ложь, традиции и обычаи являются дамбами, что перекрывают нам видение реальной жизни». Женщины, однако, «видят намного лучше», поскольку у них есть доступ к частной, семейной жизни: «Сейчас ты находишься в самом центре очень отличающейся от нашей окружающей среды. Так человек получает возможность узнать страну, по-настоящему ее узнать. Извлеки из этого преимущество и по-настоящему приглядись к тамошним людям. И напиши мне. Именно ты должна рассказать мне о русских офицерских семьях, я не знаю о них практически ничего».

Роршах был обуреваем любопытством относительно того, что не мог увидеть сам, и с самого начала был убежден, что разные люди — особенно принадлежащие к разным полам — имеют обособленные, но вполне поддающиеся передаче взгляды на жизнь. Знание требовало как близости к предмету, так и взгляда с дистанции. «Любить родину можно научиться лишь после того, как побываешь за границей», — написал он однажды сестре. Он стремился изучить каждый аспект человеческой природы, который мог изучить, и для этого ему нужна была

Анна. «Пиши мне почаще, сообщай обо всем, что только будет приходить в голову и может быть записано, хорошо?.. Каковы люди? Как выглядит сельская местность и ее население? Пиши мне больше, как можно больше!»

Он хотел укрепить свою связь с сестрой. «Знаешь, сестренка, — написал он в 1908 году, — я бы хотел, чтобы мы с тобой писали друг другу как можно больше. Так мы сможем оставаться близкими друг другу, невзирая на все эти многочисленные страны, горы и границы, что разделяют нас. Или даже станем еще ближе, я думаю, у нас это получится». У них получилось. За исключением короткого возвращения в Швейцарию в 1911 году, Анна оставалась в России до середины 1918 года, пережив революцию и войну и растеряв в разбушевавшемся хаосе почти все, что имела. Адресованные ей письма Германа, которые он писал после 1911 года, утеряны, но его сердце, несомненно, оставалось в России вместе с сестрой, — и с Ольгой.

Годы, прошедшие после того, как летом 1906 года Ольга познакомилась с Германом, также стали для нее временем учебы и путешествий, но к началу 1908 года прекрасная русская девушка и симпатичный русофил были уже парой. У него были серьезные намерения и сильные чувства, но он держал их под строгим контролем; он любил наблюдать за вспышками эмоций других людей, и в Ольге нашел человека, подарившего ему много таких возможностей. Позднее он сказал, что она показала ему мир, подарила способ жить в нем. Она, ко всему прочему, была синестетом — обладала способностью, которая всегда восхищала Германа. В возрасте четырех лет она нарисовала семь разноцветных арочных ворот, и этот рисунок служил ей визуальным вспомогательным инструментом для запоминания дней недели. Со своей стороны, Ольга была далеко не настолько же очарована Швейцарией и швейцарским образом жизни, как Герман Россией, но относилась к ним достаточно лояльно и, как и Роршах, стремилась обрести в жизни какую-нибудь стабильность.

Ольга вернулась в Россию в конце июля 1908 года, Герман сопровождал ее лишь до Линдау, привлекательного немецкого приграничного городка на восточном краю Боденского озера. Если Роршах с нетерпением ждал ответов от Анны, то его уцелевшие письма к Лоле — так Ольгу называли друзья и члены семьи — были полны настоящего отчаяния: «Любовь моя, дорогая моя Лолюша, так много времени прошло с тех пор,

как я в последний раз получал весточку от тебя, — уже больше суток. Пиши, Лола, пиши. Мне здесь так скучно и пусто... Я сижу тут после завтрака, курю и думаю о тебе. Вечерняя почта прибудет в течение часа. Но с утренней почтой ничего не пришло, будет ли сегодня хоть что-нибудь? Я хочу знать, как дела у моей девочки!!». Чуть позже приписано уже другим карандашом: «Сейчас четыре часа, а я так и не получил никакой почты сегодня!»

Ольга была занята, работая с холерными пациентами в своей родной Казани, а к концу ноября она перебралась в город поменьше и победнее, расположенный в более чем трехстах милях дальше на восток. «Она нехорошо там себя чувствует, — сообщал Герман в своих дневниках. — Все, что она видит повсюду, так это грязь и грубость... Она так одинока». Оставшись в Цюрихе, Роршах провел еще одно лето на работе — в Кринсе близ Люцерна и в Тальвиле на берегу Цюрихского озера. Он продолжал собирать истории, чтобы поделиться ими с Анной:

«Четверо моих пациентов скончались, но все они были отвергнутыми обществом стариками, чьи организмы разрушились до такой степени, что им только и оставалось, что умереть. Врач в любом случае ничем не помог бы им. С другой стороны, мне удалось привести к счастливому исходу трудные роды — очень тяжелый случай тазового предлежания, в процессе которого мне пришлось вытаскивать ребенка при помощи специального устройства. Рядом стояла повитуха и говорила о «редких, чудесных случаях», когда таким детям удается прийти в мир живыми. Она не верила в благополучный исход, и уже готова была произвести срочное предсмертное крещение на заднем дворе, поскольку эти люди были католиками. Но мне в конце концов удалось спасти ребенка, так что необходимость в таком крещении отпала».

Параллельно с работой он налегал на оставшуюся часть академической программы, каждый вечер занимаясь вместе с другом всю осень и зиму. «У меня с собой были все эти книги и конспекты, и у меня появились жировые складки от того, что я так много времени проводил в сидячем положении», — писал Роршах. Он не мог дождаться, когда же он сможет позволить себе закричать: «Наконец-то! Наконец-то я разделался с учебой!» 25 января 1909 года он заявил: «Ничто не держит меня в Швейцарии, кроме наших гор». Ровно через месяц Роршах успешно сдал выпускные экзамены.

Теперь он мог открыть частную медицинскую практику, но его профессиональные возможности оставались ограниченными. Можно было за низкую зарплату трудиться в университетской клинике — в его финансовой ситуации этот путь был неприемлем, — или же пойти работать в более изолированную лечебницу для душевнобольных, где зарплата была чуть побольше, а спектр профессиональных психиатрических возможностей шире, но не было путей для университетской карьеры. Он выбрал работу в лечебнице Мюнстерлингена, с директором которой познакомился, когда был интерном в больнице неподалеку. Приступать нужно было в августе. Однако первым делом Герман хотел воссоединиться с Ольгой и заложить основы для переезда в Россию навсегда. Он надеялся, что за год в России сумеет заработать достаточно, чтобы погасить все свои долги, — в Швейцарии ему понадобилось бы для этого шесть лет или даже больше.

Сразу после выпускных экзаменов он отправился в Москву, чтобы навестить Анну, а после поехал в Казань. Герману удалось улучшить свой разговорный русский до такой степени, что он мог работать в русскоязычном окружении. Он наблюдал за пациентами в неврологической клинике, а после провел четыре недели, пробираясь сквозь бюрократическую волокиту, чтобы получить разрешение посетить крупную психиатрическую лечебницу в Казани, где содержались более одиннадцати тысяч пациентов и имелись горы неисследованного рабочего материала. «Если наука здесь и не очень далеко зашла вперед, — сказал он Анне, — то по крайней мере документы содержатся в порядке». Пациенты представляли собой «странную смесь: русские, евреи, немецкие колонисты, сибирские язычники». Однако местные врачи, как отмечал Роршах, «не были знакомы с интересными вопросами расовой психиатрии». Под этим выражением он, вероятно, имел в виду наследственные психические заболевания, а также расовые и национальные различия в людской психологии. Он был уверен, что легко найдет работу в России, и его «очень манила перспектива начать работать в казанской лечебнице» или в одной из других российских больниц. Ему нравилось, «насколько бесконечно свободнее, открыто, естественно и честно общаются здесь люди друг с другом». В другой раз он написал: «Мне нравится русская жизнь. Люди очень прямолинейны, и можно быстро добиваться своих целей (если, конечно, тебе не нужно иметь дело с властями)».

К сожалению, ему пришлось иметь с ними дело — и раздражающе непрозрачная, полная произвола бюрократия не допустила его к медицинской практике в России. «Это ожидание! В России просто нужно научиться ждать... Главное неудобство состоит в том, что очень трудно получить четкий ответ... Мне придется искать какие-нибудь обходные пути». В такой же ситуации оказался еще один его швейцарский коллега, напрасно проведший в Санкт-Петербурге долгие восемь месяцев. Роршаху пришлось вернуться к штудиям, которые он так рад был оставить позади: литература, география, история, на этот раз на русском языке. Хотя он и понимал, что должен уметь ориентироваться на местной почве — ведь если бредовый больной считает, что он тот или иной русский царь или граф, то доктор должен понимать, о чем говорит его пациент, — получить удовольствие от процесса изучения этих нюансов было затруднительно.

В личном плане это тоже было время испытаний. «Казань — не такой большой город, как Москва. Это просто “очень большой маленький город”, и здесь чувствуешь это во всем, включая людей», — писал Герман. Казань была больше, чем Цюрих, но очень провинциальна, хотя там и был парк, называвшийся «Русская Швейцария», своего рода зеркальное отражение расположенной в Цюрихе «Маленькой России». Герман помогал Ольге готовиться к ее собственным экзаменам, по всем двадцати трем предметам. Мать возлюбленной показалась ему слишком похожей на его мачеху — навязчивая, стремящаяся все контролировать, отказывающая в понимании. Роршах и Ольга планировали пожениться в России, но им не хватило на это денег: «...Конечно же, мы бы не стали устраивать свадьбу в кредит. Я очень хотел провести свадебную церемонию, потому что Ольга пошла еще на одну работу, где ей предстояло провести еще пять месяцев. Никогда ведь не знаешь, что может случиться. Я хотел подарить ей хотя бы это».

Роршах провел в России пять месяцев, прежде чем вернуться в Швейцарию, уже не как стажер, бегающий из клиники в клинику или прорывающийся сквозь бюрократические препоны соискатель, но как опытный психиатр. К тому времени он стал находить в родине Ольги и некоторые недостатки. Роршах был потрясен, узнав, что глубоко женоненавистническая книга Отто Вейнингера «Пол и характер» была переведена на русский язык и знакома самому широкому кругу русских читателей,

поскольку, как он ранее писал Анне, ни в одном из знакомых ему европейских обществ не относились к женщинам так, как в России. «У нас для мужчины достаточно, чтобы женщина не была слишком глупой, не была ужасающе уродливой и не была бедна, как церковная мышь; но ему нет дела до того, что она на самом деле собой представляет. Совсем не так дела обстоят в России — по крайней мере среди интеллигенции. В России женщины — особенно самые интеллектуальные из них — являются силой, которая хочет помочь обществу в целом. И они могут помочь. И они *помогают*, а не только подметают пол и стирают детские пеленки».

Он ожидал, что книгу, автор которой «пытается доказать, что Женщина абсолютно ничего не стоит, а Мужчина — это все», в России могут «разве что высмеять», — сам он ее отметал как «самый диковинный вздор» от человека, который «вскоре был объявлен сумасшедшим». Вместо этого она стала здесь бестселлером.

Как и в случае с более ранними жизненными впечатлениями, которые заставили его пересмотреть свои прежние идеалы, путешествие, предпринятое Роршахом в 1909 году, развенчало его чрезмерно романтизированный образ России, заставив мыслителя спуститься с небес на землю. Он утверждал, став еще сварливее, чем был в Берлине, что принцип равноправия для всех зародился в швейцарских семьях и что «это правда, и остается правдой, что мы, западные люди, находимся на намного более высоком культурном уровне», чем «полуазиатские массы» населения России. Когда Анна стала подумывать о браке с русским офицером, Герман горячо возражал. Помимо того что она заинтересовалась офицером, а не «врачом, инженером или кем-то еще в этом роде», он предупреждал ее, что ей «придется стать русской, а это нехорошо... Подумай вот о чем: ты — гражданка свободной страны, старейшей республики в мире! А Россия является единственной в мире абсолютной монархией, за исключением нескольких государств Африки... Твои дети родятся в самом закоснелом и реакционном государстве на Земле, — вместо того чтобы появиться на свет в одном из самых продвинутых, и они даже могут закончить свои дни в самой солдафонской армии — русской».

О себе он писал: «Сам я еще вернусь когда-нибудь в Россию, но моим отечеством остается Швейцария, и я могу сказать, что события последних нескольких лет сделали меня еще

большим патриотом, чем я был раньше. Если наша Швейцария когда-нибудь окажется в опасности, я буду сражаться бок о бок со всеми остальными за нашу древнюю свободу, за наши горы». В июле 1909 года он вернулся в Швейцарию, чтобы заступить на новую работу в Мюнстерлингене, но этому предшествовал еще один безумный инцидент — его остановили на границе и заставили заплатить взятку за право покинуть Россию.

Находясь в России, Роршах делал зарисовки в своем блокноте: карандашные эскизы и цветные сцены всего, за что цеплялся его взгляд. На одной из страниц, за луковичным куполом церкви на берегу Волги, следует вот это изображение, возможно — дым, тянущийся из трубы парохода. Подпись на русском языке подтверждает эту догадку: «Пароход “Тригорье”». Левее, однако, Роршах написал: «Пирог? Гора? Облако?»

ГЛАВА ШЕСТАЯ

МАЛЕНЬКИЕ КЛЯКСЫ, ПОЛНЫЕ ФОРМ

Всякий раз, как двадцатичетырехлетний художник видит церковные башни, у него возникает навязчивая мысль, что внутри его тела находится похожий на них заостренный предмет. Он испытывает резкую неприязнь к стрельчатым аркам в готическом стиле и успокаивается, когда видит произведения в стиле рококо, но также думает, что, когда он смотрит на воздушные, плавные линии рококо, его нервные клетки начинают видоизменяться, принимая такие же очертания. Когда он идет по узорчатому ковру, то чувствует, как каждая из фигур, на которые он наступает, оказывает давление на одно из полушарий его мозга.

Й. Э., сорокалетний шизофреник, убежден, что превращается в картинки, которые видит в книгах. Он принимает позы изображенных там людей, превращается в животных или даже в неодушевленные объекты — такие, как большие буквы на заглавной странице. Когда он смотрит на лампочку, висящую над его кроватью, иногда ему кажется, что он превращается в ее нить накала — уменьшенный, жесткий, спрятанный внутри лампочки и светящийся.

Л. Б. рисует одного из духов, что часто являются ей в галлюцинациях — человеческую фигуру, но забывает нарисовать руки. Когда доктор Роршах указывает ей на это, она помещает рисунок напротив себя, говорит «Упси!»* и, глядя на изображение духа, поднимает руки вверх. После чего говорит: «Посмотрите, вот они и руки».

Это лишь несколько из пациентов Роршаха в Мюнстерлингене. Когда он лично собирал коллекцию психиатрических эпизодов, то визуализировал происходящее, делая фотоснимки

* Так! — *Прим. изд.*

сотен своих пациентов и прикрепляя их к буклетам, которые он сгруппировал по диагнозам: «нервные заболевания», «слабоумие», «маниакальная депрессия», «истерия», «раннее слабоумие: гебефрения» (сегодня это называется дезорганизованной шизофренией), «раннее слабоумие: кататония», «раннее слабоумие: паранойя» и «судебные дела». Методом понимания для Роршаха было смотреть и видеть, контакт с людьми он устанавливал, фотографируя и рисуя их. Некоторые из хранившихся в архиве клиники сделанных Роршахом рисунков пациентов настолько хорошо запечатлели их внешность, характерные жесты и мимику, что пациенты, которые были все еще живы, узнавались на них даже спустя десятки лет. Лица на фотографиях когда кричали, когда безмолвно таращились в камеру, головы некоторых людей просто торчали из запертых ящиков, сковывавших их тела, но большинство пациентов всё же выказывали признаки взаимопонимания, когда молодой доктор фотографировал их.

Клиника в Мюнстерлингене, где Роршах проработал с 1 августа 1909 до апреля 1913 года, представляла собой тихое и спокойное место, комплекс зданий на берегу Боденского озера, построенный на месте монастыря, что был основан в 986 году дочерью английского короля Эдуарда I. В XVII веке монастырь был снесен и построен заново в виде барочной церкви четвертью мили выше на холме, которую позднее переоборудовали под больницу.

Остатки части стен старого монастыря стоят там и сейчас, внизу у озера, — низкий ряд камней, отделяющий ничто от ничего, в кольце зданий XIX и XX веков. Рекламная брошюра 1913 года, рассказывавшая о новом крыле для женщин-пенсионерок, обещала здание «в усадебном стиле, окруженное прелестным садом, расположенное прямо на озере, с потрясающим видом на наши прекрасные окрестности». Пациентам, «не способным позволить себе дорогостоящие приватные помещения для длительного лечения болезни», обещался «приемлемый уровень терапии и ухода в соответствии с современными требованиями психиатрии».

В архивах ежегодных отчетов этой столетней клиники спрятан целый мир подробностей, от обыденных до душераздирающих: выздоровления, смерти, попытки побега (одна в 1909 году — через окно по иве, затем по внешней стене в озеро; четыре в 1910 году), принудительное кормление (всего

972 эпизода, назначено десяти пациентам). Множество часов трудотерапии в течение всего года: сельскохозяйственные работы, погрузка угля, рубка леса, работы по дому и в саду, плетение корзин — для мужчин, готовка, стирка, глажка, работы в поле и по дому, а также «женские ремесла» — для женщин. Цены на говядину (растут). «В прошлом году нам тоже не удалось, — сообщалось в донесении руководства, датированном 1911 годом, — избежать использования механических средств для связывания пациентов»: кожаные перчатки для пациентов, которые в противном случае разрывали на части все, на что им хватало сил, а для некоторых случаев — крытые ванны. «Когда мы видим, что пациенты, несмотря на большие дозы седативных препаратов, мешают сну остальных в общих спальнях, постоянно шумят и стучат, раздражая прочих пациентов, встают среди ночи, дебоширят, разнося на куски все, до чего могут дотянуться в своих изолированных комнатах, измазывают себя и окружающее пространство остатками еды, экскрементами и так далее, — мы не можем более удерживаться от решения запереть их в ванне, и это становится настоящим облегчением как для них самих, так и для всех вокруг». В официальном рапорте 1909 года были перечислены четыреста пациентов, 60 % из них — женщины, почти половина — больные шизофренией, а также множество пациентов с маниакальной депрессией и различными другими заболеваниями. Так пациенты Роршаха были описаны в массе, без индивидуального рассмотрения каждого из них.

Медицинский персонал в Мюнстерлингене составляли директор Ульрих Бройхли и два его ассистента: Роршах и русский по национальности доктор Павел Соколов, который разговаривал с Роршахом по-немецки и по-русски в чередующиеся недели языковой практики, пока Ольга оставалась за границей. В штат входили управляющий клиники, его помощник и кастелянша, но там не было никаких социальных работников, дополнительных терапевтов или секретарей, поэтому три доктора отвечали за всё. Точнее сказать, за всё отвечали Роршах и Соколов. «Директор очень ленив, — жаловался Роршах, — а также по-настоящему груб и бестактен, но по крайней мере с ним легко договориться». В прошлом Бройхли был ассистентом Эйгена Блейлера, а клиникой Мюнстерлингена он руководил с 1905 года. Роршах познакомился с ним в 1907 году, когда работал в больнице по соседству. Они так и не стали близкими

друзьями, но их отношения были теплыми, и мнение Роршаха о начальнике было в основном положительным. «Это совершенно естественно: он ленив, мы делаем всю работу за него, а он сидит где-нибудь поблизости, наслаждаясь лучами солнца, или, говоря другими словами, он — директор. Когда он уходит, мы получаем то, что заслужили, другими словами — теперь мы директора и сами можем нежиться на солнышке».

Роршах въехал в небольшую квартиру, а Ольга осталась в России, где лечила пострадавших от эпидемий тифа и холеры. «Наконец-то, — писал он, — впервые за всю жизнь я нахожусь в ситуации, когда могу зарабатывать деньги и имею стабильную работу. Все мои желания исполнились, за исключением того, что Ольги нет рядом». Она приехала спустя полгода, и Роршахи наконец поженились: гражданская церемония прошла в Цюрихе 21 апреля 1910 года. Они поместили в семейный фотоальбом три снимка — свадебное фото и два изображения своей квартиры с видом на озеро — и подписали внизу: «1 мая 1910 года». Ольга описывала Мюнстерлинген как «очень красивый маленький городок. У нас есть две симпатичные комнаты с видом на озеро и множество цветов вокруг». Герман работал до семи. Потом, вечернею порой, они ходили на прогулки, или читали, или катались на лодке по озеру, а днем по выходным путешествовали по окрестностям. «Наша жизнь здесь не слишком разнообразна, — это стоящий на отшибе маленький городок, но нам с Германом и не нужно большего».

Через шесть месяцев после регистрации брака в цюрихской магистратуре Герман и Лола поженились снова — на этот раз по обряду Русской Православной церкви, в Женеве. После трех дней осмотра достопримечательностей они отправились на корабле в Монтре, а затем — на поезде в Шпиц, на озеро Тун и в Майринген, по тому же самому маршруту, которым в 1857 году в возрасте двадцати восьми лет путешествовал любимый Роршахом Лев Толстой. Для Толстого то путешествие стало очень важным как для писателя и человека. Толстой выбрал такой маршрут потому, что тот был популярен, но Роршахи наверняка сделали этот выбор, чтобы превратить свою российско-швейцарскую свадьбу в настоящее «российско-швейцарское паломничество». По возвращении они обрадовались, узнав, что Бройхли отбыл в отпуск. «У нас с Лолой все хорошо, очень хорошо, мы любим друг друга, — написал Герман Анне через несколько недель. — Мы словно живем на

безмятежном острове, живем просто для себя, нас абсолютно ничто не беспокоит». Боденское озеро заметно обмелело, продолжал он, и скоро почернеет, отражая зимнее небо. Роршах около года прожил в нескольких шагах от его береговой линии. Ему только что исполнилось двадцать шесть.

Спектр деятельности семьи Роршахов постепенно расширялся. «Сегодня проводится ярмарка для пациентов, и многие из них — пациенты Германа, — писала Ольга Анне в августе. — Все виды каруселей, кукольные театры, тиры и так далее». Герман добавил: «Карусель, танцплощадка, зверинец — все что угодно. Пациентам это очень понравилось. Жаль, что вечером все закончится». В другие годы клинику навещали музыканты из Гёттингенского Музыкального общества, а начиная с 1913 года большой грузовой корабль, специально переоборудованный так, чтобы принять на борт больше сотни человек, возил пациентов на прогулки по озеру. Эта забава стала очень популярной, и они надеялись, что смогут повторять ее каждый год.

Тот же альбом, где хранилась свадебная фотография Роршахов, содержит десятки снимков описываемых событий, связанных с клиникой. Роршах был заядлым фотографом и, казалось, любил беспристрастно фиксировать на снимках людей и события, а также праздники, которые стремился задокументировать. Он был любознательным эрудитом. Строго следовать только лишь траектории научной карьеры означало упустить многое из того, что делало его работу над тестом возможной. Снова и снова фотографировал он свой дом и лодочные прогулки в окрестностях Мюнстерлингена: землю с озера и озеро с земли, отражения цвета и тени на небе и в воде. Он давал своим пациентам материалы для творчества — не фотокамеры, конечно, но бумагу, краски, глину для лепки. Может быть, не так просто разговаривать с шизофреником, но существуют другие способы заставить его раскрыться.

После того как они встретили первое совместное Рождество в заснеженном Мюнстерлингене, Герман и Лола наполнили свои дни игрой в шахматы и исполнением музыкальных произведений. Герман играл на своей скрипке, привезенной из Шаффхаузена, а Лола — на гитаре, которую он подарил ей на Рождество. Герман был очень благодарен Анне за «превосходный» подарок — книгу Гоголя. Роршахи отправили ей в Россию альпийский календарь, который «каждый день отдавал бы ей

частичку Родины». Это была идея Ольги: уж она-то знала, что такое тоска по дому. За год до этого сам Герман, без Ольги, сделал сестре более педантичный подарок — книгу «Фауст» Гёте, «которую ты, возможно, еще не читала. Это самая восхитительная вещь, когда-либо написанная в мире».

И вот — новогодний карнавал. Роршах составил программу песен, театральных сценок, маскарадов и танцев. С годами требования времени становились более жесткими, и проводить эти праздничные вечеринки было все тяжелее, но, когда все только начиналось, Роршах принимал участие в их организации с большим энтузиазмом.

Хоть арт-терапия, театральная терапия и прочие подобные вещи не были в новинку, результаты деятельности Роршаха казались Ольге и остальным скорее развлечением, нежели лечением. Тем не менее то, как Роршах описывал свои чаяния вызвать у пациентов реакцию на увеличенные проекции во время рождественской вечеринки, предполагало, что он рассчитывал извлечь из этого некоторую пользу. Он даже обзавелся обезьянкой, приобретя ее у труппы странствующих циркачей, и в течение нескольких месяцев приводил животное на свои смены в клинике, также с целью вызвать эмпатическую реакцию. Некоторым тяжелобольным, обычно ни на что не реагировавшим, очень нравились гримасничанья обезьяны, и они не оставались безучастными, когда она озорно скакала по их головам и играла с их волосами. Хотя это и не было прямым исцелением, но все же давало Роршаху косвенный доступ к сознанию его пациентов.

За время, свободное от экспериментов с обезьянкой и фотографиями, Роршах опубликовал одиннадцать статей, основанных на опыте, полученном в процессе работы в Мюнстерлингене. Некоторые из них были выдержаны во фрейдистском ключе, другие — в юнгианском, а в третьих раскрывались его собственные интересы.

Как подметил один из следующих директоров Мюнстерлингенской клиники: «Для периода длиной в три года такой масштабный научный вклад является поистине ошеломляющим, особенно если учесть, что Роршах также рецензировал множество книг, писал объемные истории болезней, потратил много времени на работы по организации деятельности пациентов, писал юмористические песни и стихи для карнавалов, ухаживал за обезьянкой, играл в боулинг в деревне, да еще

и написал серьезную научную монографию, посвященную опухолям шишковидной железы, отказавшись от отпуска, чтобы исследовать опухоли под микроскопом в цюрихском Институте анатомии мозга.

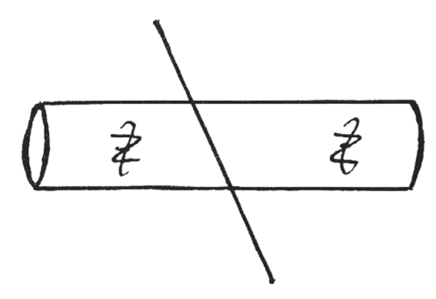

Рисунок шизофреника. В произведенной Роршахом расшифровке этого рисунка упоминаются фаллическая трубка, магнитные иглы, а также буквы Z — мужского и женского рода, — перечеркнутые вопросительными знаками. С буквы Z начиналось имя пациента, название места, где жил лечивший его ранее психиатр, немецкое слово «сомнение» (Zweifel), и на этом список ее значений в данном контексте не исчерпывался.

Одна из статей Роршаха анализировала рисунок пациента, который «хоть и кажется таким простым, на самом деле имеет очень сложное значение». Другая была о маляре с амбициями художника. Среди двадцати четырех рукописных страниц, содержащих заметки Роршаха об одном из случаев в клинике Мюнстерлингена, можно видеть фотографию мужчины: в просторном халате, широком галстуке-пластроне и берете, с небольшим цветком в уголке рта и с напряженным пристальным взглядом. Этот человек изготовил деревянную гравюру, изображавшую библейскую «Тайную вечерю», но снабдил ее новыми подробностями. В его версии Иоанн прижимается к Христу, у всех участников, кроме Иуды, длинные, похожие на женские, волосы, а у Христа имеется некий странный ореол в виде дамской шляпки, входящей в типичный швейцарский женский народный костюм. К созданию этой картины пациента, вероятно, подтолкнул Роршах, поняв, что, учитывая его ограниченные способности, этого человека невозможно подвергнуть психоанализу, используя разговорную терапию, толкование сновидений или словесный ассоциативный тест. Можно было проанализировать лишь нечто визуальное. Те, кто знали

Роршаха, сообщают, что у него была прекрасная способность взаимодействовать со своими пациентами, любыми способами помогая им выкарабкаться из оков паранойи или кататонического безумия. Довольно многие пациентки влюблялись в своего симпатичного доктора, и Роршаху удавалось избегать их притязаний, не причиняя при этом вреда их чувствам. Он мог взять протянутую руку пациентки, потом отвлечь ее чем-нибудь и незаметно высвободить свою ладонь. Так перелистывались дни в мюнстерлингенском календаре Роршаха: от карнавала к летней ярмарке, Рождеству и Новому году, — и по новой.

Время, что Герман провел на озере с Ольгой, было для него временем, когда он учился видеть. В поздравительном письме ко дню рождения брата Пауля, который к тому времени тоже покинул родительский дом, Герман писал: «Я рад, что в этом году мы с тобой намного ближе, чем пять лет назад, ты так не думаешь? С тех пор как ты уехал оттуда, ты очень быстро, прямо на глазах, превратился в настоящего мужчину и хорошего друга. Это не было столь же быстро в моем случае. Мне нужно было жениться, чтобы научиться способности правильно видеть мир». Герман всегда ставил Ольге в заслугу собственное развитие.

Отношения между Германом и его мачехой оставались натянутыми. «Мать не подарила мне на свадьбу ничего, *ничего*! Нарушив традицию, которая существует во всем мире! Ольга была особенно уязвлена: “Для меня имеет значение не подарок, а любовь!” — сказала она». Герман и Ольга старались избегать визитов в Шаффхаузен всегда, когда у них была такая возможность. Но пригласили однажды его десятилетнюю сводную сестру Регинели приехать на две недели в Мюнстерлинген, чему она была безумно рада, — долгожданная возможность хоть ненадолго вырваться из домашней тирании. Они часто виделись с Паулем, который, «несмотря на все, через что он прошел в Шаффхаузене, все еще был так добродушен, что даже иногда тосковал по родине». Пауль, «естественно, чувствует себя сейчас очень свободным», отмечал Герман, но «он не злоупотребляет своей свободой». Он даже спрашивал у старшего брата совета относительно того, как навсегда отказаться от алкоголя. (Еще не совсем получилось, ответил Герман, но лишь по одной причине — во многих странах небезопасно пить воду.) Герман и Ольга посетили родственников Роршаха в Арбоне, который располагался всего в пятнадцати милях от Мюнстерлингена,

и Ольгу там приняли очень тепло. Ей было любопытно узнать, как живут «крестьяне» в Швейцарии по сравнению с Россией.

Роршах писал также для швейцарских и немецких газет. Он забросил эту удочку, еще когда находился в России, — одна его заметка была опубликована во Франкфурте, и еще одна в Мюнхене, — и теперь Герман писал небольшие очерки об алкоголизме или о политико-экономических преобразованиях в России. Вышел он и на литературную арену, в течение месяца выпуская по частям в швейцарской газете свой перевод психологической повести Леонида Андреева «Мысль». Андреев считался одним из ведущих русских писателей современности, а «Мысль», имевшая широкую популярность как среди психиатров, так и в широких читательских кругах, являла собой поистине жуткую смесь Эдгара По и Достоевского, опирающуюся на психологию и на собственный опыт Андреева в качестве судебного репортера. Повествование излагалось в форме рассказа от первого лица, признания безжалостного убийцы Керженцева, который убил своего лучшего друга. Он описывает свои планы избежать наказания путем симуляции безумия, но становится вполне очевидно, что герой в действительности безумнее, чем думает сам. Мысль, заключенная в названии, которую рассказчик раскрывает от третьего лица, возможно, такая: *«Доктор Керженцев действительно безумен. Он думает, что притворяется сумасшедшим, но он на самом деле сумасшедший. Он уже сошел с ума»*. Андреев показывает нам неуверенность Керженцева в себе и воссоздает такую же неуверенность в нас самих. Убийца сознается, в отчаянной надежде, что врачи или судьи сумеют разрешить его экзистенциальный кризис вместо него самого.

Почему же Роршах — уникальный человек среди коллег-психиатров — писал для газет? Вначале чтобы заработать немного лишних денег, но вскоре он отбросил этот способ. «Эти публикации в газетах приносят не слишком много, — жаловался он Анне. — Я, на самом деле, не очень хочу писать для немецких изданий, но у меня нет настоящей возможности писать для русских». Статьи были для Роршаха не столько источником средств, сколько отдушиной для выражения его творческих интересов, не связанных с психологией.

Ольга позднее скажет, что секрет успеха ее мужа заключался в том, что «он быстро переключался с одного рода деятельности на другой. Он никогда не работал много часов подряд

над чем-то одним... Долгие разговоры на одну и ту же тему утомляли его, даже если это была одна из интересных ему тем». Это еще не всё. Роршах был фанатичным собирателем заметок. Он выписывал молниеносным почерком выдержки из чужих книг, порой из какой-нибудь до 240 страниц. Он не мог позволить себе покупать книги и жил вдали от центральных библиотек. По-видимому, Роршах лучше понимал и запоминал материал, когда копировал его физически. (Страницы почти неразборчивы, — процесс переписывания, скорее всего, был для него более полезен, чем повторное чтение книг.) Какой бы ни была его мотивация, трудно представить, что Герман проделывал эту работу в течение получасовых вспышек активности, но именно так, похоже, описывает это Ольга.

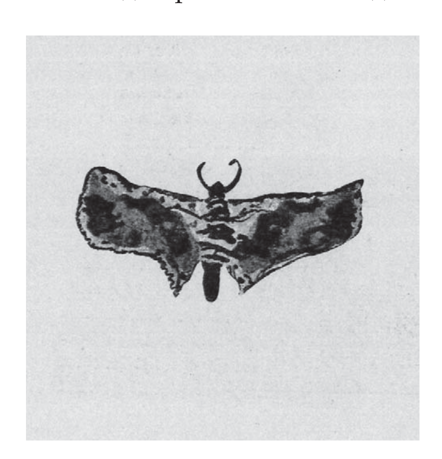
Еще один параллельный проект Роршах начал реализовывать вместе с Конрадом Герингом, близким другом из Шаффхаузена, старше его на три года, который работал школьным учителем в Альтнау, деревушке по соседству с Мюнстерлингеном. Он и его жена часто заходили в гости к Герману с Ольгой. Именно в компании с Конрадом Герингом в 1911 году Роршах начал проводить свои первые эксперименты с чернилами.

Специалистом по чернильным пятнам, которого часто называют главным предшественником Роршаха, был Юстинус Кернер (1786–1862), немецкий врач и поэт-романтик. Его достижения касались широкого спектра областей, в том числе и того, что мы зовем сегодня медициной: он был первым, кто дал описание ботулизма (бактериального пищевого отравления), а также первым, кто предложил использовать терапевтические свойства ботулотоксина для мышц, — сегодня эта практика широко известна под названием «ботокс». Он был важной фигурой в психиатрической традиции эпохи романтизма.

В автобиографии он пишет, что рос по соседству с сумасшедшим домом, который видел из своего окна, в маленьком городке, главной достопримечательностью которого была башня, где исторический доктор Фауст занимался черной магией. Он лечил больных с демонической одержимостью, совмещая принципы месмеризма и экзорцизма, был первым биографом изобретателя месмеризма, Франца Антона Месмера, а также написал невероятно влиятельный труд «Провидица из Префорста: откровения о нашей внутренней жизни и о вторжениях мира духов в наш мир» (1829), описывающий его эксперименты над женщиной, которая испытывала мистические видения, пред-

сказывала будущее и говорила на тайных языках. «Провидицу из Преформа» называли первым психиатрическим исследованием в книжном формате, а диссертация Юнга была посвящена общавшейся с духами женщине-медиуму, которая утверждала, что является реинкарнацией той самой провидицы. Юнг также установил, что Ницше неосознанно скопировал часть материалов Кернера в своей книге «Так говорил Заратустра». Герман Гессе говорил о Кернере как о необыкновенно одаренном человеке, «авторе книги, которая в его юности казалась произведением, подхватившим и собравшим в себе все светозарные лучи романтического духа».

Позже Кернер провел серию экспериментов с методикой, которую он назвал «клексографией» («кляксограммами»), результаты которых он впоследствии объединил с решительно мрачными стихами: три поэмы цикла «Посланник Смерти», двадцать пять «Видений Преисподней», еще одиннадцать «Видений Ада» и так далее. Рисование клякс было для Кернера разновидностью духовной и спиритуалистической практики. Он считал, что получившиеся образы являются «проявлениями мира духов» и силы, которыми владела Провидица. Кляксы создавали сами себя — магически, неконтролируемо, неизбежно, — в то время как он просто «выманивал их на поверхность» из скрытых областей в наш человеческий мир, где они вдохновляли его на создание стихов. Как-то раз он назвал чернильные пятна «дагеротипами невидимого мира».

«Две души, призванные из иного мира» Юстинусом Кернером при помощи его «клексографии».

Географическая близость между Кернером и Роршахом, а также причастность их к миру психиатрии сделали многих историков — как психиатрии, так и искусства — неспособными сопротивляться предположению, что Роршах опирался на труды предшественника. Однако впоследствии, после того как он разработал тест, Роршаха спросили, слышал ли он о Кернере, который, «по всей видимости, экспериментировал с кляксами, но делал это в ключе некромантии, а не науки». И он ответил: «Я слышал об экспериментах Кернера, но я буду очень вам признателен, если вы найдете для меня хорошую книгу на эту тему. Возможно, некромантия и содержит в себе какие-то важные вещи». Он имел общее представление о трудах Кернера, но они не были источником вдохновения для его собственных разработок.

В любом случае «клексография» была довольно распространенной детской игрой. Сам Кернер в детстве забавлялся с чернильными пятнами; молодой Карл Юнг «наполнил целую тетрадь чернильными кляксами и развлекался, придумывая им фантастические значения». Занимался этим и американский писатель Генри Торо. Русская женщина из окружения Роршаха вспоминала игру, в которую часто играла в юности: нужно написать на бумаге чернилами свои имя и фамилию, свернуть бумагу и «посмотреть, что говорит твоя душа». Она предполагала, что именно из этой игры Роршах почерпнул свою идею.

В психологических целях чернильные пятна также иногда использовали и до Роршаха — как способ измерить способность людей, особенно школьников, к воображению. Первым, кому пришла эта идея, был французский психиатр Альфред Бине. Согласно его теории, человеческая психология состоит из десяти качеств: память, внимание, сила воли, нравственные чувства, внушаемость, воображение и другие. Каждое из этих качеств может быть измерено при помощи специального теста, например насколько точно человек сможет воспроизвести показанную ему сложную геометрическую фигуру, демонстрирует, насколько хороша или плоха его память. Что же касается воображения: «Эксперимент можно провести после того, как вы расспросите человека, сколько романов он обычно читает, какого рода удовольствие извлекает из них, о его вкусах в театре, музыке, развлекательных играх и т. д. Поставьте на белый лист бумаги кляксу какой-нибудь странной формы. Некоторые люди ничего в ней не увидят, но для других, обладающих жи-

вым воображением (как Леонардо да Винчи, например), эта маленькая клякса будет полна форм, а вы должны записать вид и количество форм, которые видит ваш собеседник». Если человек видит одну или две вещи, значит, воображение его не слишком развито; если он видит двадцать, то обладает богатым воображением. Вопрос был в том, как много вещей вы сможете найти в случайной кляксе, а не в том, что тщательно спроектированная клякса сможет найти в вас.

Благодаря Бине, идея оценивать силу воображения при помощи чернильных пятен распространилась на ряд американских первопроходцев и просветителей в области тестирования интеллекта, таких как Дирборн, Шарп, Уиппл, Киркпатрик. Достигла она и России, где профессор психологии Федор Рыбаков, ничего не знавший о работах американцев, включил серию из восьми клякс в свой «Атлас для экспериментально-психологического исследования личности» (1910). А первым, кто назвал свою версию «тестом с чернильными пятнами», был американец Гай Монтроз Уиппл, написавший «Руководство по умственным и физическим тестам» также в 1910 году, — вот почему карточки Роршаха стали в итоге называть «чернильными пятнами», когда их взяли на вооружение американские психологи, невзирая на то, что в окончательных изображениях Роршаха использовались не только чернила, но и краска, и они не были простыми кляксами, посаженными на бумагу.

Роршах был знаком с работами Бине, а также с творчеством человека, бывшим источником вдохновения для самого Бине, — Леонардо да Винчи, который в своем «Трактате о живописи» писал, как брызгал краской на стену и смотрел на получившиеся разводы и линии в поисках вдохновения. Однако Роршах ничего не знал о русских и американских последователях Бине. Но всё же первый вариант его чернильного теста был в какой-то степени похож на их изыскания. Форма изображений не имела на тот момент особого значения. Дирборн изготовил 120 клякс для одного исследования и 100 — для другого. В последнем он поместил их на решетку размером десять на десять, после чего попросил испытуемых провести пятнадцать минут, выбирая и определяя, какие десять пятен вместе больше всего похожи на сто первое пятно в общей картине. Он изучал способность к распознаванию последовательностей, а не интерпретацию символов.

Ранние кляксы Роршаха не были стандартизированы, а всякий раз изготовлялись новые, когда он брызгал из чернильной ручки на простую белую бумагу, по нескольку клякс на каждой странице, порой до десяти (см. вклейку). Кляксы показывали пациентам Роршаха, а также ученикам Геринга (в возрасте от двенадцати до пятнадцати лет), после чего Роршах и Геринг записывали, что и где увидели испытуемые. Или же пациенты и ученики могли сами нарисовать то, что они увидели. Это не сильно отличалось от прочих методов визуального самовыражения, на которые воодушевлял своих пациентов Роршах, — рисунков и раскрасок. Иногда они жевали или смачивали газеты и скручивали их в миниатюрные головы, которые дарили доктору Роршаху, а он покрывал эти головы лаком и сохранял. Одна из таких бумажных голов, с единственным, как у циклопа, глазом-пуговицей, произвела особенно сильное впечатление на жену Геринга. Она сперва отнеслась скептически к чернильным пятнам, но все изменилось, когда женщина увидела проницательные выводы, которые Герман сделал, анализируя ответы людей. Испытывая кляксы на своих учениках, Геринг не добился серьезных результатов: его деревенские мальчишки не многое могли разглядеть в пятнах. Пациенты Роршаха видели намного больше.

Эти ранние эксперименты были лишь одним из многочисленных путей исследования, и Роршах без колебаний отбросил их, когда Геринги уехали. Это даже нельзя было назвать предтечей теста Роршаха, хотя исследователи и задаются вопросом о тех точных выводах, что так поразили фрау Геринг. Но все же Роршах показывал людям чернильные пятна с целью изучения природы восприятия, а не оценки силы их воображения. Он уже был заинтересован не только в том, насколько многое люди видят, а в том, что они видят и как. Но в 1912 году у него все еще не было решающих компонентов цельной концепции, а прочие способы изучения вопросов восприятия казались более перспективными.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ГЕРМАН РОРШАХ ЧУВСТВУЕТ, ЧТО ЕГО МОЗГ РАЗРЕЗАЮТ СКАЛЬПЕЛЕМ

Фрау Б.Г., шизофреничка, содержащаяся в Мюнстерлингенской клинике и влюбленная в одного из медбратьев, считала, что он хочет повредить ее половые органы небольшим ножом. Когда от недомогания перед ее глазами начинали кружиться «мошки», она видела их как летающие в воздухе маленькие ножи, и, когда это происходило, у нее возникали болезненные ощущения ниже пояса, как от пореза лезвием. Мысли о ранах от холодного оружия распространились и на галлюцинации другого рода. Всякий раз, когда эта женщина смотрела в окно и видела работника, косившего лужайку, она ощущала удары лезвием косы по ее собственной шее, и это приводило ее в бешенство, поскольку она отчетливо осознавала, что коса в руках мужчины не может до нее достать.

Этот случай напомнил Роршаху сон, который когда-то приснился ему в Цюрихе. Годы спустя это сновидение оставалось живым и ярким в его сознании:

«В свой первый семестр в клинике я впервые присутствовал на вскрытии — и смотрел на происходящее с прекрасно известным рвением молодого студента. Особый интерес для меня представляло рассечение мозга, который я всегда воспринимал как место, где находятся все наши мысли и чувства, так что это в каком-то смысле виделось мне как “душа в разрезе”. Покойный был жертвой инсульта, и его мозг подвергся рассечению поперечными срезами. В ту ночь мне приснился сон, в котором я чувствовал, как мой собственный мозг режут таким же образом. Срез за срезом, его слои отделялись от полушарий и падали вперед — точно так же, как это происходило на вскрытии. Это телесное ощущение (к сожалению, я не могу подобрать более точного выражения) было очень отчетливым,

а визуальное содержание этого сна является в моей памяти ярким даже сегодня. Оно обладает свойством — едва уловимым, но всё же явным и воспринимаемым на уровне чувств — пережитого, на самом деле испытанного ощущения».

Содержание этого сна так и напрашивалось на фрейдистский анализ, но интересы Роршаха лежали в другой плоскости. Никто из живых людей, отмечал он, никогда не испытывал чувства, что ему режут мозг. Фрау Б.Г. никто никогда не бил по-настоящему косой по шее. И все же «пережитое, на самом деле испытанное ощущение» было реальным. И чувства во сне не просто возникли после того, как он увидел аутопсию, — они имели, казалось, «намного более близкий и личный характер, почти как если бы это было визуальное восприятие, переведенное, транспонированное или преобразованное в телесные ощущения». Это было потрясающим фактом — увидев нечто, человек становился способен нечто почувствовать, даже то, что, казалось бы, почувствовать невозможно. Одно ощущение перевоплощалось в другое.

На такие переживания Роршах обращал внимание в течение многих лет. Это были зубные боли, которые он трансформировал в высокие и низкие ноты, когда был подростком, и мышечная память, позволявшая ему вспомнить скрипичную мелодию, двигая пальцами. В детстве он играл в игру, где группа детей говорила какому-нибудь мальчику, что они собираются вырвать ему зуб, после чего кто-нибудь брался за этот зуб, а еще один участник неожиданно щипал мальчика за икроножную мышцу, что заставляло того заплакать и подумать, что ему действительно вырвали зуб. Он чувствовал боль не в том месте, где ему ее действительно причиняли, а в том, где ожидал почувствовать. Работая врачом, Роршах отметил, что очень трудно добиться от маленького ребенка точного ответа, что именно у него болит, поскольку боль не имела конкретного местоположения. А в Мюнстерлингене ощущения такого рода были со всех сторон, нужно было только знать, где их искать: «Заслышав любой шум, раздавшийся в небе, мы, живущие на Боденском озере, ожидаем увидеть приближающийся дирижабль».

Роршах понял, что в основе этих переживаний лежит один и тот же факт, касающийся восприятия. Ощущения могут быть отделены от своей изначальной локации и прочувствованы где-то еще, — процесс, именуемый релокализацией. Мы никогда

не летали как птицы, но нам может сниться, что мы летаем, поскольку мы делали стойку на голове или прыгали в стог сена с крыши сеновала. Разрезание его мозга во сне выглядело «как если бы меня стригли в парикмахерской, ломтики мозга все время соскальзывали и падали, как падает вдоль тела человека его уставшая рука, — другими словами, то были известные мне состояния, локализованные в необычном месте». Релокализация делала возможными невозможные ощущения.

Ощущения могли также менять свой вид, а не только местоположение. Щипок за ногу мог ощущаться как зубная боль, но чисто визуальный опыт — Б.Г., видящая «мошек» перед глазами, и Роршах, наблюдавший за вскрытием, — мог быть переведен в невизуальные телесные ощущения. Роршах давно обращал внимание на то, что он чувствует, когда смотрит на картины, и, как художник, он переживал также обратное: телесные ощущения могли быть переведены в область визуального восприятия. «Когда я пытаюсь вызвать в своем сознании определенный образ, — писал он, — моя визуальная память зачастую оказывается неспособна это сделать. Но если я когда-либо рисовал этот предмет и мне удается вспомнить один-единственный штрих карандаша, сделанный в процессе рисования, даже самую крошечную линию, — образ, который я пытаюсь вспомнить, возникает целиком».

Тело Роршаха могло активировать его видение: «Когда, к примеру, я не могу вызвать в своей памяти картину Швинда “Странствие Фалькенштейна”, но знаю, как рыцарь держит свою правую руку («знание» в данном случае означает неподвластный восприятию психологический образ объекта), я способен усилием воли воспроизвести позицию этой руки — в моем воображении или в реальности, — и это немедленно дает мне визуальное воспоминание о картине, которое намного лучше, чем было бы без этого усилия». Это, подчеркнул он, почти то же самое, что происходило с его пациентами-шизофрениками: держа свою руку правильным образом, он «галлюцинаторно вызывал к жизни перцептивные компоненты визуального образа».

То, что описывал Фрейд, говоря о снах, в действительности имеет место в любых областях нашего восприятия, спим мы или бодрствуем, безумны или психически здоровы. По теории Фрейда, причудливые образы во снах являются квинтэссенцией пережитого опыта, или комбинацией, составленной из ощущений разного толка. Кто-то из персонажей сна может выглядеть

как мой начальник, напоминать мне о моей матери, разговаривать, как мой любимый человек, и говорить что-то, случайно услышанное мной из уст незнакомца в кафе, пока я разговаривал со своим другом, — и во сне все эти взаимосвязи из реальной жизни сливаются в единую картину. Роршах понял, что наши тела делают то же самое, что делает наше сознание, будучи погруженным в сон, — смешивают разные вещи вместе: голень и зуб, руку и воспоминание о картине, человека на лужайке и ощущение пореза на шее. «Точно так же, как психика может разделять, объединять и конденсировать различные визуальные элементы под влиянием определенных обстоятельств (преимущественно обстоятельств, связанных с подавленными желаниями), — писал Роршах, — она способна в этих обстоятельствах и переопределять природу восприятия различными органами чувств». Ощущения «могут быть “конденсированы” так же, как визуально воспринятые образы сливаются в единую картину во снах».

При столкновении с такими пациентами, как Б. Г., Роршаху интереснее было не разгадать их «тайную историю», как назвал бы это Юнг, а попытаться пропустить сквозь себя их способ видеть и чувствовать. Что делает возможными эти нереальные ощущения, будь то несуществующая коса, режущая шею, давящие на мозг узоры на ковре или чувство, что ты превращаешься в то, что видишь в книге?

Именно при изучении трансформаций восприятия Роршах впервые использовал чернильные пятна.

Роршах был далеко не первым психологом, который стремился исследовать связь между зрением и ощущением. В XIX веке одним из ответвлений психологии была «эстетика» — это слово имело научное происхождение, означая нечто, «связанное с ощущением или восприятием». У эстетики имелись родственники: «анестезия» (вещество, которое мы принимаем, чтобы снизить чувствительность), «синестезия» (сочетание разных чувств) и «кинестезия» (ощущение движения). В этой области существовала традиция психологической эстетики, достаточно отличавшаяся от психиатрии Фрейда или Блейлера, но не Роршаха, который, с его цюрихской подготовкой, галлюцинирующими пациентами и интересом к зрительному опыту, свел два направления воедино.

Ключевой фигурой упомянутой традиции был Роберт Вишер (1847–1933), который в 1871 году написал философскую

диссертацию, призванную объяснить, как люди могут реагировать на абстрактные формы. Почему мы находим элегантность в двух изогнутых линиях, или ощущение равновесия, или сходящиеся потоки энергии? Как мы вообще можем что-либо чувствовать, видя перед собой, казалось бы, пустые и неподвижные формы? «Каким образом сверкающая радуга, небосвод, нависающий сверху, или земля под ногами связаны с моим чувством человеческого достоинства? Я могу любить все живое, все, что ползает и летает, такие вещи мне сродни, но каково мое родство с тем, что находится слишком далеко, чтобы требовать от меня какого бы то ни было сочувствия?» Один из возможных ответов заключается в том, что, когда мы слышим музыку или видим абстрактные формы, они напоминают нам о чем-то другом. Наши реакции основаны на объединении понятий, принадлежащих к разным сферам. Однако Вишер отвергал эту мысль, поскольку она уменьшала масштаб произведений искусства до их содержания, темы или послания. Музыка не просто напоминает нам о том, как мать укладывала нас спать, или о еще каком-то конкретном образе или событии, — мы реагируем на нее именно как на музыку.

Единственное жизнеспособное объяснение, утверждал Вишер, это следующее: мы можем ощущать эмоции, исходящие от безжизненной вещи, потому что перед этим мы вкладываем в нее эмоции. «С интуитивным участием со своей стороны, — писал он, — мы невольно считываем наши эмоции» с этих не имеющих человеческой сущности форм. И не только наши эмоции, но и нашу первозданную суть: «У нас есть замечательная способность проецировать и внедрять нашу собственную физическую форму во все эти радуги, эти гармонии или диссонансы в линиях». Мы теряем свою фиксированную идентичность, но получаем способность установить связь с окружающим миром: «Я будто бы приспосабливаюсь к этому объекту и устанавливаю с ним связь, как одна ладонь пожимает другую, — и в то же время я загадочным образом вживляюсь в этот предмет и превращаюсь в иное». Наша собственная сущность, заново найденная в окружающем мире, является тем, на что мы реагируем, ощущая предметы внешнего мира как части нас самих.

Идея Вишера о проецировании себя и проникновении в мир — то, что он называл «прямым развитием внутреннего ощущения во внешнее», — воодушевила поколения филосо-

фов, психологов и теоретиков эстетики. Чтобы описать свою радикально новую концепцию, он использовал немецкое слово *Einfühlung*, что буквально означает «сопереживание, эмпатия». Когда психологические труды, вдохновленные идеями Вишера, начали переводить в первые годы XX века, языку понадобилось новое слово для обозначения новой идеи, и переводчики изобрели слово «эмпатия».

Это слегка шокирует, когда осознаешь, что термину «эмпатия» всего сто с небольшим лет, примерно столько же, сколько рентгеновским лучам или детектору лжи. Обсуждение «гена эмпатии» кажется захватывающим из-за трений между вечными аспектами человеческого бытия и передовой наукой, но именно эмпатия является новомодной частью термина, — гены были открыты раньше. То, что описывает эмпатия, конечно, не было чем-то новым, а понятия «симпатия» и «чувственность» имеют долгую историю и много с ней общего, но эмпатия направляет эти взаимоотношения между человеческой самостью и окружающим миром по другому пути. Становится сюрпризом тот факт, что термин был изобретен не для того, чтобы говорить об альтруизме и добрых делах, но чтобы объяснить, почему мы можем наслаждаться сонатой или закатом солнца. Для Вишера эмпатия означала творческое видение, способность преобразовывать мир таким образом, чтобы находить в нем свое отражение.

В английской традиции эталонным эмпатом в этом смысле являлся поэт-романтик Джон Китс, который мог даже жить жизнью неодушевленных вещей. Один современный критик так описывает дар Китса «проникать силой воображения в физические объекты»: «Чего стоит лишь то, как он выпрямился, напустив на себя “суровый и властный” вид, когда впервые прочел у другого поэта, Эдмунда Спенсера, о “расталкивающих морские волны китах”, или то, как он передавал в своих строках “цокот когтей” танцующего медведя, или же быстрый шквал ударов боксера, который сравнил с “постукиванием пальцев по оконному стеклу”. Или знаменитые моменты творческого внимания и сопереживания: “И *если воробей прыгает* под *моим окном,* я начинаю жить *его жизнью* и *принимаюсь подбирать крошки* на *тропинке, усыпанной гравием”.* Или просто когда он съедал спелый нектарин: “Он опустился в мой желудок мягким, мясистым, мокрым, сочным, — всей своей вкусной полнотой растаял он в моей глотке, как крупная, дарующая

блаженство ягода клубники”. Или даже вживаясь в дух бильярдного шара, чтобы почувствовать “восторг от собственной круглости, гладкости, объемности и скорости своих движений”».

Эти примеры хорошо соотносились с опытами Роршаха. Китс, кстати, будучи студентом-медиком, следил за последними достижениями в неврологии и даже порой задействовал методы этой науки в своей поэзии. Швейцарский психиатр был, возможно, намного менее экспансивным, чем английский поэт-романтик, но культурный багаж Роршаха включал в себя и Джона Китса, восхищавшегося объемностью мира и скоростью его движений, — «мира золотой чередой», как Роршах часто говорил, цитируя свой любимый поэтический отрывок (авторства швейцарца Готфрида Келлера, на которого, в свою очередь, повлиял Китс).

Вишер тоже переживал подобные моменты, опережая Роршаха. «Когда я наблюдаю за неподвижным объектом, — писал Вишер, — я могу без труда поместить себя в его внутреннюю структуру, в его центр тяжести. Я могу придумать себе путь внутрь этого предмета». Он чувствовал себя «сжавшимся и незаметным», когда видел звезду или цветок, и испытывал «чувство величия и широты», исходящее от здания, воды или воздуха. «Мы часто можем наблюдать в самих себе занятный факт, как зрительный стимул вызывает некие ощущения не столько в наших глазах, сколько в какой-то другой части тела, и это ощущения иного рода, чем те, которые испытывают глаза. Когда я иду по жаркой улице, под ярким солнцем, и надеваю очки из темно-синего стекла, у меня мгновенно возникает впечатление, что моя кожа охлаждается». Не существует неопровержимых доказательств того, что Роршах читал Вишера, но он определенно читал труды, вдохновленные им, и в любом случае воспринимал мир похожим образом.

За десятилетия до «Толкования сновидений» Фрейда Вишер отслеживал ту же творческую активность разума, о которой писал Фрейд, но в противоположном направлении. Поскольку Фрейд хотел добраться до потаенного психологического подтекста снов, начав с их причудливой, кажущейся бессмысленной поверхности, ему нужно было знать, каким образом это скрытое содержимое было «спрессовано» или, говоря другими словами, преобразовано. Потом он следовал «вверх по течению сна», добираясь до его источника. Вишер же, напротив, оценивал эти трансформации сами по себе, как основу для эмпатии,

творчества и любви. Фрейд был озабочен тем, как проистекает сам процесс, а Вишер — теми прекрасными формами, которые этот процесс может создать: «Каждое произведение искусства являет нам себя как человек, гармонично ощущающий себя в родственном окружении».

Вот почему идеи Фрейда привели к появлению современной психологии, а идеи Вишера — к появлению современного искусства. Психология бессознательного и абстрактное искусство — две новаторские идеи начала XX века — были на самом деле двоюродными сестрами, имевшими общего предка в лице философа Карла Альберта Шернера, которого отмечали в качестве предтечи своих ключевых идей как Вишер, так и Фрейд. Вишер называл книгу Шернера 1861 года «Жизнь сна» «основательной работой, увлеченно исследующей скрытые глубины... из которой я получил понятие, которое назвал “эмпатией” или “сопереживанием”». Фрейд в «Толковании сновидений» приводил длинные цитаты из Шернера, восхваляя «основополагающую верность» его идей и описывая его книгу как «самую оригинальную и далеко простирающуюся попытку объяснить сновидение как особую деятельность человеческого разума».

Линия от Вишера к абстрактному искусству пролегает через Вильгельма Воррингера (1881–1965), чья диссертация по истории искусства 1906 года «Абстракция и эмпатия» заключала в себе послание столь же простое, сколь и ее название: эмпатия — это лишь половина вопроса. Воррингер считал, что эмпатия вишеровского толка создает реалистичное искусство, являющееся следствием стремления соответствовать внешнему миру. Художник может чувствовать себя в этом мире как дома, вживаться в предметы, помещать себя внутрь их, а затем обретать себя через связь с ними. Некоторые экспансивные, энергичные, уверенные в себе культуры, с точки зрения Воррингера, порождали таких художников особенно часто, например античные Рим и Греция, а также Возрождение.

Другие личности и культуры, однако, находили мир опасным и пугающим, а их глубинным психологическим стремлением было найти убежище. «Самым сильным позывом» таких художников, писал Воррингер, было «вырвать объект внешнего мира из его естественного контекста» хаоса и бессмыслицы. Эти художники могли изображать козла в виде треугольника, живописать рога изогнутыми линиями, игнорируя настоящую сложную форму животного, или изображать океан в виде бес-

конечного переплетения зигзагообразных линий, не пытаясь скопировать какие-либо детали его истинного облика. Это — противоположность классическому реализму, абстракция.

Кроме того, Воррингер полагал, что эмпатия имеет «контрполюс» в стремлении к абстракции. Эмпатия была всего лишь «одним из полюсов человеческого художественного чувства», не более веского или более эстетичного, чем остальные. Одни художники творят, врываясь в мир, сопереживая ему, а другие — поворачиваясь спиной и вытаскивая символы из мира (само слово «абстракция» происходит от латинского *abtrahere*, что означает «тащить», «тянуть»). У разных людей разные потребности, и их искусство по определению должно удовлетворять эти потребности, иначе просто не будет причин его создавать.

В то время как художники начала XX века находили в идеях Воррингера важное оправдание своей деятельности, Карл Юнг разглядел в его психологической теории провидческий элемент. В своем первом очерке, выдвигая теорию психологических типов, Юнг упомянул Воррингера как «ценную параллель» к его собственной теории интроверсии и экстраверсии: абстракция направлена вовнутрь и отворачивается от мира, эмпатия же экстравертна, она входит в мир. Однако понадобился Роршах, художник и психиатр, изучающий психологию восприятия, чтобы сплести из этих волокон единую крепкую веревку.

В Мюнстерлингене у Роршаха были все возможности практиковаться в медицине, однако для того, чтобы получить докторскую степень, он должен был написать диссертацию. Обычно темы диссертаций задавали студентам их профессора, однако, когда пришло время, Роршах предложил своему научному руководителю Блейлеру пять собственных идей.

Набор был типичным для человека, прошедшего цюрихскую школу: наследственность, криминология, психоанализ, литература. Он был намерен изучить следующий вопрос: можно ли предрасположенность к психозу проследить в семейной истории пациента. Роршах собирался использовать для работы архивный материал из Мюнстерлингена или города своих предков, Арбона. Он предложил рассмотреть психоаналитическое исследование дела учителя, обвиненного в преступлениях против морали, а также случай кататонического пациента, который слышал голоса. Роршах был заинтересован работать с матери-

алами о Достоевском и эпилепсии, но надеялся заняться более детально этой темой в Москве. В конце концов, он выбрал самую оригинальную из своих идей, сказав Блейлеру, что он «будет очень доволен, если из этого что-нибудь получится».

Целью диссертации Роршаха, работу над которой он закончил в 1912 году, было определить психологические пути, делавшие возможной эмпатию, как ее понимал Вишер. Название «О “рефлекторных галлюцинациях” и связанных с ними явлениях» может повергнуть в ступор русского читателя, но предметом научной работы было не что иное, как взаимосвязь между тем, как мы видим, и тем, как мы чувствуем.

Понятие «рефлекторные галлюцинации» (*Reflexhalluzination*) — технический термин из области психиатрии, введенный в 1860-х для того класса явлений, которыми Роршах восхищался в своих пациентах и в себе самом, наряду с синестезией, прустианским эффектом* и любыми другими проявлениями непроизвольного восприятия, вызванного внешними стимулами. Джон Китс, который, глядя на воробья, представлял себя ковыряющим гравий, как раз и являл собой пример рефлекторной галлюцинации, хотя более образным переводом было бы «мультичувственное восприятие» или «вызванная галлюцинация».

Открыв свою диссертацию обязательным сухим обзором литературы, Роршах представил сорок три ярких пронумерованных примера комбинаторного восприятия, в которых зрение скрещивалось со слухом или зрение и слух вместе — с телесными ощущениями или другие пары различных чувств — друг с другом. В качестве первого примера он привел свой собственный сон о разрезаемом мозге. Он быстро отмел простые ассоциации, которые присутствуют в нашей жизни постоянно (например, когда вы слышите, как ваша кошка мяукает в соседней комнате, ее образ встает у вас перед глазами), так же, как отвергал такие ассоциации Вишер. Несмотря на то что рефлекторные галлюцинации включают в себя и ассоциации тоже, Роршах понимал, что существует причина, по которой Б.Г. ощущала удары косы работника по своей шее, а не по какой-то менее значимой части своего тела, — эти ассоциации вторичны. Что делало случай по-настоящему интересным, так это трансформация одного вида восприятия в другой.

---

* Воспоминания, проявляющиеся под воздействием определенных запахов. — *Прим. перев.*

Главные примеры Роршаха не находились, как в большинстве исследований синестезии, на стыке зрения и слуха. Вместо этого они связывали внешнее восприятие с внутренним телесным восприятием. Они включали в себя и кинестезию, наше ощущение движения. Он писал: «Когда в полной темноте я двигаю пальцем взад-вперед вдоль своего предплечья и смотрю в этом же направлении, мне кажется, что я вижу, как двигается мой палец, хоть это и совершенно невозможно», — таким образом, ощущение движения активировало слабое зрительное восприятие, действовавшее параллельно тому, что было известно из опыта. Процесс заучивания песни на иностранном языке или заучивания слов в малолетнем возрасте он также описывал как создание взаимосвязи между звуком и движением, «акустически-кинестетическую параллель», в которой человек слышит слово всякий раз, как открывает рот, чтобы произнести его, и произносит слова, которые сперва слышит в своей голове.

Эти параллели могут действовать в обоих направлениях. Один пациент-шизофреник из швейцарского Золотурна, А. фон А., видел себя самого, стоявшего на улице, когда выглядывал из окна. Его двойник «копировал» каждое его движение, таким образом движения пациента преобразовывались в зрительное восприятие им своего двойника. Это была закольцованная рефлекторная галлюцинация, двигавшаяся по одному и тому же пути. То же самое происходило с шизофреничкой, которая ощущала в своем теле движения других людей.

Связывая зрение и движение в единый путь эмпатии, Роршах использовал работы малоизвестного норвежского психофизика Джона Мурли Вольда, чей двухтомный трактат о сновидениях полностью игнорировал Фрейда и фокусировался на вопросах кинестезии. Мурли Вольд описывал бесчисленные эксперименты, в процессе которых тело спящего человека было связано или плотно обмотано, а увиденные им сны подвергались анализу на предмет того, сколько движения они в себе содержали. Некоторые из этих экспериментов Роршах повторял на себе. (Один из получившихся снов был о том, как он наступил на ногу пациенту, у которого была такая же фамилия, как у его начальника.) Сложно представить себе две теории, сильнее отстоящие друг от друга, чем теории Фрейда и Мурли Вольда, но Роршах объединил их: «Анализ сновидений по методике Мурли Вольда ни в коем случае не исключает психоаналитической интерпретации этих сновидений... Аспекты

его теории являются частью строительного материала, символы являются рабочими, комплексы — прорабами, а психика спящего человека — архитектор, создающий структуру того, что мы называем сном».

Роршах приложил все усилия, чтобы представить эти механизмы как универсальные. Только под конец работы над диссертацией он пришел к пониманию, что, возможно, не все обладают теми же способностями, что и он. «Мое отношение к рефлекторно-галлюцинаторным процессам может показаться некоторым читателям субъективным — например, тем, кто воспринимает мир аудиально (людям аудиального типа), — поскольку эти строки написаны человеком, который в собственной жизни первым делом опирается на моторику (то есть относится к моторному типу), а во вторую очередь — на зрительный опыт (визуальный тип)». Он не давал определения того, что понимает под приведенными типами, но отчетливо представлял — хоть и неуверенно, — что разные люди испытывают разные проявления «параллелей». Поскольку в основе его новых психологических идей лежали его собственные таланты к мимикрии, созданию реалистического искусства и эмпатии, он неохотно признавал, что они, возможно, являются его персональной особенностью.

Как многие диссертации, работа Роршаха заканчивалась, не объяснив предмета полностью. Он был вынужден существенно сократить итоговый объем, и на протяжении диссертации дважды признался, что при «относительно небольшой выборке примеров» было «практически невозможно» прийти к каким бы то ни было окончательным выводам. Однако, обращая столь пристальное внимание на специфические ощущения и их едва уловимые преобразования, он начал видеть лежащие в их основе процессы, заложив фундамент для более глубокого синтеза психологии и зрительного восприятия.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

САМЫЕ ТЕМНЫЕ И МНОГОСЛОЙНЫЕ НАВАЖДЕНИЯ

В 1895 году по горной деревушке Шварценбург в северной Швейцарии поползли тревожные слухи. Женатый мужчина шестидесяти одного года, Иоганнес Бинггели, был главой общины верующих, известной как Лесное братство. Он был мистиком, проповедником и автором различных памфлетов, которые диктовал ему Святой Дух. По профессии этот человек был портным, и местные жители иногда нанимали его, но обычно лишь для того, чтобы предсказывать выигрышные номера в лотерее. Члены братства — девяносто три человека — общались преимущественно друг с другом.

Потом одна из участниц братства — по фамилии Бинггели, как и ее отец, — была арестована за сокрытие рождения своего ребенка. Двумя годами ранее она в течение восьми дней не могла справлять малую нужду, и Бинггели сказал, что ее влагалище запечатано заклятием, которое он «снял», вступив с ней в половую связь. Она исцелилась, но их сексуальные отношения продолжились. Другие члены коммуны стали рассказывать истории о том, что Бинггели использует сексуальные контакты как средство для изгнания бесов из женщин и молодых девушек. Власти установили, что внутри братства функционирует эзотерическая секта, участники которой поклоняются Бинггели как «Слову Божьему во плоти». Его половой член считался «Стрелой Христовой», а его моча — «Небесными Каплями» или «Небесным Бальзамом», имевшим целебные свойства: его адепты пили ее либо применяли наружно, чтобы побороть болезни и искушения. Утверждалось, что он способен по собственному желанию испускать красную, синюю или зеленую мочу, и иногда она использовалась вместо вина на ритуалах коммуны.

Было установлено, что Бингтели регулярно совершал кровосмесительные акты со своей дочерью в период с 1892 по 1895 год. Из трех ее незаконнорожденных детей как минимум один, а возможно, двое были от него. После ареста он давал противоречивые показания: говорил, что не делал этого; что делал — но только во сне, чтобы защитить ее от демонов, принимавших облик кошек и мышей; что к нему нельзя применять законодательство, потому что он не такой, как все остальные люди. Бингтели был признан сумасшедшим и отправлен в ближайший дом умалишенных — в Мюнсинген, где провел четыре с половиной года, с июля 1896 до февраля 1901 года.

В апреле 1913 года Роршах перешел работать в Мюнсинген. Ульрих Бройхли, его начальник в Мюнстерлингене, получил повышение и стал директором нового, более крупного и престижного заведения поблизости от Берна, а с человеком, который пришел на смену Бройхли, Германом Вилле, работалось намного менее комфортно. Роршах последовал за Бройхли, в то время как Ольга, зарабатывая деньги и строя собственную врачебную карьеру, еще на три месяца осталась в Мюнстерлингене, до тех пор, пока ее контракт не истек. Они снова были в разлуке, хотя теперь на расстоянии всего в 120 миль.

В Мюнсингене Роршах наткнулся на досье пациента Бингтели и был восхищен. В процессе дальнейших исследований он узнал, что секта Бингтели, Лесное братство, выросла из более раннего и более крупного движения — антонианцев, основанного Антоном Унтернарером в эпоху Наполеона и дожившего до XX века, распространившись как по Европе, так и по Америке. Все эти религиозные движения вновь всколыхнули его интерес к секте духоборов, о которой он узнал благодаря Ивану Трегубову. Роршах выяснил, где найти Бингтели, и отправился навестить того в его горном убежище, где сектант жил в окружении небольшой группы верующих, включая свою вторую жену, дочь и сына, который одновременно приходился ему и внуком. Бингтели «к тому времени было уже за восемьдесят, — писал Роршах, — он был дряхлым астматиком. Это был низкорослый, похожий на гнома человек с большой головой, крупным торсом, но короткими руками и ногами», который «всегда носил традиционный шварценбургский народный костюм с ярко отполированными металлическими пуговицами, по семь с каждой стороны». Эти блестящие металлические предметы наряду с его цепочкой для часов играли важную роль

в его психических отклонениях. Роршаху удалось «без особых проблем уговорить его сфотографироваться».

Это было началом проекта по изучению деятельности швейцарских сект, который, как был уверен Роршах до 1915 года и позднее, станет работой его жизни. К тому моменту он выжал из своих психологических исследований восприятия все, что можно, поэтому распространил свое внимание на культурные способы видения и дал безграничную волю своему любопытству. Когда он не был занят лечением пациентов, он собирал материалы о других архаичных фаллических культах в Швейцарии, и постепенно накопил поразительное количество научных данных, где психология религии сочеталась с социологией, психиатрией, народными преданиями, историей и психоанализом. Он обнаружил, что активность сект всегда проявлялась в одних и тех же регионах, вдоль границ расовых или политических симпатий, то есть там, где ранее происходили войны. Он создал раскрашенную вручную карту, демонстрировавшую, что активность сект связана с местами высокой концентрации шелкопрядильщиков, и выдвинул предположение, почему это так. Исторически он отследил деятельность сект в этих областях сквозь ранние протестантские культы до вальденсов XII века и «братьев свободного духа» XIII века, дойдя и до более ранних ересей и сепаратистских движений, каждое из которых оставило четкий след в истории вплоть до времени жизни Роршаха.

С точки зрения психологии он утверждал, по юнгианским канонам, что шизофренические наваждения затрагивают те же самые психические источники, что и древнейшие религиозные системы, и подмечал связанные с мифологией и философией сходства между образами и идеями во всей истории сект, вплоть до древних гностиков. Например, он продемонстрировал, что учение антонианцев XVIII века во всех подробностях совпадало с философией адамитов I века.

И наконец, в социологической части своего исследования он выдвинул тезис, что в процессе создания секты не так важен харизматичный лидер, как наличие группы восприимчивых последователей. В случае сильной необходимости сообщество может создать лидера почти из кого угодно, а когда секты перемещались куда-либо в другое место, то они, как правило, очень быстро умирали, за исключением тех случаев, где местное сообщество еще не было перенасыщено религиозными идеями.

Он проводил черту между активными и пассивными последователями, а также между истерическими лидерами, чьи послания были предопределены их личными комплексами, и более могущественными шизофреническими лидерами, чьи доктрины глубоко уходили в архетипическую мифологию. Его лекции и очерки на тему сект, как академические, так и неакадемические, были одними из самых ярких работ Роршаха, одинаково интересные с точки зрения биографического материала, медицинского исследования, истории, теологии и психологии. Он вынашивал планы написать «толстую книгу», в которой хотел поднять множество вопросов:

«Почему один шизофреник может найти себе сообщество, а другой не может? Почему шизофреник воспроизводит первозданные человеческие идеи, в то время как невротик следует неким местным суевериям и предрассудкам? И как эти различные вещи относятся к соответствующим группам населения? Какие расы являются носителями идей коренных местных сект, а какие присоединяются только к пришлым? Все с многочисленными мифологическими, этнологическими, религиозными, историческими и прочими параллелями!»

Это был Роршах-мыслитель, а не Роршах-врач. Как Фрейд, Юнг и другие первопроходцы его времени, он хотел делать нечто большее, не просто лечить пациентов; он хотел свести воедино культуру и психологию, чтобы исследовать природу и смысл индивидуальных и общих верований.

Будучи плотью от плоти цюрихской школы, Роршах верил во взаимосвязь между психологией личности и культурой и избегал утверждений о существовании единого психологического подхода ко всем и каждому. Это могло показаться радикальной сменой направления карьеры Роршаха, но было на самом деле частью его постоянного стремления понять индивидуальные особенности восприятия мира.

Поскольку Роршах расширил рамки своей деятельности, ему вновь захотелось уехать из Швейцарии. Он начал снова штурмовать московскую бюрократическую систему, на этот раз более удачно: швейцарский посол сообщил, что Роршах сможет держать первый российский государственный медицинский экзамен в 1914 году. В декабре 1913 года он и Ольга покинули Мюнсинген и отправились в космополитичную среду, где было общеизвестным фактом, что психология и искусство неразрывно связаны, — в Россию.

Это было волнующее время. Русская культура находилась на стадии Серебряного века, насыщенная взаимными влияниями искусства, науки и оккультных течений. Российская наука — особенно в эпоху революционных потрясений — была менее специализированной и изолированной, чем западная. Главный историк психоанализа в России Александр Эткинд писал: «Поэты декаданса, философы-моралисты и профессиональные революционеры сыграли в истории российского психоанализа не меньшую роль, чем врачи и психологи». С другой стороны, по словам ведущего историка и культуролога по вопросам модернистской России, «никакое понимание этого “истерического, духовно истерзанного времени” не может быть полным без ссылок как на деятелей художественного искусства — Чехова и Ахматову, Фаберже и Шагала, Дягилева и Нижинского, Кандинского и Малевича, Стравинского и Маяковского, — так и на “необычайный прогресс в российских науках”, от ракетной инженерии до поведенческой психологии Павлова».

Роршаху предложили работу в возглавляемой ведущими психоаналитиками России элитной частной клинике в Крюково неподалеку от Москвы. В ней было полным-полно писателей и художников. Такая среда обитания во многом была для Роршаха идеальной. То была частная клиника для добровольных пациентов с нервными болезнями, что было типично для России того времени, и она в значительной степени отличалась от переполненных больниц, к которым он привык. Основанные врачами, не получившими ставки в университетах или государственных больницах, такие заведения были частично коммерческими предприятиями, — это означало, что там хорошо платили и были заинтересованы продавать свои услуги пациентам, а не семьям, желающим запереть подальше своих больных родственников, как это делалось в английских «сумасшедших домах». Клиника была расположена в сельской местности, чтобы извлечь преимущество из терапевтических свойств «естественного, здорового образа жизни», а к пациентам относились с человечностью и добротой. Психиатры были вольны совмещать различные теории, экспериментировать с новыми видами терапии и применять комплексный подход, «чтобы лечить при помощи личной и благожелательной атмосферы, опираясь в большей степени на личные качества врача, нежели на любую конкретную теорию», — так об этом говорил один из тамошних докторов Николай Осипов.

Врачи из Крюкова были людьми обширных знаний и публичными интеллектуалами. Осипов, например, стал впоследствии широко известным экспертом по творчеству Толстого и читал лекции о Достоевском и Тургеневе. Что касается пациентов, то среди них тоже встречались ведущие представители культуры, включая знаменитого русского поэта-символиста Александра Блока и актера Михаила Чехова, племянника драматурга, — санаторий предоставлял льготное лечение писателям, врачам, а также родственникам покойного Антона Чехова. После нескольких лет любительских постановок в тихой швейцарской заводи и переводов Андреева в свободное время Роршах оказался в самом центре культуры, что была ему так близка.

В хитросплетениях русского Серебряного века нашлось множество тем, близких сердцу Роршаха: синестезия, безумие, визуальное искусство и самовыражение. Движение — ключевой элемент в рефлекторных галлюцинациях, которые изучал Роршах, — рассматривали здесь, по словам романиста и поэта того времени Андрея Белого, как «основное свойство реальности». Теоретики русского балета называли движение наиболее важным аспектом великого искусства.

Роршах окунулся в мир русской психологии, и различия между сектами, которые казались ему столь важными в далекой Западной Европе, по большей части забылись. Рекламная брошюра крюковской клиники 1909 года гласила, что пациентов ждут «гипноз, суггестология и психоанализ», а также «психотерапия в своих наилучших проявлениях». Имелась в виду так называемая рациональная терапия, техника, первооткрывателем которой был еще один швейцарец, Поль Дюбуа, и которая на тот момент была более известной и популярной, чем метод Фрейда (так же, как сегодня популярен подход, известный как когнитивно-поведенческая терапия). Специалисты, принадлежавшие к разным лагерям, не враждовали между собой.

А источником вдохновения для русской психиатрии был Толстой, мудрый, человеколюбивый целитель душ, оказавший влияние и на Роршаха. Одной из причин того, что в России так хорошо относились к психоанализу, было его близкое сходство с доморощенными теориями самоанализа, «очищения души» при помощи экзистенциальных размышлений о глубоких вопросах человеческой жизни и уважения к внутреннему миру окружающих людей. Если в западноевропейском культурном

контексте особенности личности Роршаха — эрудит, уважающий все религии, гуманист широких взглядов, буквалист, визуал — казались из ряда вон выходящими, то для русских психиатров это был практически стандарт.

Фрейд пошутил в письме Юнгу в 1912 году, что в России, «кажется, началась локальная эпидемия психоанализа», но на самом деле это было не одностороннее движение, которое, как эпидемия, распространялось из Европы внутрь континента. Русские психоаналитики были известны как в России, так и на Западе. Коллега Роршаха по крюковской клинике, Осипов, был издателем первого в мире журнала о психоанализе и автором журнала, принадлежавшего Фрейду. Даже те идеи, что, казалось бы, пришли в Россию из Европы, не были нерусскими сами по себе. Фрейд называл психический механизм подавления неприемлемых психологических явлений «цензурой», что было прямой аллюзией на политическую цензуру в России: по его определению, цензура была «несовершенным инструментом царистского режима, призванным предотвратить проникновение чуждых западных влияний». Многие из пациентов Фрейда были славянами, часто русскими, включая «Человека-волка», особого пациента, чей иллюстративный случай был предметом его самого важного тематического исследования. Первой пациенткой, с которой занимался психоанализом Юнг и которая оказала огромное влияние на его собственную жизнь и работу, была русская еврейка Сабина Шпильрейн. Список может быть продолжен. Говоря об истории психиатрии, помнить стоит не только о врачах и теоретиках, но также и об их пациентах, — и тогда мы увидим, что это во многом еще и история русской культуры.

Собственный психоаналитический подход Роршаха вырос из его опыта лечения русских, прежде всего потому, что в Крюкове у него была возможность подвергать пациентов психоанализу, в отличие от психопатов в швейцарских психбольницах или преступников, которых требовалось проверять очень быстро, таких как Иоганнес Найверт. Однако он также пришел к пониманию психоанализа, неразрывно связанного с различными аспектами русской культуры. В лекции, которую он позднее прочитал для широкой аудитории, Роршах сказал, что неврозы у русских и швейцарцев протекают более-менее одинаково, хотя и есть некоторые «количественные отличия» в численности населения, но психоанализ более эффективен

в отношении славянских пациентов, нежели людей, имеющих немецкое происхождение. Не только потому, что «большинство из них были хорошими самосозерцателями (или, как выражаются некоторые, "занимались самоедством", поскольку привычка к самосозерцанию часто перерастает в поистине мучительную, пожирающую человека зависимость)», но еще и потому, что они могут выражать себя более свободно, «не будучи скованными какого-либо рода предрассудками». Русские были «намного более терпимы к болезням, чем другие народы», относились к больным «без презрения, которое мы, швейцарцы, часто чувствуем одновременно с жалостью». Те, кто страдали нервными расстройствами в России, могли обратиться за медицинской помощью, не боясь получить болезненное позорное клеймо, после того как их выпишут. Концепция России, в которую он влюбился через Ольгу, — «русская» способность выражать чувства — теперь перешла на его отношение к пациентам и сформировала его психиатрическую практику.

Месяцы, которые Роршах провел в Крюкове в начале 1914 года, пришлись на переломный момент в русском искусстве, который заново определил силу воздействия визуальных образов. Русский футуризм находился на пике своей формы, и Роршах видел это собственными глазами. Около 1915 года он набросал очерк, озаглавленный «Психология футуризма», первые строки которого задавали благодушный настрой: «Футуризм, каким он являет себя сегодня потрясенному миру, кажется на первый взгляд разноцветной беспорядочной смесью невообразимых картин и скульптур, высокопарных манифестов и непроизносимых звуков, шумного искусства и художественного шума, жажды силы и жажды нелогичности. Только общая тема является отчетливой: безграничная самоуверенность и, возможно, еще более безграничное ниспровержение всего, что было сделано раньше, воинственный клич против всех концепций, которые до сегодняшнего дня формировали направление движения культуры, искусства и повседневной жизни».

Футуризм был модернистской скороваркой, в которой, казалось, все разлетается вдребезги и растворяется одновременно. Взрыв энергии в литературе, живописи, театре и музыке в русской версии содержал в себе целый рой различных небольших движений, групп и направлений, включая кубофутуризм, эгофутуризм, всёчество, «Центрифугу» и блистатель-

но названный «Мезонин поэзии». Все это почти каждый день обсуждалось в прессе, пока Роршах жил в России, а в январе и феврале в Москве выступал с лекциями ведущий итальянский футурист Ф. Т. Маринетти, и его лекции активно посещались и освещались в печати. Движение выплеснулось на улицы, прокатившись по ним парадами, на которых художники «шли в толпе с раскрашенными лицами, декламируя футуристические стихи». Когда маленькая девочка протянула одному из марширующих поэтов апельсин, тот начал его есть. «Он ест, он ест!» — шептала потрясенная толпа, как будто футуристы были какими-нибудь марсианами. Вскоре последовало и турне по всей стране.

Изыскания футуристов перекликались с интересами Роршаха. Композитор и художник Михаил Матюшин, последователь Эрнста Геккеля, изучал случайные формы коряг, создавал теории цвета и пытался расширить границы человеческого зрительного восприятия, отчасти — при помощи упражнений, предназначенных для восстановления утраченных зрительных нервов, которые, как он считал, находятся на затылке и на подошвах ног. Николай Кульбин, чьи лекции слушал Роршах, был художником и врачом, который публиковал книги и научные статьи о чувственном восприятии и психологических тестах. У него был собственный психологический девиз: «Личность не знает ничего, кроме своих собственных чувств, — и, проецируя эти чувства вокруг себя, она создает свой собственный мир». Поэт Алексей Кручёных выступал за «видение с обеих сторон» и «субъективную объективность»: «Пусть книга будет маленькой, но... все в ней принадлежит писателю, до последней капли чернил». Футуристы публиковали синестетические работы, такие как «Интуитивные цвета», и таблицы взаимосвязей между цветами и музыкальными нотами; манифесты, посвященные тому, как неологизмы и ошибки «приводят к движению и новому восприятию мира»; стихи, где поэт находится в кинозале и, предприняв специальное усилие, начинает видеть экран вверх ногами. Все это наряду с другими действиями ключевых фигур было упомянуто или процитировано в посвященном футуризму очерке Роршаха.

Он понимал, что футуризм выглядит безумно и нелогично, но утверждал, что «сейчас настало такое время, когда любое движение, любое действие может быть объявлено “безумным”. ...Не существует такой вещи, как абсолютная нелепица. Даже

в самых темных и многослойных наваждениях наших пациентов, страдающих ранним слабоумием, есть скрытый смысл». Он проводил параллель между футуризмом и шизофренией в терминологии цюрихской школы, иллюстрируя широкую применимость психоаналитической теории: «Взаимосвязи, которые раньше невозможно было представить, сегодня воссозданы путем разработки глубинной психологии, начало которой положил Фрейд... Не только невротические симптомы, навязчивые состояния и бредовые сны, но также мифы, народные сказки, стихи, музыкальные произведения, живопись — все применимо в психоаналитическом исследовании». Как результат: «Даже если мы решим назвать футуризм безумием и нелепицей, мы всё же будем обязаны отыскать смысл в этой нелепице».

Роршах относился к футуризму серьезно и находил заложенный в нем смысл вполне самодостаточным, чтобы быть подвергнутым критике. В первоначальном анализе своего эссе о футуризме он утверждал, что футуристы неправильно понимают то, как образы вызывают ощущение движения. Он подчеркивал, что обычно лишь карикатуристы — как его любимый Вильгельм Буш — предпринимают попытки представить движение, показывая объект во многих положениях одновременно, например рисуя распалившемуся пианисту несколько пар рук. Скульптуры и картины Микеланджело, напротив, динамичны сами по себе — они заставляют вас почувствовать движение. Футуристы, с их десятиногими собаками, совершали ошибку, пытаясь применять тот же подход, что у Буша, но Роршах был необычайно тверд: для художника, который стремится подняться выше уровня карикатур, «нет другого пути для работы с движением», кроме пути Микеланджело: «Единственный способ представить движение в объекте — это воздействовать на кинестетическое чувство смотрящего». Стратегия футуристов «невозможна», поскольку она неправильно понимает взаимоотношения между эмпатией («сопереживанием», по терминологии Вишера) и зрением: «Нет нужды спрашивать совета у философов или психологов — достаточно будет физиолога. Многочисленные ноги не пробуждают мысли о движении, или же делают это очень абстрактным образом, просто потому, что человек не может сопереживать многоножке на кинестетическом уровне». Визуальные образы — по крайней мере качественные, — порож-

дают психические состояния. Они «пробуждают идею» в сознании зрителя. В одном месте своего эссе, выделив буквами «Х», Роршах вставил, не объяснив зачем, русскую цитату:

> Х
> Картина — рельсы, по которым, сообразно представлению художника, должно катиться воображение зрителя.
> Х

В Швейцарии Роршах и Геринг использовали чернильные пятна, чтобы оценить воображение зрителей, относясь к нему как к измеряемой величине. Здесь же речь шла о созерцании картин, изменявшем воображение зрителя, — ведущем его, как по рельсам, в новом направлении.

Безотносительно к его отдельным высказываниям, написанный психиатром в 1915 году очерк о «психологии футуризма», исследующий это авангардное искусство в полном соответствии с его психиатрической теорией и практикой, опередил свое время. Фрейд без стыда признавался, что в современном искусстве он полный профан. Юнг написал два эссе о Джойсе и одно — о Пикассо, говоря о каждом из них предвзято и агрессивно, за что был предан широкому осмеянию и больше никогда не касался этой темы. Были и другие психиатры, увлекавшиеся искусством, а также художники, изучавшие психологию, даже за пределами России, — немецкий сюрреалист Макс Эрнст, к примеру, имел обширную университетскую подготовку в психиатрии. Но Роршах был чрезвычайно осведомлен и потому сумел преодолеть дисциплинарный разрыв.

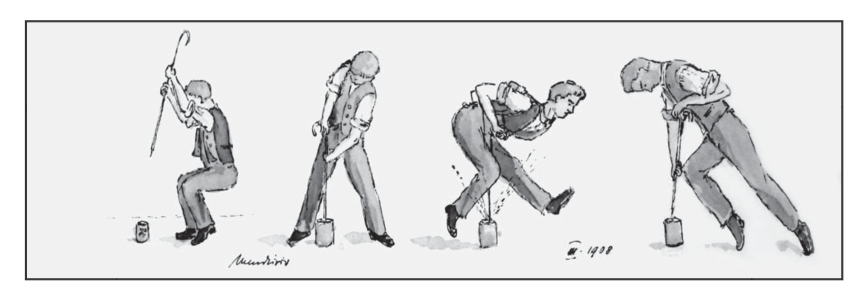
Помимо футуризма западноевропейские и русские идеи сошлись вместе в 1910-х, чтобы создать абстрактное искусство. Люди, которых обычно называют первыми чисто абстрактными художниками, — голландец Пит Мондриан, русский еврей Казимир Малевич, русский эмигрант в Мюнхене Василий Кандинский и швейцарка Софи Тойбер (в замужестве Тойбер-Арп). «Абстракция и эмпатия» Воррингера была их общей отправной точкой. Посвященное футуризму эссе Роршаха лишь предваряло определяющее событие в зарождении современного искусства в Швейцарии: создание дадаизма в цюрихском кабаре в феврале 1916 года. В нем принимала участие Софи Тойбер

Фрагменты комикса *Virtuoso* (1865) Вильгельма Буша и футуристская работа Джакомо Балла «Динамизм собаки на поводке», использующие методику, которую Роршах считал приемлемой только для комиксов. Роршах уже высмеивал «Экспрессионизм!» на рисунке, который сделал в выпускном альбоме в средней школе. Позднее, в приводимых работах и других сериях небольших рисунков, он исследовал, как можно запечатлеть движение более эффективно.

вместе со своим будущим мужем, Гансом (Жаном) Арпом. В цюрихской Школе искусств и ремесел, где поколением раньше учился Ульрих Роршах, Тойбер учила тех, кого Арп называл «стайкой девушек, спешащих в Цюрих из всех кантонов Швейцарии со жгучим желанием бесконечно вышивать цветочные узоры на подушках», и «сумела сделать так, чтобы большинство из них нашли свое место в жизни».

Нигде не задокументированы какие-либо прямые контакты Роршаха с дадаистами, но он определенно следил за развитием современного искусства Западной Европы. Еще учась в средней школе, он нарисовал карикатуру, высмеивающую экспрессионизм; позднее использовал работы австрийского художника-экспрессиониста Альфреда Кубина, чтобы проиллюстрировать свои теории об интроверсии и экстраверсии. В более общем плане он привез из России свои новые познания об искусстве и психологии, чтобы применить их в своей психиатрической практике в Швейцарии.

«Хронический» для Германа и Ольги вопрос, где же им обосноваться, продолжал тянуть пару в разные стороны. В 1914 году Герман обнаружил, как уже случалось в 1909 году, что, как бы ни привлекала его русская культура, реальность повседневной жизни — совсем другое дело. Ольге нравилась непредсказуемость жизни в России, Герман же воспринимал это как хаос. Ольга не принимала амбиции Германа как «европейца, стремящегося к достижениям», говоря, что «он побаивается поддаться русской магии». А то, что она воспринимала как непринужденное общение, порой казалось слишком стесняющим интроверту Герману, который уже жаловался ранее Анне на чересчур социальную русскую культуру быта: «Здесь очень трудно работать дома, — двери нараспашку, и люди приходят весь день». Анна позднее вспоминала, что бесконечные разговоры, которые приходилось вести, живя в России, вызывали у Германа «огромное желание побыть одному». При всем интересе, который он испытывал к пациентам из Крюкова, они отнимали у него столько времени и энергии, что «у него не оставалось свободного времени, чтобы записать свои наблюдения или поработать над ними. Он сказал мне однажды, что чувствует себя как художник, перед глазами которого простирается прекрасный пейзаж, но в руках нет ни бумаги, ни красок». Она не думала, что после этого опыта Герман когда-либо еще захочет пожить за границей.

Длинная череда ночных семейных ссор закончилась в два часа ночи в мае 1914 года. Герман одержал верх. Было невозможно получить работу в имеющей мировую славу клинике Бургхёльцли, но он нашел место в больнице Вальдау, расположенной в поселении Боллиген, неподалеку от Берна. Это была одна из двух имеющих университетскую базу психиатрических больниц в немецкоязычной Швейцарии, помимо Бургхёльцли. Еще из России он писал своему коллеге, работавшему в Вальдау, что «после всех наших цыганских скитаний мы чувствуем острую необходимость наконец осесть где-нибудь». Тон письма был взволнованным: «Не будешь ли ты так добр, чтобы дать мне информацию о жилых комнатах, которые есть в Вальдау? Насколько они большие — сколько шагов? Сколько окон? Что насчет входа, сколько там лестниц и коридоров? Являются ли комнаты совмещенными? Будет ли там возможна комфортная семейная жизнь?» Полученный ответ был, вероятно, достаточно обнадеживающим. Он уехал из России в Швейцарию 24 июня 1914 года, и больше уже не возвращался.

Ольга планировала провести в Казани около шести недель, прежде чем последовать за мужем, но практически сразу после того, как он вернулся на Запад, 28 июня, в Сараево был застрелен эрцгерцог Франц Фердинанд, и к концу тех самых шести недель грянула Первая мировая война. Ольга осталась в России еще на десять месяцев, до начала 1915 года. Эта долгая разлука — уже как минимум четвертая за их совместную жизнь — была результатом обстоятельств и осознанного выбора. Ольга не была готова расстаться с мечтой о том, чтобы жить в России, и не могла заставить себя покинуть родину так быстро, особенно в это тяжелое время нужды. Без нее заботы Германа о качестве апартаментов были не столь актуальны, и «маленькая, но приятная трехкомнатная квартира на четвертом этаже центрального корпуса клиники» стала прекрасным решением. Роршах называл ее «моя голубятня», и это был идеальный чердак для одиночества и тяжелой работы.

Будущим коллегой, которому Роршах писал из России, был Вальтер Моргенталер (1882–1965), с ним Герман познакомился еще в Мюнстерлингене. Когда Роршах прибыл в Вальдау, Моргенталер занимался поисками в историях болезней рисунков пациентов для пополнения своей растущей коллекции. Он поощрял подопечных рисовать как можно больше и задавал им различные темы — нарисовать мужчину и женщину с ребен-

ком, дом, сад. Моргенталер вспоминал взаимодействие Роршаха с пациентами в следующих строках: «Сын художника, и сам очень хороший рисовальщик, он был жизненно заинтересован в рисунках пациентов. У него был потрясающий дар уговаривать их рисовать».

Роршах обнаружил, например, что один кататонический пациент, который проводил большую часть дня в своей кровати, неподвижно лежа или сидя, был до болезни хорошим рисовальщиком. Роршах положил на его одеяло не просто планшет для рисования и пригоршню цветных карандашей, а большой кленовый лист с приклеенным к нему скотчем майским жуком. Не просто материалы для творчества, не просто какой-то предмет, — а жизнь в движении. На следующий день, лучась восторгом, Роршах показал Моргенталеру и их начальнику чрезвычайно скрупулезный рисунок пациента, изображавший жука на листе. Хотя этот пациент не двигался с места месяцами, он теперь потихоньку начал рисовать все больше, потом стал брать уроки живописи, улучшил свои навыки и в итоге был выписан.

Роршах с энтузиазмом отнесся к разработкам Моргенталера в области, посвященной взаимосвязи между искусством и психическими болезнями, и не без причины: Моргенталер работал над инновационным исследованием в этой сфере. Одним из его пациентов был находившийся на лечении с 1895 года шизофреник Адольф Вёльфли, который к 1914-му вырос в художника, писателя и композитора, создав большое количество картин. В 1921 году Моргенталер опубликовал новаторскую работу «Душевнобольной пациент как художник», которая оказала влияние на всех — от сюрреалистов (Андре Бретон указывал Вёльфли в числе важных источников своего вдохновения, наряду с Пикассо и русским мистиком Гурджиевым, называя творчество Вёльфли «одним из трех-четырех наиболее важных культурных наследий XX века») до Райнера Марии Рильке, который считал, что этот случай «поможет нам однажды достичь новых прозрений в изучении происхождения творчества». Вёльфли стал хрестоматийным примером непрофессионального художника XX века.

Роршах, вероятнее всего, видел Вёльфли во время своих смен и помогал Моргенталеру его лечить. Он разыскивал в архивах Вальдау интересный материал для Моргенталера и обещал, что одной из вещей, которые он сделает после того как

покинет Вальдау, будет сбор коллекции рисунков пациентов, как это делал Моргенталер. Увольнение было не за горами: когда Ольга наконец вернулась в Швейцарию, семья Роршах решила, что квартира все же слишком мала, как и зарплата. Они снова переехали, на этот раз — в Геризау, на северо-восток Швейцарии.

Годы скитаний Германа с 1913 по 1915 год помогли ему нарисовать в своем воображении более целостную, гуманистическую психологию. Обнаружение Бинггели направило его интерес к восприятию в сторону антропологии, указав путь к темной стороне личных и коллективных верований, где психология встречается с культурой. Русская культура дала ему модель для проведения перекрестных ссылок между искусством и наукой. А футуристы и Вёльфли показали ему, насколько тесно психологические изыскания могут быть связаны с искусством. И это более глубокое понимание силы зрительных образов вскоре привело к научному прорыву.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ГАЛЬКА В РУСЛЕ РЕКИ

Городок Геризау расположен в окружении высоких покатых гор. Его солнечные летние дни, похожие на антураж фильма «Звуки музыки», с прогулками по альпийским лугам, усеянным дикими цветами, уступают дорогу ранним осеням, мрачным холодным зимам и долгим влажным веснам. Это один из самых высоко расположенных городов Швейцарии, и «даже когда Санкт-Галлен» — прославленный монастырский город в пяти милях поодаль — «покрыт густым туманом, у нас тут часто можно видеть сияющее солнце и чистый воздух», — писал Роршах своему брату. Неподалеку жили его родственники — в Арбоне, около пятнадцати миль к северу. В погожие дни Роршах мог видеть Боденское озеро с холма, на котором жил. На том же расстоянии, только к югу, находилась гора Сантис — высочайшая точка в регионе и направление пеших походов Роршаха. Она была видна из его окна на втором этаже: он, казалось, всегда стремился выбрать квартиру повыше. «Здесь особенно прекрасно зимой, поздней весной и поздней осенью, — писал Роршах о своем новом доме. — Осень, возможно, самое прекрасное наше время, когда хорошо видно на дальние расстояния».

Роршах прожил в Геризау дольше, чем где-либо еще, за исключением Шаффхаузена. Здесь он поднимал свою семью, делал карьеру и следовал своему зову. «Кромбах», психиатрическая больница кантона, стояла на холме в западной части города. Открытая в 1908 году, незадолго до приезда Роршаха в 1915 году, это была первая в Швейцарии психиатрическая больница, устроенная по принципу павильонов: здания, стоявшие в окружении небольших парковых зон, отделены друг от друга, чтобы предотвратить распространение инфекционных болезней, а также в некоторых терапевтических целях. За ад-

министративным корпусом находились три здания для мужчин и три — для женщин, а посередине стояла часовня. На момент появления Роршаха в больнице, рассчитанной на 250 пациентов, находилось около 400 человек, большинство были серьезно психически больны. Это было в первую очередь надзорное учреждение, и отношение к пациентам было менее лояльным: в большей степени тюрьма, нежели место исцеления.

Врачи и прочий персонал жили в «Кромбахе» рядом с пациентами и в относительной изоляции, среди живописного окружения. Население Геризау составляло около пятнадцати тысяч человек и росло за счет приезжих из-за пределов кантона и страны, преимущественно текстильных рабочих. В 1910 году Санкт-Галлен выпустил половину всех производимых в мире вышитых изделий. В Геризау были кинотеатр и еще кое-какие развлечения, но предложить город мог мало, особенно после того, как текстильная индустрия обрушилась с началом Первой мировой войны. Кантон Аппенцелль-Ауссерроден был сельским и весьма консервативным, а сдержанность местных жителей в отношении приезжих была хорошо известна. Роршах легче сходился со стереотипно-медлительными и интровертными жителями Берна, чем с жителями Аппенцелля, но все же он ладил с местными, уважая их, но не пытаясь стать одним из них.

Было огромным облегчением для Германа и Ольги, что их «цыганские скитания» наконец-то подошли к концу. Теперь у них была большая квартира, около ста футов в длину и полная окон, дугой проходивших вдоль фасада административного здания. Картина, которую позже нарисовал Герман, демонстрирует просторные комнаты с летним видом из окна (см. вклейку). Когда приехал перевозочный фургон, квартира была почти пуста, но вскоре Герман уже писал своему брату: «Мы сидим на *нашей собственной* мебели, ты можешь себе это представить? Это ощущается как настоящее переживание».

Директором больницы был Арнольд Коллер, не очень талантливый врач, но старательный управленец. Он эффективно руководил строительством больницы, что, в ретроспективе, было высшей точкой его карьеры, а его рукописные воспоминания обрисовывают местную жизнь. «Поскольку учреждение функционировало гладко, — признавался он, — не нужно было слишком много работать, чтобы им руководить». Еще один ученик Блейлера, Коллер выступал за то, чтобы лично вникать в психическое и физическое состояние пациентов, но сам он

был человеком хладнокровным, жестким моралистом. Его сын вспоминал, как солгал однажды, на что отец ответил: «Я предпочел бы, чтобы ты умер, чем продолжил так поступать».

Коллер также ревностно пекся о бюджете и расходах. Роршах называл директора «немного мелочным» и «прирожденным статистиком». Каждый год, как по часам, его начинала сводить с ума обязанность записывать и анализировать сухие цифры ежегодной статистики, — он называл это «статистической неделей». Январь 1920 года: «Я только что закончил самую неприятную часть больничной работы за год: подвел статистику за 1919 год. После дней абсолютного идиотизма я постепенно возвращаюсь к вменяемому состоянию». Январь 1921 года: «Все еще страдаю от приступа статистического слабоумия, способен сосредоточиться лишь на самых необходимых делах... Я жду новую книгу Фрейда, но есть ли что-нибудь “за пределами принципа удовольствия”, что делает жизнь стоящей? Что скажет Фрейд? Я знаю, что одна вещь уж точно находится за пределами принципа удовольствия — статистика!»

Роршах иногда подменял Коллера, делая приветственные открытки «Добро пожаловать домой!», когда директор и его семья возвращались из путешествий, — с милыми рисунками и стихотворными описаниями того, что произошло в течение четырех недель их отсутствия. Сын Коллера, Руди, очень ярко помнил эти открытки даже сорок лет спустя и говорил о Роршахе как о чрезвычайно одаренном, но скромном человеке, который никогда не выдвигал себя на первый план. «Он был душой всего заведения», — говорил сын директора. Мальчику было шесть или семь, когда у него начались сильные боли в аппендиксе, а его отец на тот момент отсутствовал. Роршах присел рядом с ним, снял свое обручальное кольцо и загипнотизировал Руди с его помощью: разговаривал с мальчиком, убаюкал его, а когда ребенок проснулся, боль уже прошла.

Рабочие дни Роршаха начинались с утренних встреч с Коллером, после которых он отправлялся на обход, проводя терапию остро больных мужчин и женщин. Ужасные крики наполняли больничные своды. Однажды Герман вернулся в свои апартаменты в одежде, разорванной агрессивным пациентом сверху донизу. Новогодняя ночь 1920 года не стала приятным исключением: «Приблизительно около полуночи один из пациентов попытался удавиться». Основными методами лечения были купание в течение всего дня, что пациентам очень нрави-

лось, и седативные препараты, а также трудотерапия: изготовление бумажных пакетов и сортировка кофейных зерен. Если кататоник хотел бросить полученное задание, чтобы «постоять у стены», это не возбранялось. Для тех, чье состояние позволяло этим заниматься, был доступен ручной труд: работа в саду, столярное дело и переплетение книг. Врачи обедали со своими семьями. Ольга часто оставалась в постели и читала до полудня или до часу дня; иногда она готовила еду, но стала заниматься этим реже, после того как у Роршахов появилось достаточно денег, чтобы позволить себе прислугу. Стиркой занимались сотрудники больницы. Герман работал допоздна.

Его зарплата все еще была низкой, а клиника испытывала отчаянную нужду еще в одном, третьем докторе, — в 1916 году под наблюдением одного только Роршаха было 300 пациентов, позднее их стало 320. Но разрешение допустить к работе ассистента-добровольца было получено лишь в 1919 году. Роршах и сам был на птичьих правах, поскольку Ольга тоже была врачом, а Коллер боялся, что его начальники, которые упорно сопротивлялись найму еще одного сотрудника, решат, что он пытается поставить их перед *fait accompli*, свершившимся фактом. Роршах, раздраженный происходящим, писал в Берн Моргенталеру:

«Как видишь, мне понадобилось очень много времени, чтобы прочитать одолженные тобой книги, и это значит, что у меня по-прежнему остается крайне мало времени на себя. Я недавно отправил эпический разнос в комиссию по надзору, который доказывает, опираясь на обширный статистический материал, выявляющий слабые места кантона Аппенцелль-Ауссерроден (его *locus minoris resistentiae,* «точку наименьшего сопротивления» для проникновения токсинов или бактерий), что Геризау находится на последнем месте в регионе (а возможно, и во всей Европе) по количеству врачей и что добавление третьего доктора совершенно необходимо. Я получил много голосов “за”, но один из членов консилиума, видимо, пришел к странному выводу, что мы “*искусственно* завышаем количество пациентов, чтобы *выторговать* себе третьего врача”. Гениально!»

В те годы у Роршаха было мало средств для развития интеллекта. Он помог основать Швейцарское психоаналитическое общество и был его вице-президентом, но периодических встреч, на которых он мог присутствовать, едва ли было доста-

точно. «Очень плохо, что я живу так далеко. Плохо и то, что мы так давно обсуждали это с глазу на глаз», — писал он Моргенталеру. Еще одному другу и коллеге из Цюриха он писал: «Здесь, в провинции, я могу увидеть новые публикации разве что случайно, если вообще могу». В то время как его друзья говорили, что завидуют сельской тишине и спокойствию Геризау, Роршах завидовал им самим, поскольку они имели дело с «интересными людьми, а не с такими, как аппенцелльцы, которые, казалось, были обточены по одному подобию, как галька в русле реки».

Роршах мог продолжать работать над своими ранними проектами, особенно над исследованием сект, и оставаться связанным, в профессиональном плане, с другими психиатрами и психоаналитиками Швейцарии — по крайней мере переписываясь с ними по почте. Но что ждало его дальше? Пообещав Моргенталеру, что будет собирать рисунки пациентов, Роршах впоследствии обнаружил, что это невозможно. Он связал этот провал с культурными различиями, с сожалением написав Моргенталеру, что, «если положить листок бумаги перед бернцем, тот вскоре, не сказав ни слова, начнет рисовать. Житель Аппенцелля будет просто сидеть перед чистым листом и без умолку болтать о том, что он мог бы нарисовать, — но не сделает ни единого штриха!».

Мировая война грохотала как раз в первые годы жизни Роршахов в Геризау, и даже нейтральная Швейцария ощутила на себе ее последствия: национальные трения между швейцарскими французами и швейцарскими немцами, военная служба в качестве тружеников тыла, безудержная инфляция. Когда Роршах только вернулся в Швейцарию из России, а вскоре после этого разразилась война, они с Моргенталером попытались устроиться волонтерами в военный госпиталь. Безрезультатно. «О чем вы думаете? — рявкнул их начальник в Вальдау. — Вы не понимаете, что ваша обязанность — оставаться здесь?» Моргенталер запомнил мрачную реакцию Роршаха: в дурном настроении, тот целыми днями ходил, повесив голову, стал даже тише, чем обычно, и как-то печально обмолвился, что «сейчас обязанность немцев — убить как можно больше французов, а обязанность французов — убить как можно больше немцев, а наша обязанность — сидеть посреди всего этого и каждый день желать доброго утра нашим пациентам-шизофреникам».

После переезда в Геризау у Роршаха появилась возможность послужить. Он и Ольга шесть недель проработали волонтерами, помогая перевозить во Францию 2800 психических пациентов из французских больниц, находившихся на территориях, оккупированных Германией, и выполняли другие тыловые задачи. За событиями войны он также наблюдал со своей обычной аналитической дистанции. Пренебрегая необходимостью скрываться от антинемецких настроений, он продолжал писать письма брату на родном языке, не переходя на французский, — но был в той же степени отвергнут и прогерманскими швейцарцами, которые под конец войны оппортунистически сменили настрой: «Внезапная перемена произошла среди швейцарских немцев уже в октябре 1918 года: чем фанатичнее они поддерживали кайзера до этого, тем больше проклятий на его голову посылали теперь... Это еще хуже, чем все их прежнее высокомерие. Я никогда в жизни не забуду это отвратительное впечатление, которое производит психология толпы».

Отдельным — и очень серьезным — предметом для беспокойства были события в России. В 1918 году Швейцарии достигли шокирующие истории о массовых расстрелах в России, казнях, голоде и поголовном истреблении интеллигенции. Семья Роршах в отчаянии ждала весточки от остававшейся в Москве Анны, а также от родственников Ольги. Анна вернулась в Швейцарию в июле, но прошло еще два года до новостей от Ольгиной семьи из Казани, и эти новости не были хорошими: брат Ольги «еле пережил» эпидемию тифа. После этого не было ни слова.

Большевистская пропаганда, действовавшая «вопреки любой правде, человечности и здравому смыслу», вызывала у Роршаха одинаковое отвращение как в Швейцарии, так и в России, и он придал своим периодическим работам для газет более политическую окраску, начав писать статьи, направленные против наивности тех обитателей Запада, что были настроены прокоммунистически.

В письмах своих он высказывался еще более открыто: «Читал ли ты или, может, слышал о памфлете Горького, в котором он клеймит Толстого и Достоевского за их “мелкобуржуазное” послание о том, что страдания являются неотъемлемой частью жизни русского народа? Видел ли ты когда-нибудь столь зловонное болото? Иуда Искариот хотя бы пошел и повесился. Мне интересно, что снится Горькому по ночам!»

Как всегда, он уделял самое пристальное внимание вопросам восприятия:

«Я только теперь начинаю понимать, почему из России приходит так много противоречивых свидетельств о происходящем... Главный вопрос вот в чем: имеет значение, видит ли наблюдатель Россию впервые или же он знал ее в прежние времена, а также то, есть ли кто-то, способный рассказать ему о прежних временах, иначе он видит перед собой лишь аморфную массу людей, которые на самом деле не люди, а просто масса... Любой, кто приедет в Россию сейчас, не зная ее до этого, не *увидит* попросту ничего».

Курсив в цитате выше — Роршаха. Несколькими месяцами позже он писал: «Что ты думаешь обо всех этих коммунистических партиях, что появляются повсюду, как грибы после дождя? Может быть, в этом есть что-то, чего я не вижу? Это я слеп или другие слепы? Сколько бы я ни пытался подойти к этому вопросу, используя психологию и историю, я не могу на него ответить».

Финансовое положение Роршахов ухудшилось во время войны. Они продолжали отсылать все, что только могли, родственникам в Россию, включая такие простые вещи, как мыло. Однажды они смогли подарить дорогому человеку в Геризау лишь обычную свечу. «По крайней мере у нас всегда достаточно угля в эти годы, — писал он Паулю в 1919 году, — и этот год не должен быть хуже. Надеюсь, что когда ты приедешь, то не будешь мерзнуть вместе с нами. В любом случае зимой в Шаффхаузене мы мерзли сильнее».

Как и в другие времена, Роршах извлек из своих финансовых проблем максимальную пользу. Его не волновали стильная одежда или алкоголь, единственной его слабостью были сигареты. Не имея денег для пополнения личной библиотеки, без поддержки со стороны Коллера, он брал принадлежавшие директору книги и журналы, переписывая большую часть их содержимого в бесконечных выдержках. Подобным образом он обзавелся и новой мебелью: отправившись однажды по делу в Цюрих, он провел много времени на городских улицах, разглядывая ассортимент мебельных и игрушечных магазинов, затем вернулся в Геризау и воссоздал то, что увидел. «Я почти все время кручусь в деревообрабатывающем цеху, так что у нас по крайней мере будут какие-то обновки для дома, — писал он Паулю. — Скоро я научусь делать более эффектно выгля-

дящие вещи», — такие, как книжные полки, но на тот момент он конструировал «полный набор для ребенка: стол, три стула и ванночка для купания сделаны и раскрашены в сельском фермерском стиле».

Да, Роршах был теперь отцом. Его великой радостью в Геризау стало рождение двоих детей: Элизабет (Лизы) 18 июня 1917 года и Ульриха Вадима 1 мая 1919 года. «Одно исконно швейцарское имя и одно исконно русское, — сказал он Паулю, — по нескольким причинам, которые ты с легкостью можешь себе представить». Мальчика чаще называли Вадимом, но Роршах надеялся, что сын вырастет не слишком русским. Поскольку день его рождения — 1 мая — пришелся на русский революционный праздник, Роршах шутил в письме к брату: «Надеюсь, он не станет слишком похожим на фанатичного большевика, хотя мы и должны понять, что наши дети однажды будут смотреть на мировые пертурбации с совершенно иной точки зрения».

Анна вернулась из России в августе 1918 года и вскоре после этого вышла замуж. С Паулем Герман вновь свиделся в 1920 году, когда тот приезжал из Бразилии, в которую сбежал от тягот войны и стал там успешным торговцем кофе. Пауль тоже был женат, и вместе с ним в Геризау приезжала его вторая жена, француженка Рене Симон. Герману было отрадно видеть, что его родные обрели счастье с любимыми людьми.

Как и в годы жизни в Мюнстерлингене, Герман и Лола ездили в Аброн, когда была такая возможность, и в Шаффхаузен, когда возникала надобность. Регинели продолжала жить со своей матерью в Шаффхаузене, но Герман приглашал ее побыть подольше с ними в Геризау. Позже она вспоминала, как Герман много читал ей там. Однажды у подножия горы Сантис, где они гуляли вместе, она услышала разливавшийся в чистом воздухе звон церковного колокола — то было ее первое сильное переживание, сказала она десятилетия спустя, единственный раз в жизни, когда она ощутила контакт с чем-то бесконечным и вечным.

На время, когда Роршах не занимался работой с пациентами и ничего не писал, его исследования перемещались в детскую комнату. Его кузина вспоминала его как «превосходного отца», который «в значительной степени содействовал воспитанию детей, возможно, даже в большей, чем их мать». Он занимался с Лизой и Вадимом тем, что столь редко позволял себе: мастерил им всевозможные игрушки, рисовал картинки

и делал иллюстрированные книги. Лиза вспоминала один маленький рисунок, изображавший фрукт, который был настолько реалистичным, что она подумала, будто он настоящий, — и лизала его, пока краска не расплылась. Его планы на один из рождественских праздников включали в себя резьбу по дереву: «вырезать 4 курицы, 1 петуха, 5 цыплят, индюка и индюшку, фазана, 4 гусей, 4 уток, 1 сарай и 2 девочек» для Лизы. Эти занятия искусством предназначались не только детям: «Надеюсь, получится прислать тебе какие-нибудь рисунки Лизы, — писал он Паулю. — Я делаю целую биографию своей дочери в картинках!» (См. вклейку.)

Но не всё в семье было хорошо. У живших прямо под ними Коллеров было трое детей, и самый младший из них, Руди, который был всего на четыре года старше Лизы, вспоминал, что брак Роршахов был «очень, очень взрывоопасным». Софи Коллер, жена директора и хорошая подруга Германа, слышала громкие ссоры наверху и боялась Ольги. Она считала, что и Герман боится Ольги. Задержки Германа на работе и стук его печатной машинки по ночам вновь и вновь приводили к скандалам. «Вот, он опять там стучит!» — бесновалась Ольга. Регинели застала рукоприкладство, слезы, обвинения, припадки. Однажды, вскоре после рождения Лизы, он пришел домой поздно, и Ольга утратила над собой контроль. «Это было ужасно». Во время драк Ольга швырялась тарелками, кружками и кофейниками — так, что стена кухни Роршахов была постоянно покрыта кофейными разводами.

Впечатления сторонних людей об Ольге, хоть и отрицательные, приоткрывают больше, чем ее собственные воспоминания, в которых их брак постоянно идеализируется. Окружающие запомнили ее как буйную, импульсивную, властную, доминирующую женщину — и именно это любил в ней Герман. То, что Ольгу описывали как «полуазиатку», применяя к ней известное выражение «Поскребите русского, и вы найдете варвара», говорило лишь о том, что большинство швейцарцев не были способны уважать чужачку, которую Герман любил и на которой женился. Как врач, застрявший в Геризау, не имея разрешения практиковать, она, вероятно, чувствовала себя в еще большей изоляции, чем он. И, при всем ее упрямстве, пара все же оставалась в Швейцарии. Их дети были крещены по протестантскому обряду, а не по православному, как того хотела Ольга.

Если Герман и считал, что ему не повезло с женой, он никогда этого не показывал. Общаясь с Регинели, он всегда говорил об Ольге хорошо и пытался объяснить ее поведение, так же, как это было ранее с его мачехой. Он любил Ольгу за то, что она позволяла ему расслабиться, «вытаскивая его из раковины», за то, что подарила ему детей, за жизнь, которую благодаря ей он ощущал во всей полноте. Подпиратель стен из Шаффхаузена и организатор мероприятий в больницах Мюнстерлингена и Геризау почти никогда не танцевал, даже на вечеринках, где Ольга в черном платье танцевала парные танцы то с одним пациентом, то с другим. После скандалов Герман и Ольга прогуливались по коридорам больницы, демонстративно взявшись за руки.

Их споры о рабочих часах Германа также имели две стороны. Он тратил на работу огромное количество времени, что Ольга рассматривала как западное честолюбие, антисоциальное и ведущее в тупик. Одна из служанок позднее сказала Ольге: кажется, что Герман мастерил игрушки и подарки для детей, не только когда находился рядом с ними, но и выкраивал для этого дополнительное время.

Временами работа в больнице начинала казаться Герману удовлетворительной. На лодочной прогулке с семьей, после нескольких лет в Геризау, он сказал, что, по его мнению, он что-то значит для своих пациентов. Он был для них не просто лекарем, а настоящей эмоциональной и духовной помощью, и это его радовало. Зимними вечерами они с Ольгой читали снабженные слайдами лекции о России, а с прочими возможностями личного развития для сотрудников (классы шитья и вышивания для женщин, работы с деревом для мужчин) Роршах стал первопроходцем учебных курсов для младшего медицинского персонала, выпустив в 1916 году пособие «Уроки о природе и лечении психических болезней». Ничего подобного прежде не происходило ни в одной швейцарской больнице.

Он снова начал ставить спектакли, для которых проектировал и изготавливал декорации; особенно примечательными среди них были сорок пять кукол для карнавала теней в феврале 1920 года. Эти причудливые творения — от десяти до двадцати футов в длину, сделанные из серого картона, с шарнирными конечностями на петлях — изображали врачей, персонал и пациентов, включая самого Роршаха. Как написано в дневнике Роршаха, куклы понравились абсолютно всем присутствую-

щим, а еще они продемонстрировали его способность видеть и запечатлевать движение. «Он мог мгновенно вырезать картонный силуэт и сделать ему движущиеся суставы, что позволяло потрясающе точно воспроизвести характерные движения прототипа, например изобразить, как кто-то играет на скрипке или снимает свою вычурную шляпу», — вспоминал один из его друзей. Все же, поскольку он видел московский театр и работал с некоторыми из величайших актеров столетия в Крюкове, Роршах прекрасно понимал, что эти больничные постановки ничего не стоят. В отличие от Мюнстерлингена, большинство пациентов в Геризау были настолько недееспособны, что не могли даже смотреть спектакли, не говоря уже о том, чтобы участвовать. В письме к своему другу он писал: «Моя жена снова хочет посмотреть, как выглядит настоящий театр, — она это почти забыла».

Роршах старался сохранять позитивный настрой во время исполнения сверхурочных обязанностей, но все чаще он был недоволен тем, как много времени они отнимают, а также тем, как мало они удовлетворяют его художественное чувство. В очередном сентябре, проведенном в Геризау, он писал: «Скоро начнется моя дополнительная зимняя работа: театр и прочее, не так уж это весело. Надо сходить в деревообрабатывающий цех, чтобы подготовиться»; «С годами это начинает слегка утомлять».

Роршахи не могли позволить себе брать отпуска из-за требований работы и недостатка денег. Лишь в 1920 году он, Ольга и дети смогли насладиться своими первыми настоящими семейными каникулами в Рише, на Цугском озере. «Это очень хорошо для нас, — писал Герман. — Я много рисовал во время отпуска, так что по крайней мере Лиза сможет запомнить поездку лучше». Бывало, Герман на несколько дней уходил в поход по окрестностям горы Сантис или ездил читать лекции в Цюрих и другие места. Одна из этих поездок стала судьбоносной.

В середине 1917 года, во время визита в университетскую клинику в Цюрихе, Роршах встретил двадцатипятилетнего польского студента-медика Шимона Хенса. В первую встречу они общались около пятнадцати минут; позднее, в том же году, у них состоялась еще одна короткая встреча. Эйген Блейлер был научным руководителем Хенса и дал ему тридцать тем, чтобы выбрать из них одну для диссертации. Хенс выбрал чернильные пятна.

Движущиеся картонные фигуры, сделанные для карнавала в «Кромбахе»: вид сбоку, демонстрирующий конструкцию; администратор больницы с бухгалтерской книгой; пациент, несущий ведра; ночной смотритель с сигнальным рожком. Два рисунка — играющие девочки.

Хенс использовал восемь грубых черных пятен, чтобы измерить воображение своих подопытных, — насколько оно у них богатое или же бедное? Хотя он и связывал конкретные ответы с происхождением или особенностями личности испытуемого, но делал это предвзято, просто опираясь на содержимое: парикмахер видел «голову женщины, одетую в парик», а одиннадцатилетний сын портного — «портняжный манекен для примерок», и это свидетельствовало о том, что профессия человека или его родителей «оказывала сильное влияние на воображение». В основном Хенс лишь подсчитывал количество ответов, которые испытуемые должны были записать самостоятельно (двадцать клякс и час времени). Он мало что мог сделать помимо этого, поскольку протестировал тысячу школьников, сто психически здоровых взрослых и сто больных из Бургхёльцли, — поистине огромный объем работы. Хенс позднее сказал, что подбивать результаты ему помогали его «подруги». В то время как под конец его диссертации были предложены некоторые

идеи по дальнейшему развитию темы, его собственные выводы были весьма ограниченными, например: «Отличия восприятия клякс психически больными людьми от восприятия психически здоровых недостаточны, чтобы на основании этого можно было поставить диагноз (по крайней мере на данный момент)».

Роршах провел в Геризау два года с его трудными в обращении пациентами, обточенными по одному и тому же образцу, как речная галька. Его статья об Иоганнесе Найверте, дезертире, которого он обследовал в 1914 году, была опубликована в августе 1917 года и содержала четкое утверждение о том, что идеальный тест должен совмещать и совершенствовать принципы словесного ассоциативного теста, фрейдистские свободные ассоциации и гипноз. Диссертация Хенса, получившая название «Тест на воображение среди школьников, психически здоровых взрослых и душевнобольных с применением бесформенных пятен», была опубликована в декабре 1917 года, хотя Роршах, несомненно, видел текст или слышал об эксперименте Хенса и раньше от Блейлера или от самого Хенса. Все сошлось в одной точке.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ОЧЕНЬ ПРОСТОЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

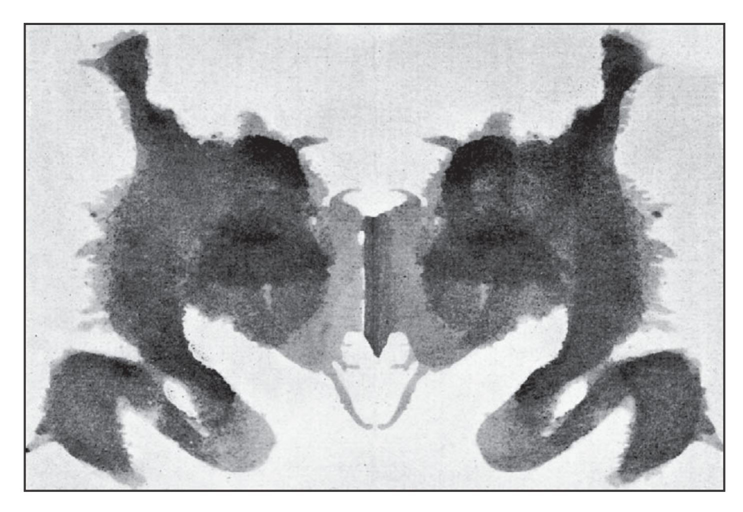
Роршах понял, насколько более глубокие вещи может открыть эксперимент с чернильными пятнами, но для работы в этом направлении он первым делом нуждался в улучшенных изображениях. Он знал, что существуют определенные образы, с которыми человек начинает себя ассоциировать, которые провоцируют в зрителе психологическую и даже физическую реакцию, и другие, при использовании которых ничего подобного не происходит. Он начал изготавливать десятки, возможно, даже сотни собственных чернильных пятен, испытывая лучшие из них на всех, кто попадался под руку.

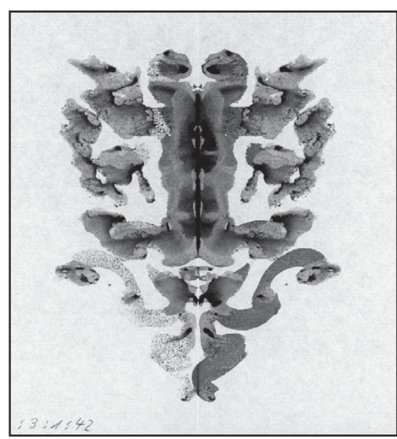
Уже первые попытки Роршаха в Геризау были более успешными, чем могло показаться, — с довольно сложными композициями и чувством дизайна в стиле ар-нуво. Успешные черновики (см. вклейку) затем упрощались и выхолащивались, так, чтобы им как можно сложнее было дать четкое определение. Образы находились на стыке бессмыслицы и смысла, прямо на грани между очевидным и не вполне очевидным.

Если сравнить пятна Роршаха с похожими работами Хенса и Кернера, станет понятно, что в его кляксы всматриваться легче. Попытка интерпретировать какую-нибудь из клякс Хенса выглядит принужденной. Да, вы *можете* сказать, что это выглядит как сова, но *на самом деле* это не так... Сам Хенс в своей диссертации писал: «Нормальный человек знает, как и экспериментатор, что клякса не является чем-то, кроме кляксы, и что запрошенные ответы должны зависеть только от неопределенных аналогий, а также, в большей или меньшей степени, от воображаемых “толкований” изображения». Клякса Роршаха, однако, на самом деле могла быть двумя официантками, разливающими по порциям суп, с бабочкой, порхающей

между ними. Вы можете почувствовать, как ответы приходят к вам из картинки. Там что-то есть.

Другая крайность — клексография Юстинуса Кернера, которая попросту не предполагает множества вариантов толкования. Он даже добавил подписи. В сравнении с его кляксами пятна Роршаха являются наводящими на мысли — какие-то больше, какие-то меньше — и очень открытыми для интерпретаций.

Вверху: карточка 8 из диссертации Шимона Хенса. *Внизу:* одна из ранних клякс Роршаха без даты. Возможно, она не использовалась ни в каком тесте или эксперименте.

В них есть неясные взаимоотношения между передним и задним планами, потенциально значимые белые пространства, неочевидная согласованность элементов, так что зритель должен собирать из отдельных фрагментов цельную картинку (или нет). В них можно увидеть человеческие силуэты, или что-то нечеловеческое, животных или нечто, совершенно не похожее на животных, органические или неорганические вещи. В них присутствует некая загадка, поскольку они находятся на границе того, что может постигнуть человеческий разум.

Создавая пятна, Роршах старался вытравить из них любые признаки и ремесла, и художественности. Кляксы вообще не должны были производить впечатления рукотворных, их безличность — важнейший принцип того, как они работали. Из ранних черновиков еще понятно, в каких местах Роршах использовал кисть, насколько тонкой она была и так далее, но скоро появились формы, которые, казалось, сами себя создали. Его образы были явно симметричными, но слишком детализированными, чтобы выглядеть как обычные мазки, возникшие после складывания бумажного листа с кляксой посередине. Цвета добавляли загадочности: как *они* попали в чернильную кляксу? Образы Роршаха все меньше и меньше становились похожи на что-либо, виденное до этого в жизни или искусстве. После того как он «провел долгое время, используя образы, которые были более сложными и структурированными, более приятными и эстетически совершенными», он написал позднее: «Я отбросил их», с целью добиться лучших результатов, которые помогли бы докопаться до сути.

Особенно важным было то, что они не выглядели как головоломка или тест, поскольку параноидные пациенты Роршаха очень вспыльчиво реагировали, почуяв любой намек на скрытые мотивы. На картинках не должно было быть имен или цифр, в этом случае пациенты обращали бы слишком много внимания на то, что они могут значить, игнорируя сами изображения. Карточки не должны были иметь границ, потому что в Швейцарии это с высокой вероятностью напомнило бы шизофренику о заключенном в рамку некрологе. По Мюнстерлингену Роршах знал, как обойти подозрения пациентов. Огромным преимуществом метода чернильных пятен, которое Герман осознал очень быстро, было то, что его следовало «проводить скорее как игру или эксперимент, не влияющий на результат. Часто даже самые необщительные шизофреники,

которые не желали принимать участие ни в каких других экспериментах, охотно выполняли это задание». Это было весело! Роршах изначально даже не рассматривал кляксы как «тест» — он называл это *экспериментом*, беспристрастным исследованием способов, которыми люди видят окружающий мир.

Выбор в пользу того, чтобы сделать кляксы симметричными, может казаться очевидным и безальтернативным, но на деле это было одно из ключевых решений Роршаха, или его интуиции, имевшее важные последствия. Кляксы, которые использовали в психологии ранее, симметричными не были: у Альфреда Бине были просто «странной формы пятна чернил на белом листе бумаги»; лишь две из клякс Уиппла были симметричными и также две из восьми у Рыбакова. Но кляксы Роршаха симметричными были, обоснование было следующим: «Симметрия изображений имеет недостаток в том, что люди видят непропорционально много бабочек и так далее, — но преимущества намного перевешивают недостатки. Симметрия делает изображения более приятными для глаз и таким образом заставляет человека более охотно выполнять задание. Симметричный образ одинаково хорошо подходит для правшей и для левшей. Также симметрия помогает увидеть внутри картинок целые сцены».

Роршах мог использовать вертикальную симметрию вокруг горизонтальной центральной линии, создающую ландшафт с горизонтом или эффектом отражения, или даже диагональную симметрию. Вместо этого он использовал горизонтальную или билатеральную симметрию. Возможно, он помнил из геккелевской «Красоты форм в природе», что это выглядит органично и естественно, или же из эссе Вишера об эмпатии, где говорилось, что «горизонтальная симметрия всегда приводит к лучшему эффекту, чем вертикальная, по причине ее аналогии с нашим телом». Сознательно или интуитивно, он выбрал симметрию, соотносящуюся со всем, что волнует нас в наибольшей степени: окружающие люди, их лица, мы сами. Билатеральная симметрия создает образы, на которые мы реагируем эмоционально, психологически.

Еще одним важным выбором было использовать красный цвет. Как любой живописец, Роршах знал, что красный и другие теплые цвета как бы приближают изображение к зрителю, в то время как синий и прочие холодные оттенки его отдаляют. В чернильных пятнах красный бросался в глаза проходящему тест более агрессивно, чем любой другой цвет, требуя отреагиро-

вать или же подавить реакцию. Красный кажется человеческому глазу ярче, чем все остальные цвета даже при одинаковой насыщенности, — это называется эффектом Гельмгольца–Кольрауша. Он также выглядит более насыщенным, чем другие цвета, при одинаковой яркости. Он взаимодействует с противоборством света и тени лучше, чем любой другой цвет, выглядит темнее в сопоставлении с белым и светлее в сопоставлении с черным (в 1969 году антропологи обнаружили, что в некоторых мировых языках существуют только два термина для определения цветов — «черный» и «белый», но в каждом языке, где есть третий термин, используется понятие «красный», который являет собой цвет как таковой). Ранние кляксы в психологии не использовали цвет в принципе, но Роршах задействовал самый «цветистый», наиболее выразительный из всех, подобно тому как билатеральная симметрия являет собой самый значимый вид симметрии.

Наиболее явным отходом Роршаха от практики его предшественников было то, что он прекратил использовать чернильные пятна для оценки уровня развитости воображения. Когда Роршах прочитал на первой странице диссертации Шимона Хенса, что для того, чтобы увидеть какие-то вещи в бесформенной кляксе, «нужно обладать тем, что мы называем воображением», что «клякса не претендует на то, чтобы быть чем-то помимо кляксы» в отсутствие «более-менее образных “толкований” изображений», весь его предыдущий опыт сказал ему: «Нет». Клякса — это не просто клякса, по крайней мере если она достаточно хороша. Картинки наделены настоящим смыслом. Сама по себе картинка остается в рамках того, что вы в ней видите, — как на рельсах, — но она не отбирает всю вашу свободу: разные люди видят по-разному, и различия в видении показательны. Роршах усвоил это от своих друзей в цюрихском Художественном музее, и из всех своих попыток научиться читать людей — как врач и как человек.

Самой очевидной проблемой в измерении воображения человека путем подсчетов ответов — хотя она не была очевидной для Хенса или для Альфреда Бине и его последователей — было то, что одни ответы действительно были продиктованы воображением, а другие — нет. Ответ может быть проницательным, где человек действительно видит нечто в изображении, — но может быть и безумным, а это не то же самое, что воображение. Бред и наваждение для человека, который ими одержим, это реальность. Роршах понял, что никто не смотрит

на кляксу, пытаясь увидеть нечто, чего там нет. Они пытались «придумать ответ, который максимально соответствовал бы истинному образу картинки. С человеком, обладающим развитым воображением, это происходит точно так же, как и со всеми остальными». Он обнаружил, что нет никакой разницы, дается человеку перед тестом установка «используй свое воображение» или нет. Шизофреник, который изначально обладал сильным воображением, «конечно, производил более разнообразный, богатый и красочный бред, чем пациент, который воображением не обладал», но когда психопат принимает свой бред за реальность, это, «вероятно, не имеет совершенно ничего общего с функцией воображения».

Это предположение подтвердилось двумя ответами на его кляксы, которые Роршах услышал в самом начале испытаний. На прототипе восьмой карточки финального теста (см. вклейку) одна 36-летняя женщина увидела *«Сказочный мотив: сокровища в двух голубых сундуках, сокрытые под корнями дерева, под которым горит костер, а два мифических зверя охраняют это место»*. Мужчине виделись *«Два медведя на круглой основе, так что это — медвежий зверинец в Берне»*.

Человек, наделенный воображением, объединял формы и цвета в единую картинку: ответ женщины был радостным, она произносила его с восторгом. Второй ответ, напротив, являл собой то, что Роршах называл «конфабуляцией»: фиксация на одной части изображения с отвержением или игнорированием всего остального*. Мужчина посчитал круглое пространство медвежьим зверинцем не потому, что медведи находились в нем, — изображения, похожие на медведей, расположены на самом деле по краям карточки, — но потому, что его мысли зафиксировались на медведях и на всем, что он знал об этих животных. Он больше не мог видеть круглое пространство в контексте или связать его с чем-то еще на картинке. (Более свежий пример конфабуляции — ответ на пятую карточку: *«Джордж Буш сидит на спине у Барака Обамы»*, потому что *«это столкновение двух сил, а вся картинка в целом напоминает орла, орел же является символом Соединенных Штатов»*. Символизм образа орла в действительности не означает, что отдельные части орла

---

* В психиатрии — ложные воспоминания, в которых факты, бывшие в действительности либо видоизмененные, переносятся в иное (часто ближайшее) время и могут сочетаться с вымышленными событиями. — *Прим. перев.*

похожи на президентов.) Роршах описал тон ответа, продиктованного конфабуляцией, как нечто, являющееся не элементом творческой игры, а преодолением проблемы, — его логика донельзя буквальна, хотя и не имеет реального смысла. Сказочные ассоциации, возникшие у женщины, имели литературный подтекст, они образны и выразительны, но в то же время ее восприятие намного более последовательно и основано на изображении, нежели у человека, подверженного конфабуляции.

Говоря кратко, в концепции клякс обнаружилось то, что не следовало рассматривать как еще один пункт в чьем-то личном зачете по способности к воображению. Имело значение, как люди видят то, что они видят: как они впитывают в себя визуальную информацию, как они ее понимают, истолковывают, что они при этом чувствуют, что они могут с этим сделать, какие мечты она у них вызывает.

В диссертации Роршах сосредоточил внимание на механике восприятия в относительно узком психологическом смысле, исследуя смежные области зрения, слуха и тактильных ощущений. Но понятие восприятия включало в себя намного больше — все способы интерпретации того, что было воспринято. *Человеческие интерпретации случайных изображений являются разновидностью восприятия,* — курсив Роршаха.

По мере того как Роршах проектировал и создавал чернильные пятна, он определился и с тем, какие цели будет преследовать его эксперимент. Он хотел исследовать восприятие в самом широком смысле, но о чем ему надлежало спрашивать людей? И на что он должен был обращать внимание в их ответах?

Продолжая придерживаться убеждения, что восприятие довлеет над воображением, он спрашивал людей не о том, что они *находят*, *воображают* или могут увидеть, а о том, что они на *самом деле* видят. Его вопросы выглядели следующим образом: «Что это такое?» или «Чем это могло бы быть?». И поскольку созданные им образы были очень наводящими, они действительно могли показаться похожими на реально существующие вещи.

Ответы людей стали открывать больше, чем Роршах считал возможным, — высокий или низкий интеллект, характер и склад личности, расстройства мышления и другие психологические проблемы. Чернильные пятна позволили ему провести границу между определенными видами психических заболеваний, которые трудно было отличить друг от друга иными спо-

собами. То, что начиналось как *эксперимент*, стало выглядеть как состоявшийся *тест*.

Он всегда настаивал на том, что изобрел этот тест «эмпирически», просто натолкнувшись на тот факт, что различные виды пациентов (и не только пациентов) с разными складами личности склонны отвечать определенным образом. Конечно, он не мог понять, что значит определенный тип ответа, до тех пор пока не поставил отличительные особенности ответов во главу угла. В начале пути он, возможно, догадывался о некоторых взаимосвязях, которые стремился обнаружить. Но его талант заключался в том, чтобы выявить поведенческий шаблон, затем обратить на него внимание, учесть похожие случаи, возможно, создать новые кляксы, чтобы раскрыть отличительные черты данного шаблона, — и повторить все это снова.

Полноценный тест был претворен в жизнь в течение нескольких месяцев. Не сохранилось заметок или датированных черновиков, либо писем Роршаха кому-либо в промежутке между началом 1917 и летом 1918 года, так что мы никогда не узнаем, какими были промежуточные стадии. В его первом сохранившемся письме, от 5 августа 1918 года, Роршах рассказывает коллеге, что он «уже в течение долгого времени проводит эксперимент с “клексографией”... Блейлер знает об этом». В том же месяце в заметках о ходе эксперимента он описал десять чернильных пятен в их окончательном виде, а также процесс тестирования и базовую схему интерпретации результатов. Этот очерк, который Роршах надеялся опубликовать в журнале, представлял собой двадцать шесть машинописных страниц, вкупе с двадцатью восемью образцами результатов теста. Позднее он сделает дополнения к первоначальной структуре, но никогда не изменит ее.

Роршах решил, что есть три важных аспекта ответов испытуемых. Первое — он подмечал общее число ответов, данных в процессе всего теста, а также то, отвергает ли испытуемый какие-либо отдельные карточки или отказывается отвечать в принципе. Он установил, что здоровые люди никогда не отказываются отвечать на какие-то отдельные карточки, «а большинство невротиков, находящихся под давлением специфических комплексов, отвергнут хотя бы одну». Количество ответов могло свидетельствовать о способности или неспособности выполнить задание, а также могло помочь сделать вывод о наличии мании (множество ответов) или депрессии (совсем

немного), но оно давало очень мало информации о том, *как* человек видит карточки.

Второе — Роршах записывал любой ответ, охватывал ли тот кляксу целиком или фокусировался на какой-то одной ее части. Назвать карточку V летучей мышью считалось Целостным ответом (Ц); увидеть медведей по бокам карточки VIII или поднявшую руки женщину в центральной части карточки I — Детальным ответом (Д). Отдельные случаи, где человек видел что-то в небольшой детали, — например, яблоки в верхних углах карты I, — почти никогда не записывались и не интерпретировались и определялись как Малый Детальный ответ (Дд). Редкие, но информативные случаи интерпретации белого фона карточки получили собственный код. Роршах обращал внимание на ритмику вариантов Ц, Д и Дд, видя в ней характерный образ действий испытуемых или их «способ постижения вещей»: склонялись ли они двигаться от целого к частному, от частного к целому или же фиксировались на чем-то одном из двух.

Третье — Роршах присваивал категорию каждому из ответов в зависимости от того, на каких конкретно внешних свойствах изображения они основаны. Большинство ответов, естественно, базировалось на формах: люди видели летучую мышь в кляксе, имевшей форму летучей мыши, и медведя в той части кляксы, что имела форму медведя. Он называл это Формальными ответами (Ф).

Прочие ответы касались цвета: голубой квадрат воспринимался как *незабудка*, а красный сполох — как *отблеск солнца на горной вершине*. Назвать голубую область карточки *«небом»* означало дать Цветовой ответ, — даже необязательно было говорить *«голубое небо»*, поскольку ответ основан на цвете, а не на форме. Настолько явные Цветовые ответы (Цв), в которых форма не играла вообще никакой роли, были крайне редки среди здоровых испытуемых. А большинство психически нездоровых полностью отделяли цвет от формы, говоря про красный фрагмент просто *«Он красный»*. Более распространенными были Цвето-Формальные ответы (Цв Ф), основанные главным образом на цвете, но принимающие во внимание и форму (серая клякса — это *«камень»*, даже если ее форма не слишком ему подобна, а вспышка красного — это *«кровь»*), или Формально-Цветовые ответы (Ф Цв), в основном базирующиеся на форме, но с цветом, играющим вторичную роль (*«лиловый паук»* или *«синий флаг»* о синей прямоугольной форме).

Ответы, в которых говорилось, что изображения на карточках находятся в движении, — такие как *«танцующие медведи»* вместо просто медведей, или *«два слона целуются»,* или *«две официантки кланяются друг другу»,* — назывались ответами Движения (Дв). Это наименее очевидная из категорий Роршаха, — почему должно иметь значение, танцуют медведи или нет? Но диссертация Роршаха полностью посвящена взаимодействию между зрением и ощущением движения в окружающем мире. Его специальность как художника — воспринимать и запечатлевать движение, от его движущихся теневых кукол до зарисовок жестов в историях болезней пациентов. В версии теста 1918 года Роршах написал, что обычно он видел, как люди двигаются или начинают двигаться, когда дают ответ Движения, — например, слегка наклоняются вперед, говоря о двух кланяющихся официантках. На этой стадии он думал, что ответ Движения являет собой, по сути, рефлекторную галлюцинацию.

Почти каждый ответ на любое из пятен основан на Форме, Цвете и/или Движении, хотя иногда Роршах сталкивался с абстрактными ответами, не относящимися ни к чему из перечисленного, например с таким: *«Я вижу злую силу»*.

В финале Роршах проанализировал содержание ответов — что люди видели в карточках. «Там было все, что только можно представить, — говорит Роршах, — а в случае с шизофрениками — много такого, что представить невозможно».

Как любой другой человек, он восхищался и восторгался, когда встречались неожиданные, иногда причудливые ответы — как у пациентов, так и у людей со стороны. Однако прежде всего он фокусировался на том, был ли ответ «хорошим» или «плохим»; в достаточной ли степени он мог быть воспринят как описание истинной формы кляксы. Он обращал внимание на то, что люди видят, для того, чтобы оценить, насколько хорошо они видят. Безупречный Формальный ответ, идеально совпадавший с истинной формой кляксы, мог быть помечен как Ф+.

И практически с самого начала, еще в рукописи, датированной августом 1918 года, это вызвало вопрос, который преследовал Роршаха: а кто будет решать, что такое «достаточная степень»? «Конечно, нужно провести много тестов с нормальными людьми, имеющими разный уровень интеллекта, чтобы избежать любых произвольных личных решений насчет того, является Ф-ответ хорошим или плохим. Затем экспериментатору предстоит классифицировать множество ответов как объек-

тивно хорошие, включая те, которые он не смог бы так назвать, руководствуясь субъективным мнением». На момент, когда он только изобрел тест, у Роршаха не было данных, которые позволили бы ему объективно отделить «хорошее» от «плохого», — не было набора норм. Одной из его первых целей было установление количественной основы, определявшей, какие ответы среди здоровых испытуемых общие, а какие — необычные или уникальные, поскольку процентное соотношение хорошо видимых или плохо определяемых людьми форм (Ф+ % и Ф– %) — важнейшая мера их когнитивного функционирования.

Лишь несколько категорий содержимого, по мнению Роршаха, значимы сами по себе: когда люди видели человеческие фигуры, животных или элементы анатомии (это записывалось, соответственно, как Ч, Ж и Анат.). Имело значение, дает ли человек однообразные ответы или затрагивает широкий диапазон. В основном всё же содержимое играло вторичную роль. Роршах обращал внимание главным образом на формальные аспекты клякс, которые влияли на ответ: Детали и Целое; Движение, Цвет и Форма.

Конспект беседы с проходившим тест Роршаха человеком назывался «протокол» и включал в себя каждый данный испытуемым ответ с присвоенным ему кодом. Так, ответ на карточку VIII — например, *«Два белых медведя»* — кодировался как хорошо просматриваемый ответ Животной Формы, касающийся распространенной интерпретации одной из деталей, а именно красных фигурок по бокам карточки, безотносительно их цвета (ДФ+ Ж). *«Пламя Чистилища и два дьявола, выходящие из него»* рассматривался как ответ Движения, касающийся детали (ДвД). *«Ковер»* был Целостным ответом, но с плохо выраженной Формой, поскольку клякса на самом деле не выглядела как ковер (ЦФ–). «Воскресение колоссальных разноцветных, красных и буровато-синих опухолей головной вены» — ответ, который Роршах услышал от одного перевозбужденного сорокалетнего шизофреника в Геризау, страдавшего от серьезных бессистемных бредовых наваждений, классифицирован как Целостный Цветовой ответ (ЦЦв), конечно, с некоторыми другими аспектами.

После кодировки ответов Роршах вычислял несколько основных зачетов: сколько было дано ответов, относящихся к категориям Ф, Цв и Дв, процент нечетких ответов (Ф– %), процент анималистических ответов (Ж %). И готово. Результаты теста представляли собой эти десятки букв и цифр.

В 1917–1918 годах Роршах изобрел несколько других визуальных тестов и использовал их, чтобы дополнить или подтвердить свои открытия, но в итоге он отбросил их как ненужные, после того как вырос его опыт в применении основного теста.

Цвет *(см. вклейку)*. Кошка, раскрашенная в цвет лягушки, — или лягушка в форме кошки, а также петух/белка, — чтобы определить, форма или цвет играет бóльшую роль в восприятии испытуемого. Эпилептики, особенно страдающие слабоумием, видели лягушку и петуха, подтверждая акцент на цвете, выявленный в эксперименте с чернилами.

Движение. Роршах скопировал — без топора и окружения — рисунок Фердинанда Ходлера, изображавший человека, рубящего дрова, который присутствовал на пятифранковых банкнотах с 1911 года и был широко известен в Швейцарии. Потом он приложил рисунок к оконному стеклу и отрисовал зеркальное изображение. Он показывал людям обе картинки и спрашивал: «Что делает этот человек?» и «Какая из двух картинок, по вашему мнению, нарисована правильно?». Люди, дававшие много Дв-ответов, не испытывали затруднений с первым вопросом и не могли ответить на второй, будучи, по-видимому способными одинаково хорошо вжиться в каждое из изображений. Те, кто давали мало Дв-ответов или не давали их совсем, отвечали на оба вопроса с легкостью. На рисунке Ходлера изображен дровосек-левша, как на верхнем правом изображении, но здоровые правши говорили, что он совпадает с ними, поскольку они вживались в действие, видя в нем зеркальное отражение самих себя (для левшей это было наоборот).

Форма. Согласно записям Роршаха, шизофреник мог назвать приведенную ниже кляксу, изображающую очертания Австралии, «Африкой, но неправильной формы», потому что она черная, а в Африке живут черные люди. Он также сделал кляксу в форме Италии, которую шизофреники называли «Россия» [по-немецки *Russland*], потому что она была черна, как копоть от лампы [*Lampenruss*].

В очерке 1918 года, где была подробно изложена концепция теста, Роршах описывал типичные результаты, обнаруженные у десятков пациентов, страдавших различными вариациями и ответвлениями психических болезней, при этом всегда отмечая моменты, когда ему не хватало достаточного количества рабочих случаев в Геризау, чтобы иметь возможность безопасно обобщать. Он утверждал, что эти типичные профили, хотя они и могли показаться произвольными, возникли в процессе практики. Он писал, что маниакально-депрессивные больные, находившиеся в депрессивной фазе, не давали ответов Движения или Цветовых ответов, не видели человеческих фигур и были склонны начинать с мелких деталей, прежде чем обратиться к целому изображению (зеркальная противоположность шаблона нормального человека), давая очень небольшое количество Целостных ответов. Люди с шизофренической депрессией, с другой стороны, чаще отказывались отвечать на определенные карточки, время от времени давали Цветовые ответы, очень часто давали ответы Движения и видели намного меньший процент животных и существенно менее отчетливые формы (Ф– % = 30–40). Почему? Роршах не стал предполагать, но указал, что эта дифференциальная диагностика, способная выявить разницу между маниакально-депрессивным психозом и шизофренической депрессией, «в большинстве случаев вполне определенно», была настоящим медицинским прорывом.

Результаты теста были особенно эффективны при выявлении психозов, настолько, что позволяли прояснить многие вещи буквально на ходу. Когда кто-нибудь, не имевший психотических симптомов, начинал давать ответы, типичные для психопатов, Роршах копал глубже и часто обнаруживал, что у этих людей была психотическая наследственность, они имели больных среди близких родственников или проявляли симптомы в недавнем прошлом. Иногда они годами находились в состоянии ремиссии. Даже если нет — он мог диагностировать латентную шизофрению. Роршах придерживался мнения, что чернильные пятна раскрывают качество, а не количество, — присущий пациенту тип психологии, а не степень предрасположенности к заболеваниям. Тест мог выявить предрасположенность к шизофрении вне зависимости от того, были ли симптомы сильными, слабыми или вовсе неразличимыми. Вскоре ему пришлось столкнуться с этическим вопросом: как сообщить человеку, что результаты его теста выявили латент-

ную шизофрению или психоз, незаметное психическое заболевание, о котором, возможно, человек даже не подозревает. Однако награда того стоила: «Быть может, скоро мы достигнем точки, где сможем применительно к абсолютно каждому случаю сделать четкий вывод, сопряжен он или нет с латентной шизофренией. Только подумайте, от сколь большего количества страха перед безумием, что отравляет жизни людей, мы сможем избавить мир, если это случится!»

Роршах ни в коем случае не пытался использовать какие-либо ответы, чтобы навязать человеку некий конкретный психологический профиль. Он обнаружил, к примеру, что определенные типы ответов давались почти исключительно либо шизофрениками, либо людьми, талантливыми в рисовании, но у него не возникал соблазн сделать из этого вывод, что талант к рисованию как-то связан с болезнью или похож на нее. «Естественно, — писал он, — ответы, кажущиеся похожими, будут очень разными по своему качеству», когда они поступают от разных типов людей.

С самого начала эксперимент с чернильными пятнами был многомерным: в одно и то же время он взывал к различным способностям и возможностям человека, которые таким образом измерял. Это было убедительным подтверждением того, что тест во многом самокорректирующийся. Роршах обнаружил, что если шизофреника повторно протестировать спустя некоторое время, то будут «очень разные интерпретации карточек, однако фактор Ф– %, количество ответов Движения, Формы, Цвета, Ц, Дд и так далее останется более-менее одинаковым, если, конечно, состояние пациента не претерпело существенных изменений». С десятью карточками и достаточным количеством времени, чтобы дать ряд ответов на каждую из них, одна или несколько особенно творческих или причудливых реакций вряд ли могли изменить общую картину. Одна усатая змея, танцующая балет на Луне, не означала, что вы сумасшедший.

Зачеты объединяли и прорабатывали, чтобы составить картину психики испытуемого. Большое количество необычных или странных ответов (Ф–) могло быть признаком высокого интеллекта и огромных творческих способностей — или могло указывать на серьезные дефекты и неспособность видеть то, что видят все остальные. Но тест в целом мог провести границу между двумя крайностями. Первый из опи-

санных типов личности предоставит большое количество Целостных ответов, ответов Движения и хорошо видимых форм (Ц, Дв, Ф+), у второго будет низкое количество по всем трем показателям.

И Целостные ответы могут быть как хорошим знаком, так и плохим. Однажды Роршах проводил тест с «умным, хорошо образованным мужчиной, пребывавшем в хорошем настроении», — тот продемонстрировал творческое осмысление практически каждой кляксы: протокол содержал лишь двенадцать Целостных ответов (ЦФ+). Карточку II испытуемый описал как *«белок, танцующих на древесном пне»*, а карточку VII — как *«фантастическую люстру стиля шандельер»*. Все это разительно отличалось от также состоявшего из Целостных ответов протокола другого испытуемого, двадцатипятилетнего апатичного больного с дезорганизованной шизофренией, который давал по одному ответу на каждую карточку, большинство Ф– (*Бабочка. Бабочка. Ковер. Ковер с изображениями зверей. То же самое. Ковер...*).

Такие взаимоотношения между различными типами ответов делали проведение теста непростым. Не было никакого легкого способа расшифровать, что значит тот или иной ответ. Хуже того, Роршах даже не мог объяснить, почему тест вообще работает. Он получил нужные ему корреляции столь же эмпирическим или интуитивным образом, как создал сами чернильные пятна, основываясь на существовавшей ранее теории о том, что значат Движение и Цвет и почему на них нужно обращать внимание в первую очередь. Его интерпретации каждого отдельно взятого протокола были целостными и часто казались своеобразными. Все это либо сила теста, либо его слабость. Что делает его субъективным и произвольным либо же богатым и многогранным?

Когда Роршах обратился с предложением к книжному издателю, он сформулировал это так: «Это касается простого эксперимента, который — не говоря даже о его возможном теоретическом наследии — имеет широкую область применения. Он позволяет проводить не только индивидуальную диагностику профилей психологических заболеваний, но также и дифференциальную диагностику: является ли человек невротиком, психотиком или здоровым. Применительно к здоровым людям он помогает получить обширную информацию о характере и личности человека; с психически больными

результаты помогают увидеть их прошлый характер, который по большей части сохраняется, скрытый психозом». Это было новым видом теста на интеллект, в котором «уровень образования человека, а также то, хорошая или плохая у него память, никогда не скрадывает истинный уровень его интеллекта». Чернильные пятна «позволяли делать выводы не только об “общем интеллекте” человека, но также о многочисленных индивидуальных психологических компонентах, которые составляют его умственные способности, предрасположенности и таланты. В этом отношении теоретическая польза особенно существенна».

«Я могу смело сказать, что эксперимент вызовет интерес, — заключил он с оттенком ложной скромности. — Я хотел бы узнать, сможете ли вы это опубликовать».

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ЭТО ВСЮДУ ВЫЗЫВАЕТ ИНТЕРЕС И НЕДОВЕРИЕ

В воскресенье, 26 октября 1919 года, веселая молодая женщина Грети Бройхли приехала навестить Германа, Ольгу и их детей в Геризау. Она была дочерью Ульриха Бройхли, бывшего начальника Роршаха, и на ней Роршах испытывал свои ранние чернильные пятна, когда работал в Мюнстерлингене в 1911 и 1912 годах, когда она была подростком. Сейчас она находилась на середине третьего десятка, помолвлена, придерживалась слишком левых убеждений, по мнению своего отца. Эксперимент с чернильными пятнами также вступал в пору зрелости.

Ранее в октябре Роршах навещал семью Бройхли в Мюнсингене и показывал Ульриху тест. «Он понял это!» Позже Роршах с восторгом заметил, что Ульрих Бройхли был одним из тех первых людей, кто «по-настоящему понял эксперимент и имел мнение по этому поводу». Когда Грети приехала в Геризау, Роршах готовился представить свой эксперимент профессиональной аудитории на лекции Швейцарского психиатрического общества, которая должна была состояться в немецком Фрайберге. Он договорился встретиться с Грети в музее Санкт-Галлена 29 октября, чтобы еще раз испытать на ней чернильные пятна. Ему не часто удавалось найти для своих экспериментов столь вдумчивого человека.

Он быстро обработал ее ответы и послал ей результаты по почте. Грети была ошеломлена. «Спасибо за ваш отчет! Я не удивлена, но потрясена, как правы вы были насчет всего, насколько я могу судить (мы все знаем, как часто психологические автопортреты бывают ошибочными)». Она особенно поразилась тому, что удалось открыть те ее стороны, «о которых знали лишь очень немногие люди, — как вы это сделали?».

У нее было много вопросов о своих результатах, а также о более глубоких загадках: «Считаете ли вы, что психологические факты являются неизменной данностью, с которой людям предстоит иметь дело в течение всей жизни и принимать как есть? Остается ли человек, говоря с психологической точки зрения, одним и тем же или возможно меняться и развиваться, благодаря самопознанию и воле? Мне кажется, что мы должны быть на это способны, иначе получается, что человек — это мертвая вещь, а не живое созидающее существо».

Роршах написал теплый ответ, разъясняющий, как он пришел к своим выводам. Внимание Грети к мелким деталям выявило тенденцию к педантичности, которую женщина обычно предпочитала строго скрывать; ее многочисленные ответы Движения продемонстрировали богатое воображение, о наличии которого у себя она не знала; ощущения «пустоты и сухости», о которых она рассказала ему в своем письме, были, вероятно, следствием того, что она подавляла свое воображение, а не с пребыванием в депрессии. Она спросила, в чем разница между тем, что он называл ее «легкой аффективной адаптацией» и ее «сильной эмпатической способностью», и он объяснил, что подстраиваться под эмоции других людей — не то же самое, что эмпатия в широком смысле этого слова, то есть способность войти в чужой опыт и разделить его: «Люди с умственными недостатками тоже могут адаптировать свои чувства к другим, даже животные могут, но только умный человек с глубоким внутренним миром способен к эмпатии... При определенных обстоятельствах она может вырасти до ощущения идентичности с человеком, по отношению к которому ты испытываешь эмпатию, или к чему угодно; так, например, это происходит с великими актерами, которые многому учатся у других». Как обычно, наиболее развитую способность чувствовать он увидел в женщинах: «Эмоциональная адаптируемость в сочетании со способностью к эмпатии является в основном женским атрибутом. Результатом этой комбинации становится эмпатия, заряженная чувством». Даже более богатой комбинацией является «адаптирующаяся психика, способная также и к интроверсии, — тогда это будет звуковой отражатель, резонирующий со всем, что происходит». У Грети было это все.

На главный вопрос Грети он ответил, что психологические состояния не постоянны. «Кажется, только одну вещь невозможно изменить в себе — это то, как чья-либо интроверсия

и экстраверсия взаимодействуют между собой, хотя это взаимодействие и видоизменяется с течением жизни, поскольку это — своеобразный процесс созревания. Этот процесс не заканчивается на двадцати годах, а продолжается, в особенности между тридцатью и тридцатью пятью, а потом еще раз, в районе пятидесяти». Это было незадолго до его собственного тридцать пятого дня рождения.

Он понял, что вопросы Грети имеют не только теоретическую природу: ее жениху требовалась помощь. Роршах встретился с ним в Мюнсингене 2 ноября, когда возвращался с конференции, и записал в дневнике: «Пастор Бурри, жених Грети: непритязательный, тихий, медлительный, но умный и, несмотря на всю свою медлительность, довольно бодрый». Теперь, когда Роршах сказал Грети, что люди могут измениться, она уговорила своего будущего мужа увидеться с ним для психоанализа. И после двух нервных писем Ганс Бурри, или, как любил называть его Роршах наедине, «мой компульсивный невротический священник», приступил к терапии. Роршах успокоил Бурри, который опасался стать жертвой «влияния» или «манипуляции» в процессе терапии, сказав, что это работает не так: «Анализ никогда не должен быть прямой манипуляцией, а любая непрямая манипуляция проистекает из души самого пациента. Таким образом, вы на самом деле не подвергаетесь влиянию, а раскрываете свое предназначение». Поначалу волновавшийся из-за конфликта между психоанализом и его религиозными убеждениями, Бурри понял, что Роршах уважает его взгляды, а также взгляды всех остальных, — даже когда они обсуждали секты Бинггели и Унтернарера, Бурри подметил, что Роршах никогда их ни в чем не обвинял и не высмеивал.

Роршах был приятен в общении и в роли терапевта не производил угрожающего впечатления. Но он отказывался слишком много обсуждать с Бурри в письменном виде — настоящая терапия, в отличие от разъяснений, которые он давал Грети, должна проводиться с глазу на глаз. Он сказал Бурри, опираясь на тезисы своей диссертации, чтобы тот начал записывать свои сны: «Это — техника, которую вы можете найти полезной, чтобы восстанавливать в памяти и запоминать свои сны: когда вы просыпаетесь, продолжайте лежать совершенно неподвижно, и следуйте за сном в своем сознании, вспоминая его детали. Затем незамедлительно запишите его. Носителями наших сновидений, вероятнее всего, являются кинестетиче-

ские ощущения, а они немедленно прерываются настоящими нервными импульсами, как только мы начинаем физически двигаться». Методы Роршаха не были классически фрейдистскими — сессии порой проходили пять раз в неделю. Он часто прерывал пациента и начинал говорить сам, вместо того чтобы сидеть тихо и бесстрастно. После каждой сессии пастор оставался на кофе или чай, к беседе присоединялась Ольга, которую Грети благодарила в письмах за гостеприимство. Но базовые принципы были все же фрейдистскими. Разница заключалась в новом инструменте, имевшемся в распоряжении у Роршаха.

Бурри начал регулярно ездить в Геризау на сеансы терапии, и в январе Роршах провел с ним чернильный тест. Протокол пастора включал семьдесят один ответ — поистине огромное количество — и четко определил терзавшие пастора многочисленные проблемы: чрезмерный самоконтроль, неспособность проявлять эмоции, педантичная тщательность, бесконечные размышления, навязчивые фантазии, мучительные сомнения, болезненная неспособность доводить до конца начатые дела, недостаток теплоты в его отношении к жизни... Спустя пять месяцев Бурри повторно прошел чернильный тест, и на этот раз результаты продемонстрировали, насколько он «изменился в процессе анализа; его “рефлекторный спазм”, навязчиво заставлявший пастора сознательно подолгу обдумывать каждую мысль и переживание, исчез». Бурри стал более адаптируемым, его «эмоциональные отношения и связь с окружающими стали устойчивее», его способность постигать собственный внутренний мир была теперь «более свободной и более мощной» — он дал больше оригинальных ответов и более чем в два раза больше ответов Движения, чем в прошлый раз. В то время как «вид интеллекта Бурри изменился в наименьшей степени», как определил это Роршах, его компульсивное подавление внутренних импульсов «изменилось почти полностью».

Ответ на вопрос Грети был дан в реальности: люди могут измениться, могут вылечиться, и Роршах закончил терапию, добившись чудесных результатов, за которые Бурри и Грети были ему благодарны. Грети написала ему: «Спасибо вам за всё. Терапия, которую вы с ним провели, была очень успешной, это было как раз то, в чем он нуждался, и уж понятно, насколько счастливой это сделало меня!» Через четыре месяца молодожены Бурри пригласили Роршаха на свадьбу.

По мере того как Роршах применял чернильные пятна в целях психоанализа, его терапевтическая практика, а также результаты интеллектуального анкетирования, полученные от таких испытуемых, как Бурри, углубляли его понимание теста. «Я многому научился благодаря вам», — написал Роршах Гансу Бурри, когда отправлял ему результаты его второго теста. Совет Бурри о запоминании снов в итоге вошел в книгу Роршаха об эксперименте слово в слово. Это случилось потому, что тогда у него еще не было возможности издать эту книгу.

К февралю 1920 года, когда он написал свою заявку об «очень простом эксперименте», Роршах уже пытался опубликовать материалы теста в течение полутора лет. Та заявка была не первой и не последней его попыткой. Минуло еще полтора года задержек и проволочек, прежде чем тест наконец-то был выпущен в печатном виде.

Главная проблема заключалась в изображениях. И, как всегда, в деньгах. Стоимость печати чернильных пятен выходила очень высокой, особенно цветных. Впервые попытавшись опубликовать версию 1918 года в одном журнале, Роршах предложил напечатать только одну цветную кляксу и несколько черно-белых, возможно, значительно уменьшенных в размере. Редактор был давним другом и соратником Роршаха, но предложил Герману самостоятельно оплатить печать. Это было невозможно. Тогда он подсказал Роршаху название благотворительного фонда, который, возможно, смог бы помочь профинансировать публикацию, но из этой затеи тоже ничего не вышло. Издатели продолжали упираться, и Роршах предложил уменьшить размер изображений на одну шестую или напечатать все кляксы в уменьшенном виде на одной странице, либо заменить цвета различными видами штриховки. Был даже вариант выпустить версию, в которой читатели сами должны раскрасить картинки. «Как примитивны все эти полумеры!» — писал он.

Эта все более утомительная борьба за публикацию сопутствовала профессиональной карьере Роршаха в течение трех лет. Она помогла углубить и обогатить тест. По мере того как Роршах отсылал письмо за письмом, телеграмму за телеграммой своим потенциальным издателям и коллегам, у которых было больше связей, настрой его посланий был сперва профессиональным, затем умоляющим, потом угрожающим и, в конце концов, преисполненным отчаяния. Его собственное понимание чернильных пятен продолжало улучшаться.

Он стал более опытным в применении нового метода и понял, что лежит за ним. Сталкиваясь с издательским давлением и требованиями что-то изменить, он выбирал, где можно пойти на компромисс, а где нужно четко отстаивать свою точку зрения. К январю 1920 года он был «счастлив, что тест не был опубликован в том виде, какой имел в 1918 году. Вся работа выросла теперь в нечто большее, и, даже если основные факты из черновика 1918 года не требуют изменений, все же есть многое, что нужно добавить. В 1918 году из-за войны случился дефицит бумаги, и мое стремление сказать как можно больше на как можно меньшем пространстве сделало ту версию во многих отношениях хуже». Все же время настало: «Я работаю над этим экспериментом уже много лет. Кое-что необходимо опубликовать».

Одним из следствий задержки было то, что Роршах успел за это время собрать намного большую коллекцию результатов. К осени 1919 года он протестировал 150 шизофреников и 100 человек, не являвшихся пациентами, используя одинаковые изображения, — по той причине, что, как он указывал, результаты могут быть сведены в единую таблицу только когда применяются одни и те же методы тестирования. Это количество вскоре выросло до 405 эпизодов — хорошего размера выборка, делавшая его итоговую книгу намного более убедительной и позволившая ему дать более точное определение «оригинальных» ответов, поскольку они встречались не чаще одного раза на сотню проведенных тестов. Он смог переключиться от субъективного суждения о хороших и плохих ответах к более объективному определению того, является ли ответ типичным или нетипичным. Как он изложил это в одном из пунктов своей лекции, проведенной в Санкт-Галлене, при этом, возможно, используя себе во благо местную аппенцелльскую традицию к преувеличению, чтобы произвести более сильное впечатление:

«Субъективно я ощущаю, что единственным хорошим ответом на карточку I, например, является такой: *"Два ряженых с новогоднего карнавала, одетые в ниспадающие плащи, стоят с каждой стороны, а посередине между ними находится женское тело без головы — или с головой, наклоненной вперед"*. Однако наиболее распространенные ответы среди испытуемых таковы: *бабочка, орел, ворон, летучая мышь, жук, краб* и *реберная секция*. Ни один из этих ответов не кажется очевид-

ным мне самому с субъективной точки зрения, но, поскольку их много раз давали образованные здоровые люди, я вынужден засчитывать эти версии как хорошие или нормальные ответы — кроме краба, конечно».

В 1919 году Роршах начал проверять точность результатов теста единственным способом, которым мог, — путем постановки диагнозов вслепую. На самом деле именно ему приписывают изобретение термина «слепая диагностика», то есть проведение теста в отсутствие личного контакта. Роршах находил людей, которые могли справиться с чернильным тестом и прислать ему протоколы, чтобы он мог подсчитать ответы и интерпретировать их, не зная об испытуемых больше ничего. Потом они говорили ему, правильными или нет были его интерпретации. Эта практика началась с его ближайшего друга, Эмиля Обергольцера, бывшего ассистента Блейлера, открывшего собственную практику в Цюрихе. В заявке на книгу 1920 года Роршах упоминает, что «контрольные эксперименты проводились следующим образом: я диагностировал людей, о которых не знал практически ничего, — здоровых, невротиков и психотиков, — основываясь исключительно на протоколах тестов. Коэффициент ошибок составлял меньше 25 %, и к настоящему моменту большинства этих ошибок удавалось избежать, если я знал, например, пол и возраст испытуемого, — вещи, которые я изначально решил оставить неизвестными».

Роршах всегда неоднозначно относился к постановке диагноза «слепым» методом. Он считал их полезными только для контрольных экспериментов и тренировки специалиста, проводящего тест, и, хотя он и опубликовал некоторые из них, Герман также беспокоился, что «это похоже на трюк ловкого салонного фокусника или что-то в этом роде». В то же время это был единственный способ, при помощи которого он мог существенно расширить диапазон испытуемых, не ограничиваясь содержавшимися в его клинике шизофрениками. «Где в Геризау мог бы я найти материал, который мне нужен? — пожаловался он как-то раз. — Великих художников, людей высокопродуктивного типа и так далее, не говоря уже об уравновешенных личностях?!! В Геризау-то!»

Эти слепые диагнозы сильнее, чем что-либо еще, помогли ему выделиться среди современников, включая Эйгена Блейлера. На лекции Роршаха, прочитанной им на собрании Швейцарской психиатрической ассоциации в ноябре 1919 года,

собралась небольшая и скептически настроенная аудитория. Несколько из присутствовавших там психиатров обвинили его в «чрезмерной схематичности», хотя в дневнике он отметил, что, когда у него появлялась возможность объяснить каждому из них свой тест при личной встрече, они меняли свою точку зрения. Неустрашимый человек, который однажды написал Геккелю и попросил совета о том, как построить карьеру, и Толстому, чтобы узнать адрес друга, протянул листы со своими чернильными пятнами ведущему психиатру Европы и научил его ими пользоваться.

Блейлер уже был заинтригован. Он знал о пятнах Роршаха как минимум с 1918 года, и в поезде, возвращаясь с конференции 1919 года, сказал Роршаху, что «Хенс тоже должен был начать исследовать такие вещи, но он застрял на вопросах воображения». После пятнадцати лет применения фрейдистского метода ко всем обитателям Бургхёльцли Блейлер начал направо и налево раздавать чернильные тесты, присылая Роршаху десятки протоколов для слепой диагностики и восхищаясь его интерпретациями. Среди этих протоколов в 1921 году были присланы результаты тестов всех его детей. Один из них, будущий психиатр Манфред Блейлер, опубликует в 1929 году эссе, в котором попытается установить, демонстрируют ли близкие родственники более похожие результаты, чем люди, не являющиеся родственниками (демонстрируют).

Роршах писал коллеге: «Ты легко можешь представить, с каким нетерпением я жду его отчета о результатах слепой диагностики». И корреспонденция, полученная от Блейлера десятью днями позже, не могла быть более воодушевляющей: эксперимент прошел удачно. «На удивление положительно в том, что касается диагнозов, а психологические наблюдения и концепции были даже более ценными, — писал Блейлер. — Интерпретации сохраняют свою ценность, даже если диагноз отсутствует или поставлен неправильно». Учитель Роршаха «подтвердил его результаты по каждому значимому пункту».

Слепые диагнозы были почти что всем, с чем Роршах мог работать, помимо своих пациентов из клиники, поскольку, хотя он и стремился начать частную практику, ему приходилось беспокоиться о содержании растущей семьи. Он намекал своему брату в Бразилии, что у него есть «кое-какой план, но он слишком рискованный и, к сожалению, очень самонадеянный, так что я пока не могу его раскрыть». В 1919 году, после двух

крупных лекций о сектах, он написал коллеге, что «история с “клексографией” получила дальнейшее развитие»: «Я недавно провел в Цюрихе две беседы о моих сектантах. Всё такое темное, как видишь. Черные кляксы и черные души. Но что начинает казаться мне мрачнее всего, так это жизнь под игом клиники. Может быть, однажды я порву и с этим тоже».

Через несколько месяцев он написал в своем дневнике: «8 ноября. Мой тридцать пятый день рождения. Надеюсь, это последний день рождения, который я отмечаю в клинике».

Начав работать профессиональным психоаналитиком, он смог бы зарабатывать больше денег и имел бы больше свободного времени, не говоря уже о выгоде духовного характера. «Хорошо проведенный анализ — нечто настолько стимулирующее, интересное и живое, что трудно себе представить большее интеллектуальное и духовное наслаждение», даже несмотря на то, что «анализ, который проходит плохо, сравним разве что с муками Ада». Также он хотел видеть более широкое разнообразие пациентов «ради экспериментов с чернильными пятнами».

По мере того как у него появлялся доступ к большему количеству людей, Роршах все больше восхищался тем, как чернильные пятна не просто диагностировали болезнь, но, казалось, раскрывали саму индивидуальность. В рукописи 1918 года лишь один из двадцати восьми протоколов, приведенных Роршахом, был не от пациента; в итоговой книге тринадцать из двадцати восьми описанных примеров были получены от здоровых людей. Вопросы интроверсии и экстраверсии, эмпатии и привязанности вновь и вновь выходили на передний план, как показывают его письма к Грети. Ключами к человеческой личности, решил Роршах, являются Движение и Цвет.

К февралю 1919 года он уже связывал ответы Движения с самой сердцевиной человеческой самости: чем больше таких ответов, тем богаче «внутренняя психическая жизнь» дающего их человека. Количество Дв-ответов было пропорционально «направленной внутрь энергии человека, склонности к размышлениям и — отнеситесь к этому с долей скептицизма — интеллекту».

Люди, которые давали больше ответов Движения, не двигались, в буквальном смысле, быстрее и легче других; напротив, они старались не делать лишних движений, двигались медленно, часто будучи неловкими или неуклюжими на практике.

Роршах говорил, что наибольшее количество Дв-ответов за всю историю применения им теста он получил от кататоника, «полностью погруженного в свою нирвану интроверсии. Он целыми днями сидел, положив голову на стол, — день за днем, не двигаясь целые сутки. За более чем три года, что я его знал, было всего два дня, когда он реагировал на внешние раздражители. Все остальное время он, год за годом, не произносил ни слова. Для него все кляксы были полны движения». В диссертации Роршах описывал чувство движения, возникающее из зрительных ощущений, как естественную способность человека, но понимал, что в разных людях она проявляется по-разному. Теперь он знал, что эти различия имеют значение и могут быть измерены.

Поскольку ответы Движения приобрели большую значимость, Роршах понял, что их кодировка была «самой сложной частью всего эксперимента». Сложность состояла в том, что *«летящая птица»* или *«извергающийся вулкан»* не являлись истинными ответами Движения, поскольку птицу естественным образом описывали находящейся в полете, так же, как и вулкан — извергающимся. Это были просто обороты речи, «риторические украшательства» или ассоциации, а не то, что действительно ощущалось. Как *«небо»* могло быть засчитано Цветовым ответом и без упоминания слова «синее», так и эти вещи можно было кодировать как Дв, даже если движение не упоминалось, — главное, чтобы сам Роршах считал, что ответ включает в себя ощущение движения. Основанный на его собственном опыте пример видения карточки I, который Роршах привел позднее, — *«Два ряженых с новогоднего карнавала, держащие под мышками метлы»*, — является ответом Движения. Форма не слишком похожа на эти фигуры, говорил Роршах, так что человек может дать такой ответ «только если он чувствует себя в этой форме, что всегда идет рука об руку с ощущением движения».

Как ответ Движения реакцию идентифицировало то, что испытуемый «вчувствовался» в задачу, проявлял эмпатию: «Вопрос в следующем: действительно ли испытуемый *переживает* движение?» Но, чтобы ответить на этот вопрос, тестирующий должен понять из слов тестируемого, что тот чувствует. Изначальная идея Роршаха состояла в том, что, когда человек дает ответ Движения, можно увидеть, как он двигается сам, но теперь он понял, что это было слишком упрощенно. Коллега,

работавший с Роршахом, рассказывал, как однажды они провели несколько часов в спорах о том, должен ли один из ответов, полученных на одну из карточек, быть кодирован как Дв-ответ.

Роршах начал придавать более глубокое психологическое значение Цветовым ответам. В рукописи 1918 года он отмечал, что обычно большое количество Дв-ответов дается вместе с меньшим числом Цв-ответов, и наоборот, но противопоставлял друг другу в основном Движение и ответы, включавшие в себя статичные Формы. На тот момент он мало что мог сказать о Цветовых ответах, кроме того, что содержалось в его списках результатов теста, касавшихся различных видов психических заболеваний. Ни в одной из его ранних работ цвету не уделяется какого-либо существенного внимания. Теперь же он начал видеть, что взаимодействия между Формой, Движением и Цветом намного более сложные.

Цветовые ответы, похоже, связаны с эмоциями или чувствами. Роршах использовал слово «воздействие» или «аффект», чтобы обозначать эмоциональные реакции, будь то чувства или обозначения чувств. Присущая людям «аффективность» была их способом ощущения, выражала то, каким образом на них воздействовали окружающие вещи. Роршах обнаружил, что люди со «стабильной аффективностью», демонстрирующие ровные и спокойные реакции, невосприимчивость или, в патологических случаях, депрессию, всегда дают мало Цветовых ответов или не дают их вовсе. Личности, имеющие «лабильную», то есть неустойчивую, аффективность — с сильными, порой истеричными реакциями или сверхчувствительностью, возможно, страдающие маниями или слабоумием, — давали много Цветовых ответов.

Но Роршах не мог подвести под эти наблюдения какую-либо теоретическую базу, кроме разве что общеизвестного факта, что мы эмоционально реагируем на цвет. Он лишь заявлял, что выявил эти корреляции практическим путем. Он нашел удивительным то, как многие испытуемые были шокированы или расстроены цветом в чернильных пятнах, в особенности при появлении цветного изображения после серии черно-белых. Такие люди впадали в «своеобразный ступор» и не были способны дать какой-либо ответ. Роршах называл это «цветовым шоком» и считал, что это признак невроза: тенденция подавлять внешнюю стимуляцию, которая в противном случае может привести к более серьезным последствиям.

Большинство людей все же давали Формальные ответы, — описание формы кляксы было стандартной реакцией, не слишком много диагностирующей или проясняющей. Но эти ответы взаимодействовали с другими типами ответов. Все Дв-ответы являли собой, в конце концов, движущиеся формы. Роршах обнаружил, что больше Цветовых ответов дают люди, которые хуже воспринимают Форму (больше Ф–, меньше Ф+), и наоборот. Это имело смысл для него: чем больше эмоций люди испытывали в процессе теста, тем меньше они способны рационально видеть то, что реально было на картинках. «Цвет», подчеркнул он одну из записей в своем дневнике, «является врагом формы». Он пришел к выводу, что «лишь две группы нормальных людей совмещают хорошую визуализацию формы и нестабильные эмоции — невротики и артисты».

Конечно, большинство людей, кто-то в большей, кто-то в меньшей степени включали свои эмоциональные реакции в сознательную жизнь, и тест давал информацию об этом тоже — через различия в ответах классов Цв, ЦвФ и ФЦв. Редкие исключительно Цветовые ответы, утверждал Роршах, — признак неконтролируемого аффекта, и давали их в основном лишь психически больные люди либо же «заведомо вспыльчивые, сверхагрессивные и безответственные» здоровые. ЦвФ, где Цв перевешивало Ф, означало то же самое в чуть меньшей степени: «эмоциональная нестабильность, раздражительность, повышенная чувствительность и внушаемость». Ответы класса ФЦв, основанные главным образом на форме, но включающие в себя и цвет, такие как «розовый паук» или «голубой флаг», это разновидность совмещенной, эмоционально-интеллектуальной реакции. Ответ ФЦв являлся контролируемой реакцией на форму.

Цветовые ответы нормальных людей относились, в большинстве своем, к типу ФЦв, с хорошо просматриваемыми формами. Плохо видимые формы в ответах ФЦв, напротив, свидетельствовали, что человек, возможно, хочет установить связь на эмоциональном уровне, но не способен это сделать на уровне интеллектуальном: «Когда здоровый человек хочет сделать мне подарок, он ищет вещь, которая понравится *мне*; человек, страдающий манией, дарит то, что нравится ему. Когда здоровый человек что-то говорит, он старается подстроиться под интересы *собеседника*; маниакальный же тип снисходительно рассуждает о вещах, которые интересны только *ему*. В обоих

случаях такие маниакальные люди выглядят эгоцентриками, поскольку их желание установить эмоциональный контакт блокируется недостаточной когнитивной способностью».

К концу 1919 года Роршах свел Движение, Цвет и Форму в единую психологическую систему. Если Цветовые ответы указывали на эмоциональную нестабильность, то ответы Движения были знаком стабильности, разумной и здравой приземленности. И если ответы типа Дв означали интроверсию, то Цв-ответы говорили об экстраверсии. Люди могли реагировать или чрезмерно реагировать на внешний мир, о чем свидетельствовали Цветовые ответы, если его проявления напоминали о чем-то для них важном.

Таким образом, существовали типы личности с преобладающим ощущением движения, люди с «индивидуализированным интеллектом, большими творческими способностями, более внутренней жизнью, эмоциональной стабильностью, худшей адаптируемостью к реальности, мерными движениями, физической неловкостью или неуклюжестью» и типы с преобладающим чувством цвета, имеющие «стереотипный интеллект, больше способные к копированию, с образом жизни, в большей степени направленным вовне, эмоциональной нестабильностью, лучшей адаптируемостью к реальности, беспокойными движениями, ловкие и маневренные». В основном — интроверты и экстраверты. Однако человек, почти всегда дающий Формальные ответы при необычно маленьком количестве Дв и Цв, не имел набора способностей, — это ограниченная, педантичная, возможно, навязчивая личность. Большое количество как Дв, так и Цв означало экспансивную, уравновешенную личность, которую Роршах называл «амбитендентной».

Теперь у Роршаха имелась формула: соотношение между Дв и Цв есть «тип восприятия» личности, то есть общий метод, при помощи которого испытуемый познавал окружающий мир. В зависимости от того, проходил ли человек тест в хорошем или плохом настроении, могло измениться количество Дв и Цв ответов, но не пропорция между ними, которая «напрямую выражает баланс интровертных и экстравертных тенденций, объединенных в характере данного конкретного человека». Эта пропорция в значительной степени предопределена, хотя и менялась естественным образом в течение человеческой жизни, как Роршах объяснял Грети. Поскольку чернильные пятна в этой серии опытов использовались для оценки личности, а не

с целью диагностирования психических заболеваний, именно тип восприятия стал наиболее значимым показателем в результатах теста.

Даже несмотря на это, Роршах не пытался классифицировать людей. Юнг ранее теоретизировал на тему интроверсии и экстраверсии, но Роршах модифицировал терминологию Юнга, чтобы подчеркнуть различные способности психики, а не разные типы личности, — он писал об «интроверсивных» и «экстраверсивных» тенденциях, а не об интровертных или экстравертных людях. Человек, относящийся к типу Движения, необязательно интроверт, но обладал способностью им быть; Цветовой тип испытывал «тягу жить во внешнем мире за пределами себя», вне зависимости от того, поддавался он этой тяге или нет. Эти способности не отменяли друг друга, — почти каждый может обратиться как внутрь себя, так и к окружающему миру, хотя большая часть людей склонна применять в большинстве ситуаций один и тот же подход. Роршах неоднократно настаивал на том, что черта, пролегающая в различных его графиках, отделяя большее количество Дв-ответов от большего количества Цв, «не является резкой и непреодолимой границей, отделяющей два совершенно разных типа. Это, скорее, вопрос большей или меньшей степени... Нельзя сказать, что эти два типа контрастируют с психологической точки зрения сильнее, чем контрастируют друг с другом движение и цвет как таковые». Все же тип восприятия показывал «не то, как человек живет или к чему он стремится... не то, *что* он проживает, но *как* он проживает».

Роршах, быть может, не помнил в точности содержания написанного им в юности письма к Толстому, но он осуществил заложенную в том послании мечту. «Способность видеть и преобразовывать окружающий мир, как люди Средиземноморья; способность осмысливать мир, как немцы, умение чувствовать его, как могут чувствовать только славяне, — смогут ли эти замечательные вещи когда-нибудь сплестись воедино?» Ответы Движения показывали, что мы даем пятнам жизнь (видя в них тот смысл, какой сами вкладываем); Формальные ответы демонстрировали, как мы обдумываем пятна (пропуская их через свой интеллект); Цветовые же ответы показывали, как мы чувствуем эти пятна (реагируя на них эмоционально). Роршах нашел способ свести эти силы вместе при помощи десяти карточек.

Хотя он и признавал, что «это всегда очень смело — пытаться делать выводы о том, как человек воспринимает жизнь, на основании результатов эксперимента», его уверенность и амбиции росли, и, поскольку вопрос с публикацией и так затянулся, не решившись ни в 1919, ни в 1920 году, Роршах позволил себе быть еще смелее. Он обобщил свои выводы в предположении, что «интроверсивные люди являются *окультуренными*, а экстраверсивные — *цивилизованными*». Он называл эпоху, в которой жил, экстравертной (научной и эмпирической), но чувствовал, что маятник уже качнулся обратно, в сторону «старых гностических путей интроверсии», сметая «дисциплинированные рассуждения» в пользу антропософии и мистицизма. Средневековые бестиарии, которые Роршах читал в свободное время, казались ему «прекрасными образчиками интровертного мышления, не связанного с реальностью, но то, как люди говорили тогда о животных, — это то, как они говорят о политике сегодня!».

Он подмечал, что «если вам известен тип восприятия образованного человека, вам нетрудно будет догадаться, кто его любимый философ: чрезвычайно интроверсивные люди увлекались Шопенгауэром, экспансивно амбитендентные — Ницше, ограниченные индивидуалисты — Кантом, а экстраверсивные личности — каким-нибудь модным авторитетом или христианской наукой и тому подобными вещами». Он предполагал, что ощущения движения связаны с самыми ранними детскими воспоминаниями, включая его собственные. Он связывал различные типы восприятия с конкретными психозами, заявляя, что интровертные психотики испытывают галлюцинаторные тактильные ощущения или слышат голоса внутри себя, в то время как экстравертные слышат голоса из окружающего пространства. После того как в Геризау прочитал лекцию в сопровождении слайд-шоу миссионер, вернувшийся с африканского Золотого Берега*, Роршахи пригласили его к себе, и Герман предположил, что кляксы могут быть использованы для исследования «психологии примитивных народов». Он рассуждал о философии цвета, заявляя, что синий является «любимым цветом тех, кто контролирует свои страсти» (его собственным любимым цветом был нежно-голубой). Он решился заняться анализом визуального искусства.

---

* Бывшая британская колония на побережье Гвинейского залива в Западной Африке, с 1957 года — независимое государство Гана. — *Прим. перев.*

Роршах подружился с кузеном Обергольцера, Эмилем Люти, психиатром и талантливым художником, который регулярно приезжал в Геризау на выходные из Базеля и скоро стал человеком, которому Роршах больше всего доверял в художественных вопросах. Прежде чем он оставил медицину и полностью обратился к искусству в 1927 году, Люти показал чернильный тест более чем пятидесяти разным художникам и прислал Роршаху самые интересные из полученных протоколов. Вместе они создали таблицу различных художественных школ и типов восприятия, который был свойствен их представителям. Роршах добавил свое типичное предостережение: «На самом деле каждый художник представляет свою собственную индивидуальность». Роршах и Люти позднее обсуждали идею разработки диагностического теста, основанного исключительно на цвете.

Пока Роршах постигал значения чернильных пятен, слава о его открытиях начала распространяться по свету. Роршах не был профессором, но студенты, обычно ученики Блейлера, приезжали в Геризау, чтобы трудиться там на общественных началах, в большей степени привлеченные возможностью поработать с доктором Роршахом, чем самой клиникой Коллера. Учитывая все обстоятельства, они дали Роршаху меньше помощи и поддержки, чем он был вынужден дать им. Но их интересы и стремления влияли на то, как он оформлял и преподносил свой тест.

Ганс Бен-Эшенбург начал работать медицинским ассистентом-добровольцем в августе 1919 года. Роршах ознакомил Бена как с идеями Фрейда, так и со своими собственными: «Кто бы ни хотел работать с Роршахом над его перцептивно-диагностическим тестом, он должен был сам сперва пройти “процедуру”, — вспоминала жена Бен-Эшенбурга. — Роршах разработал психограмму, которую он показывал вам и обсуждал с вами очень откровенно. Только после этого он посвящал вас в тонкости работы над его экспериментом». Бен затем начал использовать чернильные пятна для собственной диссертации.

Бен провел тест Роршаха с сотнями детей и подростков, выведя при анализе потрясающие предварительные результаты по возрасту и полу. «Четырнадцатый год жизни является ярко выраженным кризисным периодом», — писал Роршах в обобщении данных Бена. Личности подростков развивались более экстремально, девочки обычно склонялись к экстраверсии, а мальчики — к интроверсии, «слишком ленивые, чтобы впадать

в депрессию, но слишком возбудимые, чтобы быть по-настоящему ленивыми». Все же, заключил он, «даже когда мы имеем данные, полученные из 250 тестов, индивидуальные различия настолько велики — даже в этом возрасте, — что нужно иметь намного больше материала, прежде чем выводы смогут быть признаны фактами».

Публикация книги затягивалась, и то, что Бен в своих исследованиях поднимал более простые вопросы, означало, что именно диссертация Бена будет первым опубликованным источником об открытии Роршаха, и Роршах очень беспокоился о том, чтобы она была безупречна и производила хорошее впечатление. Когда Бен не справлялся с заданием, Роршах писал целые разделы диссертации сам. Невзирая на разочарование и потраченное время, совместная работа Роршаха и Бена помогла сделать более убедительные заявления о научной и общечеловеческой ценности его достижения, чем когда-либо раньше:

«Эксперимент очень простой — настолько простой, что поначалу он вызывает повсюду недоверие (интерес и недоверие, как ты сам видел много раз). И простота его резко контрастирует с невероятно широкими возможностями, которые он открывает. Это само по себе является еще одной причиной не доверять, так что не нужно возмущаться, когда ты сталкиваешься с недоверием. Поэтому твоя диссертация должна быть намного более полной, точной, определенной и понятной, нежели работа по другой теме, которая не связана с этими рисками. Я чувствую себя обязанным воззвать к твоим чувствам, и надеюсь, ты учтешь, что одна из лучших вещей, которыми может обладать человек, — это осознание того, что он смог привнести в научный арсенал что-то по-настоящему новое».

Таким завуалированным способом Роршах высказал, как сам относился к собственной работе.

Разработки всячески подстегивал Георг Рёмер, который познакомился с Роршахом в декабре 1918 года, будучи волонтером в региональной больнице Геризау, и был первым ассистентом-добровольцем в «Кромбахе» с февраля по май 1919 года. Рёмер работал в системе школьного образования в Германии и настаивал, что тест должен быть принят на вооружение в качестве средства измерения академических способностей. Роршах понимал, что это был бы огромный интеллектуальный триумф и, возможно, настоящий финансовый прорыв, однако его реакция была осторожной:

«Я тоже считаю, что эксперимент мог бы оказаться очень успешным в качестве теста способностей. Но когда я представляю некоего молодого человека, который, возможно, с младых ногтей мечтал о поступлении в университет, но был забракован по результатам эксперимента, провалив тест, — у меня перехватывает дыхание. Поэтому я должен сказать: эксперимент *может* быть подходящим для такого тестирования. Но, чтобы решить, подходит он или нет, он должен быть сперва скрупулезно исследован академиками, с использованием большой базы образцов, систематически, статистически, следуя всем правилам дисперсии и факторизации корреляций. Я думаю, что когда это произойдет, тогда, вероятно, станет возможным создание дифференцированного теста на пригодность. Не такого, который однозначно утверждал бы: врач или нет, юрист или нет, но такого, который показывал, стоит ли человеку, желающему стать врачом, заниматься теоретической или практической медициной, а тому, кто хочет стать юристом, подсказал, лучше ли ему работать юристом в области бизнеса или адвокатом. Также эксперимент должен быть совмещен с другими тестами. И что самое главное, — теоретическая база эксперимента должна быть подготовлена более тщательно, поскольку было бы неправильным применять столь решительные меры, основываясь на тесте, не имеющем чрезвычайно крепкой теоретической базы.

Диссертация доктора Бена показывает, что этот тест нельзя применять слишком рано. Например, мальчики в возрасте пятнадцати-шестнадцати лет демонстрируют заметно плохие результаты, а дальнейшие исследования — от семнадцати до двадцати одного года, возможно, и старше — должны быть подвергнуты анализу, чтобы выяснить, стабилизируются ли результаты по достижении зрелого возраста... Все это требует огромной работы».

Глаза Рёмера горели энтузиазмом, он даже изготовил тайком набор собственных чернильных пятен, но Роршах настаивал на должной осмотрительности, а попутно предвосхитил большинство возражений, с которыми его тест столкнется в наступающем веке. Он признавал, что «тестирование человека, который не догадывается о том, что его тестируют, это основание для серьезного протеста», в особенности если это приведет к реальным последствиям. Это было бы то же самое, что обманывать людей, заставляя их свидетельствовать против самих себя. Тем не менее он надеялся, что тест будет использоваться с благими намерениями: «Пусть тест обнаружит больше

истинных скрытых талантов, чем ошибочно выбранных карьер и иллюзий. Пусть он освободит больше людей от страха перед психозом, чем заставит испытывать такой страх. Пусть он принесет в мир больше облегчения, чем сложностей!»

Рёмер годами засыпал Роршаха письмами, получая в ответ длинные послания о лежащей в основе чернильного эксперимента теории, а также о ее связи с Юнгом, Фрейдом, Блейлером и разными другими мыслителями. Роршах работал как над новыми идеями, так и над такими, которые он впоследствии убрал из своей книги либо с целью упрощения материала, либо потому, что они были недостаточно эффективны; позднее их автором был объявлен Рёмер. Многие из ночных посиделок Германа у печатной машинки, служивших причиной его скандалов с Ольгой, были проведены за написанием его пространных ответов на вопросы Рёмера. Но Роршах поощрял его: «Твои вопросы кажутся мне чрезвычайно интересными, пожалуйста, присылай еще».

Младшая коллега, с которой он сошелся ближе всего, работала в другой области. Марта Шварц трудилась врачом-волонтером в Геризау в течение семи месяцев. Темой ее диссертации была кремация — очень далеко от психиатрии, — но она была человеком высокой культуры и долгое время колебалась, выбирая между медициной и литературой. Роршах заметил ее широкие интересы и стал не только давать ей полезные советы по поводу устройства быта в Геризау, но вскоре и поручать работы, связанные с психиатрией. Он подверг ее чернильному тесту, а вскоре она уже проводила для него тесты с другими людьми. Одного из них Роршах назвал «самой интересной находкой из всех, что у меня когда-либо были», и есть основания полагать, что именно этот случай был обозначен в его книге как «Пример 1». Марта проводила очень тщательные физические обследования пациентов, — этой практикой в то время обычно пренебрегали. Она сказала Роршаху: «Врач может установить совершенно другие отношения с пациентами, если он изучит их тела».

Еще один студент, Альберт Фюррер, который научился тесту у Роршаха весной 1921 года, начал тестировать военных снайперов. Роршах нашел эту ситуацию забавной: «Один мой знакомый проводит эксперимент в казармах, тестируя очень плохих и очень хороших стрелков. В наше время психологические тесты пользуются большой популярностью!» Но проводить со снайперами тест на восприятие имело смысл, чтобы понять, как они видят детали, как сканируют неоднозначное

визуальное поле, степень, с которой они реагируют на интерпретацию того, что воспринимают. Элитный снайпер должен контролировать свою восприимчивость, подавлять любые физические реакции на чувства или эмоции. Когда Фюррер протестировал чемпиона мира по снайперской стрельбе Конрада Стахели (сорок четыре индивидуальных медали и шестьдесят девять медалей всего в мировых состязаниях, включая три золотых и бронзу на Олимпиаде 1900 года), оказалось, что тот обладает поистине впечатляющей степенью контроля. Были и другие интересные открытия: выполненный Роршахом обзор солдатских результатов позволил ему понять, «как сильно военная служба видоизменяет тип восприятия человека, подавляя Движение и выдвигая на передний план Цвет», что «вызвало некоторые сомнения в моей прежней установке, что тип восприятия является относительно постоянным». Роршах не мог не отметить: «То, что сперва мы проверяли таланты школьников, а потом меткость солдат, в каком-то смысле даже комично».

Ни один из этих побочных экспериментов не значил бы так много, если бы ему удалось, в конце концов, опубликовать тест в издательстве. Но даже из сопротивления издателей Роршаху удалось извлечь выгоду, — в затянувшемся ожидании их ответов он стал лучше понимать уникальную ценность своего набора изображений и осознал, что должен настоять на том, чтобы они были опубликованы в цвете и полном размере. «Суть не в том, чтобы просто проиллюстрировать книгу, а в том, чтобы сделать возможным для каждого, кто заинтересован в моей работе, проводить эксперименты с помощью этих изображений... и крайне важно, чтобы это были именно *мои* изображения».

Ранее он скромно приглашал читателей делать собственные изображения и поощрял создать наборы чернильных пятен как Бена-Эшенбурга, так и Рёмера, — но их версии не работали. Эмиль Люти был единственным, кого Роршах продолжал поддерживать, но Люти сдался: как настоящий художник он понял, что создать кляксы, которые вызывали бы эмоциональные реакции при помощи как движения, так и цвета, сложнее, чем казалось. Роршаху удалось создать нечто такое, что невозможно было повторить, и, в конце концов, он и сам осознал этот факт: «Попытки провести эксперимент с новыми таблицами требуют очень большого количества работы; очевидно, что взаимоотношения между Движением и Цветом в моей подборке работают особенно хорошо, и их совсем не просто воссоздать».

Даже после эссе 1918 года и лекций 1919 года он не мог написать свою окончательную версию — до тех пор, пока не знал, будет ли эта книга предназначена для нужд психиатрии, образовательных целей или адресована широкой аудитории, а также сможет ли он опубликовать ее с полноразмерными или уменьшенными изображениями, или вовсе без них. Он обратился за помощью к пастору и психоаналитику Оскару Пфистеру, сооснователю Швейцарского психиатрического общества, который также настоятельно рекомендовал Роршаху опубликовать краткую, популярную версию его исследования сект. В конце концов, после того как порекомендованный Пфистером издатель тоже отказался, пристанище для книги нашел коллега Роршаха по Вальдау, Вальтер Моргенталер, — он свел Германа со своим собственным издателем, Эрнстом Бирхером.

К тому времени, как эта плотина, наконец, прорвалась, Роршах изложил структуру книги в письме к Моргенталеру, написанном четырьмя днями ранее. Книгу он закончил быстро: 267 рукописных страниц, 280-страничный машинописный черновик, с апреля по июнь 1920 года, в течение «долгой сырой весны в Геризау».

В конце 1919 года он рассуждал о том, что в возрасте с тридцати трех до тридцати пяти лет человек становится особенно предрасположен к интроверсии, это такое время, когда люди обращаются внутрь себя и начинают заниматься глубоким самоанализом. Он упоминал Христа, Будду и Святого Августина, — все они в возрасте тридцати трех лет отвернулись от мира, так же как и основатели сект, которые он исследовал. Бинггели и Унтернарер начали испытывать мистические видения как раз в этом возрасте. «В гностической традиции, — отмечал он, — человек считается готовым по-настоящему обратиться внутрь себя лишь после того, как ему исполнится тридцать три». Не ускользнуло от него и то, что его собственные годы с тридцати трех до тридцати пяти — с конца 1917 по 1920 год — пришлись как раз на тот период, когда он разрабатывал чернильный тест. Эта фаза подходила к концу, и настало время дать о себе знать внешнему миру.

Однако прошло еще несколько месяцев, прежде чем Роршах, наконец, узнал, что Бирхер согласен опубликовать таблицы, потом еще несколько месяцев переговоров перед заключением контракта, и еще больше — в ожидании публикации после того, как договор был подписан, и Роршах ждал, что книга может выйти в любой день. Первое письмо Бирхера к Роршаху

было подписано «Доктору О. Рорбаху» — не очень хороший знак. Роршах написал своему брату в Бразилию, сказав, что ему нужен практический совет от бизнесмена, — но безрезультатно.

Спустя много времени после даты публикации, обозначенной в контракте, Бирхер написал Роршаху, чтобы сообщить, что книга будет напечатана другим шрифтом, чем прочие книги в серии, поскольку все еще печатался труд Моргенталера, и соответствующая форма была занята. Другими словами, Бирхер еще даже не начинал. Роршах мог подать на него в суд, но это лишь еще больше затянуло бы процесс издания. Через два месяца Бирхер сказал, что в книге Роршаха так много заглавных букв «Ф», что книгопечатные станки вышли из строя (в немецком языке литера F употребляется реже, чем в английском, но книга Роршаха действительно была их полна: «Форма» сокращалась до «*F*», а аббревиатура от слова «Цвет» — в немецком «*Farbe*» — выглядела как «*Fb*»). По этой причине в конце концов первый раздел книги Роршаха пришлось напечатать отдельно, чтобы освободить форму.

Все это затормозило исследования Роршаха, поскольку пока чернильные пятна находились у издателя в литографическом, а затем печатном цеху, ни у него, ни у его коллег не было изображений, которые могли быть использованы в дальнейших экспериментах. Как раз в то время, когда он получил доступ к растущему кругу частных пациентов, а также коллег, которые снабжали его протоколами для слепых диагнозов, сбор данных остановился. Там, где было можно, он продолжал опыты с «параллельным набором», но в большинстве случаев для полноценной работы были нужны оригинальные кляксы, так что его письма того периода наполнены просьбами вернуть его единственный и неповторимый набор. Несмотря на мольбы к издателю отпечатать изображения раньше или по крайней мере прислать ему пробные оттиски, он не получил набора вплоть до апреля 1921 года, да и тот был с ошибками. Пригодные для использования изображения прибыли лишь в мае 1921 года.

Письма Роршаха к Бирхеру, написанные в процессе подготовки и печати книги, проливают свет на многие аспекты теста, которые Роршах считал важными. В одном из писем разъясняется, что, если размер изображений придется уменьшить, расположение фигур в общем пространстве карточек должно точно соответствовать такому же соотношению в оригиналах, поскольку «изображения, которые не удовлетворяют

этим условиям пространственного ритма, отвергаются большим количеством испытуемых». Должны были быть пропечатаны даже крошечные разводы по краям форм, потому что «есть испытуемые, которые склонны интерпретировать в основном именно эти детали, что имеет огромную диагностическую важность». Роршах настаивал, что на передних сторонах карточек не должно быть нумерации, поскольку «любого признака преднамеренности — даже номера — достаточно, чтобы оказать неблагоприятное воздействие на психически больных испытуемых». Согласовывая оттиски, он отмечал, что использованный в них изначально темно-синий цвет был слишком слабым и что репродукции должны показывать «тончайшие переплетения и разводы красок и чернил»; еще одну страницу он отверг со словами: «Не нужно зернистости, она слишком сильно влияет на схему».

Вверху: обработка — заметки Роршаха на оттисках из печатного цеха. Он вымарал лишние очертания, чтобы создать образ летучей мыши на карточке V: «Уберите перечеркнутые формы меньшего размера; отцентрируйте изображение летучей мыши в прямоугольнике. Остальное годится для печати. Доктор Роршах». *Внизу:* окончательный вариант карточки V.

Невозможно установить, насколько проволочки с Бирхером были, прямо или косвенно, виной Моргенталера, но он часто давал Роршаху советы, демонстрирующие недостаток понимания. Например, Вальтер рекомендовал ему опубликовать изображения уменьшенного размера. К лучшему или к худшему, когда Роршах захотел дать своей главной работе не слишком привлекательное название «Методы и результаты эксперимента в диагностике восприятия (интерпретация случайных форм)», именно Моргенталер отговорил его от этого решения. Чернильные пятна были «больше, чем просто экспериментом», настаивал Моргенталер в августе 1921 года, и касались намного более широкого спектра явлений, чем одна лишь диагностика восприятия. Он предложил название «Психодиагностика».

Роршах сперва отказался. Настолько всеобъемлющий термин «заходит слишком далеко, как мне кажется». Диагностика психики казалась «почти мистической», особенно на той ранней стадии, предшествовавшей масштабным контрольным экспериментам со здоровыми людьми. «Я уж лучше скажу слишком мало на обложке, чем слишком много, — возразил он, — и не только из скромности». Когда Моргенталер настоял, что он должен расцветить название, — никто не дал бы хороших денег за «эксперимент в диагностике восприятия», — Роршах «неохотно» согласился, хотя и продолжал думать, что новое название выглядит «невероятным хвастовством», и использовал свою изначальную, длинную и прозаическую версию в качестве подзаголовка. Возможно, Моргенталер был прав насчет того, что книга нуждалась в лучшем маркетинге, но Роршах не хотел выглядеть как расхваливающий свой товар уличный торгаш.

«Психодиагностика» была опубликована в середине июня 1921 года, тиражом 1200 экземпляров. Друг Роршаха Эмиль Обергольцер был первым, кому выпала честь ее прочитать, и его отзыв был весьма вдохновляющим, особенно для человека, работавшего за пределами университетской среды и не имевшего официальной поддержки: «Я думаю, что это исследование и твои результаты являются самыми важными открытиями со времен публикаций Фрейда... В психоанализе формальные категории с давних пор считались не соответствующими методике — отчасти по внутренним причинам, — но в любом случае именно новые методы привносят прогресс. И каждый продуктивный прорыв на удивление прост». Оскар

Пфистер, который пытался помочь изданию как этой книги, так и исследованию Роршаха по вопросам сект, прислал еще один обнадеживающий ответ. Включавшее в себя развернутую метафору, в которой работы Роршаха сравнивались с его детьми, письмо было написано с характерной для хорошего пастора снисходительной доброжелательностью, но также лучилось восхищением:

«Дорогой доктор,

имея возможность оказать акушерское содействие при вхождении в мир вашего маленького новорожденного мальчика, я уже полюбил его. Он — энергичный, яркоглазый, маленький человечек исключительного происхождения, воспитанный и нешумный, способный оригинально и глубоко видеть окружающий мир. Основываясь на фактах и не будучи похожим на существующие теории о навязчивых неврозах, он являет собой чистую человечность как таковую, без помпезных манер и напыщенного самолюбования. Об этом маленьком человеке будут много говорить, и он привлечет внимание большого академического мира к своему отцу, который уже давно это заслужил. Моя глубочайшая, сердечная благодарность за этот драгоценный дар, и я надеюсь, что его младшая сестра, с ее познаниями о сектах, тоже скоро посетит меня! Всецело ваш, Пфистер».

После всех задержек чернильные пятна наконец-то увидели большой мир. Рёмер, который теперь был главой бизнеса и консультантом по вопросам карьеры в немецкой студенческой организации, привез горы протоколов от самых выдающихся ее участников, конформизм которых сильно удивил Роршаха: «Все они — будущие министры, политики и, так сказать, организаторы. Все оттенки спектра — от самых мягкотелых бюрократов до бесчинствующих Наполеонов. И все как один они — экстраверты. В политике так и должно быть?!»

Рёмер неустанно тестировал контуженных солдат и пенсионеров, плохо адаптированных к жизни на пенсии; той зимой он планировал протестировать Альберта Эйнштейна и знаменитого генерала Первой мировой Эриха Людендорфа, и даже руководителей Веймарской Республики.

Первые отзывы о тесте были в основном положительными. На первой конференции, где Роршах представил тест после публикации в ноябре 1921 года, Блейлер встал во время обсуж-

дения, чтобы заявить, что он может подтвердить эффективность методики Роршаха, основываясь на опытах, проведенных как с пациентами, так и с людьми со стороны. По завершении мероприятия сияющий Роршах подошел к Моргенталеру: «Что ж, получается, теперь мы вышли из наших темных лесов!» Он видел это так: «Блейлер выразил свое мнение публично, и, вполне очевидно, это пойдет во благо тесту. Появилось несколько рецензий, пока что только положительных, даже слишком положительных. Я был бы рад даже встретить некоторое сопротивление, поскольку у меня мало возможностей поучаствовать в устном обсуждении». Все что угодно было лучше, чем его уединенная работа в Геризау.

Вскоре появилась и критика. После нескольких рецензий в психологических журналах, которые по большому счету были весьма поверхностными, первая, где тест рассматривался более детально, была нарочито двусмысленной. Рецензия, написанная в 1922 году Артуром Кронфельдом, начиналась с того, что автор назвал Роршаха «изобретательным человеком, психологом с прекрасной интуицией, но, говоря откровенно, ограниченным экспериментальным/методологическим видением». Он нашел открытия Роршаха в области характера и восприятия весьма убедительными. Однако основанный на цифрах подход Роршаха к подведению результатов теста был «неизбежно слишком грубым и приблизительным», в то время как трактовки Роршаха выходили далеко за пределы истинных результатов теста, как бы сильно он ни старался «выдавить» свои находки из ответов испытуемых. Лично знавший Роршаха Людвиг Бинсвангер, первопроходец в области экзистенциальной психологии, оценил его работу намного выше — как ясную, проницательную, объективную, дотошную и оригинальную. Но он подверг критике тот факт, что в книге было слишком мало теоретических обоснований. Этот недостаток Роршах и сам прекрасно понимал. В конце концов, было недостаточно объяснить, что чернильные пятна работают, не объяснив, как они работают и для чего.

В мире немецкой академической психологии тест был встречен уже с предельным скептицизмом. В апреле 1921 года, на первом после войны собрании немецкого Общества экспериментальной психологии, Рёмер выступил с лекцией о чернильном тесте, представив модифицированную им версию с его собственными кляксами, предназначенную для образо-

вательного тестирования. Влиятельный и популярный Уильям Штерн, который двадцатью годами ранее стал первым академическим психологом, написавшим рецензию на «Толкование сновидений» Фрейда (он ненавидел эту книгу), поднялся, чтобы сказать, что ни один тест никогда не сможет расшифровать или диагностировать человеческую личность. Подход Роршаха — точнее, в данном случае Рёмера — «был искусственным и односторонним, его трактовки — произвольными, его статистика — недостаточной». Сам Роршах никогда не утверждал, что его тест следует использовать изолированно, о чем Рёмер знал из их переписки, и он был глубоко раздражен тем фактом, что Рёмер выступил в роли его представителя, «предложив необязательные изменения еще даже до выхода моей книги». Он попросил Рёмера отступить: «Многочисленные и отличающиеся друг от друга наборы чернильных пятен могут привести только к недоразумениям! Особенно со Штерном!» Роршах считал, что даже сам Штерн стал «менее неприступным», после того как прочитал копию его настоящей книги, но ущерб репутации уже был нанесен, и тест Роршаха никогда не получил широкого признания в Германии.

Однако Роршах уже искал себе плацдармы за пределами Европы. Чилийский врач, работавший волонтером в Геризау, планировал перевести «Психодиагностику» на испанский, но Роршах знал, что «Северная Америка, несомненно, была бы более значима. Они там почти настолько же заинтересованы в глубинной психологии, как и в тестировании профессиональной квалификации». Фрейд, рассуждал Роршах, «не делал в Вене практически ничего, кроме проведения “учебных анализов” для американцев», которые хотели заняться практикой. «Естественно, будет очень выгодно, если американцы заинтересуются моей методикой». Тем временем английское издание *Psychoanalytic Journal* и ряд психологических журналов в Америке планировали развернутые рецензии.

И наконец, Роршах хотел поставить чернильный тест на службу антропологических интересов, прежде всего в своей работе, касающейся сект. В «Психодиагностике» у него был только один пример расовых или этнических различий, о которых можно было рассуждать: сравнение интровертных бернцев, медленных в речи и талантливых в рисовании, с экстравертными, остроумными, более активными физически жителями Аппенцелля (меньше Дв, больше Цв). Однако он продолжал

заниматься этнографическими и связанными с сектами исследованиями, делая обзоры на эту тему для журнала Фрейда. Он и Обергольцер обсуждали перспективы тестирования населения Китая. Роршах сумел попасть в гостиничный номер к Альберту Швейцеру после лекции и протестировал его — «один из самых рационалистских профилей» и «дичайший случай подавления цвета», который Роршах когда-либо видел. Предположительно после этого Швейцер согласился проводить тесты Роршаха в подконтрольных ему африканских миссиях, — этим занимался один из его знакомых африканцев.

«Все же намного больше пока находится в стадии эксперимента, — писал Роршах в длинном письме к Рёмеру в день, когда издатель наконец прислал ему его книгу, — не говоря уже о более или менее приемлемом теоретическом обосновании. И конечно, есть другие факторы, сокрытые в результатах, которые имеют немаловажное значение, нам нужно просто отыскать их».

На момент, когда «Психодиагностика» была опубликована в 1921 году, книга не только представляла собой предварительную версию, но уже год как устарела, — это был фактически слепок мыслей и стремлений Роршаха из весны 1920 года. Это была бы совсем другая работа, будь она написана двумя годами раньше или позже. Но одна вещь в ней, безусловно, прошла испытание временем. «Психодиагностика» была выпущена в двух частях: книга и отдельная коробка, содержавшая чернильные пятна. Изначально изображения были напечатаны на листах бумаги, чтобы покупатель смог самостоятельно сделать из них карточки; в позднейших изданиях изображения печатались сразу на картонных карточках. Это были те самые десять клякс, которые все еще используются в наши дни.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ПСИХОЛОГИЯ, КОТОРУЮ ОН ВИДИТ, — ЭТО ЕГО ПСИХОЛОГИЯ

Роршах постепенно налаживал в Геризау свою частную практику, каждый день выделяя час или два под сессии психоанализа с клиентами, имевшими широкий спектр проблем и комплексов. Один пациент, «импульсивный и ребячливый, несмотря на то, что ему было за сорок», заставил Роршаха усомниться в том, что это стоящее занятие: «Я больше никогда не стану связываться с такими невротиками, как этот. Он практически способен сожрать вас».

Был один коллега, который прошел чернильный тест и нашел этот опыт настолько впечатляющим, что попросил Роршаха провести с ним терапию. Роршах неохотно согласился на четырехнедельный пробный период, но, как он написал, «Я должен обращать больше внимания на свой эксперимент»:

«Пациент интерпретировал красное животное на карточке VII как “Европа на спине быка, несущего ее через Босфорский пролив”. То, что он выделил Европу из очертаний быка, — уже сильный знак; то, что в его трактовке содержатся два Цветовых ответа, — знак еще более сильный. Босфорский пролив отсылает к синему цвету, а “бык” для пациента плотно ассоциируется с красным. Но на момент, когда я получил эти ответы, я не представлял, что в его ответе важен целый массив определяющего отклик содержимого, я понял это лишь потом. Бык — это сам человек, и здесь присутствует обыгрывание садомазохистских фантазий, чувство жертвенности и самая безумная мания величия: он “несет всю Европу на своей спине”, все это здесь. Что ж, по крайней мере в этом отношении я кое-чему научился».

Применяя тест к все более широкому кругу людей, он начал отдаляться от того, что написал в «Психодиагностике»: тест

«не может измерить бессознательное». Он начал склоняться к мысли, что истинные открытия таятся именно в том, *что* люди видят в чернильных пятнах, а не в том, *как* они видят.

«Содержание ответов также может иметь значение».

Роршах, кажется, понял, что если он хочет, чтобы его открытия стали частью официальной психологической мысли XX века, то ему нужно подчеркнуть связь между чернильным экспериментом и психоанализом. Сведя эти вещи вместе, он смог бы придать тесту по крайней мере что-то вроде теоретического обоснования, а также смог бы расширить его значимость за пределы своей специфической «психодиагностики», что обогатило бы фрейдистскую мысль новыми формальными и визуальными идеями.

Такие модели человеческого разума, как модель Фрейда, известны как «динамическая психиатрия», поскольку они в большей степени фокусируются на эмоциональных процессах и психических механизмах, скрытых «движениях» разума, чем на симптомах и поведении, которые могут быть выявлены путем наблюдения. К 1922 году Герман Роршах практиковал настоящую динамическую психиатрию, отслеживая самые тонкие движения сознания, воспринимающего мир. Он улучшал и совершенствовал свой инструмент.

В том году Роршах записал на бумаге одно из самых виртуозных исполнений теста. Обергольцер прислал ему протокол для слепой диагностики, сообщив только пол и возраст пациента (мужчина, сорок). Анализ Роршаха, записанный в виде лекции для Швейцарского психоаналитического общества и озаглавленный «Тест интерпретации форм применительно к психоанализу», сперва на двадцати страницах детально описывал протокол пациента, давая советы по поводу того, как кодировать каждый ответ и как действовать, чтобы получить интерпретацию. Нельзя сказать, что этим советам было просто следовать, поскольку сам Роршах, в отличие от его аудитории, очень тонко чувствовал то, как ритмика ответов пациентов демонстрирует их способ восприятия мира: что они замечают, что они игнорируют, что подавляют, как двигаются в процессе прохождения теста. В собственном анализе ему также был нужен определенный сбалансированный ритм: «До настоящего времени мы обращали слишком много внимания на интровертные черты нашего пациента и пренебрегали его экстравертной стороной».

Пациент Обергольцера давал ответы Движения позже, чем это обычно происходило в работе с последовательностью десяти карточек. Из этого Роршах сделал вывод, что мужчина обладал способностью к эмпатии (он мог давать Дв-ответы), но невротически подавлял ее (вначале он избегал Дв-ответов, даже видя карточки, которые явно их провоцировали). За ясными и отчетливыми Цветовыми ответами этого пациента следовали завуалированные, что Роршах определил скорее как сознательную борьбу за контроль над собственными эмоциональными реакциями, а не их бессознательное подавление. Роршах также отметил, что первые ответы этого человека на каждую карточку были неоригинальными и часто бессмысленными, но в итоге он стал давать поистине оригинальные, «четкие и убедительные» ответы. На карточке II он увидел *«Двух клоунов»*, добавив потом, что *«это может быть и широкая парковая аллея, по краям которой растут прекрасные темные деревья»*, и «*здесь есть красный — это огненный фонтан, от которого идет дым*». Это был человек, который «рассуждал индуктивно лучше, чем дедуктивно, конкретно — лучше, чем абстрактно», и делал попытки до тех пор, пока не находил нечто, казавшееся ему удовлетворительным. В то же время этот мужчина, казалось, не замечал типичных, обычных Деталей, и это свидетельствовало о том, что ему недостает элементарной адаптируемости, «ловкости ума практичного человека, который быстро схватывает самое необходимое и приспосабливается к любой ситуации».

Ключом к пониманию психологии этого человека было то, что он все время смотрел в центр карточек. На карточке III он увидел то, что видят многие другие люди, — двух раскланивающихся друг перед другом мужчин в шляпах-цилиндрах, но потом добавил: *«Кажется, что эта красная штука в центре являет собой силу, разделяющую две стороны, не давая им встретиться»*. Еще одна карта *«в целом производит впечатление чего-то могущественного в центре, к чему стягивается все остальное»*. И еще одна: *«Эта белая линия в середине очень интересна; это линия силы, вокруг которой группируется все остальное»*. Эти ответы, хоть их и невозможно было классифицировать, стали основой интерпретации Роршаха. Он не просто вычленил паттерн, но и пристально изучил его: каким было взаимодействие со срединной линией в каждом из ответов? Опирался ли центр на остальные части изображения, или окружение поглощало центр?

Пациент был интровертным невротиком, заключил Роршах, возможно, с обсессивно-компульсивным поведением, мучимый мыслями о собственной неадекватности и недоверием к себе; это были чувства, что заставляли его столь твердо сдерживать свои эмоции.

«Этот пациент часто придирается к себе, он недоволен своими достижениями; из-за потребности найти себе применение он легко выходит из равновесия, но потом восстанавливается. У него мало полного, свободного взаимопонимания с окружающим миром, и он демонстрирует сильную склонность идти своим собственным путем. Его преобладающее настроение и обычный для него скрытый поведенческий подтекст — раздражение, депрессия и пассивное неучастие, хотя все это и может быть взято под контроль благодаря его хорошим интеллектуальным способностям и приспособляемости. Его интеллект в целом хороший, сильный, оригинальный, в большей степени конкретный, нежели абстрактный, больше индуктивный, чем дедуктивный. Все же здесь есть противоречие, поскольку субъект демонстрирует слабое чувство очевидного и практического. Однако его эмоциональная и интеллектуальная самодисциплина и мастерство вполне очевидны».

Все это стало ясно благодаря чернильным пятнам. Обергольцер подтвердил сделанные Роршахом отдельные описания личности пациента и более обширные его предположения. Например, отношение пациента к тому, что он называл «центральной линией силы», совпадало с тем, что выявил анализ о его отношениях с отцом. «Я не смог бы дать лучшей характеристики этому пациенту, несмотря на то, что я анализировал его в течение нескольких месяцев», — писал Обергольцер.

Эссе Роршаха 1922 года предлагало способ интеграции его троицы — Формы, Движения и Цвета — во фрейдистскую теорию. Какие виды ответов проливают свет на бессознательное? Роршах считал, что Формальные ответы демонстрируют действие сознательных сил: точности, ясности, внимания, концентрации. Ответы Движения, с другой стороны, предоставляли возможность «заглянуть глубоко в бессознательное». То же самое, только другим способом, делали и Цветовые ответы. Абстрактные ответы, например «Нечто могущественное в середине», — возникали из глубин человеческой психологии, как и содержимое снов, которое способно обнажить внутреннюю работу сознания, если оно будет должным образом истолковано и проанализировано.

Другими словами, *была* разница в том, «понимал ли пациент красную часть карточки как открытую рану или видел в ней лепестки розы, сироп или ломтики ветчины». Но не было формулы, вычислявшей степень этой разницы, — «насколько содержимое таких интерпретаций относится к сознательному и насколько — к бессознательному». Иногда брызги крови — это просто брызги крови. Но порой Европа на быке была не просто Европой на быке. Роршах настаивал, что важность содержимого была «предопределена взаимосвязями между *формальными свойствами* и содержимым»: превалирование Движения или Цвета, Целого или Детального, ответы, относящиеся к той или иной части визуального пространства. Роршах подозревал, что один из пациентов одержим идеей «изменить мир», не просто потому, что мужчина видел в чернильных пятнах гигантские фигуры богов, но потому, что он «дал несколько абстрактных интерпретаций, в которых центральная линия и середина изображения вызывали отклики, являвшиеся вариациями одной и той же темы».

Никто другой из использовавших тест не сводил воедино форму и содержимое таким образом, как это делал Роршах. Георг Рёмер, к примеру, считал, что «тест Роршаха должен быть освобожден от своих жестких формальных рамок и воссоздан в виде символичного теста, основанного на содержимом». Он сделал несколько собственных наборов изображений, «более сложных и структурированных, более приятных для глаз и эстетически выверенных», выдержанных в тоне, от которого Роршах намеренно отказался (см. вклейку). Хоть Роршах и подтвердил, что они могут представлять ценность для определенного эксперимента, он настаивал, что они не являются полноценной заменой его работе:

«Мои изображения выглядят неуклюжими по сравнению с твоими, но мне пришлось сделать их такими после того, как я был вынужден отбросить многие ранние изображения, которые оказались менее полезны... На самом деле очень плохо, что ты собираешь данные, не пользуясь моими карточками. Если просто предположить, что Дв-возможности моих карточек дублируют аналогичные свойства твоих, — это не сработает. Есть много нюансов... Нельзя проводить тест в обход моих карточек, так не удастся получить надежную базу для типа восприятия и количества ответов Дв и Цв. Но должен отметить, что тест с твоим набором будет проще с эстетической точки зрения и, вероятно, расскажет больше о комплексах».

Говоря иными словами, «основанный на содержимом символичный тест» был, скорее, чем-то вроде фрейдистских свободных ассоциаций, где психиатр мог обращать внимание на то, что люди говорят, не акцентируясь на визуальных, формальных свойствах карточек. Люди могли придумывать свободные ассоциации к карточкам Рёмера так же, как и к чему бы то ни было другому. Но если бы Роршаху нужны были от его пациентов ассоциации, то он просто разговаривал бы с ними. Если бы он хотел раскрыть бессознательные комплексы, то проводил бы словесный ассоциативный тест. Десять чернильных пятен, с их уникальным балансом Движения, Цвета и Формы, делали больше. Пятна Рёмера, которым заметно недоставало движения, сделать этого не могли.

Самое главное, что имело значение в динамической психиатрии Роршаха, это Движение. В эссе 1922 года он описывал свой идеал психического здоровья в чрезвычайно динамичных выражениях: «Свободное сочетание ответов Движения, Формы и Цвета характеризует людей, которые свободны от комплексов». И снова: «Наиболее существенным является быстрый переход от Движения к Цвету — как можно более пестрое сочетание интуитивных, комбинаторных, сконструированных и абстрактных интерпретаций целого, где сперва с легкостью вычленяется цветное изображение цветка, а затем происходит как можно более быстрый возврат к движению... а также игривая или по крайней мере легкая манера говорить, откликающаяся на образы теста дружелюбно и непринужденно».

Роршах даже указывал, что динамично само возникновение идей в человеческом сознании. Чтобы получить идею, человек должен «обладать интуицией, затем выхватить идею из потока мыслей и принять ее как нечто цельное; он должен быть *способен быстро переключаться* от широкого к узкому» (курсив автора). Не имея фокуса, любая вспышка интуиции останется «поверхностной словесной шелухой, воздушным замком, который невозможно адаптировать в реальной жизни». Чрезмерно рациональная или строгая личность парализует интуицию. Эти хорошо известные истины «очевидно, не являлись новым вкладом», отмечал Роршах. «Что действительно ново — так это тот факт, что мы можем проследить за конфликтом между подавляющим сознательным и подавляемым бессознательным посредством теста», видя в действии, как компульсивная гиперкритичность пациента душит его продуктивную интуи-

цию и свободную внутреннюю жизнь. Чернильный тест давал больше, чем статичные результаты, — он позволял Роршаху проследить за динамическими процессами сознания.

Неподражаемость его собственных интерпретаций, наряду с неловкими попытками таких последователей, как Бен-Эшенбург и Рёмер, должна была заставить Роршаха задаться вопросом: а сможет ли кто-то, кроме него, надлежащим образом использовать чернильный тест? В то же время новая масштабная работа Карла Юнга не оставила ему иного выбора, кроме как взглянуть в глаза еще одной проблеме: как его личное видение может быть преобразовано в повсеместно применяемый тест? Или не может?

Книга Юнга «Психологические типы», опубликованная в 1921 году за месяц до «Психодиагностики», рассматривала два базовых человеческих подхода к жизни — интроверсию и экстраверсию. Юнг добавил четыре главные психологические функции: суждение о мире путем мысли, противопоставленной чувству, и восприятие мира через ощущения, противопоставленные интуиции. Эти категории могут казаться знакомыми — подход Юнга был впоследствии популяризирован в виде теста Мейерса — Бриггса. Вопросы о том, как мы судим о мире и воспринимаем его, были, разумеется, и центральной темой чернильного эксперимента. Но важность «Психологических типов» Юнга для Роршаха простиралась дальше этих вопросов.

Юнг писал об интроверсии и экстраверсии с 1911 года, и, в то время как Роршах адаптировал и модифицировал эти термины для чернильного теста, идеи Юнга тоже видоизменялись. Прочитав «Психологические типы», Роршах жаловался: «Юнг придумал уже четвертый вариант интровертности — всякий раз, когда он что-нибудь пишет, концепция снова меняется!» В итоге их определения сошлись, и заявление Роршаха, сделанное в «Психодиагностике», — что его концепция интроверсии «вряд ли имеет что-то общее с теорией Юнга, кроме названия», — больше не соответствовало действительности, поскольку оно касалось только версий юнгианской теории, опубликованных до 1920 года, когда Роршах еще только писал свою книгу.

Как и Роршах, Юнг отвергал статичное классифицирование результатов исследований и настаивал, что живые люди всегда являют собой сочетание типов. Юнг описывал, как одни части личности компенсируют другие, — например, люди, сознательные интроверты или мыслители, могли быть носителями бессознательной интроверсии или чувственности. В длин-

ных, проницательных описаниях взаимодействий в реальном мире он показывал, как поведение людей одного типа может быть верно или ошибочно истолковано другими, смотрящими на мир с точки зрения их собственных типов. Категории, предложенные Юнгом, предназначались не для того, чтобы присваивать поведенческие ярлыки, а для того, чтобы помочь разобраться в сложностях реальных жизненных ситуаций.

Суть, однако, состояла в том, что все люди разные. Когда Юнга спросили, почему он утверждает, что существует четыре типа, именно эти четыре, каждый в экстравертной или интровертной форме, он ответил, что эта схема была результатом долгих лет личного психиатрического опыта, — просто уж таковы люди.

Проблема, как написал Юнг в эпилоге к «Психологическим типам», заключалась в том, что любая теория о сознании «исходит из предпосылки, что человеческая психология единообразна и неизменна, как и научные теории в целом предполагают, что неизменна сама природа вещей». К сожалению, это не так, — не существует однородной человеческой психологии. Упомянув известный девиз «Свобода, равенство, братство» и проведя параллель с социализмом и коммунистической революцией в России, — аллюзии, которые определенно привлекли внимание Роршаха, — Юнг сделал решительное заявление, что равные возможности для всех, равная степень свободы, один и тот же достаток для всех, даже абсолютная справедливость любого рода сделают одних людей счастливыми, а других — несчастными. Если бы я правил миром, должен ли я дать Мистеру X вдвое больше денег, чем Мистеру Y, поскольку деньги значат для него очень много? Или не должен, поскольку принцип всеобщего равенства важен для Мистера Z? Что насчет людей, которым нужно унижать других, чтобы самим чувствовать себя хорошо, — как мы будем удовлетворять их нужды? Какие бы законы мы ни издавали, они «никогда не смогут преодолеть психологические различия между людьми». То же самое в науке, и в любой разнице мнений: «Партизаны из разных лагерей атакуют друг друга с внешней стороны, постоянно выискивая прорехи в “доспехах” противника. Дрязги такого рода обычно бесплодны. Большую ценность имела бы ситуация, в которой диспут перемещен в измерение психологии, откуда он и вырос. Смена позиции вскоре поможет увидеть разнообразие психологических подходов, каждый — с собственным правом на существование».

Всякая точка зрения «зависит от личной психологической предпосылки». Ни один теоретик «не понимает, что психология, которую он видит, — это его психология и, кроме того, это психология его типа. Поэтому он полагает, что может быть только одно правильное объяснение... именно то, которое соответствует его типу. Все прочие точки зрения — я бы сказал, все семь прочих точек зрения, которые, по-своему, столь же верны, как и его взгляды, — для него являются всего лишь отклонениями», по отношению к которым он ощущает «явную, но очень понятную неприязнь».

Проект «Психологических типов» начался как раз с примера несовместимых взглядов: в то время как Фрейд считал, что все вращается исключительно вокруг секса, а Альфред Адлер — что первопричиной всех процессов является стремление к власти, работа Юнга «выросла изначально из нужды определить направление, в котором мое видение проблемы отличается от видения Фрейда и Адлера... Пытаясь ответить на этот вопрос, я начал изучать проблему типов, поскольку именно психологический тип человека является тем фактором, что с самого начала определяет и ограничивает его суждения». В книге Юнг деликатно кружил вокруг своих собственных ограничений. Вопреки тому, что его проект имел все шансы стать чем-то вроде божественного прозрения, объясняющего все психологические типы, Юнг вновь и вновь признавал свою пристрастность. Он прямо сказал, что стремление к полной, всеобъемлющей теории является частью его собственной психологии; что Фрейд был, по-своему, настолько же прав, как и Юнг; что Юнгу понадобились годы, чтобы признать и оценить другие типы, отличающиеся от его собственного; что его суждения о других типах были предвзяты и недостоверны.

Как Юнг прекрасно знал, видеть глазами другого человека почти невозможно. «Это факт, который постоянно и в огромных количествах проявляется в моей практической работе», — писал он. Этот факт сейчас подтверждается практически в каждом комментарии в интернет-обсуждениях: «Люди действительно неспособны понять и принять точку зрения, которая отличается от их собственной... Каждый человек настолько заключен в рамки своего типа, что попросту не в состоянии понять другие взгляды».

Фундаментальность «Психологических типов» была результатом интуитивных и аналитических способностей Юнга в со-

четании с его растянувшимися на десятилетия попытками несмотря ни на что выйти за пределы себя.

Роршах согласился с фундаментальными тезисами книги, и это, как ничто другое, помогло ему сократить собственный путь наверх. Будучи начитанным в юнгианской философии, Роршах был приглашен рецензировать книгу «Психологические типы», и в апреле 1921 года он согласился. Но чем больше он изучал этот труд, тем меньше понимал, как задействовать в своей практике заложенные в нем идеи.

Эта книга представляет собой монструозный том, содержащий в буквальном смысле сотни страниц рассуждений об индийских Ведах, швейцарской эпической поэзии, средневековой схоластике, Гёте и Шиллере и о чем угодно еще, что только может послужить иллюстрацией, помогающей выразить два полюса человеческого опыта. «Я читаю Юнга со смешанными чувствами, — написал Роршах в июне. — Там есть много правильных вещей, определенно много, но они встроены в очень странную архитектуру». Пятью месяцами позже:

«Я сейчас перечитываю “Типы” Юнга уже в третий раз, но все еще не могу заставить себя начать работать над рецензией, которую мне нужно написать… В любом случае мне нужно существенно скорректировать мои прежние суждения о нем. В этой книге потрясающе много всего, и…пока что я не вижу способа противопоставить изложенную им дедуктивную структуру идеям Фрейда… Я вгрызаюсь в книгу, но, как только что-то начинает проклевываться, у меня возникают опасения насчет моих собственных идей».

Одна из его жалоб на изоляцию в Геризау была такой: «Я очень хочу провести долгую беседу с кем-нибудь о Юнге. В книге много хороших вещей, и мне чертовски сложно понять, в каком месте предположения начинают идти по ложной траектории». В январе 1922 года он все еще испытывал эти трудности: «Я вынужден согласиться с Юнгом, который разделяет сознательный и бессознательный подходы и говорит, что когда сознательный подход экстравертный, то бессознательный будет компенсаторно-интровертным. Конечно, такая терминология ужасна, эти формулировки жестко столкнули лбами, но вполне очевидно, что идея компенсации очень значима». Кроме того, Юнг уже говорил о том, что Роршах считал своей собственной, выделяющейся из общего ряда позицией: «Большинство случаев имеют как интроверсивные, так и экс-

траверсивные аспекты, каждый тип на самом деле несет в себе сочетание этих двух явлений».

«Психологические типы» заставили Роршаха заново обдумать свои идеи и свою собственную психологию. «Я думал поначалу, что типы Юнга являют собой чисто спекулятивную конструкцию, — поделился он мыслями с бывшим пациентом, пастором Бурри. — Но когда я, в конце концов, попытался вывести юнгианские типы из результатов своего собственного эксперимента, то увидел, что это возможно. Это значит, что мой собственный тип намного сильнее, чем я думал, удерживал меня в рамках предубеждения, когда я пытался сопротивляться идеям Юнга».

Признавая, что его реакция характеризовала некие черты его личности, Роршах смог не только проникнуть в самую суть теории Юнга, но также доработать свои собственные прежние идеи. В диссертации он писал: «Мое отношение к рефлекторно-галлюцинаторным процессам может показаться некоторым читателям субъективным — например тем, кто воспринимает мир аудиально (людям аудиального типа), — поскольку эти строки написаны человеком, который в собственной жизни первым делом опирается на моторику (то есть относится к моторному типу), а во вторую очередь — на зрительный опыт (визуальный тип)». В дневнике Роршаха, в записи от 28 января 1920 года, сказано: «Снова и снова мы сталкиваемся с тем фактом, что интроверты не могут понять, как думают и ведут себя экстраверты, и наоборот. И они даже не понимают, что имеют дело с другим типом личности». Теперь Юнг вывел эту проблему на передовую. Если идеи обусловлены собственной психологией теоретика, то возможна ли вообще какая-либо универсальная теория?

Юнг разделил мир на восемь отдельных мировоззрений, но структура Роршаха шла на риск еще более основательного релятивизма, разрушая унитарную истину в бесконечном разнообразии стилей восприятия. До появления «Психологических типов» Роршах мог использовать только собственный баланс различных качеств, чтобы писать о сложных хитросплетениях его чернильного эксперимента. Будучи блистательным интуитивным читателем протоколов теста, он также попытался придать результатам крепкую числовую основу. Он написал, что исследователь, склонный полагаться на ответы Движения или, наоборот, уделяющий им слишком мало внимания, будет испытывать трудности с тем, чтобы надлежащим образом вывести

результаты теста, но считал, что сам он способен соблюсти правильный баланс. Он всегда отказывался рассматривать ответы Движения или Цвета как что-то «лучшее» или «худшее». Книга Юнга заставила его осознать собственную пристрастность, даже, так сказать, «пристрастность беспристрастности».

В диссертации Роршах был вынужден признать, что психология, которую он описывал, была его психологией. Позднее, однако, он считал, что его чернильные пятна дают ему доступ к образу видения мира всех и каждого. Но искреннее принятие факта, что все на самом деле очень разные, уже не давало безапелляционно заявить, что он в любом случае способен преодолеть эти различия.

Пока Роршах боролся с Юнгом и со своими невротическими пациентами, его идеи продолжали развиваться, во многом касаясь того, во что эволюционирует тест в наступающем веке. Он отошел от предпосылки, что главными открытиями теста являются тип восприятия и баланс между интроверсией и экстраверсией. Он стал обращать более пристальное внимание на манеру разговора испытуемых: была она лихорадочной и принужденной или спокойной и расслабленной. Он поднял вопросы, которые вызвали целое столетие обсуждений: влияет ли личность испытателя на результаты теста; выявляет ли тест неизменные личностные черты или же отражает лишь настоящую ситуацию в жизни испытуемого и его текущее настроение; делает ли стандартизация тест более надежным или просто более структурированным; должны ли ответы обрабатываться по отдельности, или их нужно рассматривать в контексте всего протокола? «Мой метод все еще находится в стадии детства», — писал Роршах 22 марта 1922 года. «Я полностью убежден, что после того, как будет накоплен достаточный опыт проведения тестов с основным набором чернильных пятен, откроются пути к созданию новых, более специализированных пятен, которые, несомненно, позволят делать более разнообразные выводы».

Его подход оставался осторожным. Заметно, писал он, что испытатели влияют на содержимое ответов в большей степени, чем на формальные аспекты протокола, «но, конечно, систематическое изучение данного вопроса крайне необходимо». Получение количественных данных существенно даже при комплексном подходе: «Следует сохранять целостный взгляд на весь объем выводов, чтобы не запнуться на оценке одной отдельно взятой переменной, но даже после большого опыта

и многолетней практики я считаю совершенно невозможным получить определенную и надежную интерпретацию, не выполняя расчетов». Должен ли испытатель свободно трактовать результаты на собственное усмотрение или быть привязанным к более-менее жестким формулам, — «дилемма, которая часто возникает при использовании этого теста». Роршах встал на сторону научной объективности: «Вся моя работа показала, что в случае, когда ситуация сама по себе не ясна, лучше пользоваться методом жесткой систематизации, чем допускать произвольные толкования».

Новые открытия продолжали его удивлять. Когда очередной ассистент-волонтер в Геризау начал проводить тест с пациентами клиники для глухонемых в Санкт-Галлене, Роршах ожидал, что глухонемые станут давать много кинестетических ответов, но «это ожидание оказалось ложным, — они главным образом визуально истолковывали мелкие детали, почти не давая Дв-ответов!». Опираясь на прошлый опыт, это было «очень понятное, но все же неожиданное открытие». Из этой и других похожих находок он сделал вывод, что было еще рано пытаться выстроить теорию для объяснения чернильного теста. Лишь после углубленного опыта с более широким спектром пациентов правильная теория «встанет на свое место сама по себе».

Рёмер организовал конференцию в Германии с Роршахом в роли главного докладчика, чтобы дать ему возможность познакомиться с зарубежными коллегами и поделиться своими новыми идеями. Провести ее планировалось в начале апреля 1922 года, ближе к Пасхе. 27 января Роршах написал Рёмеру, что не будет участвовать: «Я снова и снова думал об этом и в конце концов решил, что будет лучше остаться дома. Это большое искушение, но сначала я хотел бы обрести чуть большую уверенность насчет некоторых аспектов, — многое на данный момент еще нестабильно. Конечно, всегда будет что-то, находящееся “в процессе разработки”, даже если я проработаю над этим еще сто лет, но есть несколько вещей, которые по-настоящему меня беспокоят, и я не могу освободиться от этих интровертных колебаний, что бы я ни думал об их природе». Он хотел ознакомиться с исследованиями других людей и был особенно нерешителен в том, чтобы делать какие-либо заявления о тестировании способностей, на чем настаивал Рёмер. «Прости меня, — писал Роршах, — и, будем надеяться, что скоро появится другая возможность».

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

НА ПОРОГЕ ЛУЧШЕГО БУДУЩЕГО

Март 1922 года был холодным и снежным. Весенние снежные бури покрыли Швейцарию белым саваном, особенно в гористой местности вокруг Геризау. В воскресенье 26 марта у Роршаха был выходной, и они с Ольгой отправились в Санкт-Галлен, чтобы посмотреть постановку «Пера Гюнта» Ибсена. Наутро Герман проснулся с болью в желудке и легкой лихорадкой. На следующей неделе он умер.

Ольга сказала, что из-за болей в животе не стоит беспокоиться, — друзья Германа осуждали ее за это даже десятилетия спустя. Недалекий доктор Коллер сказал то же самое: всего лишь боль в животе, само пройдет. Вызванный из Санкт-Галлена врач, доктор Цолликофер, решил, что причина — камни в желчном пузыре, и порекомендовал пить побольше жидкости. Бен-Эшенбурги видели, как в течение той недели Роршах ходил по коридорам, согнувшись почти пополам. «Что-то серьезно не так», — сказал он, но Ольга отказалась что-либо делать. Она думала, что это отравление никотином, — с Германом такое уже случалось раньше, и он испытывал настолько сильную боль, что ему приходилось держаться за перила, чтобы не упасть с лестницы. Незадолго до этого домработница Роршахов обожгла палец и не могла заниматься домашними делами, поэтому Ольга заставила Германа делать это. У прислуги началась инфекция, и девушку пришлось госпитализировать, что привело к конфликту Роршаха с врачом, поэтому Герман сейчас не хотел вновь беспокоить его. Марта Шварц, опытная медсестра, с которой дружил Роршах, уехала из Геризау; более сорока лет спустя, все еще опечаленная трагическим событием, она настаивала, что если бы она была тогда в Геризау, Роршах не умер бы.

В конце концов Ольга вызвала из Цюриха Эмиля Обергольцера, который поспешил в Геризау, взяв с собой врача Пауля фон Монакова, сына того самого доктора Константина фон Монакова, который не смог спасти отца Германа, Ульриха. Обергольцер сразу понял, что у Германа аппендицит, и вызвал из Цюриха хирурга, но из-за снежных буранов тот заблудился и вместо Геризау приехал в город, находившийся на расстоянии пятнадцати миль. К больному он прибыл с опозданием и уставший, — существенная задержка в сложившейся ситуации. Герман стонал в уборной, за окном продолжал падать снег. Скорая помощь доставила его в больницу в 2:30 ночи, уже полумертвого. Он скончался в операционной в 10 утра 2 апреля 1922 года от перитонита, вызванного разрывом аппендикса.

Ольга написала Паулю в Бразилию, сообщив шокирующую новость и подробности последних дней Германа:

«Он неожиданно сказал мне: “Лола, я не думаю, что выживу”... Он говорил о своей работе, своих пациентах, о смерти, обо мне и нашей любви, о тебе и Регинели, его дорогих людях! Он сказал: “Попрощайся с Паулем вместо меня, я так хотел бы его увидеть”, — и зарыдал, когда сказал это, а потом: “В каком-то смысле это прекрасно — покидать мир в середине жизни, но это *горько*”. “Я сделал свою часть, теперь пусть другие сделают свое” (он имел в виду свою научную работу)».

Из ее писем становится ясно, что даже на грани смерти Герман доверял чужим мнениям о себе больше, чем своему собственному.

«Он сказал мне: “Скажи, каким человеком я был? Знаешь, когда живешь свою жизнь, не очень задумываешься о душе, о себе самом. Но когда умираешь, хочется это знать”. Я сказала ему: “Ты был благородным, верным, честным, одаренным человеком”. Он: “Клянешься?” “Клянусь”, — сказала я. “Если клянешься, то я в это верю”. Затем я привела детей, он поцеловал их и попытался посмеяться вместе с ними, потом я увела их прочь.

Внимание, которое мы ему оказывали, помогало Герману чувствовать себя более свободно и уверенно. Но он все еще вел себя скромно и просто. Он даже выглядел лучше! Освеженный, в хорошем настроении. Я всегда говорила: “Мой красавчик-муж! Знаешь ли ты, какой ты прекрасный, симпатичный человек?”, а он лишь смеялся и отвечал: “Я рад, что я такой в твоих глазах, мне неважно, что думает кто-либо еще”».

Она писала о его радости отцовства, как после «столь многих потерь, которые Герман перенес, когда был молод, он хотел дать своим детям “золотое детство”, и он мог это сделать благодаря своему яркому уму и прекрасному характеру». И, что бы она раньше ни думала о работе Германа, теперь, снедаемая виной за то, что недостаточно его ценила, когда могла, она сформировала образ мужа и пронесла его вплоть до самой смерти, которая настигла ее сорок лет спустя:

«Ты знал, что он был новой, поднимающей голову силой в науке? Его книга вызвала переполох. Люди уже работали по “методу Роршаха”, говорили о “тесте Роршаха” и об изобретенных Германом первоклассных блестящих идеях новой психологии... Его друзья-ученые сказали, что его смерть была невосполнимой утратой. Он был самым талантливым психиатром в Швейцарии! Он поистине был высокоодарен, я это знаю. В последнее время он просто фонтанировал новыми идеями и мыслями, он хотел включить в свою теорию абсолютно все...

Я чувствовала, что мы стоим прямо на пороге лучшего будущего, — а теперь он ушел».

Оскар Пфистер, который оставался другом и соратником, «пораженным» способностями Роршаха, написал 3 апреля Зигмунду Фрейду, чтобы сообщить, что «вчера мы потеряли нашего самого способного аналитика, доктора Роршаха. У него был на удивление ясный и оригинальный ум, он страстно желал анализировать сердце и душу, а его “диагностический тест”, который, возможно, лучше назвать анализом формы, работал просто восхитительно». Он описал личность Роршаха и попытался в последний раз вступиться за его тест: «Всю свою жизнь он был бедным человеком, но человеком гордым и честным, обладавшим замечательными качествами натуры. Его смерть — огромная потеря для нас. Можете ли вы сделать что-нибудь для внедрения его поистине чудесной системы тестирования и придания ей большей убедительности? Она определенно сослужит огромную службу психоанализу».

В два часа дня 5 апреля, в еще один непогожий день, Герман Роршах был наскоро похоронен на цюрихском кладбище Нордхейм. Ольга сказала Паулю: «Я не хотела оставлять его в Геризау. Цюрих был “нашим городом” во всех смыслах. Это город нашей любви, пусть же теперь он покоится здесь!» Пфи-

стер провел церковную службу; Блейлер, хоть и не всплакнул ни разу, назвал Роршаха «надеждой целого поколения швейцарской психиатрии».

Спустя годы Эмиль Люти вспоминал, как он смотрел сквозь окошко в крышке гроба на «искаженное страданием и болью» лицо Германа. «Было много венков, много медиков, речей, — писала Ольга Паулю, — и “очень красивая погребальная речь” от друга Роршаха по колледжу, Вальтера фон Висса: “Я видел в нем стремление к самым высоким вещам, глубокое желание полностью понять человеческую душу и привести себя в гармонию с миром. Его удивительная способность ставить себя на место практически любого человека просто поражала. Он был индивидуалистом именно потому, что отдавал людям часть себя, как делают лишь немногие”.

Когда Людвиг Бинсвангер опубликовал в 1923 году эссе о “Психодиагностике”, он сокрушался о потере “творческого лидера целого поколения швейцарских психиатров”, с его выдающимся искусством научных экспериментов, гением в понимании людей, блестящей психологической диалектикой и острыми логическими рассуждениями... Там, где другие видели лишь цифры или “симптомы”, перед глазами Роршаха мгновенно возникали внутренние психологические взаимосвязи и взаимоотношения».

Эти хвалебные слова и письма Ольги — не единственный источник информации о конце жизни Роршаха. Взгляд с другого угла рисует более темную картину. Когда Бен-Эшенбург вышел из операционной и сказал Ольге и своей жене Гертруде, что Герман умер, Ольга повернулась к Гертруде и сказала: «Надеюсь, то же самое случится с тобой!» Домработница говорила, что Ольга «бросалась на пол и кричала как зверь». Ольга пыталась выбросить своих детей из окна, и этого не случилось лишь потому, что ее оттащили люди, находившиеся в тот момент поблизости. «Я не могу их видеть! — кричала она. — Я их ненавижу, они напоминают мне о нем!» Лизе было четыре года, Вадиму — почти три. Ольгу нельзя было оставлять с ними одну, и Гертруда Бен-Эшенбург провела с ними целых две недели, ночуя в семейной квартире Роршахов. Именно она позднее охарактеризовала Ольгу, процитировав поговорку: «Поскребите русского, и вы обнаружите варвара». Самой злобной выходкой стало то, что, когда у сводной сестры Германа, Регинели, начались боли в животе прямо на похо-

ронах и ей сделали успешную операцию по удалению аппендицита, Ольга обвинила ее в том, что та хотела, чтобы у нее был аппендицит просто потому, что у Германа он был. Она отказывалась верить, что Регинели действительно нуждалась в операции.

Любимой цитатой Роршаха был фрагмент из творчества цюрихского писателя Готфрида Келлера, чей прекрасный роман «Зеленый Генрих» является самым визуальным из классических воспитательных романов XIX века. Он часто вспоминал две последние строчки из самого знаменитого стихотворения Келлера, «Вечерней песни». Он написал их на последней странице семейной хроники Роршахов, которую делал для Пауля, эти же слова он писал на подарках мальчикам Коллера; он нанес эти строчки на свидетельство о рождении своего сына и снова вспомнил их на смертном одре.

Стихотворение воспевает славу визуального мира и стремление человека обреченного, но благородного принять как можно больше этой славы. *«Милые окошки моих глаз, ясный свет горит так долго в вас»*, — начинается оно, а после описывает надвигающуюся смерть:

Веки ты усталые закрой,
Тьма, и обретет душа покой,
Снимет обувь странницы рукой,
Чтобы в темный ларь улечься свой.
Но двум искоркам в душе сверкать,
Как двум звездочкам, еще пока,
Тлеть и исчезать от ветерка,
Как от взмаха крыльев мотылька.

Стихотворение заканчивается строчками, которые особенно любил Роршах, гимном зрению:

Полем вечером еще иду
И веду падучую звезду:
Пейте, очи, сквозь ресниц гряду,
Мира золотую череду!*

* Перевод Елены Зейферт.

В немецком языке одно и то же слово* отвечает за понятия «изобилие» и «излишек», когда жидкость проливается из кружки или какого-нибудь другого сосуда.

В свои тридцать семь лет Герман Роршах полной чашей испил «золотую череду» мира. Он создал окно в душу, через которое мы всматриваемся в глубины человеческой психологии уже сотню лет, но умер раньше, чем смог ответить на главный вызов в адрес своего наследия. Был ли тест эффективен только из-за личной психологии Роршаха? Были ли его интерпретации уникальным личным искусством или тест выдержал испытание временем и практикой за пределами его жизни? Каковы бы ни были ответы на эти вопросы, чернильные пятна теперь отправились в самостоятельное путешествие по свету без его направляющей руки и бдительного взора.

* Слово *Überfluss* — *Прим. изд.*

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ЧЕРНИЛЬНЫЕ ПЯТНА ПРИХОДЯТ В АМЕРИКУ

В 1923 году Дэвид Мордекай Леви, тридцатиоднолетний психиатр и психоаналитик, был директором первой в стране детской поликлиники, Ювенального психопатологического института в Чикаго. Это учреждение открылось в 1909 году при содействии Джейн Адамс, которая была первопроходцем социальной работы в Америке и стала лауреатом Нобелевской премии мира. Детский медицинский надзор, «крестовый поход» прогрессивной эры, целью которого было решать проблемы с физическим и психическим здоровьем детей, опираясь на «их собственные истории» и глядя на детей в контексте их социального и семейного окружения, идеально подходил для Леви, восприимчивого наблюдателя и чувствительного слушателя.

Леви предстояло провести за рубежом год, в течение которого он планировал поработать в области детского психоанализа вместе со швейцарским психиатром, другом Роршаха Эмилем Обергольцером. Тот занимался процессом посмертной публикации блестящей лекции Роршаха 1922 года и в 1924 году, когда Леви вернулся в Чикаго, чтобы возглавить психиатрическое отделение в больнице Майкла Риза, он привез с собой копию лекции Роршаха, его книгу «Психодиагностика» и набор чернильных пятен. Таким образом, через два года после смерти Роршаха — быть может, в больнице Майкла Риза или в отделе ювенальных исследований при департаменте криминологии штата Иллинойс, а может быть, в частной практике Леви в Чикаго — кому-то впервые в Америке показали чернильные пятна и спросили: «Что это может быть?» Прежде чем Леви сделал длинную и успешную карьеру, изобрел игровую терапию и ввел в употребление термин «детская ревность», он

опубликовал очерк Роршаха на английском языке, провел первый в Соединенных Штатах семинар, посвященный Роршаху и его тесту, а также научил целое поколение студентов тому, что такое этот тест и как им пользоваться.

Жизнь Германа Роршаха укоренилась в Швейцарии, на перекрестках Германии и Франции, австрийской Вены и России. Его посмертное наследие стало глобальным, поскольку чернильные пятна распространились по всему миру, популяризированные (или нет) в разных странах через разные цепочки обстоятельств. Главный приверженец этого теста в Швейцарии открыл антидепрессанты; его сторонником в Англии была детский психолог, которая во время Второй мировой опубликовала статью под названием «Дети под бомбами и тест Роршаха». В одной из первых стран, где был представлен тест Роршаха, Японии, он был популяризирован изобретателем теста на концентрацию и до сих пор обязателен для тысяч сотрудников компаний общественного транспорта. Тест Роршаха остается самым популярным психологическим тестом в Японии, в то время как в Соединенном Королевстве он очень нелюбим; он значим в Аргентине, маргинализирован в России и Австралии, находится на подъеме в Турции. Каждое из этих направлений имеет свою собственную историю.

Однако именно в Соединенных Штатах этот тест впервые обрел славу, именно там были особенно напряженными его восхождение и последовавшее за ним падение в пропасть неоднозначных трактовок. Именно в США он глубже всего проник в массовую культуру и сыграл важную роль во многих исторических событиях XX века.

В Америке тест с самого начала был своеобразным «громоотводом». Что более надежно — сухие цифры или экспертное суждение? Или, может, вопрос нужно ставить так: чему мы должны доверять меньше? Ключевым предметом дебатов в американской социальной науке всегда было именно это, и в большей части американской жизни тоже. Доминирующей позицией, даже в начале XX века, было доверие к цифрам.

В американской психологии был широко распространен скептицизм по отношению к чему бы то ни было, что невозможно подтвердить четкими структурированными данными. В особенности после призывов изолировать или стерилизовать людей, признанных «слабоумными», психологи стали считать, что главное — не делать дикие выводы из результатов тестиро-

вания, а использовать «психометрию» — науку о количественных, объективно здравых и обоснованных мерах. Ведущие теории в психологии были поведенческими, фокусировавшимися на том, что люди в действительности делают, а не на загадочном внутреннем разуме, предположительно стоящем за их поступками.

Но там была и противостоящая традиция, подкрепленная импортированными из Европы идеями Фрейда и других философов. Ее ревнители не доверяли тому, что они считали холодной, сверхрациональной наукой. Психотерапевты, работавшие с людьми в запутанных ситуациях, часто обращались к идеям психоанализа — пусть иррациональным, но более сильным и убедительным, чем обычные логические аргументы. Они признавали, что объективное измерение имеет границы в том, что касается человеческой психологии.

Сегодня психиатры — обычно академические, «жесткие» ученые, в то время как психологи используют более «мягкие» методы терапии, однако в начале XX века ситуация выглядела в точности наоборот: психиатры фрейдистской школы подтрунивали над исследователями-психологами за то, что те «считают горошины», в то время как академические психологи пели осанну своей узколобой науке, противопоставляя ее фрейдистской мистике и прочим подходам, сопротивлявшимся объективному измерению.

И вот появились десять чернильных пятен. Был ли тест Роршаха настолько же научным и количественно точным, как проба крови, или же он давал результаты, открытые для творческой гуманистической интерпретации так же, как разговорная терапия? Было ли это наукой или искусством? Сам Роршах в 1921 году понял, что чернильный тест пытается усидеть на двух стульях, будучи слишком деликатным для ученых и слишком структурированным для психоаналитиков:

«Это является следствием существования двух разных подходов: психоанализа и академической исследовательской психологии. Это значит, что психологи-исследователи находят тест слишком психоаналитическим, а аналитики часто не понимают его, поскольку остаются прикованными к содержимому интерпретаций, не придавая значения формальному аспекту. Что, однако, имеет значение, так это то, что он работает: он выдает изумительно правильные диагнозы. Поэтому его ненавидят еще больше».

В любом случае Роршах недооценивал эту проблему, поскольку применение теста в психиатрии при диагностировании пациентов не имело никакого реального обоснования в психологии, никакой теории, которая объясняла бы, почему, скажем, интроверсия или экстраверсия производят ответ Движения или Цвета. Психологи не могли не смутиться из-за того, что психиатрам удавалось столь эффективно применять тест. Но говоря, что тест обречен на противоречивое отношение, приводящее даже к ненависти, Роршах был прав.

В отношениях двоих самых влиятельных последователей Роршаха в Америке со всей полнотой воплотился этот разрыв. Дэвид Леви, вернувшись из Швейцарии осенью 1927 года, где в течение года он работал с тестом Роршаха, стал главой Нью-Йоркского института детского медицинского надзора. В его коридорах он столкнулся с озадаченным студентом, который не мог найти тему для диссертации. Леви дал ему экземпляр «Психодиагностики» и эссе Роршаха 1922 года. Это был хороший совет.

Тем студентом был Сэмюэл Бек (1896–1980), уроженец Румынии, приехавший в Америку в 1903 году. Он настолько хорошо учился в школе, что уже в шестнадцать лет получил стипендию в Гарварде, в этом его биография пересекалась с биографией Леви. Когда заболел его отец, Бек вернулся в Кливленд, Огайо, чтобы поддерживать семью, работая репортером, что само по себе — хорошее подспорье в психологическом образовании: «Я видел лучших убийц, какие только могут быть в большом городе, лучших воров, бутлегеров и казнокрадов». После десяти лет реальной жизни он вернулся в Гарвард, который закончил в 1926 году, и отправился в Колумбийский университет Нью-Йорка, чтобы изучать психологию, желая «научным методом постигнуть, что такое человек».

Чернильный тест стал работой всей его жизни. Бек опубликовал первые американские статьи о Роршахе, начав в 1930 году («Тест Роршаха и диагностика личности»); защитил первую в Америке диссертацию по Роршаху в 1932 году и посетил в 1934–1935 годах Швейцарию, где подружился с Обергольцером и работал с ним.

Психоаналитиком в пару к психологу-исследователю Беку был Бруно Клопфер (1900–1971), немецкий еврей, склонный к импровизации и ниспровержению авторитетов, мятежный сын банкира. В детстве у него было ужасное зрение — причи-

ну недуга установить не удалось, — и это заставляло его «постоянно думать о вещах, которые он не мог увидеть с той же визуальной четкостью, как другие мальчики в школе». Отличный символизм для человека, который стал самым известным и пристрастным в Америке толкователем пятен Роршаха: он мог не видеть чего-то сам, но был способен убедить вас в том, что понимает, что видите вы.

Став кандидатом наук уже в 22 года, Клопфер более десяти лет проработал в берлинском аналоге американского детского надзора и получил обширный опыт в психоаналитической теории и феноменологии, философской методике, фокусирующейся на субъективном опыте. В течение пяти лет он вел популярную еженедельную радиопередачу, в которой слушателям давали советы по воспитанию детей, — новаторское шоу, где Клопфер сидел в студии и обсуждал проблемы слушателей. В 1933 году, когда его восьмилетний сын пришел из школы и спросил «Что такое еврей?» — мальчика избили, а директор сказал маленькому Клопферу, что помогать ему было нельзя, потому что он еврей, — Бруно ответил: «Я скажу тебе это на следующей неделе». К тому времени они уехали из страны.

Оставив сына в безопасности в закрытой английской школе, Бруно Клопфер при содействии Карла Юнга получил швейцарскую визу. Так он оказался на работе в цюрихском Психотехническом институте, где узнал о тесте Роршаха от ассистентки Элис Грабарски. Дважды в день он применял этот тест к швейцарцам, желающим устроиться на работу. В благодатной для бизнеса Швейцарии тест намного шире применялся для профессионального консультирования и в индустрии, чем в работе серьезных психологов. Клопфер нашел свою новую работу скучной. 4 июля 1934 года он приехал в Америку, став научным ассистентом антрополога из Колумбийского университета Франца Боаса. При всех его опыте и эрудиции, его зарплата составляла всего 556 долларов в год — около 10 000 сегодняшних долларов. Обнаружив, что жители Нью-Йорка жаждут узнать больше о Роршахе, он увидел в этом свой шанс.

Клопфер тоже привез с собой «Психодиагностику» и чернильные пятна, а декан факультета психологии Колумбии интересовался Роршахом. Но он твердо стоял на позициях психометрии и бихевиоризма, с подозрением относясь к психоаналитическому и философскому убеждениям Клопфера. Он сказал, что Клопфер сможет преподавать в Колумбии лишь

в том случае, если сперва предоставит рекомендацию от более «благонадежных» Бека или Обергольцера. Не имея возможности подняться по официальным каналам, Клопфер самостоятельно сделался ведущим в Америке экспертом по Роршаху.

В интеллектуальном плане это было наэлектризованное время для Нью-Йорка. Город был полон студентов и ученых, сбежавших из нацистской Германии, — их приютили Принстон, Колумбия и Университет в изгнании в Новой школе социальных исследований. Такие собрания — например, проводимые великим неврологом Куртом Гольдштейном неформальные встречи в подвальных помещениях больницы Монтефиоре в Бронксе — с громкими дискуссиями, которые шли одновременно на французском, немецком и итальянском языках, давали Клопферу гостеприимный прием и доступ к огромному междисциплинарному диапазону контактов.

Несмотря на свой ужасный английский, Клопфер обучал тесту Роршаха заинтересованных студентов и сотрудников университета — сначала семь учеников два вечера в неделю, всего шесть недель — в любом доступном помещении, от пустых лекториев до бруклинских квартир. К 1936 году он проводил три семинара в неделю; в 1937 году он был назначен лектором в Министерстве образования, проводя один семинар в семестр и продолжая давать частные уроки студентам из других университетов.

Из общения Клопфера и его студентов вырос первый посвященный Роршаху журнал, *The Rorschach Research Exchange*. Вышедший в 1936 году первый выпуск, содержавший шестнадцать отпечатанных на мимеографе страниц, был профинансирован четырнадцатью людьми, каждый из которых вложил три доллара. Всего за год журнал обзавелся сотней подписчиков и стал респектабельным изданием международного уровня. За этим вскоре последовало создание Института Роршаха с членскими квалификациями и системой аккредитации. Бек публиковал свои работы в журнале Клопфера, но недолго.

Оба они рассматривали тест Роршаха как невероятно могущественный инструмент. Согласно Клопферу, можно сказать, используя метафору, которая вновь и вновь возникала на протяжении всей истории теста: «он не показывает картины поведения, но, скорее, демонстрирует — как рентгеновский снимок — невидимую невооруженным глазом структуру, которая делает поведение понятным». Бек схожим образом описывал это как «флюо-

роскопию психики»: «чрезвычайно чувствительный» и «объективный инструмент, способный проникнуть в суть человека».

Но все же, смотря сквозь этот инструмент, они видели очень разные вещи. Клопфер, принадлежавший к европейской философской традиции, не совпадавшей с американским бихевиоризмом Бека, избрал для себя целостный подход: ответы человека предоставляли «конфигурацию», которую нужно было интерпретировать в целом, а не проставлять баллы. Для Бека же конфигурации были в лучшем случае вторичны, а превыше всего стояла объективность. Например, Бек считал, что решение о том, стоит ли расценивать ответ как хороший или плохой (*F*+ или *F*–), ни в коем случае не должно основываться на предвзятом личном мнении испытателя или группы испытателей: «После того как ответ был окончательно оценен как плюс или минус, он и впоследствии всегда должен засчитываться как плюс или минус», независимо от общих соображений о чем-либо еще, что мог сказать испытуемый. Клопфер, хоть он и соглашался с тем, что необходимо вести списки хороших и плохих ответов, чтобы оценивать распространенные отклики как *F*+ или *F*–, утверждал, что редкие, но все же «резко воспринимаемые» ответы должны классифицироваться иначе, нежели как плохие ответы, и это означало, что оценивать их нужно индивидуально, поскольку ни один список не мог содержать все возможные варианты.

Роршах был объективен и субъективен одновременно, имея личность столь же структурированную, как и его тест, и оба американских популяризатора это знали. По словам Клопфера, Роршах «в значительной степени сочетал в себе вербальный эмпирический реализм врача с умозрительной проницательностью интуитивного мыслителя».

По мнению Бека, Роршах как психоаналитик понимал глубинную психологию и «знал о ценности свободных ассоциаций. К счастью, он обладал также склонностью к экспериментам, ценил преимущества объективности, а также имел солидную творческую жилку».

К 1937 году линии фронта были очерчены. Клопфер, импровизируя вместе с целеустремленными и любознательными учениками, считал себя вправе видоизменять тест и разрабатывать новые техники, основанные на клиническом опыте и инстинкте, необязательно прибегая к эмпирическим исследованиям. Например, он добавил новый код для ответов, ко-

торые описывали движение объектов, не похожих на людей, даже несмотря на то, что Роршах настаивал, что *M*-ответы указывают на идентификацию испытуемого с человеческим или человекоподобным движением. Фактически Клопфер занимался самозабвенной отсебятиной: в то время как «Роршах мог обрабатывать материалы своего теста при помощи простых кодов: *M, C, CF, FC* и *F(C)*, — на это жаловался Бек, — большое количество новых кодов — *M, FM, m, mF, Fm, k, kF, Fk, K, KF, FK, Fc, c, cF, FC', C'F, C', F/C, C/F, C, Cn, Cdes, Csym*, — которые добавил в базу Клопфер, по-настоящему ставят в тупик».

Бек был традиционалистом, твердым приверженцем заветов своих учителей. Он рассматривал себя как «студента, наученного дисциплине Роршаха и Обергольцера». Любое изменение в каноническом тесте должно было иметь тщательное обоснование путем эмпирических исследований. Он писал, что концепция Клопфера о нечеловеческом движении, например, «не очень согласуется с тем, как значение *M*-ответов понимали Роршах, Обергольцер, Леви или их ближайшие последователи... Если такая концепция Движения основана на опыте Клопфера, естественным образом возникает потребность в доказательстве». Бек гордился тем, что его работа «в крайне малой степени подверглась влиянию новой парадигмы, возникшей в последние годы, причем только в Америке, и вел учет исследований, задействовавших чернильные пятна Роршаха». Он даже отказался называть эксперименты Клопфера с использованием чернильных пятен исследованиями в рамках исконного теста Роршаха.

Вскоре Бек и Клопфер в буквальном смысле перестали разговаривать друг с другом, и такими отношения между двумя самыми выдающимися исследователями Роршаха в Америке остались навсегда. На студентов, учившихся у Бека, с подозрением смотрели в мастерских Клопфера. Летом 1954 года перспективный аспирант Джон Экснер приехал в Чикаго, чтобы работать ассистентом Бека, и скоро близко подружился с ним и его женой. Когда однажды он появился в доме Бека, как ни в чем не бывало держа в руках книгу Клопфера о Роршахе, Бек холодно спросил:

— Что это? Где ты взял эту книгу?

— В библиотеке, — занервничав, ответил Экснер.

— В *нашей* библиотеке? — сказал Бек с таким видом, словно Чикагский университет был его личной территорией, на которую был закрыт вход людям со стороны.

По правде сказать, ни Клопфер, ни Бек не были настолько ограниченными или жесткими, как роли, которые они принялись играть, представляя два контрастирующих подхода к чернильным пятнам. Клопфер написал свою первую книгу в соавторстве с человеком из мира академической науки, Дугласом Келли, а впоследствии смягчил свою позицию, хотя и не до такой степени, чтобы примириться со своим соперником. Бек, со своей стороны, часто «приводил окружающих в трепет» своими блестящими интерпретациями, выходящими за пределы имеющихся в наличии данных. Коллеги вспоминали, как «скрывавшийся за его непроницаемой эмпирической внешней оболочкой феноменолог вдруг выходил, чтобы продемонстрировать широкую подкованность блестящего клинициста». Тем не менее вражда продолжала бушевать.

В любой науке есть свои подковерные интриги, противостояния и удары в спину, но история теста Роршаха в особенности испорчена противоречиями и, говоря словами Юнга из «Психологических типов», дрязгами, — атмосфера в ней была необычайно враждебной. С одной стороны, ученые-объективисты, так называемые «сухари», оттеняются харизматичными персонажами; с другой — тонкие исследователи разума не желают преклонять колен перед алтарем стандартизации. Баланс теста — между сознательным решением проблем и бессознательными реакциями, между структурированностью и свободой, субъективностью и объективностью — порождает соблазн смотреть на все лишь с одной стороны, игнорируя другую перспективу.

Вражда между Клопфером и Беком заставила зазвучать голоса более умеренных персон, самой заметной из которых была Маргерит Герц (1899–1992). Ей впервые показал чернильные пятна друг по Кливленду Сэм Бек, а в 1930 году она училась у Дэвида Леви. Ее диссертация 1932 года, посвященная вопросам стандартизации, была второй такой работой в Америке после диссертации Бека, а в 1934 году она опубликовала свою первую статью, также используя психометрическую перспективу: «Надежность чернильного теста Роршаха». В 1936 году она присоединилась к группе Клопфера.

Будучи ближе к Беку по своему складу, Герц все же не склонялась перед авторитетом существующей теории столь безоговорочно, как он, и была в большей степени склонна критиковать и дополнять исходную систему. Одно из ее но-

вовведений — пробная клякса, которую с подбадривающими ремарками показывали испытуемым до начала самого теста, чтобы объяснить им, что они должны делать. Когда нужно, она критически относилась к обеим сторонам; ее позднее называли совестью первых исследователей замысла Роршаха. Ее первая статья в журнале Клопфера *Rorschach Research Exchange* выдвигала гипотезу, что Детальный ответ нужно засчитывать как «нормальный» при подведении эмпирической статистики — в противовес «качественному подходу» Клопфера, где он решал вопрос, как сам считал нужным. Хотя она и была сторонницей стандартизации, но предупреждала Бека и его товарищей, что даже стандартизация никогда не должна быть «жесткой» или «негибкой». В другой раз она похвалила Клопфера за то, что он «гораздо более гибкий, чем многие из его учеников», которые «почти безумно преданы» системе Клопфера и ему самому.

Самые впечатляющие усилия по примирению двух враждующих фракций предприняты ею в 1939 году. Нравится или не нравится вам субъективность, сопутствующая интерпретациям теста Роршаха, отмечала Герц, тест будет бесполезен, если разные интерпретаторы и статистики не смогут достигнуть более-менее одинаковых результатов, в той или иной степени согласующихся с показателями, полученными при помощи других тестов и оценок. Тем не менее, «поскольку метод Роршаха отличается от большинства психологических тестов», писала она, трудно проверить его надежность стандартными способами. Его нельзя было сравнивать с другими наборами чернильных пятен, поскольку работающих альтернативных наборов попросту не существовало. Нельзя использовать метод половинного деления, поскольку результаты от первых пяти карточек и результаты от следующих пяти не имеют смысла по отдельности. Если вы тестировали кого-нибудь повторно спустя некоторое время, его психология могла уже измениться, так что результаты, отличающиеся от предыдущих, не означали, что тест провален. Но как же протестировать сам тест?

Вдохновленная слепыми диагнозами самого Роршаха, Герц провела первую слепую интерпретацию результатов чернильного теста с несколькими участниками: один и тот же протокол был проанализирован Клопфером, Беком и ею самой. Тест прошел испытание: все три анализа совпадали друг с другом, а также с клиническими заключениями врача, лечившего задействованного в испытании пациента, предлагая «одну и ту

же картину личности» относительно интеллекта пациента, его когнитивного стиля, влияния эмоций, конфликтов, неврозов. Существенных различий не было, результаты лишь самую малость отличались друг от друга. Герц назвала это «превосходной степенью согласия». Королевская битва стала беспроигрышной.

Герц провела несколько лет, работая исследователем в фонде Браша при Университете Вестерн-Резерв (ныне Университет Киза), собирая данные для крупной авторитетной монографии, — более трех тысяч протоколов Роршаха от различных групп людей: дети, подростки, представители разных рас, здоровые, больные, выдающиеся личности, правонарушители. К концу 1930-х годов она почти закончила свою рукопись — исчерпывающий учебник, который, скорее всего, изменил бы историю теста Роршаха в Америке, будь он опубликован. Однако фонд Браша был закрыт, после чего Герц позвонили из университета: «Однажды они решили уничтожить все материалы, которые больше не использовались и которые руководство посчитало бесполезными. Мне позвонили и сказали, что я могу забрать свои материалы. Я сразу же приехала с группой аспирантов-помощников и грузовиком, но, к моему ужасу, оказалось, что все мои бумаги уже сожгли “по ошибке”. Их “перепутали” с остальными выброшенными документами. Все записи тестов Роршаха, все психологические данные, все рабочие тетради плюс моя рукопись — все сгорело в пламени». Коллекция данных не подлежала восстановлению, потеря была невосполнимой, и Герц «отказалась писать книгу без опоры на свои собственные исследования». После этого несчастья ведущий умеренный голос общества Роршаха — ближайший по духу и настроению к голосу самого Роршаха — был потерян или по крайней мере подчинился мнениям Клопфера и Бека.

В последующие годы Герц написала десятки важных статей, но так и не собрала их в единую книгу, вероятно, уступив пальму первенства Клопферу, после того как в 1942 году он опубликовал собственный учебник. Сделанный ею ранее акцент на психометрии все чаще уступал место подходу, похожему на точку зрения Клопфера. На протяжении полувека она регулярно писала обзорные статьи, оценивая состояние их научного направления в целом, больше сравнивая или критикуя других, чем делая собственные заявления. Большая часть ее ранней работы была сфокусирована на детях и подростках, без акцента на медицинском диагностировании, которое тесно

связано с первыми десятилетиями теста Роршаха в Америке за пределами Чикаго. Несомненно, имел значение тот факт, что она была женщиной, хотя трудно сказать, какую роль сыграла половая принадлежность — прямую или косвенную — в ее выборе более «феминизированных» тем и в ее нежелании публиковать книгу. В любом случае, хотя ее подход к проведению и интерпретации тестов Роршаха и отличался от техник Бека и Клопфера, она так никогда и не придала своей методологии форму целостной самостоятельной системы.

Интуитивные интерпретации и общий субъективный подход Клопфера находили более сильный отклик, чем акцент Бека на объективности. В худших своих проявлениях Бек был сухим и черствым, тогда как Клопфера на протяжении его карьеры прославляли как волшебника и поносили как мошенника. Но ни тогда, ни позднее никто не подвергал сомнению тот факт, что организационный талант Клопфера был неоценим для подъема метода Роршаха в США.

К 1940 году Клопфер читал лекции трем курсам в педагогическом колледже Колумбийского университета и еще одному — в Нью-Йоркском государственном психиатрическом институте, был научным руководителем у восьми аспирантов в Колумбийском и Нью-Йоркском университетах, а также проводил лабораторные занятия и семинары от Сан-Франциско, Беркли и Лос-Анджелеса до Денвера, Миннеаполиса, Кливленда и Филадельфии. В течение года возникли ответвления в Техасе, Мэне, Висконсине, а также в Канаде, Австралии, Англии и Южной Америке. Герц с 1937 года тоже вела два курса для аспирантов в год, а также полугодовой курс по проведению теста Роршаха; Бек много работал в Чикаго; даже Эмиль Обергольцер, который в 1938 году эмигрировал в Нью-Йорк, провел ряд лекций для Нью-Йоркского психоаналитического общества в 1938–1939 годах. Заинтересованные люди могли начать базовое или профессиональное обучение по всей стране.

В элитном женском колледже имени Сары Лоуренс, учебном заведении поблизости от Нью-Йорка с гибкой программой обучения, адаптированной к каждому студенту, сотрудники и преподаватели в 1937 году были недовольны тем, что они могли узнать о своих учениках из «наблюдений и общего курса объективных тестов». Поэтому психолог Рут Манро обратилась к тесту Роршаха. Клопфер проанализировал шесть протоколов от первокурсников и предоставил не содержащие имен студен-

тов профили преподавателю, который безошибочно распознал каждого ученика; прочие слепые анализы и «различные другие проверочные модели» оказались столь же убедительны.

Удовлетворенные тем, что тест сработал, Манро и ее коллеги по колледжу Сары Лоуренс были вскоре «настолько заняты им, что запланированный полный научный анализ был отложен». Тест Роршаха выглядел лучше, чем все, чем они обладали, и, если преподаватели и научные руководители, владевшие обширной и детальной информацией о каждом студенте, подтверждали результаты теста и считали, что тест «подтвердил и подчеркнул» то, что они сами предполагали, чего еще могли они желать? «Роршах не был непогрешим, — писала Манро, — как и мнения преподавателей. Однако процент совпадений между ними был очень высок, показывая хорошую эффективность, так что мы остались довольны и приняли тест Роршаха на вооружение как полезный инструмент в планировании образования. Вряд ли стоит упоминать то обстоятельство, что мы никогда не используем тест в качестве единственного или даже основного критерия для формирования суждения в любом важном решении, касающемся кого-то из студентов». В течение трех лет команда Манро подвергла тесту Роршаха более ста студентов, а также шестьдесят преподавателей, чтобы исследовать возможность предвидения того, как сложатся отношения между учителями и учениками.

Вскоре результаты теста Роршаха стали использоваться, чтобы адаптировать преподавательские навыки к потребностям каждого студента или предполагать, есть ли у неуспевающих студентов «внутренние ресурсы, опираясь на которые, можно добиться улучшения». Одна студентка, дочь юриста, отличалась узким спектром интересов, на удивление неподатливым мышлением и яростным сопротивлением всему новому. Когда встал вопрос, было ли ее поведение обусловлено «поверхностными подростковыми реакциями», над устранением которых следует работать, или же это «глубоко укоренившийся компульсивный психотип», который вряд ли может поменяться, ее закостенелые и интеллектуально неброские результаты теста Роршаха указали на последнее. «Трудно понять, как лучше помочь этой девушке», но дать ей определить собственные области обучения было бы неправильным. Еще одна студентка, нервная и чрезмерно совестливая, проявила во время теста Роршаха оригинальное и яркое воображение. Изменение ее жестко

структурированной программы таким образом, чтобы дать ей больше свободы для реализации собственных интересов, привело к превосходным результатам.

Чернильные пятна также помогали выявлять проблемы на ранней стадии. Одна первокурсница производила благоприятное внешнее впечатление с ее «радушной манерой общения», «свежестью суждений и чувством юмора», «здравым смыслом и логичным поведением» и «тщательно выдержанным строгим стилем» в одежде и внешности. Ее плохая академическая успеваемость, считали преподаватели, обусловлена «некоторыми излишествами в общественной жизни»: она «была частой гостьей в мужских колледжах, посещая их, вероятно, с огромным удовольствием», и недавняя ссора «с мужчиной в Принстоне» лишь слегка ограничила «радиус ее прогулок».

Результаты теста Роршаха, который она прошла в составе контрольной группы, а не по причине каких-то особых подозрений насчет нее самой, показали, однако, что она была «самой беспокойной студенткой в классе»: «По той или иной причине она все время чего-то сильно боится». Она была чрезвычайно склонна к оборонительной позиции, демонстрировала признаки враждебности и негодования (один из ее ответов: *«Люди плюют друг в друга, высовывают свои языки или что-то в этом роде»*). А в нескольких данных ею живых и чутких ответах проявлялось серьезное эмоциональное блокирование, которое почти полностью подавляло ее интеллектуальные способности. Последовавшая за этим встреча с учителями и руководителями подтвердила то, что показал пройденный ею тест: девушка еле-еле справлялась со всеми дисциплинами, поначалу проявляя интерес, но оставаясь на поверхностном уровне, прежде чем внезапно начать относиться к предмету отстраненно или пренебрежительно. Однажды она преследовала свою сестру с ножом в руке, «но, конечно, теперь это все в прошлом». Она сказала своему научному руководителю, что ее «весь день мучают суицидальные мысли», но потом свела это к шутке.

Проблемы были с самого начала, но никто не замечал их до того, как девушка прошла чернильный тест. С 1940 года тест Роршаха в обязательном порядке проходил каждый студент, поступавший в колледж Сары Лоуренс, результаты быстро проверялись на предмет наиболее очевидных проблем, после чего их хранили в отдельной папке на случай, если возникнут еще

какие-то вопросы насчет этого студента, и использовали в качестве «стабильного резерва исследовательских материалов».

После появления в Америке тест Роршаха широко распространился меньше чем за десять лет: его преподавали, использовали и с энтузиазмом изучали по всей стране. Оценки постоянно уточняли и пересматривали, данные собирали и анализировали, существующие техники улучшали и изобретали новые, результаты анализировали вслепую и сопоставляли как с другими тестами, так и с любыми социокультурными факторами, которые только можно было представить. Наряду с вопросом, что же сделало тест настолько популярным, имеет смысл спросить: что сделало страну настолько к нему восприимчивой? Америка была «голодной до тестов», как писал Роршах о Швейцарии в 1921 году, но было кое-что еще. Американцы все больше задумывались о себе самих как о людях, внутри которых есть нечто особенное, до чего нельзя докопаться при помощи любых стандартных тестов, — а тест Роршаха доказал свою уникальную способность это запечатлеть.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

ВОСХИТИТЕЛЬНАЯ, ПОТРЯСАЮЩАЯ, ТВОРЧЕСКАЯ, ДОМИНАНТНАЯ

То, что вы делаете, — абсолютно все, что вы делаете, — выражает суть того, кто вы есть. Ваши действия открывают не столько содержимое вашего характера, сколько вашу личность, не приверженность общепризнанным моральным ценностям, а то, чем вы отличаетесь, что вас делает уникальным и особенным.

Эти прекрасно знакомые всем идеи возникли в начале XX века, когда Америка переключилась с культуры характеров на культуру личности. К «характерам» — идеалу служения высокому моральному и общественному порядку — регулярно взывали на заре XX века наряду с такими понятиями, как *гражданственность, обязанность, работа, строительство, добрые дела, общественная жизнь, завоевания, честь, репутация, мораль, манеры, прямота* и стоящее выше всего *мужество*. «Личность» в свою очередь была воспета в следующих десятилетиях в сопровождении таких эпитетов, как восхитительная, потрясающая, привлекательная, притягательная, сияющая, властная, творческая, доминантная. Не существительные, а прилагательные, не отдельные типы поведения, а пафос, чтобы усилить впечатление.

Эта новая терминология восхваления была аморальной: чей-то характер мог быть хорошим или плохим, но личность — привлекательной или непривлекательной. Выходило, что «плохой» был лучше — волнующая бунтарская мысль, она ни дня не давала покоя. Шарм и харизма, которые заставляли людей положительно оценивать личность их обладателей, стали воспринимать как нечто более важное, чем честность и прямота характера или благородные поступки, при помощи которых можно заслужить уважение. Внешний лоск взял верх над добродетельностью, — казаться искренним стало важнее, чем

быть искренним. Кому есть дело до того, какой вы изнутри, если вы слишком простецки выглядите, чтобы вообще быть замеченным среди безликой толпы?

Культурный переход от характера к личности можно проследить в книгах по саморазвитию, проповедях, образовании, рекламе, политике, художественной литературе — в любых вещах, предлагавших идеальные решения по поводу того, как надо жить. Доктор Орисон Суэт Марден, бывший в свое время тем же самым, чем сегодня является доктор Фил Макгроу*, закончил свою книгу 1899 года «Характер: величайшая вещь в мире» цитатой американского президента Джеймса Гарфилда: «Я должен преуспеть в том, чтобы сделать себя человеком». К 1921 году, когда Марден начал писать «Уверенную личность», его мнение изменилось вместе со временем: «Наш успех в жизни зависит от того, что другие думают о нас». Частично на этот сдвиг повлияло появление института кинозвезд: поначалу киностудии предпочитали скрывать личности исполнителей ролей, но около 1910 года возникла концепция «звезды» — актера или актрисы, чья личность стала главным критерием продаваемости фильма зрителю. О Дугласе Фербенксе, первой кинозвезде такого типа, говорили так: «Он не самый симпатичный. Но у него очень глубокая личность». Или вот такой девиз от одной из величайших икон кино, Кэтрин Хепберн: «Показав мне актрису, которая не является личностью, вы покажете женщину, которой не бывать звездой». Архетипом суматошной новой эры стал не «Хороший Парень Гетсби», а Гетсби Великий и Неподражаемый, и то, каким образом он заработал деньги, было намного менее важно, чем его неописуемый внешний имидж, искрометный юмор и красивые рубашки.

После того как вы начнете контролировать, какое впечатление производите на окружающих, вы сможете формировать свою судьбу, совершенствуясь в искусстве самопрезентации, — такую форму приобрело классическое американское заверение в начале XX века, и спустя десятки лет его продолжают воспроизводить бесконечным эхом различные бизнес-гуру и журналы о стиле. Обратной стороной бесчисленных возможностей собственноручно создать впечатление о себе был, конечно же, постоянный риск создать плохое впечатление. В мире, где все

---

* Американский психолог, писатель, ведущий телевизионной программы «Доктор Фил». — *Прим. перев.*

на виду и всех постоянно с кем-нибудь сравнивают, требования самопрезентации всегда находятся в движении: абсолютно что угодно может дать наблюдательным, оценивающим глазам больше информации о вас, чем вы могли бы догадываться.

В одном из классических исследований, «Реклама американской мечты» Роланда Маршана, дословно приведено поистине ужасающее множество рекламных объявлений начала XX века, в которых провозглашается, что ваш неприятный запах изо рта, небрежное бритье, неудачный выбор одежды или сбившиеся гармошкой носки обязательно будут замечены, лишая вас шансов на отношения, успех и достойную жизнь. «Критические взгляды скользят по вам прямо сейчас», — угрожающим тоном произносил рекламный голос крема для бритья *Williams*. Только потому, что у нее была зубная щетка *Dr. West*, одной женщине удалось произвести хорошее впечатление на мужчину своей улыбкой, когда она упала с саней, а симпатичный незнакомец помог ей встать. Реклама прежней эпохи обычно просто описывала предлагаемый продукт, а не выплескивала на потребителя эту смесь из обещаний и угроз.

Но даже если новые объявления слегка и преувеличивали, они тем не менее отражали общественные реалии. По словам Маршана, внешняя оболочка «более значима в мобильном, урбанистическом, обезличенном обществе», чем в предшествующий век более стабильных общественных отношений. Особенно в любви и бизнесе — чтобы произвести хорошее впечатление, вам нужно было «быть собой», но это также означало, что вы должны улыбаться правильной улыбкой и носить правильные подвязки для носков. Без этих наружных маркеров вы не добьетесь успеха.

Учитывая высокие ставки, гламурность и ореол «выдающейся личности» стали пародоксально особенно важны. Стиль *был* сутью. То, как вы представали в глазах окружающих, определяло то, кем вы являлись. «В 1915 году, — говорил один из ведущих антропологов, — само слово еще носило главным образом оттенок пикантности, непредсказуемости, интеллектуальной дерзости. Личность человека была чем-то вроде “изюминки” у женщин — сексуальной привлекательности, которая делала даму стереотипным типажом того времени, “женщиной с изюминкой”».

К 1930 году, когда Фрейд занял видное место в научном пантеоне, американцы сдались в плен идее, что нашими жизнями

управляет некая внутренняя сила, и эту силу они приравняли к личности. Юнгианские «психологические типы», которые описывали скорее характер, чем стиль, были переосмыслены в Америке как «типы личности». Это началось с работ Мейерса и Бриггса в 1920-х годах. И хотя кипучая энергия фрейдистского бессознательного была безнадежно хаотичной, личность понималась как нечто, имеющее «структуру», которую можно было проанализировать, классифицировать, «пощупать». Описывая эту внутреннюю силу как «личность», можно было сказать о ней больше.

Это развивающееся чувство «я» также подвергалось испытанию тестом Роршаха и, в свою очередь, переопределило сам тест. Эссе Лоуренса Фрэнка 1939 года, озаглавленное «Проекционные методы изучения личности», было новым взглядом на место человека в мире, задающим тон для психологии XX века и помещающим пятна Роршаха как тест «личности» прямо в центр новой психологии.

Лоуренса К. Фрэнка (1890–1968) называли «Джонни Эпплсидом* социальных наук» за его плодотворную работу в качестве писателя, лектора, учителя и исполнителя руководящих функций в ряде благотворительных фондов с двадцатых по сороковые годы. Маргарет Мид написала в некрологе, что он «отчасти изобрел социальные науки» и был «одним из двух или трех людей», которые использовали фонды «так, как того хотел бы Бог». Он известен в основном тем, что содействовал исследованиям детского развития и распространял их результаты среди персонала детских садов, начальных школ и лечебных учреждений. Его изыскания — такие научные области, как психология детского развития и система раннего образования.

В эссе 1939 года Фрэнк объясняет понятие личности в максимально широких терминах как способ, которым мы привносим в свою жизнь смысл. «Личностный процесс, — писал он, — можно рассматривать как что-то вроде резинового штампа, который человек проставляет поверх каждой ситуации». Человек «обязательно игнорирует или опускает многие аспекты ситуации, которые для него несущественны или бессмысленны, и избирательно реагирует на те аспекты, которые имеют для него некое личное значение». Мы формируем наш мир,

---

* Этот эксцентричный персонаж жил в США на рубеже XVIII и XIX в.; посвятил себя посадке яблонь и проповеди христианства. — *Прим. изд.*

и это значит, что мы не пассивные существа, а активные, получающие стимулы из внешнего мира и реагирующие на них. С точки зрения Фрэнка, факты, окружающий мир и какие бы то ни было внешние стимулы существуют не сами по себе, а лишь в тот момент, когда человек «выборочно определяет их для себя и реагирует на них». Это была идея с оттенком философии Николая Кульбина, футуриста, лекции которого Роршах слушал в России: «Личность не знает ничего, кроме своих собственных чувств, и, проецируя эти чувства вокруг себя, она создает собственный мир».

Такая субъективность представляла проблему для ученого. Не было ничего, поддающегося воспроизведению, не было контрольных экспериментов, — лишь уникальное взаимодействие, которое происходит, когда «человек воспринимает нечто и вкладывает в это тот смысл, который он сам придает этому явлению, а после каким-либо образом реагирует». Все, что делал этот условный человек, было важным, но это нужно было как-то интерпретировать, а не просто свести в таблицу. Стандартизированные тесты не помогли. Ученому нужен был способ измерить то, как личность человека организовывает его опыт.

Лоуренс Фрэнк нашел решение, а также новое имя для него — «проекционные методы». Для Фрэнка это были не «тесты», хотя на них иногда и ссылались именно так. Напротив, проекционные методы представали перед человеком как нечто с открытым финалом, нечто, означавшее «не то, чем это должно быть по произвольному решению экспериментатора (как в большинстве психологических экспериментов, использующих стандартные стимулы ради “объективности”), но скорее чем угодно, тем, что это должно значить для личности, которая накладывает на них свое уникальное, своеобразное представление, которая придает им такую структуру». Тогда испытуемые будут реагировать тем же образом, которым они выражают свою индивидуальность. Вместо того чтобы давать «объективно» верный или неверный ответ, человек будет «проецировать» свою личность во внешний мир, а экспериментатор сможет это увидеть.

В итоге Фрэнк пришел к использованию теста Роршаха.

В 1939 году уже существовали другие подобные методы для проявления личности: Фрэнк упоминал игровую терапию, арт-терапию, вариации на тему «допиши предложение» и «придумай подпись к картинке», тест с рисунками облаков и многое

другое. Второе место занимал тематический апперцептивный тест, или ТАТ, разработанный в 1930-е годы в Гарварде двумя последователями Юнга. В процессе ТАТ испытуемым показывали картинки — мальчик, глядящий на лежащую на столе скрипку, или полностью одетый мужчина, закрывший ладонью свои глаза, и обнаженная женщина, лежащая на кровати перед ним, — и просили их сочинить «интересную историю», описывающую каждую из сцен. Но эти истории не давали четких данных, которые можно было измерить и подсчитать, как это было с важнейшими формальными чертами Движения и Цвета, Целого и Детали на стандартизированных чернильных пятнах. Результаты ТАТ можно было интерпретировать, лишь опираясь на собственные впечатления, т. е. субъективно. Для психологов, ищущих объективный способ измерить личность, не было ничего лучше Роршаха.

Спустя семнадцать лет после смерти Германа Роршаха его чернильные пятна стали самым действенным проекционным методом и новой парадигмой современной концепции личности — как в психологии, так и в культуре в целом. Тест Роршаха и наше представление о том, кто мы такие, объединяются в одном символическом контексте, том, внутри которого мир — это темное наполненное хаосом место. Он имеет только то значение, которое мы сами ему придаем. Но все же — воспринимаю ли я форму вещей такой, какая она есть, или сам создаю эту форму? Вижу ли я волка в чернильном пятне или сам помещаю его туда? (Вижу ли я в лице симпатичного незнакомца знакомые черты мистера Райта или представляю их там?) Я тоже являю собой темное хаотичное место, наполненное бессознательными силами, а окружающие делают со мной то, что я делаю с ними. Как скользящие по мне придирчивые взгляды из рекламы крема для бритья, каждый оценивает меня, раскрывая мои секреты. Ученые, рекламщики, симпатичные незнакомцы, сами чернильные пятна — все они всматриваются в меня столь же глубоко, как я всматриваюсь в них. (Я вижу волка в кляксе; клякса видит, здоров я психически или болен.)

Тест Роршаха в виде проекционного метода, в который он был преобразован в 1939 году, предполагает, что у нас есть индивидуальное творческое «я», которое формирует то, как мы видим, а затем предлагает технику, при помощи которой можно увидеть и измерить это «я», а также снабжает его блестящей визуальной символикой.

Сам Роршах не говорил о своем тесте так, по крайней мере открыто. Он не называл чернильный тест «проекционным методом» и очень редко употреблял термин «проекция», концепцию которой Роршах понимал в более узком, фрейдистском смысле приписывания каких-то неприемлемых в самом себе черт другим людям (злая женщина думает, что все злятся на нее; скрытый гомосексуал отрицает собственные позывы и ненавидит то, что считает признаками гомосексуальности в других).

Однако новое понимание теста Фрэнком вполне соответствовало тому, что лежит в основе идей Роршаха. С точки зрения Фрэнка, проецирование — еще одна версия эмпатии, того, как мы помещаем себя в мир, прежде чем отреагировать на то, что мы там найдем. Ответ Движения и понятие Фрэнка о проекции опирались на одно и то же: переключение с себя на внешний мир и обратно.

После 1939 года лагерь Клопфера и фракция Бека рассматривали и применяли чернильный тест как «проекционный метод изучения личности» в понимании Фрэнка. Если тест Роршаха был рентгеновским аппаратом, то скрытая, но наиболее важная личность — невидимым скелетом, который люди стремились увидеть, а проекция делала его видимым.

Более широкий подтекст теории Фрэнка существовал и в самом тесте Роршаха. Фрэнк указывал, что наша личность не является выбором из бесконечного меню возможностей. Мы существуем в социальном контексте. «Реальность» — это более-менее согласованный публичный мир, который каждый член того или иного общества должен принять и понять в пределах допустимого диапазона отклонений, иначе есть риск, что тебя исключат из социума и признают сумасшедшим. В разных обществах реальности разные: что считается безумием в одном, необязательно воспринимается как безумие в другом. Позиция Фрэнка была такой же релятивистской, как и у Юнга: культуры и отдельные люди внутри культур видят вещи по-своему.

Психология с ее новым акцентом на личностных различиях, пришедших на смену стоявшим ранее во главе угла общим чертам характеров, пересекалась с антропологией, учением о культурных различиях. Это был шаг, который Роршах надеялся сделать сам, но не успел, с его исследованиями сект и мультикультурными чернильными экспериментами, которые он планировал.

Антропология тоже лишь недавно достигла массовой американской аудитории. До 1920 года это было достаточно сухое занятие: в основном описательные и исторические каталоги артефактов и родословных древ, каким бы экзотическим ни был предмет. Антропологи изучали общественные институты и целые группы населения, причем конкретные люди воспринимались ими просто как «носители культуры». В алфавитном указателе к первым сорока выпускам журнала «Американский антрополог» слово «личность» не упоминалось ни разу. Поскольку к этой ранней антропологии был применим любой психологический подход, представители бихевиористского направления первыми стали отрицать общие для всех инстинкты и настаивать, что любая культура является приобретенной, а каждый тип поведения — результат социальной обусловленности.

Психоанализ, с другой стороны, работал с конкретными людьми как с отдельными личностями, а не представителями культуры. Аналитики могли в большей или меньшей степени игнорировать культурные различия до тех пор, пока их пациенты принадлежали к относительно сходным между собой социальным и культурным слоям. Однако, когда психоанализ начал распространяться на другие культуры, стало очевидно, что психологические профили на самом деле культурно предопределены. Для понимания личности, таким образом, требовалось рассматривать индивидуума на фоне того, что поощрялось или принижалось культурой, к которой он принадлежал.

Две области науки пришли к пониманию того, что у них общая почва: антропологи, сами к тому не стремясь, все время собирали сведения о психологии разных народов, в то время как психологи накапливали данные об их культурах. В некотором смысле психоанализ был уменьшенной копией антропологии: истории из жизни, взятые у отдельных пациентов. У сближения двух наук были предшественники: «Золотая ветвь» Джеймса Фрейзера (1890) являла собой большей частью основанный на психологии антропологический труд. Уильям Штерн в Германии предположил в 1900 году, что личностные, расовые и культурные различия нужно изучать в рамках «дифференциальной психологии» — по сути, той же антропологии. По мере того как получал признание Фрейд, отдельные части начинали срастаться. Антропологи могли критиковать Фрейда за ложное представление воспитания детей в венской манере

в качестве «естественных» и «универсальных» семейных шаблонов, но многие из них поняли, что то, что сформировало эту венскую психологию или какую бы то ни было еще обособленную психологию, и было как раз теми социальными шаблонами, которые исследовали они сами.

К началу 1930-х годов доминирующей тенденцией в антропологии была «психологическая антропология», или «исследования культуры и личности», возглавляемые такими персонами, как Франц Боас, Рут Бенедикт, Маргарет Мид и Эдвард Сепир. Для Боаса, которого называют отцом американской антропологии, одной из центральных проблем области было «соотношение между объективным и субъективным миром человека и то, какие формы оно принимало в различных культурах». Именно Боас пригласил Бруно Клопфера в Америку на должность его ассистента, — плотная сеть личных связей лежала в основе всех разработок в области социальных наук.

Центральный принцип методики изучения культуры и личности, культурный релятивизм, был антропологической версией открытий Фрэнка и Юнга в психологии: мы должны рассматривать каждую культуру в ее собственном контексте и условиях, а не судить ее с позиций другой культуры. И это была версия антропологии, аудитория которой в тридцатые годы стала столь же широкой, как у Фрейда. Рут Бенедикт переработала Юнга в американском контексте («Психологические типы в культуре Юго-Запада», 1930), а ее бестселлер 1934 года «Паттерны культуры» объяснил поколению, что ценности относительны, а культура — это «увеличенная версия личности». Как психология приобретала очертания антропологии, так и антропология становилась похожа на психологию, и обе науки сходились в изучении личности.

В обеих областях тест Роршаха обещал быть одним и тем же: мощным новым ключом к индивидуальному. То, что тест происходил из психиатрической диагностики, привело к возникновению некоторой предвзятости, — его продолжали считать предназначенным для выявления психических заболеваний, но его использование в антропологии с целью беспристрастного изучения культурных особенностей все больше отделяло тест от фокусировки на патологии. Как сам Герман Роршах в свое время расширил свой профессиональный спектр с постановки диагнозов пациентам до выявления особенностей личности, так и антропологи теперь вынесли чернильные пятна из кабинета

психиатра и отправились с ними в путешествие по свету, чтобы исследовать все разнообразие способов быть человеком.

В 1933 и 1934 годах двое сыновей Эйгена Блейлера находились в Марокко. Манфред Блейлер пошел по стопам своего отца и стал психиатром; будучи сотрудником Бостонской больницы психических патологий в 1927–1928 годах, он стал вторым человеком, который привез тест Роршаха в Америку. Рихард Блейлер был агрономом, но он тоже помнил чернильные пятна, которые отец показывал ему в 1921 году. Вместе они показали кляксы двадцати девяти марокканским деревенским фермерам в попытке «продемонстрировать, что тест Роршаха вполне применим и за пределами европейской цивилизации».

Эссе, написанное отцом и сыном Блейлер в 1935 году, несмотря на его местами чрезмерно восторженный и дилетантский тон («Для европейцев, живущих среди местных обитателей Марокко, есть что-то странное и загадочное в человеческих фигурах, которые, закутавшись в развевающиеся на ветру широкие халаты, постоянно рыщут вокруг на ослах, верблюдах или пешком...»), в итоге подчеркивало, что разные культуры отличаются друг от друга и эти различия могут привести как к недопониманию, так и к восхищению. Ощущение «чего-то странного и загадочного» перерастало у Блейлеров во «внезапное чувство теплого понимания». Они цитировали Лоуренса Аравийского:

В книге «Восстание в пустыне» Т. Э. Лоуренс пишет, что в характере арабов есть «высоты и глубины, лежащие за пределами нашего понимания, хотя и доступные нашему зрению». Представители разных наций воспринимают различия в психологическом облике друг друга, но не понимают их. Видимые, но непонятные различия в характерах наций представляют собой восхитительную загадку, которая вновь и вновь привлекает людей, заставляет отдельных личностей и целые народы покидать родину, помогает нациям подружиться друг с другом или подталкивает их к ненависти и войне.

Для того чтобы относиться с уважением к чужим культурным особенностям, достаточно их видеть, необязательно понимать. В любом случае эти различия реальны.

Когда Блейлеры стали тестировать марокканцев тестом Роршаха, ответы тех в основном совпадали с реакциями европейцев, за двумя исключениями. Было намного больше ответов, касавшихся небольших деталей (например, они видели почти невидимые, похожие на зуб разводы по краям карточки как два

лагеря враждующих стрелков), а также у них имелась тенденция интерпретировать различные части карточки, не связывая их между собой. Европеец мог увидеть на каждой стороне карточки голову и ногу и создать из этих образов «двух официанток», сложив из увиденных частей целые тела; марокканец скорее увидел бы здесь «поле боя» или «кладбище» с кучей не связанных между собой голов и ног (см. вклейку).

Блейлеры подчеркивали, что это вполне разумные ответы, и объясняли их, ссылаясь на развлекательную арабскую литературу (такую, как «Тысяча и одна ночь»), фрагментированные и детализированные восточные мозаики и прочие культурные предпочтения, контрастирующие с европейской любовью к широким обобщениям, ценимой европейцами «общей атмосферой порядка и аккуратности» и так далее. Они отмечали и более конкретные культурные различия, например то, что марокканцы в повседневной жизни намного реже видели фотографии или рисунки, чем европейцы, и потому не усвоили особенностей таких изображений. Там, где европейцы считали, что все объекты на рисунке представлены в едином масштабе, но на разных расстояниях, придавая значение большим объектам, выдвинутым на передний план, в интерпретациях марокканцев по-разному масштабированные фигуры часто помещались бок о бок (женщина, держащая шакалью ногу такого же размера, как она сама) или же смысл искался в мелких деталях.

Цель отца и сына Блейлер — «измерить характер людей других национальностей», а не оценить или осудить его. Привязка к чрезвычайно мелким деталям может указывать на шизофрению у европейца, но она явно не является таким же признаком в случае с марокканцами. Блейлеры настаивали, что тест не выявил в марокканцах психической неполноценности, а также что он недостаточно тонкий, чтобы охватить все нюансы, касающиеся культурных различий. Они утверждали, что важно знать местные язык и культуру, и призывали к сопереживанию (эмпатии): «Экспериментатор не должен позволять себе руководствоваться лишь стереотипной классификацией ответов, но должен скорее “ощущать себя” в каждом из них», — проще сказать, чем сделать, но чаще этого даже не говорят. Роршах пытался оценить, ощущали ли испытуемые чувство движения в изображении; Блейлеры же ясно дали понять, что человек, проводящий тест, должен также быть способен поставить себя на место испытуемого.

В 1938 году тридцатичетырехлетняя Кора Дюбуа приехала с карточками Роршаха на вулканический остров Алор в нидерландской Ост-Индии, расположенный восточнее Бали к северу от Тимора. Этот остров размером около пятидесяти миль в длину и тридцати в ширину можно было пройти от края до края за пять дней в окружении строгих, почти вертикальных скал и крутых ущелий да небольшого количества сельскохозяйственных угодий, где выращивали кукурузу и рис, а в сухой сезон — маниоку. Население составляло семьдесят тысяч человек, сообщества были изолированы друг от друга особенностями ландшафта, на острове говорили на восьми разных языках и бесчисленных диалектах. После нескольких конных путешествий вглубь острова и продолжительных переговоров с раджой Алора Дюбуа решила, куда она отправится, — в деревню Атимеланг, где на площади в одну милю проживали шестьсот человек.

Отправляясь туда, она помнила о двух фундаментальных установках: культурные различия очень важны, но при этом изначально все люди одинаковы по сути. Нам всем нужно есть, писала она, и кто-то из нас утоляет голод тостом и кофе в восемь утра, салатом и десертом в полдень и сбалансированным ужином из трех блюд в семь часов вечера. Другие едят две пригоршни вареных кукурузных зерен и зелень на рассвете, мясо и рис в тарелке из тыквы вечером и легкие закуски в течение дня. Это одинаково разумная реакция на наши человеческие нужды: всех нас объединяют «базовые сходства», и все мы адаптируемся к «повторяющимся и стандартизированным переживаниям, отношениям и ценностям, которые происходят во многих контекстах и которым подвержено большинство людей» в конкретной культуре. Взаимодействие между культурой и базовым складом нашего тела и ума приводит к «культурно предопределенному структурированию личности», свойственное большинству людей в отдельно взятой культурной общности, но не всем и не повсеместно.

То, что привело Дюбуа в отдаленный Атимеланг, было не «эзотерическим упражнением», а поиском, цель которого — понять, что делает нас такими, какие мы есть: «В самой простой своей форме вопрос таков: почему американец отличается от алорцев? То, что они разные, — следствие естественных причин, но прежние объяснения этих причин, от климатических до расовых, оказались до обидного куцыми и неполными». Бо-

лее убедительные ответы давал тонкий подход, настроенный на взаимодействие между культурными институтами и психологическим характером.

Дюбуа провела в Атимеланге восемнадцать месяцев. Она выучила местный язык, дала ему название Абуи и была первой, кто придал ему письменную форму. Она расспрашивала людей, собирала информацию о воспитании детей, подростковых ритуалах и семейной динамике, записывала длинные автобиографии многих жителей деревни. Она обнаружила, что алорцы в наблюдаемой общине эмоционально хрупкие и возбудимые, они часто вступали в словесные и физические стычки и в семье, и вне ее. Эти качества, наряду с другими, составляли их «культурно предопределенное структурирование личности».

Но ей нужно было поставить свои впечатления на более прочную объективную основу. Так что по возвращении в Америку она передала собранные автобиографии и другие данные Абраму Кардинеру из Колумбийского университета, известному в то время теоретику психоанализа (и автору книги «Индивидуум и его общество», 1939). Не сообщая о результатах анализов Кардинера или своих собственных наблюдениях, она передала протоколы теста Роршаха, полученные от семнадцати алорских мужчин и двадцати женщин, еще одному коллеге — Эмилю Обергольцеру.

Все трое пришли к одним и тем же выводам касательно алорцев. Обергольцер, к примеру, обнаружил, что «алорцы подозрительны и недоверчивы... Постоянные опасения являются неотъемлемой частью их естественной и обычной эмоциональной ориентации. Их не только легко расстроить или напугать, они легко впадают в страсть. Должно быть, там имеют место эмоциональные всплески и перепады настроения, гнев и ярость, иногда приводящие к насильственным действиям», — именно то, что Дюбуа видела своими собственными глазами. Их анализы людей, чьи автобиографии собрала Дюбуа, которых Кардинер подверг психоанализу на расстоянии, основываясь на документах, и чьи тесты Роршаха обработал и интерпретировал Обергольцер, также сошлись.

В письме к Рут Бенедикт в феврале 1940 года Дюбуа назвала такое совпадение не менее чем ошеломляющим: «Суть вопроса заключается в том, совпадают ли индивидуальные данные с анализом Кардинера, касающимся общественных отношений. Кажется, что тесты Роршаха дают ему полное

подтверждение. Обергольцер и я все еще работаем над ними, и Обергольцер действует крайне осторожно. Если индивидуальные материалы подтвердят анализ Кардинера, я на радостях напьюсь. Это будет слишком чертовски здорово, чтобы быть правдой». Она признала, что анализ Кардинера подозрительно соответствовал ее собственным впечатлениям; возможно, она непреднамеренно выбрала самые перспективные материалы или исказила данные, которые ему дала. «Но я не могла подделать тесты Роршаха. Обергольцер не знает других подтекстов, и он столь же взволнован, как и я. Он не знает ничего об их культуре, кроме того, что необходимо знать для толкования ответов. Он видит в этом триумф для тестов Роршаха, а я — для всего дела интерпретации данных социологии методами психологии. Потрясающе, правда?»

К тому времени Дюбуа работала на одном из факультетов в колледже Сары Лоуренс, где тесты Роршаха уже применяли весьма активно. В 1941 году она закончила писать научную работу «Люди острова Алор», которую опубликовала, включив в нее пространные эссе авторства Кардинера и Обергольцера. Она свела вместе антропологию и психологию.

Как отец и сын Блейлер до него, Обергольцер занимался «тестированием теста». Можно ли узнать из теста Роршаха что-либо полезное, не зная заранее, какова специфика культуры алорцев (какие ответы популярны, а какие — оригинальны, хорошие или плохие, какие детали обычные, а какие — редкие), не зная все измеримые нормы, которые делают возможным подсчет результатов? Реакции алорцев, на первый взгляд, казались определенно инородными. Ответы одной женщины на карточку V («летучая мышь») таковы:

(1) это похоже на ноги свиньи (боковые выступы);
(2) это похоже на козлиные рога (в центре вверху, уши «летучей мыши»);
(3) это похоже на козлиные рога (в центре внизу);
(4) это похоже на ворона (темное пятно в крупной части изображения);
(5) это похоже на черную ткань (половина крупной части изображения).

Тем не менее Обергольцер в итоге заявил, что тест может увидеть сквозь эти поверхностные культурные различия и выявить типы личных профилей, которыми он затем поделился с Дюбуа.

Для Дюбуа ставки были выше: она хотела выяснить, допустимо ли вообще утверждать, что культура формирует личность. Любое подобное заявление заставило бы исследователей ходить по кругу до тех пор, пока у них не появился бы источник информации о личности, независимый от поведения, которое антропологи изучали в описаниях культур. Тест Роршаха как раз и был заявлен в качестве инструмента прямого доступа к личности. Электроэнцефалограф впервые прочертил на бумаге волны активности человеческого мозга в 1934 году, но такой нейротехнологии предстояло еще развиваться и развиваться. Иметь возможность увидеть сквозь культурные различия спрятанную за ними личность при помощи чернильных пятен было бы, как сказала Дюбуа, слишком чертовски здорово, чтобы быть правдой.

Человек, которому обычно приписывается привнесение проекционных методов Лоуренса Фрэнка в антропологию, поступил так именно по этой причине. После совместной с Рут Бенедикт научной работы под руководством Боаса Альфред Ирвинг Хэллоуэлл (1892–1974) обратился к проблемам культуры и личности. С 1932 по 1942 год он проводил летние месяцы на берегах небольшой канадской реки Беренс, текущей в озеро Виннипег из истока, расположенного почти в трехстах милях к востоку. Эта территория была одной из последних в Северной Америке, куда пришли европейские поселенцы, «земля лабиринтоподобных водных путей, болот, гор с ледниками на вершинах и нетронутых лесов». Поскольку Беренс не связывал больших озер или рек с озером Виннипег, территория оставалась изолированной. Кочевые охотники и рыбаки из индейского племени оджибве (известного также как чиппева) жили там тремя обособленными сообществами: одно — на озере Виннипег близ устья реки, второе — примерно в ста труднопреодолимых милях в глубине страны (пятьдесят волоков, если путешествовать на каноэ), а третье — еще дальше в глубине.

Такая география поставила эти группы на три разных уровня так называемого «градиента культуры» — от предконтакта до полной ассимиляции. Индейцы с берегов озера жили бок о бок с белыми людьми, а из города Виннипег в эту область ходил пароход. Эти аборигены демонстрировали мало признаков своей традиционной культуры, — они не проводили ритуалов, не танцевали у костров, не били в барабаны. Жители внутренних земель, куда забредали лишь немногочисленные торговцы или

миссионеры, напротив, жили в берестяных жилищах — типи, резко выделявшихся на фоне темных и величественных елей, что стояли вокруг сплошной стеной. Там «остался привкус старой индейской жизни». Оджибве, что жили в этих местах, могли носить современную одежду из магазинов, готовить в кастрюлях и на сковородках, жевать жвачку и есть шоколадные батончики, но мужчины все еще привозили на берег лосиные туши в своих каноэ, а женщины изготовляли мокасины, сшивали берестяные пластины еловыми корнями и собирали валежник, нося на спине детей в плетеных коробах. Там были знахари, колдовские вигвамы, ритуальные танцы в середине лета. «В такой атмосфере, — писал Хэллоуэлл, — невозможно не почувствовать, что, несмотря на многие проявления внешней культуры, большая часть мышления и верования аборигенов все еще сохранилась». Невозможно не почувствовать — но как можно в этом убедиться?

Хэллоуэлл впервые услышал странное слово «Роршах» в середине тридцатых, его произнесла Рут Бенедикт на посвященном вопросам «личности в контексте культуры» собрании комитета Национального научно-исследовательского совета. Работа Хэллоуэлла в Виннипеге привела к тому, что он назвал «новой зарождающейся областью антропологии изучение психологических взаимосвязей между людьми и их культурами», и эта новая техника, способная выявить личную психологию, скрытую под общей культурой, была как раз тем, что Хэллоуэлл искал. Он собрал достаточно информации, чтобы попробовать применить тест Роршаха, совместив элементы подходов Бека, Клопфера и Герц и разработав процедуру проведения теста через переводчика:

«Я собираюсь показать вам несколько карточек, одну за другой. На этих карточках есть отметки, — здесь переводчики вставляли слово из языка оджибве, *ocipiegátewin,* что означало «рисунок», — что-то вроде того, что вы видите вот на этой бумаге (*показывается пробная клякса*). Я хочу, чтобы вы взяли каждую из карточек в свою руку (*пробную кляксу передают испытуемому*). Внимательно смотрите на нее и указывайте на то, что видите, этой палочкой (*протягивает испытуемому палочку из апельсинового дерева*). Рассказывайте мне обо всех мыслях, которые вызывают у вас отметки на этой карточке, обо всем, на что, по вашему мнению, они похожи. Они могут выглядеть как нечто, чего вы никогда не видели, однако, если

они покажутся вам похожими на что-либо знакомое, обязательно скажите, чем бы это ни было».

После очередного лета, проведенного в Канаде, он вернулся с десятками Роршах-протоколов людей племени оджибве.

Хэллоуэлл считал, что разные уровни ассимиляции оджибве в белую канадскую культуру предоставляют идеальный путь для изучения взаимоотношений между индивидуальной психологией и культурой, поскольку по определению эти уровни означали подверженность одной и той же психологии различным культурным силам. «Если, как предполагалось, существуют тесные связи между организацией личности и культурными моделями, — писал Хэллоуэлл, — из этого следует, что изменения в культуре могут привести к возникновению изменений и в личности».

Как было и у Обергольцера с алорцами, Хэллоуэлл заявлял, что обнаружил в своих роршаховских тестах «созвездие личности оджибве... явно незамеченное на всех уровнях аккультурации, изученных к настоящему моменту». Хотя они и могли заимствовать у белых канадцев внешние культурные практики, «не было никаких доказательств» изменений, произошедших в «жизненном ядре их национальной психологии». Затем он заявил, что, поскольку три группы, живущие в окрестностях реки Беренс, имели одинаковые происхождение и культурный фон и проходили тест Роршаха в одних и тех же условиях, любые различия между результатами групп могли быть обусловлены лишь их разными уровнями аккультурации. Тест Роршаха мог показать, как отдельно взятые группы оджибве адаптируются — или нет — к давлению новой для них культурной среды.

Хэллоуэлл обнаружил, что личностная психология оджибве «достигла своих пределов». Тесты оджибве, живущих в дальних землях, показывали преимущественно интровертные результаты и значительное подавление любых экстравертных тенденций. Это имело смысл в рамках культуры, где все происходящие события всегда понимались и осмысливались с опорой на внутреннюю систему верования, сны считались наиболее важными событиями и обдумывались самостоятельно (существовало табу, запрещавшее, за редким исключением, делиться с окружающими содержанием своих снов), а социальные отношения были четко структурированы. Индейцы с берега озера, напротив, «жили в тесном взаимодействии с другими людьми и явлениями в их окружении», демонстрируя намного

больший спектр индивидуальностей, особенно среди женщин, и среди них было намного больше экстравертов. Люди могли, если были к этому склонны, действовать экстравертно вместо того, чтобы подавлять эту сторону своей индивидуальности.

Эта более широкая свобода быть разными, которая, по наблюдениям Хэллоуэлла, сильнее всего проявлялась в женщинах, казалась хорошей вещью: 81 % наиболее адаптированных к жизни людей происходили из обитателей озерной области. Но в то же время 75 % самых неприспособленных также были оттуда. Хэллоуэлл пришел к выводу, что белая культура в психологическом плане более сложная, с более высоким риском провала попыток адаптации, а также с намного большими возможностями к самовыражению.

«Некоторые из этих умозаключений могут быть сделаны при помощи техники Роршаха, — писал Хэллоуэлл, — но было бы трудно продемонстрировать их, не имея исследовательского инструмента, посредством которого можно было бы оценить фактические личностные установки конкретных лиц».

Как и у Дюбуа,, общая польза экспериментов Хэллоуэлла выходила за пределы конкретных открытий: если тест Роршаха мог обнаружить культурные нормы на примере отдельных людей, то его можно было использовать и для изучения того, как культура формирует личность в целом. В двух новаторских статьях — «Метод Роршаха как средство изучения личности и культуры», написанной для психологов, и «Техника Роршаха в изучении личности и культуры», адресованной антропологам, — Хэллоуэлл описал уникальные преимущества теста: он собирал количественные, объективные данные; он был портативным; людям нравилось его проходить; он не требовал, чтобы испытуемый был грамотным, а экспериментатор был профессиональным психологом, поскольку протокол мог быть обработан и интерпретирован кем-то другим; не было риска, что те, кто уже прошел тест, подскажут своим товарищам правильные ответы.

Самое главное, писал Хэллоуэлл, что тест Роршаха «внекультурный». Нормы на удивление стабильны в самых разных группах населения, например, среди американцев европейского происхождения и оджибве популярные ответы почти одинаковые, за исключением того, что на одной из карточек первые часто видели *«звериную шкуру»*, а оджибве склонялись к варианту *«черепаха»*. Кроме того, «поскольку в основе большинства

интерпретаций тестов Роршаха лежит психологический смысл, а не статистические нормы», Хэллоуэлл считал, что ценные находки возможны и без большого количества образцов данных. На момент публикации его первого эссе было собрано менее трехсот протоколов от представителей неграмотных культур, включая материалы Блейлеров, Дюбуа и самого Хэллоуэлла. Через несколько лет это количество выросло более чем до двенадцати тысяч, и вероятность обнаружения в будущем новой безграмотной культурной группы, которая не поддалась бы тесту Роршаха, казалась Хэллоуэллу хоть и возможной теоретически, но «весьма маловероятной».

Хотя тест Роршаха и мог предоставить «внекультурную» информацию о личности, использовавшие его антропологи столкнулись с еще одной проблемой. Каждая культура имела свою «типичную личностную структуру», но оставляла пространство для индивидуальных вариаций, в то время как культуры считались разными, а люди в основе одинаковы. Это значило, что любой полученный результат мог быть истолкован как выявление обособленных черт характера внутри общества или как доказательство обобщения культурных различий, в зависимости от того, к чему стремился антрополог.

Проведенное в 1942 году исследование самоанцев, инициированное Хэллоуэллом, выявило одну дилемму. Самоанцы давали необычно высокое количество чистых Цветовых ответов, что делало общий срез их тестирования главным образом экстравертным. Но непосредственный автор исследования, Филип Кук, утверждал, что это обусловлено особенностями самоанского цветового словаря: в их языке есть абстрактные слова только для черного, белого и красного (*муму* — «как пламя, как огонь», почти всегда ассоциирующийся с кровью), а также более редкие цветовые слова, тесно связанные с определенными вещами (слово, отвечающее за «синий», означало «цвет глубокого моря» и изменяло свое значение на «зеленый» или «серый», по мере того, как менялся цвет самого моря; слово для «зеленого» означало «цвет всего, что растет»). Так что самоанцы редко описывали увиденные в пятнах вещи как цветные, — у них было мало ответов *FC*. Они давали намного больше анатомических ответов, что в случае с европейцами и американцами предполагало наличие «подавленной сексуальности или болезненной телесной озабоченности». Однако, поскольку самоанцы сексуально активны уже с юного возраста, их анатомические

ответы, вероятно, абсолютно нормальны. Кук признавал, что, хотя тест Роршаха казался способным выявить аспекты самоанской культуры, он был не в состоянии охарактеризовать или диагностировать отдельных людей. Но для Кука это значило лишь, что должно быть проведено дальнейшее обширное исследование каждой отдельной культуры, поскольку «тест Роршаха, несомненно, является превосходным инструментом для изучения культурной психодинамики».

Это были предположения, разделяемые психологией и антропологией. Хэллоуэлл предложил полное теоретическое слияние двух областей и высоко оценил тест Роршаха как «одно из лучших имеющихся в распоряжении средств» для достижения этой цели. К 1948 году Хэллоуэлл являлся президентом Американской антропологической ассоциации, а также созданного Клопфером Института Роршаха, — весьма конкретный знак слияния двух дисциплин. В популярном понимании тест Роршаха мог обнаружить структуру личности у кого угодно — в Америке или в самой чужеродной и экзотической культуре. «Он казался рентгеновской машиной для души, — вспоминал человек, бывший в ту пору аспирантом. — Вы могли разгадать человека, показывая ему картинки».

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

КОРОЛЬ ТЕСТОВ

7 декабря 1941 года японцы атаковали Перл-Харбор. За три недели Бруно Клопфер организовал «группу добровольцев Роршаха» для координации действий института на родине и его многочисленных членов, которые поступили на добровольную службу. Сам он заявил о себе как о ключевой персоне — к нему следовало обращаться за инофрмацией и советами, касающимися теста. К началу 1942 года вопросы от армии посыпались, как горох, а после полились сплошным потоком, и вскоре Клопфер уже работал с армейским подразделением по управлению персоналом, чтобы проверить, как тест Роршаха может помочь военным предприятиям США.

Тест Роршаха значительно отличался от тонкого инструмента, стоявшего на передовой исследования в области антропологии и психологии личности. Армия нуждалась в эффективных способах оценки своих сотрудников в дополнение к общему армейскому классификационному тесту, разработанному в 1940 году, которому были в последующие пять лет подвергнуты двенадцать миллионов солдат и матросов. Рут Манро, занимавшаяся тестированием первокурсников в колледже Сары Лоуренс, опубликовала свою технику инспекции, призванную помочь экзаменаторам быстро проверять протоколы теста Роршаха на наличие серьезных проблем. Будучи менее тонкой, такая проверка позволяла разным психологам, проводившим тестирование, прийти к более однородным результатам и выполнить работу намного быстрее.

Чтобы упорядочить проведение тестов и подсчет результатов, Молли Харроуэр представила групповую роршаховскую технику, где изображения демонстрировались в виде слайд-шоу в полутемной комнате, а испытуемые должны были сами записывать свои ответы. Двадцати минут хватало, чтобы протести-

ровать аудиторию, состоявшую более чем из двухсот человек. Но создать такие слайды было почти так же трудно, как Роршаху в свое время — опубликовать чернильные пятна, особенно учитывая «большие трудности, сопутствовавшие производству качественной пленки в годы войны». Однако фотограф, который смог это сделать, в конце концов был найден.

Но даже при таких преимуществах на пути массового использования теста Роршаха встали два серьезных препятствия. Хотя проводить тест мог и менее квалифицированный персонал, обрабатывать и интерпретировать протоколы должны были специально обученные эксперты. Что было хуже всего, результаты в любом случае не могли быть сведены к простому числу для бюрократов, перфокарт или компьютерных таблиц. Поэтому Харроуэр пошла еще дальше, «уходя настолько далеко от сути того, что предполагал Роршах», что, по ее собственному признанию, изобрела «*совершенно новую процедуру*», которую назвала «Тестом множественного выбора (для использования с карточками или слайдами Роршаха)».

В списке из десяти ответов на каждую карточку испытуемым сказали поставить галочку напротив варианта, «который вы считаете наилучшим описанием кляксы», и еще одну напротив их второго варианта (необязательно). Для карточки I (см. введение), например, был предложен следующий список ответов:

☐ Армейская или флотская эмблема
☐ Болотная грязь
☐ Летучая мышь
☐ Совсем ничего
☐ Два человека
☐ Тазобедренные кости
☐ Рентгеновский снимок
☐ Клешни краба
☐ Грязное месиво
☐ Часть моего тела
Иное: ____________________

Хорошие ответы отделялись от плохих при помощи сверхсекретного ключа, который описан в опубликованной во время войны статье Харроуэр языком, вполне подходящим для шпионского триллера: «Поскольку чрезвычайно важно, чтобы этот простой ключ не попал в чужие руки, он здесь не публикуется. Однако копия ключа будет незамедлительно отправлена

по первому требованию психологов и психиатров, работающих в вооруженных силах». Люди, давшие не больше трех плохих ответов, проходили тест, давшие четыре или больше — забраковывались.

Если вы думаете, что это звучит подозрительно, то вы не одиноки. «Групповой тест по модели Роршаха армейское руководство встретило с поднятыми бровями, — рассказала позднее Харроуэр, — но введение теста множественного выбора встретили еще более прохладно». Однако необходимость быстро осматривать миллионы людей требовала новых подходов. «В последнем анализе», как она изначально указывала, программа медицинских осмотров «не заинтересована в том, чтобы знать подробности, из-за которых человек считается непригодным, главное — чтобы его удалось обнаружить», и «еще меньше заинтересована в чрезвычайно чувствительном инструменте, обращаться с которым смогли бы лишь немногие. Армии был нужен инструмент более простой, использовать который мог кто угодно и где угодно».

Тест Харроуэр до определенной степени казался работоспособным. Результаты, полученные от 329 «отсеянных здоровых людей», 225 заключенных, 30 студентов, консультировавшихся с психиатром колледжа («некоторые из них имели довольно серьезные диагнозы, состояние других существенно улучшилось после психотерапии»), и 143 граждан с подтвержденными психическими расстройствами, четко классифицировали группы по-разному. Представители последних двух групп чаще проваливали тест, в то время как у 55 % успешно прошедших его взрослых вообще не было плохих ответов, а единственный, кто дал их больше четырех, оказался больным, госпитализированным из-за маниакальной депрессии. Вскоре Харроуэр внесла некоторые базовые корректировки, например отметила, что медсестры и врачи дают больше анатомических ответов, которые у людей других профессий были бы засчитаны как плохие. Она обнаружила, что обученный эксперт по тексту Роршаха, глядя на полученные результаты, может принимать более справедливые решения, особенно в пограничных случаях, где было три или четыре плохих ответа. Но даже «строгое соблюдение чисто количественных условий» давало реальные результаты. Она утверждала, что ее быстрый и сырой тест имеет «неоспоримые преимущества — но не перед классическим Роршахом, а как самостоятельная процедура».

Тест множественного выбора встретил позитивный прием в мире образования и бизнеса, но несколько исследований нашли его слишком ненадежным для применения на военных медосмотрах, и он так никогда и не был принят для массового использования военным ведомством. Тем не менее, будучи преобразованным в 1939 году как универсальный проекционный метод выявления тонкостей личностной организации, тест Роршаха вновь адаптировали как тест дающий быстрый результат по системе «да/нет». В то время как сам тест Роршаха «оставался методом, требующим участия своих собственных специалистов», писала Харроуэр, она превратила чернильные пятна в «психологический тест в обычном понимании этого слова». Это было то, в чем нуждалась армия, и то, чего хотели американцы.

В одном лишь только 1944 году двадцать миллионов американцев прошли через шестьдесят миллионов стандартизированных тестов — образовательных и профессиональных, а также психологических. В 1940 году в ежегоднике, посвященном измерению умственных способностей (англ. *The Mental Measurements Yearbook*), были прорецензированы 325 различных тестов и упомянуты еще 200. Большинство из них использовались лишь несколькими психологами, и только один стал известен как «король тестов» по причинам, в большей степени связанным с трансформацией американской психологии, нежели с чернильными пятнами.

Вторая мировая война стала поворотным моментом в истории исследования проблем психического здоровья в Америке. До войны психиатры работали только в клиниках для душевнобольных, а психологи, которые тогда еще являлись людьми мира академической науки, а не терапевтами для повседневной жизни, часто были ограничены пределами университетских лабораторий. Немногочисленные в ту пору клинические психологи склонны были фокусироваться на детях и образовании. Фрейдистские идеи в Соединенных Штатах были «узурпированы» сообществом психиатров до такой степени, что психоанализ рассматривался исключительно как метод лечения психических расстройств, а не как инструмент для научных исследований или самопознания.

Большинство американцев никогда не лечились от психических заболеваний и не знали, что это такое. Даже если какие-то энтузиасты от психоанализа и перебирались из спе-

циализированных больниц в какой-нибудь из крупных городов, чтобы открыть там частную практику или работать в детской поликлинике, для общества в целом психиатрия продолжала оставаться чем-то маргинальным. Психиатры лечили своих пациентов, психологи грызли гранит науки, а большинству людей в случае возникновения проблем оставалось надеяться лишь на посильную помощь со стороны членов своей общины.

Когда Соединенные Штаты вступили в войну, в стране был проведен первый в ее истории всеобщий армейский призыв, в процессе которого каждый дееспособный мужчина вкупе с общим медицинским обследованием прошел психологический осмотр и тест на интеллект. Количество потенциальных солдат, признанных категорически непригодными к службе по показателям психического здоровья, оказалось ошеломляюще высоким: около 1 875 000 человек в одной только армии, или 12 % общего количества людей, прошедших обследование в период с 1942 по 1945 год. И даже при этой степени отсева, в шесть раз превысившей аналогичный показатель времен Первой мировой войны, было отмечено, что количество американских военнослужащих, подверженных военным неврозам, увеличилось по сравнению с Первой мировой более чем вдвое.

За время войны армейские медицинские службы оказали нейропсихиатрические услуги более чем миллиону солдат, еще 150 000 обращений поступило с флота и из других подразделений, и это были обращения от солдат, которые *прошли* медкомиссию. Около 380 000 человек были демобилизованы по причинам психиатрического характера (более чем треть от общего числа были уволены по медицинским показателям), еще 137 000 уволены из армии с формулировкой «расстройство личности»; 120 000 психиатрических пациентов пришлось эвакуировать прямо из зон боевых действий, 28 000 из них — по воздуху.

Говорят ли эти цифры о том, что к психологическим осмотрам в армии относились небрежно и, как следствие, проводили их слишком бегло, или же о том, что мера просто не возымела ожидаемого эффекта (в 1944 году начальник штаба сухопутных войск США, генерал Джон С. Маршалл, отдал приказ о прекращении психологических обследований новобранцев), — это в любом случае был явный кризис. Конечно, некоторые солдаты лишь притворялись больными, но подавляющее большинство случаев были реальными, что означало две вещи. Первое — психические заболевания поразили большую часть

населения, чем кто-либо мог представить, и второе — люди, которых ранее было принято считать «здоровыми», тоже нуждались в помощи. Лишь меньшая часть нервных срывов среди американских военных происходила на линии фронта и вообще за пределами страны. Большинство из них были вызваны различными факторами, оказывавшими воздействие и на тех, кто уже вернулся домой, такими, к примеру, как «стресс» — понятие, вышедшее из кругов военной психиатрии и быстро распространившееся среди широких масс населения.

Это была проблема национального масштаба. Как сказано в одной из книг по истории американской психотерапии, «жалкое» физическое здоровье американской молодежи вызывало ужас: «отсутствие зубов, запущенные нарывы и язвы, вовремя не исправленные проблемы со зрением и скелетные деформации, неизлеченные хронические инфекции», и это подтолкнуло власти к мерам по увеличению количества врачей в стране и повышению доступности их услуг. Однако «12 % отсеянных при наборе в армию по причине психических расстройств не могли остаться незамеченными, — это беспрецедентная и шокирующая цифра».

На момент начала войны в американской армии работали всего тридцать пять психиатров. По словам курировавшего этот вопрос бригадного генерала Уильяма С. Меннингера, «огромная нехватка квалифицированных специалистов — не только психиатров и неврологов, но также психологов и психиатрических социальных работников — стала откровением». К концу войны штат психиатров разросся с тридцати пяти до тысячи в армии и еще семисот в других военных ведомствах. Там был занят «практически каждый член Американской психиатрической ассоциации» и «не было никаких ограничений, касающихся их возраста, дееспособности или профессиональной категории, — привлекались не только военные, но и гражданские специалисты», а также множество новых рекрутов.

Они нуждались в сотнях обучающих центров для подготовки персонала, базовых учебных лагерей, дисциплинарных казарм, реабилитационных центров и госпиталей — как внутри страны, так и за ее пределами. Помимо дел, напрямую связанных с психиатрией, военных психологов привлекали к задачам разработки сложных приборных панелей для военной техники, адаптированных под умственные способности и особенности восприятия людей, которым предстояло ими пользоваться.

«Почти до конца войны, — резюмирует позднее Меннингер, — нам ощутимо не хватало сотрудников, чтобы выполнить всю эту работу».

На самом деле нигде в стране не было достаточно персонала. В лучшем случае треть медицинских офицеров, занятых в нейропсихиатрии, имели какой-либо психиатрический опыт до начала войны. Когда война закончилась и домой вернулись шестнадцать миллионов солдат, за которыми нужно было присматривать, дефицит врачей возрос еще больше. Больше половины случаев госпитализации ветеранов Второй мировой связаны с психическими расстройствами. Гражданские лица тоже начали узнавать все больше о пользе медицинской терапии психического здоровья. Как сказал после войны генерал Меннингер: «Мягко говоря, есть как минимум два миллиона человек, имевших прямой контакт с психиатрией в результате психических заболеваний или личностных расстройств, которые возникли у солдат во время этой войны. С большей частью из них такое случилось впервые. Они теперь знают больше». Получив собственный урок, Меннингер начал активную работу по пропаганде укрепления психического здоровья, профилактической помощи и лечения по всей стране. Теперь уже всей нации пришлось наращивать ресурсы в области служб психического здоровья, как это делала в годы войны армия.

Конгресс принял государственный закон о психическом здоровье в 1946 году, создав Национальный институт психического здоровья, миссией которого стало как можно более широкое общественное обслуживание. Институт ввел новые стандарты в этой области, где клинические психологи стали «учеными-практиками», которые должны работать с общественностью, а не только в закрытых лабораториях. Министерство по делам ветеранов разработало совместные программы, объединяющие его больницы и близлежащие медицинские школы, чтобы выучить психиатров, в которых оно нуждалось, и вскоре наняло на работу в три раза больше клинических психологов, чем их было во всей стране в 1940 году. Клиническая психология стремительно развивалась, получая серьезную поддержку за счет правительственного финансирования.

Тест Роршаха был полезен на всех фронтах — как имеющий ощутимые преимущества диагностический инструмент для практикующих психиатров и как тест, совместимый со свойственным академической психологии стремлением к ко-

личественной оценке. Психология между тем приобретала все больше от психоаналитики и все меньше опиралась на статистику с ростом числа клинических психологов и с их новой подготовкой в качестве «ученых-практиков». Исторически сложилось так, что конкурирующих учебников по оценке личности не появлялось вплоть до конца 1940-х годов, поэтому все возникшие программы клинической психологии не имели иного выбора, кроме книг о тесте Роршаха. В 1946 году он стал вторым по популярности тестом для оценки личности после простейшего упражнения «нарисуй человека», разработанного психологом Флоренс Гудинаф, и четвертым среди всех психологических тестов в целом. В течение многих лет это была самая популярная тема для диссертации в области психологии.

Ограниченное использование теста Роршаха наблюдалось и в армии. Он все еще был медленнее, чем другие тесты, и было недостаточно врачей со специализированной подготовкой, необходимой, чтобы проводить его с миллионами солдат. Или даже недостаточно чернильных пятен: один лейтенант, приписанный к психиатрическому отделению в Париже во время войны, нигде не мог найти набора карточек и был вынужден отправить жену на встречу с Бруно Клопфером на Манхэттене, чтобы она достала набор и прислала ему. (Несколькими неделями позже он наткнулся в подвале штаба на сотни наборов карточек Роршаха и тематического апперцептивного теста, — армия заказала эти материалы, но потом про них благополучно забыли.) Все же, несмотря на провал теста множественного выбора при использовании на медосмотрах, оригинальный тест Роршаха нашел множество других применений в военной области — как в психиатрии для диагностирования и терапии пациентов, так и в психологии, например для исследования переутомления у пилотов.

В более широком контексте возросшее значение психологического тестирования и борьба за позиции между психиатрами и психологами благотворно сказались на судьбе теста Роршаха. Распространенная в то время практика обзорных конференций по заболеваниям, начавшаяся в клиниках детского надзора, объединила психиатра, отвечавшего за лечение, психолога, проводившего тесты, и психиатрического социального работника, принимавшего участие в терапии. Раньше психолог ограничивался тем, что сообщал *IQ* пациента и, может быть, еще пару количественных результатов; после этого его работа

была выполнена. Но если он был экспертом в запутанном тесте Роршаха, то мог принять в дискуссии более продолжительное участие, рассуждая о цветовом шоке, типе восприятия или жестком подходе к решению проблем, — а его коллеги, сидящие вокруг стола, кивали, узнавая неизвестные подробности о своем пациенте.

Тысячи психиатров и психологов видели то, что казалось им шокирующе быстрыми и точными слепыми диагнозами, или совершали при помощи теста Роршаха такие открытия, которых не могла предложить ни одна другая техника. Психиатры, занимавшиеся психоанализом, не доверяя «самоотчетным» тестам (например, опросникам), которые, по их мнению, недооценивали силу бессознательного, лучше других понимали, что тест Роршаха говорит на собственном языке. Именно эти психиатры, как и психологи, называли методику Роршаха «королевой тестов».

Иными словами, и психологи, и психиатры пытались определить, какими должны быть их профессиональные роли на фоне общей угрозы. Медицинские офицеры, в срочном порядке обученные для военной службы и не имеющие ученых степеней в психологии или психиатрии, проделали довольно неплохую работу. А как насчет социальных работников? Если они могли помогать людям столь же эффективно после менее скрупулезной подготовки, называя это «консультированием» вместо «психотерапии», какой же тогда смысл в существовании психиатров и клинических психологов? Сами они утверждали, что смысл заключался в их образовании и опыте, а тест Роршаха был вызывающим уважение и трепет признаком этого опыта. Десять карточек с чернильными пятнами стали важным и ярким символом статуса, гарантирующим сохранность работы врача и создающим ему респектабельный имидж.

Учебник Клопфера «Методика Роршаха: руководство по проекционному методу диагностики личности» вышел в 1942 году, в момент, идеально подходивший для того, чтобы его начали рассматривать как библию для всех, кто занимался психологическими тестами, и стандартный учебник для образовательных программ, формировавших следующее поколение. В предисловии Клопфер отметил, что книга опубликована «во время чрезвычайного положения, когда все мы обязаны максимально эффективно использовать наши ресурсы, будь то люди или материалы».

Метод Роршаха доказал, что способен помочь без лишних трат человеческого ресурса как в армии, так и в гражданской обороне, и Клопфер был благодарен за возможность в этом поучаствовать. Поскольку сам он являлся немецким евреем в изгнании, его патриотизм был искренним; также это был отличный маркетинг. По словам ведущего педагога-психолога Ли Джозефа Кронбаха, в конце пятидесятых не было книги, которая «оказала бы более сильное влияние на американскую Роршах-технику — и, соответственно, на клиническую диагностическую практику, — чем вышедшая в 1942 году книга Клопфера и Келли».

Две женщины, имевшие степень магистров психологии и работавшие в нью-йоркском больничном комплексе Белвью, Рут Бокнер и Флоренс Хэлперн, не стали знаменитыми, но в том же году они опубликовали книгу, которая, возможно, стала самой влиятельной работой на тему теста Роршаха. Написанная в тяжелой обстановке военного времени, книга «Клиническое применение теста Роршаха» была высмеяна экспертами по Роршаху, когда увидела свет («небрежно написанная работа, изобилующая неточными заявлениями, противоречиями и вводящими в заблуждение выводами»), но она была популярна, получила рецензию в журнале *Time* и была переиздана в 1945 году. В ней заявлялось, что все эти новоиспеченные армейские психологи были вынуждены на бегу стать роршахистами по приказу, многие из них были оторваны от изучения бегающих по лабиринтам лабораторных крыс или не имели никакой предварительной подготовки относительно того, что собой представляет тест и как его использовать.

Чересчур упрощенная или нет, но книга была легка для понимания. При помощи напечатанной на последних страницах обложки раскладной таблицы дробей можно было вычислить все процентные соотношения без длительных математических операций на бумаге или возни с логарифмической линейкой (13/29 = 44,7 %). Главы имели названия вроде «Какие символы в колонке я имею в виду», — ведущие роршахисты редко снисходили до такого уровня очевидности. Клопфер описывал эту же тему в главе под названием «Подсчет категорий для размещения ответов», которая занимала в его книге почти сто страниц, а в учебнике Бека 1944 года ей было посвящено шесть отдельных глав, включая «Проблемы подсчета» и «Подход и последовательность. Что, по вашему мнению, могло бы научить вас проводить тест Роршаха?»

Бокнер и Хэлперн были хорошо осведомлены о противоречиях между Клопфером и Беком, нюансах и подводных камнях в работе самого Роршаха, а также сложностях в том, как различные части теста могут взаимодействовать между собой, но все это их не остановило. Кто-то, дающий одну из разновидностей ответа, «очевидно является человеком способностей, а социальное взаимодействие будет для него более трудным»; некто, дающий другой вариант ответа, — «эгоцентричный человек с большими запросами, склонный к раздражительности. Поскольку сам он не может произвести необходимые изменения в своем характере, то ждет, что мир будет подстраиваться под него». Люди, которые находили какую-либо карточку «зловещей», «быстро выходили из себя, когда сгущалась темнота, и, как правило, были склонны к беспокойству и легко впадали в депрессию». Сопротивление одной женщины по отношению к определенной карточке «очевидно имеет сексуальный характер, а анализ содержимого ее ответов показывает, что это, скорее всего, связано с вопросами беременности», упоминания которых она старалась избежать путем «неправильного толкования или отрицания символов мужских половых органов» в чернильном пятне. Ее история показала, что шесть недель назад она и ее любовник «вышли за рамки обычного для них петтинга», и теперь у нее наблюдалась задержка менструации. Подробный отчет о терапии или анализе можно было заменить на пару предложений, используемых для классификации. Тест Роршаха, возможно, было сложнее освоить, чем большинство других, но это не означало, что он не мог быть стандартизирован.

Эти радикальные утверждения и другие, подобные им, пролили свет на то, что впоследствии станут считать общим местом в понимании природы и значения теста Роршаха. Бокнер и Хэлперн уверенно применяли его как проекционный метод, а не перцептивный эксперимент, и они преуменьшали объективные качества реальных изображений: «Поскольку пятна в основном не имеют содержания, субъект вынужден проецировать в них себя самого». Они заявляли, что испытуемого нужно «заставить думать, что любой ответ, который он дает, хороший», а что-либо еще «несовместимо с идеологией эксперимента», хотя в реальности ответы засчитывались как хорошие или плохие, а сам Роршах писал, что вводить людей в заблуждение неэтично в случае, если результаты теста будут иметь какие-то практические последствия.

Именно их версия Роршаха вошла в популярную культуру. Нет «правильных» или «неправильных» ответов, вы свободны говорить все, что захочется, а потом, прежде чем вы осознаете, что вас подвергли классификации, ваши тайны выйдут на поверхность. Бокнер и Хэлперн никогда не получили признания широкой аудитории, как это было с популяризациями фрейдистских идей в психоанализе или с «Моделями культуры» Рут Бенедикт в антропологии, однако то, что массовая американская публика считала знанием о Роршахе, пришло именно из их работы.

И еще одна, третья книга вышла в 1942 году: наконец-то была переведена на английский язык оригинальная «Психодиагностика» Германа Роршаха. Казалось бы, теперь прозвучало авторитетное заявление, которое должно было напомнить читателям, для чего тест был предназначен изначально, вернуть его себе. Но за двадцать лет успело произойти слишком многое. Плохо переведенная, беспорядочно фрагментарная, включавшая в себя его посмертное эссе 1922 года, «Психодиагностика» не говорила ровным счетом ничего о проекционных методах, рентгеновских лучах души, характере и личности, групповом тестировании, антропологии (за исключением сравнения жителей швейцарских Берна и Аппенцелля) или противостоящих друг другу системах Бека и Клопфера. Если бы Роршах был жив, ему было бы всего пятьдесят семь и он смог бы сделать собственный вклад во все эти темы. Сама по себе его книга слишком мала, — и она слишком запоздала, чтобы утихомирить «учеников колдуна».

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

КУЛЬТОВЫЙ, КАК СТЕТОСКОП

К середине сороковых годов практически у каждых американца или американки был сын, брат или другой близкий человек, подвергавшийся психологическому тестированию в процессе призыва на военную службу; все больше людей сами проходили такие тесты. Неудивительно, что именно тогда фрейдистский жаргон — «комплекс неполноценности», «подавление» и так далее — ворвался в популярную культуру наряду с психотерапией в целом, а также чернильными пятнами Роршаха.

В октябре 1946 года миллионы людей увидели статью «Тесты личности: чернильные пятна используются, чтобы понять, как работает человеческий мозг» на страницах журнала *Life*, тираж которого на тот момент приближался к 22,5 миллиона экземпляров, что составляло более 20 % взрослого и подросткового населения США. В статье рассказывалось о четверых «успешных молодых ньюйоркцах», смотрящих на чернильные пятна, — адвокате, директоре, продюсере и композиторе (последним был ставший впоследствии писателем Пол Боулз), а также о Томасе М. Харрисе, «который читает в Гарварде курсы о применении теста Роршаха при выборе работы». Она грамотно описывала такие детали, как нормы и оценки: «Ответы оцениваются не столько по их фактическому содержанию, сколько по результату их сравнения с ответами из тысяч тестов, проведенных ранее... Он относится к классу тестов, которые называются проекционными». Читателям галантно предлагали попробовать это самим.

Затем они могли отложить журнал и отправиться в кинотеатр на просмотр фильма «Тёмное зеркало» — оскароносной кинокартины с Оливией де Хэвилленд в двойной главной роли идентичных близнецов. Фильм начинается с титров, идущих поверх чернильных пятен, а заканчивается, после десятков

зеркал, симметричных узоров и сцен в перспективе «лицом к лицу», словом «Конец», наложенным на еще одно зловеще выглядящее чернильное пятно. Герой фильма, психиатр, использовал тест Роршаха, словесный ассоциативный тест, полиграф и другие ультрасовременные методы, чтобы определить, кто из сестер-близнецов совершил убийство, а по ходу дела влюбился в одну из них. Киностудия *Universal Pictures* рассматривала вариант использования изображения чернильного пятна на афишах и рекламных объявлениях для фильма, но в итоге они остановились на настоящем темном зеркале, обрамляющем раздвоенное изображение Оливии де Хэвилленд, с нацарапанным на раме словом «Близнецы!».

Голливуд погружался во тьму. Всего через два года после жизнеутверждающей фотографии на обложке *Life* 1945 года, где вернувшийся с войны матрос целовал медсестру на Таймс-сквер, этот журнал уже писал в ретроспективном обзоре о 1946 годе как об «эпицентре глубокой послевоенной увлеченности Голливуда болезненной драмой. Круглый год, с января по декабрь, глубокие тени, сжатые руки, громыхающие револьверы, злобные садисты и героини, мучимые глубоко укоренившимися душевными расстройствами, мелькали на экранах в лихорадочном калейдоскопе психоневрозов, недозволенного секса и самых подлых убийств». Фильмы жанра нуар, кинематографическое искусство проецирования психологических теней в черно-белом цветовом диапазоне вызвали к жизни подтексты пятен Роршаха, связанные с сексом и насилием.

У нуара и чернильных пятен было больше общего, чем только лишь цветовая гамма. Экспрессионизм был еще одним подарком США от немецкоязычной молодежи и ранних двадцатых годов и еще одним новым способом визуализации психических состояний. В фильмах жанра нуар — по определению первой книги об этом жанре, *A Panorama of Film Noir*, «похожих на сны, эротичных, неоднозначных и жестоких» — голливудские эмигранты-европейцы использовали визуальный стиль «Кабинета доктора Калигари» и других классических произведений экспрессионизма, чтобы создать новый, дезориентирующий мир. Сюжет картины «Незнакомец на третьем этаже» (1940), которую часто называют первой в жанре нуар, вращался вокруг вопросов восприятия и интерпретации: был ли ключевой свидетель судебного процесса по делу об убийстве прав относительно того, что, как ему казалось, он видел.Архети-

пичными персонажами фильмов нуар были частный детектив, ищущий правду в мире моральной извращенности, и «роковая женщина» — загадочная личность, как правило, находившаяся под подозрением. Тесты Роршаха буквально превращались в сюжетные ходы кинофильмов.

Кино — не единственное искусство, которое в середине XX столетия впитало влияние Роршаха. В двадцатые годы кляксообразные изображения появлялись в визуальном искусстве французских и немецких сюрреалистов, которые интересовались бессознательным как источником сновидений и автоматического письма. Но сюрреализм был ближе к клексографии Кернера, нежели к тесту Роршаха. Сюрреалисты считали, что методы, основанные на случайном выборе, вызывают проявления бессознательного, как самовоспроизводящиеся пятна Кернера вызывали видения из иного мира. Они отрицали или преуменьшали свою собственную роль в создании стихов или картин, но часто парадоксально настаивали на необходимости определенной интерпретации своего творчества: когда в 1920 году Франсис Пикабиа нанес асимметричную чернильную кляксу на забрызганный краской лист бумаги, прямо на изображении он написал название — *La Sainte Vierge* («Дева Мария»).

Искусство, которое американцы стали ассоциировать с Роршахом, было менее поверхностным, нежели в работах сюрреалистов, оно в большей степени работало именно так, как работали сами чернильные пятна, — новая разновидность живописи, воплощавшая культуру личности.

Заголовок статьи в *Life* о Джексоне Поллоке представлял собой риторический вопрос: «Является ли он величайшим ныне живущим художником в Соединенных Штатах?» Картины-брызги Поллока были чистейшим самоизлиянием: «пароксизмами страсти», «экстатической силой», настолько ярким самовыражением, что возникшее после них движение было названо абстрактным экспрессионизмом. «Большинство современных художников, — сказал Поллок, — работают изнутри себя». Сделанные Гансом Намутом фотографии Поллока в его студии — разбрызгивающего краску, рассыпающего песок, брызгающего и капающего на огромный холст, расстеленный на полу, — стали культовыми, и они показали, даже более отчетливо, чем картины, художника в действии. Одетый во все черное, с сигаретой во рту — так он отыгрывал свою индивидуальность.

Картины и пятна могли разительно отличаться друг от друга — по симметрии, цвету, ритму, контексту, размеру, — но они оказывали похожее воздействие на зрителя (см. вклейку). В сочетании с исповедуемым Поллоком образом сильного и молчаливого ковбоя и послевоенным историческим контекстом сверхдержавного чванства Америки, его искусство словно окатывало зрителей своеобразным властным презрением: ему неважно, как вы отреагируете, у него нет истории о том, что вы должны были увидеть. В то же время оно привлекало вас, вело ваш взгляд вдоль динамичного холста, заставляло подойти ближе к картине или отступить от нее. Тем же самым является и первая встреча с изображениями Роршаха. Примерно в 1950 году, в разгар славы Поллока, бесчисленные статьи, фельетоны и карикатуры, посвященные современному искусству, сделали само собой разумеющимся мнение, что такое искусство — не что иное, как тест Роршаха.

Чернильные пятна использовались, чтобы оживить другие, более легкие направления популярной культуры. Рекламщики сочли тест Роршаха, отличающегося гармонией опыта и таиснвенности, известного и одновременно непознанного, в равной степени подходящим для провоцирования нужных мыслей как в мужском мире бизнеса, так и в женской вселенной удовольствий. Клякса, наложенная на график фондового рынка в 1955 году, рекламировала инвестиционную компанию, чьи эксперты знали ваши особенности лучше, чем вы сами. «Существует много видов анализов... *A. G. Becker & Co* обеспечат внимательный обзор вашего портфолио с учетом *ваших* конкретных инвестиционных целей. (Кстати, *можете ли вы* сказать, каковы ваши инвестиционные цели в ближайшей и долгосрочной перспективе? Если нет — вам тем более нужно позвонить в *A. G. Becker & Co.*)»

Не то чтобы бизнес-экспертиза была скучным занятием: «Существует оригинальный подход к чему угодно», и компания *American Mutual* предлагала «возможно, самую креативную программу страхования от безработицы из доступных на рынке». Тем временем некоторые из парфюмерных объявлений 1956–1957 годов включали фотографию женщины, рядом с которой было нанесено чернильное пятно, а ниже было приведено пояснение: «Вы будете той, кем хотите быть, с *Bal de Tete*, идеальным комплиментом вашей индивидуальности». Другие объявления предоставляли пятнам возможность говорить самим за себя.

Фирма *Lowell Toy Manufacturing*, издатель семейных настольных игр, основанных на популярных телевизионных шоу и сериалах («Правильная цена», «Ставка равняется жизни с Граучо Марксом», «Дымок из ствола»), апеллировала к несколько более низким инстинктам, выпустив в 1957 году настольную игру с чернильными пятнами, носившую название *PERSON-ALYSIS*, «откровенную психологическую игру для взрослых, основанную на новейших психонаучных методах тестирования», говорилось в инструкции.

Рекламное объявление в *New Yorker* давало более конкретный намек: «Новинка мира интеллектуальных настольных игр, *PERSON-ALYSIS*, предлагает участникам веселые, захватывающие, интимные и откровенные возможности заглянуть в личную жизнь друзей и родственников... и даже собственную». Чтобы развлечься, мамы и папы брались за карточки с чернильными пятнами. Психология означала Фрейда, а Фрейд означал секс, но у фрейдистских идей не было отчетливых визуальных символов, которые ассоциировались бы с ними. В пятидесятые годы чернильное пятно Роршаха воплотило в себе визуальную сторону бессознательного, а после докладов Кинси, опубликованных в 1948 и 1953 годах, американцы стали меньше стесняться говорить о том, на что это, по их мнению, похоже.

В каждом уголке американской культуры наступил праздник Роршаха. Согласно статистике *Google*, пика в возвеличивании этого символа Америка достигла в 1954 году. В качестве реального теста, проводимого психологами и психиатрами, Роршах был самым популярным в мире в пятидесятые и шестидесятые годы. Чернильные пятна показывали людям в больницах, клиниках и методических центрах как минимум миллион раз в год только в Соединенных Штатах, тест стал «столь же тесно связан с образом клинического психолога, как стетоскоп привязан к образу врача в целом».

Их использовали для изучения всего и всех. В одной немецкой диссертации тест Роршаха применялся для того, чтобы подтвердить опубликованное ранее утверждение, что женская психология меняется во время менструации. В течение месяца автор показал чернильные пятна двадцати коллегам-женщинам из медицинского училища, а после сделал это еще раз, в первый день их менструального цикла. Во время цикла он отметил возросшее количество ответов, имевших сексуальный или анатомический подтекст, замедлившиеся реакции, более

вычурные детальные ответы и более произвольный подход. Он не мог не заметить, что в два раза возросло количество ответов «*кровь*», и в шесть раз больше стало «*огней*», «*пещер*» и «*ворот*». Менструирующие женщины давали меньше ответов Движения и меньше ответов на карточки, которые, по идее, должны вызывать ответы Движения, что означало подавление: «недоверие к собственной внутренней жизни». Было больше Цветовых ответов, испытуемые очень активно «реагировали на эмоции». Из этого был сделан следующий вывод: психолог, проводящий тест Роршаха с женщинами, должен учитывать фактор влияния на их ответы менструального цикла.

Энн Роу, профессор Гарварда и клинический психолог, развернула стол в обратную сторону, начав использовать тест Роршаха и ТАТ для исследования психологии ученых. Она, в частности, обнаружила, что социологи давали на карточки Роршаха больше ответов, чем представители естественных наук (в среднем 67 на человека, в отличие от 22 у биологов и 34 у физиков), более мягко выражали свою агрессию и «имели более сильную склонность к общественным отношениям, но сильнее обеспокоены этими отношениями». Особенно интересен тест Роршаха, проведенный ею с бихевиористом Б.Ф. Скиннером, который дал ошеломляющее количество ответов — 196, — отмеченных «презрительным отношением к другим людям». Он видел в пятнах мало человеческих фигур и продемонстрировал «недостаток уважения к жизням животных», а также проявил особенности, которые заставили группу экспертов, когда им сказали, что испытуемый является известным психологом, предположить, что это был именно Скиннер. Он пренебрежительно отнесся к самим чернильным пятнам, делая в своих ответах такие ремарки, как «Симметрия вызывает неудобство», «Мелкие детали меня напрягают», «Плохо нарисовано» и «Не очень хорошо организовано».

У Скиннера был большой опыт работы с проекционными методами. Одним воскресным утром, будучи сильно занят в своей подвальной лаборатории в Гарварде, он услышал доносящийся через стену звук какого-то механизма: «Ди-*да*-ди-ди-*да*, ди-*да*-ди-ди-*да*», — и собственный голос зазвучал в его голове, снова и снова повторяя: «Не выйдешь никогда. Не выйдешь никогда». Вместо того чтобы проводить больше времени по выходным за пределами лаборатории, Скиннер связался с Генри Мюрреем из Гарвардской психологической клиники,

который как раз в то время занимался разработкой ТАТ. Скиннер помог ему создать ТАТ, а заодно придумал собственный тест, технику, названную «вербальный сумматор», суть которой заключалась в том, чтобы проигрывать испытуемым звуки, похожие на слова (такие звуки Скиннер стал специально собирать и записывать), которые он назвал «чем-то вроде звуковых чернильных пятен». Другие психологи быстро взяли на вооружение эту аудиоверсию теста Роршаха.

В 1950-х годах еще кое-кто пытался использовать проекционные методы на самом пределе человеческих чувств. Доктору медицины Эдварду Ф. Керману казался постыдным упущением факт, что слепые люди не охвачены всеми этими мощными методиками, поэтому он создал проекционную методику «Кипарисовое колено Кермана». В нее вошло шесть резиновых копий кипарисовых колен, которые давали ощупать испытуемым. («Кипарисовое колено, — пояснял он для тех, кто не был знаком с этим термином, — это образование, вырастающее на корнях кипарисового дерева [*Taxodium distichum*], которое попало в нашу культуру как объект орнаментов, привлекающий внимание наблюдателя из-за своей способности стимулировать творческие реакции на его многослойную, неоднозначную форму».) Люди должны были оценить резиновые слепки от наиболее приятного на ощупь до наименее приятного; дать каждому кипарисовому колену имя или название; рассказать историю с участием этих шести персонажей; а затем назначить один слепок на роль матери, другой сделать отцом, а третий — их ребенком, после чего рассказать еще одну историю обо всех троих.

Одному слепому восемнадцатилетнему старшекласснику больше всего понравился номер 5: «Это напоминает мне одного из монстров древнегреческой мифологии или что-то, имеющее несколько голов... Не знаю, что еще это может быть, мне просто это нравится». Он назвал его Авогадро, в честь химического закона, который гласит, что одинаковые объемы любого газа при одной и той же температуре и равном давлении будут иметь одинаковое количество молекул. Номер 4 был скучным: «Мне не нравятся вещи с ровной поверхностью». Анализ доктора Кермана читается как самопародия: «это не означает», что молодой человек «должен быть признан психопатической личностью или явным гомосексуалистом, но склонность и к тому и к другому у него есть». Отмечая, что достоверность теста не

была доказана, Керман заканчивает на оптимистичной ноте: «Поскольку необходимы исследования достоверности, автор приглашает заинтересованных работников области или техников проекционных методик присоединиться к нему».

Присущий Керману неуклюжий фрейдизм был в середине века был повсюду. Возникла новейшая теория, утверждающая, что одна из карточек Роршаха была «Отцовской карточкой», а другая — «Материнской», и любые ответы, данные на эти две карточки, были особенно значимы при оценке семейной психодрамы испытуемого. Если женщине казалось, что руки на Отцовской карточке были «худыми и слабыми», это было дурным знаком для ее любовной жизни.

По мере того как клинические психологи продвигались во второй части своей миссии «ученых-практиков», все меньше ориентируясь на количественные данные и все больше внимания уделяя психоанализу, они начали считать недоработкой игнорирование богатого вербального материала, который накапливался в процессе проведения тестов Роршаха. Конкретные оценки могли быть слишком строгими, а правильный подсчет результатов ранее считался деликатной и трудной работой, требующей длительной подготовки, тонкой чувствительности и даже владения искусством. Теперь, по словам одного из защитников нового подхода, практика придерживаться «точки зрения старого объективного подхода» хотя и «похвальна», но может «оказаться не вполне удовлетворяющей нуждам современного психиатра».

Роберт Линднер, популярный психолог, чья нехудожественная книга «Бунтовщик без причины» подарила название культовому кинофильму, был одним из главных апологетов такого подхода к тесту Роршаха. По его утверждению, «то, *что* говорит и делает пациент во время теста Роршаха, не менее важно, чем то, *как* он это говорит и делает, а в некоторых случаях — даже более важно». Внимание, проявленное по отношению к содержанию ответов, «чрезвычайно обогащает ценность Роршах-протокола для диагностических и терапевтических целей». По словам Линднера, на тот момент были обнаружены сорок три специфических ответа, которые сами по себе являлись диагностическими. Например, мужчины часто видели центральную нижнюю часть Карточки I как пышный женский торс, но гомосексуалисты были склонны видеть там мускулистый мужской торс. Бокнер и Хэлперн говорили о том, что значит

найти какую-либо карточку «зловещей». Линднер же назвал это Карточкой Суицида: «Ответы, содержащие такие образы, как “гниющий зуб”, “гнилой древесный ствол”, “пелена из черного дыма”, “что-то гнилое”, “обожженный и обугленный кусок дерева” возникают в тяжелых депрессивных состояниях с суицидальным оттенком и саморазрушительным мышлением. Однако, если в ответе на этот фрагмент упоминается смерть, есть неплохая перспектива, что пациенту принесет пользу электрошоковая терапия».

Собственная позиция Роршаха по поводу анализа содержания неоднозначна. В 1920 году он это отвергал, но в 1922 году сменил свою точку зрения, придя к выводу, что «содержание ответов тоже может быть значимым». После того как его более поздняя лекция была включена в английский перевод «Психодиагностики», обе цитаты оказались под одной обложкой, и представители любой из сторон дебатов могли привести в свою пользу выдержку из этого «священного писания».

Другие психологи тем временем начали уделять больше внимания тому, как испытуемые говорили, не фокусируясь при этом ни на содержании, ни на формальных оценках. Дэвид Рапапорт и Рой Шафер, ключевые фигуры в психоаналитически ориентированной части Роршах-сообщества середины века, разработали новые коды для тех ответов на тест, что попросту звучали безумно: «Девиантные вербализации» с дальнейшим разделением на «Необычные вербализации» («шкура зебры... хотя нет — на ней же нет пятен»), «Странные вербализации» («психиатрические эксперименты; абстрактная живопись; душа, горящая в аду»), «Аутистическая логика» («еще одна драка, которая происходит в Южной Африке») и еще с десяток прочих категорий.

Поведение во время прохождения психологического теста все так же оставалось привычным поведением; бессвязные или связанные с насилием фантазии во время теста Роршаха — столь же дурными знаками, как и в любом другом контексте. Почему бы не интерпретировать все, что говорят испытуемые? И лишь немногие стали бы отрицать, что «пелена из черного дыма» в сочетании с другими болезненными и зловещими ответами предполагает наличие определенных темных наклонностей. Как и в случае с попыткой Георга Рёмера в 1920-е годы перейти к «основанному на содержании символическому тесту», отказ от подсчета ответов Движения, Цвета и других формальных катего-

рий содержал в себе риск потери уникальной ценности оригинальных чернильных пятен. Некоторые считали, что это делает время и усилия, необходимые для проведения теста Роршаха, бессмысленными: любой, кто сказал, что видит «сюрреалистическую живопись» или «душу, горящую в аду», вероятно, добавит к этим словам что-нибудь еще, если вы просто поговорите с ним пять минут. Сторонники анализа фактического содержания и приверженцы анализа содержания вербального всегда ограждали себя изгородями из отрицания и отказа от ответственности: вы должны действовать с большей осторожностью; это лишь предположения или рекомендации; это просто дополняло традиционный подсчет результатов, но никогда не заменяло его. Потом появился ключ к ответам, и дым стал значить что-то определенное, а мужской или женский торс — что-то еще.

Каким бы ни было изначальное намерение Роршаха, подход, основанный на содержании, — самый соблазнительный для практиков и фрейдистский, но также и самый противоречивый, склонный к субъективности и неправильному использованию, — теперь стал жизнеспособной альтернативой другим, более умеренным роршаховским методикам. Он все сильнее и шире распространялся в общественном сознании. Увидеть счастливую бабочку на лугу — хорошо, увидеть убийцу с топором — плохо. Популяризировать такую идею было очень легко.

В середине XX века, когда кто угодно был волен использовать пятна Роршаха и злоупотреблять ими по собственному усмотрению, несколько вдумчивых персонажей остановились, чтобы оглянуться на то, что было уже изучено, и посмотреть, насколько далеко предстояло еще продвинуться. Роршах считал, что люди проходят через интровертную фазу в период с тридцати трех до тридцати пяти лет, отступая «вглубь себя», чтобы потом вернуться, будучи заряженными идеями и планами на будущее. По совпадению или нет, тест, рожденный в 1917 году, прошел сквозь тот же рефлексивный момент в начале пятидесятых.

Именно тогда Генри Элленбергер разыскал Ольгу Роршах и других доживших до того времени родственников, коллег и друзей Германа и написал очерк в сорок пять страниц «Жизнь и труды Германа Роршаха», опубликованный в 1954 году. Двумя годами раньше, в первом выпуске журнала под названием «Роршахиана» (*Rorschachiana*) Манфред Блейлер, сын Эйгена Блейлера, Германа и написал личности марокканских крестьян,

второй человек, который привез чернильные пятна в Америку, — опубликовал эссе, обозревающее 30 лет использования теста Роршаха в клинической медицине и психологии. Он заключил — более скромно, чем многие писавшие о тесте американцы, — что практические вопросы никогда не должны решаться при помощи одного лишь теста Роршаха: он «ни в коем случае не являлся безошибочным диагностическим инструментом в индивидуальном случае». Он не мог заменить ежедневные разговоры с пациентом и наблюдение за его повседневной жизнью, а мог лишь дополнить их. Но за пределами использования при терапии отдельно взятых пациентов, утверждал Блейлер, значимость теста была неоценима. «*Что тест Роршаха действительно способен сделать* [курсив его], *так это следующее*: о*н может дать четкую картину самых главных проблем психологии и психопатологии, а также подсветить ранее невидимую их сторону...* Хорошо известно, какую роль сыграл простой детский воздушный змей в развитии авиации. Похожим образом с тестом Роршаха психолог может что-то доказывать, что-то искать, почти играть с ним (как с воздушным змеем), готовясь к более сложной задаче, — увидеть живого человека и его патологию как целое и вместе с тем по отдельности. Я убежден, что тесту Роршаха предстоит выполнить чрезвычайно важную культурную миссию... следуя личной традиции его создателя: ничто не находится дальше от его идей, чем желание заключить человека в формулу и низвести его до механизма, на который можно повесить ярлык исходя из измеряемых показателей. Что он по-настоящему искал, так это образ человека, освобожденного от завес условности... Я думаю, что дальнейшие исследования с применением теста Роршаха тоже нуждаются в его духе, который не хотел схематизировать живого человека, но хотел, несмотря на схематизирующий и формализирующий дух нашего времени, помочь нам заглянуть как можно глубже в великое чудо жизни».

Человек, проходящий тест Роршаха, был освобожден от груза условностей, поскольку интерпретация чернильных пятен являлась задачей, для которой в повседневной жизни просто не существовало условностей и норм. Как писал Роршах сестре в 1908 году: «Нюансы общественного взаимодействия, сопутствующая ему ложь, традиции и обычаи являются дамбами, которые перекрывают нам видение реальной жизни».

В процессе широкомасштабного поворота в сторону анализа содержания одинокий голос призывал обратиться к форме.

В двух своих статьях в 1951 и 1953 году психолог и теоретик визуальных искусств Рудольф Арнхейм напоминал своим читателям о существовании «объективно воспринимаемых характеристиках пятен как визуальных стимулов... самих по себе». Произносимый ответ был чаще «вызван свойствами самих чернильных пятен, нежели личными особенностями респондента». Другими словами, это не было чистой проекцией. На самом деле, утверждал Арнхейм, метафора «проекции», хоть она и была визуальной, недооценивала акт видения, взаимодействия с тем, что было изображено в действительности: «После неискренних слов о побуждающих факторах мы часто говорим так, словно зритель галлюцинирует в пустоте», проецируя то, что диктует личность, а не отвечая на реальное, конкретное изображение.

Даже ответ Движения, который Роршах связывал с похожей на проекцию концепцией «вчувствования», был не полностью субъективным. Изображение может быть в большей или меньшей степени динамичным, отмечал Арнхейм. В некоторых неподвижных изображениях — таких, например, как портрет человека, поворачивающего голову, — присутствует движение, а в других его нет. Эти качества были «не более «субъективными», чем форма или размер». «Наклоненные клинья» на карточке I динамичны по своей сути; в «кланяющихся официантках» на карточке III присутствовали изгибающиеся линии, объективно содержавшие в себе больше энергии, чем в «карабкающихся медведях» с карточки VIII, в которых «до обидного мало визуальной живости».

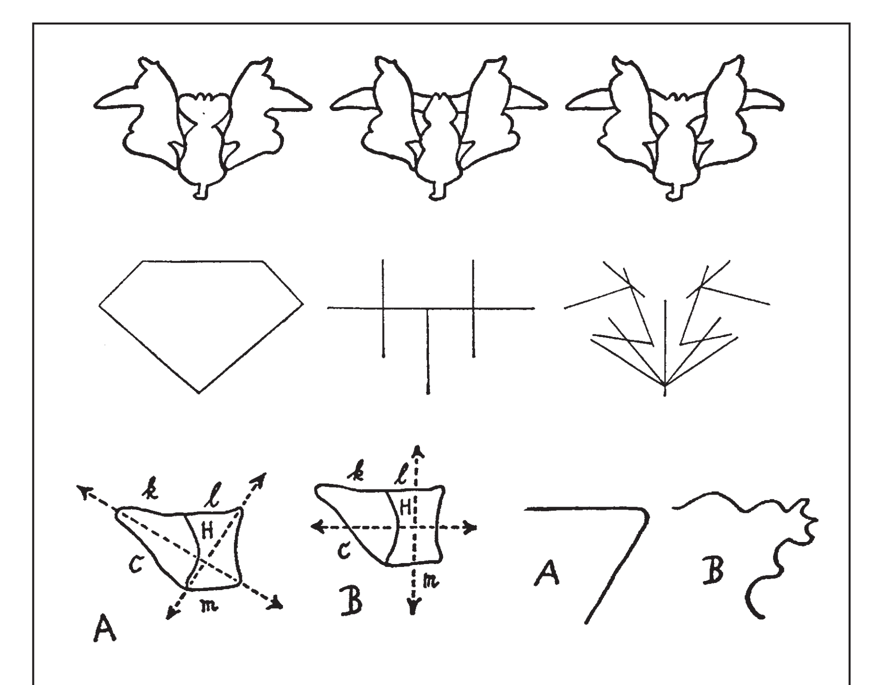
Арнхейм начал расписывать визуальные свойства чернильных пятен в деталях. Центральное белое пространство на карточке II (см. Введение) легко можно рассматривать как фигуру переднего плана «из-за его симметричной формы, выпуклости и замкнутости», но также оно «хорошо сочетается» с остальным белым пространством карточки, образуя фон для формы черного цвета. Это объективные визуальные свойства, которые предопределяли диапазон ответов проходящего тест человека. Арнхейм потратил десять страниц на описание хитросплетений одной только карточки I. Он предположил, что подобного визуального анализа никогда прежде не существовал, поскольку пятна Роршаха были широко признаны «неструктурированными», а ответы на них — «чисто субъективными». Он назвал это «односторонней концепцией». Если бы кляксы в одно и то

же время были неоднозначными и «достаточно структурированными, чтобы вызывать некого рода реакцию», то, разумеется, нужно было бы приложить усилия, чтобы сказать, в чем заключается их структура. В любом случае изображения достаточно сложные, чтобы заставить Арнхейма предложить использовать их для непосредственного исследования того, как люди обрабатывают визуальную информацию. Например, психолог мог напрямую спрашивать людей, видят ли они карточку I «как комбинацию из трех вертикальных блоков или как систему парящих в воздухе диагоналей», вместо раунда просмотров с вопросом «Что это может быть?» о каждой из карточек.

После своих эссе в начале пятидесятых, когда Арнхейм стал самым влиятельным теоретиком, применявшим методы нейропсихологии и когнитивной науки в изучении искусства, он перестал обращаться к тесту Роршаха именно потому, что большинство людей продолжали думать о нем как о чисто субъективном упражнении в проецировании. Лишь еще один писавший о тесте Роршаха поддержал воззвание Арнхейма к пристальному визуальному анализу, и он тоже поставил под сомнение идею о том, что тест был упражнением в «проекции».

Психолог Эрнест Шахтель (1903–1975), возможно, ближе всех подошел к тому, чтобы вывести понимание Роршаха на уровень философии. Он считал подходы Бека и Клопфера одинаково ограниченными и назвал руководство Клопфера 1942 года расплывчатым, противоречащим самому себе и полностью изолированным от «совокупности человеческого опыта». Истинная цель чернильного эксперимента, писал Шахтель, как и Блейлер через десять лет после него, заключалась в том, чтобы «расширить понимание человеческой психики». В то время как сам Роршах «никогда не терял из виду этой цели, в книге Клопфера она едва ли появляется в поле зрения читателя».

В дискуссии об анализе содержания Шахтель соглашался с тем, что проводящие тестирование врачи должны использовать все, что возникает в процессе проведения теста. Но он произвел разделение, которое проходило глубже, чем граница между формальным ответом и ответом, основанным на содержании. Что является результатом теста Роршаха, спрашивал он: слова, которые произносит человек, или вещи, которые он видит? Эмпиристы или буквалисты скажут, что у нас есть доступ только к тому, что испытуемые говорят вслух, мы не

Графики из произведенного Арнхеймом визуального исследования карточки I.

(a) Фрагменты можно сгруппировать множеством способов. Например, треугольные крылья на каждой из сторон легко принять за часть боковых колонн или за отрезок перекладины, пролегающей через верхнюю часть как отдельно от центральной колонны, так и в составе ее.

(b) Определяющей частью визуальной формы является не внешний контур, а то, что может быть названо «структурным скелетом», а карточка I соответствует нескольким возможным скелетам, таким, как эти три.

(c) Скелеты, в особенности основные оси, меняют динамику восприятия. Например, белый треугольник и серый прямоугольник в нижней части карточки могут выглядеть наклонными и очень динамичными, как показано на рисунке A, или более статичными, как показано на рисунке B.

(d) Контуры изображения, такие как кончики «крыльев», одинаково хорошо подходят как для сглаживания, так и для обострения восприятия.

можем, в конце концов, читать их мысли. По мнению Шахтеля, мы каждую секунду знаем, что видят или чувствуют другие люди и, как бы ни было это сложно — глядеть на мир чужими глазами, — именно это и должен предпринять психолог. Тест Роршаха, писал Шахтель, анализировал восприятие и процес-

сы восприятия как таковые, «а не слова, использованные для выражения этого восприятия или его части, хотя с психологической точки зрения эти слова тоже достаточно важные». Важно было понять, что человек видел и как, даже если тестировавший его мог постичь этот процесс лишь при помощи эмпатии и воображения, которые не могут быть измерены количественно. Если использовать тест только для анализа сказанных слов, он «станет скорее стерильной техникой, нежели гениальным инструментом для изучения человека, который был придуман и явлен миру Германом Роршахом».

Хотя Шахтель никогда не создавал собственной системы оценок и интерпретаций протоколов Роршаха — его идеи просто были направлены против систематизации, — именно он подхватил мысль, высказанную в 1951 году Арнхеймом, о том, чтобы давать детальный анализ чернильных пятен как фактических визуальных объектов, а не простых экранов, предназначенных для проецирования. Он анализировал единство или фрагментарность пятен, их прочность или хрупкость, массивность или деликатность, устойчивость или нестабильность, твердость или мягкость, влажность или сухость, свет или тьму, постоянно подчеркивая психологический резонанс этих качеств.

Например, размер изображения — объективный факт, но значение этого размера — факт психологический. «Никакой миниатюрный портрет, — говорил Шахтель, — не трогает нас с той же силой, глубиной и неподдельной человечностью», как портрет среднего размера, написанный великим художником. Чтобы добиться этого, портрет должен иметь человеческий масштаб — необязательно в буквальном смысле полноразмерный, но «тот масштаб, где он может обратиться к полному спектру человеческих чувств и получить ответ». Так же и работоспособность чернильных пятен, хотя они и не были портретами, зависела от размера карточек, — одна из причин, по которым групповой тест Роршаха, представленный в виде слайд-шоу, менее эффективен, чем оригинальный.

Как Шахтель, так и Арнхейм, который позднее в своей карьере написал книгу о балансе и симметрии, «Сила центра» (англ. *The Power of the Center*), демонстрировали, как открытия, сделанные в науке восприятия со времен Роршаха, подтвердили его точку зрения о том, что горизонтальная симметрия имеет решающее значение. Вертикальная симметрия, к приме-

ру, менее значима: кажется, что большинство объектов меняют форму, когда мы рассматриваем их вверх ногами, но не когда мы смотрим на их зеркальное отображение. Взрослые рефлекторно поворачивают перевернутые изображения правой стороной вверх, но дети — нет. Они еще не научились ориентации в пространстве, еще не знают, что вертикаль отличается от горизонтали. Ряд одинаковых кругов в горизонтальном кольце выглядят одинаковыми по размеру, а в вертикальном — нет. Это одна из причин, по которым луна кажется больше, когда находится ниже в небе. Но этой разницы не существует для обезьян, которые перемещаются в пространстве как горизонтально, так и вертикально, а также для детей, которые еще не научились стоять на двух ногах. Это не законы геометрии, это законы человеческой психологии.

Только в ретроспективе становится заметно, что Шахтель, Арнхейм, Блейлер и Элленбергер, с их углубленными размышлениями о характере теста и жизни его создателя, выделяются среди кипарисовых колен, настольных игр и объявлений, рекламирующих духи. В то время чернильные пятна просто использовались большим количеством способов в большом количестве отраслей.

Одно из этих применений в Германии сразу после окончания Второй мировой войны имело самоочевидную важность. Но оно хранилось в секрете в течение двадцати лет, — это поднимало слишком много вопросов, с которыми послевоенный мир, продолжавший бороться с ужасами холокоста, еще не был готов столкнуться. Еще один тест Роршаха, проведенный в Иерусалиме в 1961 году, в один из определяющих моментов истории века, наконец-то вывел эти вопросы на свет.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

РОРШАХ И НАЦИСТЫ

К 1945 году слово «нацист», обозначавшее члена Национал-социалистической немецкой рабочей партии, стало известно всему миру как определение хладнокровного садиста и чудовища, стоящего за гранью человечности. Было убито шесть миллионов евреев. Как мог кто-либо из нацистов не знать об этом? В мире возникло огромное стремление устроить глобальный процесс против нацизма, с обвиняемыми, виновными и приговоренными к смерти, но для этого не было правовой основы. Истина заключалась в том, что не все инициаторы и исполнители холокоста были членами нацистской партии, и наоборот — не все ее участники были причастны к геноциду. Было невозможно, логически и принципиально, осуждать каждого члена партии как военного преступника. Зверства были беспрецедентными в человеческой истории, но по этой самой причине было неясно, по каким законам нужно судить эти преступления.

Юридические вопросы разрешились путем переговоров между союзниками, приведших к изданию специального указа. Был создан международный военный трибунал. Обвинения в «преступлениях против человечества» впервые были выдвинуты на начавшемся в 1945 году Нюрнбергском процессе. В качестве первой группы подсудимых были выбраны двадцать четыре видных нациста. Но моральные затруднения все еще оставались. Подсудимые утверждали, что они следовали законам своей страны, что в данном случае означало выполнять все, чего желал Гитлер. Правомерно ли привлекать людей к ответственности на основании более высокого закона, общего для всего человечества? Насколько глубока культурная относительность? И если бы эти нацисты действительно были невменяемыми психопатами, не значило ли бы это, что они не

могут предстать перед судом или вовсе невиновны? Один из нюрнбергских обвиняемых, Юлиус Штрейхер, был жестоким антисемитом, извращенным в столь неприличной степени, что в 1939 году он был отстранен от государственных обязанностей и помещен под домашний арест самим Гитлером. В какой степени он ответствен за военные преступления?

Заключенных содержали поодиночке на первом этаже трехэтажного тюремного блока с камерами по обеим сторонам широкого коридора. Каждая камера — размером девять на тринадцать футов, с деревянной дверью толщиной в несколько дюймов, высоким окном во двор, стальной кроватью и унитазом без сидения и крышки, расположенным таким образом, чтобы охрана могла видеть ноги сидящего на нем заключенного. Личные вещи заключенных лежали на полу. Пятнадцатидюймовая панель в середине двери камеры всегда была открыта, образуя внутри камеры полку, на которую ставили еду. Сквозь это отверстие охранники, по одному на каждого узника, могли постоянно следить за обитателями камер. Там всегда горел свет, — ночью его приглушали, но он все еще оставался достаточно ярким, чтобы можно было читать, — а голова и руки узника всегда должны были находиться в зоне видимости охраны. За исключением суровых замечаний в случае, когда нарушались какие-либо правила, охранники никогда не разговаривали с заключенными, как и надзиратели, которые приносили им пищу. Раз в день узников выводили на пятнадцатиминутную прогулку, каждого по отдельности, а душ им позволяли принимать раз в неделю под надзором. До четырех раз в день, выведя заключенного, каждую камеру обыскивали — столь тщательно, что требовалось четыре часа, чтобы привести ее в прежнее состояние.

Узники Нюрнберга получали медицинское обслуживание, чтобы оставаться здоровыми во время процесса. Медики вылечили Германа Геринга от морфиновой зависимости, частично восстановили работоспособность руки Ганса Франка после того, как он вскрыл вены, пытаясь покончить с собой, помогли уменьшить боли в спине у Альфреда Йодля и невралгию у Йоахима фон Риббентропа. Там были зубные врачи и военные священники — католик и протестант, — а также тюремный психиатр. То был не кто иной, как Дуглас Келли, соавтор книги Бруно Клопфера 1942 года «Техника Роршаха».

Келли был одним из первых членов Института Роршаха, завербовавшихся на фронт после Перл-Харбора, а к 1944 году

он был главным психиатром европейского театра военных действий. В 1945 году он находился в Нюрнберге, а его задачей было помочь установить, являются ли обвиняемые в достаточной степени психически вменяемыми, чтобы предстать перед судом. Он наблюдал за ними в течение пяти месяцев, каждый день делая обходы и подолгу разговаривая с ними, порой просиживая на краю кровати кого-то из заключенных до трех-четырех часов. Нацисты, одинокие и скучающие, охотно разговаривали с ним. Келли говорил, что у него никогда не было такой группы пациентов, которых настолько легко разговорить. «В дополнение к тщательным медицинским и психиатрическим осмотрам я подверг этих людей серии психологических тестов, — писал Келли. — Самой важной из использованных техник был тест Роршаха, хорошо известный и широко применяемый метод исследования личности».

Еще один американец имел свободный доступ к заключенным — американский офицер-психолог Густав Гилберт, обычно специализировавшийся на социальной реабилитации бывших заключенных. Его задача заключалась в том, чтобы наблюдать за настроением обвиняемых и собирать любые возможные сведения. Он посещал их почти каждый день, непринужденно беседуя о том, что они чувствовали, потом уходил и все записывал. У него был опыт в психологии, и он называл себя тюремным психологом, по-видимому, провозгласив себя таковым, не имея на то полномочий. В отсутствие четкой субординации такое определение за ним закрепилось.

Келли нуждался в переводчике, чтобы проводить тесты; Гилберт не имел большого опыта в диагностическом тестировании, поскольку изучал социальную, а не клиническую психологию, но он был единственным, помимо капелланов, американским сотрудником тюрьмы, кто говорил по-немецки. Кроме того, он «с нетерпением ждал возможности поработать с нацистами». И он, и Келли знали, что объективные данные о личностях этих знаменитых в мировой истории преступников были золотой жилой, и оба хотели использовать самую передовую психологическую технику, чтобы открыть секреты разума нацистов.

Еще до того как процесс начался, Гилберт давал заключенным тесты на коэффициент интеллекта, из которых исключались вопросы, для верного ответа на которые нужно было иметь американский культурный багаж. Некоторые из

нацистов отнеслись к этому агрессивно, а один симулировал ошибки, чтобы поиздеваться над Гилбертом-евреем (Штрейхер, бывший учитель, утверждал, что не может вычислить, сколько будет, если вычесть из сотни 72). Но большинство из них были рады как-то отвлечься от серых тюремных будней. Ялмар Хорас Грили Шахт, гитлеровский министр финансов, считал, что визиты Гилберта помогают развлечься; глава нацистских вооруженных сил Вильгельм Кейтель оценил, «насколько это лучше, чем те глупости, к которым прибегали немецкие психологи центра тестирования вермахта». Позднее стало известно, что Кейтель отменил тесты на интеллект в армии по той причине, что его сын провалил один из них. Бывший вице-канцлер Гитлера, Франц фон Папен, изначально попросил освободить его от участия, но потом передумал и даже хвастался тем, что занял третье место среди ответчиков (на самом деле он был пятым). Некоторые вели себя как «яркие и эгоистичные школьники»; Альберт Шпеер сказал, что каждый «старается сделать все возможное» и «увидеть, что его способности подтверждены».

Герман Геринг, создатель гестапо и лагерей смерти, отнесся к интеллектуальному вызову с особенным энтузиазмом. Он разбирался в психологическом тестировании и назначил своего кузена, Матиаса Геринга, руководителем Немецкого института психологических исследований и психиатрии. Ему нравилось проходить тесты, особенно когда Гилберт льстил ему, чтобы «растопить лед». Как сказано в дневнике Гилберта от 15 ноября 1945 года, «Геринг радостно рассмеялся, когда я делано удивился его достижениям... Он с трудом удерживался от демонстрации своей радости и гордости». Такую схему взаимопонимания Гилберт поддерживал на протяжении всего теста — испытатель поощрял испытуемого напоминаниями о том, как мало людей могут выполнить следующее задание, и Геринг отвечал как бахвалящийся школьник...

«“Может быть, вам стоило стать профессором, а не политиком”, — предположил я.

“Возможно. Я убежден, что я все делаю лучше, чем средний человек, неважно, чем именно я занимаюсь”».

Когда Геринг провалил основанный на цифрах тест памяти, показав результат в девять цифр, что, как и любой результат больше семи, означало «чуть выше среднего», он умолял Гилберта: «О, пожалуйста, дайте мне еще одну возможность. Я могу это сделать!» Он побледнел, когда чуть позже узнал, что двое

других заключенных прошли тест с лучшим результатом, чем у него, после чего изменил свое мнение и стал считать тесты на интеллект ненадежными.

Неприятный факт заключался в том, что в целом нацисты преуспели, а их результаты *IQ* варьировались от 106 у Юлиуса Штрейхера (вероятно, имитировавшего ошибки) до поистине впечатляющих, учитывая возраст, 143 баллов у Шахта*. Восемнадцать нацистских лидеров из двадцати одного набрали больше 120 баллов — «Выдающийся» или «Очень выдающийся» результат, а девять из этих восемнадцати так и вовсе были готовыми кандидатами в организацию «Менса», имея 130 баллов или больше. Коэффициент Геринга в 138 баллов был, по словам Келли, свидетельством «превосходного интеллекта, граничащего с высочайшим уровнем».

Эта информация была, скажем так, не очень широко распространена. В опубликованной в *New Yorker* статье на эту тему фрагмент, посвященный работе Келли, был озаглавлен «Они не гении», а сам Келли в том интервью принижал интеллектуальные способности Геринга больше, чем где-либо еще. Статья описывала Келли как «приятного дружелюбного парня на четвертом десятке с пышной шевелюрой каштановых волос и поистине сардонической улыбкой», чья речь была усыпана популярными сленговыми словечками середины века, сошедшими со страниц Джерома Сэлинджера. Приведена следующая его цитата: «За исключением доктора Лея, который покончил с собой, среди них не было “безумных Джо”. Но не нашел я среди них и гениев. Например, Геринг прошел *IQ*-тест с результатом 138 баллов — он *довольно* хорош, но он не волшебник».

В любом случае *IQ*-тесты оказались неспособны разрешить загадку разума нацистов. «За то короткое время, что было у меня для работы, — писал Келли, — я взял на себя задачу изучить модели личности этих людей», используя технику, соавтором книги о которой он впоследствии стал.

Никто в Нюрнберге не давал распоряжения проводить тесты Роршаха. Их результаты ни разу не были использованы во время процесса. Работая в беспрецедентной, невероятно напряженной атмосфере Нюрнберга, Келли и Гилберт самостоятельно решили провести тестирование с использованием этой методики. Тест Роршаха, который в Германии никогда не

* В 1945 году Ялмару Шахту было 68 лет — *Прим. перев.*

был столь популярен, как в Америке, все же использовался там во время правления нацистов, прежде всего для проверки профессиональной пригодности или как оценочный метод, призванный помочь «вырвать с корнем подрывные общественные и расовые элементы». Нацисты мало интересовались психологическими исследованиями, разве что методами ведения эффективной психологической войны на территории других стран. Теперь тест собирались использовать, чтобы заглянуть в умы нацистов.

Келли провел тесты Роршаха с восемью заключенными, а Гилберт — с шестнадцатью, пятеро из которых были до этого протестированы Келли. Альберт Шпеер, Рудольф Гесс, теоретик расизма Альфред Розенберг, гитлеровский советник по внешней политике Иоахим фон Риббентроп, «мясник Польши» Ганс Франк, рейхскомиссар Нидерландов Артур Зейсс-Инкварт — каждому из них показали десять чернильных пятен, задав вопрос: что это может быть? Герингу тест Роршаха понравился даже больше, чем тесты на *IQ*. По словам Келли, он рассмеялся, восхищенно щелкнул пальцами и выразил «сожаление» по поводу того, что «у люфтваффе не было столь превосходных методов тестирования».

Результаты тестирования заключенных Нюрнберга имели ряд общих элементов — определенную нехватку самоанализа и хамелеонообразную склонность к переменчивости при выполнении приказов, но различия заметно перевешивали сходство. Некоторые из подсудимых казались параноидальными, депрессивными или явно обеспокоенными. Иоахим фон Риббентроп был «скупой на эмоции и сильно обеспокоенной личностью». Результаты «мясника Польши» выявили в нем клинического антисоциального безумца. Остальные были средними, а некоторые — «особенно хорошо настроенными». Шахт, человек высокой культуры, показавший превосходный результат на тестах *IQ*, почти семидесятилетний, «мог погрузиться в свой глубокий внутренний мир, полный позитивных переживаний, чтобы оставаться в хорошем настроении в течение напряженных месяцев, предшествующих вынесению приговора». Он проявил себя «исключительно хорошо адаптированной личностью с превосходным потенциалом» и впоследствии вспоминал о тестировании скорее с добротой: «Это игра, которую, если я правильно помню, использовал Юстинус Кернер. Когда проливаешь на бумагу чернила и складываешь листок

пополам, появляется много причудливых форм, и потом их нужно распознавать. В нашем случае задание было сделано даже более приятным, поскольку на одной и той же карточке были использованы различные цвета».

Безумец-интеллектуал — это одно; разумный и правильно социально адаптированный нацист с превосходным потенциалом — нечто совсем другое. Но именно так выглядели результаты. Гилберт отказывался это принять. В своем «Нюрнбергском дневнике», который был опубликован в 1947 году, он описывал, как Геринг, после того как его признали виновным, «лежал на своей койке, полностью измотанный и сдувшийся... как ребенок, держащий рваные остатки воздушного шара, который лопнул у него в руке. Через несколько дней после вердикта он снова спросил меня, что эти психологические тесты рассказали о его личности, особенно тест с чернильными пятнами, как будто он все время беспокоил его. На этот раз я сказал ему: “Честно говоря, они показали, что, хотя у вас активный и агрессивный ум, вам не хватает мужества, чтобы по-настоящему посмотреть в глаза ответственности. Вы выдали себя небольшим жестом во время теста с чернилами”. Геринг с опаской посмотрел на меня. “Вы помните карту с красным пятном? Болезненные невротики часто колеблются с решением относительно этой карты, а потом они видят на ней кровь. Вы колебались, но не назвали это кровью. А потом вы попытались отщелкнуть это пятнышко пальцем, как будто думали, что сможете избавиться от него одним легким движением. То же самое вы сделали в зале суда, сняв наушники в тот момент, когда доказательства вашей вины стали казаться невыносимыми. И то же самое вы делали во время войны, прогоняя совершённые злодеяния прочь из вашего разума. У вас не хватало смелости, чтобы взглянуть ответственности в лицо... Вы моральный трус”.

Геринг посмотрел на меня, и какое-то время сохранял молчание. Потом он сказал, что эти психологические тесты были бессмысленными... Несколькими днями позже он сказал мне, что попросил своего адвоката заявлять, что все, сказанное о нем психологом или кем-либо еще из сотрудников тюрьмы, было незначительным и предвзятым. Это задело его за живое».

То был драматичный момент — шекспировский момент, кульминация книги Гилберта. Но что добавил чернильный тест, помимо простого подтверждения того, что Гилберт уже знал из поведения и биографии Геринга? Ни одно дважды слепое

исследование никогда не докажет, что попытка отщелкнуть с карточки красное пятно есть признак моральной трусости виновника геноцида.

Келли, будучи намного более опытным роршахистом, видел результаты по-другому. Уже в 1946 году, еще до вынесения Нюрнбергских приговоров, Келли опубликовал документ, в котором говорилось, что обвиняемые были «в основном психически здоровы», хотя в некоторых случаях и не вполне нормальны. Он не обсуждал предметно тест Роршаха в данном контексте, но утверждал, что «такие личности не только не являются уникальными или сумасшедшими, но могут повториться в любой стране сегодняшнего мира».

Он расширил эту тему в посвященной своему главному интересу книге 1947 года «Камеры Нюрнберга», которая открывалась следующим заявлением:

«После моего возвращения из Европы, где я был психиатром в нюрнбергской тюрьме, я понял, что многие люди, даже хорошо информированные, не способны усвоить концепцию того, что психология определяется культурой. Слишком многие из них говорили мне: “Какими людьми были на самом деле эти нацисты? Конечно, все руководители Рейха были ненормальными. Очевидно, что они были сумасшедшими, но какими именно психическими болезнями они страдали?”

Злодеяния нацистов нельзя объяснить безумием. Они были просто созданиями своей среды, как и все остальные люди; также они были — в значительно большей степени, чем остальные люди, — создателями своей среды».

Келли настойчиво выступал против того, во что послевоенное общество крепко верило и еще сильнее хотело верить. Нацисты не были, писал он, «импозантными эффектными личностями, которые появляются только раз в столетие», но просто «сильными, доминантными, агрессивными и эгоцентричными людьми», которым «выпала возможность захватить власть». Такие люди, как Геринг, «не редки. Их можно найти в стране повсюду, сидящих за большими столами и решающих большие вопросы, — бизнесменов, политиков, мафиози».

Так похоже на американских лидеров. И на тех, кто шел за ними, — тоже: «Кому-то из нас это может показаться шокирующим, но как люди мы очень похожи на немцев, какими они были два десятилетия назад», в двадцатые, до того, как Гитлер пришел к власти. «Дешевые и опасные» американские полити-

ки, писал Келли, разыгрывали расовую карту и использовали концепцию превосходства белой расы, чтобы набрать политические очки, «спустя всего год после окончания войны», — намек на Теодора Бильбо из Миссисипи и Юджина Тэлмиджа из Джорджии. Он также ссылался на «политику подавления, применяемую Хьюи Лонгом, который подкреплял свои мнения полицейским контролем». Это были «те же самые расовые предрассудки, которые проповедовали нацисты», «те же самые слова, что можно было слышать в коридорах нюрнбергской тюрьмы». Говоря вкратце, было «очень мало в сегодняшней Америке того, что могло бы предотвратить возникновение государства, построенного по нацистскому образцу».

Нюрнбергские слушания не смогли установить смысл войны и холокоста, а тем более — восстановить разрушенное ощущение общности человечества. Подсудимые не были однородной группой высокопоставленных нацистов, а их истинные лидеры — Гитлер, Гиммлер, Геббельс — были уже мертвы. Троих из двадцати четырех даже помиловали после того, как были вынесены приговоры, включая Шахта, показавшего высокие результаты в психологических тестах. Теперь Келли утверждал, что самая совершенная из использованных им техник не смогла выявить признаки и особенности «личности нациста».

Этот урок, однако, оказался нежелательным для сообщества. Молли Харроуэр, изобретательница группового теста Роршаха и теста множественного выбора, занималась организацией важного международного конгресса по вопросам психического здоровья, который должен был пройти в 1948 году. Это была бы идеальная площадка для обнародования результатов тестов, проведенных с узниками Нюрнгберга. Она отправила шестнадцать протоколов Гилберта одиннадцати ведущим экспертам по тесту, включая Бека и Клопфера, Герц и Рапапорт, Манро и Шехтеля. Все они очень хотели увидеть эти отчеты, но ни один в итоге не принял участия в конференции. Каждый из них вдруг обнаружил неожиданное несовпадение в своем рабочем графике или еще какое-нибудь оправдание.

Несомненно, ведущие роршахисты мира могли бы выделить несколько часов, чтобы взглянуть на то, что обещало стать самыми значительными тестами за всю историю. Трудно поверить, что их единодушный отказ был простым совпадением. Вероятно, они отчетливо увидели, какими будут последствия, и не хотели говорить об этом во всеуслышание, поскольку

общественное мнение обо всех нацистах как об одинаково злобных монстрах, было слишком сильным. Скорее всего, они и сами не знали, что делать с тем, что они увидели, и усомнились в компетенции Келли и Гилберта или в их личных интерпретациях. В своей записи 1976 года Харроуэр объясняла настроение того времени:

«Мы действовали исходя из предпосылки, что чувствительный клинический инструмент (каковым, несомненно, является тест Роршаха) должен быть способен продемонстрировать также моральное намерение человека или же отсутствие такого намерения. Подразумевалось, что этот тест может выявить однородную структуру личности, имеющую особенно отталкивающий вид. Мы исповедовали концепцию зла, в которой говорилось о черном и белом, “агнцах и козлищах”... Мы были склонны не верить доказательствам наших научных открытий, поскольку наша концепция зла была такова — оно должно было быть укорененным в личности, быть осязаемым, поддающимся измерению элементом в психологических тестах».

Запланированный состав участников конференции 1948 года дал трещину, а Келли и Гилберт поднажали, — каждый стремился первым попасть в печать с результатами тестирования лидеров Рейха.

В Нюрнберге у них были напряженные отношения, которые вскоре превратились в еще одну полномасштабную Роршах-вражду. Майор Келли, как правило, называл лейтенанта Гилберта своим «помощником», хотя Гилберт являлся членом Контрразведывательного корпуса, а не подчиненным Келли. Келли называл свои тесты Роршаха «оригинальными», но Гилберт считал их «преждевременными» и «испорченными» (потому что они проводились с участием переводчика), а также в некотором смысле «сфальсифицированными». Взаимные оскорбления и угрозы судебного преследования набирали обороты. «Он постоянно пугает меня своим пренебрежением к элементарной этике», — писал Келли. «Я больше не буду мириться с глупостью Келли, за исключением тех конкретных уступок, которые я уже сделал», — писал Гилберт. «Издатели Гилберта, вероятно, не понимают, что публикуют плагиат», — писал следом Келли.

Гилберт выпустил аналитический труд «Психология диктатуры» в 1950 году. В итоге, попросив содействия Дэвида Леви, Сэмюэла Бека и некоторых других людей, он так и не опу-

бликовал данные нюрнбергских тестов или какие-либо их детальные интерпретации, отчасти из-за юридического давления со стороны Келли, отчасти потому, что из них двоих он был менее подкован в интерпретации протоколов Роршаха, а также по той причине, что нюрнбергские тесты не дали ему тех радикально негативных результатов, которые он желал видеть. Келли тоже обращался за помощью к Клопферу, Беку и другим. Его не волновали различия между ними, он был заинтересован «лишь в том, чтобы получить от как можно большего количества экспертов наиболее полные личностные шаблоны, которые могли быть извлечены из записей». Но, несмотря на то, что он получил объемные и трудоемкие отчеты, и на то, что он продолжал верить в эффективность теста Роршаха, Келли также отказался публиковать результаты нюрнбергских тестов и их интерпретации. В конце концов он перестал отвечать на раздраженные письма экспертов, спрашивавших, что он намерен сделать с их работой, а материалы пролежали в картонных коробках несколько десятков лет.

В последующие годы Келли продолжил бороться с демонизацией преступников. Он сыграл немаловажную роль в сотворении культурного артефакта середины века — симпатии к аутсайдеру: тогда режиссер Николас Рэй попросил его проверить на достоверность психологические и криминологические аспекты сценария фильма «Бунтовщик без причины». В 1957 году Келли снялся в двадцати эпизодах популярного и удостоенного наград сериала «Преступный человек», призванного «помочь общественности лучше понять людей, совершающих преступления» и способствовать переходу от «простой мести» к реабилитации преступников. «Нет! — кричал он в камеру в одном из эпизодов на вопрос о том, есть ли у преступников в принципе общие черты. — Нет такого понятия, как криминальный тип личности. Это просто народная байка. Это то же самое, что сказать, будто Земля плоская. Вы не можете посмотреть на человека и понять, что он преступник. Преступниками не рождаются».

Келли отказывался демонизировать даже Геринга. В Нюрнберге между ними установилась настолько тесная связь, что это может показаться настораживающим, учитывая, кем был Геринг. «Каждый день, когда я входил в его камеру во время своих обходов, — писал Келли в «22 камерах», — Геринг вскакивал со стула, приветствовал меня широкой улыбкой и про-

тянутой навстречу рукой, подводил к своей койке и указывал на ее середину своей огромной ладонью. “Доброе утро, доктор. Я так рад, что вы пришли меня повидать. Садитесь, пожалуйста, доктор. Садитесь тут”. Геринг был настроен позитивно и радостно во время моих ежедневных визитов и, не стыдясь, плакал, когда я уезжал из Нюрнберга в Штаты». В том, что писал Келли о втором по значимости нацисте, присутствовала нотка фанатичного восхищения, несмотря на то, что он был прекрасно осведомлен о совершенных Герингом преступлениях: «Геринг не был ничьим прислужником, даже Гитлера. Он был блестящим, храбрым, безжалостным, хватким, проницательным администратором».

Келли в особенности высоко оценил тот факт, что Геринг покончил с собой, приняв цианид накануне казни. «На первый взгляд его поступок может показаться признаком трусости — попыткой избежать наказания, назначенного его соотечественникам. Однако, приглядевшись к его действиям более тщательно, мы увидим, что это и есть истинный Геринг, с презрением относящийся к созданным людьми правилам и условностям, распоряжающийся своей жизнью по собственному усмотрению и в соответствии с его личным выбором». Отказав трибуналу в праве судить или приговорить его, Геринг стоически пережил процесс и теперь украл у союзников их победу, присоединившись к другим нацистским руководителям, которые покончили с собой ранее. «Его самоубийство, окутанное тайной и подчеркнувшее бессилие американских охранников, было искусным, блестящим финальным штрихом, завершающим конструкцию, которой немцы еще восхитятся, когда придет время». Келли дошел до того, что сказал: «Кажется, мало сомнений в том, что Геринг останется в сердцах своего народа... История прекрасно покажет, что в конечном итоге Геринг победил». А вот что сказал Гилберт: «Геринг умер так же, как и жил, — психопат, пытавшийся посмеяться над всеми человеческими ценностями и отвлечь внимание от своей вины при помощи драматического жеста». В дальнейшем Гилберт выпускал очерки с названиями вроде «Герман Геринг, дружелюбный психопат».

Келли оставался сэлинджеровским персонажем до конца жизни. Как герой Сэлинджера Сеймур Гласс, Келли был вундеркиндом, участником продолжительного Стэнфордского эксперимента по изучению школьников, идентифицированных как гении, с *IQ* выше 140, и, как Гласс, он покончил с собой.

Как и его антигерой Геринг, Келли выбрал для этого редкий способ — отравление цианидом. Ходили слухи, что таблетка с ядом, которую он раскусил на глазах у своих жены и детей 1 января 1958 года, была сувениром из Нюрнберга. Некоторые даже говорили, что именно благодаря Келли, который, помимо прочего, был прекрасным фокусником (и вице-президентом Общества американских фокусников), таблетка с цианидом попала и к самому Герингу. На самом деле он не имел к этому отношения, но значение его последнего жеста несомненно: идентификация с «искусным, даже блестящим финальным штрихом Геринга».

Гилберта судьба привела еще на один значимый судебный процесс XX века, который вызвал новый всплеск активности, связанный с нюрнбергскими роршаховскими тестами.

В 1960 году израильские агенты схватили в Аргентине нациста, который был ответствен за отправку евреев в лагеря смерти. Они привезли его в Иерусалим, чтобы он предстал перед судом. Судебный психиатр Иштван Кульчар наблюдал его в течение семи трехчасовых сеансов и провел с ним семь психологических тестов, включая тест на *IQ*, ТАТ и то, что к 1961 году было лидирующим личностным тестом в мире, — технику Роршаха.

Тесты показали Кульчару, что Адольф Эйхман был психопатической личностью с «нечеловеческим» мировоззрением, а его садизм был настолько экстремален, что выходил за рамки учения маркиза де Сада и заслуживал нового имени: «эйхманизм». Густав Гилберт выступал свидетелем на процессе Эйхмана, а его роршаховские материалы из Нюрнберга признаны доказательством. Вскоре после этого он опубликовал работу «Менталитет роботов-убийц из СС» в научном журнале о холокосте *Yad Vashem Studies*, описав нацистский тип личности как «отражение симптомов болезни зараженного общества и больных элементов немецкой культуры». Дугласа Келли больше не было, чтобы оспорить толкования Кульчара и Гилберта, но были другие.

Журнал *New Yorker* отправил освещать процесс Эйхмана одного из главных политических философов того времени, Ханну Арендт. В книге «Эйхман в Иерусалиме» она ввела в обиход выражение «банальность зла». Деяния Эйхмана были новым видом проступков, бюрократичных и не берущих начало ни в характере, ни в личности. Иными словами, он был анти-лич-

ностью, совершенно не выделялся из толпы и беспрекословно принимал ценности группы, к которой принадлежал. Арендт описала его как «среднего», «обычного человека» — ни слабоумного, ни находящегося под воздействием внушения, ни циничного, но такой человек мог быть «совершенно неспособен отличить правильное от неправильного».

Говоря современным языком, Эйхман был не «роботом смерти», а ведомым, безынициативным человеком. Проблема возникала, когда такой человек решал последовать за нацистской Германией или, с другой стороны, когда Гитлер находил бездумных последователей, а не людей совести с сильным моральным стержнем. Арендт приводила Эйхмана в качестве примера человека, «неспособного видеть мир глазами другого человека», и даже, в некотором смысле, со своей собственной точки зрения. В контексте нацистской Германии такой банальный недостаток мог «повлечь за собой больше хаоса, чем все злые инстинкты вместе взятые». Но если у Эйхмана не было моральных ориентиров, то как его можно было справедливо судить?

Эта проблема простиралась далеко за пределы случая Эйхмана. Если бы нацист попытался оправдать свои действия, сказав, что он всего лишь винтик машины, это было бы, вызывающе заявила Арендт, «как если бы преступник ссылался на статистику преступлений», утверждая, «что он лишь сделал то, что было статистически предсказуемо, что лишь по случайности преступление совершил он, а не кто-то другой, поскольку в итоге это все равно кто-нибудь сделал бы». Психология и социология — любая теория, от концепции «духа времени» до эдипова комплекса, которая снимала бы ответственность с совершившего преступление, объясняя его действия того или иного рода предопределенностью, — делали бессмысленным сам факт рассмотрения дела в суде. Арендт назвала это «одним из главных моральных вопросов всех времен», и то была неразрешимая дилемма. Можно было бы дистанцироваться от Эйхмана, отрицая что-либо общее с ним, но юридические законы предполагают наличие общечеловеческих ценностей, разделяемых обвинителем и обвиняемым, судьей и осужденным. Или же можно настаивать на существовании общечеловеческого, предполагая, что совесть каждого имеет одни и те же ценности и что существуют некие «преступления против человечества» или приказы, которым ни за что нельзя подчиняться. Однако нацисты, и Эйхман в частности, продемонстрировали, что эти

универсальные идеалы были, по словам Арендт, «поистине последним, что нужно считать само собой разумеющимся в наше время». Люди делают то, что им приходится делать, и «общепринятое общественное мнение, склонное считать, что никто не имеет права судить кого-то другого, бессильно против этого». И все же дело Эйхмана взывало к судьям.

Пока Арендт писала о процессе, психолог из Йеля Стэнли Милгрэм отреагировал на феномен Эйхмана по-другому, организовав эксперимент, призванный выявить, как обычные люди могли принимать участие в геноциде. «Может ли быть так, — задался вопросом Милгрэм, — что Эйхман и миллионы его сообщников по холокосту просто выполняли приказы?» Изначально Милгрэм планировал провести предварительный прогон в Соединенных Штатах, прежде чем проводить эксперимент в Германии, где он рассчитывал обнаружить людей, в большей степени склонных к повиновению. Но оказалось, что в поездке в Германию не было необходимости.

Начиная с июля 1961 года американские добровольцы в процессе «учебного упражнения» управляли устройством, которое, как они думали, причиняло чрезвычайно болезненные ощущения «ученикам», находящимся в другой комнате. Все это было постановкой, но добровольцы, которым отдавал устные приказы экспериментатор, считали, что в результате их действий другие люди действительно подвергаются воздействию электрошока, доводя напряжение до 450 вольт, что было отмечено как «Опасно: серьезный шок», даже после того как крики из соседней комнаты становились подозрительно тихими. Они говорили экспериментатору, что произошла ошибка и что они не хотели этого делать, — но они в любом случае это делали. Похоже, для того, чтобы обнаружить монстров, готовых охотно «выполнять приказы», американцам нужно было просто посмотреть в зеркало.

И книга Арендт, и исследование Милгрэма были опубликованы в 1963 году. Аргументы, которые они выдвигали, были разными: философ поставила под сомнение смысл персональной ответственности, а экспериментатор продемонстрировал, насколько легко было заставить людей подчиняться в определенной ситуации — но вскоре их было уже невозможно разделить. Милгрэм воплотил рассуждения Арендт в конкретике; Арендт придала сценарию Милгрэма резонанс мирового и исторического значения. Покорные добровольцы, готовые

убивать людей, казались еще более ужасающими, если учитывать, насколько они были похожи на Эйхмана; выведенный Милгрэмом образ конформизма, преобладающего над моральными ценностями, заставил людей читать Арендт, поскольку она писала, что Эйхман «просто выполнял приказы», хотя она ни разу не сказала, что он выполнял их неохотно.

Арендт неверно охарактеризовала фактический результат тестирования Эйхмана, написав, что «около пяти психиатров признали его психически здоровым», в то время как нацистского преступника обследовал только Кульчар, который посчитал его невменяемым. Ее точка зрения заключалась в том, чтобы полностью отказаться от «комедии экспертов по душам». А ее общее философское предположение о том, что может означать персональная ответственность в ситуации, когда действия человека предопределены всеобщими законами, выходило далеко за пределы того, что мог доказать или опровергнуть какой бы то ни было тест. И все же в более широком смысле Арендт — по крайней мере Арендт в сочетании с Милгрэмом — была ключевой фигурой в истории теста Роршаха. Ее взгляды — или то, как они понимались, — привели подразумеваемый тестом релятивизм к его радикальному заключению. Арендт и Милгрэм также сделали возможным использование тестов Роршаха из Нюрнберга. Молли Харроуэр, организатор конференции 1948 года, на которой провалилась попытка огласки результатов, вернулась к протоколам Гилберта, хотя и сделала это лишь в 1975 году, когда ее попросили выступить на научной конференции, посвященной вопросам американской цивилизации. Она прямо сказала, что причина, по которой она и ее коллеги ранее «поддерживали концепцию зла, состоящую из черного и белого, агнцев и козлищ», в том, что «нам не противостояли столь поразительные и непопулярные идеи, как те, что предложили Арендт и Милгрэм».

Харроуэр повторно вслепую проанализировала нюрнбергские Роршах-протоколы, сравнивая их для контроля с данными, полученными от не-нацистов. Результаты подтвердили мнение Келли о том, что нормальность или ненормальность у нацистов были типичны и не отличались от всех остальных людей: «Было бы слишком упрощенной позицией пытаться найти в Роршах-протоколах нацистских заключенных какой-то общий знаменатель, — заключила Харроуэр. — Нацисты, которых доставили на судебный процесс в Нюрнберге — столь

же разнородная группа, как, вероятно, наше сегодняшнее правительство или, если на то пошло, руководство Родительско-учительской ассоциации».

В 1975 году была опубликована первая книга, целенаправленно описывающая и анализирующая роршаховские тексты нацистов — «Нюрнбергский разум. Психология нацистских лидеров», написанная Флоренс Р. Миале (одним из экспертов, отказавшихся принимать участие в конференции 1948 года) и политологом Майклом Зельцером. Они заняли непримиримую позицию и настаивали на том, что нацистов следует предать моральному осуждению. Авторы заявили, что все подсудимые в Нюрнберге имели общие ярко выраженные патологические отклонения. Зельцер опубликовал статью «Убийственный разум» в *New York Times Magazine*, которая включала рисунки Эйхмана из двух других проекционных тестов — гештальт-теста Бендер и теста «дом–дерево–человек», а также слепые диагнозы, описывавшие Эйхмана как «очень деформированную личность». Дискуссия вновь развернулась в средствах массовой информации, на этот раз в связи с результатами Эйхмана.

Критики немедленно объявили книгу «Нюрнбергский разум…» предвзятой, написанной лишь для того, чтобы попытаться доказать сформировавшиеся до этого суждения ее авторов. Большинство психологов считали, что авторы слишком полагались на анализ содержимого, признанный в 1970-х годах наиболее субъективным и в наименьшей степени поддающимся проверке подходом к интерпретации теста Роршаха. Другие согласились с субъективностью и предвзятостью. В проведенном в 1980 году анализе Эйхманова теста Роршаха один психолог не таясь признал, что на его анализ влияло знание того, чей это тест, но заявил также, что его цель — проникновение в сложную личность отдельно взятого индивида, «чтобы больше узнать о том, каким мог быть этот конкретный человек». Это нельзя было назвать объективным диагнозом.

Тем не менее консенсус был достигнут. Нюрнбергские тексты Роршаха показали, что, как и утверждали Келли и Хароуэр, не существовало «нацистского типа личности». В том самом случае, где обществу хотелось, чтобы была непреодолимая разница, моральная пропасть между нацистами и «нами», тест, по всей видимости, привел к противоположному выводу, и это, казалось бы, подразумевало, что такую разницу между людьми нельзя осуждать.

Случай с роршаховским тестом Адольфа Эйхмана был более сложным, поскольку касался отдельного человека. Показывали ли его результаты, что Эйхман нормален или что он ненормален? Согласно чьей интерпретации результатов? Действительно ли Эйхман монстр или он просто пример «банальности зла»? И что означает этот термин? Дебаты вокруг этих взаимосвязанных вопросов продолжаются по сей день.

Собранные вместе, эти наработки нанесли сокрушительный удар по статусу таких психологических тестов, как роршаховский. Не существовало общей почвы для обозначения зла как зла, не было базы для морального осуждения, которую приняли бы все без исключения, и серьезные сомнения были связаны с собственным моральным авторитетом психолога.

Споры вокруг Арендт и Милгрэма были частью культурного сейсмического сдвига, который позднее, в шестидесятые, затронул всю Америку. Американцы становились всё более подозрительными по отношению не только к авторитету психолога, но и почти к любой власти, и репутация теста Роршаха стала жертвой этой подозрительности.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

КРИЗИС ИЗОБРАЖЕНИЙ

В конце 1950-х годов доктор Иммануэль Брокау — возможно, величайший из когда-либо живших психиатров — бесследно исчез из своего нью-йоркского офиса. Он переживал кризис веры. Однажды, слушая пленки с записями своих терапевтических сеансов, он обнаружил, что пациентка говорила, что ее муж «любил лучшее в ней» (“*loved the best in me*”), а не «любил в ней зверя» (“*loved the beast in me*”), как доктор изначально услышал. Совсем ведь разные виды семейной жизни... Брокау понял, что он годами слышал своих пациентов неправильно. Сотни казавшихся успешными сеансов лечения были основаны на ошибках и иллюзиях! Новые контактные линзы еще больше расшатали его мировоззрение, открыв глаза на грязь и неприглядные детали вокруг него, которые ранее были размытыми, нечеткими; он с неудовольствием увидел отражение собственного лица в зеркале! Возможно, он все время воспринимал окружающую реальность в искаженном виде, но теперь он предпочел не видеть всего этого.

Десять лет спустя бывший близкий друг увидел Брокау, слонявшегося взад-вперед по проходу общественного автобуса в калифорнийском Ньюпорте. Так он теперь проводил свое время, — пожилой мужчина, одетый в шорты-бермуды, бейсболку команды *LA Dodgers*, черные кожаные сандалии и психоделической расцветки рубашку, яркую, переполненную деталями, расходящимися и сплетающимися линиями и цветами. Все, что мог теперь предложить великий доктор, это вопрос, касающийся его рубашки: «Что вы здесь видите?» Мужчины и женщины, взрослые и дети видели в ее узорах лошадей, облака, большие волны и огромные доски для серфинга, молнии, египетские амулеты, ядерные взрывы и пожирающие людей тигровые лилии. Не закат, а прекрасный восход! Его рубашка

вызывала смех и восторг, и каждый, кого он спрашивал, давал новый оригинальный ответ, до тех пор пока довольный доктор Брокау не выходил из автобуса и не исчезал на противоположной стороне пляжа.

Брокау нечасто упоминается в истории психологии, потому что он — вымышленный персонаж, которого создал Рэй Брэдбери в рассказе «Человек в рубашке Роршаха», опубликованном в журнале *Playboy* в 1966 году, а в составе книги — в 1969 году. Хотя сюжет был и глуповат, он хорошо отражал контркультурный дух шестидесятых, когда в обществе нарастало подозрение по отношению к авторитетным деятелям и бездушным экспертам любого рода, будь то нацистские бюрократы, участники эксперимента Милгрэма, разработчики ядерных технологий или просто любой человек за тридцать. Рассказ представлял тест Роршаха символом того, как отказ от единственно верной истины может раскрыть прекрасный хаос индивидуальности, и предлагал его обществу в качестве такого символа.

В рассказе Брэдбери тест Роршаха помог доктору Брокау сбежать из его психиатрического тупика. В реальном мире клиническая психология переживала собственный кризис веры. По крайней мере некоторые практики стали относиться к ведущему тесту их дисциплины с нарастающим скептицизмом. Что, если тесты Роршаха, проводившиеся по всей стране, тоже были основаны на ошибках и иллюзиях?

При всей славе теста Роршаха чернильные пятна всегда довольно трудно вписывались в то, что американские психологи называли «реалистическим отношением психометрической традиции». Сторонники теста, понимавшие его как «проекционный метод», продолжали заявлять, что чернильные пятна показывают уникальную личность таким образом, что стандартизация становится неактуальной. Но Роршах привлекал обе стороны, и ученые старой школы по-прежнему хотели использовать его как тест. Поэтому его достоверность и надежность оставались предметом масштабных исследований.

В начале 1950-х годов ученые из военно-воздушных сил вознамерились выяснить, как армия может использовать психологические тесты, чтобы предсказать, сможет ли испытуемый стать успешным боевым пилотом. Более 1500 курсантов летных училищ прошли через групповой тест Роршаха наряду с биографическим интервью, опросником «Чувство и действие», разработанным специально для нужд армии тестом на завершение

предложения, групповым тестом «Нарисуй человека» и групповым тестом Сонди, где нужно было выбрать, какие из человеческих лиц, представленных в наборе изображений, наиболее привлекательны, а какие — наиболее отталкивающие. Некоторые из курсантов были признаны выдающимися — высоко оцененные преподавателями, уважаемые лидеры среди сверстников. Другие, хотя и имели хорошие летные навыки, были отстранены от службы по причине «явных расстройств личности». Большинство продемонстрировали средние результаты или провалили тестирование по каким-то иным причинам.

В 1954 году ученые случайно отобрали пятьдесят досье наиболее успешных курсантов и еще пятьдесят — тех, у кого выявлены нарушения личности, после чего, также случайно, разделили их на пять групп по двадцать штук в каждой.

Каждый пакет из двадцати папок был передан нескольким экспертам по оценке личности, среди которых были разработчик теста множественного выбора Молли Харроуэр и Бруно Клопфер. Смогут ли они понять из результатов теста, к какой категории отнесен каждый курсант? Другими словами, смогут ли изначальные тесты курсанта, попав в руки к ведущим экспертам страны, предсказать его будущие психологические проблемы?

Подбросив монетку, можно было бы получить правильный результат в 10 случаях из 20. Психологи оказывались правы примерно в 10,2 случая. Никто из них не продемонстрировал более впечатляющей точности. Их попросили сказать, в каких оценках они больше уверены, но даже при подсчете только этих случаев лишь два психолога из девятнадцати превысили общий показатель верных совпадений. Семеро даже ухудшили статистику.

Некоторые из психологов потом утвержали, что результаты были искажены из-за модификаций, которые над стандартным тестом произвели в военно-воздушных силах. Харроуэр уже указывала, отвечая на аналогичные негативные выводы, что факторы, из которых складывается успешная карьера пилота, «на данный момент не являются четко предусмотренными в терминологии Роршаха»; возможно, хорошие солдаты вообще не обладают тем, что мы называем «хорошим психическим здоровьем».

Тесты Роршаха показали одинаковое количество «откровенно нестабильных или психопатических личностей» как среди авиаторов, награжденных медалями, так и среди тех, кто не

сумел справиться более чем с пятью миссиями, — но они были психопатическими личностями по «нашим стандартам мирного времени». Тот, кто считается хорошо уравновешенной личностью в нормальных обстоятельствах, может не лучшим образом подходить для опасной обстановки высокой ответственности, каковой является пилотирование боевого истребителя. Были ее контраргументы убедительными или нет, «10,2 раза из 20» звучало довольно оскорбительно если не для теста Роршаха как такового, то для практики проведения масштабной подборки психологических тестов личности.

Другие исследования показали, что в прогнозировании профпригодности или академической успеваемости тест Роршаха показал худшие результаты, чем более простые методы, например записи в личном деле, послужной список или короткое интервью. «Цветовой шок» — предложенный Германом Роршахом термин для описания состояния человека, взбудораженного разноцветными карточками, признак уязвимости перед нахлынувшими эмоциями, — был дискредитирован, когда обнаружилось, что это столь же часто происходило в тех случаях, когда испытуемым показывали черно-белые версии цветных карточек Роршаха. Еще ряд исследований, где изучалось утверждение, что тест Роршаха всегда следует проводить в сочетании с другими психологическими тестами, а не сам по себе, показали, что включение результатов Роршаха в общий подсчет по итогам нескольких тестов делает конечные данные не более, а менее точными.

Многочисленные исследования обнаружили, что клинические психологи постоянно переоценивали психические проблемы людей, с которыми проводили тест Роршаха. В одном из исследований 1959 года в тестах участвовали трое здоровых людей, трое невротиков, трое психотиков и еще трое, имевшие другие психологические расстройства. «Пассивная зависимая личность», «Тревожный невроз с истероидными чертами», «Шизоидный характер, склонность к депрессии» — ни один из многочисленных специалистов, проводивших тесты Роршаха, не назвал ни одного из здоровых подопытных «нормальным».

Самая резкая критика касалась того, что представляло собой суть позиционирования теста: результаты зависят от того, кем вы являетесь, а не от того, каким пытаетесь казаться. Роршах был рентгеновским лучом, тестом, результат которого нельзя подделать, как не может рентгеновский слайд обмануть

проектор. Однако к 1960 году исследования показали, что врачи, проводившие тестирование, могли осознанно или неосознанно влиять на результаты, а испытуемые изменяли свои ответы в зависимости от того, по какой причине проводился тест, от того, что думал о них «тестировщик», или просто от того, как он выглядел и вел себя. Пока некоторые видели в межличностном аспекте теста элемент своей личной власти, это делало тест менее объективным.

Под «клинической достоверностью» занимавшиеся проведением тестов специалисты обычно подразумевали, что интерпретатор мог использовать тест Роршаха, чтобы собрать информацию, которая работала на практике и могла быть подтверждена пациентом или проверена при помощи других источников. Теперь в глазах скептиков это выглядело совершенно по-другому. Они описывали эти так называемые открытия как комбинацию ложного подтверждения (убеждения себя в том, что получено подтверждение уже имевшихся установок, повышенное внимание к деталям, которые уже известны), иллюзорной корреляции (определение взаимосвязей, которых на самом деле нет) и методов, используемых гадалками и экстрасенсами (бессознательное применение контекстуальной информации, оперирование общеизвестными фактами, с которыми согласятся почти все, но при этом придание себе статуса «провидца», делающего «подталкивающие» прогнозы, тонко видоизмененные или даже полностью вывернутые наизнанку в последующих вопросах, и так далее).

Слепые диагнозы устраняли часть этих проблем — но не все. Тест все же должен контролироваться кем-то, находящимся в прямом контакте с испытуемым. Любое подтверждение диагноза требовало его сверки с мнением постоянного терапевта испытуемого, и это лишь создавало проблему. Кроме того, относительно психологических истин трудно сказать, как должно выглядеть внешнее подтверждение. Если и врач, и пациент считали, что описание пациента верно, что еще могло потребоваться? Но эти мнения не удовлетворяли критериям безоговорочного доказательства.

Некоторые утверждали, что проводившие тест были сознательными циничными мошенниками или шарлатанами. Опять-таки, предсказатель, окруженный клиентами, восхищенными точностью его телепатической силы, может и сам начать верить в свои потрясающие способности, и некоторые

из наиболее настойчивых критиков Роршаха проводили именно эту аналогию. Они выражали по меньшей мере негодование по поводу «роршаховской культуры», принимавшейся в качестве ортодоксальной, не считались с его авторитетом и с предубеждением относились к таким антинаучным суждениям о личности.

Критика, мелькавшая в профессиональных публикациях, имела мало влияния на методику, которая широко использовалась и занимала центральное место в клинической психологии, выражала ее суть. Необходимость в доступе к человеческой личности была слишком велика, и роршаховские кляксы, казалось, давали такой доступ.

В 1960-е годы «холодная война» обострилась, требуя абсолютной идеологической ясности в борьбе коммунизма и капитализма, и были моменты, когда судьба мира в буквальном смысле зависела от того, как интерпретировались неоднозначные изображения. В октябре 1962 года президенту Кеннеди доставили фотоснимки Кубы, сделанные с самого передового американского самолета-разведчика *U*-2, на которых была — или не была — видна стартовая площадка советской баллистической ракеты среднего радиуса поражения, что означало — или не означало — повод для начала ядерной войны.

Джон Фицджералд Кеннеди увидел на снимках «футбольное поле»; Роберт Кеннеди увидел «расчистку поля под ферму или фундамент здания». Даже заместитель директора Национального центра интерпретации фотографий — да, в Америке была такая организация, основанная в 1961 году, — признал, что президенту придется «принять на веру» то, что показывали эти снимки. Но все же нужна была определенность. Когда 22 октября Джон Кеннеди выступал с телевизионным обращением к нации, он назвал эти фотографии «безошибочным доказательством» присутствия на Кубе советского ракетного объекта; когда они были растиражированы по всему миру, публика столь же безошибочно увидела в них то же самое.

Сочетание реальной двусмысленности и непреодолимой потребности в визуальной и идеологической определенности породило так называемый «кризис изображений “холодной войны”», повлиявший на жизнь по обе стороны железного занавеса. Капиталисты и коммунисты принялись искать тайные послания во всем на свете и настаивать, что они их нашли. Словарь Вебстера в 1950 году ввел новое слово для маскировки

секретных смыслов в данных, которые казались случайными и беспредметными, — *encryption*, или шифртекст. Американские таможенники изымали присланные из Парижа абстрактные картины, поскольку считали, что в их причудливых образах зашифрованы сообщения коммунистов. Такие неоднозначные вещи, как чернильные пятна, теперь стали считаться не плодотворными методами изучения отдельных личностей, а кодами, которые необходимо было расшифровать.

Стремление читать мысли было неотделимо от попыток их контролировать. Эта связь наиболее очевидна в исследованиях и дискуссиях о так называемом «промывании мозгов», которое потрясло американскую науку, о поведении во время Корейской войны (это были техники, увековеченные в популярной культуре в романе 1959 года «Маньчжурский кандидат», экранизированном в 1961 году). Правительство США предпринимало активные усилия, чтобы вскрыть коды «советского разума», «африканского разума», «не-европейского разума» и так далее и наполнить все эти разумы идеями, выгодными Америке. Это происходило на уровне антропологии и в более общем плане. Власти спонсировали такие программы, как программа Фулбрайта, продвигавшие идеи культурного обмена и взаимопроникновения, а также введение регионоведения (открытие отделений Латинской Америки и Юго-Восточной Азии в крупнейших университетах).

Психология рассматривалась как вещь, неразрывно связанная с национальной безопасностью, и даже за пределами таких специфических «горячих точек», как менталитет латиноамериканцев или советских людей, чернильные пятна широко использовались, чтобы проникнуть в тонкости психики иностранцев. Марокканские крестьяне Блейлеров, алорцы Дюбуа и оджибве Хэллоуэлла были только началом. Исследователь Ребекка Лемов насчитала пять тысяч статей, опубликованных в период с 1941 по 1968 год и относящихся к «Движению проекционных тестов», как она назвала это, то есть к числу исследований при помощи теста Роршаха или других проекционных методов психологии разных народов, от живущих на западе США индейцев племени черноногих до жителей атолла Ифалик в Микронезии в радиусе двух с половиной квадратных километров. Эти исследования хорошо финансировались правительством. «Фантазии эпохи холодной войны на тему творящегося внутри головы человека буйствовали», — отмечала Лемов.

В этом технократическом контексте собранная информация чаще всего превращалась в огромные и редко используемые массивы данных в архивах и университетских библиотеках. В коллекции Корнеллского университета хранится множество документов, рассказывающих о том, как в 1952 году это учебное заведение арендовало целую перуанскую деревню Викос, передало недвижимость в собственность местных жителей и контролировало переход этого общества в современность, изучая их с применением проекционных тестов на каждом этапе пути. В Каталоге публикаций первичных отчетов на темы культуры и личности содержались тысячи мини-протоколов тестов Роршаха, включая ответы одного сильно пьющего индейца народа меномини с северо-востока Висконсина, у которого возникли трудности в адаптации к современности. Карточка VI, по его словам, была «похожа на мертвую планету. Кажется, она рассказывает историю о людях, которые когда-то были великими, но потом они исчезли... как будто с ними что-то случилось. Все, что осталось, — это символ».

Еще один меномини, поклонник пейотля, нашел чернильные пятна более утешительными для себя. «Знаете, этот тест... он в каком-то смысле похож на пейотль. Он заглядывает в ваше сознание. Видит вещи, которые скрыты. То же самое и с пейотлем. На встрече употребляющих его вы узнаете человека за несколько часов лучше, чем в течение всей обычной жизни. Вы видите и понимаете все, что его касается».

Возможно, самое скверное проявление амбиций деятелей периода «холодной войны» в отношении психологии имело место, когда Агентство перспективных исследований Министерства обороны (*Advanced Research Projects Agency; ARPA*) отправило команды психологов в джунгли раздираемого войной Вьетнама. Они протестировали более тысячи крестьян при помощи модифицированной методики ТАТ (неподписанные картинки, перерисованные с гарвардских оригиналов художником из Сайгона), чтобы разведать их ценности, надежды и разочарования. Затем они встречались с военными и гражданскими чиновниками, которые стремились «превратить опустошительную войну» в «выгодную войну», которая принесла бы в регион «мир, демократию и стабильность», и желали адаптировать свою пропаганду против повстанцев, чтобы завоевать сердца и умы южных вьетнамцев. Как сказал об этом один историк: «Психика вьетнамцев была наиважнейшей политической целью».

Корпорация *Simulmatics* была коммерческой исследовательской компанией, изначально основанной в 1959 году для того, чтобы смоделировать на компьютере поведение избирателя перед президентскими выборами 1960 года. С тех пор она разветвилась, и в 1966 году она на семь недель отправила в Сайгон психотерапевта Уолтера Х. Слоута, лектора Колумбийского университета. Его миссия заключалась в том, чтобы раскрыть суть «вьетнамской личности». Он считал, что жизнь одного человека может рассказать о силах, которые формируют жизни остальных, — чем «глубже» мотивация конкретной личности, тем более «ясное представление дает она о рядовых гражаднах». Так, в своих выводах Слоут опирался на исследования всего четырех человек. Несмотря на то что этих образцов было явно недостаточно, чтобы сделать обобщение, он все же его сделал.

Почтенный буддийский монах, работавший преподавателем в нескольких вьетнамских университетах; напыщенный лидер студенческих демонстраций, который сверг временное правительство и жил во имя славы радикального бунтарства; ведущий интеллектуал страны, сын бедного деревенского фермера, который в шестнадцатилетнем возрасте уехал во Францию, в двадцать лет получил высшее образование, а по возвращении стал писателем-диссидентом, и вьетконговский террорист, который взорвал американское посольство и шесть других объектов, «совершенно бесчувственный человек, который заявил, что “единственные моменты счастья, что он знал, — те, когда он убивал”». Какая «структура характера» заставила этих четверых «развиться в те личности, которыми они стали»? Чтобы понять это, Слоут использовал тесты Роршаха и ТАТ, а также от двух до семи часов в день подвергал испытуемых психоанализу, по пять-семь дней в неделю. После многократных попыток докопаться до личных подробностей, несмотря на переживаемый испытуемыми дискомфорт, Слоут пришел к выводу, что ключом к психике вьетнамцев является семейная динамика. Во вьетнамской культуре родителей принято идеализировать, а любую враждебность по отношению к ним — подавлять. Это заставляет вьетнамцев чувствовать себя неполноценными и несовершенными. На самом деле они просто «искали человека, напоминающего доброго отца», испытывали «желание, порой очень острое, быть обласканными кем-то могущественным», — и они видели Соединенные Штаты в роли «всемогущего и щедрого Отца». Это означало, что вьет-

намцы вовсе не были антиамериканцами, — они были настроены проамерикански! К сожалению, упомянутое тщательное подавление породило также «огромное количество гнева», который нужно было куда-то направлять. Это объясняет их «очень неясные и запутанные взгляды на роль Америки в их жизни».

Слоут отметил поведенческую стратегию, которую он нашел особенно параноидальной: склонность испытуемых «начинать посередине инцидента и полностью игнорировать формирующие его предшествующие события» при назначении виновных. Например, у бойца из Вьетконга была явно бредовая идея о том, что американские солдаты хотят убивать мирных вьетнамских граждан. Американцы расстреляли автобус, полный крестьян. Слоут отметил, что автобус проезжал мимо здания, где только что взорвалась бомба. У американцев были причины думать, что в нем находятся враги; «при имевшихся обстоятельствах американцы, по понятным причинам, приняли не лучшее из возможных решений», — предположил он. Однако почему-то эти факты полностью проигнорированы членом Вьетконга, если судить по тому, как он истолковал американский обстрел. По мнению Слоута, это свидетельствовало о «глубокой нехватке критической самооценки».

Оценивая ситуацию со стороны, легко увидеть глубокую нехватку критической самооценки у самого Слоута. Он игнорировал любые политические, исторические или военные причины, которые могли заставлять вьетнамцев ненавидеть Америку. Ответственность за «поощрение этой трагической ситуации», лежащая на Соединенных Штатах, — следствие того, что это слишком большая и могущественная страна. Но это было именно то, что американцы хотели услышать. Вышедшая в 1966 году передовица *Washington Post* называла работу Слоута «почти гипнотически восхитительной». Чиновники в Сайгоне посчитали ее «необычайно проницательной и убедительной».

К концу 1960-х годов нарастающая волна антиавторитаризма покончила с такими занятиями, как эксперимент Слоута. Студенты выходили на уличные манифестации, в воздухе пахло революцией. Академиков все больше напрягал тот факт, что их имена ассоциировались с нечистоплотным правительственным финансированием, а идея о том, что какая-либо техника может дать любопытным и терпеливым американским исследователям идеальный доступ к человеческим душам, непостижимым никаким другим способом, начинала казаться все менее правдоподобной.

Антропологи обещали, что проекционные тесты дадут право голоса тестируемым людям, но все труднее было игнорировать тот факт, что, по словам Лемов, такие тесты «обеспечивали рентгеновское излучение, просвечивающее психику, но сам принцип их работы перепоручал *эксперту* задачу определить истинный смысл того, что было сказано, того, что думал абориген». Это была все та же этическая дилемма, возникающая при работе с бессознательным: если вы заявляете, что в людях есть нечто, о чем они сами не подозревают, это значит, что вы можете говорить за них лучше, чем они за себя, узурпируя их право на принадлежащие им жизненные истории. Тем временем жители, политики и революционеры Третьего мира все яснее давали понять: они хотят, чтобы были услышаны их собственные голоса.

В антропологии все больше внимания посвящали биологическим факторам и возврату к теориям, основанным на поведении, которые рассматривали социальное взаимодействие как нечто более значимое, чем бессознательные психические процессы. Исследования культуры и личности, в особенности движение проекционных тестов, быстро теряли релевантность, — это больше не практиковалось, не преподавалось и не читалось. Даже их старый защитник Ирвинг Хэллоуэлл теперь переосмыслил свои исследования индейцев оджибве и поставил под сомнение то, что тест Роршаха сделал хоть сколько-нибудь серьезный вклад, — он лишь подтвердил вещи, которые исследователь узнал другими способами. Аналогичные сдвиги происходили и в профессиях, связанных с психическим здоровьем.

Новейшие психофармацевтические препараты — антидепрессанты, литий, валиум, ЛСД — привели к быстрому переходу от психоаналитической психиатрии к базирующейся на научном методе «твердой» психиатрии, которую мы знаем сегодня. С развитием основанной на принципах сообщества психиатрической терапии, сфокусированной на социально-экономических и культурных факторах, и возвращением популярности поведенческих теорий стало казаться бессмысленным уделять внимание разуму или внутренним мотивам.

Критика теста Роршаха была особенно сильна в сфере клинической психологии. Исследуя ситуацию в 1965 году для наиболее уважаемого справочного издания в этой области, «Ежегодника психических измерений» (*The Mental Measurements Yearbook*), выдающийся психолог Артур Дженсен был так резок

по отношению к тесту Роршаха, как никто другой до или после него: «Суть квалифицированного суждения заключается в том, что тест Роршаха очень плох и не имеет практической ценности для тех целей, для которых его рекомендуют преданные фанаты этой методики».

Именно Дженсен в том же эссе писал, что тест Роршаха «столь же тесно связан с клиническим психологом, как стетоскоп — с врачом», но это был отнюдь не комплимент. Тест, по его мнению, был не просто бесполезным — «он мог привести к пагубным последствиям в условиях вне стационара, например в школах или на производстве» из-за склонности гиперболизировать патологии. «Почему у теста Роршаха до сих пор так много поклонников и почему он продолжает столь широко использоваться, — удивительное явление», — заключил он. И чтобы объяснить это явление, на его взгляд, требуется «более глубокое знание психологии доверия, чем то, каким мы обладаем сейчас. Между тем темпы научного прогресса в клинической психологии вполне могут быть измерены теми скоростью и усердием, с какими она избавляется от теста Роршаха».

Однако, поскольку в середине века использование теста Роршаха было широким и децентрализованным, даже это обвинительное заключение от выдающегося эксперта не было услышано. Никто из авторитетов не был наделен «правом последнего слова». Через год после публикации статьи Дженсена увидели свет отчет Уолтера Слоута и рассказ Рэя Брэдбери — тестирования в эпоху «холодной войны», доведенные до крайности, и реакция на них. Даже в том маловероятном случае, если Слоут или Брэдбери что-нибудь слышали о Дженсене, его критика нисколько их не заботила.

Но все же клиническая психология смогла, говоря словами Дженсена, «избавиться» от Фрейда со «скоростью и усердием», которые были совершенно поразительны. Начиная с конца 1960-х годов фрейдистская психология, которая ранее правила бал, оказалась загнана в угол. Тест Роршаха (его достоверность была под вопросом, авторитет проводивших его людей — под подозрением) мог с легкостью разделить ту же самую участь.

В некоторых странах это и произошло. Но в Америке он выжил — как в культуре в целом, так и в рамках клинической психологии.

Чернильные пятна уже стали метафорой для того же самого антиавторитарного релятивизма, который бросил вызов

релевантности теста. Ваша реакция на кляксу или рубашку теперь восхитительно интерпретировала сама себя, не нужен был доктор в белом халате или психоаналитик, попыхивающий сигарой позади кушетки. Свободное самовыражение, которого требовала культура, было тем, что предлагали чернильные пятна (по крайней мере в народном воображении).

Именно когда доктор Брокау показывал свою рубашку людям на страницах рассказа Брэдбери, тест Роршаха становился в реальной жизни символом всего, что вызывало разные, но одинаково справедливые суждения. В 1964 году рецензент, делавший обзор десяти книг о Нью-Йорке, резюмировал: «Создание книги о Нью-Йорке — это проекционный психологический тест, можно сказать, тест Роршаха. Пять городских районов являются лишь стимулами, на которые наблюдатель реагирует в соответствии с особенностями его личности». Это было первое — по крайней мере для *New York Times* — из тысяч сравнений различных вещей с тестом Роршаха. Скоро генерал де Голль станет «тестом Роршаха» для биографов, открытый финал фильма Стэнли Кубрика «2001 год: Космическая одиссея» тоже будет таковым.

В охватившем американскую культуру кризисе авторитетов авторам суждений было проще перестать наделять кого бы то ни было авторитетом в принципе. Мнения разнились, и, называя что-либо «тестом Роршаха», они получали возможность не занимать определенную сторону и не отталкивать от себя другого. Журналисты и критики уже не пытались навязать читателям мнение о том, какая реакция на Нью-Йорк или на «Космическую одиссею» правильная: каждый имел право на собственное мнение, а чернильная клякса — неизбежная метафора для этой свободы.

Однако одной лишь резонансной метафоры было недостаточно, чтобы настоять на актуальности роршаховского теста. Необходимо обратить внимание на тот факт, что к тому моменту «тест Роршаха» не существовал в принципе.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

СИСТЕМА

Человек, который это изменил, — Джон Е. Экснер-младший, родившийся в 1928 году в городе Сиракузы, штат Нью-Йорк. После службы в авиации во время Корейской войны, где он был механиком самолета и помощником врача, Джон вернулся в Штаты и поступил в колледж при университете Тринити в Сан-Антонио. Он впервые увидел чернильные пятна в 1953 году и сразу понял, что они станут делом всей его жизни. Экснер поступил в Корнелл и начал работать над докторской диссертацией в клинической психологии.

Он обнаружил хаос. Подходы Клопфера и Бека продолжали тянуть тест в разные стороны с 1940-х годов. У Герц были собственные методы, а параллельно в Соединенных Штатах обретали популярность еще две системы: психоаналитическая методика Шафера–Рапапорт и оригинальная техника Зигмунда Пиотровского «Перцептивный анализ». Множество собственных вариаций появилось также в других странах. Во всех использовались одни и те же десять чернильных пятен, показываемых в одной и той же последовательности, — хотя некоторые добавили дополнительную пробную кляксу, которую демонстрировали перед началом теста. Но процедура проведения теста, коды подсчета баллов и последующее анкетирование были часто несовместимы между собой, и даже *фундаментальные вещи,* которые проверялись при помощи теста Роршаха, существенно отличались друг от друга.

Ни один из этих методов не использовали большинство психологов, хотя Клопфер и был самым популярным идеологом, а вслед за ним шел Бек. Профессора не знали, какой системе нужно обучать студентов, практики же тасовали их в зависимости от конкретного случая. Как позже скажет об этом Экснер, они действовали «по наитию, добавляя “немного Клоп-

фера", "оттенок Бека", "несколько зернышек Герц" и "чуточку Пиотровского"», исходя из своего собственного опыта знакомства с каждой из систем, — и называли это «тестом Роршаха».

Даже в самых мелких деталях возникала чудовищная путаница. Когда вы проводите тест Роршаха, где вы должны сидеть? У Роршаха и Бека Экснер прочитал, что экспериментатор должен сидеть позади испытуемого, Клопфер и Герц рекомендовали садиться сбоку, Рапапорт-Шафер — лицом к лицу, а Пиотровский утверждал, что садиться нужно там, где это будет «наиболее естественно». Такой широкий диапазон взглядов возник не потому, что место расположения психолога не имело значения, а по причине конфликтующих между собой тщательно проработанных каждой методикой в свою пользу аргументов. Но все-таки куда-то нужно было сесть...

Через двадцать лет, после провалившейся попытки Маргерит Герц исцелить «раскол в семействе роршахистов», эту миссию принял на себя Экснер. Именно он в 1954 году, будучи двадцатишестилетним аспирантом, появился в доме Бека в Чикаго с книгой Клопфера в руках и услышал вопрос: «Ты взял ее в *нашей* библиотеке?» Когда он позже рассказал об этом некрасивом поступке своим преподавателям, один из них предложил: «Почему бы нам не позвонить Клопферу, и ты сможешь поработать с ним следующим летом?» Экснер согласился и позднее вспоминал, что он «влюбился в них обоих».

Клопфер и Бек оставались несовместимыми, но с подачи Бека и с одобрения Клопфера Экснер решил написать небольшую статью, сравнивающую эти системы. В итоге эта короткая статья превратилась в длинную книгу, на создание которой Экснеру понадобилось почти десять лет: детализированная история и описание пяти основных систем использования теста Роршаха с биографиями основателей и полномасштабными образцами интерпретаций при использовании каждого из методов. В 1969 году, когда Экснеру был уже 41 год, он опубликовал труд «Системы Роршаха».

Экснер установил, что пять систем совпадают в ключевых понятиях, которые отчетливо описывал сам Герман Роршах, таких как значение ответов движения или последовательность целостных и детальных ответов. Однако во многих областях теста, где Роршах давал размытые формулировки или не успел оставить развернутого руководства перед своей ранней смертью, — процедура проведения, теоретическая основа, коды,

находящиеся за пределами того, что успел предложить основатель, — последователи Роршаха шли собственными путями.

Было очевидно, что произошло вслед за этим. На основе тысяч опубликованных разработок и исследований авторства сотен практиков Экснер начал формировать общую сводную концепцию. Пять лет спустя, в 1974 году, он опубликовал книгу «Тест Роршаха: всеобъемлющая система», на 500 страниц. Впоследствии она много раз переиздавалась, исправлялась, выходила с дополнительными материалами. Целью этого проекта было заявлено «представить в едином формате лучшее, что есть в тесте Роршаха».

Методично продвигаясь сквозь каждый из аспектов теста, Экснер свел их в единую структуру. Он остановился на том, что проводящий тест и проходящий его должны сидеть бок о бок — как бы невзначай, чтобы уменьшить влияние каких бы то ни было невербальных сигналов от психолога. Он также отметил, что положение последнего, вероятно, должно быть пересмотрено во всех существующих психологических тестах с учетом предварительного исследования на тему того, как конкретная ситуация влияет на поведение. Он предоставил многочисленные образцы результатов и интерпретаций, а также более полные списки типичных и необычных ответов — важнейшие «нормы», которые использовали, чтобы определить психическую нормальность испытуемого. 92 целостных ответа для карточки I, включая следующие:

Хорошо:	мотылек
Хорошо:	мифологические существа (на каждой из сторон)
Плохо:	гнездо
Хорошо:	орнамент (Рождественский)
Плохо:	сова
Хорошо:	тазобедренный сустав (скелетный)
Плохо:	горшок
Плохо:	печатный станок
Плохо:	ковер
Хорошо:	морское животное...

За этим следовали еще 126 вещей, распознанных в девяти обычно интерпретируемых областях карточки, и еще 58 ответов, касающихся редко интерпретируемых областей, и все было показано в таблицах. Затем переходили к карточке II…

Его всеобъемлющая система, полная новых оценок и формул — более разветвленная, чем любая из применяемых ранее методик проведения теста Роршаха. Сам Герман Роршах предлагал около десятка кодов, теперь же их количество увеличилось до 140, включая такие формулы:

Нынешний дистресс (*eb*) =
неудовлетворенные внутренние нужды (*FM*) + дистресс,
спровоцированный ситуацией (*m*) /
оттеночные ответы (*Y* + *T* + *V* + *C*)

или

Отражение х 3 (*r*) + пара (2) /
общее число ответов (*R*) = «индекс эгоцентризма»

Проще говоря, если испытуемый давал в тесте Роршаха по два ответа на каждую карточку, общее количество ответов (*R*) равнялось 20. Каждый ответ, описывающий чернильное пятно как некую вещь и ее зеркальное отражение («Женщина смотрится в зеркало», «Медведь прогуливается по камням у воды и отражается в ручье») в системе Экснера кодировался как ответ Отражения, «r», наряду с другими его кодами («бредущий медведь» означал ответ Движения, а также Цветовой ответ, если «водой» называли синюю часть карточки, и Целостный или Детальный ответ, и так далее).

Предположим, что испытуемый дал оба возможных ответа Отражения, а также четыре ответа Пары, каждый закодирован как «2» — разновидность ответа, описывающая две одинаковые вещи, «пара ослов» или «пара ботинок», симметрично расположенные на каждой из сторон карточки, но не являющиеся частью целого, как два глаза на лице или два лезвия ножниц. Включение этих цифр в формулу Экснера давало индекс эгоцентризма ([3 × 2] + 4) / 20 = 10/20 = 0,5. Плохой знак для испытуемого, поскольку любой показатель выше 0,42 предполагал «интенсивную фокусировку на себе, которая могла способствовать искажениям реальности, особенно в межличностных ситуациях». Число ниже 0,31 предполагало наличие депрессии. Но для такого человека не все было потеряно: множество других оценок и индексов, вытекающих из его теста, могли изменить значимость этого высокого показателя.

В некоторых случаях новые методы оценки, предложенные Экснером, позволяли тесту определять показатели и психиче-

ские состояния, которые не учитывал Роршах или которые даже не были определены в его время: риск самоубийства, терпимость к лишениям, стрессоустойчивость. В других случаях цифры, казалось, присваивали кодам ради самих цифр. Например, важная для системы Экснера оценка *WSum*6, измерявшая степень присутствия или отсутствия нелогичного и непоследовательного мышления, была просто взвешенной суммой шести других оценок, возникших с 1940-х годов: девиантные вербализации (сегодня кодируется как *DV*), девиантные ответы (*DR*), несовместимые комбинации (*INCOM*), сфальсифицированные комбинации (*FABCOM*), контаминации (*CONTAM*) и аутичная логика (*ALOG*). Новый балл обеспечил измеримый порог: исследование в конце концов пришло к выводу, что *WSum*6 = 7,2 было средним значением для взрослых, тогда как *WSum*6 ≥ 17 было уже слишком высоким, в результате чего появился еще один пункт в 9-переменном ИПМ, индексе перцептуального мышления (*PTI*), который пришел на смену более раннему индексу шизофрении (*SCZI*), *с* его высоким показателем ложных ответов. Балл *PTI* ≥ 3 «обычно определяет серьезные проблемы с психологическими установками, связанные с идеологической дисфункцией».

Это был чрезвычайно изощренный способ подтвердить тот факт, что *если вы говорите много безумных вещей, то, возможно, вы сами безумны.*

Но именно такое количественное оформление и требовалось в то время. Экснер был главным в своей эпохе поборником философии Роршаха после Клопфера: не просто яркий шоумен, а ответственный, солидный технократ, чей опыт, казалось, поднялся выше любой вражды. Тест Роршаха должен был быть стандартизирован, лишен своих интуитивных, эмоционально мощных и, возможно, прекрасных качеств, чтобы соответствовать ведомой информационным потоком новой эре американской медицины.

В 1973 году, за год до того как всеобъемлющее руководство Экснера было опубликовано, президент Ричард Никсон подписал закон «О медицинском обслуживании». «Управляемый уход» — сокращенный термин для новой сложной системы правил страхования и планов по выплатам — нацелен на увеличение эффективности, достигаемое путем устранения «необязательных» госпитализаций и применения экономически эффективных методов лечения по фиксированным ставкам.

Семейный врач стал теперь называться «врачом первичной медико-санитарной помощи», и его обязанностью было провести участника программы ОМО сквозь лабиринт специалистов и разрешений. Все чаще ему приходилось разрываться между давлением, требующим снизить расходы, и необходимостью удовлетворить нужды клиентов, ранее именовавшихся пациентами.

Хотя политика управляемого ухода и обеспечивала лучший доступ к медицинскому обслуживанию (все больше людей обзаводились медицинскими страховыми полисами), возникающее при этом увеличение стоимости услуг вынуждало страховые компании ужиматься. В психиатрической терапии усилился отход от традиционной оценки личности, который начался еще в шестидесятые годы.

Необходимость в установлении «медицинской целесообразности» в назначении лечения оказывала давление на любой подход, который не предусматривал прописывание лекарств. Психологические обследования реже возмещались по страховке, необходимость предварительной авторизации и другая бумажная работа затрудняли гибкое применение таких осмотров. Даже в узких утилитарных условиях человек ожидал, что качественное первоначальное обследование и диагноз позволят сэкономить средства, но на практике они исчезли из обихода первыми, до тех пор пока психологи не смогли доказать, что это «сообразно нуждам терапии и стоимости лечения», а также «релевантно и актуально в контексте планирования терапии». Национальные исследования психологической практики в эпоху управляемого ухода подтвердили широко распространенное мнение врачей о том, что «рыночные требования создавали препятствия, которые ставили под угрозу само существование традиционной психологической практики».

Как к лучшему, так и к худшему, Экснер переоформил тест Роршаха для этого современного мира. Он не сумел сделать тест быстрым и легким в большей степени, чем это удалось Молли Харроуэр в сороковые годы, но сумел подогнать под него основу, базирующуюся на цифрах. Если вернуться к самому Роршаху, это всегда было одним из основных положений его теории, гласящей, что «невозможно получить точную и надежную интерпретацию, не прибегая к расчетам». По сравнению с процессом психоанализа, то, что некто мог увидеть в чернильных пятнах, действительно было легче закодировать, под-

считать и сравнить с тем, что дали анализ сновидений пациента и его опыт свободных ассоциаций. Бывали такие времена, когда чернильные пятна широко использовались как проекционный метод с целью выявления тонкостей личности, где на первый план выходил то интуитивный, то качественный подход, но всякий раз, когда маятник психологической науки откатывался обратно к чествованию цифр, количественный аспект чернильного теста выходил на первый план. Система Экснера более акцентирована на цифрах, чем что-либо до нее. И, поскольку перфокарты эпохи Харроуэр уступили место намного более мощным компьютерным технологиям (бывшим неотъемлемой частью растущей бюрократии управляемого ухода), количественная оценка была теперь важнее, чем когда-либо прежде.

Еще в 1964 году, через четыре года после того, как возникло понятие «наука о данных», исследователи прогнали результаты тестов Роршаха, полученные от 586 здоровых студентов медицинского училища Джона Хопкинса, через одну из ранних компьютерных программ для индексирования, после чего подготовили крупноформатный алфавитный указатель из 741 страниц. К середине 1980-х годов этот свод наряду с жизненными историями, полученными в результате продолжительного наблюдения за участниками эксперимента, позволил отойти от традиционной методики интерпретации тестов Роршаха в принципе. Компьютеры просто подсчитывали число появлений каждого слова, сказанного в процессе тестов, и искали соответствия между ответами и последующей судьбой фигурантов. В 1985 году вышла статья под заставляющим поежиться заголовком «Способны ли слова, сказанные на тесте Роршаха, предсказать болезнь или смерть?», в которой говорилось, что люди, которые упомянули «вихрь» в ответе на любую из десяти карточек, в пять раз более склонны к самоубийству, чем те, кто этого не сделал, и в четыре раза чаще умирали по каким-либо другим причинам.

Экснер использовал компьютеры и в своей собственной методологии. В середине 1970-х годов он занимался изучением способов «увеличить применение компьютерных технологий с целью помощи в интерпретации теста». Итогом этого стала появившаяся в 1987 году компьютерная программа *Rorschach Interpretation Assistance Program*, для которой в последующие годы выходили многочисленные обновления. Когда врач кодировал ответы пациента, программа производила математические вычисления, генерировала многомерные оценки и под-

черкивала наиболее значительные отклонения от статистических норм. Она предоставляла распечатку «интерпретационных гипотез» в доступной прозаической форме.

«Этот человек склонен сравнивать себя с другими людьми не в свою пользу и впоследствии страдать от низкой самооценки и недостаточной уверенности в себе...»

«Этот человек демонстрирует адекватные способности, легко идентифицирует себя с людьми, окружающими его в жизни, и имеет возможность формировать такие идентификации...»

«Этот человек демонстрирует ограниченную способность тесно привязываться к другим людям...»

Под конец жизни Экснер отказался от компьютерного подхода, но ущерб уже был нанесен. Тест Роршаха, некогда провозглашенный самым верным способом проникновения в человеческую душу, теперь мог быть прочитан машиной.

Но даже при использовании людьми система Экснера все равно имела недостаток. Его строгий эмпирический акцент сводил к минимуму то, что многие защитники метода Роршаха считали наиболее ценным, — неограниченную способность теста генерировать удивительные идеи. Стратегии, которые целые поколения врачей-клиницистов находили полезными и проницательными, — например, идея о том, что первый ответ испытуемого на первую карточку что-то говорит о том, каким человек себя представляет, — не нашли места в экснеровском шквале кодов и переменных. В результате психологи, которые использовали чернильные пятна в качестве отправной точки для разговорной терапии и других методов с открытым финалом, склонялись либо к тому, чтобы отвергнуть систему Экснера, либо к тому, чтобы вообще отказаться от теста Роршаха.

Но все же Экснер сумел вновь привлечь к тесту уважительное отношение специалистов научной области, особенно после 1978 года, когда вышло второе, еще более скрупулезное издание его руководства. Его всеобъемлющий объединяющий подход исправлял большинство промахов, свойственных более ранним системам использования теста Роршаха, и даже ведущие психоаналитики, которые долго критиковали проекционные методы как субъективные, начали хвалить ту тщательность, которую привнес в тест Роршаха Экснер.

Экснер остановил разброд и шатания противоречивых мнений о тесте Роршаха: критика Артура Дженсена в 1965 году

и все прочие прежние атаки теперь могли быть отклонены как направленные на «более ранние, менее научные версии» теста.

Начавшиеся в 1984 году индивидуальные семинары Экснера по Роршаху в городе Эшвилл, Северная Каролина, выучили поколение врачей, а его учебники заменили книги Клопфера и Бека в программах изучения клинической психологии. Лишь городской университет Нью-Йорка оставался по большей части «клопферианским», но его студентам тоже приходилось изучать систему Экснера, так как им предстояло работать и во многих других местах. Поскольку тысячи статей и исследований о Роршахе продолжали расти, как грибы после дождя, централизованная Роршах-система от Экснера стала единственным источником, на который большинство практиков вообще обращали внимание.

Бруно Клопфер умер в 1971 году, Сэмюэл Бек — в 1980 году; Маргерит Герц передала эстафету Экснеру в 1986 году, назвав его исследование «первой серьезной и систематической попыткой противостоять некоторым из нерешенных проблем, которые преследовали нас на протяжении многих лет». «Самым лучшим было то, — добавила она, — что Экснер и его коллеги внесли в наши ряды дисциплину и привили нашей области чувство оптимизма».

На протяжении тех лет, пока Экснер настраивал и отлаживал свои формулы, тест Роршаха приносил все более правильные результаты — «правильные» в плане маркировки. Например, шизофрению обозначали именно таким образом, как в других тестах и критериях. Чернильные пятна использовались и воспринимались как стандартная мера известных величин, а не как разведывательный эксперимент.

При всех преимуществах интеграции теста Роршаха и новаций, предложенных другими психиатрическими методами, она, как правило, делала его более громоздким и более затратным способом анализировать то, для чего у психиатров уже имелись другие техники. Как и в случае с компьютеризацией, Экснер все чаще осуждал поиск «обобщенных истин» и критиковал такие справочники, как «Диагностическое и статистическое руководство по психическим расстройствам» (*Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders*), называя их «бухгалтерскими пособиями по классификации людей, страдающих психическими расстройствами», порождающими поверхностные планы лечения. Возможно, у него были сомнения отно-

сительно того, как использовались такие стандартные классификации, но именно их и обеспечила его система, — и их же обеспечивали другие тесты и системы оценки, только быстрее.

Переход к более эффективным тестам случился раньше, чем появилась система Экснера. Опрос, проведенный в 1968 году среди академических клинических психологов, показал, что, хотя Роршах все еще широко использовался, более половины респондентов считали, что «объективные», «непроекционные» методы использовались чаще и более важны. Один из этих методов набирал силу особенно быстро.

Миннесотский многоаспектный личностный опросник, или ММЛО, впервые опубликованный в 1943 году, вырвался вперед Роршаха в 1975 году. Он состоял из 504 утверждений — 567 в модифицированном ММЛО-2, — с которыми испытуемому предлагалось согласиться либо нет, начиная с вещей, кажущихся тривиальными («У меня хороший аппетит», «Мои руки и ноги обычно достаточно теплые»), и заканчивая достаточно тревожными («Иногда в меня вселяются злые духи», «Я вижу вокруг себя вещи, или животных, или людей, которых другие не видят»). Этот тест мог проводиться с группой силами одного канцелярского работника и был очень легким в подсчете баллов. Каждая шкала ММЛО — шкала депрессии, шкала паранойи и т. д. — включала два списка связанных с ней вопросов. Итоговым результатом было количество утверждений из первого списка, на которые был дан ответ «Правда», плюс число ситуаций из второго списка, отмеченных как «Ложь». Это было быстро и «объективно».

Технически это означало только то, что этот тест не являлся «проекционным». Ответ «Правда/Ложь» на предположения «Некоторые люди считают, что трудно узнать, каков я», «Я жил неправильной жизнью» или «Многие люди виновны в плохом сексуальном поведении» не могли быть объективными в сколько-нибудь значимом смысле. Люди не желают или не могут объективно оценить сами себя, — самоописания часто оказывались лишь частично совпадающими с тем, что говорили об испытуемых друзья и родственники, или же с тем, что демонстрировало их поведение. Ответы не предполагалось воспринимать букально: ответы «Правда», данные на множество удручающих предположений, и «Ложь» — на множество комфортных, необязательно означали, что человек подавлен. Существовали шкалы для измерения того, был ли испытуемый

склонен к преувеличению или лжи. Интерпретация результатов ММЛО также была искусством, требующим субъективного суждения. Однако обтекаемые термины «объективно» и «субъективно», несомненно, благотворно сказались на судьбе ММЛО.

В десятилетие после 1975 года тест Роршаха сместился в списке наиболее часто используемых в клинической психологии личностных тестов со второго места на пятое. Теперь он находился в тени как ММЛО, так и нескольких других проекционных тестов: рисования человеческой фигуры (обычно проводился с детьми), завершения предложения и теста «Дом — Дерево — Человек».

Результаты этих более ограниченных тестов говорили сами за себя. Рисунок человеческой фигуры с чрезмерно большой головой может указывать на высокомерие, а пропуски ключевых частей тела — дурной знак. Завершение предложения враждебными, пессимистичными или связанными с насилием словами — тоже. Таким образом, эти тесты более уязвимы для «управления впечатлениями», — испытуемые могли знать, как произвести впечатление, и преподнести себя так, как они хотели, чтобы их видели. Один полицейский из Нью-Йорка, проходивший тест «Дом — Дерево — Человек» в процессе трудоустройства, признался, что его друзья заранее предупредили: «На доме должна быть печная труба с выходящим из нее дымом, и, что бы ты ни делал, убедись, что ты нарисовал на дереве листья». Именно так он и поступил. Но, при всей своей непоказательности, эти тесты были быстрыми и дешевыми, что сделало их наиболее предпочтительными.

Рейтинги популярности среди тестов, обычно основанные на спорадических опросах с небольшой и не особенно разнообразной выборкой образцов, не так точны и надежны, как кажутся. Однако тенденция была понятна, — чернила в тот период были не в фаворе.

В этом новом окружении психологи, специализирующиеся на тестах, стали находить образовательную систему более привлекательной в качестве места работы, чем медицину. Страховые компании не желали выкладывать три или четыре тысячи долларов за всестороннее тестирование в больничной атмосфере — фактически психиатрические пациенты редко надолго оставались в больнице, — но школы продолжали платить за эту работу. То были не настолько обширные программы, как та, которую учредил колледж Сары Лоуренс в тридцатые го-

ды, поскольку для таких программ существовали собственные процветающие отрасли — тестирование *IQ* и профпригодности. Вместо этого такие психологические тесты проводились с отдельными трудными подростками и детьми, которые обращались в школьные консультационные центры или были направлены туда для оценки.

Так что, поскольку Экснер продолжал развивать свою «всеобъемлющую систему», он расширил рамки своей деятельности. В 1982 году он посвятил дополнительный выпуск своего пособия детям и подросткам. Ответы ребенка на пятна Роршаха обычно означали то же самое, что и у взрослого, — утверждал Экснер (например, чистые ответы *C* и *CF* указывали на слабый эмоциональный контроль), однако нормы часто бывали разными. Многие из таких ответов были бы нормальными для семилетнего мальчика, но незрелыми для взрослого, в то время как выявленный у ребенка зрелый профиль взрослого человека указывал на «вероятный чрезмерный контроль, вызванный плохой адаптацией».

Экснер подчеркивал, что тест Роршаха весьма ограниченно применялся в случаях проблем с поведением, поскольку выводы теста не передавали напрямую информацию о поведении. Не существовало специальных оценок Роршаха, которые могли бы «достоверно определить ребенка, который начал играть на публику, или отличить подростка, склонного к правонарушениям». В таких случаях — особенно в тех, где поведение ребенка было обусловлено его окружением, — тест просто подсказывал типы психологических сильных и слабых сторон, работа с которыми могла благотворно повлиять на ход лечения. В самых распространенных случаях молодежные психологи имели дело со студентами, у которых возникали проблемы с успеваемостью, и тест Роршаха мог помочь определить разницу между ограниченным интеллектом, нарушениями неврологического характера и психологическими трудностями.

Многие из тех же рыночных сил, которые в семидесятые и восьмидесятые годы заставили клинических психологов обратить свои взоры на образовательную систему, подталкивали их по направлению к системе правовой. «Судебное тестирование» переживало огромный подъем: оценочным процедурам подвергались родители, спорящие о правах на детей, дети, подвергшиеся насилию, специалисты устанавливали психологический ущерб в личных судебных обращениях, компетентность

и вменяемость участников уголовных процессов. Издание Экснера 1982 года включало несколько случаев, иллюстрирующих применение теста Роршаха при работе с детьми и в условиях юридического процесса.

Один из этих случаев описывал историю Хэнка и Синди, которые начали встречаться в старших классах школы и поженились в середине шестидесятых, когда Хэнку было двадцать два года. После двухнедельного медового месяца он отправился во Вьетнам, где прослужил год и был награжден за героизм, проявленный в Дананге. Первые три-четыре года после его возвращения были счастливыми для пары, но последующие — нет. К концу семидесятых их тринадцатилетний брак закончился разводом и дележом ребенка. Хэнк утверждал, что Синди психологически не подходит для того, чтобы получить опеку над их двенадцатилетней дочерью; Синди подала встречный иск с заявлением, что Хэнк был «психически жестоким» по отношению к ней и ребенку и что подвергать тестированию только ее одну несправедливо. Тестирование было запрошено для обоих родителей, а также для ребенка.

Во время интервью их семейные проблемы проявились как нельзя яснее: Синди жаловалась на беспринципность Хэнка, признавалась, что тратила семейные деньги ему назло. А результаты теста Роршаха были комплексными и техничными. Тест дочери показал, что «если магнитуда соотношения *ep* : *EA* существовала в течение очень долгого времени», то это могло объяснить ее недавние проблемы в школе. «Девочка демонстрирует довольно низкие для своего возраста показатели коэффициента привязанности (*Afr*), так что она может быть очень замкнутой. Чрезвычайно непропорциональный коэффициент Хэнка *a* : *p* говорит о том, что мужчина не очень гибок в своем мышлении или отношении к жизни... Высокий индекс эгоцентризма, 48, предполагает, что он гораздо более эгоцентричен, чем большинство взрослых людей, и это может оказывать негативные воздействия на его межличностные отношения».

Синди казалась более обеспокоенной. Ее первым ответом на карточку I был паук, а потом она еще больше его исказила, добавив пауку крылья. Если это была проекция ее самооценки, то она оставляла желать лучшего... Все три ее ответа *DQv*, касавшиеся цветных карточек, указывали на то, что Синди легко спровоцировать на эмоции. Вывод: «На нее оказывают сильное влияние ее чувства, и она не очень хорошо их контролирует...

Вероятно, она не испытывает потребности в эмоциональной близости, общей для большинства людей». По тестам Роршаха было легко понять, как сверхэмоциональная незрелость Синди и эгоцентричная жесткость Хэнка могли вызывать конфликты в их браке.

В итоге рекомендации психологов оказались довольно скромными. Ребенок находился «в состоянии сильного расстройства», написали они. Кто бы ни получил над ним опеку, «нынешнее состояние ребенка указывает на необходимость вмешательства», и этим должны заниматься оба родителя. В отчете о состоянии матери подчеркивалось, что, «хотя психотерапия и пошла бы ей на пользу, это не означает ее непригодность к воспитанию ребенка». В результате вклад психологов оказался не соответствующим тому, что ожидали увидеть в суде, и судья принял свое собственное решение. Он постановил, что право опеки получат оба родителя, и предписал матери пройти психотерапию и заниматься развитием ребенка.

Экснер включил в свою книгу историю Хэнка и Синди именно потому, что она вовсе не была чем-то сенсационным или шокирующим. Так и должны выглядеть открытия, сделанные при помощи теста Роршаха в судебном контексте. Поскольку книга представляла собой руководство Экснера к использованию теста Роршаха, она подробно рассказывала о процессе, предоставляя полные расшифровки, оценки и интерпретации тестов всех троих участников. На самом процессе психологи совмещали результаты тестов Роршаха с другой информацией, не опубликованная в таких глубоких подробностях. Все же в глазах скептиков сочетание криптографических кодов с огульными суждениями о характере и психологии выглядело не более чем шарлатанством, особенно для тех, кто был не знаком с версией Экснера. Для практиков же это был обычный день в рабочем кабинете.

Как и здравоохранение, судебная система нашла ту версию теста Роршаха, которая была ей нужна, — включающую еще более впечатляющую надстройку кодов, баллов и перекрестных проверок. Американская психология заключила две «сделки с дьяволом»: попросила своих клиентов об оплате медицинских услуг, которая удовлетворяла бы страховые компании, и пришла в залы судебных заседаний, что потребовало от психолога объявить себя таким же безличным авторитетом, каким являлся судья. Теоретически психология не должна использо-

ваться для ответов на столь узкие вопросы, как «больной или здоровый?», «нормальный или сумасшедший?», «виновен или невиновен?» — так же как не могли для этой цели быть использованы искусство или философия. Она должна быть открытой для толкования и приводить к истинам, а не к ответам. Но теперь она, как никогда прежде, использовалась именно таким предвзятым образом, в контексте, вынуждавшем давать окончательные вердикты «или–или», делить мир на черное и белое.

Самый важный вклад Джона Экснера — избавление от скачущего и неровного прицела многочисленных систем Роршаха. При этом он облегчил возможность для критики теста: унифицированный Роршах лишь обострил поляризацию между скептиками и приверженцами. По мере того как XX век приближался к концу, история теста Роршаха распадалась на множество связанных с ним споров и противоречий. Ни одно доказательство не устраивало ни одну из сторон, ни один пример применения теста не становился более значимым, и ничто не могло заставить кого бы то ни было поменять свою точку зрения.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

РАЗНЫЕ ЛЮДИ ВИДЯТ РАЗНЫЕ ВЕЩИ

Осенью 1985 года Роуз Мартелли вышла замуж за Доналда Белла. Спустя шесть месяцев она ушла от него, будучи беременной. После рождения их сына Доналд подал судебный иск с требованием права опеки и посещений. Роуз заявила, что он был агрессивен в течение предшествовавшей совместной жизни, а ее восьмилетняя дочь от первого брака вспомнила, что три года назад Доналд совершал в отношении нее развратные действия. Однако судья, сочтя, что время для этих обвинений выбрано уж очень подозрительно, предоставил Доналду полные родительские права и разрешение общаться с сыном без надзора. Мальчик приходил домой с синяками неизвестного происхождения, и Роуз в конце концов обратилась в Службу по защите детей, заявив о физическом и сексуальном насилии, но не предоставив убедительных доказательств. Служба защиты потребовала, чтобы оба родителя прошли обследование у психологов.

Результаты теста Доналда были нормальными. Психолог, работавший с Роуз, сообщил, что она была «серьезно обеспокоена и, вероятно, не имела истинной заинтересованности в двух своих детях», а также что «мышление Роуз настолько ослабленное, что она искажала реальность и поступки других людей». Сотрудник Службы сказал, чтобы Роуз отозвала свои обвинения и обратилась к психиатру, и отказался рассматривать ее дальнейшие обращения. Спустя восемь месяцев мальчик, которому к тому моменту было пять лет, пожаловался, что отец ударил его и «ткнул в зад». Экспертный анализ на определение факта изнасилования дал положительный результат.

Дело было рассмотрено повторно, на этот раз психологом, специализировавшимся на вопросах жестокого обращения с детьми. Появились многочисленные доказательства того, что первоначальным обвинениям Роуз и ее дочери нужно верить. Оказалось, что Доналд состоял на учете как человек,

склонный к агрессии, у Роуз же среди друзей и знакомых была репутация очень честной женщины. Все ее так называемые «странные истории», которые изучил психолог, оказались на самом деле абсолютно логичными. Тем не менее ранее Служба защиты детей приняла отчет первого специалиста за истину в последней инстанции. Второй психолог был потрясен, узнав, что Роуз признана ненадежной и эмоционально нестабильной на основании лишь одного-единственного теста — Роршаха.

Психолог делал выводы из проведенного с Роуз теста Роршаха, используя те оценки Экснера, которые мало доказали свою достоверность, или же те, которые обычно ставили под сомнение психическое здоровье нормальных людей. При этом он пренебрег другими, более позитивными моментами, наличествовавшими в результатах теста. В одном из чернильных пятен Роуз увидела «съеденную индейку со Дня благодарения», и этот «пищевой ответ» стал одной из причин того, что ее признали зависимой натурой и приспособленкой. Однако психологу, проводившему тест, следовало принять во внимание, что Роуз обследовалась во время своего обеденного перерыва, ничего не ела после завтрака, и — через неделю после Дня благодарения, когда как раз такая индейка лежала у нее в холодильнике.

Одним из самых осуждающих заключений первого психолога стало утверждение, что Роуз «эгоцентрична и лишена сопереживания к своим детям», и оно возникло из-за единственного ответа Отражения (зеркала или другие возможные отражения), которые повышали индекс эгоцентризма, указывая на нарциссизм и эгоизм. Но то, что Роуз увидела в чернильных пятнах, было «бумажными снежинками, как если вы складываете лист бумаги пополам и вырезаете из него снежинку». Это даже не было ответом Отражения, — проводившией исследвоание врач закодировал его неправильно. Но к тому времени, когда пересматривавший результаты психолог это понял, было уже поздно, — отец получил родительские права.

Имея в виду такие примеры, как случай Роуз Мартелли, Робин Доуз, в прошлом — член комитета по этике Американской психологической ассоциации, написал в конце 1980-х годов, что «применение теста Роршаха в целях установления правового статуса гражданина и в делах, связанных с опекой над детьми, является самой неэтичной практикой моих коллег». Несмотря на то что тест Роршаха, по его словам, «ненадежен и некорректен», «правдоподобность его интерпретаций настолько убе-

дительна, что они по-прежнему считаются доказательством в судебных процессах, подразумевающих принудительные меры медицинского характера и касающихся родительских прав, а психологов, которые предлагают такие трактовки, в свою очередь, почитают “экспертами”». Позднее в книге Доуза «Карточный домик» (1994) тест Роршаха был использован как главный пример психологии, построенной скорее на мифе, чем на науке.

Экснер создал тест Роршаха заново, но убедил не всех.

Тем временем чернильные пятна продолжали захватывать массовое воображение. Многие молодые люди в конце XX века впервые узнали имя Роршаха в «Хранителях» 1987 года, психологическом супергеройском комиксе, который вошел в составленный журналом *Time* список лучших англоязычных романов, опубликованных с 1923 по 2005 год. Его нуарный антигерой Роршах прячет свою темную душу под маской с чернильными пятнами. Благодаря специальным свойствам этой маски чернильные пятна на ней могут видоизменяться, но никогда не сливаются с фоном, символизируя черно-белый моральный код без серых зон, которым персонаж оправдывает творимые им жестокости. Два цвета никогда не сходятся вместе.

В 1993 году Хиллари Клинтон тоже использовала чернильную метафору, чтобы обозначить непримиримые крайности. «Я — тест Роршаха», — сказала она репортеру *Esquire*, и этот образ остался с ней на годы (комментируя ту свою статью, журналист Уолтер Шапиро написал: «Я думаю, то был первый раз, когда Хиллари произнесла эту избитую фразу». И эта фраза до сих пор повторяется: во вступлении антологии статей о карьере Клинтон, опубликованной перед президентскими выборами 2016 года, Клинтон названа «тестом Роршаха для наших взглядов — в том числе и для бессознательных»; сборник «не ответит на все вопросы читателей, но по крайней мере поместит это пятно Роршаха в более ясный фокус»). В этой метафоре реакция людей на Клинтон характеризовала их, а не ее; она несла очень мало (или вовсе никакой) ответственности за то, какую сторону они принимали. Тест Роршаха выступал здесь в роли разделителя. Статья Шапиро развенчивала многие мифы и показывала, что некоторые интерпретации личности Клинтон попросту ложные. И все же он написал: «Она права. Подлинная личность Хиллари Клинтон во многом остается неизвестной. Мы смотрим на ее изображение на телеэкране и на обложках журналов — и видим то, что хотим видеть».

За пределами поляризованного политического контекста фраза «мы видим то, что хотим видеть» может звучать равнодушно — и никто не приветствовал это безразличие больше, чем Энди Уорхол, который возвел его в ранг произведения искусства. В 1960-е годы он начал создавать изображения продуктов массового потребления, — взять хотя бы шелкографии банок с томатным супом *Campbell's*, которые он ранее рисовал. Уорхол нанимал плотников, чтобы сделать фанерные ящики того же размера, что и коробки из супермаркета, а другие люди рисовали на них изображения, повторяющие дизайн коробок с мылом *Brillo*. Результатом стала растиражированная серия арт-объектов, которые практически неотличимы от своих прототипов. «Я рисую именно так, потому что я хочу быть машиной, — заявил однажды художник. — Если вы хотите узнать все об Энди Уорхоле, посмотрите на поверхность моих картин, фильмов и меня самого — и вот он я. И нет ничего больше».

Помимо ернических уколов в адрес абстрактных экспрессионистов, таких как Поллок, Уорхол отрицал внутреннее «я» как таковое. Художники, с его точки зрения, не выражали ничего. Как и пятна Роршаха, Уорхол искусно скрывал любые следы преднамеренности. Как выразился один ученый: «Является ли картина только оконченной работой или же она передает нечто большее? Есть ли смысл в этих отметинах на холсте?» Вероятно, «зримая физическая работа ни одного другого крупного художника не значила меньше, чем оная Энди Уорхола», — ваша реакция на его творчество значила *больше, чем сам* Уорхол.

Этот целеустремленный человек-машина, который нанимал других художников, чтобы создать мыльные коробочки *Brillo*, и давал этим художникам право говорить от его имени, вернулся только однажды — на позднем этапе своей карьеры, чтобы сделать собственные выразительные отметины краской на бумаге. В 1984 году Уорхол плеснул краски на большие, некоторые — настенного формата холсты и свернул их пополам. В итоге получилась серия из шести десятков симметричных картин с чернильными кляксами. Больше всего было использовано черной краски, некоторые картины включали в себя золотую или были разноцветными. В 1996 году эта коллекция впервые была выставлена в полном объеме. Каждая из картин называлась «Роршах».

Проект, однако, начался с ошибки: Уорхол думал — или прикидывался, что думал, — что «когда вы приходите в больницу, вас просят нарисовать пятна Роршаха и с их помощью

пройти тест. Эх, если бы я знал, что существует стандартный набор». Он сказал, что в этом случае просто скопировал бы таковой. Но вместо этого он создал собственные чернильные пятна, чтобы посмотреть, что он таким образом обнаружит. Ему быстро наскучила интерпретационная часть процесса, и он сказал, что предпочел бы нанять кого-то, кто выдал бы себя за него и вместо него сказал, что видит. При таком подходе рецензии были бы «несколько интереснее», резюмировал он. «Все, что я видел, — это собачья морда или что-то вроде дерева, птицы или цветка. Кто-нибудь другой смог бы увидеть больше».

Это была классическая провокация Уорхола, и его пятна выглядели великолепно, — он хорошо сумел совладать с дизайном Роршаха и надлежащим «пространственным ритмом». Он даже признал, что картины серии «Роршах» «обладали собственной техникой... Если плеснуть краской на холст, получится простая клякса. Так что, возможно, они получились лучше, потому что, делая их, я проявил усердие».

Благодаря Уорхолу чернильные пятна прочно вошли в художественный мейнстрим, и тем самым он придал им новое значение. Его пятна не балансировали на грани возможной интерпретации, как у Роршаха. Как написал один критик по случаю презентации 1996 года: «Это — абстрактные картины, не имеющие того ореола загадочной неясности и неопределенной глубины, который обычно висит вокруг абстрактного искусства. В картинах серии “Роршах” есть демократичное, зависящее от зрителя качество: вы можете увидеть в них что угодно, не существует “неправильных” ответов». И в конце концов, пятна Уорхола не несли психологической нагрузки, — они не пытались проникнуть в сознание зрителя, не были спроектированы, чтобы вызвать ответы Движения и чувство вживания в изображение. Ничто из этого не было, по словам Уорхола, «интересным». Просто смотрите на поверхность, говорили они, — и вот он я.

В истории пятен Роршаха Уорхол — отметка наибольшей дистанции между применением теста в психологии и чернильными пятнами в искусстве и популярной культуре. В отличие от научных и гуманистических интересов Германа Роршаха или работ Бруно Клопфера и влиятельного антрополога Рут Бенедикт, в отличие от анализа содержимого в 1950-е годы, от мотивов создателей «Бунтовщика без причины» или даже кризиса веры литературного доктора Брокау, Роршах Уорхола и Роршах Экснера не имели друг к другу никакого отношения. Уорхол не

имел представления о том, как работает настоящий тест; Экснер же закрепил тест в количественной науке и не стремился придать ему широкую известность в популярной культуре.

Литераторы также лишили тест Роршаха всякой глубины. На удивление захватывающая книга поэта-экспериментатора Дэна Фаррелла *The Inkblot Record* собрала в себе ответы из пяти учебников по тесту Роршаха, которые автор просто разместил в алфавитном порядке. Все карточки, все испытуемые были объединены в своеобразную джазовую импровизацию, где время от времени раздавались крики души: «Крылья здесь, голова может быть здесь или здесь. Крылья раскрыты для полета. Крылья вытянуты вперед, уши, не могу сказать, с какой стороны это показано, все очень схематично. Жесткошерстный фокстерьер, вот его голова и усы, торчащие возле носа. Грудная кость птицы. Грудная кость птицы. Желания никогда не сбылись, но было весело притворяться. Мне хотелось бы иметь мать, но у меня нет, у меня никогда не было. Ведьминские шляпы. С большой бородой, большими глазами...»

Ответ за ответом, и никто больше не делал попыток докопаться до сути.

Когда разброс мнений вокруг теста Роршаха в психологическом сообществе достиг пика, говоря «Роршах», имели в виду Экснера. К 1989 году систему Экснера использовали в два раза больше психологов, чем методики Бека или Клопфера, поскольку она преподавалась в 75 % программ обучения тесту Роршаха, и с течением времени ее популярность продолжала расти. Казалось, Экснер сумел развернуть судьбу теста в обратном направлении. Съехав на пятое место в 1980-е годы, под конец XX века тест Роршаха вновь прочно закрепился на втором месте: он все еще шел следом за ММЛО, но проводился сотни тысяч и более раз в год в Соединенных Штатах и приблизительно шесть миллионов раз в год по всему миру.

В судебных процессах тоже преобладала система Экснера. В 1996 году он и его соавтор опубликовали короткую статью «Приветствуется ли тест Роршаха в зале суда?», в основу которой лег опрос психологов из списка для рассылки Экснера, выявивший, что тестирование по их системе, проведенное и рассмотренное более чем в 4000 уголовных дел, более чем в 3000 дел по вопросам опеки и примерно в 1000 дел о личном ущербе в 32 штатах и округе Колумбия, почти никогда не оспаривалось. Экснер заключил: «Вопреки тому, что могут утверждать люди,

Роршах — желанный гость в зале суда». Однако возникал вопрос — должно ли так быть? Ведь законом регламентировалось качество доказательств, и в суде тест Роршаха сталкивался с этими стандартами. В 1993 году был принят стандарт Доберта: он требовал «научной объективности» доказательств, отказавшись от судебных традиций и привычки. Это привело к тому, что использовать систему Экснера в судах стали чаще, а не реже.

Как писал Совет по профессиональным вопросам АПА, когда в 1998 году Экснеру вручали награду за пожизненный вклад в науку, «он почти в одиночку спас тест Роршаха и вернул его к жизни. Результатом стало возрождение самого, вероятно, мощного психометрического инструмента, который когда-либо существовал». Экснеру было семьдесят лет, и всю свою жизнь он посвятил чернильным пятнам, которые захватили его в 1953 году. Его имя, как говорится в том же сообщении Совета, «стало синонимом теста Роршаха».

Это было верно для обеих сторон шедшей вокруг теста войны.

Вслед за Робином Доузом группа скептиков опубликовала в 1980-е и 1990-е годы ряд статей, обличавших экснеровскую версию Роршаха как ненаучную. Первый пик этой волны пришелся на 1999 год (всего через год после того, как Экснер получил свою награду), когда Говард Гарб из Министерства по делам ветеранов, которое было цитаделью психологического тестирования в сороковые, призвал ввести мораторий на использование теста Роршаха в клинических и профессиональных условиях до тех пор, пока не будет установлена достоверность его оценок. Его статья начиналась с той самой риторики, которая доминировала в дискуссиях о тесте и практически обо всем остальном: «Попытка решить, достоверен ли тест Роршаха, подобна взгляду на одно из его пятен. Результаты исследований неоднозначны, как неоднозначны и пятна Роршаха. Разные люди смотрят на исследования и видят разные вещи».

Второй пик начался в 2003 году, когда четыре самых ярых критика теста, включая Гарба, опубликовали книгу, в которой были сведены воедино все нападки на унифицированный Экснером тест Роршаха. Ведущим автором книги был психолог, который занимался пересмотром результатов теста Роршаха Роуз Мартелли, Джеймс М. Вуд, и этот труд, получивший название «Что не так с тестом Роршаха? Наука противостоит спорному чернильному тесту», начинался с описания случая Мартелли.

В книге представлена самая полная история теста Роршаха, она была завернута в упаковку, бьющую по чувствам, что было очевидно уже по названию. Трое из четырех соавторов опубликовали в том же году статью «Что *так* с тестом Роршаха?», придя к выводу, что «достоинства теста скромны, но подлинны», — но книга представляла все совсем в другом свете. Глава о будущем теста озаглавлена: «Все еще ждем Мессию». Подсчет слабых и сильных сторон Германа Роршаха как ученого был помещен в раздел «Просто еще одна разновидность гороскопа?», даже несмотря на то, что ответ на поставленный в этой главе вопрос таков: «Нет». Тест Роршаха подвергли критике за различные неудачи, но он получил похвалу за то, что оказался прав насчет связи между личностью и восприятием и опередил свое время, настаивая на групповых исследованиях и количественном подтверждении.

Не все, однако, там было настолько эмоциональным. Книга свела вместе десятилетия критики теста, представляя более ранних участников дискуссии (например, Артура Дженсена) не как отдельных скептиков, а как забытых провозгласителей научной объективности. Вуд также рассмотрел новую волну исследовательской критики системы Экснера; например, четырнадцать исследований 1990-х годов, которые пытались воспроизвести результаты Экснера, касающиеся его оценки Индекса Депрессии. Обнаружилось, что у Роуз Мартелли они тоже высокие. Но одиннадцать из этих исследований, по словам Вуда, не обнаружили связи между оценкой и диагнозом депрессии, а еще два сообщали о смешанных результатах.

Более частой проблемой с системой Экснера, которую Вуд еще раз подчеркнул, было то, что общее количество ответов, данное на тест, искажало многие другие оценки. Предоставление большого количества ответов повышало вероятность того, что человека признают ненормальным, — это видоизменяло оценки и результаты, которые не должны иметь ничего общего с тем, как испытуемый предпочитает говорить. Система Экснера не была способна контролировать все эти варианты.

Театральным жестом было то, что Вуд писал о проблеме, известной с 2001 года. Всеобщее доверие к нормам Экснера привело к жестокому удару, когда выяснилось, что сотни случаев, использованных для их расчета, были плодами канцелярских ошибок. Кто-то, по-видимому, нажал не на ту кнопку, и 221 запись от 700 человек засчитана дважды, а еще 221 вовсе

не учтена. Экснер, похоже, знал об этой ошибке как минимум в течение двух лет, но рассказал об этом лишь в середине абзаца на 172 странице пятого издания своего учебника по тесту Роршаха, предлагая новый набор норм, которые на сей раз, по его утверждению, были верными.

Вне зависимости от того, являлись ли эти нормы совершенно новыми, Вуд назвал это «ошибкой огромной величины» и поразился бесцеремонным отношением Экснера к десяткам лет постановки, вероятно, ошибочных диагнозов. Вуду тоже было что покритиковать. Он указал, что многие выводы Экснера основаны на сотнях неопубликованных исследований, проведенных в рамках его собственных роршаховских семинаров, чьи данные никогда не были доведены до сведения сторонних людей и редко повторялись. Он обвинил «Всеобъемлющую систему» в том, что в ней слишком большой компонент того, что можно было бы назвать научным театром, со снежным вихрем кодов и лавиной взаимно подкрепляющих друг друга публикаций, ошеломляющих поколение клинических психологов, менее обученных статистике, и юристов, не знающих о противоречиях в клинической психологии.

Эти во многом технические атаки на систему Экснера сопровождались размышлениями о том, почему психологи все еще «цепляются за обломки», — объяснения эти в глазах профессионалов выглядели снисходительными и даже лишавшими систему смысла. Например: трудно заставить кого-либо изменить точку зрения. Когда Джеймса Вуда спросили о двойственном тоне книги, он признался в «отчаянии и крайнем недоверии к тому, что происходит в роршаховском движении». Агрессивный тон послания вполне оправдан: он и его соавторы считали, что в течение шестидесяти лет верные последователи Роршаха юлили и закрывали глаза на неудобные для них доказательства, игнорировали неудобные факты.

Нет ничего удивительного в том, что практикующие психоаналитики и эксперты по Роршаху почти единогласно не согласились. В нескольких рецензиях отмечено, что собственные доказательства Вуда и его коллег предвзяты, избирательны, представляют факты только в выгодном для авторов свете и опираются на анекдотические доказательства (которые сама книга и критиковала), что эти люди отказывались видеть разницу между плохой клинической практикой и недостатками, присущими самому тесту. Они не являлись беспристрастными научными арбитрами настолько, насколько хотели казаться.

Один из обстоятельных обзоров назвал книгу «полезной и информативной», но предупредил, что «каждое из процитированных авторами исследований должно быть тщательно проверено на предмет избирательности и предвзятости, чтобы убедиться, что оно представлено в точности». Не один рецензент указал, что хотя случай Роуз Мартелли очень печальный, имел очень мало общего — или вовсе ничего — с ценностью теста Роршаха, правильно используемого: ответы Роуз неправильно закодированы и плохо интерпретированы. Ее адвокат, по всей видимости, запросил экспертную переоценку слишком поздно.

Тем временем требования критиков ввести мораторий на использование теста Роршаха в судах остались без внимания. Основываясь на статье Гарба 1999 года, книга Вуда заканчивалась главой под названием «Возражение, ваша честь! Выводим тест Роршаха из зала суда», в которой давались советы юристам, судебным психологам, истцам и подсудимым. Но заявление 2005 года, «предназначенное для психологов, других специалистов в области психического здоровья, преподавателей, адвокатов, судей и администраторов», нанесло встречный удар, процитировав множество исследований, призванных заново подтвердить аргументы Экснера из 1990-х годов. Из него следовало, что «чернильный тест Роршаха обладает надежностью и достоверностью, аналогичной этому показателю у других общепринятых инструментов оценки личности, и его ответственное использование обоснованно и оправданно». Хотя статья создана не вполне нейтральным Советом попечителей Общества оценки личности, тест продолжали использовать. В период с 1996 по 2005 год он в три раза чаще упоминался в апелляционных делах, чем за все предшествовавшие 50 лет (с 1945 по 1995 год), и такие показания обычно подвергались критике менее чем в одном случае из пяти. Ни один из случаев использования теста Роршаха не был отведен, никто из противников не проявил к результатам пренебрежительного отношения.

В конце концов борьба со сложными противоречиями теста Роршаха легла на плечи каждого отдельно взятого психолога или юриста. Вуд сомневался, что «культ Роршаха», как он называл это явление, вдруг падет, но надеялся, что американская публика сможет заставить его пасть. «Большая осведомленность публики может наконец покончить с многолетним увлечением психологов тестом Роршаха, — писал он, — и нужные слова уже приглушенно звучат».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

ЗА ПРЕДЕЛАМИ ПРАВДЫ И ЛЖИ

Положение было тупиковым. Оба противоборствующих лагеря и сторонние наблюдатели смирились с тем, что разные люди видят разные вещи. Когда Джон Экснер умер в феврале 2006 года в возрасте 77 лет, он, вероятно, думал, что это будет его наследие.

Естественным выбором на роль его преемника был Грегори Мейер из Чикаго, на 33 года моложе Экснера. В диссертации Мейера 1989 года озвучены некоторые основные недостатки системы Экснера, которые приобретут известность в конце 1990-х годов. Но он пришел, чтобы улучшить тест, а не похоронить его. Он начал издавать многочисленные плотно основанные на количественном подходе документы, доказывающие, что система может быть обновлена. В 1997 году, когда Экснер под давлением предшествовавших статей Вуда учредил исследовательский совет по вопросам теста Роршаха, чтобы решить, какие коррективы необходимы его системе, Мейер присоединился к нему, способный участвовать в научных битвах вокруг Роршаха в рамках той же терминологии, что и критики.

Тем не менее Экснер оставил контроль над Всеобъемлющей системой — и название, и авторские права — своей семье, а не кому-либо из научного сообщества. Вдова Экснера, Дорис, и их дети решили, что система должна остаться такой, какой она была: после десятилетий согласований и пересмотров со стороны Экснера дальнейшие изменения в нее включать не будут. Когда речь заходит об этом решении наследников, часто слышно выражение «застыла в янтаре»; оно показалось многим столь странным и контрпродуктивным, что даже дало повод для нескольких теорий заговора. Каким бы ни был смысл случившегося, теперь Всеобъемлющая система столкнулась с той враждой, какую призвана была преодолеть.

Мейер дипломатично сводил на нет любой конфликт, говоря, что переговоры с наследниками Экснера долгие, а окончательное решение — полюбовное, и было бы неточно называть его расколом или разделением на воюющие лагеря. Но именно расколом это и являлось. Он и другие ведущие исследователи — четверо из шести членов учрежденного Экснером исследовательского совета (сам Мейер, Дональд Виглионе, Джонни Михура и Филипп Эрдберг) вместе с судебным психологом Робертом Эрардом — посчитали, что у них нет иного выбора, кроме как создать то, что сегодня является позднейшей версией теста Роршаха, впервые опубликованной в 2011 году: Роршаховскую систему оценки эффективности, или Р-СОЭ (*Rorschach Performance Assessment System*; *R-PAS*).

Это обновление, лежавшее за пределами теперь уже замороженной системы Экснера, включало новое исследование и множество поправок, больших и малых, чтобы принести настоящий тест Роршаха в XXI век. Текущие обновления руководства доступны в Интернете. Сокращения для кодов упрощены, чтобы облегчить изучение системы. Результаты теста визуализируются в графическом виде, поскольку принтеры сегодня более распространены, чем печатные машинки. Например, оценки проставлены в линию и закодированы в цвете: зеленые, желтые, красные или черные — в зависимости от того, сколько стандартных отклонений отдаляет их от нормы. Система — это компромисс, а не дело рук одного человека, как это было со Всеобъемлющей системой Экснера.

Чтобы решить обсуждавшуюся в диссертации Мейера проблему, где большее или меньшее количество ответов искажало прочие результаты, он и его коллеги предложили новый подход к проведению теста. Испытуемым теперь прямо говорилось: «Мы хотим два, может быть, три ответа». Если вы давали один ответ или ни одного, этот факт будет отмечен, но вам предложат дать еще несколько: «Помните, мы хотим два, может быть, три ответа. Если вы слишком увлечетесь, вас поблагодарят после вашего четвертого ответа и попросят вернуть карточку».

Это означало, что испытуемые переживают несколько иной опыт, чем в предыдущие годы: тест стал конкретным заданием, а не загадкой с открытым финалом. Это еще один шаг в сторону от самого Роршаха, который предпочитал стандартизации открытый опыт прохождения теста. Например, в 1921 году Роршах предположил, что измерение времени реакции при по-

мощи секундомера «нецелесообразно, поскольку это изменяет характер внимания испытуемого и таким образом может быть потеряна безвредность... Не следует оказывать абсолютно никакого давления». Теперь же ограничения в тесте и давление на испытуемого воспринимались как приемлемая цена за лучшую статистическую достоверность.

Психологи проводили тест более прямолинейно.

Им дано, например, указание не говорить испытуемым, что правильных или неправильных ответов не существует, — поскольку это не совсем верно и мышление в таких терминах может заставить их подчеркнуть определенные ответы. Рекомендации по поводу того, что сказать любопытному тестируемому, стали более дружелюбными по сравнению со сценариями Экснера:

— Как можно увидеть что-либо осмысленное в чернильных пятнах?

— *Все мы видим мир несколько по-разному, и эта задача позволяет нам понять, как видите вещи вы.*

— Что значит видеть то или иное?

— *Это хороший вопрос. Если хотите, мы можем поговорить об этом, когда закончим.*

— Зачем я это делаю?

— *Это помогает нам лучше узнать вас, чтобы мы могли больше помочь вам.*

Наконец-то настало время реалистично взглянуть на размещение чернильных пятен в Интернете. Центр ресурсов для неполных семей (*Separated Parenting Access and Resource Center*; *SPARC*) — группа поддержки, предназначенная прежде всего для разведенных отцов, — считала, что в делах, связанных с опекой над детьми, тест Роршаха неприемлем. Кажется, они были первыми, кто разместил чернильные пятна в открытом доступе на одной из страниц своего сайта, чтобы участники процессов могли отказаться от теста Роршаха на том основании, что уже видели изображения. На этом сайте даже обсуждались конкретные ответы на каждую карточку, хотя и с предупреждением, что эти ответы «необязательно окажутся “хорошими”... Мы никому не советуем использовать те же самые ответы. Мы рекомендуем НЕ ПРОХОДИТЬ тест Роршаха ни по какой причине».

В *SPARC* отметали жалобы этического характера от сторонников теста, а также судебные жалобы от швейцарских издателей, утверждавших, что эти изображения защищены авторским

правом. На самом деле они им не защищены, хотя бренд «Роршах» зарегистрирован в 1991 году (нельзя называть что-либо «тестом Роршаха» и продавать это). В 2009 году чернильные пятна появились в Википедии, и швейцарские издатели составили электронный протест, где в том числе значилось: «Мы рассматриваем возможность судебного разбирательства с *Wikimedia*». Но они ничего не смогли сделать. *New York Times* вышла с передовицей под заголовком: «Википедия подменила тест Роршаха?»

Конечно, мир был уже знаком с чернильными пятнами. Книги Экснера доступны в библиотеках и магазинах, равно как и труды самого Роршаха. Таблица для проверки зрения тоже доступна онлайн. В теории люди могут заучить последовательность букв и получить водительские права, несмотря на плохое зрение, но в реальности такое происходит редко, если вообще когда-либо происходило. Тем не менее на протяжении десятилетий психологи пытались сохранить тайну клякс. И эта битва была проиграна.

Руководство по Р-СОЭ применяло программный подход: «Поскольку чернильные пятна опубликованы в Википедии и на других сайтах, а также присутствуют на одежде и домашней утвари (например, на кружках и тарелках), психологи должны знать, что простое предыдущее знакомство с чернильными пятнами не ставит под угрозу оценку». Исследования показали, что результаты теста Роршаха «достаточно стабильны с течением времени». Сам Роршах неоднократно использовал одни и те же чернильные пятна на одних и тех же людях. Вместо того чтобы притворяться, что кляксы по-прежнему секретны, врачам следует научиться распознавать ситуации, где тестируемый заранее подготовился, и бороться с преднамеренным «искажением ответа».

В предварительном исследовании 2013 года, посвященном тому, что может значить этот новый мир доступных чернильных пятен, двадцати пяти людям показали страничку Википедии с тестом Роршаха и попросили их «подделать хороший ответ», чтобы попытаться сделать их тесты максимально позитивными. По сравнению с контрольной группой, фальсификаторы дали меньше ответов, и поэтому несколько оценок были в среднем более нормальными. Но это вызвало тревожный сигнал в протоколе, и контроль над раздутым количеством популярных ответов в значительной степени устранял другие

эффекты. Исследование завершалось на неопределенной ноте, призывая к дальнейшим, намного более глубоким разработкам.

Наряду с относительно косметическими изменениями во Всеобъемлющей системе Джонни Михура, одна из соавторов Р-СОЭ и бывшая участница исследовательского совета (которая вышла замуж за Мейера в 1993 году), возглавила героический проект, цель которого — изучить все переменные Экснера и все известные исследования этих переменных. Как за десятилетия до этого указывали Вуд и остальные, вы не можете спросить, является ли тест с несколькими метриками достоверным. То, указывают ли ответы Движения на интроверсию, и то, способен ли индекс суицида предсказать попытки самоубийства, — два разных вопроса, и положительный ответ ни на один из них не является эквивалентом утверждению «тест Роршаха работает». Поскольку большинство исследований рассматривали различные оценки в одно и то же время, задача объединения всех предыдущих исследований была головокружительной статистической сложностью. Михуре и ее соавторам понадобилось для этого семь лет.

Они рассматривали в отдельности каждую из шестидесяти пяти базовых вариаций Экснера и отбрасывали те из них, у которых слабые эмпирические доказательства достоверности (или вовсе никаких), а также достоверные, но избыточные — около трети от общего количества. Это была более тщательная проверка, чем любая из тех, которым когда-либо подвергались другие тесты, например ММЛО, с сотнями собственных оценок и шкал. Переменные, которые прошли мета-анализ Михуры, были приняты в Р-СОЭ. В отличие от остальных принимавших участие в истории теста, создатели Р-СОЭ не добавляли своих собственных, новых и непроверенных вариаций.

В 2013 году результаты исследования Михуры были опубликованы в «Психологическом бюллетене», самом престижном журнале о психологии, который до этого десятилетиями не писал ничего о тесте Роршаха. Ее работа выделялась среди лавины прочих статей и опровержений, мнений и контраргументов, — она поставила тест Роршаха на подлинно научную основу. И судя по всему, экзистенциальная борьба с Вудом и другими главными хулителями подошла к концу. Критики назвали работу Михуры «беспристрастной и достоверной выжимкой из опубликованной литературы» и официально отозвали призыв к мораторию на тест Роршаха в клинических

и судебных условиях, поскольку «убедительные доказательства, изложенные в статье», были предпосылкой к тому, чтобы использовать тест для измерения расстройств мышления и когнитивной обработки. Тест Роршаха победил. Многое из того, на что была обращена критика Вуда, было устранено, так что в каком-то смысле критики победили тоже.

После создания улучшенного теста Роршаха авторам Р-СОЭ предстояло сделать так, чтобы люди стали использовать их систему. В статье Михуры была дана основа: незадолго до создания Р-СОЭ 96 % врачей, прибегавших к тесту Роршаха, продолжали использовать систему Экснера. С тех пор Р-СОЭ продвинулась вперед, но медленно. Вероятно, со временем она станет преобладающей, как система Экснера в конце концов вытеснила методики Клопфера и Бека, но пока этого не произошло. Большинство психологов, действующих за пределами теоретического авангарда, по-видимому, и сейчас продолжают придерживаться системы Экснера. Многие из них, занятые своей практикой, могут не следить за новейшими исследованиями и, как следствие, никогда даже не услышать о Р-СОЭ. Судебные психологи всецело полагаются на Экснера вне зависимости от того, должны ли они так поступать, учитывая спорные моменты предыдущих лет. Трое из авторов Р-СОЭ уже создали прецедент использования новой системы в суде, однако она пока что не внедрена глубоко в регулярную практику.

Концептуальные различия между системами относительно небольшие, однако в практических условиях вновь стали возникать проблемы той эпохи, когда еще не был создан всеобъемлющий синтез Экснера. Профессорам снова приходилось выбирать, какую из систем преподавать, — или учить обеим, при этом уделяя каждой меньше времени. В 2015 году более 80 % докторских программ, предлагавших курсы по Роршаху, проводили обучение по системе Экснера, и лишь чуть более половины оставшихся — по Р-СОЭ. Экснер все еще остается тем, что студенты должны узнать в первую очередь; Р-СОЭ находит поддержку в некоторых интернатурах и клиниках, но не везде. Исследования, проведенные при помощи одной из систем, могут оказаться недействительными при переносе в другую.

Компромисс Р-СОЭ, как ранее и системы Экснера, заключался в том, чтобы попытаться сжать тест до пределов того, что может быть доказано с железной достоверностью. Это сузило условия дебатов до той степени, где обе стороны могли бы

прийти к соглашению, но, возможно, ограничило возможности теста в других направлениях. Еще один подход состоял в том, чтобы раскрыть резервные возможности теста: не делать пышные антинаучные заявления о его магической рентгеновской силе, но вновь связать его с более полным ощущением человеком себя самого, вернуть его в более широкий мир. Тест можно было оживить, переосмыслив, для чего он мог быть использован.

Доктор Стивен Финн из Остина, штат Техас, наверняка получил бы главную роль в картине о дружелюбном психотерапевте: интеллигентное лицо, аккуратная белая борода, широко открытые глаза, проникновенный мягкий голос. Сегодня, когда психологическое тестирование используется в основном для того, чтобы обозначить проблему, которую другие специалисты потом должны будут устранить, молодые психоаналитики, готовящиеся стать аттестаторами, восхищаются Финном как никем другим в своей области, — их весьма обнадеживает перспектива применить свои знания в менее второстепенном контексте. В рамках его подхода им приходится задавать не безучастный вопрос «Каков его диагноз?», а такой: «Что вы хотите узнать о себе?» Или, еще более прямо: «Как я могу вам помочь?»

Набор методов, которые разработал Финн, начиная с середины 1990-х годов известен как коллективная/терапевтическая аттестация, или К/ТА (англ. *Collaborative/Therapeutic Assessment, C/TA*). Коллективная аттестация подразумевает, что тестирование проходит в дружелюбной и уважительной атмосфере, где психолог выказывает по отношению к пациенту сочувствие и любопытство, желая по-настоящему понять его, а не просто классифицировать, не только поставить диагноз. Испытуемых стали называть клиентами, а не пациентами. Терапевтическая аттестация призвана напрямую помочь клиенту, а не просто собрать информацию о нем и предоставить ее врачам и юристам, которые должны впоследствии распорядится ею по своему усмотрению. Обе цели — понять клиентов и помочь им измениться — шли вразрез с доминировавшей на рынке психологических услуг схемой, которую Финн назвал «моделью сбора информации», направленной на изучение фактов для постановки диагноза, присвоения коэффициента интеллекта или помещения в какую-либо еще общепринятую классификацию.

Однажды, на рубеже веков, в кабинет Финна вошел человек, который хотел понять, почему он всегда старается избе-

гать конфликтных ситуаций и критики. Когда ему предложили развить этот абстрактный вопрос и определить цель, к которой он хотел бы прийти, клиент сформулировал это так: «Как мне научиться быть более терпимым к раздражению и прочим негативным эмоциям других людей?»

Его оценки Роршаха демонстрировали склонность уклоняться от эмоциональных ситуаций или «бежать с поля боя», когда они возникали (*Afr.* = 0,16, *C* = 0), но Финн не стал обсуждать оценки. Вместо этого он прочел мужчине один из данных им ответов на карточку VIII (цветное изображение с розовыми похожими на медведей формами по краям): «*Эти два существа убегают от плохой ситуации... Похоже, что в любую минуту может произойти взрыв, и они бегут что есть мочи, чтобы спастись*».

Финн спросил: «Вы отождествляете себя с этими существами?»

Мужчина улыбнулся: «Конечно! Именно этим я целыми днями занимаюсь на работе. Наверно, я думаю, что меня убьют, если я во что-нибудь встряну. Взрыв, от которого убегают эти двое, — это что-то плохое».

«И это применимо и к вам?»

«На самом деле не все так плохо. Но раньше я никогда не осознавал, что это заставляет меня чувствовать себя так, словно я сейчас умру».

«Да, кажется, это важный ключ к пониманию того, почему вы избегаете конфронтации», — сказал Финн.

«Думаю, это так. Неудивительно, что у меня были столь трудные времена из-за этого».

Терапия завершилась после всего нескольких сеансов. На их последней встрече Финн вернулся к первоначальному проверочному вопросу: «Итак, исходя из того, что мы успели обсудить, видите ли вы какой-то способ стать более выдержанным в столкновениях с другими людьми?»

Клиент ответил: «Думаю, мне нужно просто понимать, что я не умру, если другие люди будут на меня сердиты... Возможно, мне стоит начать с людей, которые для меня не очень важны. Тогда будет не так страшно».

Все десятилетия дебатов о достоверности теста Роршаха были здесь бесполезны, — эти перепуганные существа на карточке VIII дали Финну возможность увидеть, что чувствовал клиент, и представить это таким образом, чтобы помочь чело-

веку самому понять, в чем состоит его проблема. Это была та самая самодельная рубашка доктора Брокау, вернувшаяся во врачебный кабинет, где сидел психотерапевт, поднаторевший в стандартном тесте Роршаха настолько, что был способен понять, какие ответы наиболее значимы. В данном случае это оказались неповоротливые животные, бегущие что есть силы во имя спасения своих жизней.

Финн утверждал, что хороший терапевт должен сперва взглянуть на ситуацию с точки зрения пациента, а затем отступить в сторону и рассмотреть проблему более объективно. Неудача в любом из этих направлений может навредить, станет ли специалист идентифицировать себя с пациентами до такой степени, что их деструктивное или патологическое поведение начнет казаться ему нормальным, или же он будет настолько одержим желанием диагностировать аномальное поведение, что окажется неспособен распознать его значимость в жизни пациента или культуре, к которой тот принадлежит, и не сможет повлиять на ситуацию эффективно.

Психологические тесты, по мнению Финна, могут помочь терапевту при работе в обоих этих направлениях: «Тесты могут послужить как в качестве усилителей сопереживания, позволяя нам почувствовать себя на месте наших клиентов, так и в качестве того, за что мы можем ухватиться, глядя на ситуацию со стороны». На практике подход Финна означает представление результатов теста в качестве предположений, которые должен принимать, отклонять или видоизменять клиент. Люди — «эксперты по самим себе», и поэтому они должны быть вовлечены в интерпретацию своих ответов на любой тест. И вместо того, чтобы пытаться ответить на отвлеченный вопрос «Страдает ли пациент X от депрессии?», терапевты должны приходить с клиентом к соглашению относительно целей тестирования и вопросов, касающихся реальной жизни, например: «Почему женщины считают меня эмоционально неприступным? Я думаю, что просто самодостаточен и самоуверен, но, может быть, они правы насчет меня?» От детей должны были прозвучать такие вопросы: «Почему я так злюсь на свою маму?» или «Хорош ли я в чем-нибудь?»

Идея состоит в том, что, когда результаты теста связаны с лично прочувствованными вопросами или целями, клиент станет более расположен их принять и извлечет из них больше выгоды. «Приход клиента на психологическое тестирование от-

личается от того, как люди приходят сдавать кровь или проходить рентген», — пишет Финн. Это «межличностное событие», где от того, какие отношения устанавливаются между клиентом и терапевтом, зависит конечный результат.

Излишне говорить, что такая клиентоориентированная модель обычно не применяется в судах или в других условиях, где требуется сторонний взгляд на человека. Однако по мере того как все большее число контролируемых исследований демонстрируют, что метод К/ТА эффективен и такие краткие оценки действительно могут ускорить лечение или дать людям возможность изменить жизнь (иногда — более резко, чем традиционные долгосрочные техники терапии), страховые компании начинают за это платить. Объединение результатов семнадцати отдельных исследований подтвердило, что подход Финна оказывал «позитивный, важный с клинической точки зрения эффект на терапию» и имел «весомые последствия для аттестационной практики, обучения и выработки политического курса». (Был также опубликован скептический ответ на статью, написанный тремя соавторами книги «Что не так с тестом Роршаха?»)

Иногда терапевтический эффект имел уже сам процесс прохождения теста. Одна обратившаяся за аттестацией женщина в возрасте за сорок была одержима высокими достижениями: она много работала всю жизнь, но несколько лет назад выгорела на энергозатратной работе и так и не восстановилась. Во время теста Роршаха она старалась давать Целостные ответы на все карточки. Аттестационная группа обсудила с ней это, и она согласилась, что «никогда не искала легких путей». Психологи заверили ее, что с ответами, касающимися деталей, все в порядке, и попросили еще раз взглянуть на несколько карточек, чтобы посмотреть, что выйдет, если она станет фокусироваться на деталях. После нескольких предварительных Детальных ответов — психологи не уставали уверять ее, что с этими ответами все в порядке, — она наконец вздохнула с облегчением и сказала: «Это намного проще». Специалисты долго обсуждали, почему она преувеличивала предъявляемые к ней ожидания и каким образом такой подход к жизни проистекал из ее детства.

Такое нестандартное применение теста сделало детальные ответы непригодными с научной точки зрения, однако оно помогло женщине взглянуть на вещи по-новому. Значило ли это,

что тест «сработал», или нет? Ее первоначальный тест, с большим количеством Целостных ответов и недостатком Детальных, проведен научно и дал Финну достоверную информацию о клиентке, позволившую разработать программу терапевтического вмешательства, которая оказалась успешной. Но что насчет последующих?

Тесты предназначены для того, чтобы что-то выявлять, лечение предназначено для того, чтобы что-то сделать, — такой подход разделяли Экснер, Вуд и создатели Р-СОЭ. Баллы в тесте являются рабочими, если они дают надежную и достоверную информацию о человеке. Но Герман Роршах называл свое изобретение чернильным *экспериментом* — исследованием, а не тестом. Проходить тест означает что-то делать. Говоря словами Финна: «Нам необязательно считать свою работу пропавшей напрасно, если ее результаты не будут использованы сторонними специалистами для принятия решений или формирования их взаимодействия с клиентами. Если клиент чувствует, что тестирование его глубоко затронуло и помогло ему измениться, а также если он смог сохранить это изменение спустя время, то мы будем рассматривать аттестацию как нечто, достойное нашего внимания и усилий».

На протяжении многих лет Финн обучил своей методике тысячи психологов, а на конференциях по личностному тестированию система К/ТА считается самой важной разработкой, появившейся за последние двадцать лет. Конечно, корни ее уходят еще дальше, — Констанс Фишер впервые стала практиковать «коллективную психологическую аттестацию» в семидесятые годы, а в 1956 году Молли Харроуэр писала о «проекционном консультировании», где люди обсуждают свои ответы на тест Роршаха с проводящими его специалистами, чтобы «справиться с некоторыми из своих проблем». Сам Роршах использовал свои пятна подобным образом с Грети, пастором Бурри и многими другими. К/ТА была одновременно как новейшей разработкой на базе Роршаха, так и оригинальным исследованием.

Терапевтическая аттестация как открытый метод, позволяющий добраться до находок, может показаться существующим в параллельной вселенной по отношению к усилиям создателей Р-СОЭ в улучшении научного теста и укреплении его достоверности. Но на самом деле и Р-СОЭ, и К/ТА Финна пересматривают природу теста Роршаха сходным образом.

Что исчезло — так это сравнение с проекцией и тем более с рентгеновским излучением. Вместо этого, так же как Финн фокусируется на «межличностном событии», Р-СОЭ рассматривает тест как задачу, которую должен выполнить проводящий его специалист. Как написано в руководстве по Р-СОЭ: «По сути, тест Роршаха — это поведенческая задача, которая открывает широкий простор для ответов и реакций, отображающих «индивидуальные особенности личности и стиль восприятия информации». Баллы теста Роршаха определяют личностные характеристики, которые основаны на действиях людей, и это дополнение к их характеристикам, которые они осмысленно узнают и охотно поддерживают как инструмент самопознания. Таким образом, тест Роршаха способен оценивать неявные характеристики, которые сам респондент не может в себе распознать. Пройти тест Роршаха означает продемонстрировать ваше содержимое. Проблема решается в состоянии стресса, и в этом нет ничего фрейдистского. Действия людей оформлены не как «проекции» их психики, но как обычное поведение в нашем объективном мире. Тем не менее, в отличие от собеседования или выполнения заданий на время, для испытуемого не очевидно, каким образом эта задача связана с его жизнью за пределами теста. Тот факт, что мы не вполне уверены, о чем же нас спрашивают, заставляет работать тест.

Хотя Мейер и Финн редко его цитируют, их акцент на межличностном выполнении теста отсылает к трудам Эрнеста Шахтеля, философа ранней эпохи теста Роршаха. И Р-СОЭ, и совместная аттестация по-своему подтверждают мнение Шахтеля о том, что «исполнение теста Роршаха и сам опыт прохождения теста — это межличностное действие и межличностные переживания». Он сказал, используя более выразительную метафору, что «встреча с миром чернильных пятен — это часть жизни». Проводящий тест может рассматривать процесс реагирования на чернильные пятна в отрыве от человеческого контекста, но на самом деле этот процесс не существует в таком отрыве.

Это становится особенно ясным, когда К/ТА используется, чтобы помочь людям, до психологической сути которых зачастую трудно добраться при помощи других видов терапии: людям, отличающимся от образованного белого большинства, принадлежащего к высшему классу или верхней прослойке среднего, клиентам, которые уже знакомы с терминологией и мировоззре-

нием традиционной психотерапии. Детская клиника *WestCoast* в калифорнийском Окленде предоставляет услуги тысячам уязвимых и часто подвергающихся насилию детей, многие из которых живут с приемными родителями, — причем большинство этих семей не имеют финансовых или транспортных ресурсов, чтобы воспользоваться какими-либо другими разновидностями терапии. Клиника основана с тем убеждением, что таких детей нужно рассматривать в контексте экстремальных ситуаций, в которых им приходится жить, а не просто классифицировать их по стандартным лекалам, скажем, в рамках «поведенческих проблем». С самого начала клиника старалась придерживаться гибкого и уважительного подхода; в 2008 году там стали уделять повышенное внимание методике К/ТА Финна.

Ланиша, одиннадцатилетняя афроамериканка, больше не жила с матерью, у которой были некоторые умственные недостатки. Вместо этого она жила со своей тетей Полой и ее взрослой дочерью. Ланиша бедокурила как в школе, так и дома. Однажды она налила лак для ногтей в напиток своей кузины и тихо ждала, пока та его выпьет, чтобы посмотреть, что будет. Когда Ланиша была в третьем классе, учителя стали уговаривать Полу запросить психологическую аттестацию, но, когда школа наконец проверила Ланишу, — через полтора года после запроса Полы, — было решено, что девочка не должна быть допущена к образовательным услугам, несмотря на то, что она читала на детсадовском уровне, то есть определить проблему можно было намного раньше. За помощью Пола обратилась в детскую клинику *WestCoast*.

Аттестационные вопросы, полученные в процессе взаимодействия с Полой и матерью Ланиши, включали такие, как «Действительно ли Ланиша не способна к обучению?» и «Почему она такая злая?» Ключевой прорыв состоялся благодаря практике К/ТА, заключавшейся в том, чтобы поощрять медицинских сотрудников наблюдать за детскими тестовыми сессиями, для того чтобы понять, как мыслит и действует ребенок. На следующий день после предназначенной для установки эмоциональной взаимосвязи первой сессии, где Ланише дозволили баловаться, с ней провели ряд тестов, в том числе и роршаховский. На этот раз, когда она начинала вертеться на стуле, распластываться на столе или крутить карточки Роршаха на пальце как баскетбольный мяч, врач предъявлял более жесткие условия. Пола смотрела все это в записи.

После дня, проведенного за тестами, Ланиша отправилась прямиком в группу продленного дня, где ее поведение выглядело хуже, чем когда-либо. Она сердито отворачивалась от учителя и отказывалась следовать инструкциям. Когда Пола забирала ее, ей сказали, что девочка очень плохо себя ведет и находится под угрозой отчисления. Пола была огорошена, ведь ранее в тот же день все было прекрасно.

На третий день, когда Пола и мать Ланиши пришли на запись перед последней сессией, пришла в ярость уже сама Пола. Она обвинила терапевтов в поведении Ланиши, настаивая на том, что, позволив ей шалить, они разрушили ее понимание того, как нужно себя вести в обществе. Таким образом, терапевты могли поговорить не только о проблемах Ланиши, но также об ожиданиях и гневе Полы. Терапевты сказали, что они попытаются поддержать Полу и поговорят с учителем из продленной группы, чтобы прояснить ситуацию; они «признали, что вчерашняя сессия была довольно интенсивной, и сказали, что будут делать больше, чтобы Ланише было легче адаптироваться при возвращении в школу после тестов».

К концу сеанса в тот день Пола смогла увидеть, в какой степени поведение Ланиши было вызвано ощущением перегруженности, а также каким образом собственные ожидания Полы могли способствовать возникновению проблем у Ланиши. Ее проказы были формой коммуникации. Ланиша не знала, как можно словами выразить чувства, включая стыд за мать и гнев, вызванный тем, что она ею брошена, — но эти чувства проявились в процессе аттестации, как Пола начала понимать при просмотре видеозаписей с тестовых сессий.

В процессе выполнения последовавшей за этим повествовательной задачи, где Ланиша, ее тетя и мать должны были вместе сочинить историю, семья «начала слушать, проявлять терпение и учиться определять, когда Ланиша испытывает гнев или фрустрацию». Терапия сработала благодаря расширению круга участников, в который были вовлечены родственники Ланиши и люди из их сообщества. Чтобы помочь Ланише, терапевтам нужно было понять ее мать, поддержать ее тетю, пересмотреть свой собственный подход к ситуации и поговорить с людьми, принимающими решения в школе. Проникнуть в ее психологию означало проникнуть в контекст ее жизни.

В рамках Р-СОЭ тест Роршаха выглядит как задача, которую необходимо выполнить, поскольку он является чем-то

загадочным. Чернильные пятна и задание по их интерпретации кажутся незнакомыми и дезориентирующими, они заставляют людей реагировать, не прибегая к их обычным стратегиям самопрезентации. В качестве же совместной терапии Роршах работает потому, что то, что вы видите в чернильном пятне, *не является* загадочным: этот взрыв или визжащая летучая мышь — конкретные, яркие образы, которыми нужно поделиться с терапевтом и осмысленно с ним обсудить.

С этих точек зрения тест Роршаха развивается за пределами дихотомии между объективным и субъективным. Тест — это не просто набор изображений, не просто волк, которого мы либо находим в карточках, либо помещаем туда, а процесс борьбы со сложной ситуацией, действия в сбивающей с толку обстановке, полной ожиданий и требований.

Если выводы Финна и Мейера о чем-либо свидетельствуют, то видение теста как задачи или как возможности установления взаимосвязи между клиентом и терапевтом может помочь усвоить его многогранность лучше, чем объективная или чисто субъективная проекция. Именно поэтому Мейер предложил отказаться от старых ярлыков «объективных» и «проекционных тестов», называя их вместо этого «тестами самопознания» и «тестами, основанными на действии». Оба термина предоставляют реальную информацию, и оба также субъективны, но в первой разновидности теста вы говорите, кто вы есть, а во второй — показываете это.

Обозначение разницы таким образом — тонкий шаг, подчеркивающий возможности теста. По мнению скептиков, «в значительной степени полагаться на тест Роршаха, даже когда он противоречит биографической информации и результатам ММЛО», означает «ставить самый неубедительный источник информации во главу угла» и «на сорок лет отставать во времени, занимаясь практикой, несовместимой с научными доказательствами». Для Мейера и Финна, которые изучали взаимосвязь между тестом Роршаха и результатами ММЛО, оба вида теста были достоверными, но работали по-разному. Конфликт между результатами — это лишь информация, которую нужно принять к сведению, но не причина, по которой стоит отвергать какой-либо из подходов.

ММЛО — тщательно структурированный и не интерактивный тест, который проходят в атмосфере школьных аудиторий, заполняя графы или нажимая кнопки. Его ответы Правда/Не-

правда выражают осознанное представление человека о самом себе и его сознательные и бессознательные механизмы управления своей жизнью. С точки зрения Финна, если человек в целом чувствует себя хорошо, возможно, он пришел на простую консультацию или имеет небольшие проблемы, но не находится в остром кризисе, — он скорее преуспеет в таких структурированных задачах. Тест Роршаха может выявить его скрытые проблемы, эмоциональную борьбу или склонность к «безумным» поступкам, которые в повседневной жизни проявляются лишь в личных или интимных отношениях, неструктурированных, межличностных и эмоционально заряженных, как и чернильный эксперимент. Возможно, именно наличие проблем, о которых человек сам не подозревает, так что они не могут найти отражения в опроснике ММЛО, и есть причина, по которой он обратился за услугами в области психического здоровья, поскольку ему пришлось столкнуться в жизни с трудностями, не соответствующими его представлению о себе. Когда тест Роршаха выявляет вещи, которые другие тесты не выявили, это может иногда быть погрешностью, но чаще связанно с реальными проблемами, которые мы обычно держим под контролем.

Финн установил, что обратный сценарий — когда кто-либо выдает нормальный протокол Роршаха, но при этом тревожный результат ММЛО — встречается намного реже. Обычно это означает одно из двух: либо испытуемый лжет, пытаясь извлечь выгоду из признания его недееспособным или «крича о помощи» (при этом он может преувеличивать, давая ответы ММЛО, но не знает, как сделать то же самое на тесте Роршаха). Или же более сложный в эмоциональном плане и, возможно, даже ошеломляющий тест Роршаха заставляет его «закрыться» и выдать скучный и не впечатляющий протокол с немногочисленными простыми ответами. В первом случае тест Роршаха был «правильным», во втором более точным был ММЛО.

С этой точки зрения лежащий в основе ММЛО процесс самопознания является как его сильным местом, так и слабым. Сильная и вместе с тем слабая сторона теста Роршаха состоит в том, что он способен обойти сознательное намерение испытуемого обмануть специалиста. Вы можете контролировать то, что говорите, но не можете контролировать то, что хотите увидеть.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

ЗАГЛЯДЫВАЯ В БУДУЩЕЕ

Сегодня, когда чернильный тест стоит на более прочной научной основе, чем когда-либо в своей истории, — и как диагностический инструмент, и как терапевтический метод, — применяется он все же реже, чем раньше. Со своего пика в миллион применений в Америке в 1960-е годы его использование снизилось до десятой, возможно, двадцатой доли этой цифры. До появления ММЛО Роршах в течение десятилетий оставался самым массовым личностным тестом в Соединенных Штатах, а затем стал вторым, за исключением снижения популярности в 1980-е годы. Но это больше не так.

Крис Пиотровски, психолог, который десятилетиями отслеживал статистику применения теста Роршаха, подсчитал, что в 2015 году этот тест занимал среди используемых для психологического анализа личностных тестов девятое место, а возможно, находился еще ниже. Он следил за несколькими тестами, основанными на принципе самоотчета (ММЛО, диагностикой личностных расстройств Миллона (англ. *Millon Clinical Multiaxial Inventory*) и опросником для оценки личности (англ. *Personality Assesment Inventory*)), короткими контрольными списками (например, Контрольный список из 90 симптомов (англ. *Symptom Checklist-90*), Список симптомов тревожности Бека (англ. *Beck Axiety Inventory*) и Список симптомов депрессии Бека (англ. *Beck Depression Inventory*), сценариями для профилактических бесед, нацеленными на выявление определенных психиатрических состояний, и другими оперативными проекционными методами, как, например, рисование человеческой фигуры и завершение предложения. Исходя из неофициальных данных можно предположить, что речь идет скорее о постепенном снижении популярности теста, нежели об эффекте разорвавшейся бомбы — после выхода книги «Что не так с тестом

Роршаха?» Однако не существует исследований, которые установили бы, когда и почему произошел сдвиг, а также каким образом повлияли на ситуацию введение Р-СОЭ и статья Михуры 2013 года: ускорили они тенденцию, замедлили ее или развернули в обратную сторону.

Книга Вуда кажется правдоподобной причиной спада, однако ее реальное влияние оценить трудно. Большинство психологов и оценщиков просто продолжали делать то, что они и так уже делали. Те из них, кому не нравился тест Роршаха, приветствовали снижение доверия к нему; те же, кто знали и применяли тест, попросту проигнорировали книгу или использовали ее критику, чтобы предпринять небольшие, но ощутимые улучшения. Невозможно отделить Вуда от более масштабных движений, происходивших в области. Тест Роршаха стал следующим после Фрейда символом того, что люди не любили в психиатрии: слишком много недоказуемых выводов, слишком много пространства для предвзятости, недостаточно твердой научной основы. Многие критики теста Роршаха являлись также критиками Фрейда, выдвигая одни и те же аргументы против обоих. Поэтому исследователям Роршаха приходилось защищать то, что они делали, намного активнее, чем другим психоаналитикам, даже несмотря на то, что большинство описываемых проблем касались и прочих видов тестирования. Многие выбрали участие в других баталиях.

В популярных СМИ преобладает скептицизм. Всякий раз, когда у изданий *Scientific American* или *Slate* появлялся повод упомянуть о фактическом тесте Роршаха, процитировав кого-то из экспертов, этим экспертом был кто-нибудь из авторов «Что не так...», неизменно утверждавший, что тест научно развенчан, но продолжает использоваться. Звучащая критика осталась той же, которая учтена еще в системе Экснера в начале 2000-х годов, и никто не упоминает о каких-либо новых разработках, появившихся с тех пор.

Информация о том, насколько часто тест преподается, а не используется, более неоднозначна. Из-за скептицизма или более широких сдвигов в области — например, расширения специализации — аккредитованные аспирантуры и интернатуры уменьшили акцент на проекционных или требующих выполнения задач техниках. Тест Роршаха не входит в первую десятку самых распространенных тестов согласно обзору клинических психологических программ 2011 года. Пиотровски назвал снижение «критическим», заявив, что теста Роршаха вскоре «не

будет в клинической психологии США». Новое исследование предполагает, что это предсказание слишком резкое: в то время как тест Роршаха исключен из 81 % образовательных программ в 2011 году, в 2015 году он вернулся в 61 % из этих программ (или, возможно, показатель 2011 года был занижен). И почти все «ориентированные на практику» программы (в отличие от программ, ориентированных на исследования) продолжают преподавать тест Роршаха, хотя обучение ему в большинстве высших учебных заведений в целом стало реже.

Существует проблема качества инструкций по тесту Роршаха. Американская психологическая ассоциация требует от клинических психологов быть компетентными в психологической оценке, но никто не говорит, что это означает. Раньше студенты учились оценке личности в течение пяти семестров, но теперь у них, вероятно, будет курс теорий личности длиной в один семестр, который описывает, как устанавливать взаимосвязь в тестовых ситуациях, и широкий спектр конкретных тестов. На 2015 год рассматривалась возможность введения двух трехчасовых сессий, охватывающих историю, теорию и практику теста Роршаха в рамках системы Экснера, Р-СОЭ или и того и другого.

Эйген Блейлер работал, чтобы принести дорогостоящие методы Фрейда людям, которые нуждались в них больше всех, — бедным, госпитализированным, больным психозами. Роршах также стремился создать метод, который можно бы применить к любому человеку. Но более широкомасштабные факторы — например, социальное неравенство и расширяющаяся специализация врачей — похоже, работают против такого видения. Оценка личности и психотерапия становятся похожи на платное консультирование или коучинг: акцент делается на исследование и импровизацию, а не на выявление конкретного диагноза. Сама идея оценки — попытка взглянуть на человека в целом — выглядит не вписывающейся в систему управляемого ухода, которая все еще применяется в наши дни. Возможно, технократический тест Роршаха просто не сможет конкурировать на рынке, а его исследовательское направление пойдет по пути фрейдистского анализа и других ориентированных на клиента услуг, являющихся роскошью для тех, кто может себе это позволить. Этот более кустарный подход, вероятно, будет преобладать до тех пор, пока люди желают больше узнать о самих себе.

«Даже для таких сторонников, как я, — говорит Крис Хопвуд, молодой психолог, ведущий активную деятельность

в сообществе специалистов, занимающихся оценкой личности, — тест Роршаха чем-то сродни виниловым пластинкам: вы используете это, только когда действительно хотите, чтобы музыка была хорошей». Если бы тест Роршаха был просто одним из тестов, эффектным, но неэффективным в череде методов личностной оценки, это был бы конец истории.

Снижение частоты применения теста Роршаха в клинической психологии не нужно преувеличивать: Р-СОЭ набирает силу, а доля в миллион сеансов в год — это по-прежнему очень много. Чернильные пятна используются в качестве теста по всему миру, иногда для постановки диагноза, иногда — для того, чтобы непринужденно видоизменить то, как терапевт понимает клиента. Если женщина приходит к психологу за помощью при пищевом расстройстве и выдает высокий показатель индекса самоубийства во время теста Роршаха, психолог может обсудить с ней это: «То, как вы относитесь к жизни, очень похоже на то, как ведут себя люди, склонные к самоубийству. Стоит ли нам поговорить об этом?»

Подобные примеры будут казаться подозрительными психологам или обывателям, которые считают, что Роршах обязательно должен выявить в человеке что-то безумное. На самом деле этот тест используется и для того, чтобы установить факт нормальности. Недавно в одном из государственных психиатрических учреждений, где содержатся преступники, признанные невиновными по причине психических отклонений, подвергался интенсивной терапии мужчина, склонный к насилию (подробности не могут быть приведены из соображений конфиденциальности). Лечение было успешным — симптомы психических отклонений у мужчины исчезли; судя по всему, он перестал представлять опасность для себя и окружающих. Поэтому с ним провели тест Роршаха, который показал отсутствие расстройств мышления. Тесту в достаточной степени доверяли как надежному и чувствительному индикатору таких проблем, и отрицательный показатель убедил команду в том, что пациент должен быть выписан.

Тест Роршаха продолжает использоваться в исследовательском контексте. Часто бывает трудно различить слабоумие альцгеймеровского типа и другие возрастные осложнения и психические заболевания, — смогут ли чернильные пятна отделить их друг от друга? На конференции 2015 года финский ученый представил анализ тестов Роршаха, проведенных с 60 пациен-

тами парижского дома престарелых в возрасте от 51 года до 93 лет (средний возраст — 79 лет). У 20 из этих пациентов была болезнь Альцгеймера в ранней или средней стадии, а еще 40 страдали от расстройств настроения, беспокойства, психозов и неврологических проблем. Тест обнаружил между двумя группами много общих элементов, но выявил также и ряд отличительных признаков. Пять оценок Роршаха показали, что пациенты с Альцгеймером менее психологически находчивы, имеют менее гибкие познавательную и творческую способности, менее способны к сопереживанию и решению проблем. Они искажали информацию и не сопоставляли воспринимаемые факты. Самым интригующим было то, что, хотя они и прикладывали обычные усилия для обработки сложных и эмоциональных стимулов, пациенты с болезнью Альцгеймера дали меньше ответов с упоминанием лица или фигуры человека, а эта разновидность ответа — до сих пор широко признанный показатель интереса к другим людям. Больные Альцгеймером в большей степени, нежели другие их сверстники, «выпадают» из реальности. Это открытие было новым в исследованиях Альцгеймера, и оно имело важные последствия для лечения и ухода.

Тот факт, что существует так много данных о восприятии чернильных пятен, делает их полезными не только для клинической психологии, но и для множества других областей. В 2008 году, когда команда японских нейробиологов хотела изучить, что происходит, когда люди видят вещи собственным оригинальным образом, им понадобились признанные, стандартизированные критерии, позволяющие установить, является ли видение человека обычным, необычным или уникальным. Исследователи взяли то, что они назвали «десятью неоднозначными фигурами, которые ранее использовались в исследованиях» (это были, конечно же, пятна Роршаха), и спроецировали их внутрь аппарата магнитно-резонансной томографии, снабженного голосовым сканером, отслеживающим мозговую активность в режиме реального времени, по мере того как испытуемые давали типичные или нетипичные ответы на чернильные пятна.

Исследование показало, что при рассмотрении чего-то стандартным путем задействованы инстинктивные, отвечающие за предчувствие области мозга, в то время как оригинальная версия, требующая более творческой комбинации восприятия и эмоций, задействует другие его части. Как отметили японские ученые, роршахисты давно утверждали, что оригиналь-

ные ответы «возникают именно благодаря наличию эмоций или личных психологических конфликтов... в процессе деятельности, связанной с восприятием». Исследование, произведенное при помощи МРТ, подтвердило традицию Роршаха так же, как чернильные пятна сделали возможным само это исследование.

Еще один вывод из этого эксперимента заключался в том, что люди, которые хуже различают формы, имеют более крупные миндалевидные тела, — это знак, что эта область мозга, которая занимается обработкой эмоций, задействуется чаще. «Из этого следует, что эмоциональная активация во многом влияет на то, в какой степени человек искажает реальность», — точно так же изложил это Роршах сто лет назад с его соотношением Цветовых ответов и плохих ответов Формы (*F*–).

Другие недавние исследования восприятия использовали новые технологии для изучения самого процесса тестирования. Поскольку типичные испытуемые дают в среднем два-три ответа на карточку, но, если их попросить, могут дать и девять-десять, группа психологов-исследователей из Детройтского университета выдвинула предположение, что люди, должно быть, подвергают свои ответы цензуре, фильтруют их. Возможно, обход такой цензуры позволил бы основанному на выполнении задания тесту раскрыть больше. Если бы только существовала непреднамеренная реакция на изображение или по крайней мере реакция, которую было бы «сложнее подвергнуть внутренней цензуре»... Она есть, — это движения наших глаз, пока мы изучаем чернильное пятно перед ответом.

Так что, основываясь на исследованиях теста Роршаха, восходящих к 1948 году, экспериментаторы установили на головы тринадцати студентов трекеры *EyeLink*, после чего показали им чернильные пятна и спросили: «Что это может быть?» Затем показали каждое пятно еще раз с вопросом: «Что еще это может быть?» Они подсчитали и проанализировали, сколько раз каждый испытуемый замирал и смотрел в одну точку на изображении, то, как долго они смотрели, сколько времени им понадобилось, чтобы отвлечься от изображения и начать смотреть по сторонам, и насколько далеко они отводили взгляд. Ученые сделали также общие выводы, установив, например, факт, что во время повторного просмотра изображений мы задерживаем на них свой взгляд дольше, поскольку повторная интерпретация изображения — это «попытка получить концептуально сложную информацию». Усиленное внимание направлено на

то, что мы видим, а не на то, что говорим. Движения глаз никогда не смогут рассказать больше о нашем разуме, чем то, что мы видим в чернильных пятнах, — но ученые исследуют, могут ли они вправду могут поведать нам о том, как мы смотрим и видим, — и возвращают нас к истокам теста Роршаха, который автор считал способом разгадать восприятие.

Наиболее фундаментальным вопросом, который Роршах оставил после своей смерти, является следующий: как эти десять карточек могут провоцировать столь богатый спектр ответов? Доминирующая тенденция в психологии, от Бека и аналитиков содержимого до Экснера и его критиков, оставляла этот вопрос теоретического обоснования в стороне. Эмпиристы думали о тесте как о чем-то, провоцирующем ответы, и потратили десятилетия на тщательную настройку метода объединения этих ответов в таблицы. Для Роршаха же — и для очень немногих, кто пошел за ним, — чернильные пятна апеллировали к чему-то более глубокому. Эрнест Шахтель утверждал, что настоящие результаты тестов — не слова, которые произносят люди, а их способы видения. «Следует подчеркнуть, что это тест касается формальных вещей, — писал Роршах в 1921 году, — того, *как* человек *воспринимает* информацию и *впитывает* ее в себя».

Сегодня мы знаем о науке и психологии восприятия больше, чем когда-либо. Тест постепенно выходит за рамки культурных войн клинической психологии, и однажды, быть может, его включат во всеобъемлющую теорию восприятия, как того желал Роршах, или по крайней мере поймут, что именно в природе видения дает чернильным пятнам их силу.

Внимательно посмотрите на эту картинку. Ниже вас ждет викторина.

Представьте себе, что в вашем распоряжении есть достаточно времени, чтобы изучить это изображение. Потом карточку забирают и отводят вас в темную комнату. Теперь представьте себе два разных сценария. В первом из них ваши глаза закрыты и вам нужно ответить на вопрос, касающийся вашего восприятия только что увиденного изображения: «Ширина этого дерева превышает его высоту?» В другом сценарии вам нужно ответить на тот же вопрос, только ваши глаза открыты, а картинка бледно отображается на экране, чтобы вы могли посмотреть на нее, когда вам задают этот вопрос.

Этот эксперимент провели с двадцатью людьми и разными изображениями, но одинаковыми вопросами. В процессе выполнения каждого из сценариев измерялась мозговая активность испытуемых, — эта темная комната была МРТ-сканером. Совпадение мозговой активности между двумя сценариями составило 92%, это означает, что, когда мы что-то *видим*, наш мозг почти всегда реагирует так же, как и при *визуализации* (или, по крайней мере, это происходит в одной и той же области мозга). Сетчатка, вне зависимости от того, захватывает ли она свет, добавляет лишь 8 % к активности. Восприятие — это в основном психологический, а не физический процесс. Когда вы на что-то смотрите, то направляете свое внимание на одни части визуального поля, игнорируя остальные. Вы видите либо книгу у себя в руке, либо летящий в вас бейсбольный мяч, — и ваше сознание принимает решение игнорировать всю прочую информацию, которая в это время достигает ваших глаз: цвет вашего стола, форму облаков в небе и т. д. Информация и инструкции перемещаются по нервам от глаза к мозгу и в обратном направлении. В ходе еще одного эксперимента Стивен Косслин, соавтор исследования в области древовидной визуализации и один из ведущих современных исследователей визуального восприятия, отслеживал эту двустороннюю нервную активность, движущуюся в процессе наблюдения «вверх по течению» и «вниз по течению», и обнаружил, что это соотношение составляет 50/50. Видение — такое же действие, как и реагирование, выдавать информацию — то же самое, что принимать ее.

Даже простые оптические задачи на практике оказываются не просто чем-то пассивным или механическим. Наши глаза способны воспринимать длину волны, но кусок древесного угля будет выглядеть одинаково черным вне зависимости от того, ле-

жит он на дне мешка или находится на ярком солнце во время вашего пикника с барбекю. Точно так же лист белой бумаги выглядит белым независимо от освещения в комнате. Художникам нужно отучить себя от такого способа видения, чтобы они смогли рисовать «черные» или «белые» вещи разными цветами. Как пишет в своей прекрасной книге под названием «Белый цвет» японский дизайнер Кения Хара: «Такие вещи, как насыщенный богатый золотистый цвет желтка в разбитом яйце или цвет чая в наполненной до краев чашке, — это не просто цвета. Они скорее воспринимаются на более глубоком уровне, через их текстуру и вкус, через атрибуты, присущие их материальной природе... В этом отношении цвет понимается не посредством одного нашего визуального чувства, но посредством всех наших чувств». Другими словами, самый совершенный образец яичного желтка в самой большой книге эталонов в мире не будет иметь того цвета, который он приобретает, будучи слегка сваренным или когда застывает на раскаленной сковородке с шипящим ароматным оливковым маслом, так что он не может обладать тем золотисто-желтым цветом, который мы обычно видим. Цвета существуют в нашем сознании в связи с цветными вещами, которые пробуждают наши воспоминания и желания. Ни одна из объективных систем — ни цветовая модель Пантон, ни цветовое колесо, ни пиксельная сетка «всех» цветов — не может доподлинно передать *любой* цвет. Даже просто видеть цвет — это действие, которое выполняет личность, а не только ее глаза.

Вот как Роршах описывал этот момент в «Психодиагностике», цитируя своего учителя Блейлера: «В восприятии есть три процесса: ощущение, память и ассоциация». Роршах пришел к пониманию того, что «ассоциативные» теории Блейлера в некоторых аспектах не соответствовали реальности, но главный факт никуда не делся, — видение представляет собой комбинацию визуальной регистрации объекта (понимание, что он появился в поле зрения), распознавания объекта (определение его как чего-то конкретного путем сравнения с уже знакомыми нам вещами) и интеграции того, что мы видим, в наше отношение и мировоззрение в целом. Это не трехступенчатая последовательность, а три неотъемлемые части одного и того же явления. Вы не *сначала видите* дерево или лицо, потом *обрабатываете* увиденное и лишь затем *реагируете*, — все это происходит одновременно.

Это означает, что вы можете *видеть* импульсивно, мечтательно, нерешительно — а не сначала видеть, а после действовать импульсивно, мечтательно или нерешительно. Психолог может заметить, как вы смотрите на что-либо с нервозностью, а не просто нервничаете или нервно разговариваете. Вот почему имеет смысл назвать процесс просмотра чернильных пятен «исполнением». Может показаться очевидным, что восприятие происходит внутри человека, будучи личным и недоступным, а «исполнение» в процессе теста возникает после акта видения. Роршах, однако, думал иначе.

Вот как он изложил это в лекции, которую читал в 1921 году швейцарским школьным учителям: «*Когда мы смотрим на пейзажную живопись, то испытываем целую гамму чувств, которые заставляют нас искать ассоциации. Эти процессы вызывают в нашей памяти образы, которые позволяют нам воспринимать изображение одновременно и как картину, и как пейзаж.* Если на картине изображен знакомый нам пейзаж, мы говорим: "Я *узнаю* это изображение". Если мы не знаем пейзажа, то можем интерпретировать его (или не суметь его интерпретировать) как болото, озеро, долину Жу в сердце швейцарского горного массива Юра и так далее. Узнавание, интерпретация, определение — все это виды восприятия, которые отличаются друг от друга только количеством вторичной ассоциативной работы сознания, которой они требуют».

То есть любое восприятие совмещает в себе «чувства, которые приходят вместе с отголосками памяти», но в повседневной жизни это «внутреннее соответствие» возникает автоматически и незаметно. Интерпретация — это просто усиленное восприятие, «при котором мы замечаем и воспринимаем соответствие, когда оно имеет место быть», объяснял своей аудитории Роршах. Мы чувствуем себя как бы собирающими подсказки об этом незнакомом пейзаже и приходим к ответу, который кажется нам субъективной интерпретацией. Чернильные пятна — это тот случай, когда «незнакомый пейзаж» доведен до крайности. Но даже тогда интерпретация пятна возникает не после его восприятия разумом. Вы не интерпретируете то, что вы видите, а интерпретируете в самом процессе видения.

Восприятие — не только психологический процесс, но также процесс культурологический. Мы видим сквозь наши личные и культурные «линзы», в соответствии с привычками, которые на протяжении всей нашей жизни формируются опре-

деленной культурой, — и это прекрасно знают антропологи, работающие в области исследования культуры и личности. Нетронутая дикая природа одной культуры для представителей другой полна детальной и значимой информации, особенных растений и животных. Одни люди замечают, когда их друг сделал новую стрижку, другие — нет. Красота в глазах смотрящего. Огромное преимущество теста Роршаха — в способности обходить эти линзы, — как выразился Манфред Блейлер, он позволяет нам снимать «завесу условностей».

Эрнест Шахтель больше полувека назад отмечал, что, когда нас спрашивают, чем может быть чернильное пятно, мы находимся не в том контексте, где можем ожидать, что в поле нашего внутреннего зрения попадут одни вещи, а не другие: тусклая гостиная, туманная дорога, рельеф на дне аквариума. В результате интерпретация пятна требует больше нашего активного организующего восприятия, чем мы обычно прикладываем. Чтобы выдвинуть какие-либо идеи о нем, мы вынуждены обратиться к более полному спектру нашего опыта и воображения. В то же время волк в чернильном пятне не несет угрозы, в отличие от волка темной ночью в лесу, поэтому находим мы его там или нет — не имеет значения. Психически здоровые испытуемые знают, что пятно, в отличие от всего, с чем мы физически взаимодействуем в жизни, не является чем-то «реальным» в принципе, — это всего лишь рисунок на кусочке картона. Ставки невысоки: то, что мы видим, не имеет неких мгновенных практических последствий. Наше видение получает возможность расслабиться и свободно разгуляться, настолько свободно, насколько мы пожелаем ему позволить.

Это объясняет, почему вопрос, который Роршах выдвигал в тесте, настолько существенный. Если нас спросят: «Что этот тест заставляет вас чувствовать?» или «Расскажите мне историю об этой сцене», то это задание — не проверка нашего восприятия. Рисунок из теста ТАТ, изображающий мальчика со скрипкой, означает мальчика со скрипкой, какую бы историю мы о нем ни рассказали. Мы можем свободно извлекать из чернильных пятен мысли или чувства, но для такой цели они подходят точно так же, как облака, лужи, ковры или что угодно другое. Сам Роршах считал, что чернильные пятна не очень хорошо подходят для свободных ассоциаций. Однако вопрос «Что вы видите?» или «Что это может быть?» уже помогает понять, как мы постигаем окружающий мир на самом базовом

уровне, — и тем самым обращается ко всей нашей индивидуальности и диапазону опыта.

Быть свободным, воспринимать вещи такими, какие они есть, видеть их без сдерживающих фильтров жестких условностей может быть очень сильным переживанием. Доктор Брокау с его психоделической рубашкой, предлагавший этот опыт пассажирам автобуса, мог показаться им находящимся под воздействием наркотиков. Настоящие психоделические наркотики не стимулируют визуальные области мозга настолько, насколько кто-то может ожидать. Вместо этого они подавляют или перекрывают «управляющий канал» психического функционирования: ту часть мозга, которая отвечает за раздельную работу всех остальных частей — например, держит визуальные центры отдельно от эмоциональных. Под воздействием же психоделиков ваше восприятие освобождается от централизованного управления, от фильтров и инструкций, от «завесы условностей». В цитате Уильяма Блейка, которую прославили Олдос Хаксли и Джим Моррисон, говорится: «Двери восприятия очищены»*, — подобно «открытым окнам глаз», сквозь которые вливается в нас многообразие мира, как в любимой Роршахом строчке из стихов Готфрида Келлера**. Смотреть на пятно Роршаха — не настолько сильный опыт, как прием кислоты, но они действуют сходным образом.

Восприятие носит не только визуальный характер. Вопросы «Что это может быть?» и «Что вы видите?» — не совсем одно и то же. Что-то большее, чем личные предпочтения или технические ограничения, заставило Роршаха сделать именно чернильные пятна, а не, скажем, звуковой тест Роршаха, или кипарисовые изгибы, или тест, основанный на запахах. Зрение — это ощущение, которое одновременно действует на расстоянии, в отличие от осязания и вкуса, и может быть сфокусированным и направленным, в отличие от слуха и обоняния. Мы можем обратить внимание на определенные шумы и запахи или попытаться их игнорировать, но мы не можем моргнуть ушами или навострить нос, — глаза намного более активны и находятся под бо́льшим нашим контролем. Видение — лучший инструмент восприятия, это наш самый передовой способ общения с миром.

---

* Цит. по: *У. Блейк*, «Бракосочетание Рая и Ада».

** *Г. Келлер*, «Вечерняя песня».

В период расцвета фрейдизма люди думали, что самое важное — это бессознательное и что метод проецирования бессознательного сможет раскрыть истинную личность. Отчасти причиной того, что использование теста Роршаха в реальных жизненных ситуациях вызывает столько гнева — отец, случайно причинивший своему ребенку травму, повлекшую смерть, был возмущен, что его «попросили посмотреть на картинки абстрактного искусства», — является то, что люди все еще рассматривают его как способ получить «проекции». Однако тест делает намного больше. Он обнаруживает отношение человека к реальности, то, как функционирует его восприятие, восприимчивость к эмоциям. Он демонстрирует, как личность подходит к задаче, и дает возможность установить связь с сопереживающим терапевтом и вылечиться. Как и любой акт видения, прохождение теста Роршаха — комбинация формирования, мышления и чувствования, как писал Роршах в письме к Толстому.

Чувства особенно важны. Многие исследования показывают, что эффективная психотерапия должна быть эмоциональной, говорить на интеллектуальном языке бывает недостаточно. Один подробный анализ 2007 года выявил, что терапевты, которые обращают пристальное внимание на эмоции, делая такие комментарии, как «Я заметил, что ваш голос слегка изменился, когда вы говорили о ваших отношениях, и я хотел бы знать, что вы чувствуете прямо сейчас», добивались лучших результатов, чем те, которые этого не делали. Как оказалось, этот фокус на эмоциях имел даже больший положительный эффект, чем хорошая взаимосвязь между терапевтом и пациентом.

Визуальный тест, утверждает Стивен Финн, встраивает эмоциональный фокус в весь процесс в целом. «Главным образом я предлагаю такие тесты, как тест Роршаха, из-за их визуальных, вызывающих эмоции стимулирующих свойств и эмоционально возбуждающих аспектов процедуры их проведения. Они касаются материала, который в большей степени отражает функционирование правого полушария. Прочие тесты — такие как ММЛО — ввиду их словесного формата обращаются больше к функциям левого полушария. (Я не хочу чрезмерно упрощать — очевидно, что оба типа тестов задействуют оба полушария)». Дело не в том, что ответы на тест Роршаха — медведи, взрывы и так далее — легко обсудить. Сам факт, что пациентов просят *смотреть* и *видеть*, позволяет терапевтам измерить «аспекты эмоционального и межличностного функ-

ционирования, которые недостаточно хорошо выявляются другими оценочными процедурами». Ключевая метафора Финна для определения теста является визуальной: Роршах — это «увеличительное стекло эмпатии», а не ее усилитель. Визуальная задача может создать эмоциональные связи, которые помогут возможному исцелению.

Конечно, лишь по сравнению с ответами на опросник. После одной совместной терапевтической аттестации восьмилетней девочки ее мать сказала психологам, что тест Роршаха был самой полезной частью процесса, поскольку он помог получить новое представление о ее ребенке, «продемонстрировав, что ее поведение не капризное или нарочитое и девочка действительно не может видеть вещи таким образом, как видят остальные». Последующие этапы терапии показали настоящие изменения в их семье: и мать, и дочь говорили о снижении конфликтности и уменьшении симптомов у девочки. Оба родителя сообщили, что стали «чувствовать себя более терпеливыми, сочувствующими, сострадательными и уверенными» по отношению к своей дочери и «менее подавленными, менее склонными сдаться, перестали думать, что их усилия бессмысленны». Возможность взглянуть на мир ее глазами сблизила их с ребенком лучше, чем простое вербальное общение.

Наряду с его эмоциональной силой видение — более когнитивный процесс, чем какой-либо другой. Классический труд Рудольфа Арнхейма «Визуальное мышление» (1969) по-прежнему остается самым убедительным аргументом в пользу радикального представления о том, что видение не предшествует мышлению или дает разуму повод для размышлений, — оно само по себе и есть мышление.

Арнхейм показал, как «когнитивные действия, именуемые мышлением», — исследование окружающего мира, запоминание и распознавание, улавливание поведенческих шаблонов, решение проблем, упрощение и резюмирование, сравнение, привязка одних вещей к другим, контекстуализация и символизация — не находятся где-то выше за пределами акта видения, а являются «неотъемлемыми элементами самого восприятия». Более того, организационные проблемы — такие как понимание характера, сути сложных явлений — могут быть решены только посредством восприятия: взаимосвязь нельзя проанализировать или помыслить, сперва не увидев ее; разум — в видении, «смотрении».

Интерес к визуальному мышлению — несколько маргинальная, но устойчивая традиция — набирает силу в нашем все более насыщенном различными образами мире. Энергичные меньшинства продолжают призывать к усилению акцента на художественном образовании и «визуальной грамотности», необходимых для улучшения гражданского общества. Книга Эдварда Тафта «Визуальное представление больших объемов информации» (*The Visual Display of Quantitative Information*) и ее продолжения (1983, 1990, 1997) показали, как много визуального интеллекта нужно для простой, казалось бы, задачи — презентации какой-либо информации. Работа Доналда Хоффмана «Визуальный интеллект: как мы создаем то, что видим» (*Visual Intelligence: How We Create What We See,* 1998) вторит заявлениям Арнхейма, опираясь на десятилетия новейшей науки. Об эффективном визуальном мышлении в контексте бизнеса писал Дэн Роум в книге «Обратная сторона салфетки: решение проблем и продажа идей при помощи изображений» (*The Back of the Napkin: Solving Problems and Selling Ideas with Pictures,* 2008), а труд Джоанны Дракер «Графезис: визуальные формы производства знания» (*Graphesis: Visual Forms of Knowledge Production*, 2014) принес идеи Арнхейма в цифровую эру смартфонов.

Дело не в том, что чернильные пятна должны использоваться для отображения количественной информации или для того, чтобы продавать идеи, визуализированные на задней стороне салфетки, а в том, что мы сможем осознать, как эти пятна работают в качестве психологического теста, только когда начнем понимать их, как это делал сам Роршах, — в более широком контексте видения, со всеми его эмоциями, интеллектом и творческим началом.

Таким образом, тест Роршаха базируется на одном главном утверждении: видение — это действие не только глаза, но и ума, не только зрительной коры или какой-либо другой части мозга, а всего человека. Если это так, то визуальное задание, которое требует задействовать достаточное количество перцептивных возможностей, продемонстрирует, как работает наш разум.

Недавний анализ, предпринятый Грегори Мейером, помог определить количественные характеристики возможностей чернильных пятен активировать способы восприятия. Неверно думать, что любые бесформенные изображения будут ра-

ботать столь же хорошо. Как утверждал Роршах и признали некоторые другие люди, эти пятна вовсе не «бессмысленные» или «случайные».

В конце концов, за столетие, в течение которого мир смотрел на чернильные пятна, — подсчитывая, пересматривая и классифицируя все, что видят люди, все, что можно себе представить и многое из того, что представить, нельзя, — одна истина оставалась непреложной: карточка V выглядит, как летучая мышь. Или, может быть, бабочка.

В тестах Роршаха, проведенных с 2000 по 2007 год среди шестисот не являвшихся медицинскими пациентами бразильских мужчин и женщин, 370 из этих людей увидели в карточке V летучую мышь, остальные — бабочку или мотылька. В карточке II, как обычно, было много медведей. На самом деле из примерно четырнадцати тысяч ответов только 6459 были оригинальными, а короткого набора из тридцати ответов хватало, чтобы их давали пятьдесят человек и больше. Чернильные пятна вполне объективно выглядят, как реальные вещи, но в то же время они требуют интерпретации. Это не было бы серьезным испытанием, если бы все видели что-то свое или если бы все видели одно и то же. В этих шестистах тестах длинный хвост персональных вариаций состоял примерно из тысячи ответов, каждый из которых был дан двумя людьми, а в целом 4358 ответов были даны всего по одному разу, включая «трагически непонятый кусок цветной капусты», увиденный пребывавшим в депрессии фермером.

Если представить ответы в виде графика, на вертикальной оси которого — количество ответов, а на горизонтальной — частота каждого из них, то почти вертикальная линия слева покажет общие места чернильных пятен — всех этих очевидных летучих мышей и медведей, — а горизонтальная линия показывает свободу действий и личных особенностей каждого человека. Мейер назвал это структурой и широтой теста Роршаха. График также демонстрирует более конкретную схему: самый распространенный ответ встречается в два раза чаще, чем второй по частоте, в три раза чаще, чем третий по частоте, и так далее.

Это называется законом Ципфа, который представляет собой один из структурирующих мироздание математических законов упорядочения. Другие схемы более известны обществу — последовательность Фибоначчи в раковине наутилуса, колоколо-

бразная кривая случайного распределения, — но Ципф описывает явления от масштабов землетрясений (случается немного крупных землетрясений и очень много мелких) до размеров населения городов, уровней бизнеса и частоты употребления слов (в английском *the* употребляется в два раза чаще, чем *of*, в три раза чаще, чем *and*, и так далее, вплоть до «баклана» (*cormorant*) и метилбензамида (*methylbenzamide*)). Ответы на тест Роршаха в широком спектре образцов будут следовать той же самой схеме. Летучая мышь на карточке V в тесте Роршаха — то же самое, что артикль *the* в английском языке.

Один проведенный тест также дает более одной отправной точки для дальнейших изысканий. В продолжение теста человек обычно произносит десять, двадцать или тридцать ответов, и хороший результат не будет привязан лишь к одной из сторон кривой Ципфа. Очевидные ответы позволят предполагать, насколько вы закрытый или жесткий человек, или не заинтересованный в выполнении задачи, или скучный, в то время как большое количество необычных или странных ответов может означать, что вы плохо приспособлены к реальности либо одержимы какой-то манией, ну, или же просто яростно пытаетесь быть бунтарем, непохожим на других.

И наконец, тест Роршаха дает последовательность, состоящую из множества отправных точек. Тест представляет собой фиксированную серию из десяти карточек, но у испытуемых есть возможность давать несколько ответов на каждую из них в любой последовательности. Ответы конкретного человека движутся, так сказать, вверх и вниз по кривой Ципфа, и это — движение, которое само по себе имеет структуру и широту. Начинают ли ваши ответы разваливаться при столкновении с цветными карточками под конец теста, или, наоборот, все начинает срастаться? Начинаете ли вы с чего-то очевидного на каждой карточке, а затем ловчите, или же постепенно приходите к популярным общим ответам? Даже если выйдет так, что двое испытуемых дадут одинаковые ответы на каждую карточку, но в разном порядке, возможно, один из них испытывал сильное стремление дать определенный ответ в первую очередь, а еще какой-то — в последнюю, что является значимой схемой для чувствительного доктора, проводящего тестирование.

Используя интуицию, художественное мастерство, метод проб и ошибок и некоторые идеи о силе симметрии, Герман Роршах создал набор изображений, которые настолько же четко

организованы, насколько и гибки, как естественный язык или землетрясения. В этом смысле трудно представить, чтобы они стали лучше, — психологи пытались создать альтернативные наборы изображений в течение многих лет, но все, кто пытался это сделать, быстро потерпели неудачу и остались на обочине. Пятна Роршаха подобны акту видения, который сам по себе имеет структуру и широту. В них действительно что-то есть, но ничего такого, что могло бы полностью нас сдерживать. Визуальная природа мира объективно сокрыта в вещах, но мы *видим* ее там; субъективно мы навязываем вещам свой взгляд на мир, но только если этот взгляд соответствует тому, что мы видим. Все мы смотрим на одно и то же, даже когда видим это по-разному.

Пятна Роршаха уникальны не только по форме. Цвета вызывают эмоции — порой даже быстрее, чем сами фигуры, — но не всегда. Вложить движение в неподвижный рисунок — дело непростое, это требует от художника настоящего мастерства и, говоря словами Роршаха, «пространственного ритма» (как у Микеланджело, а не как у футуристов). Еще труднее *теоретически* передать чувство движения, так, чтобы одни люди его заметили, а другие — нет. Почти каждый увидит движение на таких рисунках, как роршаховский мужчина, пытающийся открыть консервную банку, но, как писал Роршах в 1919 году, «ключевой момент состоит в том, чтобы затруднить появление ответов Движения. Если вы показываете кому-то хорошие рисунки, то каждый, даже умственно отсталый, будет казаться типом Движения».

Симметрия пятен, признавал Роршах, заставляет людей видеть «непропорционально много бабочек и т. д.», но он был прав и в том, что «преимущества намного перевешивают недостатки». Горизонтальная симметрия пятен помогает людям наладить с ними связь и даже идентифицировать себя с ними. Пятна Роршаха не математически симметричны, — они имеют различия в крошечных выступах, промежутках и оттенках, но они не задуманы как изображения животных или людей, именно поэтому пятна выглядят сбалансированными и живыми. Кроме того, поскольку группы людей, с которыми мы сталкиваемся в реальной жизни, расположены рядом друг с другом, а не друг над другом, горизонтальная симметрия создает «социальную» связь между двумя сторонами каждого из изображений. Это заставляет разные части чернильных пятен

взаимодействовать друг с другом, например создавать пары людей или других существ. Чернильный тест не работал бы без горизонтальной симметрии, пятна не были бы чем-то личным, психологическим.

Так что, при всех изменениях в системе подсчета, процедуре проведения теста и понимании его значения, сами чернильные пятна Роршаха остались неизменными — по уважительной причине.

Эссе о Роршахе швейцарского философа Жана Старобинского начинается поэтично: «“Каждое движение рассказывает что-то о нас”, — писал Монтегю. Сегодня мы можем добавить: каждый акт восприятия сродни движению и тоже что-то о нас рассказывает». И в наше время открытия Роршаха относительно природы восприятия движения продолжают признавать самым оригинальным и устойчивым аспектом его работы. Они прямо подтверждаются некоторыми актуальными исследованиями неврологической науки последних тридцати лет.

В начале 1990-х годов итальянские ученые из университета Пармы сделали кажущееся простым открытие: некоторые из клеток одной области мозга макак, активирующиеся как в ситуации, когда макака выполняет какое-либо действие (например, тянется за кружкой воды), так и тогда, когда она видит кого-то еще (человека, другую макаку или изображение макаки), выполняют одно и то же действие. За этим последовал ряд блестящих экспериментов, показавших, что клетки не активировались, когда обезьяны наблюдали за тем же движением, за которым не стояло намерение (рука протянута таким же образом, но не для того, чтобы взять кружку), и срабатывали в процессе выполнения другого действия с той же целью (использование левой руки вместо правой или использование плоскогубцев с обратным хватом, где нужно не сжимать пальцы, а разводить их в стороны). Казалось, что нейроны реагируют на *смысл* действий. Это не просто контрольные механические, или моторные, процессы, а рефлексы, которые транслировали прямо в мозг намерения и желания окружающих.

Проблема обучения пониманию других людей или расшифровке их поведения — философская проблема — исчезает, если признать, что мы на нервном уровне отражаем, буквально чувствуем, что пытаются сделать другие люди. Ученые окрестили эти клетки «зеркальными нейронами» и открыли дорогу для целого потока исследований и предположений, связываю-

щих их со всем подряд, от природы аутизма до политических взглядов, доброты и основ человеческого общества.

В 2010 году другая команда итальянских ученых связала их и с тестом Роршаха. Они предположили, что если зеркальные нейроны срабатывают, когда человек видит намерение в действии, то, возможно, они также срабатывают, когда он видит движение на рисунке: «Мы полагаем, что такая ментализация близка к тому, что происходит, когда человек формирует ответ Движения на тест Роршаха». Когда они подключили провода электроэнцефалографа к головам добровольцев, смотревших на чернильные пятна, то обнаружили «весьма значительную активацию зеркальных нейронов» в моменты, когда испытуемые давали ответы, связанные с человеческим движением, но не с движением животных, неодушевленных предметов и не ответы Цвета, Оттенка или Формы. «Впервые за наш опыт, — заключили они, — было доказано, что ответы Движения имеют неврологическую основу. Этот общий результат полностью согласуется с вековой традицией теоретических исследований теста Роршаха, а также эмпирической литературы». За этим последовали дальнейшие исследования теста Роршаха и зеркальных нейронов, работа, в которой принимал активное участие один из соавторов Р-СОЭ Доналд Виглионе, и к которой часто обращались Мейер и Финн.

Истинное значение зеркальных нейронов остается предметом споров, как и сама идея о том, что такие технологии сканирования, как МРТ, могут напрямую читать мозг человека и в меньшей степени — его сознание. Но, чем бы они ни были, зеркальные нейроны вновь пробудили научный интерес к тому, что написано в диссертации Роршаха о рефлекторных галлюцинациях, и к тому, что показывают ответы Движения в тесте Роршаха: что своими телом и разумом мы чувствуем то, что происходит в окружающем мире, и эти настоящие или воображаемые движения отражают то, как мы воспринимаем реальность.

Другие недавние эксперименты показали, что, если улыбаться, когда рядом улыбается кто-то другой, или синхронно кивать (поведение, известное как моторная синхронность), это не просто помогает установить эмоциональную взаимосвязь, но само является такой взаимосвязью. Всем известно, что если вы видите кого-то с болезненным выражением лица, то чувствуете его боль. Но мимика — причина, а не эффект восприятия.

В одном эксперименте участники, держащие в зубах карандаш и неспособные улыбнуться, нахмуриться и так далее, испытывали большие затруднения с тем, чтобы подмечать эмоциональные изменения в выражениях лиц других людей. Выяснилось, что для того, чтобы восприятие стало возможным, нужны мимика и физическое движение. «Оказывается, восприятие лица почти всегда подразумевает движение. Трудно смотреть на чье-то лицо и не думать, как оно двигается, меняя выражения».

Роршах уже говорил о том, как у него получалось визуализировать картину после того, как он вытягивал руку так же, как держал ее изображенный на картине рыцарь. Эдгар Алан По придал ту же стратегию своей знаменитой детективной новелле «Похищенное письмо»: «Когда я хочу понять, насколько умным или глупым, добрым или злым является тот или иной человек, я подстраиваю выражение своего лица настолько точно, насколько это возможно, под его выражение, а потом жду, какие мысли или чувства, совпадающие с этим выражением, возникнут в моем разуме или сердце». Это кажется противоречивым, но только с точки зрения того, кто представляет работу сознания как работу компьютера с глазами в роли камеры и телом в роли принтера или динамика: ввод — обработка — вывод, восприятие — узнавание — мимика. Это работает иначе.

Ответ Движения — и, в некотором смысле, весь чернильный эксперимент — базируется на предпосылке, что видение включает в себя процесс «вчувствования» в то, что вы видите, и что чувство — это нечто, что случается через зрение. Эта идея прошла долгий путь с момента ее возникновения в немецкой эстетической теории около 1871 года, в особенности под ее английским названием — эмпатия.

Эмпатия в последние годы обсуждалась даже больше, чем зеркальные нейроны, и одна научно-популярная книга за другой ставит ее в центр того, что значит «быть человеком». Некоторые оппоненты, такие как Пол Блум, возражают против этого: если эмпатия предвзято относится к знакомому и привлекательному, имеет преимущество перед количественными фактами (мы больше сочувствуем одному ребенку, упавшему в колодец поблизости от нас, чем тысячам безвинных жертв где-нибудь далеко), определенно является признаком ума «узкого, ограниченного и не имеющего базовых познаний в арифметике», то без нее мы сможем принимать более эффективные решения, касающиеся сложных проблем.

Обсуждения теста Роршаха могут привнести в сегодняшние дебаты полезные точки зрения, поскольку с момента его рождения в спорах о том, должна ли психиатрия заниматься определением диагнозов или же понимать людей, история теста балансировала на грани двух конкурирующих мнений: теории «вчувствования» в точку зрения других людей и «другого подхода, предполагающего сохранение дистанции в целях рациональной объективности».

Работа Стивена Финна, в частности, может быть использована для того, чтобы придать новую форму дискуссиям вокруг эмпатии. Излагая методику К/ТА, он утверждал, что эмпатия делает три разные вещи. Это способ сбора информации: вы понимаете людей, чувствуя их боль или представляя ситуацию с их точки зрения, а не просто наблюдая за их поведением. Это интерактивный процесс: в то время как терапевт пытается понять, человек, который хочет быть понятым, «одновременно наблюдает за мной и дает мне информацию, которая помогает лучше узнать его внутренний мир». И наконец, эмпатия — целебный элемент сама по себе: сочувствие может исцелить. Многие из клиентов Финна говорят ему, что чувство того, что их так глубоко поняли, изменило их жизнь. Эти три способа сопереживания могут указывать в разных направлениях: мошенник может быть чрезвычайно чувствительным и способным читать людей, быть «сочувствующим» в одном плане, однако бесчувственным социопатом в том, как он распоряжается полученной информацией. Исходя из этого аргументы Блума подтверждают недостатки эмпатии как инструмента сбора информации, но они упускают из виду ее ценность в качестве средства установки взаимосвязи и исцеления.

Возможно, самым ценным напоминанием о том, что может нам дать тест Роршаха, является то, что эмпатия — вопрос не только слов и рассказов. Эмпатия — это видение: нужно прочувствовать мир и понять, что в нем есть нечто, с чем мы связаны, связаны через тело. Эмпатия — это рефлекторная галлюцинация, ответ Движения. Она требует не только воображения или определенной чувствительности, но и чувствительного и грамотного восприятия. Вы не почувствуете чьи-то эмоции до того, как увидите этих людей такими, какие они есть, до того, как посмотрите на мир их глазами.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ТЕСТ РОРШАХА — ЭТО НЕ ТЕСТ РОРШАХА

Я открыл для себя культурный аспект чернильных пятен не как практикующий психолог или яростный бунтарь против личностного тестирования. Я не ломал копий по поводу того, должен ли этот тест, в любой из его ипостасей, находиться на втором месте или на девятом. Как и большинство людей, с которыми я говорил, я был очень удивлен, когда узнал, что он до сих пор используется в клиниках и при судебных разбирательствах. Слово «Роршах» тоже было для меня странным. Что это — человек, место или вещь? И я практически ничего не знал о жизни Германа Роршаха. Что я знал — так это то, что я видел все на свете, что люди именовали тестом Роршаха. Я видел чернильные пятна — или думал, что видел их, — и я хотел узнать больше.

Моим первым шагом стало прохождение настоящего теста. Именно тогда я узнал, что далеко не каждый знает, как его проводить, а эксперты, как правило, не склонны идти навстречу такому праздному любопытству. Я искал кого-то слегка разочаровавшегося, кого-то, кто знал бы все формулы и техники, но все еще рассматривал тест как исследование, то, о чем можно поговорить. В итоге я обратился к доктору Рэндаллу Феррису.

В своем кабинете он сел напротив меня, слегка сбоку, достал блокнот для записей и протянул мне картонную карточку из папки. «Что вы видите?»

В карточке V я, конечно же, увидел летучую мышь. В карточке VIII — «ведьму зимы». В той, которую называют «карточкой суицида», — «большую дружелюбную лопоухую собачку».

«Ох!» — выдохнул я, когда мне дали карточку II, пораженный ее красным цветом, хотя я и знал, что не все карточки Роршаха черно-белые. «Аффективный шок», — записал Феррис.

Я сказал, что на карточке III можно видеть *«людей, которые держат ведра»*, а серые вкрапления *«заставляют думать, будто эти люди движутся»*. Позже, когда я узнал достаточно, чтобы обсуждать с ним технические детали, Феррис сказал мне, что это могло быть ответом Оттенка, — нечто серое движется или пребывает в напряжении. По словам Ферриса, многие ответы Оттенка предполагали внутренне беспокойство. Но в моем ответе присутствовало также Совместное Движение, и это был распространенный ответ. «Так что в целом все хорошо».

Все это заняло около часа, и в конце недели я вернулся к нему, чтобы узнать основные интерпретации и результаты. Сработал ли тест? Наша сессия не была предназначена для того, чтобы поставить мне диагноз, оформить судебный иск или начать курс лечения, так что в этом смысле — не сработал. Ему просто нечего было делать. По мере того как специалист излагал результаты, они казались мне все более показательными, а взгляд доктора Ферриса на мою личность — весьма проницательным. Что поразило меня больше всего, так это десять карточек, столь богатых содержанием и странных, в любом случае достаточно привлекательных для меня, чтобы провести следующие несколько лет, исследуя их историю и их силу. Феррис даже сказал мне, что я был слегка одержим.

По сей день я не совсем понимаю, что делать с цветом в карточках. «Разноцветные пятна — плохие», и их расцветка «оказывает отталкивающий эффект на любого живописца» — так сказала Ирена Минковска, художница и жена невролога, лично знавшая Германа и Ольгу Роршах. С этим согласилась ее свояченица Франциска Минковска, еще одна подруга четы Роршах по Казани 1909 года. Она переехала в Париж в 1919 году и позднее написала крупное психологическое исследование о Винсенте Ван Гоге. А когда она проводила тест Роршаха с различными парижскими художниками того времени, — хотел бы я знать, с кем именно, — то, по ее словам, все они реагировали на цвета очень негативно.

Цвет может быть слабым местом чернильного теста, и об этом говорит то, что в самом конце жизни Роршаха началась разработка новой версии теста, — вместе с его другом, художником и психологом Эмилем Люти, — и в этой версии цвету уделялось особое внимание. Но все же после того как «цветовой шок» стал считаться скверным признаком, диагностирующим «невроз», более масштабная идея Роршаха о том,

что цвет связан с эмоциями, превратились в «ребенка, которого выплеснули вместе с водой». Исследования темы цвета в тесте Роршаха не проводилось почти полвека. Факт остается фактом: люди часто боятся отвечать на цветные карточки, как бы такое поведение ни истолковывалось. Уж я-то определенно испугался. Роршах разработал цветные карточки для того, чтобы вывести испытуемых из равновесия, если у них имеются к этому предпосылки, так что, возможно, их неприятный эффект означает, что все работает, как и было запланировано.

В любом случае именно мощный дизайн бесконечно восхитительных черно-белых пятен, с красным цветом или без, является бессмертным шедевром Роршаха. Это не совсем искусство, но также нельзя сказать, что это не искусство.

Некоторые искусствоведы наконец начинают принимать их всерьез. В классических исследованиях иногда упоминаются пятна Роршаха, но обычно они попадают в ловушку простого перечисления предшественников. Авторы больше фокусируются на брызгах краски на стене, о которых говорил Леонардо да Винчи, и клексографии Кернера, чье влияние на Роршаха всегда преувеличивалось. Длинный очерк, опубликованный в 2012 году, был первым тщательным анализом чернильных пятен, в котором присутствовали детальные параллели с Эрнстом Геккелем, ар-нуво и модернизмом. Каталог новаторского шоу «Изобретая абстракцию», прошедшего в 2012 году в Нью-Йоркском музее современного искусства, включал в себя эссе, посвященное чернильным пятнам Роршаха, а также абстрактной живописи Малевича, мыслительным экспериментам Эйнштейна и визуализациям туберкулезных бацилл Роберта Коха, получившим Нобелевскую премию. Существует еще бесчисленное множество визуальных взаимосвязей.

Будучи потомком художников как по отцовской, так и по материнской линии, Герман Роршах всю жизнь верил, что восприятие является точкой пересечения между разумом, телом и окружающим миром. Он хотел понять, насколько по-разному видят мир разные люди, и на фундаментальном уровне видение — это и есть то «место, где мозг встречается с космосом», как сказал однажды художник Сезанн о цвете.

Среди отцов-основателей современной психологии Роршах был единственным человеком с визуальным подходом к миру, и он создал визуальную психологию. Это великий путь, не принятый в доминирующей психологической науке, хотя

большинство из нас — даже отпетые болтуны или «книжные черви» — живут преимущественно в визуальном мире образов на поверхностях и экранах. Мы эволюционировали, чтобы быть визуалами. Наш мозг посвящает значительную часть своей деятельности обработке визуальных данных — приблизительно 85 %, — и ученые начинают серьезно относиться к этому факту. Рекламодатели в поисках способов приковать взгляды потенциальных покупателей к своим объявлениям воспринимают это всерьез уже очень давно. Зрение дает больше информации, чем разговор.

Фрейд, однако, был человеком слов. Вся традиция, которую он основал, от фиксирования игры слов и «оговорок по Фрейду» до самой разговорной терапии, была выстроена таким образом, чтобы выявлять бессознательное в том, что мы произносим или о чем молчим. Это была психология, основанная людьми слов для людей слов. Современная психология между тем преклонила колени перед алтарем статистики — своеобразная «месть математиков». Почти каждая область знания сильно перекошена в вербальном или математическом направлении. Обучение проводится на лекциях и в процессе письменных тестов — и превозносит статистические показатели даже больше, чем психология. Кажется, что в интеллектуальной жизни существует всего два выбора: цифры или слова, данные или рассказы, точные науки или гуманитарные, «твердое» или «мягкое».

Но это еще не всё. Существуют люди визуального типа, музыкального типа, спортсмены и танцоры с блестящими физическими способностями, с огромным эмоциональным интеллектом утешителей и манипуляторов. Представьте, если бы в очерки по истории нужно было включать карандашные рисунки значимых людей или мест, а не просто словесные зарисовки, а историки должны были бы обучаться рисованию в той же степени, как и искусству повествования. Каждый художник знает, что рисование — это реальный и серьезный источник знаний.

Вы можете любить его или ненавидеть, но картина меняется, если мы понимаем Фрейда как человека слов, поскольку все мы знаем, что не всякий является таковым. Я — смесь человека слов и визуального человека, художника и историка искусства. Каждый день я сталкиваюсь с тем фактом, что эти два типа людей видят мир несовместимыми способами, или,

скорее так: визуальные люди его видят, а люди слова — читают. Я говорил с множеством людей, у которых в семье есть визуальные типы, и наоборот. Ни для кого из них эта фундаментальная разница не стала новостью. Герман Роршах был одним из первых, кто задействовал эту сторону человеческого опыта для исследования разума.

Тот факт, что люди принадлежат к разным «типам», возрождает призрак релятивизма, который возник в «Психологических типах» Юнга и выходил на первый план в шестидесятые годы с их тенденцией к развенчанию авторитетов. Фундаментальным открытием Роршаха было создание визуальной версии юнгианских типов, — все мы видим мир по-разному. Но ее визуальность имеет решающее значение. Понимание настоящих чернильных пятен и их конкретных визуальных качеств дает нам возможность по крайней мере выйти за рамки релятивизма. Здесь не все произвольно — определенно существует нечто по-настоящему объективное, только все мы видим его своим собственным образом. Откровение Роршаха может и не заставить нас отрицать существование достоверных суждений, Истины с большой буквы.

Бессчетное количество раз я слышал, когда описывал кому-нибудь идею этой книги: «Это выглядит так, словно тест Роршаха — это тест Роршаха! Он может означать что угодно!» Я хочу сказать: *нет, это не так*. Каким бы заманчивым ни было «представить обе стороны» и на этом остановиться, чернильный тест являет собой нечто реальное, имеющее собственную историю, фактическое применение и объективные визуальные качества. Пятна выглядят определенным образом; тест либо работает, либо нет. Факты значат больше, чем наши мнения о них.

Метафора, которая заключена в тесте Роршаха, тоже видоизменяется. Она впервые проявилась в Америке с возникновением культуры личности, которая ставила во главу угла уникальные индивидуальные качества и призывала к поискам способа их измерения. Она стал символом тех же антиавторитарных побуждений, которые низвергли экспертов психиатрии прежнего поколения. В течение десятилетий она была символом несовместимых с общепринятым образом жизни индивидуальных отличий. Теперь она выражает растущую нетерпимость к разделению и стремление делиться нашими мирами друг с другом.

Я заметил, что ее стали использовать не для того, чтобы описать, на что мы реагируем, раскрывая особенности личности, но для того, чтобы продемонстрировать, как мы самовыражаемся. Автор вышедшей в журнале *Lucky* в августе 2014 года истории о своих восьми почти одинаковых пар черных узких джинсов написал: «Я называю их своими штанами Роршаха. Они всегда будут тем, чем я хочу, чтобы они были». В том же году аналитический сервис сайта знакомств *OK Cupid* опубликовал анализ того, как пользователи описывают себя в профилях, в котором было показано, какие слова наиболее и наименее типичны для различных комбинаций пола и этнической принадлежности. Слова «Мои голубые глаза», катание на снегоходах и «группа *Phish*», в сравнении с прочими, чаще всего используют белые мужчины, а черные женщины, опять же, по сравнению с остальными, реже всего используют слова «загорание» и «группа *Simon and Garfunkel*». Наименее используемые слова, говорилось в обзоре, являются «отрицательным пространством в нашем вербальном тесте Роршаха» — откровенной картине нашей самопрезентации.

Возможно, это просто искаженные метафоры, в которых упущено понимание того, что тест Роршаха состоит из тех образов, что мы видим, а не из тех, которые создаем. Я вижу это иначе. Эти конкретные ошибки — если это действительно ошибки — не могли быть сделаны десять или пятьдесят лет назад.

Даже когда чернильные пятна используются в качестве теста, в наши дни важна не столько сама реакция, сколько то, что мы с нею делаем. 8 ноября 2013 года, в день рождения Германа Роршаха, интернет-сервис *Google* разметил на главной странице интерактивный тест Роршаха. Поисковик встречал мрачноватым, но в чем-то симпатичным изображением Германа Роршаха, делавшего заметки. Вы могли кликнуть на него, чтобы посмотреть на различные пятна, а потом поделиться вашими ответами в *Google+*, *Facebook* или *Twitter*. Вопрос «Что вы видите?» конвертировался в инструкцию: «Поделитесь тем, что вы видите».

В 2008 году, спустя пятнадцать лет после того, как Хиллари Клинтон впервые назвала себя тестом Роршаха, то же самое сделал и кандидат Барак Обама, но он имел в виду кое-что другое. «Я — как тест Роршаха, — сказал он. — Даже если люди в конце концов разочаруются во мне, они все-таки получат ка-

кой-то результат». Вместо того чтобы делить людей на «Красную Америку» и «Синюю Америку», Обама воспользовался этой метафорой, чтобы примерить образ специалиста совместной терапии: дать людям возможность с надеждой посмотреть на самих себя и двигаться вперед. Наши разные личные реакции не должны нас разделять. Вполне очевидно, что тест Роршаха сплотит нас ничуть не больше, чем Обама в качестве президента. Но все же метафора сменила акцент, подразумевая уже не разделение, а объединение.

Суть клише традиционно заключалась в том, что не существует неправильных ответов, — размытый образ, полученный при помощи телескопа «Хаббл», никогда не называли «тестом Роршаха конкурирующих теорий», поскольку в этом случае одни астрономические теории будут правильными, а другие — нет. Теперь, однако, эта метафора может быть использована таким образом, будучи совместимой с единой, объективной истиной.

Одна из недавних статей о новой технологии, позволяющей археологам пролететь над Амазонкой, чтобы за один день собрать данные, которые раньше приходилось собирать десятки лет, упоминает мимоходом, что «в местах, покрытых густыми лесами, эти технологии выдают изображения, похожие на пятна Роршаха, которые даже эксперты не могут расшифровать». Это — неоднозначность, лишенная релятивизма: истина где-то рядом, и улучшенная технология сможет ее найти. Энди Уорхол отвергал самовыражение и скрытые смыслы, когда говорил: «Я хочу быть машиной», — но когда репер *Jay-Z* использует картину Уорхола «Роршах» в качестве обложки для своей книги мемуаров «Расшифрованный», то и название, и сама книга, полная разъяснений в отношении текстов песен, дают понять, что за всеми кодами скрывается одна-единственная правда. Актер Джефф Голдблюм недавно сказал, что один из спектаклей, в которых он играл, был «задуман как разновидность теста Роршаха или кубистской картины, так что вы одновременно получаете конкурирующие между собой, но одинаково правдоподобные истории». Кубистская живопись одновременно видит каждую из сторон, так что в метафоре Голдблюма мы все отчасти правы, но — лишь отчасти, хотя объективная истина все же существует.

Эти несколько примеров не могут подтвердить суть, особенно если один из них исходит от Джеффа Голдблюма. Но

вот еще один. В рекламной кампании фирмы *Verizon* «Проверка реальности» в 2013 году обычных людей в арт-галерее, где были представлены изображения в духе пятен Роршаха, спросили: «Что вы почувствовали, когда увидели это в первый раз?» «Это похоже на танцовщицу, — сказал первый озадаченный посетитель, — она двигает руками» (ответ Движения!). Другие зрители в галерее сказали, что это похоже на старую ведьму или пригоршню ягод. Изображения те на самом деле были картами зон покрытия сотовых телефонов, — их задние части видоизменили таким образом, чтобы они стали симметричными и похожими на пятна Роршаха. И когда люди доходили до карты покрытия *Verizon*, то понимали, что это на самом деле «не что иное, как изображение Соединенных Штатов на географической карте». Никакого широкого толкования не было. Последний зритель, держа в руке порцию латте, дал единственное верное определение: «Я должен *немедленно* перейти на *Verizon*!» Личная интерпретация была лишь пренебрежимым отклонением, вызванным неучачной подачей технологии. «Проверка реальности» опирается на то, что существует реальность, которую можно проверить.

Но как можно приложить такую общую реальность к тем, кто не видит ее для себя? Это спор о диагнозах, о «навешивании ярлыков», о том, правильно ли блокировать чью-то карьеру или жестко вторгаться в чью-то жизнь из-за результатов теста. Это вопрос, который задавала Ханна Арендт: «*Что дает кому-либо право судить меня?*» Спустя пятьдесят лет этот вопрос остается столь же актуальным. Люди, похоже, считают, что имеют право на собственные факты, а не только на собственные мнения. Но бывают ситуации, где ставки слишком высоки или же мы не желаем признать существование точек зрения, противоречащих нашей, — и тогда мы называем происходящее «тестом Роршаха».

Субъективность всегда присутствует в оценке кого бы то ни было, и, в конце концов, люди могут не соглашаться с психологом и выражать возмущение его позицией. У нас нет надежной информации, которой мы хотим, но все же нам приходится делать настоящий выбор — в клиниках, в школах, в судах, — полагаясь на ошибочные суждения. С течением времени мы можем усовершенствовать эти суждения, но лишь на практике, и никогда — до абсолюта.

Мы должны продолжать пытаться обосновывать наши решения, поскольку десятилетия ожесточенных боев за достоверность и стандартизацию служили именно этой цели. Широкое распространение Р-СОЭ, методики, указавшей на серьезные недостатки в системе Экснера и вернувшей науку к классическому принципу неутомимых исследований, несомненно, станет положительным изменением. Но фантазия о том, чтобы получить способность абсолютно точно знать, должен ли кто-то быть допущен к работе школьного учителя, или он нуждается в лечении, или должен получить право опеки над ребенком, является именно фантазией. Человек может ошибиться, каким бы ни был используемый им набор инструментов. Не решаем же мы, когда жюри присяжных совершает трагическую ошибку, что суд с участием присяжных — неправильная практика в принципе.

Такие случаи, как история Роуз Мартелли, стали жесткими примерами из реальной жизни, служащими доказательством против теста Роршаха, но столь же много таких примеров накопилось и по другую сторону баррикад, таких, как почти невероятная история Виктора Норриса, о которой я рассказывал в начале книги.

Как сказала мне оценщица, работавшая с Норрисом, задача избежать чрезмерного навешивания диагнозов является работой каждого отдельного психолога, а не теста. Она первая признает, что «многие люди проводят тест Роршаха неправильно». Даже если бы он был чудесной надежной и объективной методикой, обучение людей его правильному использованию все равно будет тонким искусством и там останется множество лазеек для ошибок по причине «человеческого фактора». Недавнее исследование показало, что судьи предоставляют условно-досрочное освобождение примерно в двух третях случаев, когда они слушают дело сразу с утра или после обеда, — а с течением дня шансы снижаются вплоть до нуля, по мере того как падает уровень сахара в их крови. Тест Роршаха не защищен ни от одного из этих осложнений, — ничто не изолировано от нашей суматошной мирской жизни.

Вот почему необходимость смириться с тестом Роршаха — ключевой пункт как для его защитников, так и для скептиков. Герман Роршах более, чем кто-либо другой, обладал чувством конкретных границ возможностей теста, но также и широким пониманием перспектив, которые тест открывал для человеческого разума.

И в завершение — последний психолог и последнее чернильное пятно.

К тому времени, когда доктор Феррис проводил со мной тест Роршаха, его набор чернильных пятен некоторое время пролежал без дела. Доктор признавал, что тест должен быть стандартизован для использования в диагностических и правовых условиях. Но Феррису также казалось, что система Экснера «высосала из теста Роршаха часть жизни»: простой подсчет «теряет человеческий облик». Феррис предпочитал проводить анализ содержимого — самый, по его мнению, «интересный и психоаналитический подход», именно тот, который отвергала техника, базирующаяся на цифрах.

Однако есть и другие причины, по которым Феррис не использует тест Роршаха. Он работает с подсудимыми в системе уголовного правосудия и не хочет обнаруживать ничего, что могло бы отправить их в тюрьму. Последний тест Роршаха, который он проводил до моего, проходил в тюрьме. Большинство тестируемых заключенных имеют тревожные показатели профиля, что неудивительно, поскольку тюремная обстановка — самая неприятная, в какой только может оказаться человек. Феррис работал с молодым афроамериканцем, которого судили за ношение оружия. Его брат незадолго до этого был застрелен в Южном централе, гетто Лос-Анжелеса, и парень знал, что на него тоже идет охота. Он вел себя «злобно и враждебно», как и любой человек в таких обстоятельствах, так зачем же проводить с ним тест? «Нужно было постараться рассказать его историю, — сказал доктор Феррис. — Вы не пытаетесь узнать, насколько обеспокоены люди, до тех пор пока перед вами не встает задача диагностировать их и определить, нуждаются ли они в лечении». Но никто не собирался проводить с тем парнем никакой терапии, кроме одной: запереть его в камере и выбросить ключ.

Как могло бы выглядеть «совершенствование теста Роршаха» в случае с тем подсудимым? Не корректировать оценки, компилировать улучшенные нормы, устанавливать новые правила процедур проведения или переделывать сами изображения, а использовать их для того, чтобы помочь, как принято в гуманном обществе, в рамках предоставления доступа к психиатрическому лечению каждому, кто в нем нуждается. Можно сказать, что, отказываясь проводить со своим клиентом тест Роршаха, доктор Феррис скрывал правду, но правда существует

в контексте того, для чего ее собираются использовать, — и это может быть принятие решения о том, нужна ли кому-то помощь или нужно отправить его в тюрьму.

Чтобы избежать тупиковых противоречий, возникавших вокруг теста Роршаха в былые годы, и использовать потенциал теста для понимания механизмов работы нашего разума, мы должны четко определить, чего ждем от него. Должны вернуться к широкому гуманистическому видению Германа Роршаха.

И наконец, карточка I.

В январе 2002 года стало известно, что сорокадвухлетний Стивен Гринберг из калифорнийского Сан-Рафаэля более года развращал двенадцатилетнюю Басю Каминску. Она была дочерью одинокой иммигрантки, которая жила в одной из квартир, принадлежащих Гринбергу. Позднее выяснилось, что мужчина начал развратные действия, когда девочке было еще девять лет. Полиция явилась к нему домой с ордером на обыск. Через несколько часов он поехал на своем новеньком «Лексусе» в муниципальный аэропорт Петалума, сел в одномоторный самолет и врезался на нем в гору Сонома, оставив за собой в СМИ небольшую волну паники на тему сексуальных преступлений против детей и суицида.

Здесь, в отличие от примера, с которого я начал эту книгу, имена и характерные детали не были изменены. Бася хочет, чтобы ее история была рассказана.

Когда Бася наблюдалась у психолога, ее стремление к отрицанию и нивелированию своих проблем сделало практически бесполезными тесты, основанные на самоотчетности. Она занижала симптомы в процессе работы с детским контрольным списком травматических симптомов, Индексом депрессии Бека, Шкалой безнадежности Бека, Шкалой выявления детского беспокойства и Шкалой детской самооценки Пирса–Харриса, а также в разговорах с психологом сказала, что не испытывает к Гринбергу ни хороших, ни плохих чувств, и утверждала, что эти события остались позади и она предпочла бы их не обсуждать. Лишь два теста дали правдоподобные результаты. Ее коэффициент интеллекта, измеренный по детской шкале интеллекта Векслера (*Wechsler Intelligence Scale for Children* или *WISC-III*), был чрезвычайно высоким. А ее оценки Роршаха выявили эмоциональное бегство, наличие меньшего количества психологических ресурсов, чем можно было подумать

исходя из ее поведения, и глубокое повреждение чувства самоидентификации.

Ее первый ответ на карточку I — ответ, который часто интерпретируется как выражение отношения к самому себе, — был чем-то поверхностным и обычным, но в то же время достаточно искаженным. В этой карточке часто видят летучую мышь, хотя и не так часто, как в пятой. Бася же увидела летучую мышь с дырявыми крыльями: «Смотрите, вот голова, крылья, но они все испорчены, покрыты дырками. Похоже, кто-то напал на летучую мышь, и это печально. Крылья обычно выходили отсюда. Сейчас образ кажется нарушенным по сравнению с тем, каким он должен быть». Остальная часть теста, ответы и оценки, подтвердили это первое впечатление. Обследовавшая девочку психолог написала в своих заметках: «Очень разбита и изо всех сил держится за свою защитную оболочку изощренности». В отчете было сказано, что Бася «явно эмоционально разбита в результате травмирующих обстоятельств, несмотря на ее внешнее спокойствие и возражения в пользу обратного».

Бася в конце концов подала судебный иск о выплате компенсации за ущерб из состояния покойного Гринберга, а четыре года спустя дело дошло до суда. Юристы Гринберга пытались использовать против нее то, что ранее она преуменьшала и отрицала неприятные факты. Затем психолог прочитала присяжным Басины ответы на тест Роршаха.

Чтобы быть убедительными в суде, доказательства должны быть достоверными, но и яркими. Судебным психологам приходилось разбираться с техническими дебатами вокруг теста Роршаха, чтобы суметь должным образом отреагировать на критику, подобную той, что содержится в книге «Что не так с тестом Роршаха?», но они должны уметь избегать втягивания в эти дебаты в принципе. Исследования показывают, что клинические мнения в повседневной речи более убедительны, чем статистические или методологические подробности. Парадоксально, но чем более количественно впечатляющими и экспертными являются показания, тем они более скучны, и присяжные, придя в недоумение, отклонят их или проигнорируют.

Басина грустная летучая мышь с рваными крыльями заключала в себе зерно истины, — она позволила присяжным преодолеть защитную завесу девочки и прикоснуться к ее внутренней жизни, ее настоящему опыту. Это не волшебство. Никто из тех, кто смотрел на Басю и был уверен, что девочка

лжет или фальсифицирует, не изменил своего мнения благодаря результатам теста или чему-то еще. Однако то, что Бася увидела в чернильном пятне, рассказало им ее историю. Это помогло людям в судебном зале увидеть ее глубоко и ясно, таким образом, которого другие свидетельства обвинения предоставить не могли.

Ни один аргумент, ни один тест, ни одна техника или уловка не смогут ничего поделать с тем фактом, что разные люди воспринимают мир по-разному. Именно эти различия делают нас людьми, а не машинами. Но наши способы видения сходятся — или не сходятся — при взгляде на что-то по-настоящему объективное. Интерпретация, как настаивал Роршах, не является воображением. Он создал свои загадочные чернильные пятна во времена, когда было легче поверить, что рисунки могут выявить психологическую правду и коснуться самых глубоких реалий нашей жизни. И на протяжении всех переосмыслений и переработок теста эти пятна оставались неизменными. Ответ на вопрос «Что вы видите?» существует, когда вы смотрите, причем вместе, на что-то, что находится прямо перед вами.

ПРИЛОЖЕНИЯ

СЕМЬЯ РОРШАХ, 1922–2010

После смерти Германа Роршаха в 1922 году Ольге разрешили остаться в Геризау. Она работала там доктором и ранее, пока еще жив был Герман, но только в те периоды, когда директор Коллер был в отъезде. Теперь ей предложили должность в «Кромбахе», но лишь в качестве администратора, поскольку у нее не было швейцарских верительных грамот, она казалась «чужой» пациентам и «имела меньше авторитета как врач», чем мог бы иметь мужчина. Эта позиция была упразднена 24 июня 1924 года, вскоре после ее сорок шестого дня рождения.

По словам Ольги, за всю свою жизнь Герман заработал на тесте всего двадцать пять франков. За скромную сумму, выплаченную по страховке жизни Германа, Ольга смогла купить дом в близлежащем Тойфене и оборудовала там небольшую домашнюю клинику, в которой она могла бы единовременно содержать и наблюдать двоих-троих пациентов. Контракт Германа с Эрнстом Бирхером предусматривал выплату авторских отчислений за «Психодиагностику» начиная со второго издания, которое состоялось лишь в 1932 году. Процесс затянулся отчасти по той причине, что в 1927 году Эрнст Бирхер обанкротился. Его бывший сотрудник Ганс Губер, который помогал с печатью оригинальных пятен Роршаха, сумел выкупить права и перезапустить бизнес под названием *Hans Huber Verlag* — ныне эта компания называется *Hogrefe*, и она продолжает выпускать тест Роршаха. Ольга вела одинокую и нестабильную жизнь, воспитывая двоих детей, и редко имела время для занятия медициной. Она не вышла повторно замуж и умерла в 1961 году в возрасте восьмидесяти трех лет. Лиза, которой на момент смерти матери было сорок четыре года, жила с Ольгой до самого конца, изучая английский и романские языки в Цюрихском университете и работая учительницей. Она никогда

не была замужем и скончалась в 2006 году в возрасте восьмидесяти пяти лет. Вадим изучал медицину в Цюрихе, в конце концов открыл психиатрическую практику и умер в 2010 году, в девяносто один год. У Роршаха не было внуков. 26 июня 1943 года на девяносто девятой конференции Швейцарского психиатрического общества, проходившей в Мюнстерлингене, где, на берегу Боденского озера стоял их первый семейный дом, шестидесятипятилетняя Ольга Роршах-Штемпелин выступила с лекцией под названием «Жизнь и характер Германа Роршаха». Биографическая информация из первой половины ее лекции была неоднократно использована на протяжении этой книги; вторая часть приведена здесь полностью.

Характер Германа Роршаха

Развитие Германа Роршаха проходило на научной основе, но его отношение к жизни, к людям, к миру было эмоциональным. Он был очень уравновешен, добр, гармоничен и приветлив. Он не любил проблемы и конфликты в человеческих взаимоотношениях — практически инстинктивно отвергал раздражающих людей, неприятные явления или противоречивые решения. Он всегда искал единства и ясности.

В повседневной жизни он был скромным и простым, непритязательным и неумелым, «вечным студентом»; безвредным и очень невнимательным к практическим вещам; неамбициозным, похожим на фольклорного рыцаря Парсифаля. На протяжении всей жизни он сохранял мальчишескую тягу к приключениям и стремление заниматься всем на свете. Он всецело жил настоящим, имел хорошее чувство юмора и ценил чувство юмора в других людях.

Он много двигался, был чаще всего оживлен и сам относил себя к типу «человек-движение». У него были очень глубокие чувства к друзьям, которые он, как правило, сдерживал. Он без остатка отдавал себя лишь немногочисленным членам своей семьи. Был верен собственному чутью, а не общепринятому мнению. Он считал, что чувство глубокого уважения — главная, решающая добродетель человечества, и оценивал людей исходя из того, присутствовало ли в них это качество или отсутствовало. Он был религиозным человеком, но не фанатично верующим, и безразличным к официальной церкви.

Больше всего его интересовало, как разум или душа проявляли себя в человеческой динамике. Из этого вырос его большой интерес к религиям, их основателям и тому, какими они были; он интересовался мифами, сектами и фольклором. Он видел во всех этих вещах проявления человеческого творческого и динамичного духа. Он видел своим внутренним взором подземную реку человечества, протекавшую сквозь всю историю, — от древних греков, через романтическую эпоху и до нас, от Диониса до Антона Унтернерера и Распутина, от Иисуса Христа до Франциска Ассизского. Он часто повторял строки из Готфрида Келлера: «Пейте, очи, сквозь ресниц гряду мира золотую череду». Как он чувствовал эту череду, это изобилие мира! История как путь человечества сквозь борьбу идей и трансформации формы очень интересовала его. С его ярко выраженной склонностью к синтезированию, он всегда искал идею, связывающую между собой вещи и события. Он не понимал экономику и не интересовался ею, не интересовался и деньгами, был безразличен к мирским благам.

Он любил природу, мир гор. Не был, конечно, альпинистом, но каждый год выкраивал время, чтобы отправиться в горы. Находясь там, он предпочитал не говорить много. Он любил краски, его любимым цветом был голубой. Его отношение к музыке отчетливо эмоциональное, он любил музыку жанра лид и романтиков. В рисовании он, с одной стороны, предпочитал романтиков, таких как Швинд и Шпицвег, а с другой — восхищался Ходлером за то, как тот представлял движение, и Бёклином — за его цветовую палитру, хотя и находил его «мертвым». Он ценил портретистов, особенно русских. В театре предпочитал трагедиям и драмам бодрые комедии. Любил ходить в кино, считая это искусство интересным прежде всего из-за свойственного ему богатства выразительной мимики и жестов.

Он был не особенно хорошо начитан, если не считать специализированной литературы из его профессиональной области. Но тихими вечерами во время жизни в клинике он много читал со своей женой Эмиля Золя, «философа жизни». Однако по причинам медицинского характера он избегал Стриндберга. Он любил Иеремию Готхельфа, Готфрида Келлера и Толстого, — их он считал «величайшими художниками». Его особенно интересовал Достоевский, вдохновенный и динамичный, с его философской проблематикой, поисками Бога

и проблемой Христа. Конечно, он читал русских писателей в оригинале. Планировал написать статью о Достоевском, но так и не сделал этого.

Его отношение к Фрейду не было «ортодоксальным», то есть он принимал не все и видел психоанализ просто как еще один метод медицинской терапии, показанный в определенных ситуациях. Он решительно выступал против доминирующей тенденции своего времени — применять психоанализ к любому вопросу жизни и даже к писателям, в чем он видел риск кастрации человеческого духа, принижения и удаления биполярности и необходимого присутствия какого бы то ни было динамизма. Сам он никогда не подвергался психоанализу и со смехом отклонял любые подобные предложения от друзей-психоаналитиков.

В женщинах он ценил женственность, «благородство сердца», доброту, хозяйственность, смелость в повседневной жизни, бодрость духа. Ему не нравились суфражистки, а также женщины, интересы которых лежали исключительно в интеллектуальной области. Он не слишком много времени потратил на изучение философии и считал это своим упущением. Он любил говорить, что начнет изучать философию только после того, как ему исполнится сорок. Однако он занимался изучением гностицизма.

Жители Берна привлекали его гораздо больше, чем остальные швейцарцы. Он считал их заряженными динамикой, ему нравились их приземленность и «укорененность». Его любимым городом в Швейцарии, впрочем, был Цюрих, поскольку он мог предложить больше, чем любой другой из швейцарских городов, и еще потому, что там прошла его юность. Во время отпусков он наслаждался отдыхом в кантоне Тичино.

Герман Роршах работал с удивительной легкостью, будто играючи, и был чрезвычайно продуктивен. Секрет его продуктивности заключался в том, что он постоянно перемещался между разными видами деятельности. Он никогда не работал часами над какой-нибудь одной вещью, любил переключаться с интеллектуальной работы на ручной труд и обратно. Никогда не работал по вечерам, которые полностью посвящал своей семье; никогда не работал во время отпусков, которые были предназначены исключительно для отдыха, для наслаждения комфортом. Эта смена задач, переход от интеллектуального творчества к работе по дереву или чтению, помогала ему вос-

становиться, освежала его разум и восприимчивость. Он также любил принимать гостей, но не незваных и не тех, кто задерживался надолго. Многочасовые разговоры на одну и ту же тему утомляли его, даже если эта тема была ему интересна.

Свою книгу «Психодиагностика» он рассматривал как ключ к пониманию людей и их способностей, а также к пониманию культуры, деятельности человеческого духа. Он смотрел далеко вперед и видел в будущем расширение метода и возможность понять *природу взаимосвязи* (своего рода синтез) и человека как такового. Он редко изъяснялся в подобных терминах. Для него «Психодиагностика» не являлась уже законченным кристаллом — это было только начало. Он видел это в стадии зарождения, в потоке, как исследование и поиск. Он надеялся найти людей, которые будут работать с ним, найти последователей — но, в силу своей скромности, не говорил об этом в открытую. Для него книга была уже «устаревшей». Имея внутри безграничный запас творческих сил, он уже получил намного больше информации, чем заключала в себе письменная версия.

Он знал, что его метод не имеет какой-либо теоретической основы, поэтому главный упор в первом издании книги был сделан на «предварительную необходимость» недвусмысленных определений терминов и понятий, введенных им. У него были серьезные опасения насчет того, что он слишком широко популяризировал свой метод, поскольку он видел, что тест может быть упрощен до уровня «гадательной машины». Он уже был обеспокоен склонностью Г. Рёмера (который, вопреки его утверждениям, никогда не сотрудничал с Германом Роршахом) направить его метод в другое русло. Такой процесс он рассматривал не как дальнейшее развитие, а как разветвление и фрагментацию, которые могли вызвать только недоразумения. Даже за три дня до своей смерти он говорил на эту тему и страдал от этой мысли.

После смерти Германа Роршаха Эйген Блейлер написал мне: «Ваш муж был гением». Не мое дело — как его жены — делать подобные заявления, но я всегда четко знала, что делю свой жизненный путь с одаренным, уникальным, необычайно гармоничным и невероятно привлекательным человеком, обладающим интеллектуальным дарованием и богатым артистическим духом. Он упорно расширял свой Тип Восприятия от интроверсии к растущей экстраверсии. Таким образом он

достиг завидного баланса, и о нем можно отчасти говорить как об *амбивалентном* человеке. Очевидно, сам он этого не осознавал.

Я хотела бы завершить выступление его собственными словами (из письма к Г. Рёмеру), чтобы донести то, как он понимал этот баланс: «Человек, который “по-настоящему жив”, идеальный человек, является амбивалентным: он может переходить от интенсивной интроверсии к обширной экстраверсии. Идеальный человек — это гений. Может показаться, что это значит, будто гений — то же самое, что обычный человек! Но, вероятно, в этом есть доля правды». В этом смысле Герман Роршах был обычным человеком.

Силуэт Роршаха, автопортрет

БЛАГОДАРНОСТИ

Когда я начал писать эту книгу, биографический след Германа Роршаха, казалось, уже затерялся в пыли. Его дети, которым было два и четыре года, когда Герман умер, скончались в 2006 и 2010 году. Семья защищала неприкосновенность частной жизни, и многие материалы личного характера были уничтожены. Подборка писем Роршаха, опубликованная в 2004 году, опускала такого рода информацию, а в письмах и дневниках из архива многие страницы пропали или были замараны.

Архив и музей Германа Роршаха в швейцарском Берне представляли собой чрезвычайно скромные помещения на первом этаже многоквартирного дома с несколькими стеклянными шкафами, в которых были выставлены его кепка с надписью «*Klex*», черновики чернильных пятен и несколько рисунков. Им удалось убедить наследников пожертвовать музею весь сохранившийся материал, но там не было ничего, кроме памятных вещиц и безделушек.

Вскоре этот остывший след начал казаться почти проклятым. В 2012 году пожар уничтожил верхний этаж здания, в котором располагался архив Роршаха, и вода из автоматической системы пожаротушения нанесла ущерб помещениям во всем здании. Архив, к счастью, уцелел, но был перенесен в библиотеку Бернского университета, где публичный доступ к нему был закрыт окончательно. Автор первой истории «чернильного» теста, которая обильно черпала из архивных материалов, Наама Акавиа, умерла от рака в 2010 году; Кристиан Миллер, соредактор публикации писем Роршаха и автор многочисленных заметок о Роршахе, планировавший написать его объемную биографию, умер в 2013 году. В отдаленных закоулках Интернета я обнаружил десятистраничный очерк о Роршахе, датированный 1996 годом, из которого следовало,

что «первая полномасштабная биография Германа Роршаха, основанная на ранее не публиковавшемся материале», находится «в стадии подготовки» автором Вольфгангом Шварцем. Эта биография никогда не была опубликована, а Шварц скончался в 2011 году.

Я запросил в архиве папку с надписью «Переписка с Вольфгангом Шварцем». Самое раннее письмо, устанавливавшее контакт, было датировано 1959 годом, а письмо Лизы от 4 сентября 1960 года посвящено организации встречи Шварца с семьей: Лизой, Вадимом и Ольгой. Шварц, американец немецкого происхождения, родился в 1926 году, а в 1946 наткнулся на «Психодиагностику» в библиотеке своего университета. Получив первый в истории медицины грант от Национального института здравоохранения, он разыскал и проинтервьюировал всех, кого только смог найти и заинтересовать, и перевел все материалы. Шварц работал психиатром в течение 62 лет и воспитал восьмерых детей. Он переписывался с сестрой Германа Анной, которая дожила до 1974 года. Самым заманчивым документом в этом архиве был девятнадцатистраничный план с оглавлением для его книги «Герман Роршах: жизнь и работа», где имелась надпись, сделанная рукой Лизы: «Наконец-то закончено, в январе 2000 года, идут поиски издателя».

Одним жарким июньским вечером 2013 года я сидел за столом в гостиной дома Сьюзан Декер Шварц в пригороде Нью-Йорка Территауне, а передо мной стояла большая металлическая коробка. В ней, как она сказала, находилась работа всей жизни ее покойного мужа. Она не вдавалась в подробности и не знала немецкого. Он потратил десятки лет, охотясь даже за самыми малозначительными фактами из жизни Роршаха, но никому не показывал результат.

В коробке лежали сотни семейных фотографий Роршаха, писем, рисунков — копий и оригиналов. Там были протоколы тестов, написанные почерком Германа, и первое отпечатанное издание чернильных пятен. Большая часть материала дублировала то, что я уже видел в архивах Берна, но многое было новым, в том числе некоторые из самых ярких семейных фотографий и длинное письмо Ольги к брату Германа, описывающее последние дни ее мужа. Рядом с металлической коробкой стояла хозяйственная сумка с тысячестраничной распечаткой рукописи Шварца. Шварц говорил своему сыну об архиве в Швейцарии: «половина у них, а другая половина —

у меня». Под конец того вечера архивов Германа Роршаха было два: один в Берне, а второй — в моей квартире.

Позже Сьюзан Шварц нашла два больших пластиковых контейнера, в которых находилась сама суть исследования Вольфганга: 362 страницы заметок из его интервью. Он разыскал для беседы коллег Роршаха, его лучшего школьного друга, их с Ольгой домработницу, вдову Конрада Геринга, вместе с которым Роршах сделал свои первые диагностические чернильные пятна, женщину, которая находилась с Ольгой в одной комнате, когда сообщили, что Герман умер. Рукопись, однако, почти полностью состояла из переводов писем и документов Роршаха. Шварц хотел, чтобы Роршах говорил сам за себя, и чем больше он находил, тем больше ему хотелось донести это до читателя. Труд не был оформлен как полноценная биография, но это была удивительная подборка уникальных исследований.

Я очень благодарен вдове и детям Вольфганга Шварца за то, что они дали мне доступ ко всему этому материалу и разрешили использовать его. Теперь эти документы переданы в архив Роршаха, чтобы и другие могли получить к ним доступ.

Я хотел бы также поблагодарить многих других людей и организации, которые сделали для меня возможным написание этой книги. Свою поддержку предоставили мне Центр Леона Леви для биографов при отделении аспирантуры Городского университета Нью-Йорка и Центр для писателей и ученых Дорис и Льюиса Б. Куллманов. Особенно многим я обязан Гэри Гиддинсу и Майклу Гейтли из Центра Леви; Джину Строусу, Мэри д'Оригни, Полу Делавардачу, Кейтлин Кин и Джулии Пагнамента в центре Куллманов, а также многим другим вдохновлявшим меня товарищам. В Швейцарии — Рите Зигнер и Урсу Герману из бернского архива Роршаха; Биту Освальду, Эриху Троху и их коллегам из Государственного архива кантона Тургау в швейцарском Фрауэнфельде; Гансу Рупрехту и Марианн Аданк, славным хозяевам из Берна, у которых я гостил в 2010; конференции *Walser Weltweit* 2013 года, на которой я и другие переводчики из бюро Роберта Вальсера, приехавшие со всего мира, смогли осмотреть Геризау; Раймундасу Маласаускасу и Барбаре Моска, которые пригласили меня поговорить о Германе Роршахе на летнюю конференцию в Центре Пауля Кли в Берне; и Рето Соргу, за доброту и щедрость на очень многих фронтах. Редакторы Аманда Кук, Доменика

Алиото и Меган Хаузер из команды *Crown* и Эдвард Орлофф, мой агент из литературного агентства *McCormick*, проделали огромный объем работы над книгой человека, который впервые занимался написанием повествовательной нехудожественной литературы, и сделали ее тем, что она есть, за что я очень им очень признателен; спасибо также Джону Дарга и остальной команде *Crown*, особенно дизайнеру Елене Гиавальди, за создание столь прекрасного продукта. Джей Лейболд, Скотт Хамра и Марк Кротов вычитывали текст по мере его создания — они, а также многие другие друзья, оказали ценную помощь и поддержку.

Эта книга посвящается Даниэле и Ларсу, потому что всю жизнь они учили меня видеть.

ПРИМЕЧАНИЯ

Сокращения

Архивы

HRA: (*Archiv und Sammlung Hermann Rorschach*) Архив Германа Роршаха, Берн, Швейцария; коллекция материалов, имеющих отношение к Герману Роршаху, если не указано иное.

StATG: (*Staatsarchiv Thurgau*) Государственный архив в Тургау, Фрауэнфельд, Швейцария.

WSA: (*Wolfgang Schwarz Archive*) Архив Вольфганга Шварца, ныне переданный в *HRA*, чтобы быть каталогизированным и доступным.

WSI: интервью Вольфганга Шварца с [*имя*], процитированные по заметкам *WSA* и выправленные для ясности и точности.

WSM: (*Wolfgang Schwarz's Manuscript*) неоконченная рукопись Вольфганга Шварца, бóльшая часть которой состоит из переводов писем Роршаха на английский.

Ключевые работы Роршаха

PD: *Psychodiagnostics: A Diagnostic Test Based on Perception* (Bern: Hans Huber, 1942; 6th ed.). В оригинале: *Psychodiagnostik: Methodik und Ergebnisse eines wahrnehmungsdiagnostischen Experiments* (*Deutenlassen von Zufallsformen*) (*Ernst Bircher*, 1921; расширенное 4-е издание; *Hans Huber*, 1941). Перевод плохой, и мне пришлось перевести заново практически все цитаты, но номера страниц в моих примечаниях приводятся по английскому изданию.

Fut: единственным к настоящему времени опубликованным на английском языке текстом Роршаха, помимо «Психодиагностики», является «Психология футуризма» (*The Psychology of Futurism*); приведен в книге Наамы Акавиа (см. далее 174–186). Здесь я также обратился к немецкому оригина-

лу и поправил переводы (*HRA* 3:6:2; я сверялся с транскрипцией Акавии *Zur Psychologie des Futurismus* в режиме онлайн: www.history.ucla.edu/academics/fields-of-study/science/RorschachZurPsychologiedesFuturismus.pdf).

На немецком

CE: [Collected Essays] — «Избранные эссе», ed. K. W. Bash (Hans Huber, 1965)

Дневник: 3 сентября 1919 года — 22 февраля 1920 года (*HRA* 1:6:6).

Черновик: «Исследование восприятия и понимания здоровых и больных», с подзаголовком «Черновик 1918 года», добавленным позднее с помощью другой печатной машинки, август 1918 года (*HRA* 3:3:6:1).

L: [Letters] — письма. *Briefwechsel*, ed. Christian Müller, Rita Signer (Hans Huber, 2004); эта подборка, составленная, когда дети Роршаха были живы, содержит письма и фрагменты писем, которые были признаны «просто личными».

Небольшие группы писем опубликованы в *Hermann Rorschachs Briefe an seinen Bruder*, ed. Christian Müller, Rita Signer (*Luzifer-Amor: Zeitschrift zur Geschichte der Psychoanalyse* 16 [2005], 149–157); Georg Roemer, *Hermann Rorschach und die Forschungsergebnisse seiner beiden letzten Lebensjahre* (*Psyche* 1 [1948], 523–42); *CE*, 74–79; Anna R., 73–74. Некоторые из писем были переведены в *WSM* (переводы исправлены мной), а оригиналы — либо также включены в *WSA*, либо утрачены.

Все письма от Роршаха и к нему процитированы по датам написания, вне зависимости от того, где и когда они были опубликованы. *HRA* является источником этих публикаций и единственным ресурсом для исследователей, включая в себя теперь и *WSA*.

Ключевые труды о Роршахе

Немного существует представляющих интерес нетехнических работ, посвященных Герману Роршаху и его тесту. Главные источники перечислены ниже.

Akavia: Naama Akavia, *Subjectivity in Motion: Life, Art, and Movement in the Work of Hermann Rorschach* (*New York: Routledge*; датировано 2013 годом, на самом деле опубликовано в 2012 году).

Ellenberger: Henri Ellenberger, «Hermann Rorschach, M.D., 1884–1922: A Biographical Study» *Bulletin of the Menninger Clinic* 18.5 (*Sep-*

tember 1954): 171–222, более доступно в *Beyond the Unconscious: Essays of Henri F. Ellenberger in the History of Psychiatry* (*Princeton: Princeton University Press,* 1993), 192–236; эта версия является сокращенной, и не все удаленные фрагменты в ней упомянуты. В моих примечаниях приведены номера страниц из версии Bulletin. Немецкий перевод в *CE* (с. 19–69) был «слегка видоизменен и расширен К. Ф. Бахом на основании замечаний Анны Берхтольд-Роршах, с разрешения автора». Материал не на английском языке процитирован из *CE*.

ExCS: John E. Exner Jr., *The Rorschach: A Comprehensive System*, imp. 1. За исключением отдельно указанных случаев, годы приведены, чтобы дать понять, о каком именно издании идет речь.

ExRS: John E. Exner Jr., *The Rorschach Systems* (*New York: Grune and Stratton,* 1969).

Galison: Peter Galison, «*Image of Self*» in *Things That Talk: Object Lessons from Art and Science,* ed. Lorraine Daston (*New York: Zone Books,* 2008),

Wood: James M. Wood, M. Teresa Nezworski, Scott O. Lilienfeld, Howard N. Garb, *What's Wrong with the Rorschach? Science Confronts the Controversial Inkblot Test* (*San Francisco: Jossey-Bass,* 2003).

На других языках

Anna R.: Anna Berchtold-Rorschach, «*Einiges aus der Jugendzeit*» *in CE*, 69–74.

ARL: Anna Berchtold-Rorschach, «*Lebenslauf*» *September* 7, 1954 (*HRA* Rorsch ER 3:1).

Blum/Witschi: Iris Blum, Peter Witschi, eds., *Olga und Hermann Rorschach: Ein ungewohnliches Psychiater-Ehepaar* (Herisau: Appenzeller Verlag, 2008), особ. *Blum* (58–71, 72–83), Witschi (84–93), и Brigitta Bernet, Rainer Egloff (108–20).

Gamboni: Dario Gamboni, «*Un pli entre science et art: Hermann Rorschach et son test*» in *Autorität des Wissens: Kunst-und Wissenschaftsgeschichte im Dialog,* ed. Anne von der Heiden, Nina Zschoke (Zűrich: Diaphanes, 2012), 47–82.

Morgenthaler: Walter Morgenthaler, «*Erinnerungen an Hermann Rorschach: Die Waldau-Zeit*» (1954), в *CE,* 95–101.

Olga R.: *Olga Rorschach-Shtempelin,* «*Uber das Leben und die Wesensart von Hermann Rorschach*» *в CE,* 87–95*;* вторая часть приведена в приложении выше.

Schwerz: *Franz Schwerz, «Erinnerungen an Hermann Rorschach»* (*Thurgauer Volkszeitung,* в четырех выпусках, ноябрь 7–10, 1955).

Журналы

JPA *Journal of Personality Assessment,* преемник

JPT *Journal of Projective Techniques,* продолживший начинание

RRE *Rorschach Research Exchange*, журнала Бруно Клопфера (*Bruno Klopfer*).

От автора

«простая ознакомительная демонстрация чернильных пятен»: см. Gregory J. Meyer et al., *Rorschach Performance Assessment System: Administration, Coding, Interpretation, and Technical Manual* (*Toledo, OH: Rorschach Performance Assessment System,* 2011), 11. См. примечания к главе 22.

Введение. Гадание на чайной гуще

Виктор Норрис: Кэролайн Хилл, интервью, январь 2014 года.

На вопросы, которые он задавал: это сценарии, взятые из стандартного руководства по тесту Роршаха, инструктирующие тестировщиков относительно того, как отклонять вопросы: *ExCS* (1986), 69, цит. по: Galison, 263–64.

получил характеристики «порочный» и «вспыльчивый»: Elizabeth Weil, «*What Really Happened to Baby Johan?*», *Matter, February 2,* 2015, *medium.com/matter/what-really-happened-to-baby-johan-*88816*c*9*c*7*ff*5.

Один кинокритик: David DeWitt, «*Talk About Sex. Have It. Repeat*», *New York Times,* 31 мая 2012 года.

«пространственный ритм»: *PD*, 15.

Си Ло Грин вспоминал: «Gn*ARL*s Barkley: Crazy», сайт *Blind* — www.blind.com/work/project/gn*ARL*s-barkley-crazy.

«Образ действия и личность»: Вальтер Моргенталер, «Предисловие ко второму изданию» в *PD*, 11.

«высоким и худощавым блондином»: Ellenberger, 191.

Глава 1. Все начинает двигаться и жить

Декабрьским утром: эта вымышленная сцена основана на письмах, фотографиях и привычках Роршаха. «Типичные игры германо-швейцарских детей»: Рето Сорг, Центр Роберта Вальсера в Берне, отделение личностной коммуникации (2012).

их предки: Гейни Роршах, 1437; Йорни Виденкеллер, 1506; детальные описания начинаются с Ганса Роршаха, р. 1556, и Балтазара Виденкеллера, р. 1562 (*HRA* 1:3; Ellenberger, *CE*, 44).

Герман родился: *HRA* 1:1.

Дела в школе искусств Ульриха шли прекрасно: *WSM*, цитируя расшифровки записей Анны и Ульриха. Ульрих преподавал в начальной школе (ученикам от 7 до 12 лет), и в реальном училище (с 12 до 14 в академическом отделении, готовящем к поступлению в гимназию детей в возрасте от 12 до 16; за гимназией следовало введение в профессию).

Шаффхаузен маленький: население 11 795 человек в 1880 году, сегодня примерно в три раза больше.

«На берегах»: *Schaffhausen und der Rheinfall,* Europaische Wanderbilder 18 (Zűrich: Orell Füssli, 1881), 3.

«Водяная пена обильно падала на нас»*:* Мэри Шелли, «Прогулки в Германии и Италии», *Rambles in Germany and Italy in* 1840, 1842 *and* 1843 (London: Edward Moxon, 1844), 1:51–52

«Тяжелая водяная глыба»*: Schaffhausen und der Rheinfall,* 28.

Дом был более вместительным: эта информация получена от Анны; *WSM*, цитата из интервью с Анной, 1960; *Ellenberger*, 175–177.

«мог подолгу смотреть в одну точку»: *WSI* Фанни Сотер.

«Я все еще могу ясно представить этого всегда готового помочь человека»: Schwerz.

небольшая подборка: *Feldblumen: Gedichte fur Herz und Gemuth* (*Arbon: G. Rudlinger*, 1879), антология местных куплетов, типичное развлечение того времени, где восемь из двадцати семи текстов написаны Ульрихом

стостраничный очерк: *HRA* 1:7.

более серьезные симптомы: *WSI* Регинели. Неясно, какое это было заболевание. В *WSM* Вольфганг Шварц предполагает болезнь Паркинсона или «разновидность энцефалита».

Когда … Ульриха не стало: в некрологе Ульриха говорится: «Он был не только художником, но также и философом, посвятившим много времени размышлениям над вопросами мироздания... У него была душа настоящего художника, и, возможно, он обрел бы величайший успех в художественной работе, однако у него не было средств, чтобы начать серьезное обучение и путешествовать для повышения квалификации. Он чувствовал себя слишком связанным обязательствами по материальному обеспечению своей семьи. Несмотря на то что работа в школе оставляла мало свободного времени, самообучение дало ему достаточную базу знаний и соединило их с его искусной творческой жилкой. Единственное, чего недоставало Роршаху, — уверенности в себе, умения «вертеться» и быть решительным в своем внешнем поведении. Он не знал, как реализовать свои таланты и способности». Ульрих «всегда был готов оценить достижения других людей» (*Schaffhauser Nachrichten*, 9 июня 1903 года).

«Боюсь, что»: к Анне, 31 августа 1911 года.
«Я думаю об отце и матери»: к Анне, 31 января 1910 года.
«шаффхаузенский образ мыслей»: к Анне, 24 января 1909 года.

Глава 2. Клякса

Швейцарско-немецких студенческих братствах: *WSM*; *WSI* Теодор «Дымоход» Мюллер и Курт Бахтольд; 100 *Jahre Scaphusia*: 1858–1958, под редакцией того же Курта Бахтольда (Schaffhausen, 1958); 125 Jahre Scaphusia (Schaffhausen, 1983); журнал братства «Скафузия», посвященный его деятельности, и его общественный скрапбук (*HRA* 1:2).

Роршах посещал: этот фрагмент из: Anna R.; Schwerz; *WSI* Регинели и бывшие товарищи по школе.

зубная боль: *CE*, 133.

«Женская эмансипация»: *HRA* 1:2:1; см. также Blum/Witschi, 60.

На одном из рисунков: на том рисунке изображен Герберт Хауг, товарищ Роршаха по «Скафузии» в гимназии Шаффхаузена, смотрящий на изображение молодой женщины, в то время как черная собака угрожающе смотрит на зрителя. Под картинкой расположено стихотворение, которое выражает мечтательную меланхоличность Хауга. Он утонул несколько лет спустя, и, вероятно, это было самоубийство (письмо к Анне от 31 октября 1906 года, также в *WSM*).

Эрнст Геккель*:* Robert J. Richards*, The Tragic Sense of Life: Ernst Haeckel and the Struggle over Evolutionary Thought* (Chicago: University of Chicago Press, 2008)*,* 2–4; Philipp Blom*, The Vertigo Years: Europe,* 1900–1914 (New York: Basic Books, 2008), 342. Геккель также создал волновую теорию о наследственности через протоплазму, которая решающим образом повлияла на формирование концепции Ницше о воле к власти: «жизнь рождается из периодических вибраций, сохраненных в крошечных материальных структурах протоплазмы... скрупулезный механический подход к вопросу наследственности» (Robert Michael Brain*, «The Pulse of Modernism: Experimental Physiology and Aesthetic Avant-Gardes circa* 1900»*, Studies in History and Philosophy of Science* 39.3 [2008]: 403–404 и примечания).

Начинающий пейзажист*:* Irenaus Eibl-Eibesfeldt, «*Ernst Haeckel: The Artist in the Scientist*» в *Haeckel, Art Forms in Nature: The Prints of Ernst Haeckel* (Munich: Prestel, 1998), 19.

Дарвин восхищался Геккелем*:* Richards, *Tragic Sense of Life,* 1, 262.

визуальным словарем для направления ар-нуво*:* Olaf Breidbach, «*Brief Instructions to Viewing Haeckel's Pictures*» в *Haeckel, Art Forms,* 15.

книга стояла на видном месте в каждом доме: книгу «доставали с полки при любой подходящей возможности, с гордостью по-

казывали, изучали, даже восхищались ею», как дети, так и старики (*Richard P*. Hartmann, предисловие к Haeckel, *Art Forms*, 7).

предельно атеистической наукой*:* Richards, *Tragic Sense of Life,* 385. Он пишет, что биологи сегодня верят в Бога меньше, чем ученые любых других областей: 5,5 % против 39,3 % научной элиты в целом, и 86 % граждан США. 94 % из них верят в некую «высшую силу». Исследование 1914 года демонстрировало те же показатели.

«Твои опасения»: письмо от Геккеля, 22 октября 1902 года.

По воспоминаниям нескольких человек: Anna R., 73; Olga R., 88; Morgenthaler, «*Hermann Rorschach*» в *PD,* 9*;* Ellenberger, 177. «Этот смелый шаг — обратиться за советом к известному человеку — характеризует Роршаха»: *L*, 25, примечание 1. «Сомнительно, что Роршах полностью доверил выбор своей профессии незнакомцу... Большинство поступков Роршаха, как следует из его переписки, были преднамеренными и заранее обдуманными»: *WSM*. В 1962 году Дом Эрнста Геккеля в немецком городе Йена сообщил Шварцу, что письмо от Роршаха к Геккелю не было найдено в архивах.

Глава 3: Я хочу читать людей

закончил школу: Роршах выпустился из школы, будучи четвертым по успеваемости в классе, и был разочарован своим результатом, но его учитель сказал, что он недостаточно заявлял о себе. Друг Роршаха, Вальтер Им Хоф, отзывчивый и разговорчивый будущий юрист, превзошел тихого хорошего слушателя и будущего психиатра: *WSI Walter Im Hof*; расшифровка, *HRA* 1:1).

уроки латыни и на французском: *WSM*.

прямо в Париж: Анна — Вольфгангу Шварцу, ответ на серию вопросов, около 1960 года, *WSA*.

«не было глупее места»: К Анне, 18 февраля 1906 года.

писал он в своем тайном дневнике: *HRA* 1:6:4.

«Всем известно»: и другие цитаты: письмо семье, 13 августа 1904 года.

«Они любят поговорить»: К Анне, 6 мая 1908 года.

Духоборы*:* Orlando Figes, *Natasha's Dance: A Cultural History of Russia* (New York: Picador, 2002), 307; Rosamund Bartlett, *Tolstoy: A Russian Life* (Boston: Houghton Mifflin, 2011), 271; Andrew Donskov, *Sergej Tolstoy and the Doukhobors* (Ottawa: Slavic Research Group, University of Ottawa, 1998), 4–5; V. O. Pashchenko, T. V. Nagorna, «*Tolstoy and the Doukhobors: Main Stages of Relations in the Late* 19*th and EARLy* 20*th Century*» (2006), *Doukhobor Genealogy Website, www.doukhobor.org/Pashchenko-Nagorna.html,* в последний раз посещено в августе 2016 года.

В 1895 году Толстой назвал: посетитель, побывавший у Толстого в 1899 году, обнаружил, что, несмотря на то, что Толстой презирал наставничество больше, чем кто-либо другой, вокруг него собралась группа, называвшая себя «коллегией кардиналов»: Владимир Чертков, Павел Бирюков и Иван Трегубов (James Mavor, *My Windows on the Street of the World* [London and Toronto: J. M. Dent and Sons, 1923], 2:70; см. также памфлет авторства Черткова, Бирюкова и Трегубова под названием «Помогите!» (*Appeal for Help*) [London, 1897]). Все трое вскоре были изгнаны из страны. Трегубов вернулся в 1905-м, и до революции занимался подстрекательством, призывая к сопротивлению, а после — работал в народном комиссариате сельского хозяйства, продолжая защищать интересы духоборов. При Сталине он дожил до 1931 года, и умер в ссылке (Heather J. Coleman, *Russian Baptists and Spiritual Revolution,* 1905–1929 [Bloomington: Indiana University Press, 2005], 200). В своем дневнике (*HRA* 1:6:4) Роршах впервые упоминает Трегубова в политическом контексте: «Вечеринка дижонских рабочих-социалистов. Вечерняя встреча с Трегубовым» (духобором). Дальнейшие цитаты: письма к Анне, 14 апреля 1909, 21 января 1907; Anna R., 73.

осваивая различные специальности: Olga R., 88–89; Ellenberger, 197.

«Я хочу знать, как дела у моей девочки»: Anna R., 73.

«Я больше не хочу читать просто книги»: К Анне, 19 февраля 1906 года.

поступить в университет: Бюллетень о зачислении, 20 октября 1904 года, регистрационный номер 15174.

Роршах родился в Цюрихе: данный фрагмент: Schwerz; письмо семье, 23 октября 1904 года; посещение Винной площади в Цюрихе, ноябрь 2012 года.

«Посетил … две художественных выставки…»: к Анне, 22 октября 1904 года.

игравший маленькие роли в университетских постановках: Воспоминания его сына Вадима (Blum/Witschi, 85).

«Кюнстлергютли»: подробности из путеводителя Бедекера по Швейцарии (1905 и 1907 годы).

Роршах брал на себя роль лидера: воспоминание Вальтера фон Висса, в *Ellenberger*, 211.

«Я был единственным…»: к Анне, 23 мая 1906 года.

«много революционно настроенных молодых иностранцев»: включая Герцена, Бакунина, Плеханова, Радека, Кропоткина, Карла Либкнехта и молодого Бенито Муссолини (Peter Loewenberg, «*The Creation of a Scientific Community: The Burgholzli*» в сборнике *Fantasy and Reality in History* [New York: Oxford, 1995], 50–51).

дебаты в Маленькой России: «дебаты в “Маленькой России” протекали горячо, а еду подавали холодной» процитировано в работе Верены Штадлер-Лабхарт «Цюрихский университет» (*Universität Zűrich*) в сборнике *Rosa Luxemburg*, ed. Kristine von Soden, BilderLeseBuch (Berlin: Elefanten Press, 1995), 58.

обучавшихся в университете студентов: Stadler-Labhart, *Universität Zűrich*, 56, 63, примечание 2; Blum/Witschi, 74; Universität Zűrich, *Geschichte,* без даты. Опубликовано в Интернете 8 июля 2016, www.uzh.ch/about/portrait/history.html.

было просто немыслимо даже предположить: Deirdre Bair*, Jung: A Biography* (Boston: Little, Brown, 2003), 76. Эмма, несмотря на то, что она несколько лет работала помощницей своего отца, была отправлена на год в Париж, чтобы стать хозяйкой высшего класса в глазах партнеров ее отца по бизнесу, а свободное время уделять приличествующим ее статусу культурным интересам. См.: Stadler-Labhart, *Universität Zűrich* 56–57; J.*, A Most Dangerous Method: The Story of Jung, Freud, and Sabina*, 34.

нашествие полуазиатских захватчиков: Stadler-Labhart, *Universität Zűrich;* Blum/Witschi, 62–63.

«Рождественский ангел»: нем. *Christchindli* — фольклорный персонаж: маленькая девочка с колокольчиком, которая залетает в каждый дом и приносит подарки.

его презентабельный внешний вид: сосед Роршаха по комнате, Шверц, который все еще помнил эту историю 50 лет спустя, не упомянул этих подробностей в своем свидетельстве, написав только, что «художественно настроенный эстет Роршах» интересовался русской красотой, и что предметом гордости в их комнате было письмо от Толстого, которым все восхищались. Это письмо не сохранилось, но фотография Толстого с автографом была одной из вещей, которыми Роршах особенно дорожил.

Кто-то был истинным революционером ... другие были «истинно буржуазными»: Schwerz.

Сабину Шпильрейн: Bair, Jung, 89–91; Kerr, *Most Dangerous Method*; Александр Эткинд, «Эрос невозможного / История психоанализа в России» (*Eros of the Impossible: The History of Psychoanalysis in Russia, Boulder, CO: Westview,* 1997). Шпильрейн и Роршах, скорее всего, были знакомы, поскольку у них был один научный руководитель, Роршах много времени проводил с русскими, а Шпильрейн «посещала занятия каждый день, во всем была пунктуальна и почитала за честь обязанность участвовать в общественной жизни» (Loewenberg, «*Creation*», 73, цитируя Юнга).

Ольга Васильевна Штемпелин: в 1910 году Ольга написала свое отчество «Вильгельмовна» в нотариально заверенном документе, дающем ей разрешение выйти замуж. В переписке Германа

с швейцарскими властями по поводу формальностей, связанных с его браком, он также пишет ее отчество как «Вильгельмовна» (благодарю Риту Зигнер за эту информацию). Однако в составленном позднее генеалогическом древе Роршахов и многих других швейцарских документах указано отчество «Васильевна».

стало возможным благодаря военным заслугам ее прапрадеда: по дочери Германа и Ольги, Элизабет (Blum/Witschi, 73–74 и 126–139).

«Мои русские друзья…»: к Анне, 2 сентября 1906 года. Ее имя впервые упоминается в письмах в 1908 году.

«Дорогой граф Толстой»: *HRA* 2:1:15:25. Переведено и включено в данную книгу с любезного разрешения Юрия Кудинова из Государственного музея Льва Толстого в Москве.

Он был далеко не единственным: еще не написана книга о влиянии, которое русская культура оказала на западный мир перед Первой мировой войной. Русские романы и пьесы поражали воображение таких читателей, как Вирджиния Вулф, Кнут Гамсун и Зигмунд Фрейд. Русский балет был хитом сезона в Париже. Географическая необъятность страны, сочетание духовной глубины и политической отсталости порождали трепет и недовольство по всему континенту. «Толстовцы» распространялись по Европе, открывая вегетарианские рестораны и проповедуя христианское братство. Длинный список литературы на эту тему открывает роман Джозефа Конрада «Глазами Запада», действие которого происходит в России и Швейцарии около 1907 года.

Глава 4: **Необычайные открытия и беспокойные миры**

Плотный силуэт профессора: описание Августа Фореля, приведенное в Rolf Mosli, *Eugen Bleuler: Pionier der Psychiatrie* (Zűrich: Rőmerhof-Verlag, 2012), 20–21; Bair, Jung, 58; см. заметку на стр. 335, касающуюся Эйгена Блейлера.

Еще один лектор: Bair, *Jung,* 97–98; см. заметку на стр. 335, касающуюся Карла Юнга.

В первом десятилетии XX века Цюрих: самым лучшим источником по развитию современной психиатрии, центр которой располагался в Цюрихе, является книга Керра «Самый опасный метод» (J. Kerr, *A Most Dangerous Method: The Story of Jung, Freud, and Sabina Spielrein*). Включенный в нее 22-страничный «Библиографический очерк» по информативности равен небольшой библиотеке. Книга Генри Элленбергера «Открытие бессознательного» (*The Discovery of the Unconscious*), яв-

ляется наиболее детализированным и углубленным исследованием. В книге Джорджа Макари «Революция в сознании: создание психоанализа» (*Revolution in Mind: The Creation of Psychoanalysis*) — более «свежая» общая история.

«Медицина во времена Чехова…»: Janet Malcolm, *Reading Chekhov: A Critical Journey* (*New York: Random House,* 2001), 116.

экземпляр: Зигмунд Фрейд, «Толкование сновидений» — Sigmund Freud, *The Interpretation of Dreams* (*John Wiley,* 1961). В противоположность этому, крупная работа Теодора Флурнуа о бессознательном, также опубликованная в конце 1989 года, уже через три месяца переиздана в третий раз и получила восторженные рецензии в Европе и Америке как в академических журналах, так и в широкой печати (*From India to the Planet Mars: A Case of Multiple Personality with Imaginary Languages* [Princeton: Princeton University Press, 1995], xxvii–xxxi). О ревизионистском взгляде на легенду о том, что «Толкование сновидений» Фрейда было проигнорировано, см. Ellenberger, *Discovery*, 783–784.

более знаменит в окрестностях благодаря публичному дому: J. Kerr, *A Most Dangerous Method: The Story of Jung, Freud, and Sabina Spielrein*, 40.

Эйген Блейлер: Ellenberger, *Discovery*; Bair, *Jung*; J. Kerr, *A Most Dangerous Method: The Story of Jung, Freud, and Sabina Spielrein*; Makari, *Revolution in Mind*; Mosli, *Eugen Bleuler*; Daniel Hell, Christian Scharfetter, Arnulf Moller, *Eugen Bleuler, Leben und Werk* (Bern: Huber, 2001); Christian Scharfetter, ed., *Eugen Bleuler*, 1857–1939 (Zűrich: Juris Druck, 2001); Sigmund Freud, Eugen Bleuler, «*Ich bin zuversichtlich, wir erobern bald die Psychiatrie*»: *Briefwechsel,* 1904–1937, ed. Michael Schröter (Basel: Schwabe, 2012; далее упоминается как «*F/B*»). Блейлера часто описывают как властного и несносного человека, в основном потому, что таким его видел Юнг (хотя в «Самом опасном методе» Керра его описание более сбалансированно). После публикации новых материалов о Блейлере этот взгляд остался в прошлом.

«Мы знаем теперь…»: процитировано в Loewenburg, *Creation*, 47. Исправлено.

«Огромная масса»: Учебник Крепелина *Einfuhrung in die psychiatrische Klinik*, 4-е издание (1921), процитировано в Christian Muller, *Abschied vom Irrenhaus: Aufsatze zur Psychiatriegeschichte* (Bern: Huber, 2005), 145. Мюллер продолжает: «Что же беспокоит меня в этой цитате великого и непревзойденного мастера? Стиль или выбор слов? Жесткость, с которой он клеймит реальность, что была для него совершенно объективна? Эта цитата подчеркивает трансформацию, которая произошла в нашем отношении к человеческим страданиям в целом. Мы стали более чувствительными».

от шестисот до восьмисот пациентов: Мосли говорит о 655 пациентах (*Eugen Bleuler*, 114), Макари — о «более чем 800» (*Revolution in Mind*, 183).

в качестве прилагательного: Eugen Bleuler, «*The Prognosis of Dementia Praecox*», в *The Clinical Roots of the Schizophrenia Concept: Translations of Seminal European Contributions on Schizophrenia*, ed. John Cutting and Michael Shepherd (Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1987), 59. Один из современных авторов говорит, что простое устранение термина «слабоумие» сыграло немалую роль в том, чтобы дать надежду на исцеление больным и их семьям (Daniel Hell, «*Herkunft, Kindheit und Jugend*», in Mosli, *Eugen Bleuler*, 25–26).

Один из ассистентов Блейлера: Абрахам Арден Брилл, цитируется в Mosli, *Eugen Bleuler*, 153.

«То, как они смотрели на пациента...»: цитата Брилла в Loewenberg, «*Creation*», 65–66.

Карл Юнг: литературы о Юнге много, и она противоречива. Книга Сону Шамдасани «Юнг, раздетый догола его биографами» (Sonu Shamdasani, *Jung Stripped Bare by His Biographers, Even*, London: Kamac, 2005) рассказывает о расхождениях в биографиях Юнга. Лучше всего начать изучение этой темы с «Самого опасного метода» Керра. Трудно описать личность Юнга лучше, чем это сделано в параграфе, начинающемся со слов «Важно подчеркнуть почти раблезианскую природу дарования Юнга» (53). См. также: Bair, *Jung;* Sonu Shamdasani, *Jung and the Making of Modern Psychology: The Dream of a Science* (Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2003).

«комплексы в качестве стартовых точек»: как Юнг объяснял в 1934 году: «Слово “комплекс” в его психологическом смысле типично для разговорной речи как в немецком, так и в английском языках. Сегодня каждый знает, что “люди имеют комплексы”. Что не так известно, однако в теории намного более важно, — это тот факт, что комплексы тоже могут иметь нас» (*Collected Works of C. G. Jung* [Princeton: Princeton University Press, 1960–1990], 8:95–96).

«беспрецедентное и экстраординарное»: Kerr, *Most Dangerous Method*, 59; Макари называет это «громом среди ясного неба» (*Revolution in Mind,* 193).

Независимо от Фрейда: по крайней мере в корыстном пересказе самого Юнга. На самом деле Юнг прочитал «Толкование сновидений» Фрейда к 1900 году.

«...вот так они разгуливают...»: Блейлер в 1910 году, процитировано Михаэлем Шретером во вступлении к *F/B* (переписка Фрейда и Блейлера), 16.

«открыли новый мир»: там же, 15.

«Дорогой и досточтимый коллега!»: *F/B*, письмо 2В.

спрашивая совета: «Хоть я и понял при первом прочтении, что ваша книга о сновидениях права во всем, мне лишь изредка удавалось успешно истолковывать мои собственные сны... Мои коллеги и моя жена, прирожденный психолог, не могут расколоть этот орешек. Так что вы, вероятно, простите меня, если я обращусь к самому Мастеру, то есть к вам». Фрейд обещал помочь, и Блейлер стал писать ему больше. 5 ноября 1905 года, сидя за своей печатной машинкой, он следовал инструкциям Фрейда, пытаясь работать в технике свободного письма: «Получится ли что-нибудь?.. В моих ассоциациях появляются лишь старые вещи. Не противоречит ли это, в каком-то смысле, теории Фрейда, как он сам ее понимает? Базовый принцип, несомненно, верен. Но применимы ли все детали в каждом случае? Имеют ли значение индивидуальные отличия?.. Для меня, с моим небольшим опытом, было бы глупо сомневаться. Но глупо также и то, что у меня так редко получается интерпретировать свои сны. Это тупик (отвлекся на шум дождя, на мысли о посетителях, которые должны прийти)».

«Если б я только знал, — грустно заключает Блейлер, — как мне писать более бессознательно» (*F/B*, письма 5В, 8В). Психоанализ по почте быстро изжил себя.

«**Абсолютно сногсшибательное признание…**»: к Флиссу, процитировано в предисловии Шретера *F/B*, 15. «Я уверен»: *F/B*, письмо 12*F*.

двумя беспокойными мирами: переписка Зигмунда Фрейда и Карла Густава Юнга — *The Freud/Jung Letters*: *The Correspondence between Sigmund Freud and C. G. Jung, ed. William McGuire* (Princeton: Princeton University Press, 1974), далее — «*F/J*» 3F.

Именно Юнг*: Freud's Theory of Hysteria: A Reply to Aschaffenburg* — семистраничный манифест поверхностной похвалы и пафосного превосходства (Jung, *Collected Works*, 4:3–9). Юнг выказывает свои истинные чувства в переписке с Фрейдом, письмо 83J. Дальнейшие цитаты: *F/J*, письма 2J, 219J, 222J, 272J.

«Я нахожусь в Неаполе…»: этот пациент, портной, был одним из любимых примеров Юнга (*Collected Works*, 2:173–74; *Memories, Dreams, Reflections* (New York: Vintage, 1989)).

Обвинения Юнга*:* Bair, *Jung*, 98, перефраз Jung, *Memories*, 114*;* см. с. 683, примечание 8.

управлять большой больницей: ключевое эссе Блейлера опубликовано лишь в 1908 году, через десять лет после возвращения в Бургхёльцли и более чем через двадцать лет после того, как он начал работать в Рейнау. А его высоко оцененная книга о шизофрении появилась в 1911-м. Он отдавал свое время и энергию пациентам и улучшению условий в Бургхёльцли

(удвоил численность персонала, утроил количество принимаемых пациентов и увеличил бюджет клиники в десять раз): «Публикация его открытия уступила место проблемам управления больницей» (Kerr, *Most Dangerous Method*, 43).

двадцать лет: Bair, *Jung*, 97.

никогда не общался с Роршахом лично: Интервью 1957 *год*а в *C. G. Jung Speaking: Interviews and Encounters* (Princeton: Princeton University Press, 1977), 329.

«в Вене скоро уже начнут объяснять при помощи психоанализа, почему Земля вертится вокруг своей оси»: Письмо к Моргенталеру, 11 ноября 1919 года. В лекции 1916 года (см. главу 8) отмечается, что психоанализ в то время был показан лишь при небольшом количестве заболеваний («даже Фрейд постепенно ограничивает показания») и что для того, чтобы исцелить невротика, необязательно копаться в его биографии до самого детства.

словесный ассоциативный тест: однажды Роршах выделил шестьдесят франков — треть всех денег, которые у него имелись, — на приобретение часов с полуторасекундным секундомером «для использования в психологических экспериментах». Без сомнения, он имел в виду словесный ассоциативный тест (к Анне, 8 июля 1909 года). Они пригодились уже в течение месяца, когда мужчина, демобилизованный из армии, был направлен на освидетельствование после кражи лошади. Роршах применил тест, чтобы поставить предварительный диагноз, и нашел пациента невменяемым и неспособным нести юридическую ответственность за свои действия (*CE*, 170–75).

восхищался архаической мыслью: Olga R., 90.

По этой причине*:* Jung, *Collected Works,* 3*:*162.

анатомическое исследование шишковидной железы головного мозга: Исследование «О патологии и операбельности опухолей шишковидной железы» было единственным эссе Роршаха, которое издатель намеренно исключил из сборника его работ *Collected Essays* как «практически полностью не связанное с другими его работами и слишком длинное для включения». (*CE*, 11).

не разделяли ни одного из этих предрассудков: Mosli, *Eugen Bleuler*, 174. Блейлер тесно сотрудничал со своей женой и часто отмечал, что ее (а также его матери) открытия в психологии были незаменимы.

«если старая женщина»: к Анне, 7 июля 1908 года.

зарок не употреблять алкоголь: к Анне, 23 мая 1906 года.

Иоганнеса Найверта*:* «*The Association Experiment, Free Association, and Hypnosis in Removing an Amnesia*» (*CE,* 196–205). Роршах называет солдата И. Н. Я расшифровал инициалы, выдумав имя для удобства.

Глава 5: Свой собственный путь

«Настоящая работа с настоящими пациентами…»: к Анне, 23 мая 1906 года.

«К докторам относятся больше с недоверием»: к Анне, 2 сентября 1908 года.

после «двух месяцев непрерывного общения с людьми»: к Гансу Бурри, 16 июля 1920 года.

«Здесь я знаю уже слишком многих людей…»: к Анне, 2 сентября 1906 года.

«Берлин, с его миллионами людей»: там же.

«Я здесь в абсолютном одиночестве…»: к Анне, 31 октября 1906 года.

«немного камней и немного травы»: к Анне, 10 ноября 1906 года.

хаос современного мегаполиса: см. полную красочных описаний книгу Петера Фрицше «Читая Берлин» — *Reading Berlin* 1900 (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996), esp. 17, 109, 192.

«какофонию, в которую сливались завывавшие на шоссе клаксоны»: процитировано оттуда же, стр. 109, со слов Вальтера Киаулена, которого Фрицше называет «величайшим хроникером Берлина XX столетия» (17). Многое в книге Фрицше напоминает о тесте Роршаха, например вот такой пассаж: «Изображение города в бесконечной серии ярких, визуально привлекательных образов», подразумевающий, что «мужчины, женщины, дети, а также вновь прибывшие пролетарии и туристы — все они представляли себе город по-разному» (130–131).

«За несколько лет в Берлине…»: к Паулю, 5 декабря 1906 года.

«холодными» и «скучными»: к Анне, 31октября 1906 года.

общество — «подлым…»: к Паулю, 5 декабря 1906 года.

…а общую картину — «идиотской»: к Анне, 21 января 1907 года.

«поклоняются униформе и кайзеру»: к Анне, 21 января 1907 года; о капитане из Кёпеника см. Fritzsche, *Reading Berlin*, 160.

«страной неограниченных возможностей»: к Анне, 21 января 1907 года.

«можно увидеть и понять о русской жизни больше»: к Анне, 16 ноября 1908 года.

«пойти по стопам отца»: к Анне, 21 января 1907 года.

Никто не перечитывает «Войну и мир»: к Анне, 25 января 1909 года.

«разочарованный и пребывающий в легкой депрессии»: Olga R., 89.

«Берн не так уж плох…»: к Анне, 5 мая 1907 года.

Анна ухватилась за этот шанс: остаться в России было ее собственным решением. Герман настаивал, чтобы она поехала работать гувернанткой в Англию, предпочитая такой вариант России как «школу для характера, стиля жизни и понимания человеческой природы», но Анна отказалась. Спустя несколь-

ко месяцев она охотно приняла предложение работать в России (к Анне, 17 сентября 1907 года, 31 января и 6 февраля 1908 года).

«Когда я читал твое первое письмо»: к Анне, 9 декабря 1908 года.

репродукции картин русских художников: Роршах особенно отмечал «прекрасную серую картину» «Христос» авторства Ивана Николаевича Крамского, которую он поместил над своим рабочим столом в Берне, а также работу русского фольклориста и романтического модерниста «Бог Саваоф», висевшую у него в комнате. Он упоминает о своем желании иметь открытку с репродукцией картины «Над вечным покоем» кисти Исаака Левитана, мастера пейзажа настроения.

«Сделай это…»: к Анне, 16 ноября 1908 года.

«Прилагаю одну из своих фотографий»: к Анне, 21 октября 1909 года. В следующем году он написал: «Я наконец-то научился хорошо фотографировать. Высылаю свои лучшие снимки, с описаниями. Расскажи мне, как они тебе. Как у тебя дела с фотографией?» (3 августа 1910 года).

«Я могу обратиться к нему с любым вопросом»: *ARL*, 2.

«мясного рынка» берлинских проституток: к Анне, 31 октября 1906 года.

«Но еще печальнее видеть мужчин, которые смотрят на них бесстыдными, насмешливыми, похотливыми глазами»: к Анне, 17 сентября 1907 года.

«Вопрос “про аиста”»: к Анне, 15 июня 1908 года.

«Возможно, ты вскоре узнаешь про обстановку в России больше»: к Анне, 16 ноября 1908 года.

«видят страну, только когда вокруг есть другие люди»: к Анне, 9 декабря 1908 года.

«Любить родину можно научиться лишь после того, как побываешь за границей»: к Анне, 17 сентября 1907 года.

«Пиши мне почаще…»: к Анне, 26 мая 1908 года.

«Знаешь, сестренка»: к Анне, 26 мая 1908.

В возрасте четырех лет: *Fut*, 180.

«Любовь моя, дорогая моя Лолюша»: *HRA* 2:1:48. Таким был последовательный тон его уцелевших писем; большинство было уничтожено Ольгой или их детьми из соображений приватности (примечание каталога *HRA*).

«Она нехорошо там себя чувствует»: к Анне, 27 ноября 1908 года.

«Четверо моих пациентов скончались…»: к Анне, 2 сентября 1908 года.

«У меня с собой были все эти книги и конспекты»: к Анне, 9 декабря 1908 года.

«Наконец-то! Наконец-то я разделался с учебой!»: к Анне, 27 ноября 1908 года.

его профессиональные возможности оставались ограниченными: Ellenberger, 180.

Он надеялся, что за год в России сумеет заработать достаточно: к Анне, 25 января 1909 года.

«Если наука здесь и не очень далеко зашла вперед»: к Анне, начало июля 1909.

«Мне нравится русская жизнь…»: к Анне, 14 апреля 1909 года.

«Это ожидание!»: к Анне, 2 апреля 1909 года.

«Казань — не такой большой город, как Москва»: к Анне, 2 апреля 1909 года.

Герман помогал Ольге готовиться к ее собственным экзаменам: к Анне, 14 апреля 1909 года.

«отказывающая в понимании»: к Анне, начало июля 1909 года.

«…Конечно же, мы бы не стали устраивать свадьбу в кредит»: там же.

«ни в одном из знакомых ему европейских обществ не относились к женщинам так, как в России»: к Анне, 26 мая 1908 года.

«пытается доказать, что Женщина абсолютно ничего не стоит»: к Анне, 22 декабря 1909 года.

«это правда, и остается правдой»: там же.

«**врачом, инженером или кем-то еще в этом роде»**: там же.

этому предшествовал еще один безумный инцидент: к Анне, 27 августа 1909 года.

Глава 6. Маленькие кляксы, полные форм

Это лишь несколько из пациентов Роршаха в Мюнстерлингене: *CE*, 115 (пациент другого врача), 112–13, 118.

собирал коллекцию психиатрических эпизодов: *HRA* 4:2:1.

Клиника в Мюнстерлингене: StATG 9'10 1.1 (отчеты), 1.6 (брошюра), 1.7 (альбом).

разговаривал с Роршахом по-немецки и по-русски: к Анне, 24 сентября 1909 года.

«Директор очень ленив…»: там же.

«Это совершенно естественно…»: к Анне, 26 октября 1909 года.

«**Наконец-то, впервые за всю жизнь»:** к Анне, 24 сентября 1909 года.

«очень красивый маленький городок…»: письмо Ольги к Анне, 3 августа 1910 года.

по тому же самому маршруту: Mikhail Shishkin, *Auf den Spuren von Byron und Tolstoi: Eine literarische Wanderung* (Zűrich: Rotpunkt, 2012) — Михаил Шишкин, «Монтрё — Миссолунги — Астапово: по следам Байрона и Толстого»; Olga R., 89: «Он любил Мюнстерлинген и чувствовал себя там абсолютно счастливым, почти как король в его двухкомнатном “собственном доме” с видом на его любимое Боденское озеро, которым он наслаждался при любой погоде».

«У нас с Лолой все хорошо...»: к Анне, 14 ноября 1910 года.

«Сегодня проводится ярмарка для пациентов»: письмо Ольги и Германа к Анне, 3 августа 1910 года.

большой грузовой корабль: Ежегодный отчет 1913 года, стр. 11.

был очень благодарен Анне за «превосходный» подарок: к Анне, конец декабря 1910 года. «Из всех русских писателей, — писал Герман, — я больше всего люблю Гоголя за его прекрасный язык».

«каждый день отдавал бы ей частичку Родины»: там же.

сделал сестре более педантичный подарок — книгу «Фауст» Гёте: к Анне, 22 декабря 1909 года.

Хоть арт-терапия: Blum/Witschi, 92–93; John M. MacGregor, *The Discovery of the Art of the Insane* (Princeton University Press, 1989), 187 и 188. В психиатрической лечебнице поблизости от Берлина в 1908 году «широко практиковались спорт, работа в саду и арт-терапия», а у пациентов были домашние животные, включая ослика (Ellenberger, *Discovery of the Unconscious*, 799).

обзавелся обезьянкой: Ellenberger, 192.

у труппы странствующих циркачей: сообщил Урс Герман при личном общении в 2014-м. Имя «Фиппс» сохранилось только в виде подписи к фотографии обезьянки: StATG 9'10 1.7.

одиннадцать статей: три из них были короткими заметками о сексуальных образах, на которые он наткнулся в прочитанной литературе или в практике, и опубликованы были просто «для галочки». Другие представляли собой психоаналитические очерки, напрямую обращавшиеся к теории Фрейда, — такие как «Неудачная сублимация и случаи забывания имени», «Тема часов и времени в жизни невротика» и «Как невротики выбирают друзей», в которых исследовалось, как бессознательные элементы работают в процессе выбора. Одна из статей имела криминологическую направленность и основана на методах Юнга, используя словесный ассоциативный тест: «Кража лошади в состоянии пориомании (болезненной склонности к перемене мест)» (все в *CE*).

«Для периода длиной в три года...»: Roland Kuhn, «*Uber das Leben...*», StATG 9'10 8.4. Кун высоко оценивает очерки Роршаха и его диссертацию, отмечая, что они «хорошо написаны и интересны, а также особенно привлекательны, благодаря описаниям человеческих качеств, талантливому изображению личностей упомянутых людей и их судеб, и подчеркиванию их способностей».

рисунок пациента: *Analytical Remarks on a Painting by a Schizophrenic* (*CE*, 178–81).

о маляре с амбициями художника: «*Analysis of a Schizophrenic Drawing*» (*CE*, 188–94).

Он мог взять протянутую руку пациентки: *WSI Mrs. Gehring* (первое имя не записано).

«Я рад»: к Паулю, 8 декабря 1914 года.

«Мать не подарила мне на свадьбу ничего»: к Анне, 23 мая 1911 года.

«несмотря на все, через что он прошел»: к Анне, 14 ноября 1910 года.

для швейцарских и немецких газет: работа Роршаха как колумниста, отражавшая «его желание общаться с миром, формулировать идеи и поднимать злободневные вопросы», была «поистине необычна» (Muller, *Abschied vom Irrenhaus*, 107, 103).

«...о политико-экономических преобразованиях в России»: март, выпуск 12 (1909); *HRA* 6:1. «Новое русское общество проходит сквозь быстрые трансформации, как человек в пубертатный период. Сначала — недавняя политическая активность. Потом, после наступления реакции, — постоянные и агрессивные политические репрессии, репрессии психологического характера...»

Андреев считался одним из ведущих русских писателей современности: Его пьесы часто ставились и экранизировались, в том числе «Тот, кто получает пощечины» (1924). «Мысль» была напечатана в сборнике Леонида Андреева «Видения» (американское издание — San Diego: Harcourt Brace Jovanovich, 1987), 31–78.

«Эти публикации в газетах приносят не слишком много»: к Анне, начало июля 1909.

«...он быстро переключался с одного рода деятельности на другой»: Olga R., 94; переведено в приложении.

«фанатичным собирателем заметок»: Rita Signer, Christian Muller, «*Was liest ein Psychiater zu Beginn des* 20. *Jahrhunderts?*», *Schweizer Archiv fur Neurologie und Psychiatrie* 156.6 (2005): 282–83. Его выдержки из книги Юнга «Символы и метаморфозы. Либидо» занимали 128 страниц. В своих исследованиях сект, мифологии и религии он делал выписки из таких книг, как «Общая мифология и ее этнологическая основа» и «Мифы и легенды первобытных людей Южной Америки» Пола Макса Александра Эренрайха, «Реформация и старые реформаторские партии» Людвига Келлера, семитомника «Лекции по истории Церкви» Карла Рудольфа Гагенбаха и «Цивилизация Возрождения в Италии» Якоба Буркхардта.

Юстинус Кернер: Ellenberger, *Discovery;* KARL-Ludwig Hoffmann, Christmut Praeger, «*Bilder aus Klecksen: Zu den Klecksographien von Justinus Kerner*» в *Justinus Kerner: Nur wenn man von Geistern spricht,* ed. Andrea Berger-Fix (Stuttgart: Thienemann, 1986), 125–52; Friedrich Weltzien, *Fleck — Das Bild der Selbsttatigkeit:*

Justinus Kerner und die Klecksografie als experimentelle Bildpraxis zwischen Asthetik und Naturwissenschaft (Gottingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 2011).

описание ботулизма (бактериального пищевого отравления): Erbguth, Naumann, «*Historical Aspects of Botulinum Toxin: Justinus Kerner* (1786–1862) *and 'Sausage Poison'*», *Neurology* 53 (1999): 1850–53.

«как о необыкновенно одаренном человеке»: послесловие к изданию 1918 года раннего романа Кернера *The Travel-Shadows of Lux the Shadow-Player,* процитировано в *Kerner, Die Reiseschatten* (Stuttgart: Steinkopf, 1964), 25.

которую он назвал «клексографией»: проект *Gutenberg, gutenberg.spiegel.de/buch*/4394/1. Открывающая строфа первого стихотворения типична для Кернера: «Каждый носит внутри свою смерть / Когда снаружи все смеется и блестит / Сегодня ты гуляешь в свете утра / А завтра станешь темнотой ночной».

«дагеротипами невидимого мира»: письмо Кернера к Оттилии Виндермут, июнь 1845-го (процитировано в Weltzien, *Fleck,* 274): «Некоторым образом изображения напоминают мне новые фотографии, несмотря на то, что для их получения не нужна специальная аппаратура, а нужны лишь старые добрые чернила... Странные образы и фигуры возникают из самих себя, без какого-либо вклада с моей стороны. Ты никогда не сможешь привнести то, что хочешь, — и часто получаешь противоположность тому, что ожидаешь. Стоит отметить, что эти картинки напоминают те, что существовали в эпохи зарождения человечества... Для меня они — как дагеротипы невидимого мира, хотя, поскольку они привязаны к черноте чернил, то могут сделать видимыми только низших духов. Но я был бы очень удивлен, если и высшие духи тоже, духи света из срединного измерения и с небес, не могли бы воздействовать на химический процесс фотографий собственным образом и проявляться на них в своем блеске. Кто такие, в конце концов, эти духи, как не странники в свете?»

многих историков*:* Ellenberger, 196*;* E. H. Gombrich, *Art and Illusion: A Study in the Psychology of Pictorial Representation* (New York: Pantheon, 1960); H. W. Janson, *The Image Made by Chance' in Renaissance Thought* в *De Artibus Opuscula XL: Essays in Honor of Erwin Panofsky* (New York: New York University Press, 1961), 1*:*254–66*;* «Хронологическая и географо-культурологическая близость делают прямую взаимосвязь более чем вероятной» (Dario Gamboni, *Potential Images: Ambiguity and Indeterminacy in Modern Art [London: Reaktion,* 2002*],* 58). Ольга Роршах (Olga R., 90) говорит, что ее мужу давно были известны картинки Кернера, но она описывает их в контексте воображения, а не

восприятия (см. главу 10, чтобы понять, почему такое понимание неправильно): «Он всегда интересовался “воображением” и рассматривал его как “божественную искру” человечества. У него словно бы было полуосознанное предчувствие, что эти “случайные формы” могут послужить мостом, позволяющим испытать воображение».

Роршаха спросили: переписка с Гансом Бурри, 21 и 28 мая 1920. Это были личные письма, написанные до публикации теста. У Роршаха не было причин лгать насчет влияния Кернера. Тест Роршаха иногда также связывают с графологией, но Роршах ничего не знал о графологии как минимум до 1920 года, и не выказывал особого интереса, когда кто-нибудь заговаривал с ним о ней (*WSI* Марта Шварц-Гартнер).

вспоминала игру, в которую часто играла в юности: Jung, *Memories*, 18. Henry David Thoreau, *The Journal,* 1837–1861 (New York: *New York Review of Books*, 2009), 14 февраля 1840-го, с вложенной страницей, на которой были изображены кляксы, неопубликованной, но сохранившейся в нью-йоркской Библиотеке Моргана. *WSI* Ирена Минковска.

пятна также иногда использовали и до Роршаха: Alfred Binet, Victor Henri, «*La psychologie individuelle*», *L'Annee Psychologique* 2 (1895–96): 411–65, цит. по: Franziska Baumgarten-Tramer, «*Zur Geschichte des Rorschachtests*», *Schweizer Archiv fur Neurologie und Psychiatrie* 50 (1942): 1–13, 1; см. также: Galison, 259–60.

Достигла она и России: Ф.Е. Рыбаков, «Атлас для экспериментально-психологического исследования личности» (Москва: Сытин, 1910), выдержки приведены в Baumgarten-Tramer, «*Zur Geschichte*», 6–7.

американец Гай Монтроз Уиппл: см. его «Руководство по психическим и физическим тестам», *Manual of Mental and Physical Tests* (Baltimore: Warwick and York, 1910), глава 11, «Тесты воображения и изобретальности», тест 45: чернильные пятна.

человека, который был источником вдохновения для самого Бине — Леонардо да Винчи: Baumgarten-Tramer, *Zur Geschichte,* 8–9, цитирует «Трактат» Леонардо, предполагая, что Бине позаимствовал идею из этого фрагмента. Сцена с Леонардо была обыграна Дмитрием Мережковским в его широко известном романе «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи» (1902, американское издание — New York: Random House, 1931), на стр. 168, который Герман и Ольга читали вместе (Ellenberger, 198). George V. N. Dearborn, «*Notes on the Discernment of Likeness and Unlikeness*», *Journal of Philosophy, Psychology, and Scientific Methods* 7.3 (1910): 57.

Ранние кляксы Роршаха: *HRA* 3:3:3; *WSI* Миссис Геринг.

Глава 7. Герман Роршах чувствует, как его мозг разрезают скальпелем

«В свой первый семестр в клинике...»: Диссертация Роршаха (*CE*, 105–149), 108–109. Цитаты и примеры в этой главе взяты из его диссертации, если не указано иное.

Роберт Вишер: «*On the Optical Sense of Form*» (1873), в *Empathy, Form, and Space*, ed. Harry Francis Mallgrave, Eleftherios Ikonomou (Santa Monica, CA: Getty Center for the History of Art and the Humanities, 1994), цитаты со страниц 90, 92, 98, 104, 117, местами исправленные. См. редакторское предисловие там же; Irving Massey, *The Neural Imagination* (Austin: University of Texas Press, 2009), особенно «*Nineteenth-Century Psychology, 'Empathy,' and the Origins of Cubism*», 29–39. Кэрол Р. Вензель-Райдаут в тщательно составленной диссертации не обнаруживает прямой связи между Роршахом и теорией Вишера, но находит убедительные доказательства его знакомства с этой литературой и «по крайней мере сильного родства между их идеями» («*Rorschach and the History of Art: On the Parallels between the Form-Perception Test and the Writings of Worringer and Wolfflin*», докторская диссертация в области психологии. [Rutgers University, 2005], 199–207; страницы 70–74 посвящены Воррингеру).

дар Китса «проникать силой воображения в физические объекты»: Richard Holmes*, John Keats Lives!, New York Review of Books,* 2013.

будучи студентом-медиком: Massey, *Neural Imagination*, XII и 186–89, читая поэму Китса «Ода Психее» как сказку о неврологической науке, которая защищает место Психеи в пантеоне богов и взывает к таким деталям, как дендритные мозговые клетки («Шиповником алтарь я обовью, высоких дум стволы сомкну в союзе») и нейропластичность («Пусть новых мыслей сладостная боль ветвится и звучит взамен свирели»).

Поскольку Фрейд хотел добраться...: в 1937 году он сказал Андре Бретону, что «поверхностный аспект снов, который я называю явным сновидением, не представляет для меня интереса. Я имею дело со "скрытым содержимым", которое может быть отделено от явного сновидения путем психоаналитической интерпретации» (письмо, 8 декабря 1937, процитировано в: Mark Polizzotti, *Revolution of the Mind: The Life of Andre Breton* [Boston: Black Widow Press, 2009], 406, также 347–348).

Карла Альберта Шернера: 1825–1889. Фрейд особенно ценил внимание Шернера к вопросу удовлетворения желаний, переживаниям дня, предшествовавшего сну, и эротическим страстям, как субстанции, преобразовываемой сновидением (Vischer, *On the Optical Sense,* 92; Freud, *Interpretation of Dreams*, 83, 346, в нескольких местах). Один современный ученый называет Шернера «интересным, но загадочным персонажем, похоро-

ненным глубоко под песками интеллектуальной истории», даже несмотря на то, что «о Шернере на сегодняшний день можно с наибольшей уверенностью сказать, что он был главным предшественником Фрейда, взявшим то, что было в первую очередь эстетической теорией, и сделавшим ее основой своей психологии сновидений» (Massey, *Neural Imagination,* 37, и Irving Massey, «*Freud before Freud: K. A. Scherner* (1825–1889)», *Centennial Review* 34.4 *[*1990*]:* 567–76).

«Абстракция и эмпатия»: Вильгельм Воррингер, в переводе Майкла Баллока (1953; переиздание, Chicago: Ivan Dee, 1997). Рудольф Арнхейм называл «Абстракцию и эмпатию» «одним из самых влиятельных документов по теории искусства нового века», влияние которой на модернизм был незамедлительным и глубоким» (*New Essays on the Psychology of Art [Berkeley: University of California Press,* 1986*],* 50*,* 51).

не более веского или более эстетичного: в качестве примера Воррингер приводит Теодора Липпса (1851–1914), отца «научной» психологической теории эмпатии, который убрал мистические, языческие нотки, привнесенные Вишером, и определил эмпатию как «объективированное удовлетворение собой». По Липпсу, искажение реальности было следствием «негативной» или «уродливой» эмпатии. Воррингер справедливо возражает, что искаженная реальность дает представителям других культур и людям, отличающимся от большинства, «то же счастье и удовлетворение, которое красота органичных жизненных форм приносит нам» (*Abstraction and Empathy,* 17).

«ценную параллель»*: «A Contribution to the Study of Psychological Types*» (1913)*,* Jung, *Collected Works,* 6*:*504–5. В «Психологических типах» Юнг посвящает целую главу Воррингеру.

пять собственных идей: 17 октября 1910; Ellenberger, 181; Akavia, 25 и далее.

«рефлекторные галлюцинации»: Немецкий психиатр Карл Людвиг Кальбаум, который ввел термин «паранойя» (*F/J*, 29n10), создал также и этот термин в 1860-х; его всегда переводили буквально.

психофизика Джона Мурли Вольда*:* 1850–1907*; Uber den Traum: Experimental-psychologische Untersuchungen,* 2 тома. (Leipzig: J. A. Barth, 1910–12). «*One can hardly imagine two dream theories so totally opposed to each other*»*: Ellenberger,* 200–201*;* Akavia, 27–29.

наступил на ногу пациенту: *HRA* 3:4:1, датировано 18–19 марта 1911. Пациента звали Бройхли.

был вынужден существенно сократить: письма к Блейлеру, 26 мая 1912, 6 июля 1912, 16 июля 1912; *L*, 120, запись 3. Эссе Роршаха «Рефлекторные галлюцинации и символизм» (1912) содержит материал, исключенный из диссертации, и связывающий тему с психоанализом (*CE*; Ellenberger, 182; Akavia, 29).

Глава 8. Самые темные и многослойные наваждения

В 1895-м: *Zwei schweizerische Sektenstifter* (*Binggeli–Unternahrer*)*: Eine psychoanalytische Studie* («Двое швейцарских основателей сект (Бинггели–Унтернарер): психоаналитическое исследование») опубликовано в посвященном вопросам психоанализа и культуры журнале Фрейда *Imago*, № 13 за 1927 год: 395–441, а также в виде пятидесятистраничной книги (Leipzig: Internationaler Psychoanalytischer Verlag, 1927). Два более ранних эссе называются «О швейцарских сектах и их основателях» и «Дальнейшие исследования формирования швейцарских сект» (все в *CE*).

Германом Вилле: *WSI* Манфред Блейлер.

Роршах последовал за Бройхли: как иногда случается, один из канонических немецких детективных романов, «Власть безумия» (*In Matto's Realm*, 1936), описывает события, происходящие в Рандлингене, то есть слегка измененном Мюнсингене, и рассказывает об убийстве директора психиатрической клиники, которого зовут «Ульрих Борстли». Фридрих Глаузер (1896–1938) был там пациентом в 1919-м — и немедленно возненавидел Бройхли (которого другие неизменно вспоминают как теплого и доброго человека), а позднее снова лечился в клинике. Его роман ярко передает атмосферу заведения, демонстрируя комнаты и коридоры, пациентов и лечебные процедуры, внешний вид и ощущение жизни в швейцарской лечебнице. Он «запечатлел Бройхли очень точно», по словам второго человека в клинике, Макса Мюллера, «не только его внешний вид, но и все его слабости, так что он, наверное, умер бы, если бы когда-нибудь получил экземпляр». Мюллер стал цензурировать почту Бройхли, чтобы убедиться, что тот никогда не узнает об этой книге (*Matto regiert* [Zűrich: Unionsverlag, 2004], 265, примечание. В немецком издании есть удивительно реалистичные примечания и фотографии Мюнсингена. *In Matto's Realm*, перевод Майка Митчелла [London: Bitter Lemon Press, 2005]).

Роршах … был восхищен*:* Morgenthaler, 98*;* см. также Ellenberger, 186; Blum/Witschi, 112.

станет работой его жизни: Ellenberger, 185; Роршах сказал это Карлу Хаберлину, профессору философии в Университете Берна.

Не менее драматично одержимым, чем Бинггели, был пациент с параноидальной шизофренией, Теодор Ниханс, госпитализированный в 1874-м, а в Мюнсингене находившийся с 1895 по 1919 год. Он нападал с ножом на сотрудника клиники и поджигал деревообрабатывающую мастерскую «по приказу Бога»; Наама Акавиа приводит полное описание. Роршах подготовил масштабное исследование этого случая (*HRA* 4:1:1), в духе не-

скольких ключевых текстов цюрихской школы, опубликованных в промежутке с 1910 по 1914 год в «Ежегоднике для психоаналитических и психиатрических исследований», недолго просуществовавшем журнале Фрейда и Блейлера, редактором которого был Юнг. Он составил двенадцатистраничную таблицу, сравнивавшую Ниханса со Шребером, парадигматическим шизофреником из пациентов Фрейда, «пойдя по стопам Юнга и Блейлера», но также «развив их начинание вширь и предвосхитив современных критиков того, как Фрейд интерпретировал симптомы Шребера» (*HRA* 3:1:4; Akavia, 111ff.; Muller, *Abschied vom Irrenhaus*, 75–88).

написать «толстую книгу»: письмо к Пфистеру, 16 октября 1920.

первый российский государственный медицинский экзамен: *L*, 128, примечание 4; Olga R., 90.

Серебряного века: Эткинд, «Эрос невозможного», Ирина Сироткина, «Классики и психиатры. Психиатрия в российской культуре конца XIX — начала XX века», американское издание: Irina Sirotkina, *Diagnosing Literary Genius: A Cultural History of Psychiatry in Russia*, 1880–1930 (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2002); Magnus Ljunggren, «*The Psychoanalytic Breakthrough in Russia on the Eve of the First World War*», в *Russian Literature and Psychoanalysis*, ed. Daniel Rancour-Laferriere (Amsterdam: John Benjamins, 1989), 173–92; John E. Bowlt, *Moscow and St. Petersburg,* 1900–1920*: Art, Life and Culture of the Russian Silver Age* (New York: Vendome Press, 2008), 13–26, цитируя Александра Бенуа, художника русского балета под руководством Дягилева и одного из основателей движения «Мир искусства».

«чтобы лечить…»: Сироткина, «Классики и психиатры», 100, исправлено.

Осипов, например: Сироткина, «Классики и психиатры», 112; Ljunggren, «Psychoanalytic Breakthrough», 175.

санаторий предоставлял льготное лечение: Сироткина, 104; Эткинд, «Эрос невозможного», 131.

нашлось множество тем*:* Bowlt*, Moscow and St. Petersburg,* 29*,* 68*,* 90*,* 184.

Рекламная брошюра*:* Николай Вырубов*,* процитировано в *Ljunggren,* «*Psychoanalytic Breakthrough*»*,* 173. В том же году Вырубов начал популяризировать идеи Фрейда в России, написав статью о своем опыте использования фрейдистской психотерапии в Крюкове.

«рациональная терапия»: Сироткина, 102.

Толстой, мудрый, человеколюбивый целитель душ: это центральная тема «Эроса невозможного» Эткинда. «Вряд ли существовал лучший способ облегчить принятие психоанализа в России, чем связать его с учением Толстого» (Сироткина,

«Классики и психиатры», 107). Также было очевидно неизмеримое влияние Фридриха Ницше в России на Фрейда и Юнга (Эткинд, «Эрос», 2). Обзоры, не раскрывающие тему того, как принимали Фрейда в России, описывают биомедицинскую психиатрию как доминирующую: проводилась линия от Эмиля Крепелина (который работал в России с 1886 по 1891 годы) до Павлова и далее. С этой точки зрения практиковавшие психоанализ психиатры из Крюкова были «заслуживающим внимания» исключением (Цезарь Короленко и Деннис Кенсин, «Размышления о прежнем и настоящем состоянии российской психиатрии», «*Reflections on the Past and Present State of Russian Psychiatry*», журнал *Anthropology and Medicine* 9.1 [2002]: 52–53).

Фрейд пошутил: *F/J*, 306F.

прямой аллюзией на политическую цензуру в России: процитировано в «Эросе невозможного» Эткинда, стр. 110.

история русской культуры: Эткинд, «Эрос»; Ellenberger, *Discovery* (например, страницы, 543, 891–93); Сону Шамдасани, предисловие к книге Флурнуа «Из Индии». Не было «простой случайностью», что любимая пациентка Фрейда, как и его любимый писатель (Достоевский), была русской — Фрейд, мать которого происходила из Галиции, сам был наполовину «русским» (Эткинд, «Эрос», 110–12, 151–52; James L. Rice, *Freud's Russia: National Identity in the Evolution of Psychoanalysis* [New Brunswick, NJ: Transaction, 1993]).

В лекции: Речь опубликована в Christian Muller, *Aufsatze zur Psychiatriegeschichte* (Hurtgenwald: Guido Pressler, 2009), 139–46; она в основном посвящена нескольким довольно колоритным случаям психиатрического вмешательства из собственной практики Роршаха.

первые строки которого: *Fut*, 175. Возможно, написано в 1915: Akavia, 135.

модернистской скороваркой: «Русский футуризм» Владимира Маркова (американское издание — Berkeley: University of California Press, 1968) всё еще наилучший источник на данную тему.

«шли в толпе с раскрашенными лицами…»: Роршах, скорее всего, видел великого поэта Владимира Маяковского — потрясающего поедателя апельсина — своими глазами. Маяковский был известен своими яркими, желтыми или разноцветными рубашками, которые он иногда совмещал с такими аксессуарами, как оранжевая куртка, кнут в руке или деревянная ложка в лацкане, и в труде Роршаха, посвященном случаю Ниханса, «ребячество» последнего сравнивается с «феноменом, который я имел возможность увидеть в России прошлой зимой: группой русских футуристов. Они раскрашивали свои лица, разгули-

вали в одежде фантастических цветов и старались вести себя как можно более дико» (процитировано в Akavia, 133).

Михаил Матюшин*:* Bowlt, *Moscow and St. Petersburg,* 310*;* Марков, «Русский футуризм»*,* 22*;* полный отчет приведен в книге Isabel Wunsche*, The Organic School of the Russian Avant-Garde: Nature's Creative Principles* (*Farnham, UK: Ashgate,* 2015), 83–139.

Николай Кульбин: Марков, «Русский футуризм», 5; а также в других местах; Wunsche, Organic School, 41–49; яркое описание Кульбина появляется в книге Виктора Шкловского «Третья фабрика» (1926; перевод Ричарда Шелдона [Chicago: Dalkey Archive Press, 2002], 29). Роршах отмечает в своем эссе: «В заявлении мы прочли, что буква Р — красная, а Ш — желтая (так совпало, что русские буквы Р и Ш являются инициалами Роршаха и Штемпелин); Кульбин говорил в своей лекции о голубой букве *С* (Fut, 179). Это заявление появляется также в манифесте Кульбина «Что такое мир» (Марков, «Русский футуризм», 180).

Алексей Кручёных: Марков, «Русский футуризм», 128–29. Роршах приводит произведение Кручёных «Стихотворение из одних гласных» («о е а/ и е е и/ а е е и») и еще одну его бессмысленную фразу как примеры языка футуристов (Anna Lawton and Herbert Eagle, *Words in Revolution: Russian Futurist Manifestoes*, 1912–1928 [Washington, DC: New Academia, 2005], 65–67; Akavia, 143; Марков, «Русский футуризм», 131).

«приводят к движению и новому восприятию мира»: Марков, «Русский футуризм», 131, перефразируя Крученых.

поэт находится в кинозале: Марков, «Русский футуризм», 105; стихотворение лидера движения «Мезонин поэзии» Вадима Шершневича.

«сейчас настало такое время»: *Fut*, 175–76.

В первоначальном анализе: *Fut*, 183–84. Его оригинальное объяснение «ошибки» состоит в том, что футурист, рисующий одну ногу за другой, и вслед за этим ощущающий последовательность реакций в собственном теле по мере того, как он рисует, остается с ощущением уверенности, что он сам является частью картины. «Это кажется ему настоящим движением. Но только ему самому».

«Картина — рельсы»: *Fut*, 183. Возможно, он услышал это от кого-то при личном общении — эти слова не появляются ни в одном из известных футуристских текстов (Джон Боулт, личное общение, 2014).

опередил свое время: Хотя, предположительно, русский доктор Е.П. Радин, написавший в 1914 году книгу «Футуризм и безумие», сравнил рисунки, сделанные детьми, сумасшедшими и авангардными художниками: «Экскурсы доктора Радина

в литературный анализ неуместны, а его способность критически интерпретировать живопись и рисунки, мягко говоря, ограничена. В конце концов, он пасует перед научной объективностью и заявляет, что материала недостаточно, чтобы объявить футуристов психически больными, но в любом случае это опасная дорога» (Марков, «Русский футуризм», 225–26). Помимо короткой книги 1921 года «Что делает советская власть для охраны здоровья детей» я не нашел никаких дальнейших следов Радина.

Фрейд без стыда признавался: «Взрывавшиеся вокруг него революции в живописи, поэзии и музыке совершенно не касались Фрейда. Когда что-то из этого навязчиво взывало к его вниманию, — что случалось редко, — он энергично это отвергал» (Peter Gay, *Freud: A Life for Our Time* [New York: Norton, 1988], 165).

Юнг написал два эссе: Юнг «мало читал современную художественную литературу, презрительно относился к современной музыке, был безразличен к современному искусству», и оба этих очерка были «разгромлены критиками и публикой»... Публичные насмешки были унизительны. (Bair, *Jung*, 402–403).

немецкий сюрреалист Макс Эрнст: MacGregor, *Discovery of the Art*, 278.

«стайкой девушек…»: Ганс Арп, процитировано в *Movement and Balance: Sophie Taeuber-Arp*, 1889–1943 (Davos: Kirchner Museum, 2009), 137.

Альфред Кубин: *PD*, 111–12; см. Akavia, 127–32. Кубин (1877–1959) был тесно связан с группой «Голубой всадник», и также написал фэнтезийный роман в картинках «Другая сторона» — *The Other Side* (1909). Роршах сделал множество заметок о книге Кубина (*HRA* 3:1:7; Дневник, 2 ноября 1919; Akavia, 131), особенно о том, что касалось синестезии, и в «Психодиагностике» он отслеживает перемены в интровертности и экстравертности Кубина на протяжении его карьеры, связывая их с его художественными произведениями.

«Хронический» для Германа и Ольги вопрос: к Паулю, май 1914.

«европейца, стремящегося к достижениям»: Olga R., 90–91; «Он оставался и хотел оставаться стопроцентным европейцем».

«Здесь очень трудно работать дома…»: 2 апреля 1909. В другой раз он полушутливо отстаивал свою швейцарскую сдержанность против ожиданий русской экспансивности, закончив письмо к Анне следующими словами: «Ты недавно писала и спрашивала меня, почему я не посылаю тебе поцелуи. Поцелуи стоят дешево в России, и там намного больше видов поцелуев. Здесь их меньше, и очень немногие по-настоящему искренни, ты забыла? Так что приходится обходиться простыми “пожела-

ниями" в конце письма, но помни, что это — по-настоящему теплые пожелания от твоего брата Германа» (25 января 1909).

Анна позднее вспоминала: *CE*, 32, примечание.

«после всех наших цыганских скитаний…»: Моргенталер.

к концу тех самых шести недель: письмо Ольги к Паулю, 15 мая 1914 года.

осознанного выбора: Регинели (*WSI*) говорила о решении Ольги остаться в России, что «это, возможно, была проверка воли».

тяжелой работы: У него было около сотни пациентов-мужчин, и он старался побыстрее сделать двухразовый ежедневный обход, чтобы выкроить время для других своих интересов. «Для него всё происходило чрезвычайно быстро и легко... Он быстро устанавливал связь с пациентами, видел, что нужно сделать, и давал свои инструкции... Записи в историях болезней он тоже делал очень быстро — для типичных случаев всего несколько строк, касающихся основных моментов». Он проводил больше времени с теми пациентами, которые были ему интересны, а «директор и другие ворчливые сотрудники иногда жаловались, что он недостаточно заботится о грязном белье пациентов, их обувных шнурках, содержимом тумбочек и так далее», что очень расстраивало Роршаха, хотя через несколько минут и после пары шуток он снова был в форме (Моргенталер).

работал над инновационным исследованием в этой сфере: Walter Morgenthaler, *Madness and Art: The Life and Works of Adolf Wolfli* (Lincoln: University of Nebraska Press, 1992); см. также MacGregor, *Discovery of the Art.*

Еще одной новаторской работой по этой теме был труд Ганса Принцхорна *Bildnerei der Geisteskranken* («Создание изображения психически больными», 1922; репринтное издание, New York: SpringerWienNewYork, 2011), с которым Роршах также поддерживал прямую связь. В 1919-м Принцхорн хвалил статью Роршаха о рисунках шизофреника как «очень поучительную», а Роршах посылал ему рисунки, которые собирал у пациентов. В 1921 году он написал, чтобы спросить, будет ли книга Роршаха опубликована вовремя, чтобы он мог цитировать ее наряду с работами Юнга и Моргенталера, как он того хотел; издательские задержки сделали это невозможным (от Карла Вильманса, 13 декабря 1919, Бирхеру, 12 февраля 1921).

шизофреник Адольф Вёльфли: Вёльфли (1864–1930) «мог бы служить идеальным примером феномена аутсайдера... Его достижение — это настоящее откровение» (Peter Schjeldahl, «*The Far Side*», *New Yorker*, May 5, 2003).

Андре Бретон указывал: Andre Breton, *L'ecart absolu catalog* (Paris: Galerie L'Oeil, 1965); см. также Jose Pierre, *Andre Breton et la peinture* (Paris: L'Age d'Homme, 1987), 253.

«поможет нам однажды достичь»: Рильке, письмо к Лу Андреас-Саломе, 10 сентября 1921 года.

интересный материал для Моргенталера: Моргенталер позже сказал, что многие из работ в его коллекции «были получены благодаря упорным усилиям Роршаха» с пациентами (Ellenberger, 191). Работа Роршаха о сектах вдохновила Моргенталера на то, чтобы посвящать время Вёльфли. Моргенталер тоже интересовался сектами. Его раннее исследование по истории лечения безумия в Берне привело его у Унтернареру, и он собирал архив материалов по теме, намереваясь к ней вернуться. Но когда он увидел, что уже сделал Роршах, и осознал, что тот быстрее и лучше использовал архив, то отдал ему тему и отказался от нее (Моргенталер, 98–99).

Глава 9. Галька в русле реки

ранним осеням: к Паулю, 27 сентября 1920; Ellenberger, 185–187. Однажды в августе Герман написал Паулю: «Жаль, что летний отпуск пришелся на конец лета. Здесь, в Геризау, почти все время стоит зима, и после нескольких солнечных дней мы уже вынуждены топить печь и ходим, шмыгая носами» (20 августа 1919 года).

жили в «**Кромбахе**»: Коллер, воспоминания, процитировано в *WSM*; Ellenberger, 185–87; *Historisches Lexikon der Schweiz*, ed. Marco Jorio (Basel: Schwabe, 2002), «*Herisau*».

Роршах легче сходился: Моргенталер, 96; *WSI* Регинели.

Когда приехал перевозочный фургон: *WSI* Софи Коллер; к Паулю, приблизительно в конце ноября 1915-го.

Его сын вспоминал, как солгал однажды: *WSI* Фриц Коллер.

«немного мелочным»: к Паулю, 16 марта 1916.

«статистической неделей»: к Рёмеру, 27 января 1922; К Обергольцеру, 8 января 1920; к Обергольцеру, 6 января 1921.

Сын Коллера, Руди, очень ярко помнил: *WSI* Руди Коллер.

Рабочие дни Роршаха начинались...: *WSI* Марта Шварц-Гантер и Берта Вальдбургер-Абдерхальден.

«Приблизительно около полуночи...»: Дневник, 75.

под наблюдением одного только Роршаха: к Моргенталеру, 11 октября 1916; Дневник, 54.

Коллер боялся, что его начальники: письмо от Коллера, 28 июня.

«Как видишь»: к Моргенталеру, 12 марта 1917.

Швейцарское психоаналитическое общество: эта организация была создана, чтобы быть более фрейдистской, чем Швейцарское психиатрическое общество, и вместе с тем независимой от организации самого Фрейда, Международной психоаналитической ассоциации. «Пусть Фрейд и появляется там и тут со своим священным нимбом, — писал Роршах Моргенталеру,

призывая его присоединиться к новой группе, — лучше избегать создания иерархий, когда люди собираются вместе и создают противовес, выражая разные точки зрения» (из письма Моргенталеру, 11 ноября 1919 года; см. также L; 139, примечание 1 и 175, примечание 5, и письмо к Обергольцеру, 16 февраля 1919). Эрнест Джонс писал Фрейду, что «лучшими членами Общества являются Бинсвангер, психиатр Роршах и жена Эмиля Обергольцера» (25 марта 1919, процитировано в L, 152, примечание 1).

«Очень плохо, что я живу»: к Моргенталеру, 21 мая 1920 года.

«Здесь, в провинции»: к Обергольцеру, 3 мая 1920 года.

В то время как его друзья говорили, что завидуют: от Обергольцера, 4 января 1922.

«интересными людьми»: к Рёмеру, 27 января 1922 года.

«если положить листок бумаги»: Моргенталер, 98.

они с Моргенталером попытались устроиться волонтерами: Моргенталер, 97.

Он и Ольга шесть недель проработали волонтерами: к Паулю, 16 марта 1916.

«Внезапная перемена...»: к Паулю, 15 декабря 1918 года.

«вопреки любой правде...»: там же.

«Читал ли ты или, может, слышал»: к Бурри, 27 сентября 1920 года.

«Я только теперь начинаю понимать»: к Паулю, 27 сентября 1920 года.

«Что ты думаешь...»: к Бурри, 28 декабря 1920 года.

Финансовое положение Роршахов: *WSI* Берта Вальдбургер-Абдерхальден. «Все стоит очень дорого, — писал Роршах Паулю. — Цены растут, так что портной зарабатывает столько же, сколько и я... Это абсолютное безумие. Каждый думает, что будет жить лучше, если ему станут платить больше, а потом все шокированы, когда растут цены на все» (24 апреля 1919). Несколькими месяцами позже: «Наши финансовые обстоятельства слегка улучшились, но только до такого уровня, что мы теперь можем купить новую одежду вместо той, которую носили последние несколько лет. Дальше дело не заходит» (22 июля 1919).

«По крайней мере у нас всегда достаточно угля»: паулю, 20 августа 1919, слегка видоизменено.

«Я почти все время кручусь в деревообрабатывающем цеху»: к Паулю, 24 апреля 1919. Книжные полки: Дневник 83, 28 января 1920.

Его великой радостью в Геризау: см. *WSI*, особенно свидетельства Берты Вальдбургер-Абдерхальден и Анны Иты; к Обергольцеру, 3 и 18 мая 1920 года, и к Паулю, 29 мая 1920 года.

«**Одно исконно швейцарское имя»**: к Паулю, 6 мая 1919 года.

Анна вернулась из России: к Обергольцеру, 6 августа 1918.

вскоре после этого вышла замуж: Муж Анны был овдовевший отец троих детей, Генрих Берхтольд, и Роршах сразу понял семейную динамику: «Конечно, нелегко воспитывать трех мальчиков, — писал он Паулю. — Но что хорошо, так это то, что старший из них стоит скорее вне общей картины, поскольку не хочет больше там жить. Младший — очень милый, и ей, вероятно, удастся воспитать его как собственного ребенка. Средний, определенно, доставит ей больше всего проблем». В любом случае «Аннали преуспеет в отношениях со своим женихом... Он может протестовать против богемных привычек, которых она набралась в российских студенческих кругах, но я уверен, что эти привычки со временем отойдут в прошлое» (к Паулю, 24 апреля 1919).

Пауль тоже был женат: Он познакомился с Рене Симон Лоран в Амбуазе и увез ее в Бразилию. Они поженились в Париже, а их дочь, Симон, родилась в Баийи в 1921 году. *PD*, Пример 6 (136–137), «Интровертная предрасположенность в экстравертной карьере» — так Герман рассматривал своего брата Пауля с точки зрения диагностики. «Субъект происходит из талантливой семьи и стал бизнесменом больше по внешним причинам, нежели по собственному желанию... Он проявляет интровертные черты, развивать которые у него не было времени из-за требований жизни дисциплинированно мыслить. Выраженная аффектация, хорошая способность к установке как интенсивного, так и экстенсивного взаимодействия, особенно эмоциональная адаптация... Собранные вместе, эти качества формируют базу для определенной одаренности в области юмора. Он хороший наблюдатель, и умеет увлекательно рассказать о том, что видел».

Эти рождения и свадьбы пробудили интерес Германа к истории семьи, и результатом его генеалогических изысканий стала тридцатидвухстраничная рукописная книга, тщательно выполненная в архаичном стиле древней хроники на плотной бумаге и богато иллюстрированная изображениями, включая развалины замка графов фон Роршахов, орнаменты, силуэты, сцены из жизни родных городов, членов семьи и воображаемые эпизоды из жизни предков. Он передал этот документ Паулю в 1920 году в качестве запоздалого рождественского подарка (*HRA* 1:3; см. также Дневник, конец 1919-го).

Позже она вспоминала, как Герман: *WSI* Регинели.

Его кузина вспоминала его: *WSI* Фанни Саутер.

и лизала его, пока краска не расплылась: Присцилла Шварц, дочь Вольфганга, которая сохранила близкие отношения с Лизой Роршах. Интервью, 2013 год.

на один из рождественских праздников: Дневник, 15 сентября 1919 года.

«Надеюсь, получится прислать тебе»: к Паулю, 24 апреля 1919 года.

Но не всё в семье было хорошо: *WSI* Фриц Коллер, Софи Коллер, Регинели, Марта Шварц-Гантнер.

У живших прямо под ними Коллеров: Роршах был особенно близок со старшим ребенком Коллеров, Эдди, художником, который планировал поступать в ту же художественную школу, в которой учился отец Роршаха. Эдди все сильнее страдал от депрессии — Роршах предвидел ее развитие и заботливо помогал, — а в 1923-м, в возрасте девятнадцати лет, покончил с собой.

На лодочной прогулке с семьей: *WSI* Фанни Саутер; см. также письмо к Полу, 16 марта 1916; L 139, примечание 3; Ellenberger, 187.

начал ставить спектакли: Blum/Witschi, 84–93.

«Он мог мгновенно вырезать»: Роршах был «особенно мастеровит в наблюдении, запечатлении и фиксации движения» (Мечислав Минковски, некролог на Германа Роршаха, в *CE*, 84).

«Моя жена снова хочет»: Обергольцеру, 12 декабря 1920.

В середине 1917 года: Ольга писала много позже, что в 1917 году ее муж «вновь проявил интерес к «кляксам случайных форм», которые он ранее оставил в стороне на годы (возможно, его подтолкнула к этому диссертация Ш. Хенса, напомнившая ему об экспериментах, которые он проводил в Мюнстерлингене в 1911-м)» (Olga R., 91). «Нет причин сомневаться в том, что стимулирующий импульс пришел из исследовательской работы Шимона Хенса» (Ellenberger, 189). В трех интервью 1959 года Хенс говорил, что встречался с Роршахом дважды, с промежутком в шесть месяцев; позднее он сказал, что промежуток составлял три месяца. Встречи состоялись в 1917 году, но потом Хенс стал сомневаться — может, и в 1918-м. Он также сказал, что это произошло, когда ему было двадцать пять лет (в период с декабря 1916 по декабрь 1917 года), и до публикации его диссертации (декабрь 1917-го). Вероятнее всего, решающая встреча произошла в период с середины по конец 1917-го.

Хенс использовал восемь грубых черных пятен: Szymon Hens, *Phantasieprufung mit formlosen Klecksen bei Schulkindern, normalen Erwachsenen und Geisteskranken* (Zűrich: Fachschriften-Verlag, 1917). О нем иногда пишут, что он исследовал «фантазии» испытуемых, но это — неправильный перевод немецкого Phantasie — «воображение».

Хенс провел остаток жизни, пытаясь убедить мир, что Роршах украл его идеи, и завещал попытки «восстановить справедливость» своей дочери и внучке («мягко говоря, чернильные пятна моего отца были “позаимствованы” Роршахом»: «*Honorable Joyce Hens Green*», *Oral History Project, Historical Society of the*

District of Columbia Circuit, 1999–2001, 4–5 [www.dcchs.org/JoyceHensGreen/joycehensgreen_complete.pdf]. «Мой дед был настоящим автором чернильного теста Роршаха... Доктор Роршах ловко присвоил себе его авторство, поскольку он использовал разработки моего деда в своих презентациях и исследованиях»: Ancestry.com, Фамилия: Хенс, ветвь «Хенсы Западного Нью-Йорка», сообщение опубликовано 4 ноября 2010 [boards.ancestry.com, последнее обновление в августе 2016]). До сих пор можно найти упоминания о первенстве Хенса, особенно в источниках, пытающихся обвинить Роршаха в плагиате или интеллектуальной нечестности.

Роршах упоминает Хенса в февральской лекции 1919 года (*HRA* 3:2:1:1), в письмах и в «Психодиагностике»: «Хенс поднимает некоторые вопросы, исследуемые здесь, однако он не может погрузиться в них глубже» по причине своей исключительной озабоченности содержанием. В другом месте: «Я должен подчеркнуть, что моя собственная работа не является продолжением идей Хенса. Я уже несколько лет разрабатывал перцептуально-диагностический эксперимент по интерпретации форм и проводил эксперименты в средней школе Альнау еще в 1911 году, когда жил в Мюнстерлингене, в связи с моей диссертацией о рефлекторных галлюцинациях». Отправной точкой для теста было исследование рефлекторных галлюцинаций в его диссертации, хотя, «конечно, весь психиатрический подход и психологический образ мыслей указывают на влияние Блейлера и его трудов» (*PD*, 102–3; к Гансу Мейеру, 14 ноября 1920; к Рёмеру, 18 июня 1921).

Сам Хенс (*WSI*), в свою очередь, сказал, что он не внес серьезного вклада в тест, что тест был неадекватным, что «люди будут нападать на меня, если я скажу, что тест Роршаха является ненаучным», и что «было неправильно» для академической конференции посвящать крупнейший круглый стол тесту Роршаха: «Может быть, я завидую тому, что это тест Роршаха, а не тест Хенса. Он должен называться тестом Хенса–Роршаха». Он также признал, что, «возможно, эта идея возникла у Роршаха четырьмя-пятью годами ранее 1917-го», прежде чем сказать, что Роршах взял все у него: «Откуда же еще Роршах мог взять эту идею?»

Шимон Хенс иммигрировал в Соединенные Штаты, сменил имя на Джеймс Хенс, и позднее был приговорен к пяти годам тюрьмы за попытки помочь уклонистам от призыва в армию во время Второй мировой войны (Harry Lever, Joseph Young, *Wartime Racketeers* [New York: G. P. Putnam’s Sons, 1945], 95 и далее). В 1959 году Вольфганг Шварц разыскал его и сделал три глубоких интервью (*WSI*). Шварц заявлял, что видел, как Хенс

манипулирует своими пациентами и недопустимо флиртует с пациентками, что было «злоупотреблением его ролью врача», и счел его параноиком, постоянно беспокоящимся о том, что он «наживет врагов», если скажет, что на самом деле думает, и в то же время «одержимым мыслями о всемогуществе» до такой степени, что Шварц посчитал, что Хенс «выглядит безумцем».

просто опираясь на содержимое: Hens, *Phantasieprufung*, 12.

его «подруги»: *WSI* Хенс.

«Отличия восприятия клякс психически больными людьми»: Hens, *Phantasieprufung*, 62.

Глава 10. Очень простой эксперимент

Кляксы вообще не должны были производить впечатления рукотворных: Галисон называет чернильные пятна «изысканным искусством безыскусности». «Нейтральность» теста является центральной темой прекрасного эссе Галисона, которое я читал в процессе написания этой книги и которое повлияло на мое мышление намного сильнее, чем можно увидеть в этих заметках. *Gamboni* дополняет (65–72). О важности пятен как «образующих самих себя» смотрите примечание на странице 386 — «бесчисленные визуальные взаимосвязи».

«провел долгое время…»: к Рёмеру, 22 марта 1922. В особенности «в интересах лучшего сопоставления результатов, более надежных вычислений и большей вероятности ответов Движения».

«проводить скорее как игру»: Черновик, 1.

называл это *экспериментом*: тест изначально задумывался как «перцептуально-диагностический эксперимент и динамический инструмент для дальнейшего развития психологического и психиатрического теоретизирования», а не как «косный психо-технологический “тест”, каковым он стал» (Akavia, 10).

Выбор в пользу того, чтобы сделать кляксы симметричными: позднее он прочитал труды Эрнста Маха о симметрии и похвалил его как «независимого мыслителя!», но не нашел там ничего, что мог бы добавить к своим собственным мыслям (Дневник, 21 октября 1919).

из эссе Вишера: «*On the Optical Sense*», 98 (см. главу 7).

использовать красный цвет: см. Ernest Schachtel, «*On Color and Affect: Contributions to an Understanding of Rorschach's Test*», *Psychiatry* 6 (1943): 393–409.

антропологи обнаружили: Brent Berlin, Paul Kay, *Basic Color Terms: Their Universality and Evolution* (Berkeley: University of California Press, 1969); Marshall Sahlins, «*Colors and Cultures*» (1976), в *Culture in Practice: Selected Essays* (New York: Zone Books, 2000), дают больше фактов о красном цвете и помещают эти, кажущиеся биологическими, открытия в контекст культуры.

«придумать ответ…»: *PD*, 104.

Он обнаружил, что нет никакой разницы: *PD*, 16.

двумя ответами: Черновик, 24–25*; PD,* 103*,* 137–39*.*

«*у Барака Обамы*»*:* процитировано Джеймсом Чока (*James Choka*) в докладе *Reclaiming the Rorschach from the Empiricist Pawn Shop* на конференции Общества личностной оценки, Нью-Йорк, 6 марта 2015.

интерпретации случайных изображений: *PD*, 16.

5 августа 1918 года: Мечиславу Минковски, 5 августа 1918. В «Психодиагностике» использованы примеры из черновика, и, поскольку сравнения требовали применять «одну и ту же серию таблиц» или «надлежащим образом стандартизированную аналогичную серию» (*PD*, 20, 52), изображения, скорее всего, были завершены еще к 1918 году. На каком-то этапе в его карточках появились разрывы в нумерации после нынешних III и VI, но в письме к Минковски упоминаются десять карточек, так же как и в его письме к Бирхеру от 29 мая 1920-го. Утверждение, что издатель Роршаха «принял к печати только 10 карточек» из «рукописи, изначально содержавшей 15», ложь (Ellenberger, 206, см. *L*, 230, примечание 1).

Большая часть оставшихся материалов главы взята из черновика Роршаха, за исключением специально указанного.

«Воскресение колоссальных»: в «Психодиагностике» (163) он называл ответ «очень сложной контаминацией» и оценивал его более полно: общее заявление — «ДЦ ЦФ – Абстрактный Оригинальный –» (ДЦ = Целое, выведенное из Детального); «воскресение», указывавшее на красных животных, которые ему подвергались, — это «ДД + Ж» (Ж = животное); называние цвета — «НЦ»; «головная вена» — «Дд ЦФ — Анатомический Оригинальный –», и «Другие определяющие факторы интерпретации нельзя установить».

«Быть может, скоро мы достигнем точки»: к Бурри, 28 мая 1920 года.

Целостные ответы могут быть как хорошим знаком: черновик, пример 15; *PD*, пример 16.

«Это касается очень простого эксперимента»: письмо в издательство *Julius-Springer Verlag*, 16 февраля 1920 года.

Глава 11. Это всюду вызывает интерес и недоверие

Грети Бройхли: Дневник, с 26 октября по 4 ноября 1919 года; переписка с Грети и Гансом Бурри, цитируется ниже; *WSI* Ганс Бурри и Грети Бройхли-Бурри.

«Он понял это!»: Дневник, 6 октября 1919 года.

«по-настоящему понял эксперимент…»: Бройхли был «первым человеком после Обергольцера», который понял. См. примечание об Эмиле Обергольцере ниже.

«Спасибо за ваш отчет!»: письмо от Грети Бройхли, 2 ноября 1919 года.

Роршах написал теплый ответ: к Грети Бройхли, датировано 5 ноября 1919, написано 4 ноября.

«мой компульсивный невротический священник»: к Обергольцеру, 6 мая 1920 года.

Анализ никогда не должен быть: к Бурри, 15 января 1920 года.

Протокол пастора включал семьдесят один ответ: *PD*, 146–55, и дневник, 77–83; см. Дневник, 7 февраля 1920, письмо к Бурри от 20 мая 1920 года и письмо от Бурри от 21 мая 1920 года.

«Спасибо Вам за всё»: от Грети, 22 мая 1920 года.

Через четыре месяца: к Бурри, 27 сентября 1920 года. Через пятьдесят лет, когда ему было сто, Бурри назвал смерть Роршаха катастрофой, а на глаза Грети навернулись слезы (*WSI*).

в одном журнале: «Швейцарские архивы неврологии и психиатрии» Константина фон Монакова, где Роршах часто публиковался (*L*, 148, примечание 2). См. письмо к Монакову, 28 августа и 23 сентября 1918; к Моргенталеру, 7 января 1920. Монаков, всемирно известный русский невролог (1853–1930), главный специалист по неврологии в медицинской школе Цюрихского университета, появлялся в жизни Роршаха несколько раз. Он, возможно, был первым, кто привил Роршаху интерес к России. Он лечил отца Роршаха, Ульриха. Роршах брал у него уроки начиная с 1905 года и работал под его руководством над исследованием шишковидной железы. К 1913 году они были близкими коллегами, — когда Роршах уехал в Россию, Монаков написал заметку для местной газеты, в которой назвал «в высшей степени огорчительным, что организация (в Мюнсингене) не смогла уговорить его остаться». «Не задерживайся в Москве слишком долго, — писал он непосредственно Роршаху. — В Швейцарии ты можешь добиться большего, неважно, как психиатр или как невролог». Роршах пошутил однажды, что было бы лучше отвадить Монакова от посещения его лекций о сектах, «потому что иначе с ним может случиться помрачение рассудка, которое будет висеть на моей совести. Кто-то должен сказать ему, что тема является насквозь психоаналитической, то есть для него это, так сказать, угроза жизни». В 1922-м он раздумывал о том, чтобы вернуться к совместной работе с Монаковым, «так, как я планировал делать это в Мюнсингене». В интеллектуальном плане он считал, что «блейлеровская концепция восприятия является устаревшей», и заявлял, что «не только моя личная склонность, но также и факты подталкивают меня в направлении биологической теории Монакова» (Anna R, 73; *WSM*; *L*, 127, примечание 1, 128, примечание 4; к Мечиславу

Минковски, 5 августа 1918; к Монакову, 8 августа и 9 декабря 1918; к Обергольцеру, 29 июня 1919; Максу Мюллеру, 6 января 1922).

версию, в которой читатели сами должны раскрасить картинки: к Монакову, 23 сентября 1918 (более буквально: «Такие архаичные мысли у некоторых есть и сегодня»).

«счастлив, что тест не был опубликован...»: к Моргенталеру, 7 января 1920.

«Субъективно я ощущаю...»: лекция Педагогическо-психологическому обществу Санкт-Галлена, февраль 1919, *HRA* 3:2:1:1.

именно ему приписывают изобретение термина: Ellenberger, 225.

Эмиля Обергольцера: 1883–1958. Его женой была русская еврейка, психиатр Мира Гинзбург (1884–1949), сама по себе являвшаяся важной фигурой в мире психоанализа, — она анализировала Обергольцера, прежде чем отправить его к Фрейду в 1913 году. В 1919-м они вместе открыли практику (*L*, 138–39, примечание 1; Müller, *Abschied vom Irrenhaus*, 160).

«контрольные эксперименты проводились следующим образом»: в издательство Julius-Springer Verlag, 16 февраля 1920.

всегда неоднозначно относился: *PD*, 121.

«это похоже на трюк»: к Обергольцеру, 15 июня 1921.

«Где в Геризау...»: к Рёмеру, 15 марта 1922.

когда у него появлялась возможность объяснить: Дневник, 4 ноября 1919.

протянул листы со своими чернильными пятнами: Morgenthaler, 100.

Блейлер уже был заинтригован: «После 1918 года существовал только один аналитик, к которому Блейлер испытывал живой интерес, — Герман Роршах. Он хвалил тест Роршаха как публично, так и в личных беседах» (Michael Shroter, предисловие к Freud and Bleuler, *Ich bin zuversichtlich,* 54).

«Хенс тоже должен был начать исследовать...»: Дневник, 63, 2 ноября 1919.

результаты тестов всех его детей: к Обергольцеру, 3 июня 1921.

будущий психиатр Манфред Блейлер: «*Der Rorschachsche Formdeutversuch bei Geschwistern*», *Zeitschrift für die gesamte Neurologie und Psychiatrie* 118.1 (1929): 366–98; см. также Müller, *Abschied vom Irrenhaus*, 164.

«Ты легко можешь представить...»: к Рёмеру, 18 июня 1921.

«На удивление положительно...»: процитировано в письме Роршаха к Обергольцеру, 28 июня 1921.

подтвердил его результаты: *CE*, 254.

«кое-какой план...»: к Паулю, 20 августа 1919.

Все такое темное, как видишь: к Рёмеру, 21 сентября 1919.

«Хорошо проведенный анализ...»: к Рёмеру, 27 января 1922.

от здоровых людей: Девять были от здоровых людей, четыре — от людей с неврозами, но не серьезными психическими заболеваниями вроде шизофрении. Называть это сдвигом было, возможно, преувеличением: «С самого начала, с самых первых экспериментов десять лет назад, я всегда старался проводить эксперимент на разных нормальных людях. Это очевидно из книги — в первую и главную очередь она посвящена нормальным людям» (к Рёмеру, 18 июня 1921).

К февралю 1919 года: Цитаты в этом параграфе и следующих взяты из лекции в Санкт-Галлене (см. примечание «Субъективно я ощущаю» на стр. 354, и *L*, 182–84, примечания).

«самой сложной частью всего эксперимента»: Цитаты из *PD*, за исключением специально указанных: 25–26, 31, 33–36, 77–79, 86–87, 94–95, 107, 110–13.

Коллега, работавший с Роршахом: Georg Roemer, *Vom Rorschachtest zum Symboltest* (Leipzig: Hirzel, 1938). В одном из случаев их дискуссия изменила общее количество Дв-ответов в тесте, снизив его с семи до двух.

Цветовым ответам: Дневник, 21 октября 1919.

еще смелее: в *PD* (см. примечание «самой сложной частью» выше) и Дневнике, начало сентября и 12 декабря 1919.

с самыми ранними детскими воспоминаниями: Роршах предполагал, что воспоминания, основанные на движении, связаны с ранним детством, так что количество Дв-ответов указывало на возраст самых ранних воспоминаний субъекта, или же было знаком подавления этих воспоминаний, если возраст не совпадал (Дневник, 3 ноября 1919). Он быстро отбросил эту теорию как слишком простую, но лишь после того как собрал первые воспоминания нескольких людей и записал свои собственные:

Самые ранние воспоминания детства.

Я сам: тусклые воспоминания периода 6–7 лет, о том, как я играю с младшей сестрой матери и своими братом и сестрой в холле шелкопрядильной школы: длинный холл, дальний конец которого, возможно, плохо виден — думаю, это связано с «бледностью» самого воспоминания. Игра называется «Ведьмы»: тетя гоняется за нами верхом на метле. Все очень блеклое и размытое.

Как он точно понял, это воспоминание связывало вместе разные периоды его детства. Ему, вероятно, было семь или восемь, поскольку Пауль родился, когда Герману было семь. Еще одна из сестер его матери, не самая младшая, сыграла важную роль в его жизни, став его мачехой. Шелкопрядильная школа была, несомненно, известным местом в его родном Цюрихе. Те метлы снова возникли в его собственном ответе Движения на тест: «карнавальные ряженые с метлами» (*HRA* 3:3:14:2).

миссионер, вернувшийся из африканского Золотого Берега: Г. Хенкинг.

Эмилем Люти: 1890–1966. *L,* 208–9, примечание 6; *WSI* Люти; Дневник, 11 октября 1919.

«На самом деле каждый художник…»: *PD,* 109. Письмо к Люти от 17 января 1922-го включает в себя более десятка цветных образцов и увлекательных гипотез — например, что фиолетовый самый сложный и загадочный цвет, поскольку он колеблется между красным и синим, теплым и холодным. Светлые фиалки могут выглядеть невероятно свежими и юными, в то время как «тёмный, тяжелый и насыщенный сине-голубой цвет выглядит мистично (теософский цвет!)».

студенты, обычно ученики Блейлера: Самой яркой среди них была Хедвиг Эттер, которая выбрала темой диссертации чернильный эксперимент и общалась с Роршахом в 1920-м. Ей предложили место добровольца в Кромбахе, несмотря на возражения Роршаха, а за два дня до выхода на работу она оставила Коллера и Роршаха в затруднительном положении. После того как Роршах и Обергольцер собрали для нее тестовые материалы, она отправилась в Вену на встречу с Фрейдом, и после сентября 1921-го больше никогда не давала о себе знать (*L,* 213–4, примечание 1, и прочие).

Ганс Бен-Эшенбург: 1893–1934. *L,* 187, примечание 5 и далее; Müller, «Zwei Schüler von Hermann Rorschach», глава 10 в *Abschied vom Irrenhaus*.

«Кто бы ни хотел работать с Роршахом…»: Gertrud Behn-Eschenburg, «*Working with Dr. Hermann Rorschach*», JPT 19.1 (1955): 3–5.

Бен провел тест Роршаха: Его диссертация называлась «Психологическое исследование при помощи теста интерпретации формы».

«Четырнадцатый год жизни…»: к Бурри, 16 июля 1920.

была безупречна и производила хорошее впечатление: к Бен-Эшенбургу, 14 ноября 1920.

Роршах писал целые разделы диссертации сам: «Он настолько безнадежно испортил свою диссертацию о моем эксперименте, что, в конце концов, мне пришлось делать почти все самостоятельно» (к Паулю, 8 января 1921); «Я просто не могу стоять в стороне и смотреть, как он устраивает бардак из материала, столь богатого проблематикой и новыми перспективами» (к Обергольцеру, 12 декабря 1920). Научному руководителю Бена, Гансу Мейеру: «Я заметил, хотя и слишком поздно, что подобные проекты требуют гораздо большего, чем может предложить простота метода, и что они не очень хорошо подходят для новичков» (24 января 1921). Подборка изображений Бена была позднее опубликована детским пси-

хологом Гансом Цуллигером как «Тест Бена–Роршаха», но сам Бен впоследствии не публиковал ничего, связанного с чернильными пятнами.

«Эксперимент очень простой…»: к Бену-Эшенбургу, 28 ноября 1920.

Георг Рёмер: 1892–1972. Müller, «*Zwei Schüler*»; *L*, 164–66, примечание 1 и далее; Blum/Witschi, 94–107. Самым важным из многих заявлений Рёмера является работа «*Hermann Rorschach und die Forschungsergebnisse seiner beiden letzten Lebensjahre*» (*Psyche* 1 [1948]: 523–42).

Как и Пауль, Рёмер анонимно выведен в «Психодиагностике». Пример 2: «Субъект — ученый, имеет много талантов, рисует карандашом и красками. Скромный наблюдатель, ясно мыслящий. Разностороннее образование, слегка склонное к разрозненности и фрагментированности. Легко падает духом. Скрупулезен в том, что его интересует, но быстро перепрыгивает с одной темы на другую. Позволяет эмоциям взять над ним верх; его эмоциональная нестабильность является, скорее, эгоцентричной».

«Я тоже считаю, что эксперимент…»: к Рёмеру, 11 или 12 января 1921.

он даже изготовил тайком набор собственных чернильных пятен: Дневник, 13 ноября, 1919.

«…тестирование человека, который не догадывается…»: *PD*, 121–22.

«Твои вопросы кажутся мне чрезвычайно интересными»: к Рёмеру, 11 или 12 января 1921.

Марта Шварц: позднее Шварц-Гантер (род. 1894). *WSI*; *L* 322, примечание 2. Забавно, что она считала, будто столкнется с высокой конкуренцией на собеседовании, но, конечно, они уже отчаялись найти кандидата на неоплачиваемую должность в Геризау. Роршах спросил ее, умеет ли она играть в спектаклях, — она играла серьезные роли, а он — комические. Умеет ли она петь? Играть на пианино? Танцевать. Хорошо, мы нанимаем вас. Они стали хорошими друзьями, часто выбирались вместе в город, чтобы купить чаю или пирожных. Она провела чернильный тест со всеми членами своей семьи и сказала, что многое узнала о людях, благодаря их интерпретациям: «После этого я могу быть более справедливой со своими родителями. Тест Роршаха сделал это очень тихо».

Альберт Фюррер: *L*, 284, примечание 3, цитаты из письма к Рёмеру, 23 мая и 18 июня 1921, и к Паулю, 16 октября 1921.

«Суть не в том, чтобы просто проиллюстрировать книгу…»: к Бирхеру, 19 мая 1920.

«Попытки провести эксперимент…»: к Обергольцеру, 18 июля 1919.

Оскару Пфистеру: 1873–1956. Если Блейлер и Юнг привнесли идеи Фрейда в больницы, то Пфистер привнес их в культуру. Написавший за всю жизнь более 270 книг, Пфистер был пастором, который продолжал верить, что психология совместима с религией. Он познакомился с психоанализом благодаря Юнгу, в 1908-м, и написал свой первый учебник по психоанализу в 1913-м, с предисловием от Фрейда. Его «истинно христианский взгляд на психоанализ раздражал Фрейда, но не был для него полностью неприемлем (J. Kerr, *A Most Dangerous Method: The Story of Jung, Freud, and Sabina Spielrein*, 210), и он остался ключевой фигурой в истории взаимоотношений Фрейда и религии. Фрейд попросил Пфистера ответить на свою книгу «Будущее одной иллюзии», что тот и сделал в работе «Иллюзия будущего: дружеское несогласие с профессором Зигмундом Фрейдом» (1928; переведено в *International Journal of Psychoanalysis* 74.3 [1993]: 557–79). Sigmund Freud, Oskar Pfister, *Psycho-Analysis and Faith: The Letters of Sigmund Freud and Oskar Pfister* (London: Hogarth Press, 1963); Alasdair MacIntyre, «*Freud as Moralist*», *New York Review of Books*, 20 февраля 1964.

популярную версию: Роршах отложил свое исследование сект почти на год, чтобы работать над тестом, но в октябре 1920-го, думая, что «Психодиагностика» может быть опубликована в любой день, он решил к нему вернуться. «Вот мой совет, — писал Пфистер. — Толстые книги сегодня настолько дороги, что их никто не покупает, и поэтому их никто не читает. Но ты можешь публиковать монографии с твоими материалами по сектам! Для начала — фрагмент “Секты и психические заболевания”, изложенный доступным языком и имеющий хорошее научное обоснование, — для тебя это обычное дело... Даже для ученого-исследователя является превосходной практикой написание работ для массовой аудитории, и ты сможешь обзавестись более широким кругом читателей таким образом. Роршах быстро согласился: «Будет нетрудно заполнить пятьдесят страниц информацией по теме. Я думаю, что смогу написать эту вещь для вас этой зимой». Хотя, как он сказал Обергольцеру: «Я, естественно, не хочу использовать свой лучший материал, Бинггели и Унтернарера, в популярной брошюре, так что я соберу туда другие материалы, что требует немного больше работы, чем я ожидал» (от Пфистера, 18 октября и 3 ноября 1920; к Пфистеру, 7 ноября 1920; к Обергольцеру, 20 марта 1921).

Вальтер Моргенталер: Много позже он организовал Роршаховскую комиссию (1945), основал Международное Роршаховское общество (1952) и Архив Германа Роршаха (1957). Но в двадцатые и тридцатые годы он не опубликовал ничего о Роршахе, за

исключением второго издания «Психодиагностики» (брошюра Риты Зигнер «*The Hermann Rorschach Archives and Museum*» [Bern, не датировано], 28 и далее; Müller, *Abschied vom Irrenhaus*, 153).

«долгой сырой весны в Геризау»: к Моргенталеру, 21 мая 1920.

«Моя рукопись закончена»: к Бирхеру, 22 июня 1920. Черновики: *HRA* 3.3.6.2 и 3.3.6.3.

Он рассуждал о философии цвета: в дневнике, который Роршах вел в течение шести месяцев начиная с сентября 1919-го, что было не характерно для него и является еще одним подтверждением его превращения в интроверта в период с тридати трех до тридцати шести лет. Первая запись протестует против того, что это была «разновидность дневника», потому что «вести дневник — занятие педантов».

Первое письмо Бирхера к Роршаху: 18 ноября 1919.

Роршах написал своему брату: 4 декабря 1919.

напечатана с другим шрифтом: к Обергольцеру, 14 января 1921.

так много заглавных букв «Ф»: к Рёмеру, март 1921.

В одном из писем: к Бирхеру, 29 мая 1920.

настоял Моргенталер в августе 1920 года: переписка с Моргенталером, 9–20 августа.

новое название выглядит «невероятным хвастовством»: к Рёмеру, 11 или 12 января 1921.

«Психодиагностика» была опубликована: к Бирхеру, 19 июня 1921.

«Я думаю, что это исследование...»: от Обергольцера, 12 июля 1920.

«Дорогой доктор...»: от Пфистера, 23 июня 1921.

«Все они — будущие министры»: к Бурри, 5 ноября 1921.

он планировал протестировать: там же.

в ноябре 1921 года: *CE*, 254.

«Что ж, получается...»: *CE*, 100.

«Блейлер выразил своё мнение...»: к Марте Шварц, 7 декабря 1921.

Рецензия, написанная в 1922 году Артуром Кронфельдом: *CE*, 230–33.

Людвиг Бинсвангер, первопроходец: *CE*, 234–47, впервые опубликовано в 1923 году, но письмо Бинсвангера от 5 января 1922-го выражает, обращаясь напрямую к Роршаху, ту же похвалу в адрес «Психодиагностики» и критику по поводу отсутствия там теоретической базы.

Уильям Штерн: *L*, 218, примечание 4, 335, примечание 1.

Подход Роршаха ... «был искусственным...»: Ellenberger, 225–226, который предполагал, что реакция Штерна вогнала Роршаха в депрессию и даже что эта депрессия заставила Роршаха не обращаться за медицинской помощью в следующем году, — но доказательств этому не существует.

«предложив необязательные изменения…»: к Обергольцеру, 17 июня 1921.

«Многочисленные и отличающиеся друг от друга наборы чернильных пятен»: к Рёмеру, 18 июня 1921. «В целом, — писал Роршах, прежде чем привести длинный список оговорок и проблем, — ты сильно недооцениваешь трудности, которые могут возникнуть» в процессе проведения и интерпретации теста.

«менее неприступным»: к Гвидо Лузеру, 11 июля 1921. См. также его жалобы на поведение Рёмера в письме к Бинсвангеру от 3 февраля 1922-го.

Чилийский врач: Фернандо Альенде Наварро.

«Северная Америка, несомненно»: к Рёмеру, 27 января 1922.

только один пример расовых или этнических различий: *PD*, 97, 112. «Это, конечно, не является чем-то принципиально новым — обнаружить, что обитатель Аппенцелля имеет большую эмоциональную адаптируемость, лучше идет на контакт и более активен физически, чем сдержанный, флегматичный и заторможенный житель Берна, однако тест подтверждает этот общеизвестный факт». В другой записи Роршах связал высокий процент самоубийств среди аппенцелльцев с тем, что они были более эмоциональны и экспрессивны, чем другие швейцарцы, а потому они «разыгрывали» свои депрессии (заседание Комиссия по здравоохранению 1920 года, *WSA*). Недавнее эссе с юмором отмечает, что Роршах сказал в «Психодиагностике» столь мало о культурных различиях, что Обергольцер был вынужден сделать сравнение с аппенцелльскими швейцарцами в дискуссии об индонезийских алорцах в 1940-х (Blum/Witschi, 120). Что бы это ни значило, Юнг тоже говорил своим продвинутым студентам, что во время посещения американского Юго-Востока он был «потрясен схожестью женщин племени пуэбло со швейцарскими женщинами из кантона Аппенцелль, где живут потомки монгольских завоевателей». Это единственное объяснение, которое он предлагает для того факта, что «американцы более родственны Юго-Восточной Азии, чем европейцы» (*Introduction to Jungian Psychology: Notes of the Seminar on Analytical Psychology Given in 1925* [Princeton: Princeton University Press, 2012], 116).

этнографическими и связанными с сектами исследованиями: последние рецензии Роршаха для журнала Фрейда *Imago* были о двух сравнительных исследованиях рисунков европейских детей и индейцев племени дакота, не имеющей отношения к психоанализу книге о воспитании детей в Швейцарии и об исследовании секты антонианцев (*CE*, 311–14, все написано в 1921).

населения Китая: *WSM*.

в гостиничный номер к Альберту Швейцеру: к Обергольцеру, 15 ноября 1921; к Марте Шварц, 7 декабря 1921; *WSI* Софи Коллер. Роршах послал Бурри дальнейшие подробности (5 ноября 1921): «Каждый цвет, вплоть до глубочайших оттенков темно-синего, просто вызывает у него отвращение. Он рационалист до мозга костей, и все же он стал миссионером. Он настаивает, что живущие в джунглях негры знают только “вечный омерзительный зеленый цвет” джунглей, и что у них никогда не было возможности увидеть красный. Красные птицы, красные бабочки, красные цветы — там нет таких вещей, сказал он, когда я его об этом спросил. В конце концов он признал с удивлением, что негры видят красный, только когда ударят кого-нибудь по голове или поранят собственный палец».

«Все же намного больше находится в стадии эксперимента»: к Рёмеру, 18 июня 1921.

Глава 12. Психология, которую он видит, — это его психология

Один пациент, «импульсивный…»: к Рёмеру, 27 января 1922; *L*, 403, примечание 1; *PD*, 207.

«**динамическая психиатрия**»: книга Элленбергера *Discovery of the Unconscious: The History and Evolution of Dynamic Psychiatry* — самый надежный источник; определения динамики даны на страницах 289–291.

одно из самых виртуозных исполнений теста: *PD*, 184–216, включено во второе и все последующие издания. Цитаты ниже взяты со страниц 185 (предварительно примечание Обергольцера) и 196–214, кроме специально указанных.

«**тест Роршаха должен быть освобожден…**»: Roemer, *Vom Rorschachtest zum Symboltest*, процитировано *L*, 166, примечание 1.

более сложных и структурированных: к Рёмеру, 22 марта 1922, процитировано в главе 10 выше.

«Мои изображения выглядят неуклюжими…»: к Рёмеру, 27 января 1922. Рёмер в последующие годы, после попыток сотрудничествас нацистами, ожесточился, пытаясь добиться признания в Германии и Америке. Несмотря на многолетние усиленные поиски он не смог найти издателя, и в конце концов опубликовал свои изображения за собственный счет в 1966 году. Он продолжал эксплуатировать миф о своем «каждодневном сотрудничество с Роршахом» и претендовал на роль его главного преемника, но в то же время постоянно подрывал идеи самого Роршаха и видоизменял тест.

«Наиболее существенным является быстрый переход»: к Рёмеру, 28 января 1922.

Книга Юнга «Психологические типы»: *Collected Works*, vol. 6, 1976. Фрейд получил экземпляр и назвал книгу «работой сноба и мистика, не содержащей ни одной новой идеи» (к Эрнесту Джонсу, 19 мая 1921, в переписке Зигмунда Фрейда с Эрнестом Джонсом — *The Complete Correspondence of Sigmund Freud and Ernest Jones*, 1908–1939 [Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993], 424).

«Юнг придумал уже четвертый вариант интровертности»: к Рёмеру, 18 июня 1921 года.

«вряд ли имеет что-то общее с теорией Юнга»: *PD*, 82. Использование Роршахом терминов «интроверсия» и «экстраверсия» отсылает к его исследованиям сект. Его последующие штудии идей Юнга об интроверсии являются сложными разработками, которые никто не пытался отслеживать (Akavia и K. W. Bash, «*Einstellungstypus and Erlebnistypus: C. G. Jung and Hermann Rorschach*», *JPT* 19.3 [1955]: 236–42, и *CE*, 341–44).

В длинных, проницательных описаниях: Например, в «Психологических типах» Юнга, на стр. 160–163, рассказывается о том, как интроверта может возмущать то, что экстраверт не может усидеть на месте; при этом обеспокоен только интроверт — экстраверт просто живет своей жизнью.

Когда Юнга спросили: *C. G. Jung Speaking*, 342.

как написал Юнг в эпилоге: страницы 487–495; цитаты ниже взяты с этих страниц, кроме специально указанных.

«выросла изначально из нужды определить направление»: процитировано в «Психологических типах» Юнга, *Psychological Types*; 60–62 и *C. G. Jung Speaking*, 340–43, 435.

Юнгу понадобились годы: в 1915 году Юнг привлек к сотрудничеству склонного к экстраверсии коллегу-психиатра Ганса Шмид-Гизана в роли «спарринг-партнера», который не позволил бы ему отвлекаться на собственные предрассудки. В то время Юнг еще думал, что экстравертное мышление является по сути неадекватным, что чувства иррациональны и любые проявления, противоположные его собственным, можно назвать «простыми аберрациями». Их диалог заканчивается взаимной фрустрацией, и каждый оказывается неспособен понять другого, — Юнг ярко проявлял себя как заносчивый автократ, но в конце концов им он и должен быть, поскольку он исполнял роль властного интровертного визионера, противостоящего экстравертной склонности к социализации и сотрудничеству, присущей другому человеку. Однако это сработало: пятью годами позже Юнг был вынужден признать существование и полноправие прочих типов. «Интроверт не может знать

или представлять, как он выглядит в глазах противоположного ему типа до тех пор, пока не позволит экстраверту высказать ему это в лицо, что чревато вызовом на дуэль», — пишет Юнг в «Психологических типах». Но именно это и сделал сам Юнг, взглянув на вещи с другой стороны. (*The Question of Psychological Types: The Correspondence of C. G. Jung and Hans Schmid-Guisan,* 1915–1916 [Princeton: Princeton University Press, 2013]; Jung, *Psychological Types*, 164; Bair, *Jung*, 278–285.)

«Я читаю Юнга»: к Обергольцеру, 17 июня 1921.

«Я сейчас перечитываю “Типы” Юнга…»: к Обергольцеру, 15 ноября 1921.

«Я очень хочу провести долгую беседу»: к Бурри, 5 ноября 1921.

«Я вынужден согласиться с Юнгом…»: к Рёмеру, 28 января 1922.

«Я думал поначалу, что типы Юнга»: к Бурри, 5 ноября 1921. Роршах считал такие типы, как интровертно-чувствующий, интровертно-ощущающий и экстравертно-интуитивный «особенно сомнительными», поскольку они выглядят менее убедительно, чем остальные пять, — именно так, как можно было бы предсказать, исходя из личности Юнга. Jung, *C. G. Jung Speaking*, 435–46; Jung, *Introduction to Jungian Psychology*; Письмо Юнга к Сабине Шпильрейн от 7 октября 1919-го, где отмечалось его, Блейлера, Ницше, Гёте, Шиллера и Канта, положение на осях Мышления/Чувствования и Ощущения/Интуиции (Coline Covington, Barbara Wharton, *Sabina Spielrein: Forgotten Pioneer of Psychoanalysis* [New York: Brunner-Routledge, 2003], 57; важные фрагменты процитированы в совместной работе Юнга и Шмид-Гизана *Question of Psychological Types*, 31–32).

склонный полагаться на ответы Движения или, наоборот, уделяющий им мало внимания: *PD*, 26, 75, 78.

«Мой метод все еще находится в стадии детства»: к Гансу Принцхорну (см. примечание «новаторское исследование искусства и психических заболеваний), возможно, последнее письмо Роршаха.

«целостный взгляд на весь объем выводов»: *PD*, 192, из эссе 1922 года.

«Вся моя работа показала»: к Рёмеру, июнь 1921 года.

с пациентами клиники для глухонемых: к Ульриху Грюнингеру, 10 марта 1922 года; к Рёмеру, 15 марта 1922 года.

Глава 13. На пороге лучшего будущего

В воскресенье 26 марта: письмо Ольги к Паулю, 8 апреля 1922 года; *WSI*; Медицинский отчет доктора Коллера; Ellenberger.

«Он неожиданно сказал мне…»: 8 апреля 1922 года.

«пораженным» способностями Роршаха: Роршах послал Пфистеру подробный слепой диагноз, и тот ответил: «Какая прекрасная

работа! Я поражен точностью твоих суждений» (10 февраля 1922 года).

«вчера мы потеряли нашего самого способного аналитика»: Pfister, *Psycho-Analysis and Faith*, исправлено. Фрейд ответил несколько двусмысленно, 6 апреля (см. там же): «Смерть Роршаха очень печальна. Я напишу несколько слов его вдове сегодня. На мой взгляд, вы переоцениваете его как аналитика. В вашем письме я не без удовольствия заметил высокое уважение, которое вы оказываете ему как человеку».

«Я видел в нем стремление к самым высоким вещам»: HR 1:4.

Когда Людвиг Бинсвангер опубликовал в 1923 году эссе: в *CE*, 234–247.

Глава 14. Чернильные пятна приходят в Америку

Дэвид Мордекай Леви: 1892–1977. См. Архив Дэвида М. Леви в библиотеке Оскара Дительма, Институт истории психиатрии ДеВитта Уоллеса, в особенности Секцию 1; биография в *American Journal of Orthopsychiatry* 8.4 (1938): 769–70; David M. Levy, «*Beginnings of the Child Guidance Movement*», *American Journal of Orthopsychiatry* 38.5 (1968): 799–804; David Shakow, «*The Development of Orthopsychiatry*», *American Journal of Orthopsychiatry* 38.5 (1968): 804–9; некрологи в *American Journal of Psychiatry* 134.8 (1977): 934 и *New York Times*, 4 марта 1977; Samuel J. Beck, «*How the Rorschach Came to America*», *JPA* 36.2 (1972): 105–8.

провести год за рубежом: Bruno Klopfer, Douglas McGlashan Kelley, *The Rorschach Technique: A Manual for a Projective Method of Personality Diagnosis* (Yonkers-on-Hudson, NY: World Book, 1942; 2-е издание, 1946), 6.

Леви опубликовал очерк Роршаха: Hermann Rorschach, E. Oberholzer, «*The Application of the Interpretation of Form to Psychoanalysis*», *Journal of Nervous and Mental Disease* 60 (1924): 225–48. Переводчик не указан, но время публикации, отношения Леви с журналом, его свободное владение немецким и английским языками и пометки, сделанные в его копии «Психодиагностики» (Архив Дэвида М. Леви), указывают на то, что перевод, вероятнее всего, был сделан им. По словам Экснера, в 1926 году Леви опубликовал перевод как «первую американскую публикацию, касающуюся Роршаха». Описание совпадает, за исключением даты (*ExRS*, 7).

первый в Соединенных Штатах семинар: в 1925 году (M. R. Hertz, «*Rorschachbound: A* 50-*Year Memoir*», *JPA* 50.3 [1986]: 396–416).

Главный приверженец этого теста в Швейцарии: Роланд Кун.

его сторонником в Англии: Теодора Алькок (см. R. S. McCully, «*Miss Theodora Alcock,* 1888–1980», *JPA* 45.2 (1981): 115 и Justine McCarthy Woods, «*The History of the Rorschach in the United Kingdom*», *Rorschachiana* 29 (2015): 64–80).

самым популярным психологическим тестом в Японии: Yuzaburo Uchida (Kenzo Sorai и Keiichi Ohnuki, «*The Development of the Rorschach in Japan*», *Rorschachiana* 29 (2015): 38–63).

на подъеме в Турции: Tevfika İkiz, «*The History and Development of the Rorschach Test in Turkey*», *Rorschachiana* 32.1 (2011): 72–90. Франциска Минковска, приверженец теста Роршаха во Франции, работала с еврейскими детьми во время и после Холокоста; см. примечание для Франциски Минковской ниже.

именно в Соединенных Штатах: о ранней истории теста Роршаха в Америке см. *ExRS; ExCS* (1974), 8–9; John E. Exner et. al., «*History of the Society*» в *History and Directory: Society for Personality Assessment Fiftieth Anniversary* (Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1989), 3–54. Wood, 48–83 — исчерпывающе, но спорно.

Психотерапевты, работавшие с людьми: Ellenberger, *Discovery*, 896.

«Это является следствием существования двух разных подходов»: к Рёмеру, 18 июня 1921.

В отношениях двоих самых влиятельных последователей Роршаха: Их изначальная вражда описана в Samuel J. Beck, «*Problems of Further Research in the Rorschach Test*», *American Journal of Orthopsychiatry* 5.2 (1935): 100–115; Beck, *Introduction to the Rorschach Method: A Manual of Personality Study* (New York: American Orthopsychiatric Association, 1937); Bruno Klopfer, «*The Present Status of the Theoretical Development of the Rorschach Method*», *RRE* 1 (1937): 142–47; Beck, «*Some Present Rorschach Problems*», *RRE* 2 (1937): 15–22; Klopfer, «*Discussion on 'Some Recent [sic] Rorschach Problems'*», *RRE* 2 (1937): 43–44, в выпуске журнала Клопфера, который включает в себя десять статей с аргументами против Бека; Klopfer, «*Personality Aspects Revealed by the Rorschach Method*», *RRE* 4 (1940): 26–29; Klopfer, *Rorschach Technique* (1942); рецензия Бека на работу Клопфера *Rorschach Technique*, в *Psychoanalytic Quarterly* 11 (1942): 583–87; Beck, *Rorschach's Test, vol.* 1 (New York: Grune and Stratton, 1944).

Более поздние изыскания: Beck, «*The Rorschach Test: A Multi-dimensional Test of Personality*» в *An Introduction to Projective Techniques and Other Devices for Understanding the Dynamics of Human Behavior*, ed. Harold H. Anderson, Gladys L. Anderson (New York: Prentice-Hall, 1951); устное интервью с Беком, 28 апреля 1969, Архивы истории американской психологии, Университет Акрон, штат Огайо; Beck, «*How the Rorschach Came*»; редакторское предисловие в выпуске, посвященном

двадцатипятилетию научной деятельности Бруно Клопфера, *JPT* 24.3 (1960); Pauline G. Vorhaus, «*Bruno Klopfer: A Biographical Sketch*», *JPT* 24.3 (1960): 232–37; Evelyn Hooker, «*The Fable*», *JPT* 24.3 (1960): 240–45. Также: Некролог Джона Экснера на Бека, *American Psychologist* 36.9 (1981): 986–87; K. W. Bash, «*Masters of Shadows*», *JPA* 46.1 (1982): 3–6; Leonard Handler, «*Bruno Klopfer, a Measure of the Man and His Work*», *JPA* 62.3 (1994): 562–77, «*John Exner and the Book That Started It All*», *JPA* 66.3 (1996): 650–58, и «*A Rorschach Journey with Bruno Klopfer*», *JPA* 90.6 (2008): 528–35. В книгу Annie Murphy Paul, *The Cult of Personality* (New York: Free Press, 2004) входит оригинальный материал о Клопфере и Беке, но на ее видение Роршаха полагаться нельзя.

Осенью 1927 года: Beck, *Introduction to the Rorschach Method*, IX.

«Я видел лучших убийц»: Устное интервью с Беком, процитировано в Paul, *Cult of Personality*, 27.

«научным методом постигнуть»: там же.

«постоянно думать о вещах…»: Vorhaus, «*Bruno Klopfer*».

популярную еженедельную радиопередачу: Handler, «*Rorschach Journey*», 534.

его восьмилетний сын: Paul, *Cult of Personality*, 25.

В благодатной для бизнеса Швейцарии: Ellenberger, 208.

с громкими дискуссиями: Молли Харроуэр, описывая свое знакомство с Клопфером в октябре 1937-го, в «*History of the Society*», John Exner et. al.

сотней подписчиков: «*Retrospect and Prospect*», *RRE* 2 (июль 1937): 172.

«он не показывает картины поведения»: Klopfer, «*Personality Aspects Revealed*», 26.

«флюороскопию психики»: Beck, «*Multidimensional Test*», 101 и 104; Beck, *Introduction to the Rorschach Method*, 1.

«После того как ответ был окончательно оценен…»: Beck, «*Some Present Rorschach Problems*», 16.

Клопфер, хоть он и соглашался: *ExRS*, 21.

«в значительной степени сочетал в себе»: Klopfer, *Rorschach Technique*, 3.

«знал о ценности свободных ассоциаций…»: Beck, «*The Rorschach Test: A Multi-dimensional Test*», 103.

«Роршах мог обрабатывать…»: Beck, рецензия на *Rorschach Technique* Клопфера, 583.

«студента, наученного дисциплине»: там же.

«не очень согласуется»: Beck, «*Some Present Rorschach Problems*», 19–20.

«в крайне малой степени подверглась влиянию»: Beck, *Rorschach's Test, vol.* 1, XI.

с подозрением смотрели в мастерских Клопфера: Exner et. al., «*History of the Society*», 22.

Летом 1954 года: Handler, «*John Exner*», 651–52.

«приводил окружающих в трепет»: Экснер, некролог на Бека. Дальнейшие изыскания Бека, в особенности индекс Реального Опыта, который отражает «внутреннее состояние как общую психологическую жизнестойкость», заходят на достаточно спекулятивную территорию.

Одно из ее нововведений: *ExRS*, 158.

ее позднее называли разумом: *ExRS*, 27, 42.

Ее первая статья в журнале Клопфера: «*The Normal Details in the Rorschach Ink-Blot Tests*», *RRE* 1.4 (1937): 104–14.

предупреждала Бека: «*Rorschach: Twenty Years After*», RRE 5.3 (1941): 90–129.

«гораздо более гибкий…»: в «*History of the Society*», Exner et. al.

Самые впечатляющие усилия: Marguerite R. Hertz, Boris B. Rubenstein, «*A Comparison of Three 'Blind' Rorschach Analyses*», *American Journal of Orthopsychiatry* 9.2 (1939): 295–314. Технически, как она отмечает, ее собственный анализ был «отчасти слепым», поскольку она проводила тест лично, зная только возраст испытуемого. Она излагает все должные предостережения: это упражнение не делает тестовые процедуры действительными и не подтверждает того, что тест Роршаха раскрывает структуры личности, и, конечно же, необходимы дальнейшие исследования. Но «подчеркнутые совпадения в этих заметках могут быть итолкованы только в положительном ключе». Внутри области это было «знаменитым противостоянием» (Ernest R. Hilgard, *Psychology in America: A Historical Survey* [San Diego: Harcourt Brace Jovanovich, 1987], 516).

Герц позвонили из университета: *ExRS*, 26–27 и 157, цитата из личного послания от Герца, где он сообщает, что «рукопись была почти завершена». Дата этого печального события в точности не известна — то ли 1937, то ли 1940 год (*Hertz, Marguerite Rosenberg, Encyclopedia of Cleveland History*, ech.case.edu/cgi/article.pl?id=HMR; Douglas M. Kelley, «*Report of the First Annual Meeting of the Rorschach Institute Inc*», RRE 4.3 [1940]: 102–3).

вероятно, уступив пальму первенства Клопферу: *ExRS*, 44.

К 1940 году Клопфер: Kelley, *Survey of the Training Facilities for the Rorschach Method in the U.S.A., RRE* 4.2 (1940): 84–87; Exner et. al., History of the Society, 16.

имени Сары Лоуренс: Ruth Munroe, *The Use of the Rorschach in College Guidance,* RRE 4.3 (1940): 107–30.

«стабильного резерва исследовательских материалов»: Ruth Munroe, *Rorschach Findings on College Students Showing Different*

Constellations of Subscores on the A. C. E. (1946), в *A Rorschach Reader*, ed. Murray H. Sherman (New York: International Universities Press, 1960), 261.

Глава 15. Восхитительная, потрясающая, творческая, доминантная

Америка переключилась: определено таким образом в *Personality and the Making of Twentieth-Century Culture,* 14-й главе книги *Culture As History: The Transformation of American Society in the Twentieth Century* (New York: Pantheon, 1984, автор Warren I. Susman). Его формулировка, наряду с примерами из Roland Marchand, *Advertising the American Dream: Making Way for Modernity,* 1920–1940 (Berkeley: University of California Press, 1985), с тех пор стала поводом для многих интердисциплинарных дискуссий. Например, Сьюзан Кейн применяет ее, чтобы обосновать то утверждение, что культура личности отдает предпочтение экстравертным типам (*Quiet: The Power of Introverts in a World That Can't Stop Talking* [New York: Crown, 2012], 21–25).

В одном из классических исследований: Marchand, *Advertising the American Dream.*

«Еще в 1915 году»: Альфред Кробер, процитировано в Hallowell, «*Psychology and Anthropology*» (1954), повторно воспроизведено в *Contributions to Anthropology* (Chicago: University of Chicago Press, 1976), 163–209.

Эссе Лоуренса Фрэнка 1939 года: Воспроизведено в *Rorschach Science: Readings in Theory and Method*, ed. Michael Hirt (New York: Free Press of Glencoe, 1962), 31–52; см. также Frank, «*Toward a Projective Psychology*», *JPT* 24 (сентябрь 1960): 246–53.

Лоуренса К. Фрэнка называли: Некролог, *New York Times*, 24 сентября, 1968; Ellen Herman, *The Romance of American Psychology: Political Culture in the Age of Experts* (Berkeley: University of California Press, 1995), 177. Будучи президентом Фонда Мейси, он согласился проспонсировать первую академическую конференцию, в 1941 году собравшую вместе академических психологов и врачей, которые использовали тест Роршаха (Exner et. al., «History of the Society», 17).

«Личность не знает ничего...»: Владимир Марков, «История русского футуризма», 5. Также процитировано выше.

тематический апперцептивный тест: Впервые опубликован в Christiana D. Morgan, Henry A. Murray, «*A Method for Investigating Fantasies: The Thematic Apperception Test*», *Archives of Neurology and Psychiatry* 34.2 (1935): 289–306. У TAT и сегодня есть сторонники, и он используется относительно широко,

с учетом различных мультикультурных изменений, включая «Тематический апперцептивный тест на основе черного» и набор изображений для пожилых людей.

Вижу ли я волка: Галисон высказывает схожую точку зрения: «В мире чернильных пятен Роршаха люди, конечно же, создают объекты: “Я вижу женщину”, “Я вижу голову волка”. Но объекты также создают людей, указывая, что пациент является «депрессивным» или «шизофреником» (258–59).

предполагает, что у нас есть индивидуальное творческое «я»: тест Роршаха «отражал эту новую внутреннюю жизнь человеческого “я” и являл собой иллюстративную процедуру оценки, универсальный узнаваемый визуальный знак и убедительную центральную метафору» (Galison, 291).

До 1920 года: парафраз истории, рассказанной в Hallowell, *Psychology and Anthropology* и *The Rorschach Technique in the Study of Personality and Culture*, American Anthropologist 47.2 (1945): 195–210.

«соотношение между Дв и Цв»: процитировано в Hallowell, *Psychology and Anthropology,* 191.

вторым человеком, который привез: Beck, «*How the Rorschach Came*», 107.

Эссе, написанное Блейлерами в 1935 году: M. Bleuler, R. Bleuler, «*Rorschach’s Ink-Blot Test and Racial Psychology: Mental Peculiarities of Moroccans*», *Journal of Personality* 4.2 (1935): 97–114. Сам по себе этот журнал является полезным артефактом того времени, полным рукописных анализов, тестов близнецов, которых разлучили при рождении, и сравнений различных культур. Это был изначально двуязычный журнал, который на немецком назывался *Charakter*, а на английском — *Character and Personality*, а открывающая статья первого номера в 1932 году (William McDougall, «*Of the Words Character and Personality*») изобиловала доказательствами перехода от характера к личности, который обсуждался выше.

проще сказать, чем сделать: Сэмюэл Бек критиковал в первую очередь именно этот призыв к эмпатии, утверждая, что тесту нужны фиксированные стандарты, а не повышенная субъективность («*Autism in Rorschach Scoring: A Feeling Comment*», *Character and Personality* 5 [1936]: 83–85, процитировано *ExRS*, 16).

Кора Дюбуа: 1903–91. *The People of Alor* (Minneapolis: University of Minnesota Press, 1944). Сегодня существует ее отдельная биография: Susan C. Seymour, *Cora Du Bois: Anthropologist, Diplomat, Agent* (Lincoln: University of Nebraska Press, 2015).

«Суть вопроса»: процитировано в Seymour, Cora Du Bois, электронная книга.

Можно ли узнать из теста Роршаха что-либо полезное: Emil Oberholzer, «*Rorschach's Experiment and the Alorese*» в Du Bois, *People of Alor*, 588. Ответы ниже приведены со страницы 638.

Любое подобное заявление заставило бы исследователей ходить по кругу: George Eaton Simpson, *Sociologist Abroad* (The Hague: Nijhoff, 1959), 83–84.

Электроэнцефалограф: John M. Reisman, *A History of Clinical Psychology* (New York: Irvington, 1976), 222.

Человек, которому обычно приписывается: Например, в Gardner Lindzey, *Projective Techniques and Cross-Cultural Research* (New York: Appleton-Century Crofts, 1961), 14; Lemov, «*X-Rays of Inner Worlds: The Mid-Twentieth-Century American Projective Test Movement*», *Journal of the History of the Behavioral Sciences* 47.3 (2011): 263.

Альфред Ирвинг Хэллоуэлл: Jennifer S. H. Brown, Susan Elaine Gray, редакторское предисловие к A. Irving Hallowell, *Contributions to Ojibwe Studies: Essays,* 1934–72 (Lincoln: University of Nebraska Press, 2010); Hallowell, «*On Being an Anthropologist*» (1972), там же, 1–15. Этот сборник содержит все процитированные ниже эссе Хэллоуэлла, за исключением специально указанных. Хэллоуэлл использовал в своих эссе устаревшее написание «оджибва», в цитатах исправлено на «оджибве». Многие оджибве сегодня идентифицируют себя как анишинаабе (*Anishinaabeg* во множественном числе).

летние месяцы на берегах небольшой канадской реки Беренс: см. в особенности «*The Northern Ojibwa*» (1955) и выразительную работу «*Shabwán: A Dissocial Indian Girl*» (1938).

«земля лабиринтоподобных водных путей…»: «*Shabwán*», 253.

«в берестяных жилищах — типи»: «*Northern Ojibwa*», 35.

«В такой атмосфере»: «*Northern Ojibwa*», 36.

странное слово «Роршах»: процитировано в «*Note to Part VII*» в Hallowell, *Contributions*, 467; см. также Hallowell, «*On Being an Anthropologist*», 7, и George W. Stocking Jr., «*A.I. Hallowell's Boasian Evolutionism*» в *Significant Others: Interpersonal and Professional Commitments in Anthropology*, ed. Richard Handler (Madison: University of Wisconsin Press, 2004), 207.

«Я собираюсь показать вам несколько карточек…»: процитировано в Rebecca Lemov, *Database of Dreams: The Lost Quest to Catalog Humanity* (New Haven: Yale University Press, 2015), 61. «Оджибва» исправлено на «оджибве».

с десятками Роршах-протоколов людей племени оджибве: оригиналы опубликованы в Bert Kaplan, *Primary Records in Culture and Personality*, издание 2 (Madison, WI: Microcard Foundation, 1956). Всего Хэллоуэлл собрал 151 протокол.

разные уровни ассимиляции оджибве: цитаты и перефразированные высказвания из «*Acculturation Processes and Personality Changes as Indicated by the Rorschach Technique*» (1942), воспроизведено в Sherman, *Rorschach Reader* и «*Values, Acculturation, and Mental Health*» (1950).

В двух новаторских статьях: «*The Rorschach Method as an Aid in the Study of Personalities in Primitive Societies*» (1941); «*The Rorschach Technique*» (1945), см. примечание «До 1920 года» на стр. 365. См. также «*Some Psychological Characteristics of the Northeastern Indians*» (1946), особенно страницы 491–494, где он предполагает, что тест Роршаха лучше выполняет работу по тестированию интеллекта, чем другие стандартные тесты, поскольку с культурной точки зрения он менее предвзят по отношению к западным типам интеллекта. Его аргумент похож на утверждение Германа Роршаха в 1920 году в письме к потенциальному издателю.

«...психологический смысл...»: «*The Rorschach Technique*», 204.

хоть и возможной теоретически: там же, 200.

Проведенное в 1942 году исследование самоанцев: Philip Cook, «*The Application of the Rorschach Test to a Samoan Group*» [1942], в Sherman, *Rorschach Reader.*

«одно из лучших имеющихся в распоряжении средств»: «*The Rorschach Technique*», 209.

президентом Американской антропологической ассоциации, а также созданного Клопфером Института Роршаха: Lemov, *Database of Dreams*, 136.

«Он казался рентгеновской машиной для души»: Уолтер Мишель, который позднее провел знаменитый «зефирный эксперимент», выявивший взаимосвязи между уровнем самоконтроля у детей и их дальнейшим успехом в жизни, процитировано в Jonah Lehrer, «*Don't!*», *New Yorker*, 18 мая 2009.

Глава 16. Король тестов

За три недели: *ExRS*, 32; Exner et. al., «*History of the Society*», 18–20.

к общему армейскому классификационному тесту: Thomas W. Harrell (который помогал его разрабатывать), «*Some History of the Army General Classification Test*», *Journal of Applied Psychology* 77.6 (1992): 875–78.

свою технику инспекции: Ruth Munroe, «*Inspection Technique*», *RRE* 5.4 (1941): 166–91, и «*The Inspection Technique: A Method of Rapid Evaluation of the Rorschach Protocol*», RRE 8 (1944): 46–70.

групповую роршахскую технику: M.R. Harrower-Erickson, «*A Multiple Choice Test for Screening Purposes* (*For Use with the Rorschach Cards or Slides*)» *Psychosomatic Medicine* 5.4 (1943): 331–41; см. также Molly Harrower, *Matilda Elizabeth Steiner*, *Large Scale*

Rorschach Techniques: A Manual for the Group Rorschach and Multiple Choice Tests (Toronto: Charles C. Thomas, 1945).

«большие трудности»: «*Group Techniques for the Rorschach Test*» в *Projective Psychology: Clinical Approaches to the Total Personality*, ed. Edwin Lawrence, Leopold Bellak (New York: Knopf, 1959), 147–48.

рассказала позднее Харроуэр: там же, 148.

встретил позитивный прием: там же, 172 и далее.

стандартизированных тестов: Reisman, *History of Clinical Psychology*, 271.

«король тестов»: Hilgard, *Psychology in America*, 517.

поворотным моментом: Reisman, *History of Clinical Psychology*, главы 6–7; Jonathan Engel, *American Therapy: The Rise of Psychotherapy in the United States* (New York: Gotham Books, 2008), глава 3; Wood, главы 4–5; Hans Pols, Stephanie Oak, «*The US Psychiatric Response in the 20th Century*», *American Journal of Public Health* 97.12 (2007): 2132–42.

1 875 000 человек: William C. Menninger, «*Psychiatric Experiences in the War*», *American Journal of Psychiatry* 103.5 (1947): 577–86; Braceland, «*Psychiatric Lessons from World War II*», *American Journal of Psychiatry* 103.5 (1947): 587–93; Pols, Oak, «*US Psychiatric Response*».

«жалкое» физическое здоровье: Engel, *American Therapy*, 46–47.

На момент начала войны: Menninger, «*Psychiatric Experiences*»; Reisman, *History of Clinical Psychology*, 298.

«практически каждый член…»: Edward A. Strecker, «*Presidential Address [to the American Psychiatric Association]*» (1944), процитировано в Pols, Oak, «*US Psychiatric Response*».

к задачам разработки сложных приборных панелей: Reisman, *History of Clinical Psychology*, 298.

Вышло так, что: учебника по тесту множественного выбора не существовало до 1951 года (Wood, 86).

вторым по популярности тестом личности: C. M. Louttit, C. G. Browne, «*The Use of Psychometric Instruments in Psychological Clinics*», *Journal of Consulting Psychology* 11.1 (1947): 49–54.

популярная тема для диссертации: Hilgard, *Psychology in America*, 516.

один лейтенант: Макс Сигель, президент Американской психологической ассоциации в 1980-е годы. Exner et. al., «*History of the Society*», 20.

исследования переутомления у пилотов: Seymour G. Klebanoff, «*A Rorschach Study of Operational Fatigue in Army Air Forces Combat Personnel*», *RRE* 10.4 (1946): 115–20.

обзорных конференций по заболеваниям: Hilgard, *Psychology in America*, 516–17.

символом статуса: Wood, 97–98; Engel, *American Therapy*, 16–17, 65–70.

«во время чрезвычайного положения»: Klopfer, *Rorschach Technique*, IV.

ведущего педагога-психолога: Wood, 175; Lee J. Cronbach: процитировано в Wood, 343, примечание 10.

Рут Бокнер и Флоренс Хэлперн: *The Clinical Application of the Rorschach Test* (New York: Grune and Stratton, 1942); см. Wood, 85. Я нашел мало информации о Рут Ротенберг Бокнер (закончила Вассар-колледж и Колумбийский университет) и Флоренс Кон Хэлперн (1900–1981, получила докторскую степень в 1951 году, была активной участницей движения за гражданские права и консультировала сельских бедняков в шестидесятые).

«небрежно написанная работа…»: Моррис Кругман, первый президент роршаховского института Клопфера, рецензия на «Клиническое применение» Бокнер и Хэлперн в *Journal of Consulting Psychology* 6.5 (1942): 274–75. Рецензия Сэмюэла Бека была опубликована в *Psychoanalytic Quarterly* 11 (1942): 587–589.

в журнале *Time*: 30 марта, 1942.

на бегу стать роршахистами: Из яркой рецензии Эдны Манн, *American Journal of Orthopsychiatry*, 16.4 (1946): 731–32.

Глава 17. Культовый, как стетоскоп

к 22,5 миллионам экземпляров: Erika Doss, *Looking at Life Magazine* (Washington, DC: Smithsonian Institution Press, 2001).

ставший впоследствии писателем Пол Боулз: «Его ответы были несколько бескомпромиссными и довольно смелыми» и характеризовали его как личность «изумительно сложную и индивидуалистичную, имеющую мало общего с «обычными» людьми» («*Personality Tests: Ink Blots Are Used to Learn How People's Minds Work*», *Life*, 7 октября, 1946, 55–60).

«Темное зеркало»: см. Darragh O'Donoghue, «*The Dark Mirror*», *Melbourne Cinémathèque Annotations on Film* 31 (апрель 2004); www.sensesofcinema.com/2004/cteq/dark_mirror, последний раз посещалось в октябре 2016.

использования изображения чернильного пятна на афишах и рекламных объявлениях для фильма: Marla Eby, на конференции «*X-Rays of the Soul: Panel Discussion*» 23 апреля 2012, Harvard University, vimeo.com/46502939.

этот журнал уже писал в ретроспективном обзоре: Donald Marshman, «*Mister See-odd Mack*», *Life*, 25 августа, 1947; Роберт Сьодмак был режиссером «Темного зеркала». Фото матроса из номера журнала *Life* от 27 августа 1945 года.

Заголовок статьи в *Life* о Джексоне Поллоке: 8 августа 1949.

«Большинство современных художников»: Интервью 1950 года

с Уильямом Райтом; Evelyn Toynton, *Jackson Pollock* (New Haven: Yale University Press, 2012), 20, 37, 52; T. J. Clark, *Farewell to an Idea: Episodes from a History of Modernism* (New Haven: Yale University Press, 1999), 308; Ellen G. Landau, *Jackson Pollock* (New York: Abrams, 2000), 159; John J. Curley, *A Conspiracy of Images: Andy Warhol, Gerhard Richter, and the Art of the Cold War* (New Haven: Yale University Press, 2013), 27–28. У Роршаха были схожие идеи: Эмиль Люти говорил, что Роршах «интересовался не искусством как таковым, а скорее искусством как методом выражения души... Он был склонен оценивать произведение искусства как выражение психического, духовного, эмоционального или психологического состояния их создателей. Он придавал много значения выражению души через ощущения или тело, движение руки, например» (*WSI*).

«столь же тесно связан с образом клинического психолога»: Arthur Jensen, «*Review of the Rorschach Inkblot Test*» в *Sixth Mental Measurements Yearbook*, ed. Oscar Krisen Buros (Highland Park, NJ: Gryphon Press, 1965).

В одной немецкой диссертации: Обобщено автором из Alfons Dawo, «*Nachweis psychischer Veränderungen...*», *Rorschachiana* 1 (1952/53): 238–49. Методология Даво вряд ли способна вызвать доверие. Например, сначала он показывал испытуемым пятна Роршаха, а потом — «альтернативный набор» Бена-Эшенбурга.

Энн Роу: *The Making of a Scientist* (New York: Dodd, Mead, 1953). В работе C. Grønnerød, G. Overskeid, E. Hartmann, «*Under Skinner's Skin: Gauging a Behaviorist from His Rorschach Protocol*», JPA 95.1 (2013): 1–12, приведены все ответы Скиннера; благодарю Грега Мейера за эту наводку. Прочие цитаты: B. F. Skinner, *The Shaping of a Behaviorist* (New York: Knopf, 1979), 174–75.

Вместо того чтобы проводить больше времени по выходным: Шутка позаимствована из Grønnerød, Overskeid, Hartmann, «*Under Skinner's Skin*».

взяли на вооружение эту аудиоверсию теста: Alexandra Rutherford, «*B.F. Skinner and the Auditory Inkblot*», *History of Psychology* 6.4 (2003): 362–78.

Доктору медицины Эдварду Ф. Керману: «*Cypress Knees and the Blind*», *JPT* 23.1 (1959): 49–56.

новейшая теория: Fred Brown, «*An Exploratory Study of Dynamic Factors in the Content of the Rorschach Protocol*», *JPT* 17.3 (1953): 251–79, цитата со страницы 252.

Роберт Линднер: «*The Content Analysis of the Rorschach Protocol*» *в Lawrence, Bellak, Projective Psychology*, 75–90 («электрошоковая терапия» ниже — вариант, исправленный с устаревшего термина «конвульсивная терапия», примененного в оригинале).

Собственная позиция Роршаха: *PD*, 123, 207.

Дэвид Рапапорт: David Rapaport, Merton Gill, Roy Schafer, *Diagnostic Psychological Testing, vol.* 2 (Chicago: Year Book, 1946), 473–91, в особенности 480, 481, 485.

Манфред Блейлер: *After Thirty Years of Clinical Experience with the Rorschach Test, Rorschachiana* 1 (1952): 12–24, фрагмент процитирован со страницы 22 и исправлен.

освобожденного от завес условности…: Лоуренс Фрэнк предвосхитил это утверждение еще в 1939 году, в тот же год, когда он написал новаторское эссе о проекционных методах: тест Роршаха «демонстрирует личностный склад индивидуума именно как индивидуума», а не по отношению к общественным нормам, «потому что индивидуум в процессе выполнения теста не осознает, что он говорит, нет культурных норм, за которыми он мог бы скрыться» (*Comments on the Proposed Standardization of the Rorschach Method, RRE* 3 [1939]: 104). Хэллоуэлл продолжает в 1945 году: «По причине не графического и не традиционного характера пятен, они открыты для бесконечного разнообразия интерпретаций» («*The Rorschach Technique*», 199).

Рудольф Арнхейм: «*Perceptual and Aesthetic Aspects of the Movement Response*» (1951), в *Toward a Psychology of Art*, 85 и 89; «*Perceptual Analysis of a Rorschach Card*» (1953), там же, 90 и 91.

он тоже поставил под сомнение идею: Эрнест Шахтель полагал, что «проекция» в понимании Фрэнка была вещью настолько общей, что становилась практически бессмысленной («*Projection and Its Relation to Creativity and Character Attitudes in the Kinesthetic Responses*», *Psychiatry: Interpersonal and Biological Processes* 13.1 [1950]: 69–100).

назвав руководство Клопфера 1942 года расплывчатым: Рецензия на *Rorschach Technique* Клопфера и Келли в *Psychiatry: Interpersonal and Biological Processes* 5.4 (1942): 604–606, за которой следует пренебрежительная рецензия объемом в один параграф на книгу Бокнер и Хэлперн: «Заметно, что она написана очень поспешно... простые описания технических категорий и несколько интересных примеров конкретных случаев». Шехтель написал резкое эссе о Беке еще в начале 1937 года: «*Original Response and Type of Apperception in Dr. Beck's Rorschach Manual*», *RRE* 2 (1937): 70–72.

«не слова»: *Ernest Schachtel, «The Dynamic Perception and the Symbolism of Form», Psychiatry: Interpersonal and Biological Processes* 4.1 (1941): 93, примечание 37, исправлено.

он «станет скорее стерильной техникой»: Рецензия на *Rorschach Technique* Клопфера и Келли.

он подхватил мысль, высказанную в 1951 году Арнхеймом: Арнхейм выступил с критикой в числе прочих и Шахтеля (в *Projection and Its Relation to Creativity,* 76) — за утверждение, что

все что угодно в пятне должно было спроецироваться внутрь него, — и Шахтель принял это близко к сердцу. Его книга, вобравшая и распространившая его более ранние эссе, одобрительно цитирует статью Арнхейма: Ernest Schachtel, *Experiential Foundations of Rorschach's Test* (London: Tavistock, 1966), 33, примечание, 90, примечание.

Он анализировал единство или фрагментированность пятен: там же, 33–42; размер: 126–130.

открытия, сделанные в науке восприятия: Wolfgang Köhler, *Gestalt Psychology: An Introduction to New Concepts in Modern Psychology* (1947; репринт New York: Mentor, 1959), 118, примечание 8; Maurice Merleau-Ponty, *The Structure of Behavior* (1942; Pittsburgh: Duquesne University Press, 2002), 119, и *Phenomenology of Perception* (1945; London: Routledge, 2012), 547, примечание 3; Rudolf Arnheim, *Visual Thinking* (Berkeley: University of California Press, 1969), 71.

Глава 18. Роршах и нацисты

на … Нюрнбергском процессе: эта глава во многом полагается на книгу Эрика Цильмера и других авторов *The Quest for the Nazi Personality: A Psychological Investigation of Nazi War Criminals* (New York: Routledge, 1995); см. также «*Bats and Dancing Bears: An Interview with Eric A. Zillmer*», *Cabinet* 5 (2001), и Jack El-Hai, *The Nazi and the Psychiatrist* (New York: PublicAffairs, 2013). Кристиан Мюллер дополняет Цилмера новым первичным материалом (см. примечание «Келли провел тесты Роршаха» ниже). Дополнительные описания Нюрнберга взяты из Douglas M. Kelley, *22 Cells in Nuremberg* (London: W. H. Allen, 1947); Gustave M. Gilbert, *Nuremberg Diary* (1947; репринт New York: Da Capo, 1995).

«В дополнение к тщательным медицинским и психиатрическим осмотрам»: Kelley, 22 *Cells*, 7.

не имея на то полномочий: предшественник Гилберта, Джон Долибуа, сказал, что начальник тюрьмы Андрус «не мог отличить психолога от сапожника»; «Гилберт имел довольно широкую свободу действий и, вероятно, задумал написать книгу сразу же, как только прибыл туда» (процитировано в Zillmer et al., *Quest*, 40).

«с нетерпением ждал»: Gilbert, *Nuremberg Diary*, 3.

Некоторые из нацистов: Zillmer et. al., *Quest*, 54 и далее. В Gitta Sereny, *Albert Speer: His Battle with Truth* (New York: Knopf, 1995), написано, что Шпеер считал тесты «идиотскими» и поэтому отвечал «абсолютной бессмыслицей», особенно на тест Роршаха. Все же, «кажется, он был скорее раздражен, когда узнал, что в результате этого доктор Гилберт оценил его интеллект на 12 баллов» (573).

«Геринг радостно рассмеялся»: Gilbert, *Nuremberg Diary*, 15.
«превосходного интеллекта, граничащего с высочайшим уровнем»: Kelley, 22 *Cells*, 44.
«Они не гении…»: *The New Yorker*, June 1, 1946.
«За короткое время…»: Kelley, 22 *Cells*, 18.
на территории других стран: Geoffrey Cocks, *Psychotherapy in the Third Reich*, 2-е издание (New Brunswick, NJ: Transaction, 1997), 306, исправлено; Zillmer, *Quest*, 49, примечание.
Келли провел тесты Роршаха: в книге Цильмера (XVII, 87, 195 и далее) перечислены семь тестов, проведенных Келли: Рудольф Гесс, Герман Геринг, Ганс Франк, Розенберг, Дёниц, Лей и Штрейхер. В дополнение он приводит шесть протоколов из семи, за исключением Гесса, чьего теста не было в архиве, где протоколы были взяты в 1992 году. Однако результаты Гесса нашлись среди бумаг Келли (цитируется по тексту El-Hai). Еще одна копия протоколов Келли, в документах Маргерит Лусли-Устери, включает те же самые шесть, кроме Гесса, а также еще один протокол — Иоахима фон Риббентропа, ранее неизвестный (Christian Müller, *Wer hat die Geisteskranken von den Ketten befreit?* [Bonn: Das Narrenschiff, 1998], 289–304, особенно 300–301).
Результаты тестирования заключенных: Zillmer, *Quest*, 6.
«лежал на своей койке…»: Gilbert, *Nuremberg Diary*, 434–35, последний эллипсис* в тексте оригинала.
«в основном психически здоровы»: процитировано в Zillmer, *Quest*, 79.
Нацисты не были … «импозантными эффектными личностями»: Kelley, 22 *Cells*, 195 и далее.
Скорее всего, они и сами не знали, что делать: Zillmer, *Quest*, 67.
«Мы действовали исходя из предпосылки…»: процитировано в *Quest*, 60–61, цитата приводится в сокращении.
оскорбления и угрозы: Zillmer, *Quest*, 61–67.
«заинтересован лишь в том, чтобы получить от как можно большего количества экспертов»: процитировано в El-Hai, *Nazi and the Psychiatrist*, 175.
«Преступный человек»: El-Hai, *Nazi and the Psychiatrist*, 190; см. также 188, 214.
настолько тесная связь, что это может показаться настораживающим: Kelley, 22 *Cells*, 10, 43.
«Геринг умер так же, как и жил…»: Gilbert, *Nuremberg Diary*, 435.
он покончил с собой: здесь Эль-Хай выходит на передний план в сравнении с Цильмером и другими. См. также «*U.S. Psychiatrist in Nazi Trial Dies*», *New York Times*, 2 января 1958; «*Myste-*

* Намеренный пропуск слов, не существенных для смысла выражения.

rious Suicide of Nuremburg Psychiatrist», San Francisco Chronicle, 6 февраля 2005.

нациста, который был ответствен: Zillmer, *Quest*, 239–40; Hannah Arendt, *Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil* (1963; репринт New York: Penguin, 2006); Alberto A. Peralta, «*The Adolf Eichmann Case», Rorschachiana* 23.1 (1999): 76–89; Istvan S. Kulcsar, «*Ich habe immer Angst gehabt», Der Spiegel*, 14 ноября 1966; Istvan S. Kulcsar, Shoshanna Kulcsar, Lipót Szondi, «*Adolf Eichmann and the Third Reich*» в *Crime, Law and Corrections*, ed. Ralph Slovenko (Springfield, IL: Ch*ARL*es C. Thomas, 1966), 16–51.

«Менталитет роботов-убийц из СС»: процитировано в Zillmer, *Quest*, 89 и в примечаниях.

«среднего», «обычного человека»: Arendt, *Eichmann*, 26.

ведомым, безынициативным человеком: термин использован в полезной статье Роджера Берковица «*Misreading Eichmann in Jerusalem», Opinionator*, 7 июля 2013, opinionator.blogs.nytimes.com/2013/07/07/misreading-hannah-arendts-eichmann-in-jerusalem/.

со своей собственной точки зрения: Arendt, *Eichmann*, 49. См. XII и XXIII о примененном Арендт термине «безмыслие», неудачно выбранном английском слове для обозначения «неспособности думать»; «повлечь за собой больше хаоса»: 278; «как если бы преступник»: 289; «от концепции «духа времени»: 297; «одним из главных моральных вопросов»: 294; «поистине последним»: 295; «общественное мнение бессильно»: 296.

Стэнли Милгрэм отреагировал: «*Behavioral Study of Obedience», Journal of Abnormal and Social Psychology* 67.4 (1963): 371–78; *Obedience to Authority* (New York: Harper and Row, 1974).

она ни разу не сказала, что он выполнял их неохотно: Берковиц («*Misreading Eichmann*») также пишет, что «широко распространенное заблуждение, что Арендт видела Эйхмана просто как человека, выполнявшего приказы, возникло из-за смешения в общественном сознании ее выводов с заключениями Стэнли Милгрэма».

«около пяти психиатров признали»: Arendt, *Eichmann*, 49. Кульчар сказал Майклу Зельцеру (см. примечание «Убийственный разум» ниже), что Эйхмана не обследовал ни один другой психиатр. Сегодня доказано, что Арендт тоже интерпретировала психику Эйхмана неправильно. Недавняя книга в жанре увлекательного исторического расследования демонстрирует, что Эйхман прекрасно понимал суть своих преступлений и совершал их с большим энтузиазмом, а не просто по приказу и «бездумно», как полагала Арендт (Bettina Stangneth, *Eichmann Before Jerusalem* [New York: Knopf, 2014]). Израильский эксперт по душевному здоровью могла, в конце концов, быть права.

сделала лишь в 1975 году: Zillmer, *Quest*, 90 и далее; «слишком упрощенной»: процитировано на стр. 93.

«Нюрнбергский разум…»: New York: Quadrangle/The New York Times Book Co., 1975; see Zillmer, *Quest*, 93–96.

«Убийственный разум»: *New York Times Magazine*, 27 ноября 1977.

В произведенном в 1980 году анализе: Robert S. McCully, «*A Commentary on Adolf Eichmann's Rorschach*» в *Jung and Rorschach: A Study in the Archetype of Perception* (Dallas: Spring Publications, 1987), 251–60.

Глава 19. Кризис изображений

«Человек в рубашке Роршаха»: *I Sing the Body Electric* (New York: Knopf, 1969): 216–227, частично процитировано в абзацах выше.

«реалистическим отношением психометрической традиции»: Wood, 128.

ученые из военно-воздушных сил: W.H. Holtzman, S.B. Sells, «*Prediction of Flying Success by Clinical Analysis of Test Protocols*», *Journal of Abnormal Psychology* 49.1 (1954): 485–90.

Харроуэр уже указывала: Molly Harrower, «*Clinical Aspects of Failures in the Projective Techniques*», *JPT* 18.3 (1954): 294–302, и «*Group Techniques*», 173–74.

Другие исследования показали: Обсуждается в Wood, 137–53. Возможно, наиболее широко известна в то время была работа J. P. Guilford, «*Some Lessons from Aviation Psychology*», *American Psychologist* 3.1 (1948): 3–11.

В одном из исследований 1959 года: Kenneth B. Little, Edwin S. Shneidman, «*Congruencies among Interpretations of Psychological Test and Anamnestic Data*», *Psychological Monographs* 73.6 (1959): весь выпуск.

это выглядело совершенно по-другому: Wood, 158–174.

Джон Фицджералд Кеннеди увидел на снимках «футбольное поле»: Curley, *Conspiracy of Images*, 10.

«кризис изображений "холодной войны"»: там же; Joel Isaac, «*The Human Sciences and Cold War America*», *Journal of the History of the Behavioral Sciences* 47.3 (2011): 225–31; Paul Erickson et. al., *How Reason Almost Lost Its Mind: The Strange Career of Cold War Rationality* (Chicago: University of Chicago Press, 2013).

изымали присланные из Парижа абстрактные картины: Curley, *Conspiracy of Images*, 17, 21–23.

о так называемом «промывании мозгов»: Lemov, «*X-Rays of Inner Worlds*» 266; Joy Rohde, «*The Last Stand of the Psychocultural Cold Warriors*», *Journal of the History of the Behavioral Sciences* 47.3 (2011): 232–50, 238. У промывания мозгов был капиталистический коллега, близкий по духу коммунистическим техникам

подавления свободной воли при помощи зашифрованных символов, предмет огромного интереса и раздражения в то время: реклама (Curley, *Conspiracy of Images*, 62–63, 131–33).

пять тысяч статей: Lemov, «*X-Rays*».

«Фантазии эпохи “холодной войны”…»: Lemov, *Database of Dreams*, 233.

«похожа на мертвую планету…»: там же, 186.

«Знаете, этот тест...»: там же, 65.

Возможно, самым скверным проявлением амбиций: Rohde, «*Last Stand*», цитаты со страниц 232, 239.

Уолтера Х. Слоута, лектора Колумбийского университета: *Observations on Psychodynamic Structures in Vietnamese Personality* (New York: Simulmatics Corporation, 1966); см. Rohde, «*Last Stand*», 241–43.

«почти гипнотически восхитительной»: Ward Just, «*Study Reveals Viet Dislike for U.S. but Eagerness to Be Protected by It*», *Washington Post*, 20 ноября 1966.

«необычайно проницательной и убедительной»: Rohde, «*Last Stand*», 242.

«обеспечивали рентгеновское излучение…»: Lemov, *X-Rays*, 274.

их старый защитник Ирвинг Хэллоуэлл: примечание к части VII в Hallowell, *Contributions*, 468–69.

психолог Артур Дженсен: «*Review of the Rorschach*», особенно стр. 501, 509.

В 1964 году рецензент: Bruce Bliven Jr., *New York Times*, 7 июня 1964.

Скоро генерал де Голль станет «тестом Роршаха» для биографов: Stanley Hoffmann, 18 декабря 1966.

финал фильма Стэнли Кубрика «2001 год: **Космическая одиссея»**: Рената Адлер, 5 мая 1968-го, в письме к редактору: «Правда, это настоящий тест Роршаха и настоящее откровение. Жгучее чернильное пятно».

Глава 20. Система

Джон Е. Экснер-младший: Некролог, *Asheville Citizen-Times*, February 22, 2006; Philip Erdberg, Irving B. Weiner, «*John E. Exner Jr.* (1928–2006)», *American Psychologist* 62.1 (2007): 54.

оригинальная техника Зигмунта Пиотровского «Перцептивный анализ»: экспериментальный психолог, учившийся на математика, Пиотровский (1904–1985), смотрел на тест Роршаха под очень оригинальным углом. Он подчеркивал теоретические основы теста и его использование при диагностике органических условий (под влиянием своего друга и соотечественника Курта Гольдштейна, работавшего гештальт-нейропсихологом в Нью-Йорке в 1930-е годы). Его настойчивость в отношении сложной взаимозависимости компонентов подсчета заставила

его начать работу над компьютерной программой для интеграции информации. К 1963 году его программа была готова и запущена и включала около 343 параметров и 620 правил. К 1968 году в ней было 323 параметра и 937 правил (*ExRS*, 121 и далее). Отчасти из-за большого разброса его деятельности, отчасти по той причине, что его синтетическая книга *Perceptanalysis: A Fundamentally Reworked, Expanded, and Systematized Rorschach Method* (New York: Macmillan) вышла только в 1957 году, влияние Пиотровского на основные дебаты вокруг теста Роршаха было относительно незначительным.

«**по наитию, добавляя “немного Клопфера”**»: *ExCS* (1974), X, исправлено.

где вы должны сидеть?: там же, 24–26.

неврологическое расстройство (*eb*): там же, 147 и 315–16. **Отражение х 3** (*r*): Формула впервые появляется в том же источнике, на стр. 293; название «Индекс Эгоцентризма» и сокращения 0.31 и 0.42 были добавлены в последующих версиях системы.

важная для системы Экснера оценка *WSum6*: Irving B. Weiner, *Principles of Rorschach Interpretation* (Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 2003), 126–28; Marvin W. Acklin, «*The Rorschach Test and Forensic Psychological Evaluation: Psychosis and the Insanity Defense*» в *Handbook of Forensic Rorschach Assessment*, ed. Carl B. Gacono, F. Barton Evans (New York: Routledge, 2008), 166–168.

ведомой информационным потоком новой эре: Marvin W. Acklin, *Personality Assessment and Managed Care, JPA* 66.1 (1996): 194–201; Chris Piotrowski et al., *The Impact of ‘Managed Care’ on the Practice of Psychological Testing, JPA* 70.3 (1998): 441–47; Randy Phelps, Elena J. Eisman, Jessica Kohout, *Psychological Practice and Managed Care, Professional Psychology* 29.1 (1998): 31–36.

Даже в узких утилитарных условиях: T. W. Kubiszyn, *Empirical Support for Psychological Assessment in Clinical Health Care Settings, Professional Psychology* 31 (2000): 119–30.

«сообразно нуждам терапии и стоимости лечения»: James N. Butcher, Steven V. Rouse, *Personality: Individual Differences and Clinical Assessment, Annual Review of Psychology,* 47 (1996): 101.

«релевантно и актуально в контексте планирования терапии»: Phelps, Eisman, Kohout, *Psychological Practice,* 35.

«совершенно невозможно»: *PD*, 192.

Еще в 1964 году, через четыре года: Jill Lepore, «*Politics and the New Machine*», *New Yorker*, 16 ноября 2015, 42, относит термин к «1960-му, спустя год после того как Демократический национальный комитет начал сотрудничать с корпорацией *Simulmatics*».

крупноформатный алфавитный указатель: Caroline Bedell Thomas et al., *An Index of Rorschach Responses* (Baltimore: *Johns Hopkins University Press*, 1964).

статья под заставляющим поежиться заголовком: C.B. Thomas, K.R. Duszynski, «*Are Words of the Rorschach Predictors of Disease and Death? The Case of 'Whirling'*», *Psychosomatic Medicine* 47.2 (1985): 201–11.

«Этот человек склонен сравнивать»: John E. Exner Jr, Irving B. Weiner, «*Rorschach Interpretation Assistance ProgramTM Interpretive Report*», 25 апреля 2003, www.hogrefe.se/Global/Exempelrapporter/RIAP5IR %20SAMPLE.pdf; «его/ее» и похожие выражения исправлены.

ущерб уже был нанесен: Галисон, практически в ужасе, приводит «выдержку из рекламных проспектов популярной программы» и «выдержку из автоматически произведенного рабочего файла» (284–86). Exner, *Computer Assistance in Rorschach Interpretation*», *British Journal of Projective Psychology,* 32 (1987): 2–19; его отторжение по отношению к компьютерам проявляется в последнем тексте, который он написал, комментарии к «*Science and Soul*» Анны Андроников, *Rorschachiana* 27.1 (2006): 3. «Чрезмерная склонность полагаться на интерпретационные программы — признак плохой психологии, которая говорит о некой наивности или беспечности пользователя программы и, в конечном итоге, оказывает медвежью услугу как клиентам, так и профессии». См. также: Andronikof, *Exneriana*–II, *Rorschachiana* 29 (2008): 82 и 97–98.

начали хвалить ту тщательность: Wood, 212–213.

«Самым лучшим источником»: Hertz, *Rorschachbound,* 408.

«бухгалтерскими пособиями...»: Exner, *The Present Status and Future of the Rorschach, Revista Portuguesa de Psicologia* 35 (2001): 7–26; Andronikof, «*Exneriana–II*», 99, исправлено.

Опрос, проведенный в 1968 году: M. H. Thelen et al., *Attitudes of Academic Clinical Psychologists toward Projective Techniques, American Psychologist* 23.7 (1968): 517–521.

Люди не желают или не могут: Gregory J. Meyer, John E. Kurtz, *Advancing Personality Assessment Terminology: Time to Retire 'Objective' and 'Projective' as Personality Test Descriptors, JPA* 87.3 (2006): 223–225.

тест Роршаха сместился в списке: N. D. Sundberg, «*The Practice of Psychological Testing in Clinical Services in the United States*», *American Psychologist* 16.2 (1961): 79–83; B. Lubin, R. R. Wallis, C. Paine, «*Patterns of Psychological Test Usage in the United States:* 1935–1969», *Professional Psychology* 2.1 (1971): 70–74; William R. Brown, John M. McGuire, «*Current Psychological Assessment Practices*», *Professional Psychology* 7.4 (1976): 475–84; B. Lubin, R.

M. Larsen, J. D. Matarazzo, «*Patterns of Psychological Test Usage in the United States:* 1935–1982», *American Psychologist* 39 (1984): 451–54; Chris Piotrowski, «*The Status of Projective Techniques: Or, Wishing Won't Make It Go Away*», *Journal of Clinical Psychology* 40.6 (1984): 1495–1502; Chris Piotrowski, John W. Keller, «*Psychological Testing in Outpatient Mental Health Facilities*», *Professional Psychology* 20.6 (1989): 423–25; Wood, 211, 362, примечание 114, 362, примечание 115.

Один полицейский из Нью-Йорка: интервью, ноябрь 2014 года.

дополнительный выпуск своего пособия: здесь и ниже, *ExCS vol.* 3: *Assessment of Children and Adolescents* (New York: John Wiley, 1982), особенно 15, 342, 375–376, и 394–434 (случай представлен в книге анонимно, имена придуманы для убедительности).

нормы часто бывали разными: Кэролайн Хилл (см. Введение выше) определяет это более ярко: «Каждый нормальный двенадцатилетний мальчик, которого я встречала, опознает на пятнах Роршаха взрывы, и менее опытные психологи склонны видеть в этом проблему, но ее нет. Просто они мальчишки» (интервью).

приводить к истинам, а не к ответам: см. работы Адама Филипса, например, *On Flirtation* (Cambridge: Harvard University Press, 1994), 3–9.

Глава 21. Разные люди видят разные вещи

Роуз Мартелли: Wood, 9–16; дата события получена от Джеймса М. Вуда в интервью, в марте 2016 года. Имена вымышленные.

«применение теста Роршаха»: Robyn M. Dawes, «*Giving Up Cherished Ideas*», *Issues in Child Abuse Accusations* 3.4 (1991), процитировано из *Rational Choice in an Uncertain World* (San Diego: Harcourt Brace Jovanovich, 1988), и *House of Cards: Psychology and Psychotherapy Built on Myth* (New York: Free Press, 1994).

Хиллари Клинтон: Walter Shapiro, «*Whose Hillary Is She Anyway?*», *Esquire*, август 1993, 84, и «*Editor's Notes: Whose Hillary Is She Anyway?*», *Esquire*, 7 января 2016, classic.esquire.com/editors-notes/whose-hillary-is-she-anyway-2/; *Who Is Hillary Clinton? Two Decades of Answers from the Left*, ed. Richard Kreitner (London: I. B. Tauris, 2016).

«Является ли картина только оконченной работой или же она передает нечто большее»: Curley, *Conspiracy of Images*, 18.

«зримая физическая работа…»: Barry Gewen, «*Hiding in Plain Sight*», *New York Times*, 12 сентября, 2004.

картин с чернильными кляксами: Robert Nickas, «*Andy Warhol's Rorschach Test*», *Arts Magazine*, октябрь 1986, 28; Benjamin H. D. Buchloh, «*An Interview with Andy Warhol*», 28 мая, 1985 (цитаты Уорхола ниже взяты из этого интервью), Rosalind E. Krauss,

«*Carnal Knowledge*», предисловие к *Andy Warhol: Rorschach Paintings* (New York: Gagosian Gallery, 1996), в *Andy Warhol,* ed. Annette Michelson, October Files (Cambridge: MIT Press, 2001).

«Это — абстрактные картины…»: Mia Fineman, «*Andy Warhol: Rorschach Paintings*», *Artnet Magazine*, 15 октября, 1996, www.artnet.com/Magazine/features/fineman/fineman10-15-96.asp.

The Inkblot Record: Toronto: Coach House Books, 2000, особенно 102–103.

К 1989 году систему Экснера использовали: Piotrowski, Keller, «*Psychological Testing*»; B. Ritzler, B. Alter, «*Rorschach Teaching in APA-Approved Clinical Graduate Programs: Ten Years Later*», *JPA* 50.1 (1986): 44–49.

вновь прочно закрепился на втором месте: W. J. Camara, J. S. Nathan, A. E. Puente, «*Psychological Test Usage: Implications in Professional Psychology*», *Professional Psychology* 31.2 (2000): 141–154. В этом рейтинге не учтены тесты IQ, два из которых использовались чаще. Тест Роршаха был «вторым наиболее популярным средством личностной оценки в США».

приблизительно шесть миллионов: Вуд (стр. 2) называет это «консервативным показателем».

«Приветствуется ли тест Роршаха в зале суда?»: Irving B. Weiner, John E. Exner Jr., A. Sciara, JPA 67.2 (1996): 422–24.

фиксированные стандарты: Gacono, Evans, *Handbook*, 57–60. В 1993 году, после процесса «Доберт против компании *Merrell Dow Pharmaceuticals*», стандарт Доберта вытеснил менее четкий существовавший с 1923 года стандарт Фрая в большинстве американских штатов. Показания свидетелей-экспертов были допустимы только в том случае, если судья решал, что они основаны на данных объективной науки. Данный критерий включал в себя следующие пункты. Является ли теория или гипотеза проверямой? Можно ли ее фальсифицировать? Были ли полученные результаты подвергнуты экспертной оценке и опубликованы? Признана ли теория как достоверная в соответствующем научном сообществе? Всеобъемлющая система Экснера постоянно сталкивалась со стандартом Доберта.

«он почти почти в одиночку спас тест…»: Совет по профессиональным вопросам АПА, *Awards for Distinguished Professional Contributions: John E. Exner, Jr., American Psychologist* 53.4 (1998): 391–92.

«Попытка решить, достоверен ли тест»: James M. Wood, M. Teresa Nezworski, William J. Stejska, *The Comprehensive System for the Rorschach: A Critical Examination, Psychological Science* 7.1 (1996): 3–10; Howard N. Garb, *Call for a Moratorium on the Use of the Rorschach Inkblot in Clinical and Forensic Settings, Assessment* 6.4 (1999): 313.

четыре самых ярых критика теста: Основным автором был Вуд, опиравшийся на многие вышедшие ранее статьи своих соавторов. В тексте книги я пишу обо всех соавторах как о «Вуде» для удобства. Там, где сказано «Джеймс Вуд», речь идет о конкретном человеке.

«Что *так* с тестом Роршаха?»: James M. Wood, M. Teresa Nezworski, Howard N. Garb, *Scientific Review of Mental Health Practice* 2.2 (2003): 142–46.

четырнадцать исследований 1990-х: Wood, 245 и 369, примечание 111.

Более частой проблемой с системой Экслера: Wood, 150–51, 187–88.

о проблеме, известной с 2001 года: Wood, 240.

на сотнях неопубликованных исследованиях: Wood, 219.

Джеймс Вуд … признался: интервью, январь 2014.

В нескольких рецензиях отмечено: Gacono, Evans, *Handbook*, включая такие работы, как Hale Martin, «*Scientific Critique or Confirmation Bias?*» (2003), Gacono, Evans, «*Entertaining Reading but Not Science*» (2004; quotation from 571), и J. Reid Meloy, «*Some Reflections on What's Wrong with the Rorschach?*» (2005), где приводятся примеры проверок источников Вуда и обнаруженных у Вуда «искажений деталей, ложного вменения и притягивания за уши... Это хитрая и коварная книга, которая, к сожалению, пятнает научную репутацию своих создателей» (576). Редакторы *Handbook* также перечисляют многочисленные научные статьи, являющиеся ответом на «псевдодебаты», порожденные нападками Вуда (5–10).

Но заявление 2005 года: Совет попечителей при Обществе личностной оценки (*Board of Trustees for the Society for Personality Assessment*), «*The Status of the Rorschach in Clinical and Forensic Practice*», *JPA* 85.2 (2005): 219–237. Последовавшая в 2010 году статья приходит к похожим выводам: Anthony D. Sciara, «*The Rorschach Comprehensive System Use in the Forensic Setting*», *Rorschach Training Programs*, не датировано, посещено 11 июля 2016, www.rorschachtraining.com/the-rorschach-comprehensive-system-use-in-the-forensic-setting.

в три раза чаще упоминался: статья Reid Meloy, *The Authority of the Rorschach: An Update* в Gacono, Evans, *Handbook*, 79–87, из которой следует (85), что либо критика Вуда «парадоксальным образом привела к появлению более прочной научной основы для Роршаха, либо эти дебаты «в значительной степени остались незамеченными» как судебными психологами, так и апелляционными судами. Когда же тест использовался неправильно, выводы психолога «считались необоснованными и умозрительными» и отклонялись судом.

«культ Роршаха»: Wood, 300, 318–19, 323.

Глава 22: За пределами правды и лжи

плотно основанные на количественном подходе документы: в одной из таких статей были собраны данные более чем из 125 мета-анализов на достоверность теста и 800 образцов, изучающих мультиметодическую оценку. Был сделан следующий вывод: а) достоверность психологического теста сильная и убедительная; б) достоверность психологического теста сравнима с достоверностью медицинского теста; в) различные методы оценки предоставляют уникальные источники информации; д) специалисты, которые полагаются исключительно на собеседования, склонны к недостаточному пониманию (Meyer et. al., «*Psychological Testing and Psychological Assessment: A Review of Evidence and Issues*», *American Psychologist* 56.2 [2001]: 128–65).

было бы неточно называть его расколом: интервью, сентябрь 2013-го. Заявление опубликовано в Erard, Meyer, Viglione, «*Setting the Record Straight: Comment on Gurley, Piechowski, Sheehan, and Gray* (2014) *on the Admissibility of the Rorschach Performance Assessment System* (*R-PAS*) *in Court*», *Psychological Injury and Law* 7 (2014): 165–177, в особенности история на стр. 166–168: «Р-СОЭ на самом деле не соревнуется с ВС; она выходит за ее пределы и создана, чтобы ее заменить».

Роршаховскую систему оценки эффективности, или Р-СОЭ: Meyer, *Rorschach Performance Assessment System Manual* (см. примечание к «От автора»), далее — Manual.

«нецелесообразно»: лекция для учителей в Санкт-Галлене, 18 мая 1921 (*HRA* 3:2:1:7), 1.

правильных или неправильных ответов не существует: *Manual*, 11.

«Как можно увидеть что-либо осмысленное»: *Manual*, 10.

***SPARC* — группа поддержки**: они, кажется, склонны полагать, что тест Роршаха несправедлив к мужчинам, в то время как на другой стороне баррикад столь же громко выступают противники Роршаха, заявляющие, что он несправедлив к женщинам, например Элизабет Дж. Кейтс («*Re-evaluating the Evaluators*» и «*The Rorschach Psychological Test*»: не датировано, посещено 11 июля 2016, www.thelizlibrary.org/liz/child-custody-evaluations.html и www.thelizlibrary.org/therapeutic-jurisprudence/custody-evaluator-testing/rorschach.html). См. интернет-сайт SPARC, в особенности страницы «*The Rorschach Test*» и «*The Rorschach Test: Additional Information and Commentary*» (www.deltabravo.net/cms/plugins/content/content.php?content.35 and content.36). Интервью с Уэйлоном (основателем SPARC), ноябрь 2011.

бренд «Роршах» зарегистрирован в 1991 году: Сильвия Шулц, издательство *Hogrefe Verlag*, личное общение, 2016.

«Википедия подменила тест Роршаха?»: «*Has Wikipedia Created a Rorschach Cheat Sheet?*», Noam Cohen, *New York Times*, 28 июля 2009.

«Поскольку чернильные пятна»: *Manual*, 11.

В предварительном исследовании 2013 года: D. S. Schultz, V. M. Brabender, «*More Challenges Since Wikipedia: The Effects of Exposure to Internet Information About the Rorschach on Selected Comprehensive System Variables*», *JPA* 95.2 (2013): 149–58: «Недавние исследования, направленные на изучение способности теста Роршаха противостоять сознательным попыткам искажения ответов, дали непоследовательные результаты». См. также Ronald J. Ganellen, «*Rorschach Assessment of Malingering and Defensive Response Sets*» в Gacono, Evans, *Handbook*, 89–120.

является ли тест с несколькими метриками: Wood, Nezworski, Stejska, «*Comprehensive System*», 5.

В 2013 году результаты исследования Михуры: J. L. Mihura, «*The Validity of Individual Rorschach Variables*», *Psychological Bulletin* 139.3 (2013): 548–605.

борьба … подошла к концу: Некоторые из постоянных критиков указали на направления, в которых Р-СОЭ не зашла слишком далеко, назвав ее полумерой, ворвавшейся в реальность раньше, чем для нее могла быть подготовлена прочная эмпирическая и научная основа (см. следующее примечание, а также интервью с Джеймсом М. Вудом, 2014). Другие в то же время критиковали Р-СОЭ за то, что она зашла слишком далеко. Они объединились ради защиты идей Экснера после его смерти и основали «Международную Роршаховскую Организацию Всеобъемлющей Системы», горячо заявляя, что создатели Р-СОЭ с их поправками «смутили и сбили с толку многих в психологическом сообществе». «Наша цель состоит в том, чтобы продолжить целенаправленный и методический эволюционный процесс доктора Экснера в рамках все еще лучшей Всеобъемлющей Системы, хотя на данный момент и неясно, могут ли имеющиеся материалы быть доработаны на законных основаниях, эволюционным образом или нет». Carl-Erik Mattlar, The *Issue of an Evolutionary Development of the Rorschach Comprehensive System* (*RCS*) *Versus a Revolutionary Change* (*R-PAS*), *Rorschach Training Programs*, 2011, www.rorschachtraining.com/wp-content/uploads/2011/10/The-Issue-of-an-Evolutionary-Development-of-the-Rorschach-Comprehensive-System.pdf. За исключением некоторых споров, глобальные научные дебаты кажутся улаженными.

Критики назвали работу Михуры: James M. Wood, «*A Second Look at the Validity of Widely Used Rorschach Indices: Comment*», *Psychological Bulletin* 141.1 (2015): 236–49. У них все же были

некоторые возражения, но убедительное опровержение содержится в: Mihura, «*Standards, Accuracy, and Questions of Bias in Rorschach Meta-analyses: Reply*», *Psychological Bulletin* 141.1 (2015): 250–60.

прецедент использования новой системы в суде: Erard, Meyer, Viglione, «*Setting the Record Straight*». У меня не было возможности ознакомиться с Mihura and Meyer, *Applications of the Rorschach Performance Assessment System* (*R-PAS*) (New York: Guilford Press, готовилось к выходу в 2017), где содержатся несколько статей на эту тему.

более 80 % докторских программ: 35 из 43 программ против 23 из 43 (Joni L. Mihura, Manali Roy, Robert A. Graceffo, «*Psychological Assessment Training in Clinical Psychology Doctoral Programs*», *JPA* [2016, опубликовано в Интернете], 6).

коллективная/терапевтическая аттестация, или К/ТА: Stephen E. Finn, Mary E. Tonsager, «*Information-Gathering and Therapeutic Models of Assessment: Complementary Paradigms*», *Psychological Assessment* 9.4 (1997): 374–85, и «*How Therapeutic Assessment Became Humanistic*», *Humanistic Psychologist* 30.1–2 (2002): 10–22; Stephen E. Finn, *In Our Clients' Shoes: Theory and Techniques of Therapeutic Assessment* (Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 2007) и «*Journeys Through the Valley of Death: Multimethod Psychological Assessment and Personality Transformation in Long-Term Psychotherapy*», *JPA* 93.2 (2011): 123–41; Stephen E. Finn, Constance T. Fischer, Leonard Handler, *Collaborative/Therapeutic Assessment: A Casebook and Guide* (Hoboken, NJ: John Wiley, 2012); Stephen E. Finn, «2012 *Therapeutic Assessment Advanced Training*». Информационная рассылка специалистов терапевтической оценки 1.1 (2013): 21–23.

в кабинет Финна вошел человек: Finn, Tonsager, «*How Therapeutic Assessment Became Humanistic*».

«…усилителей сопереживания…»: Finn, Tonsager, «*Information-Gathering*».

«Приход клиента на психологическое тестирование…»: Finn, Fischer, Handler, *Collaborative/Therapeutic Assessment*, 11.

все большее число контролируемых исследований: там же, 13 и далее.

Объединение результатов семнадцати отдельных исследований: John M. Poston, William E. Hanson, «*Meta-analysis of Psychological Assessment as a Therapeutic Intervention*», *Psychological Assessment* 22.2 (2010): 203–12. S. O. Lilienfeld, H. N. Garb, and J. M. Wood, «*Unresolved Questions Concerning the Effectiveness of Psychological Assessment as a Therapeutic Intervention: Comment*» и обсуждение, *Psychological Assessment* 23.4 (2011): 1047–55.

женщина в возрасте за сорок: Finn, «2012 *Therapeutic Assessment Advanced Training*».

«Нам необязательно считать свою работу…»: Finn, Tonsager, «*Information-Gathering*», 380.

корни ее уходят еще дальше: Molly Harrower, «*Projective Counseling, a Psychotherapeutic Technique*», *American Journal of Psychotherapy* 10.1 (1956): 86, исправлено. Чтобы узнать историю, см. Finn, Fischer, Handler, *Collaborative/Therapeutic Assessment*, глава 1.

«По сути, тест Роршаха»: *Manual*, 1.

«исполнение теста Роршаха и сам опыт прохождения теста»: Schachtel, *Experiential Foundations*, 269.

«встреча с миром чернильных пятен»: там же, 51.

людям, до психологической сути которых зачастую трудно добраться при помощи других видов терапии: B. L. Mercer, «*Psychological Assessment of Children in a Community Mental Health Clinic*»; B. Guerrero, J. Lipkind, A. Rosenberg, «*Why Did She Put Nail Polish in My Drink? Applying the Therapeutic Assessment Model with an African American Foster Child in a Community Mental Health Setting*»; M.E. Haydel, B.L. Mercer, E. Rosenblatt, «*Training Assessors in Therapeutic Assessment*»; и *Stephen E. Finn*, «*Therapeutic Assessment 'On the Front Lines'*», всё опубликовано в *JPA* 93 (2011): 1–6, 7–15, 16–22, 23–25. См. также: Barbara L. Mercer, Tricia Fong, Erin Rosenblatt, *Assessing Children in the Urban Community* (New York: Routledge, 2016).

Ланиша, одиннадцатилетняя афроамериканка: Guerrero, Lipkind, Rosenberg, «*Why Did She Put Nail Polish?*». «Ланиша» и другие имена вымышлены.

отказаться от старых ярлыков: Meyer, Kurtz, «*Advancing Personality Assessment Terminology*». Экснер преуменьшал бессознательное и больше говорил о когнитивных процессах: «*Searching for Projection in the Rorschach*», *JPA* 53.3 (1989): 520–36. Самое недавнее издание учебника по системе Экснера дает такое определение: «Задача, которую ставит тест Роршаха, запускает сложный процесс, который включает в себя обработку информации, классификацию, концептуализацию, принятие решений, и открывает возможности для проецирования» (*ExCS* [2003], 185). И даже когда испытуемый проецирует что-либо на изображение, это не полностью субъективно или произвольно. Как пишет психоаналитик и эссеист Адам Филипс, проекция зачастую — дело довольно тонкое, потому что «люди и группы людей вызывают друг у друга разные реакции» (*Equals* [New York: Basic Books, 2002], 183).

по мнению скептиков: Wood, 144; он предполагает, что тест Роршаха как «межличностная ситуация» попросту не может быть надежным (151–53).

Для Мейера и Финна: Gregory Meyer, «*The Rorschach and MMPI*», *JPA* 67.3 (1996): 558–78, и «*On the Integration of Personality Assessment Methods*», *JPA* 68.2 (1997): 297–330; Stephen E. Finn, «*Assessment Feedback Integrating MMPI-2 and Rorschach Findings*», *JPA* 67.3 (1996): 543–57, и «*Journeys Through the Valley*».

Глава 23. Заглядывая в будущее

Крис Пиотровски, психолог: личное общение, июль 2015 года. Его точка зрения такова: «Все зависит от того, практика какого типа вы спрашиваете — клинического психолога, консультанта, психиатра и так далее. Если посмотреть на всех специалистов по психическому здоровью в целом, вы увидите, что тест Роршаха будет, вероятно, находиться на двенадцатом месте (конец 2015 — начало 2016 года)». Еще одно исследование, опубликованное в 2016 году, но проведенное в 2009 году, и нацеленное на то, чтобы полностью охватить психологическое поле, выявило, что тест Роршаха находился в рейтинге ниже, чем ММЛО, тест Миллона и неназванное количество тестов, направленных на выявление специфических симптомов, таких как Индекс депрессии Бека (наряду с тестами на интеллект и мерами когнитивного функционирования), и слегка впереди других, основанных на выполнении задания тестов (C.V. Wright et. al., «*Assessment Practices of Professional Psychologists: Results of a National Survey*», *Professional Psychology: Research and Practice* (онлайн-лекция, 2016): 1–6; моя благодарность Джони Михуре за ссылку.

Тест Роршаха стал следующим после Фрейда: Брюс Л. Смит, интервью, ноябрь 2011; Крис Хопвуд, интервью, январь 2014.

Многие критики теста Роршаха являлись также критиками Фрейда: См. рецензию на книгу Вуда от Фредерика Крюса: «Выходи, проклятое пятно!» (*New York Review of Books*, 15 июля 2004), которая предсказуемо заключает: «Этот тест является нелепым, но опасным пережитком прошлого».

В популярных СМИ преобладает скептицизм: Единственным исключением, которое я видел, была статья «*The Rorschach Test: A Few Blots in the Copybook*», *Economist*, 12 ноября 2011.

обзору клинических психологических программ 2011 года: Rebecca E. Ready, Heather Barnett Veague, «*Training in Psychological Assessment: Current Practices of Clinical Psychology Programs*», *Professional Psychology: Research and Practice* 45 (2014): 278–82.

Пиотровски назвал снижение «критическим»: Chris Piotrowski, «*On the Decline of Projective Techniques in Professional Psychology Training*», *North American Journal of Psychology* 17.2 (2015): 259–66, особенно 259, 263.

в то время как тест Роршаха исключен: Mihura et. al., «*Psychological Assessment Training*», 7–8. Как отмечают авторы, сложно сравнивать данные между разными исследованиями, в которых спрашивается, преподается ли предмет, выделен в числе необходимых курсов, рекомендован студентам к ознакомлению или что-либо еще.

почти все «ориентированные на практику»: там же.

Американская психологическая ассоциация требует: там же, 1.

двух трехчасовых сессий, охватывающих историю: Крис Хопвуд, интервью, март 2015.

«Даже для таких сторонников, как я»: Крис Хопвуд, интервью, январь 2014.

Если женщина приходит к психологу за помощью: Джун Вульф, интервью, август 2015.

финский ученый представил анализ: Emiliano Muzio, «*Rorschach Performance of Patients at the Mild and Moderate Stages of Dementia of the Alzheimer's Type*», *Society for Psychology Assessment conference,* New York, 7 марта 2015; исследование опирается на его диссертацию 2006 года, а тесты были проведены в период с 1997 по 2003 год.

«десятью неоднозначными фигурами…»: Tomoki Asari et. al., «*Right Temporopolar Activation Associated with Unique Perception*», *NeuroImage* 41.1 (2008): 145– 52.

«Из этого следует, что эмоциональная активация во многом влияет…»: Stephen E. Finn, «*Implications of Recent Research in Neurobiology for Psychological Assessment*», *JPA* 94.5 (2012): 442–443, со ссылкой на Tomoki Asari et. al., «*Amygdalar Enlargement Associated with Unique Perception*», *Cortex* 46.1 (2008): 94–99.

движения наших глаз, пока мы изучаем чернильное пятно: Dauphin, Greene, «*Here's Looking at You: Eye Movement Exploration of Rorschach Images*», *Rorschachiana* 33.1 (2012): 3–22.

«как человек *воспринимает* информацию и *впитывает* ее в себя»: Герман Роршах, лекция в Санкт-Галлене, 18 мая 1921 (*HRA* 3:2:1:7).

Внимательно посмотрите на эту картинку: G. Ganis, W. L. Thompson, S. M. Kosslyn, «*Brain Areas Underlying Visual Mental Imagery and Visual Perception: An fMRI Study*», *Cognitive Brain Research* 20 (2004): 226–241, основано на S. M. Kosslyn, W. L. Thompson, N. M. Alpert, «*Neural Systems Shared by Visual Imagery and Visual Perception: A Positron Emission Tomography Study*», *NeuroImage* 6 (1997): 320–334.

Стивен Косслин, соавтор исследования: «*Mental Images and the Brain*», *Cognitive Neuropsychology* 22.3/4 (2005): 333–347. См. также: «*Cognitive Scientist Stephen Kosslyn: Why Different People Interpret the Same Thing Differently*» (vimeo.com/55140758)

и «*Stanford Cognitive Scientist Stephen Kosslyn: Mental Imagery and Perception*» (vimeo.com/55140759, оба материала загружены 7 декабря 2012).

японский дизайнер Кения Хара: *White* (*Zűrich: Lars Müller*, 2007), 3.

«В восприятии есть три процесса»: *PD*, 17. Роршах не обошелся без критики в адрес общей концепции Блейлера (см. примечание «журнал» на стр. 354).

импульсивно, мечтательно или нерешительно: Определения от Шахтеля, который подчеркивал, что человек может смотреть на тест Роршаха «нерешительно, неопределенно, нащупывающе, озадаченно, раздраженно, импульсивно, мощно, терпеливо, нетерпеливо, ищуще, трудоемко, интуитивно, игриво, лениво, любопытно, исследующе, поглощающе, скучающе, раздраженно, загнанно, покорно, спонтанно, мечтательно, критически и т. д.».

«Когда мы смотрим»: *HRA* 3:2:1:7.

Эрнест Шахтель отмечал: *Experiential Foundations*, 15, 24.

вопрос «Что вы видите?»: там же, 73.

психоделические наркотики: Исследования о терапевтических свойствах ЛСД и других психоделиков, очень многообещающие в пятидесятые и шестидесятые, но свернутые в начале семидесятых, снова продолжились и дали экстраординарные результаты (Michael Pollan, «*The Trip Treatment*», *New Yorker*, February 9, 2015).

Один подробный анализ 2007 года: M. J. Diener, M. J. Hilsenroth, J. Weinberger, «*Therapist Affect Focus and Patient Outcomes in Psychodynamic Psychotherapy: A Meta-Analysis*», процитировано в Finn, «*Implications of Recent Research*», 441.

«Главным образом я предлагаю»: там же, 442, сокращено.

терапевтической аттестации восьмилетней девочки: Amy M. Hamilton et. al., «*'Why Won't My Parents Help Me?' Therapeutic Assessment of a Child and Her Family*», *JPA* 91.2 (2009): 118.

видение не предшествует мышлению: Arnheim, *Visual Thinking*, 13, 72–79; см. также «*A Plea for Visual Thinking*» в Arnheim, *New Essays*, 135–52.

Интерес к визуальному мышлению: повествование в картинках на страницах книг сегодня заняло достойное место, а его вехи — это, например, Art Spiegelman, *Maus* (1992), Chris Ware, *Jimmy Corrigan, the Smartest Kid on Earth* (2000), и Alison Bechdel, *Fun Home* (2006); в нехудожественной литературе — Peter Mendelsund, *What We See When We Read* (2014) и Nick Sousanis, *Unflattening* (2015; комикс о принципах визуального мышления, в котором, среди многих других, цитируется и Арнхейм).

бразильских мужчин и женщин: Gregory Meyer, Philip Erdberg, презентация на конференции в Бостоне 25 октября 2013 го-

да; Мейер также обсуждает это исследование в ролике (vimeo.com/46502939).

«ключевой момент…»: дневник, 3 ноября 1919. *X-Rays of the Soul Panel Discussion*

«социальную» связь между двумя сторонами: Arnheim, *Visual Thinking*, 63.

Жана Старобинского: «*L'imagination projective* (*Le Test de Rorschach*)» в *La relation critique* (Paris: Gallimard, 1970), 238.

продолжают признавать: «Наиболее творческий вклад Роршаха в дело изучения личности» (Samuel J. Beck, *The Rorschach Test: Exemplified in Classics of Drama and Fiction* [New York: Stratton Intercontinental Medical Book, 1976], 79). «С тех пор монография Роршаха об ответах Движения (M) на тест почти единогласно рассматривалась как один из лучших источников информации о личностной динамике» (Piero Porcelli et. al., «*Mirroring Activity in the Brain and Movement Determinant in the Rorschach Test*», *JPA* 95.5 [2013]: 444, с цитатами нескольких примеров из прошлых десятилетий). Книга Акавия — первая, которая помещает идеи Роршаха о движении в их богатый культурный контекст, связывая их не только с Блейлером, Фрейдом, Юнгом и ранними психиатрами кататонии, но также с футуризмом, экспрессионизмом и «Ритмической гимнастикой» Эмиля Жака-Далькроза, швейцарской системой обучения музыке посредством движения.

В начале 1990-х годов: Исследование зеркальных нейронов — Marco Iacoboni, *Mirroring People: The New Science of How We Connect to Others* (New York: Farrar, Straus and Giroux, 2009). В число скептических точек зрения входят Christian Jarrett, «*Mirror Neurons: The Most Hyped Concept in Neuroscience?*», *Psychology Today*, 10 декабря 2012 и Alison Gopnik, «*Cells That Read Minds? What the Myth of Mirror Neurons Gets Wrong About the Human Brain*», *Slate*, 26 апреля 2007, которые пишут: «Зеркальные нейроны стали "левым и правым полушариями XXI века"… Догадка, что мы глубоко и особенным образом связаны с другими людьми, безусловно, верна. И нет сомнений в том, что всё, связаное с нашим опытом, связано и с нашим мозгом (это, конечно, не из-за наших больших пальцев или мочек ушей). Но это нечто большее, чем просто красивая метафора, в которой говорится, что зеркальные нейроны сводят нас вместе». Актуальные на 2012 год взгляды ведущих фигур дебатов собраны в: Ben Thomas, «*What's So Special About Mirror Neurons?*», *Scientific American Blog*, 6 ноября 2012.

связала их и с тестом Роршаха: L. Giromini et. al., *The Feeling of Movement: EEG Evidence for Mirroring Activity During the Observations of Static, Ambiguous Stimuli in the Rorschach Cards, Biologi-*

cal Psychology 85.2 (2010): 233–241. Роберт Вишер в 1871 году уже выделил многие явления, которые можно было объяснить активностью зеркальных нейронов: «Мы перенимаем или повторяем выражение лица, которое видим»; «Существует реальная и близкая связь между прикосновением и видением... ребенок учится видеть, прикасаясь».

дальнейшие исследования теста Роршаха: J. A. Pineda et. al., «*Mu Suppression and Human Movement Responses to the Rorschach Test*», *NeuroReport* 22.5 (2011): 223–226; Porcelli et. al., «*Mirroring Activity*»; A. Ando et. al., «*Embodied Simulation and Ambiguous Stimuli: The Role of the Mirror Neuron System*», *Brain Research* 1629 (2015): 135–42, все работы доступны на интернет-странице Библиотеки Р-СОЭ.

остается предметом споров: Одна критическая позиция соавтора книги «Что не так с тестом Роршаха?» получила позитивную оценку от одного из создателей Р-СОЭ: Sally L. Satel, Scott O. Lilienfeld, *Brainwashed: The Seductive Appeal of Mindless Neuroscience* (New York: Basic Books, 2013); Dumitrascu, Mihura, рецензия на Satel, Lilienfeld, *Brainwashed*, в *Rorschachiana* 36.1 (2015): 404–406.

Другие недавние эксперименты: Iacoboni, *Mirroring People*, 145 и далее.

Эмпатия в последние годы обсуждалась даже больше: в книге Саймона Барон-Коэна *The Science of Evil* (New York: Basic Books, 2011) высказано предположение, что понятие зла должно быть заменено термином «испорченность эмпатии». См. также Jon Ronson, *The Psychopath Test* (New York: Riverhead, 2011); Leslie Jamison, *The Empathy Exams* (Minneapolis: Graywolf Press, 2014).

Пол Блум: «The Baby in the Well», *New Yorker*, 20 мая 2013 и «*Against Empathy*», *Boston Review*, 10 сентября 2014, www.bostonreview.net/forum/paul-bloom-against-empathy, интернет-обсуждение с ответами от Лесли Джемисон, Саймона Барона-Коэна, Питера Сингера и других.

Работа Стивена Финна: Finn, «*The Many Faces of Empathy in Experiential, Person-Centered, Collaborative Assessment*», *JPA* 91.1 (2009): 20–23. Это было эссе, посвященное Полу Лернеру, который первым стал использовать тест Роршаха в психиатрии и сам рассматривал эмпатию как «сердце» процесса психологического исследования.

Глава 24. Тест Роршаха — это не тест Роршаха

обратился к доктору Рэндаллу Феррису: Имя и характерные черты изменены.

Ирена Минковска, художница: *WSI*. Она сказала, что другие пятна «живые».

Франциска Минковска, еще одна подруга четы Роршах: после работы под началом Блейлера в Цюрихе и написания важного исследования о шизофрении она обратилась к тесту Роршаха, разработав собственную, интуитивную и основанную на эмоциях систему (*Le Rorschach: À la recherche du monde des formes* [Bruges: De Brouwer, 1956]). Воспоминания ее шурина содержат подробности о том, как она выживала в оккупированном нацистами Париже, будучи польской еврейкой, вынужденной каждый день с желтой звездой на одежде идти по улицам в больницу, где она проводила тест Роршаха с эпилептиками и детьми. Она применяла свой собственный метод прямого эмоционального взаимопонимания и сочувствия... Наряду с подсчетами и количественным толкованием ответов в соответствии с классическим методом Роршаха Минковска обращала внимание на то, как испытуемый вытаскивает карточку, как он держит ее и двигает, а также на его речь, на построение предложений, время использованных слов (прошедшее, настоящее или будущее), на смену реакций и поведения в процессе теста — и делала выводы исходя из всех этих элементов». По воспоминаниям ее вдовца, «она всегда с благоговением относилась к идеям Роршаха, его выдающемуся пониманию того, как нужно изучать мир визуальных форм, и была глубоко убеждена в том, что остается верной его наследию» (*Mieczyslav Minkovski, Schweizer Archiv für Neurologie und Psychiatrie* 68 [1952]: 413; *Eugène Minkovski*, разговор в Бургхёльцли 26 января 1951 года, в *Dr. Françoise Minkowska: In Memoriam* [Paris: Beresniak, 1951], 58–74, 71).

люди часто боятся отвечать на цветные карточки: Шахтель предполагал, что это столь же сильно связано с «внезапной неожиданной переменой в тесте, как и с цветом как таковым» (*Experiential Foundations*, 48).

По словам Вуда (153–54, 289, 36–37), «Идея цветового шока начала сходить на нет» в 1949 году. Несколько других исследований 1950-х годах дискредитировали это понятие. Цветовой шок «продемонстрировал свою бесполезность», был признан «невпечатляющей» и «в целом унылой» концепцией, заключает он, цитируя издание руководства Экснера 1993 года. Экснер на процитированной странице на самом деле обращался к точке зрения, заданной Роршахом, что Цветовые ответы связаны с эмоциональными реакциями. «К сожалению, большинство споров фокусируется не на истинной сути проблемы, а скорее на концепции цветового шока». Исследования эмоционально-цветовой теории в целом, заявлял Экснер, «приходили к выводам, поддерживающим эту концепцию» (*ExCS*, 421; см. также обзор исследования от 1999 года: Helge

Malmgren, «*Colour Shock: Does It Exist, and Does It Depend on Colour?*», captainmnemo.se/ro/hhrotex/rotexcolour.pdf.

Длинный очерк: Gamboni.

шоу «Изобретая абстракцию»: эссе Peter Galison, «*Concrete Abstraction*» в *Inventing Abstraction*, 1910–1925*: How a Radical Idea Changed Modern Art*, ed. Leah Dickerman (*New York: Museum of Modern Art*, 2012), 350–57. Он является автором «*Image of Self*» и одним из организаторов прошедшей в 2012 году в Гарвардском научном центре выставки «Рентгеновские лучи души» («*X-Rays of the Soul*»), связавшей чернильные пятна в психологии с их ролью в культуре.

бесчисленное множество визуальных взаимосвязей: Исследования чернильных пятен процветают и в других областях за пределами науки. Вышедшая в 2011 году превосходная книга о пятнах Юстинуса Кернера (Friedrich Weltzien, *Fleck —Das Bild der Selbsttätigkeit*) связывает заявление Кернера о том, что его пятна пришли из другого мира, с идеей, что нечто может создать само себя. Последняя была центральной для философии XIX века применительно к самым разным дисциплинам: фотография как «картинка, создающая сама себя»; инструменты, самостоятельно региструющие данные (например сейсмографы); индустриальная автоматизация (мечта о самоупаковывающихся продуктах), а также ее темный двойник — автоматика, вышедшая из-под контроля (написанная в 1797 году сказка «Ученик чародея»). Эволюция была теорией «жизненной силы». У Гегеля мир-дух развертывался во времени, и эта идея была переработана Шопенгауером (его представления о стремлении) и Ницше (стремление к власти).

«место, где мозг встречается с космосом»: процитировано Полом Кли и Морисом Мерло-Понти («*Eye and Mind*» в *The Primacy of Perception* [*Evanston, IL: Northwestern University Press*, 1964], 180).

приблизительно 85 %: Stephen Apkon, *The Age of the Image: Redefining Literacy in a World of Screens* (New York: Farrar, Straus and Giroux, 2013), 75, источник информации не указан.

«отрицательным пространством в нашем вербальном тесте Роршаха»: Christian Rudder, *Dataclysm: Who We Are When We Think No One's Looking* (New York: Crown, 2014), 158–69.

Барак Обама: процитировано Питером Бейкером в опубликованной после выборов статье «*Whose President Is He Anyway?*», New York Times, 15 ноября 2008. Бейкер продолжает: «О том, что речь шла именно о тесте Роршаха, возможно, к концу кампании и забыли, но что речь шла о тесте — нет».

метафора сменила акцент: Douglas Preston, «*The El Dorado Machine*», *New Yorker*, 6 мая 2013; Lauren Tabach-Bank, «*Jeff Gold-*

blum, Star of the Off-Broadway Play 'Domesticated'», T Magazine, New York Times, 18 декабря 2013.

«многие люди проводят тест Роршаха неправильно»: Кэролайн Хилл (псевдоним), интервью, январь 2014.

условно-досрочное освобождение: «*I Think It's Time We Broke for Lunch...», Economist*, 14 апреля 2011; Binyamin Appelbaum, «*Up for Parole? Better Hope You're First on the Docket», Economix* (блог *New York Times*), 14 апреля 2011, economix.blogs.nytimes.com/2011/04/14/time-and-judgment.

И наконец, карточка I: Gary Klien, «*Girl Gets $8 Million in Marin Molest Case», Marin Independent Journal*, 12 августа 2006; Peter Fimrite, «*Teen Gets $8.4 Million in Alleged Abuse Case», San Francisco Chronicle*, 12 августа 2006; Доктор Робин Пресс и Бася Камински, личное общение, 2015.

клинические мнения в повседневной речи: Gacone, Evans, *Handbook*, 7.

Приложение

После смерти Германа Роршаха: Blum/Witschi, 72–83.

заработал на тесте всего двадцать пять франков: Ellenberger, 194.

Развитие Германа Роршаха: Вторая часть Olga R., © 1965, Verlag Hans Huber Bern. Переведено и включено в настоящую книгу с любезного разрешения издательства Hogrefe Verlag Bern.

Иллюстрации

Чернильные пятна из теста Роршаха воспроизведены по первому изданию 1921 года. Набор был воссоздан на желтой бумаге и передан Германом Роршахом Гансу Бену-Эшенбургу; он хранится в архиве Вольфганга Шварца и используется с разрешения.

Все прочие изображения, не вошедшие в нижеследующий список, взяты из Архива и коллекции Германа Роршаха (Университетская библиотека Берна, Швейцария) и использованы с разрешения Архива. Многие продублированы в архиве Вольфганга Шварца, ныне включенном в Архив Германа Роршаха.

стр. 38: Рисунки 70 и 58 из 70 и 58 из Ernst Haeckel, *Kunstformen in Natur* (Leipzig and Vienna, 1904), гравюры Адольфа Гильтша на основе рисунков Геккеля.

стр. 68–70, 111, 317: Воспроизведено из фотоальбома (StATG 9'10 1.7) в Государственном архиве Фрауэнфельда, кантон Тургау, Швейцария.

стр. 92: Юстинус Кернер, из посмертно опубликованной книги *Klecksographien* (Штутгарт, 1890).

стр. 119: Вильгельм Буш, «*Forte vivace*» и «*Fortissimo vivacissimo*» из *Der Virtuos: Ein Neujahrskonzert* (Мюнхен, 1865).

стр. 119: Джакомо Балла (итальянец, 1871–1958). *Dinamismo di un cane al guinzaglio* (*Dynamism of a Dog on a Leash*), 1912. Холст, масло, 35⅜ x 43¼ дюймов. Коллекция Albright-Knox Art Gallery; Посмертное наследие А.Конгера Гудиера и подарок Джорджа Ф. Гудиера, 1964 (1964:16). © 2016 Artists Rights Society (ARS), New York/ SIAE, Rome. Фото Тома Лунана.

стр. 260: Фигуры 2, 3, 5 и 6 из эссе Рудольфа Арнхейма «*Perceptual Analysis of a Rorschach Card*» (1953) в *Toward a Psychology of Art* (University of California Press, paperback 1972), 92–94. © University of California Press.

стр. 341: © Can Stock Photo Inc.

Карточки на с. 6 цветной вклейки: Фигуры 3 и 4 из M. Bleuler and R. Bleuler, «*Rorschach's Ink-Blot Test and Racial Psychology: Mental Peculiarities of Moroccans*», *Journal of Personality* 4.2 (1935): 97–114. © John Wiley & Sons, Inc. Перепечатано с разрешения.

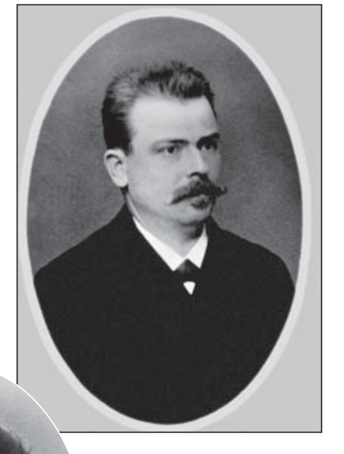
Герман Роршах в возрасте полутора лет. 1886 год.

В возрасте 6 лет в швейцарском народном костюме.1891 год.

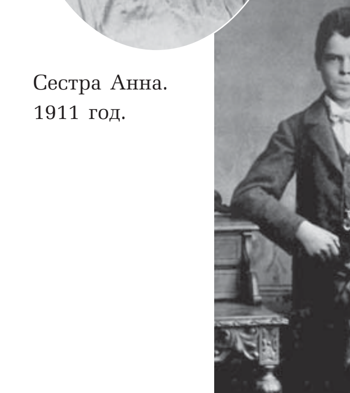

Студент-медик 21 года. 1905 год.

Родители Роршаха — Ульрих и Филиппина.

Сестра Анна.
1911 год.

Герман, Анна, Пауль, Ульрих и мачеха Регина.
Ок. 1899 года, когда Ульрих повторно женился.

Жизнь в «Скафузии» (1901 год): Герман — второй справа.

Рожки, глиняные бокалы для пива, шпаги и перевязи: Герман — третий справа в галстуке-бабочке темного цвета и с книгой в руке.

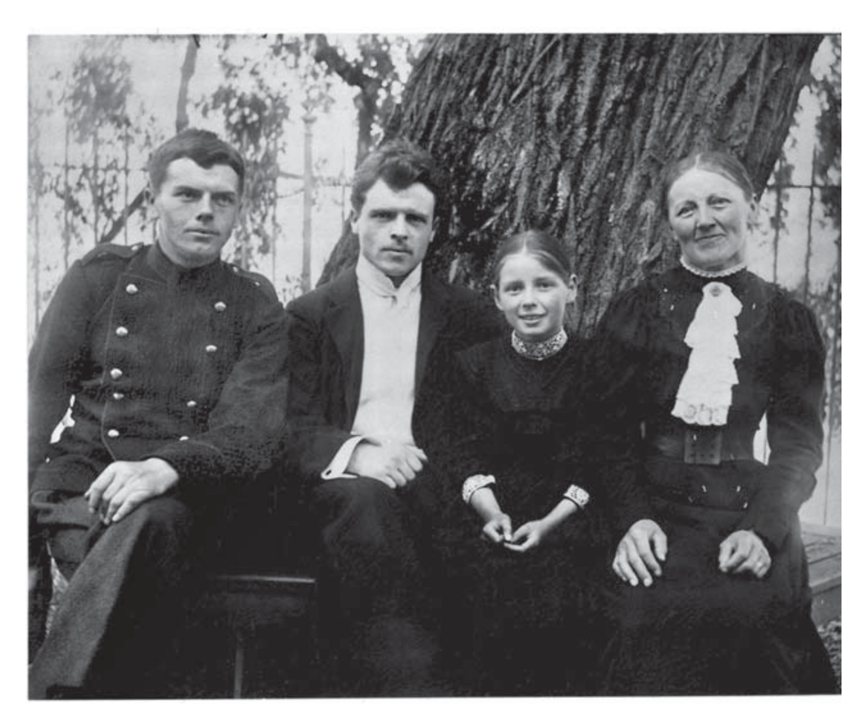
Ольга в Цюрихе в возрасте примерно 27 лет. Ок. 1905 года.

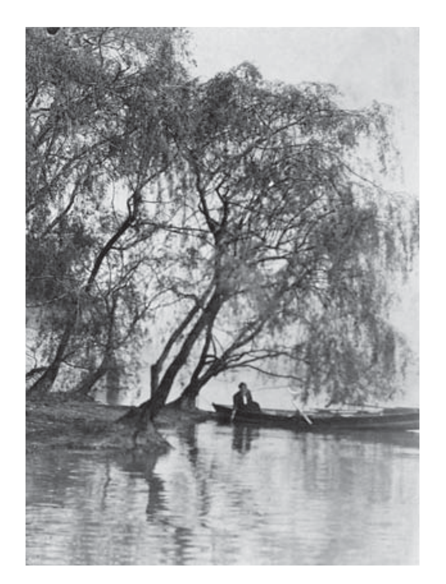
Цюрих. Ок. 1906–1908 года.

Свадебный портрет семьи Роршах. Май 1910 года.

Павел (Пауль), Герман, Регинели и Регина в Мюнстерлингене. Ок. 1911 года.

Сцены из Мюнстерлингена. Фотографии сделаны Германом Роршахом около 1911–1912 годах.

На заднем плане виден дом, в котором жила семья Роршах.

Обезьянка Роршаха. Он назвал зверя Фиппс — в честь персонажа книги Вильгельма Буша «Обезьянка Фиппс».

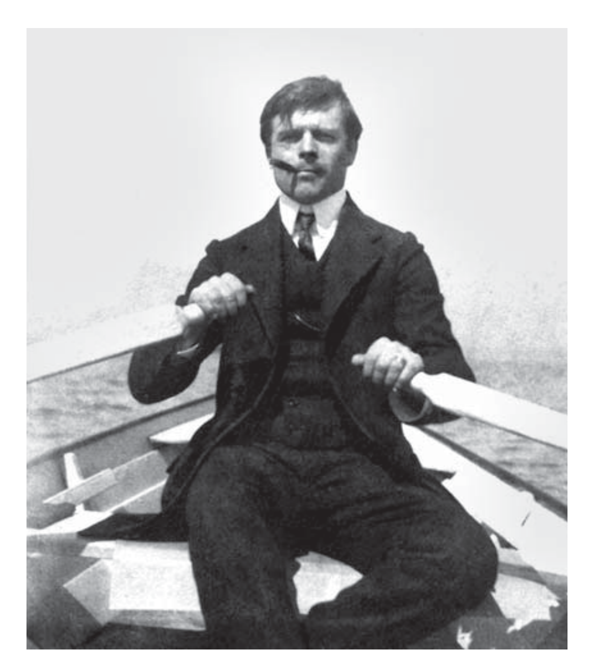
Ольга и Герман в цыганских костюмах и с новой гитарой Ольги. Рождество 1910 года.

Герман с дочерью Лизой на руках. 1918 год.

Кабинет Германа в квартире в Геризау. Хозяин с сигаретой в руке. 1920 год.

В лодке на озере Констанс. Ок. 1920 года.

Во врем пешей прогулки в окрестностях горы Зентис. Сентябрь 1918 года.

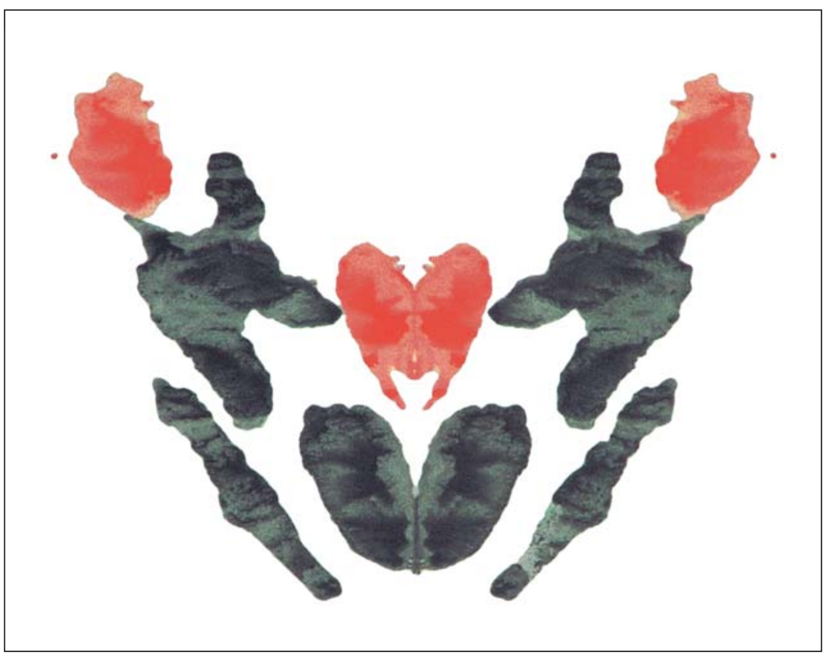

Герман, Лиза и Вадим. Лето 1921 года.

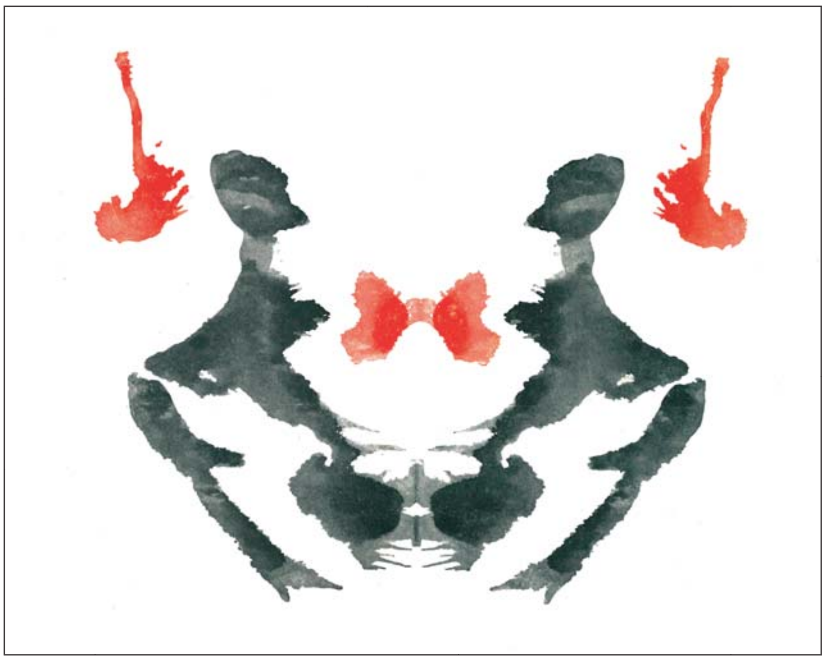

Ольга, Вадим и Лиза. 1923 год.

Черновые варианты карточки III

Окончательные и рабочие варианты карточки III

Чернильный рисунок, созданный Роршахом для работы с Конрадом Герингом в 1911–1912 годах. Пометки об интерпретации сделаны красным (вероятно, это ответы студентов Геринга, отмеченные его рукой). *Слева:* «Балканский полуостров» (с белым разрывом, вверх ногами), окруженный «Адриатическим», «Эгейским» и «Черным» морями; «языки», «голова лошади», «остров Рюген». *Справа:* «мультяшная собака», «мальчик на коньке-качалке», «мышь», «перчатка».

Дополнительный цветовой тест. См. стр. 148.

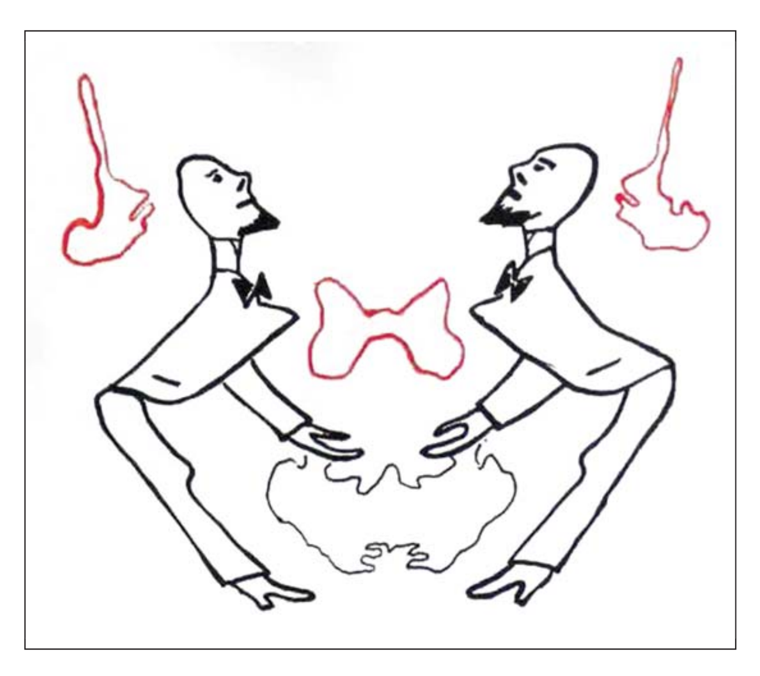
Рисунок Роршаха, запечатлевший его квартиру. 1918 год.
Маленькая Лиза играет с игрушками, в том числе деревянными зверями, сделанными отцом. Некоторые картины намеренно висят низко от пола, чтобы ребенок мог смотреть на них.

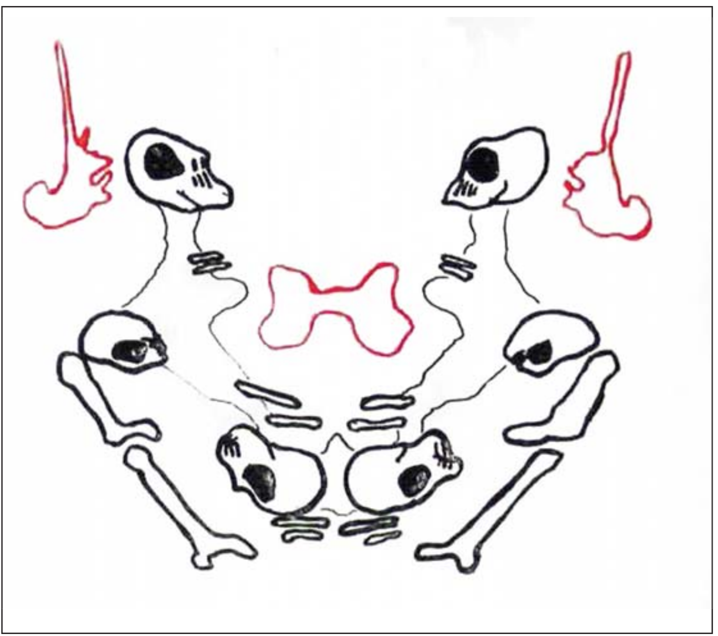

Так Герман описал жизнь с младенцем Лизой.
Слева сверху: «Это всегда работает»;
справа сверху: «Отправляемся в путешествие»;
слева снизу: судя по всему, Герман делает пометки о реакции ребенка на куклу, которая также заметна над кроваткой на рисунке сверху в центре.

Рисунок к первому дню рождения Лизы.

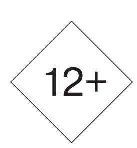
Из статьи Манфреда Блейлера о тестах марокканских подопечных. *Сверху:* типичная европейская интерпретация карточки III. *Снизу:* типичная марокканская интерпретация — несообщающиеся части скелета, кладбище.

Нарисованная Роршахом программа масленицы в Мюнстерлингене. 1911 год. Автор — в костюме волшебника с тормозной скобой в руках вместо волшебной палочки. Изящная леди с сумочкой рядом — Ольга. В левом верхнем углу — Павел (Пауль) Соколов, другой помощник врача в лечебнице.

Роршах в костюме волшебника со тормозной скобой в руках в своей квартире.

СОДЕРЖАНИЕ

Серия «Психология и психика»

Дэмион Сирлз
Тест Роршаха. Герман Роршах, его тест и сила видения

Перевод с английского Антона Вильготского

Заведующая редакцией *Юлия Данник*
Ответственный редактор *Ольга Лазуткина*
Редактор *Виктория Карева, Ирина Голубева*
Оформление обложки *Ольга Жукова*
Корректор *Татьяна Смирнова, Серафима Довгань*
Компьютерная верстка *Юлия Анищенко*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008): 58.11.1 — книги и брошюры

Изготовитель: ООО «Издательство АСТ»
Изготовлено в 2020 г. в Российской Федерации

Подписано в печать 10.07.2020
Формат 60x90 1/16. Усл. печ. л. 29
Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура ZapfElliptical711 BT
Тираж 2000 экз. Заказ

ООО «Издательство АСТ»
129085, РФ, г. Москва, Звездный бульвар, дом 21, стр. 1, комната 705, пом. I

Адрес нашего сайта: www.ast.ru
E-mail: ogiz@ast.ru

Изготовитель: ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звёздный бульвар, дом 21, строение 1, комната 705, пом. I, 7 этаж.
Наш электронный адрес: www.ast.ru
https://vk.com/janry_ast
https://www.facebook.com/Janry.AST/

«Баспа Аста» деген ООО
129085, г. Мәскеу, Жұлдызды гүлзар, д. 21, 1 құрылым, 705 бөлме, пом. 1, 7-қабат
Біздің электрондық мекенжаймыз : www.ast.ru

Интернет-магазин: www.book24.kz
Интернет-дүкен: www.book24.kz
Импортер в Республику Казахстан и Представитель по приему претензий
в Республике Казахстан — ТОО РДЦ Алматы, г. Алматы.
Қазақстан Республикасына импорттаушы және Қазақстан Республикасында
наразылықтарды қабылдау бойынша өкіл «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы
қ.,Домбровский көш., 3«а», Б литері офис 1. Тел.: 8(727) 2 51 59 90,91
факс: 8 (727) 251 59 92 ішкі 107;
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz , www.book24.kz Тауар белгісі: «АСТ»
Өндірілген жылы: 2020
Өнімнің жарамдылық; мерзімі шектелмеген.